

Министерство культуры Хабаровского края
Дальневосточная государственная научная библиотека

**Владимир Клавдиевич
Арсеньев**

ИЗБРАННОЕ

150-летию со дня рождения
посвящается

Хабаровск
2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6-44
А 853

Арсеньев, В. К.

А 853 Избранное / В. К. Арсеньев. — Хабаровск: КГБНУК «Дальневосточная государственная научная библиотека», 2022. — 464 с.: ил.
ISBN 978-5-88570-466-3

Книга издана при поддержке
общероссийской общественной организации «Деловая Россия» в лице:
*Африкановой Натальи Викторовны,
Белокопытова Алексея Владимировича, Безверхова Андрея Викторовича,
Волкова Александра Вадимовича, Грося Дениса Алексеевича,
Данильченко Александра Семеновича, Карпова Владимира Геннадьевича,
Ким Александры Владимировны, Куземы Максима Александровича,
Радинского Ярослава Васильевича, Туровца Виталия Витальевича*

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6-44

Предисловие

В фондах крупнейшей на Дальнем Востоке библиотеки хранится более четырёх миллионов книг, в том числе более 29 тыс. экземпляров редких и ценных изданий. Но одна из жемчужин этого собрания — коллекция прижизненных изданий Владимира Клавдиевича Арсеньева с его автографами.

В конце XIX века молодой офицер приехал на восточную окраину Российской империи, полюбил этот край и отдал его изучению 30 лет своей жизни.

За годы путешествий по Дальнему Востоку Владимир Клавдиевич посетил и описал множество труднодоступных мест Уссурийского края, Сахалина, Камчатки, Командорских островов и других не изведанных до той поры территорий.

Верхом, вплавь, а чаще пешком, иногда в сопровождении нескольких верных спутников, а иногда в одиночку Арсеньев вдоль и поперёк исходил дремучую уссурийскую тайгу.

Одним из первых он спустился в кратер Авачинского вулкана на Камчатке, прошёл зимой по безлюдной тундре и рассказал об удивительном умении своих спутников-эвенков находить дорогу в снежной пустыне.

Из каждой экспедиции он привозил бесценные экспонаты: гербарии, фотографии, коллекции минералов, предметы быта коренных жителей Дальнего Востока, которые легли в основу собраний Хабаровского и Приморского краеведческих музеев.

На собранные Арсеньевым сведения до сих пор опираются этнографы, биологи, геологи, археологи, да и просто путешественники, открывающие для себя наш суровый, но прекрасный край.

Но сборник, изданный Дальневосточной государственной научной библиотекой, интересен не только любителям природы и приключений.

Это часть нашего наследия, замечательный пример литературы высшего качества, когда автор делится тем, что пережил сам. Более того, эти книги, собранные под обложкой единого издания, — связующее звено поколений.

Как отмечает Президент России Владимир Владимирович Путин: «Наша культура отражает всё разнообразие духовного, исторического наследия и традиций многонационального народа нашей страны, является одной из важнейших основ государства и общества, служит укреплению нашей сплочённости, формированию у юных граждан чувства понимания Родины».

Эти слова в полной мере можно отнести к прозе Владимира Клавдиевича.

И сегодня благодаря этому изданию Дальневосточной государственной научной библиотеки у вас есть уникальная возможность приобщиться к исследованиям и размышлениям нашего великого земляка.

Желаю вам приятного и полезного чтения!

Веры, надежды и любви.

Ведь любовь к России и Хабаровскому краю — это то, что нас объединяет.

A handwritten signature in blue ink, which appears to be 'Михаил Дегтярёв'. The signature is stylized and written in a cursive-like font.

*Губернатор Хабаровского края
Михаил Дегтярёв*

Обращение к читателям

Дальневосточная государственная научная библиотека подготовила сборник избранных материалов писателя, исследователя Дальнего Востока и учёного с мировым именем Владимира Клавдиевича Арсеньева к 150-летию со дня его рождения. Все 12 публикаций научного и научно-популярного характера, включённые в книгу, были впервые изданы при жизни Владимира Клавдиевича. Они написаны на основе экспедиционных дневников и записок путешественника. Приморский журналист и исследователь жизни и творчества Арсеньева И. Н. Егорчев определил, что по итогам семи масштабных экспедиций по Дальнему Востоку, в которых участвовал В. К. Арсеньев, он внёс вклад в географию и этнографию, историю и археологию, зоологию и ботанику, краеведение и топонимику, гидрологию и метеорологию, охотоведение и статистику, геологию и картографию. Он также занимался лингвистикой, проблемами народонаселения и миграции, способствовал развитию образования и музейного дела на Дальнем Востоке.

В своих профессиональных поездках, походах и экспедициях, занимаясь комплексным изучением районов Дальнего Востока, В. К. Арсеньев всегда вёл путевые дневники. В них были не только научные записи для будущих отчётов экспедиции, но и заметки о природе и людях, с которыми он общался, размышления об отношениях между людьми и взаимодействии их с природой. Путевые заметки самой разнообразной тематики, написанные по материалам рабочих дневников, публиковались в газетах. В дальнейшем Арсеньев стал издавать их отдельными оттисками в виде небольших научно-популярных брошюр по этнографии, экономике, статистике, географии... Связующей нитью изданий было то, что все они, по большому счёту, рассказывают о богатой дальневосточной природе и прекрасных людях, населяющих эти края. Тиражи этих книжек были небольшими, и они никогда не переиздавались отдельными выпусками, поэтому были малодоступны читателям. ДВГНБ предприняла попытку подготовить тематический сборник, который представляет Арсеньева как учёного и популяризатора научных сведений о Дальнем Востоке. Он будет интересен не только тем, кто увлечён творчеством Арсеньева как писателя, но и тем, кто хочет знать, что привнёс Владимир Клавдиевич в изучение Дальнего Востока России за тридцать лет путешествий по неисследованным районам.

В книгу включено 12 публикаций. Это очерки по этнографии и рассказы о путешествиях и экспедициях по Дальнему Востоку: «Китайцы в Уссурийском крае» (Хабаровск, 1914), «Этнологические проблемы на востоке Сибири» (1916), «Лесные люди удэгейцы» (1926), «Быт и характер народностей Дальневосточного края» (1928), «Вымирание инородцев Амурского края» (1914), «Искатели женьшеня в Уссурийском крае» (1925), «Тихоокеанский морж» (1927), «За соболями: скупщики пушнины на Дальнем Востоке» (1925), «Дорогой хищник. Охота на соболя в Уссурийском крае» (1925), «Командорские острова» (1923), «В кратере вулкана» (1925), «Ледниковый период» (1929).

К числу первых этнографических исследований Арсеньева относится монография **«Китайцы в Уссурийском крае»** (1914) — историко-этнографический очерк, посвящённый изучению китайского населения, проживающего в Южно-Уссурийском крае. Интерес к этой теме возник у В. К. Арсеньева во время командировок от Приамурского отдела Императорского Русского географического общества для исследований центральной части горной области Сихотэ-Алиня, где он изучал орочей-удэхе, жизнь которых была тесно связана с жизнью китайцев.

Арсеньев отметил, что уссурийские китайцы во многом отличаются от своих соотечественников, живущих в Китайской империи. На эти отличительные черты в организации морских промыслов, звероловства, в поисках женьшеня и обращает внимание В. К. Арсеньев в своей работе. Опровергая распространённое и необоснованное мнение, что китайцы владели Уссурийским краем с незапамятных времён, он подчёркивает, ссылаясь на исторические данные многих авторов, что китайцы в Уссурийском крае появились совсем недавно.

«**Этнологические проблемы на востоке Сибири**» (сообщение, прочитанное В. К. Арсеньевым в Обществе русских ориенталистов в Харбине 13 июня 1916 года) — это историко-этнографический очерк, в котором В. К. Арсеньев рассматривает этнические процессы, сформировавшие народонаселение на Востоке России. Опираясь на особенности языков и этнографические признаки народов, населяющих Маньчжурию, Приамурье, Приморье, народов, осевших на Сахалине, Камчатке, Чукотском полуострове и т. д., Арсеньев высказывает предположение, каким путём шло формирование коренного населения на Востоке России. Научная ценность этой работы состоит в том, что в ней В. К. Арсеньев впервые рассматривает удэгейцев как самостоятельную этническую группу, проведя сравнительный анализ этнографических признаков удэгейцев и орочей.

Большой интерес среди врачей и общественности Приамурья вызвал доклад В. К. Арсеньева на Съезде врачей в 1913 году в Хабаровске. Ввиду своей злободневности лекция «**Вымирание инородцев Амурского края**», прочитанная «директором Гродековского музея В. К. Арсеньевым в г. Хабаровске», была опубликована в хабаровской газете «Приамурье», а затем отдельный оттиск её был отпечатан небольшим тиражом в типографии канцелярии Приамурского генерал-губернатора. В своём докладе В. К. Арсеньев указал на причины вымирания коренного населения Приамурья и предложил меры по устранению этой проблемы.

Вместе с этнографом и археологом Елпидифором Иннокентьевичем Титовым В. К. Арсеньев подготовил к изданию книгу «**Быт и характер народностей Дальневосточного края**» (1928). Эта совместная работа была первой и на тот момент единственной попыткой дать хозяйственно-бытовой очерк туземного и пришлого населения Дальневосточного края. В ней описана история появления на северных окраинах Российской империи белорусов, украинцев и русских, расселения здесь народов Восточной Азии и коренного туземного населения. В книге показаны четыре основные этнические группы населения Дальнего Востока в процессе хозяйственного освоения занятых территорий с учётом привычек и традиций тех мест, из которых поселенцы прибыли.

В основу очерка В. К. Арсеньева «**Командорские острова в 1923 году**» (Владивосток, 1923) легли материалы, привезённые из поездки на Командорские острова в 1923 году, и отчёт Арсеньева по отделу морских звериных промыслов при Дальрыбохоте, где в это время он служил заведующим подотделом охраны и надзора отдела рыболовства, специалистом по морским звериным промыслам. Очерк, дополненный служебным отчётом начальника островов Колтановского за 1923 год, даёт представление о географическом положении острова. В нём представлена характеристика его населения, изложены вопросы, связанные со снабжением жителей продовольствием и предметами первой необходимости, описан промысловый надзор за морскими котиками, местами обитания бобров и промыслом песца. Арсеньев предлагает мероприятия, которые необходимо провести в жизнь для улучшения благосостояния жителей на Командорах и в целях охраны пушного зверя.

Вопросам сохранения животного мира северных территорий Дальнего Востока посвящена и публикация Арсеньева «**Тихоокеанский морж**» (1927).

Автор описывает моржа как биологический вид, его внешность, поведение и места обитания в районе Камчатки и на побережье Чукотско-Анадырского края. Арсеньевым было описано 17 лежищ моржей с указанием, какие из них действующие, а какие угасшие по причине истребления американскими «хищниками». Интересны подробности

разных видов добычи моржей и использования всех частей добытого животного туземным населением. В заключение автор предупреждает всех охотников за моржами об опасностях, которые подстерегают их во время охоты в зимнем море.

Не меньше трагических историй случается и в жизни китайских корневщиков, которых в тайге поджидает опасность как со стороны диких животных, так и от двуногих хищников, подстерегающих искателей женьшеня с их добычей. Об этом Арсеньев пишет в очерке **«Искатели женьшеня в Уссурийском крае»** (1925). В нём приводится описание реликтового растения женьшень как биологического вида, рассказывается, как выглядит его корень, описываются горы Хехцира — места расселения женьшеня. Для желающих заняться искусственным выращиванием целебного корня автор публикует подробную инструкцию, указывая на все тонкости, которые необходимо выполнить, чтобы получить нужный результат, а также даёт советы правильного приёма лекарства из женьшеня. В текст очерка включены несколько лирических легенд о корне жизни — женьшене.

Доклад **«Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири»**, впервые прочитанный Арсеньевым в 1925 году, а опубликованный только в 1929-м, расценивается специалистами как «работа зрелого учёного, известный нам итог его научного роста» (археолог Д. Л. Бродянский). В этом исследовании В. К. Арсеньев высказал несколько гипотез и предположений. В частности, связанных с палеонтологическими находками на Камчатке и Командорских островах костей ископаемых мамонтов, зубров, первобытных быков и носорогов. Изучая повреждения на костях ископаемых животных, Арсеньев делает вывод, что в то же время здесь жили и люди, а Аляска была соединена с Азией в районе Берингова пролива. Уже в те давние годы В. К. Арсеньев высказывал современный взгляд на роль древней Берингии и пути заселения Америки. Изучая остатки субтропической флоры и фауны в Уссурийском крае и в долине Амура, Арсеньев пришёл к выводу, что на этих территориях не было оледенения.

Несомненный интерес у туристов и любителей путешествий вызовет книжка Арсеньева **«В кратере вулкана»** (1925), в которой описана экспедиция на камчатский Авачинский вулкан 4 августа 1923 года. В ней В. К. Арсеньев приводит перечень всех десяти зафиксированных извержений вулкана с 1737 года с описанием некоторых из них и подробно рассказывает о продвижении группы из семи человек к вершине вулкана, опасном спуске в кратер и обратной дороге в лагерь. В книжке есть приложение «Опыт экскурсанта», где даны практические советы для путешественников, готовящихся к восхождению на Авачинский вулкан: предупреждения о возможных рисках и опасностях, которые подстерегают туриста, полезные советы и подробные рекомендации по предварительной подготовке к походу.

Все включённые в сборник книги, статьи, очерки, лекции, доклады представляют несомненный научный интерес. Они дают уникальную возможность познать историю освоения родного края, рассказанную нам мудрым и талантливым человеком. Ценным дополнением к текстам сборника служат карты маршрутов Арсеньева, таблицы научных исследований, обложки его книг, фотографии с изображением представителей коренных малочисленных народов Дальнего Востока, тех инородцев, с которыми общался В. К. Арсеньев.

В фондах Дальневосточной государственной научной библиотеки бережно хранятся все печатные издания В. К. Арсеньева. Первые прижизненные книги писателя и книги с его автографами находятся на особом режиме хранения и имеют электронные копии. Полные тексты книг представлены для пользователей на сайте ДВГНБ и записаны на электронные диски. Все виды изданий книг В. К. Арсеньева — и печатные, и электронные — пользуются популярностью у читателей. И это понятно. Книги, в которых так полно создан образ Дальнего Востока и запечатлена его природа, учат любви к родной природе и земле, на которой мы живём.

*Т. В. Кирпиченко,
главный библиотекарь ДВГНБ,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации*

В. К. Арсеньев позирует в удэгейском костюме с копьём среди коллекции Гродековского музея. Хабаровск, 1910 год

Владимир Клавдиевич Арсеньев

В. К. Арсеньев и его друг, Корпуса военных топографов капитан А. Ф. Ахметьев (предположительно) на пикнике. Лето 1910 года

Члены Совета Приамурского отдела ИРГО.

Нижний ряд: директор Гродековского музея капитан В. К. Арсеньев, полковник Д. П. Мартьянов, председатель Отдела генерал-майор С. Н. Ванков, директор Николаевской публичной библиотеки — Генерального штаба полковник Р. И. Термен, М. С. Веденский, казначей Отдела А. А. Волоцкой; верхний ряд: Н. А. Десулави, Н. Н. Червянский, Л. И. Звездин, А. Н. Аристов (член Отдела), правитель дел Отдела подполковник в отставке А. М. Бодиско.

Хабаровск. Весна 1912 года

В. К. Арсеньев показывает на карте свои маршруты членам Совета Приамурского отдела ИРГО. Слева направо: полковник Б. А. Стерлигов, правитель дел Отдела и директор Николаевской публичной библиотеки Л. И. Звездин, М. С. Веденский (сидит), председатель Отдела генерал-майор С. Н. Ванков, Н. А. Десулави, директор Гродековского музея подполковник В. К. Арсеньев, полковник Д. П. Мартьянов, казначей Отдела А. А. Волоцкой (сидит), П. И. Алексеевский, Н. Н. Червянский. Хабаровск, 1913 год

*Подполковник В. К. Арсеньев.
Хабаровск, 1914–1917 годы*

*А. Н. Свирин, А. К. Арсеньева, В. К. Арсеньев, Н. А. Михельсон
и П. А. Михельсон. Хабаровск, 1914 год*

*Члены этнографического кружка, созданного В. К. Арсеньевым.
Верхний ряд: В. К. Арсеньев, А. Н. Свирин, К. А. Гомоюнов;
нижний ряд: М. К. Азадовский, В. С. Лопатина, И. А. Лопатин. Хабаровск, 1914 год*

Подполковник В. К. Арсеньев с учителями. Хабаровск, 1914–1917 годы

В. К. Арсеньев с группой гимназисток после экскурсии по музею (предположительно)

*В. К. Арсеньев (второй слева в нижнем ряду) на экскурсии
в окрестностях Владивостока. 1922 год*

*Первый съезд по изучению Уссурийского края в естественно-историческом отношении,
в организации которого принимал участие В. К. Арсеньев. Арсеньев обозначен цифрой 4.
Никольск-Уссурийский, 18–23 апреля 1922 года*

*В. К. Арсеньев читает лекцию в Христианском союзе молодых людей (ХСМЛ). Владивосток, 1922 год. // ПСС. Т. 4. Кн. 1. Вкл. л. к с. 416; В. К. Арсеньев читает лекцию в Хабаровском музее. Хабаровск, 1922 год // Каталог фонда В. К. Арсеньева в Приморском государственном объединённом музее. — Владивосток, 2002. — С. 80, 31;
В. К. Арсеньев читает популярную лекцию. Хабаровск, 1922 год // Арсеньев. Биография в фотографиях. Альбом, Владивосток, 1997, с. 302.
(Описание к фотографии из разных источников)*

Сотрудники Управления рыбными и звериными промыслами Дальнего Востока («Дальрыба»).
В. К. Арсеньев — 4-й слева во втором ряду.
Владивосток, май 1923 года

*Директор Хабаровского музея В. К. Арсеньев со своими сотрудниками.
Нижний ряд: А. И. Кардаков (заведующий зоологическим отделом); средний ряд:
С. Я. Сизых (учёный секретарь), В. К. Арсеньев, А. Н. Толпегин (заведующий библиотекой),
Г. Е. Сольский (таксидермист-препаратор); верхний ряд: Н. Н. Лебединский (заведующий
канцелярией), Н. И. Богданова (Серк, Толпегина) (заведующая отделом этнографии).
Декабрь 1925 года*

*В. К. Арсеньев, художник и краевед С. И. Яковлев
и писатель Т. М. Борисов.
Владивосток, 11 мая 1927 года*

*В. К. Арсеньев в походном снаряжении среди участников экспедиции 1927 года
по маршруту Советская Гавань – Хабаровск*

*Разработка маршрута Приморской киноэкспедиции
во Владивостокском отделении Совкино:
слева направо: помощник режиссёра Э. Ф. Фельдман, режиссёр А. А. Литвинов,
В. К. Арсеньев, руководитель Далькинотреста Л. И. Прищепя, оператор П. М. Мершин.
Владивосток, 1928 год*

*Братья Арсеньевы: Владимир Клавдиевич, Анатолий Клавдиевич, Александр Клавдиевич.
Владивосток, апрель 1928 года*

В. К. Арсеньев в гостях у братьев Худяковых – первопоселенцев Приморского края. Слева направо: В. К. Арсеньев, Устин, Павел, Александр и Афанасий Леонтьевичи Худяковы

Слева направо: известный журналист М. Л. Поляновский, В. К. Арсеньев, П. М. Мершин, А. А. Литвинов. Владивосток, 1928 год

Одна из последних фотографий В. К. Арсеньева. Владивосток, 1930 год

2896

A853

В.К.АРСЕМЬЕВ и Е.И.ТИТОВ

IV

5152

**БЫТ и ХАРАКТЕР
НАРОДНОСТЕЙ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО
КРАЯ**

Охлопков.

„Книжное Дело“
ХАБАРОВСК-ВЛАДИВОСТОК

В. К. Арсеньев и Е. И. Титов

9896

1853

БЫТ И ХАРАКТЕР
НАРОДНОСТЕЙ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАЯ

С 54 рисунками в тексте

IV

5152

2070278 ✓

Хабаровская краевая
научная библиотека

„КНИЖНОЕ ДЕЛО“

ХАБАРОВСК — ВЛАДИВОСТОК

• 1928

371581

03

В. К. Арсеньев и Е. И. Титов

**Быт и характер
народностей
Дальневосточного края**

С 54 рисунками в тексте

«Книжное дело»
Хабаровск — Владивосток
1928

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема настоящей брошюры и размеры её заставили авторов пренебречь целым рядом этнографических данных, которые интересны не только сами по себе, но и имеют прямое отношение к затронутому вопросу. Так, в ней ничего не говорится ни о верованиях, ни о социальном строе, ни о языке, — взят только материал из области хозяйственного освоения населением занятых им территорий в связи с привычками и традициями по местам выходов из своей первоначальной родины.

В противовес неподвижности трудовых навыков природа страны производит давление на человека и заставляет его приспособляться к окружающей обстановке. Читатель увидит, как бытовые пережитки и хозяйственный консерватизм переплетаются с новым укладом жизни.

Тема очень обширная, а материал слишком велик, поэтому многое пришлось сократить, опустить целый ряд любопытных иллюстраций и часто просто резюмировать факты, известные по литературе вопроса, а также накопленные авторами в результате личной полевой этнографической работы в пределах русского Дальнего Востока.

Авторы

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Состав населения

С точки зрения хозяйственных форм, выявляемых той или иной народностью, всё население Восточной Сибири можно разделить на четыре основных группы:

1. Русские (великороссы, украинцы, белорусы и молдаване¹).
2. Культурные народы Восточной Азии (китайцы, корейцы, японцы).
3. Аборигены (тюрко-татары, тунгусо-маньчжуры и палеазиаты).
4. Метисы (забайкальские, камчадалы, местные жители Гижигинского уезда и бассейна Анадыря).

Эти четыре этнические группы, общей численностью 1 881 351 человек², расселены на пространстве в 2 647 500 кв. километров. Следовательно, на 1 кв. километр, в среднем, приходится 0,7 человека.

Более плотное население мы видим на границе русского Дальнего Востока с Китаем (1,4 человека) и наиболее редкое в Охотско-Камчатском и Чукотско-Анадырском крае (0,8 человека на 30 кв. километров).

Кроме перечисленных народностей, колонизовавших край, на ДВ имеются еще и другие, которые не занимают определённой территории, а как бы вкраплены отдельными семьями в основную массу великороссов, украинцев или туземцев. Чаще всего их можно встретить в Забайкалье, Амурской губернии и в Уссурийском крае. В приводимой ниже таблице они указаны в порядке убывающей численности³.

1. Поляки	10 715 чел.	6. Эстонцы	2 168 чел.
2. Евреи	7 829 »	7. Литовцы	1 824 »
3. Татары	5 978 »	8. Греки	571 »
4. Латыши	3 082 »	9. Цыгане	226 »
5. Немцы	2 220 »	10. Проч. неизв.	18 174 »
Итого: 52 787 человек ⁴ .			

Несмотря на устойчивость национальных черт, по своему незначительному численному составу они не могут играть сколько-нибудь видной роли в общей массе населения ДВК.

¹ Имеются в виду обрусевшие представители романской народности.

² См. Статист. Ведомости населения ДВК по национальностям за 1926 год.

³ Статистический справочник, издание Дальневосточ. обл. статистического управления, г. Хабаровск, 1925.

⁴ По переписи 1926 года значится 86 419.

Молдаване и финны

Под номером 10-м почти 19 000 значатся какие-то «прочие неизвестные национальности». Между тем как в этой таблице мы, к удивлению своему, не замечаем молдаван и финнов. Первые вышли из Бессарабии в 1906–1910 годах и расселились, главным образом, в Ольгинском уезде, Приморской губернии. Там есть целые деревни, населённые молдаванами, и одна даже (на реке Аввакумовке) носит название «Молдаванки». Вторые переселились в край в восьмидесятых годах и осели по берегам залива Петра Великого, променяв рыбный промысел на более выгодное в то время занятие — охоту за пантами. В число этих «прочих неизвестных», вероятно, и вошли финны и молдаване.

Было бы ошибочно думать, что все перечисленные выше большие и малые народности занимают резко обособленные территории, которые легко и удобно нанести на карту цветными красками. Если мы условно эти территории назовём планшетами и наложим их на места расселения, то увидим, что такие планшеты переслаиваются или частично заходят друг на друга, вследствие чего этнографическая карта получается мозаично-пёстрая.

РУССКИЕ

В голове этнической группы, названной «русскими», стоят великороссы, численностью в 953 750 душ обоего пола. Появление их на территории Дальнего Востока разновременное.

Великороссы

Сначала движение великороссов было направлено на Якутск (1632 год — основание Якутского острога), а оттуда уже, как по радиусам, они

Т. А. Калугин, старовер-этнолог из Анучино

двигались к Ламскому (Охотскому) морю и далее на Камчатку, к Ледовитому океану и на юг в Амурскую область, которую после Нерчинского трактата «россияне» должны были оставить. Вторичная колонизация нынешней Амурской губернии началась с 1858 года, после Айгунского договора с Китаем, а в следующем, 1859 году, мы уже застаём русские поселения и в Уссурийском крае.

Первые засельщики — великороссы — шли в Восточную Сибирь за свой страх и риск, но затем в начале 80-х годов прошлого столетия русское правительство вмешивается в это стихийное движение и начинает направлять колонистов на пароходах Добровольного фло-

та морем через Владивосток. Ещё раньше, с целью закрепления границы по левому берегу Амура и по правому — Уссури, были посажены переселённые из Забайкалья казаки. Когда же вновь приобретённые земли соединились со своей метрополией железной дорогой, явилась возможность вести колонизацию более успешно сухопутным. В особенности массовое переселение крестьян-землеробов произошло в период с 1906 по 1910 год.

Местами выходов великороссов были, по преимуществу, северные области Европейской России. Говоры русского старожильческого населения Сибири относятся, в основной своей массе, к северо-великорусской диалектической группе, и только небольшая часть старинного русского населения Сибири говорит по южно-русски, например, сибирские старообрядцы (семейские) за Байкалом (с примесью особенностей юго-западно-русских, малорусских и польских).

В настоящее время мы застаём великороссов, расселившихся более или менее плотной массой по южной приграничной полосе Забайкалья, по всему левому берегу Амура (особенно в низовьях рек Буреи и Зеи), по обе стороны нижнего Амура от г. Хабаровска до устья, затем по нижнему течению правых притоков Уссури, в Ханкайском и Сучанском районах и в бассейнах мелких рек (к востоку от хребта Сихотэ-Алиня), несущих свои воды непосредственно в море. Чем дальше от Амура на север, тем, несмотря на большую давность владычества великороссов, их там становится всё меньше и меньше.

В северной части Забайкалья, в Амурской губернии, в частях, прилегающих к Якутской автономной республике, и в особенности в обширном Охотско-Камчатском и Анадырском крае, вследствие своей малочисленности и подавляющего количества туземцев, они смешались с последними и утратили свои самобытные черты. Потомки их превратились в метисов, о которых речь будет ниже.

В Камчатской губернии, обнимающей все земли как Охотского, так и Чукотско-Анадырского края, русские живут одиночными семьями кое-где по берегам морей и по рекам Охоте, Гижиге, Большой, Камчатке и Анадырю. В этих местах главными центрами местообитания великороссов будут

Изда великоросса в первые годы переселения

административные пункты: Охотск, Гижига, Большерецк и Петропавловск, Усть-Камчатск и селение Мариинское при устье реки Анадыря.

Те великороссы, которые осели в земледельческих районах, продолжали свои родные занятия, но те, которые попали в северные районы, где земледелие было совершенно невозможно или где на него затрачивалось столько труда, что оно не окупалось полученными результатами, утратили свои земледельческие традиции и занялись, как туземцы, охотой и рыболовством.

Отказавшись от телеги, за отсутствием путей сообщения, великоросс отказался от лошади и перешёл на собачье хозяйство. Достоин удивления, что, попав в страну, где было в полном расцвете оленеводство, великороссы (оленоводы их буквально окружали) так никогда и не занялись этим делом. И всё же, несмотря на варварское к себе отношение, суровый климат, глубокоснежные зимы, лошадь медленно, но верно вытесняет собаку. Но есть предел, через который лошадь никогда не перешагнёт и за которым вечно будут царить олень или собака.

За полярным кругом великоросс усвоил уклад жизни и привычки гиперборейца.

Если мы взглянем на территорию Дальнего Востока несколько со стороны, так, чтобы всю её иметь перед глазами, то увидим, что в южных частях Восточной Сибири великороссы занимаются земледелием, а на севере, смешавшись с туземцами, они забыли все свои ремёсла: плотничье, столярное, кузнечное, слесарное, бондарное и т. д.

Что касается скотоводства, то у великороссов Забайкалья, в бытность их на родине, оно находилось на более высокой ступени. Придя же на вольные пастбища Восточной Сибири, они спустились до уровня бурят, и потому скотоводство их сделалось таким же примитивным, как и у соседей-туземцев. Но вместе с тем великороссы тут же рядом создали совершенно новую форму хозяйства — мараловодство, — дающую им значительные барыши.

По характеру своему великоросс — человек достаточно подвижный и в то же время оседлый, энергичный и порывистый: у него периоды рав-

Русские. Мойка рыбы на амурских промыслах

нодушия и апатии часто сменяются весьма напряжённой деятельностью; переход от мысли к делу чрезвычайно быстр.

На Дальнем Востоке нельзя брать великоросса изолированно: его нужно рассматривать, сравнивая с жёлтыми соседями, в особенности с китайцами. Там, где нужно произвести спешную работу в короткий срок, великоросс является незаменимым работником, но при условии, чтобы эта работа не имела затяжного характера и не была однообразна и монотонна; но где работа длительная и методично-однообразная, там приходится отдавать предпочтение китайцу. Когда тот и другой работают рядом, великоросс сначала быстро обгоняет китайца, затем начинает отставать. Первый ищет большого заработка, второй не ставит на первом месте расценки труда, — для него важно только, чтобы источник заработков был возможно продолжительным или даже неиссякаемым.

Такие свойства характера великороссов объясняют нам их всестороннюю деятельность и в связи с этим приспособляемость к окружающей обстановке. Мы видим великороссов на золотоносных приисках, на различного рода земляных работах, на постройках железных дорог; они рубят и возят лес, занимаются охотой, разными отхожими промыслами. Великороссы часто меняют работу, переходят с одного места на другое, и в то же время мы застаём их на таких, казалось бы, сугубо оседлых занятиях, как садоводство и пчеловодство.

Большинство из них, прибыв сюда из лесистых северных губерний, стали не край приспособлять к себе, а сами старались приспособиться к новым условиям жизни. В этом отношении лучше всего сумели устроиться староверы в Уссурийском крае. Они занимаются земледелием (но не считают его главным своим занятием), затем поисками ценных руд, охотой и соболеванием, разводят пятнистых оленей, ищут женьшень, ловят и солят рыбу, собирают ягоды и орехи, сушат грибы и т. д. На тайгу они смотрят, как на источник дохода, а не как на источник страданий и огорчений.

Где бы великоросс ни поселился, он строит дом из леса, который к месту своего жительства доставляет иногда издалека. Волжане, наоборот,

Русские и удэгейцы с р. Самарги

избегают леса, селятся на более открытых местах и всю свою энергию направляют в область земледельческой культуры. У последних наблюдается удивительная консервативность. Живя рядом с китайцами, у которых бытует высшая форма земледелия, они упорно не хотят расстаться с теми приёмами, которые принесли их отцы и деды, и ведут земледелие по-старому, как в России.

Все эти свойства великоросса — консервативность и в то же время приспособляемость, завоевательные стремления и умение подойти к туземцу, — делают из него замечательного колонизатора, особенно, когда эта энергия направлена в более южные широты, где способности человека находятся под меньшим давлением природы, чем на севере. Здесь уместным будет отметить, что земледельческие традиции лучше всего сохранились у сектантов (молокан и старообрядцев-беспоповцев). Люди эти шли на Дальний Восток по собственной инициативе, преследуемые за религиозные убеждения. На новые места они смотрели как на вторую родину и обосновывались прочно, как настоящие колонисты. Природные земледельцы — они не стремились проникать далеко на север, сторонились туземцев и потому наиболее сохранили чистый тип русских людей со всеми присущими им свойствами. Сектанты почти не дали метисов.

Украинцы

Второе место в численном отношении занимают украинцы, всего 315 203 души обоёго пола.

Первые украинцы появились на Амуре в 1882 году, когда началась перевозка переселенцев морем на пароходах Добровольного флота. Мы уже видели, что движение великороссов в Восточную Сибирь происходило с запада на восток. Украинская же колонизация шла в обратном направлении: с востока на запад, и первых украинских переселенцев мы застаём в Южно-Уссурийском крае. Когда же через всю Сибирь прошла железная дорога, число украинских колонистов стало быстро возрастать. Этим объясняется современное их расселение. Они осели, прежде всего, по путям своего продвижения, около железных дорог и других путей сообщения по Забайкалью, в Амурской и Приморской губерниях. Уже по нижнему течению Амура, от Хабаровска до Николаевска, они встречаются одиночными семьями, а в Охотско-Камчатском и Чукотско-Анадырском крае их нет вовсе. В Приморской губернии украинцы особенно плотно расселились: по всему Южно-Уссурийскому краю, в бассейне нижнего течения правых притоков реки Уссури и в прибрежном (Ольгинском) районе до мыса Олимпиада. Здесь они представляют подавляющее большинство.

Украинцы — выходцы из южно-русских губерний — обитатели степей с тёплым климатом — по прибытии на Дальний Восток, естественно, стали искать такие места, которые по своим физико-географическим условиям ближе всего подходили бы к Украине. Это, собственно, и вынудило их занять Южно-Уссурийский край и жаться к государственной границе с Китаем, где большая часть мест была свободна от леса.

Центром тяжести в хозяйстве украинцев являются: земледелие, огородничество и скотоводство. Они больше земледельцы, чем великороссы;

любят жить хуторами и потому, например, охотно занимают должности путевых сторожей по линиям железных дорог.

Степняки-украинцы не выносят леса и уничтожают его не столько топором, сколько огнём; в то же время они любят, чтобы около их хат росло несколько больших деревьев, точно так, как это было на родине.

Поселившись в стране, изобилующей лесом, украинцы, в большинстве случаев, строят свои хаты (мазанки) из глины, а крыши кроют соломой, пол жилища имеют земляной и печку складывают из сырца. Иногда, несмотря на близость реки, они всё-таки роют колодцы, объясняя это тем, что вода из колодца вкуснее и холоднее. Они боятся сибирских рек, их быстрого течения и не имеют своих (национальных) лодок. Будучи настоящими землеробами чернозёмной полосы, они не удобряют земли, а предпочитают корчевать и подымать целину, лишь бы только не унаваживать.

Если у великоросса мы наблюдаем тенденцию сеять рожь, то у украинца — всегда пшеницу, даже в тех случаях, когда он забрался слишком северно; но ничто так ярко не отражает места выхода украинцев, как их бахчи с арбузами, дынями и неизменными всюду подсолнухами.

В противоположность великороссам, которые снизили своё скотоводческое хозяйство до туземного уровня там, где они его застали, украинцы, наоборот, приобретя скот у соседей в отвратительном состоянии, тщательным уходом за ним в короткий срок всегда достигали хороших результатов. Кроме рогатого скота, они держат свиней. Постоянными поставщиками свиного сала на городские базары являются именно украинцы.

Охотой занимаются они мимоходом и только по птице около дома. Они совершенно игнорируют пушные промыслы, в том числе и соболевание. Исключение составляют украинцы, осевшие в Уссурийском крае, среди которых встречаются страстные охотники и даже тигробои.

Если они и не гнушаются совсем рыболовством, то, во всяком случае, относятся к нему равнодушно, а между тем на Дальнем Востоке рыболовство в значительной степени могло бы улучшить их материальное благополучие. Великоросс не мыслит хозяйства без лошади, а украинец — без

Посёлок украинцев в Хабаровском округе в первые годы переселения

вола. Но было бы ошибочно думать, что у них нет лошадей. И здесь рога-тый скот вытесняется лошадью.

Никто из переселенцев так крепко не придерживается традиции, как украинцы. Деятельность свою они ограничили известными рамками, выйти из пределов которых не хватает решимости и воли даже в тех случаях, когда есть свободное время и новые источники дохода под рукою. Вот почему украинец производит впечатление упрямого и ленивого человека и вот почему, несмотря на обилие окружающих его естественных богатств, он чаще других бывает в нужде.

Великороссы сумели наладить свои отношения с туземным населением и позаимствовать от последних новые приёмы эксплуатации естественных природных богатств страны, украинец же не терпит соседства «инородцев»-аборигенов и всячески вытесняет их с веками насиженных мест.

Суммируя всё изложенное выше об украинцах, мы должны сказать, что они настойчивы и трудолюбивы, но менее великороссов приспособлены к жизни на Дальнем Востоке. Выдержка их в работе не выходит из границ хозяйственного консерватизма. Именно это обстоятельство и является самым большим препятствием к возможности поднятия производительности их труда. Но влияние окружающей обстановки и просвещение рано или поздно должны будут сказаться и выведут украинцев из состояния национальной неподвижности.

Белорусы

Третью группу русского населения на Д. В. составляют белорусы, всего обоёго пола 30 880 душ.

Белоруссия — страна отсталая и бедная, с большими лесистыми болотами на юге и малоплодородными почвами на севере, требующими постоянного удобрения. Эта убогая обстановка сказалась и на людях. Трудно представить себе людей менее предприимчивых и покорных, чем белорусы.

На Дальнем Востоке они появляются очень поздно, именно только в 1906—1910 годах. Общая волна переселения захватила и их с собою.

Но прибыв в богатый дарами Приамурский край, они занялись только тем, чему научились у себя на родине. Земледелие их носит весьма примитивный характер, скотоводство тоже не поднялось выше уровня «второстепенного дела», и в огородничестве они наибольшее внимание уделяют картофелю, который лучше всего произрастал в Белоруссии. Побочными занятиями их будут ещё охота на мелкого зверя и пчеловодство.

Жилища свои, несмотря на то, что они живут вблизи крупного леса, делают из тонкоствольника. В обиходе их мы видим: лыковые туески, деревянные бадьи, ведерца, лыковые верёвки, плохонькую сбрую, бороны с деревянными зубьями и деревянные колышки там, где необходимы железные гвозди, и т. д.

Белорусы занимаются сплавом леса и отхожими промыслами. Они производят впечатление народа забитого; отличительная черта их характера — трудолюбие, которое могло бы приносить лучшие плоды, если бы белорусы смогли стряхнуть с себя апатию и позаимствовать новые формы хозяйствования от соседей, с которыми им приходится постоянно сталкиваться.

Молдаване

Насколько привычки по месту выхода могут крепко и долго держаться в населении, видно на классическом примере молдаван.

Поселившись около большого леса, а иногда и просто среди девственной тайги, эти люди по правилам, завезённым их отцами и дедами со старой родины, где нет лесов и где лучина продаётся, как растопка, по весу на фунты, — строят дома свои из всякого хлама. В основу здания ставятся не крепкие столбы, а тонкие жерди, по две, по три, связанные вместе и подпираемые с двух сторон; стены складываются из частей лодок, купленных у соседей на слом, обломков телег, разбитых керосиновых ящиков, хвороста и т. д. Всё это густо обмазывается глиной, а крыша кроется травой. Часть дома занимают сами жители, а другую — рогатый скот. В доме две печи: одна большая — для варки пищи, другая маленькая — для разогревания ужина с целью экономии топлива. Дымоходы устроены так, чтобы в летнее время дым можно было направить в скотскую половину и получить даровой дымокур.

В то время, когда великоросс ловит рыбу, чтобы сделать себе запасы на зиму, а избыток продать на сторону, молдаванин пересаживает землянику. С чувством омерзения и гадливости он смотрит на рыболова, когда тот чистит рыбу. Южане по происхождению, они мечтают о садоводстве и приходят в отчаяние, если на огороде не уродятся дыни, арбузы и виноград. Культивирование дикого винограда дело хорошее, но, к сожалению, молдаване применяют бессарабский приём, не считаясь с климатом, вследствие чего труды их пропадают даром.

КУЛЬТУРНЫЕ НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Вторую большую группу населения Дальнего Востока составляют иностранные пришельцы: китайцы, корейцы и японцы. Рассмотрим их по порядку.

Китайцы

В литературе и обществе существует мнение, что Уссурийский край принадлежал когда-то китайцам. Это совершенно неправильно.

В VII веке нашей эры на берегах Великого океана, частью в Северной Корее, в Восточной Маньчжурии и в южной части Уссурийского края возникает царство Бохай, которое уступило место «киданям», образовавшим на развалинах Бохая царство Ляо. Это последнее в 1125 году по Р. Х. падает под натиском чжурчжэней. Тогда на месте Ляо возникает Цзинь'ская (Золотая) империя, просуществовавшая недолго. В 1234 году её разрушили монголы, хозяйничавшие здесь почти до конца XIV столетия. Затем следует перерыв, и дальнейшая история до XVI века остаётся тёмною. В это время владетельный князь одного из аймаков Тайцзу объединяет около себя разрозненные маньчжурские племена. Его сын Тайцзун завоёвывает Великую Поднебесную империю и на китайский престол сагает свою династию. В XVII столетии Тайцзун посылает войска завоевывать земли «воцзи», обитавших в Южно-Уссурийском крае. Часть населения была перебита,

Корейцы

а остальные уведены в плен в Маньчжурию. С той поры страна пребывала в том запустении, в котором её застали русские в 1857 году.

Первые китайцы появляются в Уссурийском крае весьма недавно, лет за тридцать до русских. Это были самовольные засельщики, в большинстве случаев беглые из Маньчжурии. Можно по годам проследить продвижение китайцев в пределах нынешнего Приамурского края. Появление русских переселенцев положило предел китайской эмиграции¹.

Расцвет заселения русского Дальнего Востока китайцами был в период с 1891 по 1905 год. В эти годы в Забайкалье, Амурской области и в Уссурийском крае проживало не менее 100 000 человек китайцев.

Китайское население, находится ли оно в Забайкалье, в Амурском и Зейско-Алданском округах или в Уссурийском крае, — имеет целью не колонизацию страны, а эксплуатацию естественных её богатств. Их пребыванием на территории русского Дальнего Востока руководят, главным образом, поиски заработков и отчасти нажива, а нажившись, каждый китаец стремится уйти обратно на родину, где у него остались семья, друзья и знакомые.

Китаец — не колонист. Земледелием он занимается лишь в таком размере, чтобы можно было обеспечить себя на время зимних промыслов и кредитовать туземцев, доставляющих ему большие барыши. Все китайцы — земледельцы или пайщики в торговле, или промышленники и звероловы.

Корейское селение

¹ См. историю китайского движения в книге В. К. Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае», Хабаровск, 1913, стр. 35–55.

Корейки из бухты Гайдамак

Их можно было видеть на самых разнообразных промыслах. Оптовая и розничная торговля, скупка пушнины, эксплуатация туземного населения, огородничество, соболевание, добывание трепангов, морской капусты, сбор древесных грибов, съедобных лишайников и корней различных целебных растений, в том числе и знаменитого женьшеня и т. д. Их также можно наблюдать в качестве бродячих мастеровых, сапожников, слесарей, рабочих на золотых приисках, в качестве поденщиков, на всякого рода земляных работах, при постройке железных дорог, в роли каменщиков, водовозов, прачек, возчиков, носильщиков и даже в роли фокусников. Словом, нет такого ремесла, за которое не взялся бы китаец, и, надо отдать ему справедливость, он везде успевает, скоро усваивает сущность новой работы и в короткий срок делается специалистом, становясь человеком не только полезным, но и прямо-таки необходимым. Это работник, которого ценят.

Нас поражает удивительная организованность и солидарность китайцев между собою: поддержка, доверие, кредит, кооперация и сделки на словах — отличительные черты их взаимоотношений. Если прибавить к этому дешевизну рабочих рук и ничтожные потребности их, то портрет китаецца, с точки зрения его трудоспособности, в полной мере готов.

Трудовые ресурсы китайцев — неисчерпаемы. Чуждым для них промыслом является рыболовство. Это народ континентальный, они боятся моря и всячески его избегают. Морские промыслы их ограничены полосой мелководья.

Сами китайцы смотрели на пребывание своё в пределах Восточной Сибири как на временное. Этим объясняется, почему они так легко покинули пределы Приамурского края. Достаточно было одного появления русских переселенцев и заявления, что земли будут заняты новыми законными колонистами, как китайцы, забрав всё, что было у них ценного, побросали свои фанзы и без всякого сопротивления ушли к себе на родину.

В настоящее время в пределах русского Дальнего Востока остались, главным образом, торговцы, прачки, возчики, носильщики, огородники, в количестве 72 005 человек¹.

¹ По данным переписи 1926 года.

Корейцы

Корейцы в численном отношении значительно превосходят китайцев. Эмиграция их в пределы Уссурийского края началась с 1869 года. Голод и глубокоснежная зима принудили их в числе нескольких тысяч человек оставить свою родину и перейти границу. Корейцы направились к Владивостоку, но на пути были дважды застигнуты пургою, вследствие чего более половины корейцев погибло в дороге. Русские власти приютили их и снабдили продовольствием из интендантских складов, а с наступлением тёплого времени направили на Амур, где они образовали село Благословенное. С той поры эмиграция корейцев начинает быстро возрастать и своего максимума достигает в последние годы революции. Ныне корейцев во всём крае насчитывается 168 009 человек.

Они расселились, главным образом, в Южно-Уссурийском крае по долине реки Уссури и её правым притокам, в Амурском и Зейско-Алданском округах, по нижнему Амуру и по всему побережью Японского моря от Владивостока до залива Де-Кастри. Ныне корейцы стали проникать в Забайкалье и в Охотский край, одиночных корейцев мы найдём около Гижиги и на полуострове Камчатке. Эта многолетняя эмиграция привела к окореиванию Южно-Уссурийского края.

Что из себя представляют корейцы? Одно земледелие ограничивает ум и притупляет его, а кореец ведёт своё хозяйство именно в такой форме, которая ставит его мышление в весьма ограниченные пределы. Думать не приходится, надо работать по раз навсегда установленным трафаретам. Кореец производит впечатление трудолюбивого, потому что форма его хозяйствования заставляет его работать без передышки. Он целый день с утра до ночи копается в земле.

Это один из весьма древних народов; в его быту сохранились интересные пережитки: большие каменные ступы и молоты, медная посуда, склеивание одежды взамен сшивания, что имеет место ещё и до сих пор в деревнях, завязки вместо пуговиц, двухколёсные примитивные арбы и т. д.

Японец-носильщик на рыбалке

В особенности примитивный характер имеет жилище корейцев — глинобитные фанзы, которые они строят, куда бы ни перешли, всегда по одному и тому же плану, без малейших вариаций.

В противоположность китайцам, корейцы прибывают в край с семьями и прочно сядят на землю. Это настоящие колонисты.

Корейцы, как и украинцы, не выносят лесов и уничтожают их всякими способами — выжиганием, вырубанием, подсушиванием и т. п. Точно так же они лошадям предпочитают рогатый скот и живут разбросанными хуторами.

В Южно-Уссурийском крае у корейцев развит береговой каботаж, но шаланды их и паруса донельзя примитивны. Вместо желез-

ных якорей они употребляют деревянные корневища с камнями. Плавают по морю так, чтобы не потерять из виду берега.

В тайге корейцы занимаются звероловством и притом самым хищническим способом. Их можно встретить на золотых приисках, рабочими на дроворубках, пильщиками теса, но никогда на земляных работах, при постройке тоннелей, дорог, плотин и вообще больших технических сооружений.

По характеру кореец человек малообщительный, ведущий замкнутый и обособленный образ жизни. Он оберегает не столько свою свободу, сколько протестует против посягательства на уклад его жизни.

Факт появления у китайцев мощных хунхузских организаций, которые играли крупную роль в истории Китая, длинная цепь народных восстаний, охватывавших порой всю нацию, — всё это, несомненно, свидетельствует об энергии и подвижности их характера и широко развитой инициативе. Ничего подобного мы не видим у корейцев.

Народы Востока недаром называют Корею страной «Утреннего Спокойствия». Это — спокойствие народа, застывшего в примитивных формах бытия.

Японка на выгрузке рыбы

Японцы

К числу культурных народов Восточной Азии, временно проживающих в Уссурийском крае, относятся и японцы.

С открытием навигации мы застаём их около берегов Уссурийского края, на всём протяжении от устья реки Тумень-Улы до Амурского лимана, затем в Охотском море и, главным образом, на полуострове Камчатке. Здесь на берегу моря они воздвигают свои временные постройки из тонкоствольного леса, крытые соломенными циновками. С наступлением осени японцы разбирают их, нагружают корабли дарами моря и возвращаются к себе на родину.

Японских рыбаков нельзя считать населением, колонизовавшим страну. В недавнем прошлом японцы подолгу проживали в городах Приамурского края, главным образом, во Владивостоке, Хабаровске и Никольске-Уссурийском. Небольшой процент их проникал в Забайкалье, в Амурскую губернию, в г. Николаевск и в Петропавловск-на-Камчатке. В большинстве случаев это были чиновники генеральных консульств, коммерческие агенты и рыбопромышленники, а также прачки, фотографы, парикмахеры и часовщики. До революции перечисленные отрасли труда в городах Приморья были положительно монополизированы японцами. Большое количество японских женщин жило в городах в качестве домашней прислуги. Особенно славилась няньки. Но японцы не были постоянным населением Дальнего Востока; это был текущий элемент: одни прибывали, другие уезжали. Сами они смотрели на своё пребывание в Приамурском крае

Японец-комиссионер

рыке, японец ловок, энергичен и неутомим в море. Русский во время хода рыбы не представляет себе ночи без сна, японец с удовольствием работает двое, трое суток подряд, не смыкая глаз.

Погоня за нефтью и углём понудила японцев устремить свои взоры на Северный Сахалин. Известно, что грузооборот Великого океана вдвое слабее Атлантического. Причин этому много, одна из них кроется в том, что угли Канады, Японии, Китая, Уссурийского края — местного значения, и только угли Сахалина имеют значение мировое. Рост и развитие двигателей внутреннего сгорания и перевод японских военных судов с каменного угля на жидкое топливо заставили японцев искать его где-либо поближе. Самым подходящим местом оказался Сахалин, где выходы нефти на дневную поверхность давно уже были известны. Надо отдать справедливость японцам, что они сумели на острове открыть промышленную нефть и вошли в договорное отношение с советской властью на предмет её эксплуатации.

Тунгус-оленеvod с Витимского нагорья

как на временное. И лишь только обстановка изменилась к худшему, они с удивительной лёгкостью ликвидировали свои дела и уехали, одни в Маньчжурию, другие на родину.

Насколько ничтожно было влияние японцев на русское население в глубине материка, настолько оно сказалось на берегу моря. Многие русские переняли от них промышленные способы рыболовства. Мало того, есть специальности, которые русским до сих пор ещё не удалось усвоить. Так, например, ни одна рыбалка не может обойтись без «синдо» — специалиста по постановке неводов.

Подойти к берегу на лодке или отойти от него во время прибоя — исключительное умение японцев. Всё это изобличает в них островитян, для которых море является родной стихией. Слабый и неуклюжий на мате-

рике, японец ловок, энергичен и неутомим в море. Русский во время хода рыбы не представляет себе ночи без сна, японец с удовольствием работает двое, трое суток подряд, не смыкая глаз.

Погоня за нефтью и углём понудила японцев устремить свои взоры на Северный Сахалин. Известно, что грузооборот Великого океана вдвое слабее Атлантического. Причин этому много, одна из них кроется в том, что угли Канады, Японии, Китая, Уссурийского края — местного значения, и только угли Сахалина имеют значение мировое. Рост и развитие двигателей внутреннего сгорания и перевод японских военных судов с каменного угля на жидкое топливо заставили японцев искать его где-либо поближе. Самым подходящим местом оказался Сахалин, где выходы нефти на дневную поверхность давно уже были известны. Надо отдать справедливость японцам, что они сумели на острове открыть промышленную нефть и вошли в договорное отношение с советской властью на предмет её эксплуатации.

По переписи 1925 года, японцев на Дальнем Востоке значилось 1 095 человек (в 1897 году — 2 522 человека).

АБОРИГЕНЫ

Туземное население Дальнего Востока состоит из трёх главных этнических групп: тунгусов, тюрко-татар и палеазиатов.

Первые из них — тунгусы, может быть, родственники тюрко-татарам, —

распадаются приблизительно на одиннадцать племён, образуя две группы: собственно тунгусов и собственно маньчжур. Численность первых, по переписи 1911 года, определяется в следующих цифрах: ороchon — 817, ламутов — 1 306, самагиров — 551, негидальцев — 683, манегров — 59. Всего: 3 416 человек.

Численность вторых значительно больше: гольдов — 5 304, ороков — 162, ольчей — 723, орочей — 646, удэхейцев — 1 357, всего 8 192.

Жилище берегового тунгуса

Тунгусы

Родину тунгусов указывают в разных местах. Одни исследователи полагают, что в эпоху неолита тунгусы покинули бассейн реки Жёлтой, переселившись к Байкалу и на Амур. Японский археолог Торие выводит их с противоположного конца — из пределов Восточного Туркестана и южных нагорий Алтая. Некоторые черты тунгусского костюма, верований, поэзии и языка говорят о том, что эти завзятые таёжники когда-то жили в странах более тёплых, вели иной образ жизни, может быть, знали оседлость и имели общение с цивилизациями Востока. Неизвестно, когда они появились в бассейне реки Лены, откуда их выжили якуты. Разрозненные племена тунгусов, разбросанные к тому же отдельными семьями на обширной территории нынешней Якутской области, отступая под напором южных пришельцев, которые шли плотной массой, должны были уступить свою родину якутам. Тунгусы разбились: часть их ушла на запад в бассейн Енисея, часть в Забайкалье, а другие — к берегам Великого океана и на Амур.

Таким образом, эти люди — ныне разбросанные от Туруханской тундры до Охотского побережья и от Таймыра до Сунгари — являются одними из самых древних насельников Дальнего Востока и наиболее заботливыми хозяевами диких урочищ «древнего темени Азии», отведённых им судьбою и соседними племенами.

Представляя из себя ныне только обломки грандиозных государственных объединений древности, тунгусы на высоте 1 500 метров над уровнем моря сумели создать своеобразную таёжную культуру: они приручили северного оленя, изобрели оригинальные средства передвижения, проложили

Тунгус

пути по непролазному древоостою, тундрам и гольцам, придумали хитрые способы ловли зверей, изведав их привычки и нравы, установили целесообразные нормы права, учтя требования хозяйственной необходимости и географической среды, сохранили поэтические традиции отцов, усложнив их новыми вымыслами, а в языке своём отложили богатейший запас наблюдений, мысли и опыта.

По формам своего хозяйствования тунгусы распадаются на несколько совершенно обособленных групп:

1. Оленеводы-охотники, или, так называемые, «бродячие» орочны, которые называют себя народом оvonки. Они не имеют постоянного местожительства, но знают пределы своих кочёвок, разграничивая по родам и семьям зверопромысловые уhoжья.

2. Оседлые тунгусы или береговые. Потеряв оленей в силу стихийных бедствий или эксплуатации, они построили себе подобия русских изб и, не оставляя охоты, занимаются то скотоводством, то рыбной ловлей, сбором ягод, случайным отхожим промыслом. Есть основания думать, что эта группа племени оvonки находится в стадии биологического угасания. Средний состав семьи у оседлых тунгусов ниже, чем у кочующих, не превышая у иных родов 3 душ в среднем на брак.

3. Оседлые оленеводы. В чистом виде представителей этой группы можно наблюдать по истокам Лены и Киренги. Процесс оседания на зем-

Якуто-тунгус с о. Лянгр

ли почти всё, что составляет особенность племени.

Забайкальские ороконы, кочующие в бассейне правых притоков Лены, ламуты колымские, а равно все те, которых мы находим ныне на полуострове Камчатке и в верховьях реки Анадыря, — все оленеводы и все, до

*Оленняя тунгуска
Северного Прибайкалья*

лю у этих тунгусов проходил более безболезненно, в атмосфере мирного культурного взаимодействия с русскими. Оседлые оленеводы свои хозяйственные заботы приспособили к требованиям астрономического года. Они по-прежнему охотятся за пушным зверем, уходя на оленях в гольцы, но по миновании промыслового сезона ловят рыбу, косят сено и даже огородничают и сеют хлеб. Они выполняют для русских всевозможные заказы по выделке замши и кож, шьют обувь, одежду, коврики, наводняя пушной рынок продуктами своего искусства и прилежного ремесла. Они почти все имеют лошадей, заводят коров и подражают русским в домашнем быту, в costume, в хозяйственных навыках, в языке, в вере, в пороках и добродетелях.

4. Можно бы выделить ещё группу тунгусов-скотоводов, как это делали путешественники XVIII века. Но в наши дни уже трудно провести грань между конным тунгусом и бурятом. Влияние номадов зашло так далеко, что тунгусы-овонки забы-

ли почти всё, что составляет особенность племени. Забайкальские ороконы, кочующие в бассейне правых притоков Лены, ламуты колымские, а равно все те, которых мы находим ныне на полуострове Камчатке и в верховьях реки Анадыря, — все оленеводы и все, до известной степени, находятся в зависимости от животных, которых пасут. Не они гонят оленей туда, куда хотели бы идти сами, а, наоборот, олень принуждает их следовать за собою. Маршруты кочёвок тунгусов строго приурочены к местонахождению ягеля (*Cladonia rangiferina*). Если случится им зайти туда, где нет корма, олени уходят назад иногда на много десятков километров и тем вынуждают человека отказаться пройти по местности, лишённой кормовища. Поэтому тунгусы являются настоящими кочевниками, и только те, которые на южных границах оленьего хозяйства потеряли свои стада, осели и завели лошадей. Например, манегры, которым лошадь дала возможность распространиться на юг в Маньчжурии. Впрочем, лошадь, как сказано, встречается и у настоящих оленных тунгусов. В бывшем Гижигинском уезде у ламутов мы

Ламут

находим верховых лошадей, которые и здесь прокладывают себе дорогу, конкурируя с оленями.

Что касается негидальцев, самагиров, килей и биралов (искажённое «бирары»), то эти тунгусы по выходе на Амур превратились в рыболовов, причём первые немного огилячились, а остальные народности огольдились.

Тунгус имеет животное, которое само себе добывает пропитание, которое в то же время кормит хозяина и с помощью которого последний передвигается. Это животное — северный олень. Вот чем объясняются громадные расстояния, покрываемые тунгусами.

Раньше тунгусы кочевали по всему необъятному пространству Восточной Сибири, так, как будто вся земля принадлежала им, и в то же время они собственной земли нигде не имели.

С появлением русских места кочёвок тунгусов стали ограниченными. Скитания теперь не бесцельны — появились определённые маршруты: где прошли отцы, там пойдут и дети.

«Окружающая обстановка совместно с темпераментом и экономическими условиями предугадали отдельным племенам различные идеалы

Ламутка

применения их труда в погоне за счастьем и в борьбе за существование¹.

Классическому скитальцу-тунгусу как будто внушено: Счастье ты должен искать неустанно в горах и лесах. Олени тебе нужны, как средство передвижения. Поэтому имей их, сколько можешь, но береги их, дабы не сделаться пешим и не сесть оседло. Для пропитания тебе даны: рыба, птица, звери, до белки включительно.

И действительно! Всю долгую зиму со стоицизмом, достойным лучшей участи, перенося голод, холод и все полярные невзгоды, неутомимо кочует тунгус в погоне за счастьем по неприступным горам, безлюдным долам, выискивая новые неведомые местности, лишь бы попасть туда первым.

Живёт он в легчайшей походной юрсе и питается тем, что в пути упрямислит. Только краткий летний период, когда заведомое счастье всё же не отыскано, уделяет он отдыху, исправлению снаряжения, ловле рыбы, уходу за оленями и прочим второстепенным потребностям. Даже те, которых

¹ Г. И. Розенфельд (Нордштерн), путешествовавший в Колымском крае в 1908–1916 годах. Прекрасно владея пером, исследователь этот, к сожалению, до сих пор не обработал своих материалов и, по-видимому, не будет печатать их вовсе.

волею случая материальное состояние обеспечено, всё-таки добросовестно, наравне с бедняками сородичами, продолжают до конца дней своих скитания по тайге, мотивируя их необходимостью освежать кормовища».

— Наша вера велит нам жить и умирать в тайге! — говорят они на предложение переменить образ жизни и поселиться вместе с русскими.

По мнению Миддендорфа, тунгусы — это односторонние и в то же время самые искусные охотники в мире. Огнестрельное оружие не изменило их способов звероловства: ловушки остались те же.

Тунгусы — лучшие проводники на дальние расстояния. Они знают самые низкие перевалы через горные хребты, выходы руд на дневную поверхность, источники нефти, залежи каменного угля, наиболее удобные броды через реки, состав и качество леса, нравы и привычки пушного зверя и т. д.

Самый факт жизни человека где-то в глухой тайге с одомашненными оленями является весьма знаменательным и полезным. Со смертью его тайга превращается в непроходимую пустыню.

Среди тунгусов нет ни полных, ни худотелых, ни больших, ни низкорослых — они все почти одинаковы. Тунгус физически не силен, но втянут в работу и притом в работу однообразную. Дайте ему какое-нибудь непривычное дело, и он раскапризничается, как самый изнеженный барчук.

Эти туземцы живут как бы вне времени и пространства и потому не знают часов и расстояния измеряют числом дней пути.

Серьёзные в деле, весёлые на вечеринках, они заслужили похвальные отзывы всех исследователей, которым приходилось входить с ними в те или иные сношения. Они героически выносят всяческие лишения и голодовки встречают с какой-то покорностью судьбе.

За последние двадцать лет тунгусы стали заниматься извозным промыслом, употребляя для этого своих вьючных животных.

Изящные меховые изделия их (кухлянки, торбаса, малахаи, рукавицы, коврики и олени кожи, выделанные под замшу) мы часто видим в городах.

Тунгус-оленеvod обитает в тех местах, где есть олений корм, следовательно, в местах непригодных для колонизации. Он обитает тихонько в стороне от земледельца. Приходится с ним сталкиваться только великороссам, которые в поисках золота углубляются в тайгу, и в этих случаях всегда пользуются услугами туземцев.

Это вторжение постороннего элемента в места кочёвок оленеводов всегда гибельно отзывалось на последних.

При встрече с великороссом тунгус прежде всего старался откочевать в горы, но с выжиганием лесов и с потерей родовых угодий он беднел, разорялся и нередко погибал. Под натиском враждебных культур с юга и запада жизнеспособный тунгус вырождался и, если ему удавалось «от греха уйти подальше», он вновь вставал на ноги; в нём опять начинала говорить кровь предков. Чины администрации, торговцы и вообще лица, случайно побывавшие у тунгусов, видя туземцев в состоянии психического и хозяйственного упадка, ошибочно делали выводы об их нежизнеспособности и, обобщая случайные явления, говорили о вымирании оленеводов, которое будто бы никак нельзя отвратить.

Дело, конечно, не в вымирании, а в оскудении самых источников существования. Не говоря о внешних причинах гибели этого замечательного

Амурский гольд

народа (эксплуатация, лесные пожары и т. д.), главную долю вины приходится положить на самого тунгуса, который упорно не желает поступаться трудовым укладом быта отцов.

Живя на берегу реки, которая кишит рыбой, тунгус часто голодает и даже умирает с голоду. Он может вооружиться удочкой или острогой, поймать 10–15 налимов или во время икромёта руками наловить пуд-два омулей, которые вылазят на берег под напором идущего стеной гурта. Но приняться за рыбу организованно, вооружившись промышленными орудиями лова, — тунгус не в силах. Это означало бы измену старинным хозяйственным навыкам, целую революцию в привычной атмосфере установившихся производственных форм.

Вот почему в самый разгар осенних рыбалок, когда предприимчивый великоросс обеспечивает себя на целый год, тунгус, забравши авансы, где только можно, идёт со своей берданкой ломать гольцы, оставив дома жену и детей с кирпичом чая и кулем ржаной муки. Может быть, он добудет соболя, а может быть, вернётся с 20 белками.

Промыслы сокращаются, зверь исчезает; охотников много, потому что русские поспевают всюду. Правда, меха подорожали; ненадёжна и рыбалка, рыба тоже исчезает. Человек попал в узкий промежуток между гибелью и риском. Но судьба мечет кости с пристрастием. В таких случаях побеждает смерть.

Гольды и ольчи

Маньчжурскую группу тунгусов мы, в свою очередь, должны разделить на две части: рыболовов по преимуществу, осевших по берегам рек, и охотников-звероловов, обитателей тайги. К первой относятся гольды и ольчи. Сюда же надо причислить и собственно тунгусов: килей, самагирцев и негидальцев¹. Ко второй группе относятся орочи, удэхейцы и ороки на острове Сахалине.

Маньчжуры-рыболовы обитают частью по реке Уссури, по всему нижнему Амуру до реки Тугура включительно и в бассейне притоков того же низового Амура, а также по реке Амгуни. Их нельзя назвать бродячими кочевниками, потому что они живут постоянно на одних и тех же местах, и многие селения их имеют весьма почтенную давность.

Гольдская фанза

Те же экономические условия быта и окружающей обстановки как бы заранее предначертали схему жизни для рыболовов. «Счастье — сама жизнь! Иного на земле не ищите. Живите около рек, в которых найдёте себе пищу, а леса доставят вам приправу и усладу. Лодки ваши — олени, для зимних перекочёвок держите собак и ни к чему более совершенному напрасно не стремитесь»².

Как только вскроются реки, прибрежный амурский туземец, если голодовка и цинга не свалили его с ног, принимается за ловлю рыбы, которой он должен поймать столько, чтобы можно было прокормить себя, свою семью и всех своих собак. Но вот прошла пора рыболовства, тогда он принимается ковать стрелы для лучков и исправлять своё охотничье снаряжение, а

¹ По мнению И. И. Гапановича, негидальцы — отунгусившиеся палеазиаты.

² Из письма Г. И. Розенфельда.

Ороч

когда замёрзнут реки и глубоким снегом в лесу завалит колодник, рыболов превращается в зверолова. В ту пору всё население, исключая стариков и больных, женщин и детей, на добрые пять месяцев уходит в горы. Здесь в глухой тайге, в маленьких юрточках, они проводят долгие зимние месяцы и занимаются соболеванием.

Гольдов обычно относят к южной ветви тунгусского племени, но С. М. Широкогоров, разобравшись в фактах этнографического комплекса гольдов, пришёл к следующему выводу.

Миграционная волна тунгусов ещё в эпоху неолита задолго до Р. Х. ушла из бассейна реки Жёлтой на север в Прибайкалье. И уже с севера, обратным движением, отдельные орды оленеводов-овонки пришли на Амур. Здесь они встретились с палеазиатами, китайцами и со своими далёкими родственниками маньчжурами. В результате перекрёстного влияния этих народов образовалась гольдская этническая группа. Собаководство они позаимствовали у гиляков. В настоящее время, окружённые кольцом китайцев и русских, гольды быстро теряют свой племенной облик.

Никто лучше гольдов не приспособился совершать длительные путешествия с грузовыми нартами по тайге, заваленной буреломом. Для этого

необходима хорошо продуманная организация. На зимнюю охоту гольды уходят артелями под руководством старшего, наиболее опытного зверолова; самый младший исполняет обязанности артельщика по продовольствию. Китайские купцы всегда пользовались услугами туземцев, чтобы с помощью их проникнуть в самые глухие таёжные районы.

За последние годы амурские туземцы понемногу стали усваивать новые формы жизни. Многие из них завели лошадей, занялись извозом и поставкой дров на пароходы, позаимствовали у русских язык, одежду, завели школы. Но, утратив свой старый жизненный уклад, они не усвоили в достаточной степени всего того, что принесли к ним русские и китайцы, и потому в борьбе за существование стали быстро от них отставать.

Тайга с каждым годом стала давать меньше пушного зверя, начались недоходы рыбы, а потребности к жизни увеличились. Приход стал не уравновешиваться с расходом. Только те инородцы, которые живут в стороне от главных путей сообщения, предоставленные самим себе, сохранили первоначальный уклад жизни — и, помня прадедовские советы, — «никуда не спешат и ни к чему более совершенному не стремятся».

Ольчи проявляют жизнедеятельность только во время хода лососёвых рыб. В остальное время года производят впечатление неподвижных ленивых людей, наиболее находящихся в нужде.

Влияние цивилизации проявилось на них весьма худо. Они опустили, забросили соболевание и утратили охоту на морского зверя, за которым в прежнее время с Амура ходили в бухту Таба и в залив Де-Кастри. Вот почему у них появились рассказы о непроходимых лесах, недостижимых вершинах и т. д. Теперь они не всегда успевают заготовить достаточно рыбы для себя и для своих собак и кредитуются на соседних рыбалках в счёт будущих благ и в расчёте на вспомоществование от правительства.

Ороч

Русские и китайцы занесли к аборигенам низового Амура разные болезни, что отразилось на здоровье племени. Уклад жизни туземцев начал претерпевать ряд изменений, а психика оказалась подавленной. У них нет выдержки, столь необходимой в борьбе за существование при столкновении с пришельцами.

Русские позаимствовали у амурских туземцев тип лодки, называемой гильяцкой, — лёгкой, достаточно грузоподъёмной, хорошо держащейся на воде, но она приспособлена только для плавания по сравнительно тихим и спокойным протокам Амура.

Несмотря на то, что амурские туземцы живут на воде, они боятся быстрых горных рек и не рискуют по ним далеко подыматься против течения, предоставляя дальнейшее продвижение грузов и пассажиров удэгейцам.

В настоящее время туземное население Амура, которое русская колонизация застала на пути своего следования к морю, переживает период ассимиляции. Идёт коренная ломка их общественного строя и всего уклада жизни. Кто из них уцелеет от этой ломки и кто совсем уйдёт со сцены жизни — покажет ближайшее будущее.

Орочи и удэхейцы

Охотники-звероловы, жители лесов — орочи и удэхейцы — обитают по бассейнам рек, текущих к западу и к востоку от водораздельного хребта Сихотэ-Алиня.

Орочи издавна расселились по долинам рек: Тумнина, Чжуанка, Уй, Ма, Хади и Копи. С тех пор, как в лесах, окружающих Советскую Гавань, застучали топоры на лесных концессиях, орочи оставили веками насиженные места и ушли за водораздел в верховья реки Хунгари, куда к ним нелегко проникнуть. Эти последние больше всего сохранили в чистоте свой физический тип, а вместе с тем и тот образ жизни, который так же безыскусственен и прост, как просты они сами.

Их соседи удэхейцы когда-то занимали почти весь Уссурийский край до рек Судзухе и Сучана включительно. Те, которые обитали в южных частях бывшей Приморской губернии, большею частью вымерли, а остальные подверглись двойной ассимиляции, сначала со стороны китайцев, а потом со стороны русских. Потеснённые к северу теми и другими, они стали удаляться в места малодоступные.

Это оттеснение туземного населения в Уссурийском крае продолжается и теперь. В настоящее время удэхейцев можно найти по верховьям рек Имана, Бикина и Хора, по среднему течению Хунгари и к востоку от Сихотэ-Алиня по рекам: Холлонку, Едину, Самарге, Ботчи и частью на реке Копи.

Орочи Советской Гавани

Летний период эти лесные люди употребляют на рыбную ловлю, а все остальные восемь месяцев занимаются охотой и звероловством. Способы передвижения их зимой — с нартами и собаками, а в другое время года — на особых долблёных лодках, которые устроены так, что они не разрезают воду, а взбираются на неё.

Удэгейцы — удивительные мастера плавать на своих лёгоньких лодочках по быстринам горных рек в области каскадов и порогов. К этому они привыкают с детства. Тут нужны ловкость, сообразительность и глазомер. Малейшая оплошность грозит гибелью всем находящимся в лодке.

Когда требуется быстро и в сохранности доставить ценный груз какой-нибудь экспедиции или на прииски, для этого всегда нанимают удэгейцев. Они прекрасные носильщики. Русский человек пронесёт большой груз, но на короткое расстояние, удэгейцы меньше, но будут нести его две, три недели подряд. Тут сказывается не сила туземцев, а их сноровка и выносливость. Удэгейцы, как и все обитатели лесов, молчаливы, ко всему относятся с опаской, подозрительно. Завидя другого человека, они прежде всего стараются скрыться так, чтобы не оставить после себя следов. Они обладают природным чутьём масштаба и ориентировки. Так как им постоянно приходится видеть земную поверхность с высоты гор в проекции, они быстро осваиваются с топографическими картами и легко в них разбираются.

Уссурийские туземцы — лучшие звероловы Восточной Сибири, наиболее добычливые охотники и следопыты. Они могли бы быть использованы и в качестве лесных сторожей. Об этом много писалось и много говорилось, но хорошим намерениям так и не суждено было сбыться.

Ороки

Сахалинские ороки тоже представляют ветвь маньчжурской группы. По этнографическим признакам и на основании лингвистических данных, они являются родными братьями ольчей на Амуре. Заимствовав олене-

Ороки

*Удэхейская женщина с реки Кусун.
Костюм туземный, обувь китайская*

водство у тунгусов, они сохранили свой охотничий уклад жизни. Ороки кочуют на острове Сахалине в таких местах, куда европейцам трудно проникнуть.

Буряты

Тюрко-татарская группа на Дальнем Востоке представлена двумя народностями: бурятами (8 646 человек) и якутами (1 224 души обоего пола).

Первые, монголы по происхождению, сложились как этническая единица не раньше второй половины XIV века в Прибайкалье, откуда их вытеснили якуты. Буряты, сыгравшие столь видную роль в истории Забайкалья, расселились в юго-западной его части, в бассейне реки Селенги и к югу от Читы в районе Акши и Аги.

После образования Бурято-Монгольской республики (в 1922 году) в пределах Дальнего

Востока остались лишь отдельные бурятские улусы, разбросанные в долинах рек Каренги, Витима, Нерчи, Ингоды, Читы и Онона.

Буряты в прошлом — номады, но с тех пор, как поселились в Сибири, стали народом оседлым, причём те, которые околонизовались в Иркутской губернии, переменяв седло кочевника на русскую соху, всё же форму войлочной юрты сохранили в архитектуре своих деревянных построек. Но те буряты, что осели в Забайкалье, остались скотоводами. Их встреча с русскими и дальнейшее соседство с семейскими старообрядцами были враждебными из-за земель, так как великороссы делали постоянные попытки захватить их с тем, чтобы оттеснить бурят снова в Монголию.

Табунно-скотоводческое хозяйство бурят долгое время оставалось таким же примитивным, каким оно было и ранее в степях Монголии. Они мало заботились о заготовке корма на зиму, предоставляя рогатому скоту (а также овцам и лошадям) самим добывать его из-под снега.

Ведение такого примитивного хозяйства даёт буряту большой досуг, который позволяет ему проводить время празднично. Этот досуг, часто граничащий с ленью, создал из него человека флегматичного; но как только он сел на коня, тотчас преображается в наездника, лихого и чрезвычайно подвижного. Ко времени водворения великороссов в Забайкалье у бурят ещё сохранились воинственные традиции времени Чингиз-хана, что и дало повод создать из них туземное казачье войско.

Удэхе-тазы с р. Имана

Время, обстановка, распространение школы и влияние соседей великороссов всё же понемногу принуждают бурят переходить от примитивного скотоводческого хозяйства к рациональному. Они стали заводить у себя сепараторы, маслобойки, разбираются в марках сенокосилок и теперь снабжают забайкальский рынок маслом, мясом и шерстью. Интересно отметить, что хотя забайкальские буряты и вводят в своё хозяйство разные усовершенствования, но большинство их упорно остаётся скотоводами и решительно отказывается от земледелия.

Якуты

Настоящая тюрко-татарская народность саха — якуты исторически появились на территории Дальнего Востока весьма недавно, не больше как лет 25—30 тому назад.

Представителей тюрко-татар мы находим на Балканском полуострове, в Малой Азии, на Иранском плоскогории, у Гималайских гор, в Центральной Азии, на реке Иртыше и у берегов Ледовитого океана. Такая разбросанность служит доказательством их энергии и предприимчивости — качеств, присущих деятельным историческим народам. Вследствие таких свойств характера, якуты не смогли окончательно осесть в бассейне реки Лены. Якутская область явилась для них лишь этапом или вернее базой, откуда они могли проникать в соседние земли, занятые другими народами. Ныне якутов не только отдельными семьями, но и целыми посёлками мы находим в северных частях Амурской губернии, в Удском уезде, Приморской губернии, в Охотском крае и на Чукотке. С каждым годом стремление якутов выйти к югу на Амур и на восток к морю становится всё интенсивнее.

Мы должны отметить удивительную приспособленность якутов к окружающей обстановке. Так, в южных частях освоенной ими территории они

Тазовская фанзочка и рядом типичный удэхейский амбарчик на сваях, р. Иман

занимаются земледелием, но отдают предпочтение древнему своему занятию — скотоводству и коневодству; дальше на север якут становится оленеводом, но в то же время держит лошадей, а за полярным кругом усваивает уклад жизни азиатского эскимоса.

Перенесёмся теперь в Колымский край — к крайнему пределу древесной растительности, состоящей из чахлого тундрового мелколесья и уродливо выродившейся лиственницы с отмёрзшей вершиной. Мы за полярным кругом, где зимой сумерки и багровая заря на северо-востоке называются днём. Здесь проходит граница эйкумены¹ человечества. Люди, обитающие на северной окраине Азиатского материка, находятся в полной зависимости от окружающего их животного мира.

Естественно, что солнце у них пользуется глубоким почитанием. «Хороший огонь, — говорят они, — лучший праздник!»

Человек вообще неохотно шёл на изощрение ума своего в борьбе с севером, но всё же те, которые волею судеб попали в ледяные пустыни, чтобы там снискать себе покой и пропитание, должны были принять привычки гиперборейцев.

То же самое случилось и с якутами. Они должны были приспособиться к климату и обстановке. Мы посетим их и посмотрим, как живут эти люди зимою.

Во время пурги на лыжах идёт человек с собакой. Он заблудился и не может найти дороги, занесённой снегом. Якут одет так, как чукчи и эскимосы: на нём торбаса, меховые штаны, кухлянка и головной убор составляют одно целое.

Удэхеец

¹ Территория на земле, занятая человечеством.

Удэхе-тазы с р. Имана

Солнечный короткий день кончился, стало снова темнеть, пурга усилилась... Якут остановился, осмотрелся и, выбрав место, снял лыжи и воткнул их в снег. Затем он закрыл лицо капюшоном и, спрятав собаку под кухлянку, лёг прямо в сугроб. Метель тотчас стала засыпать его снегом. Так будет он лежать до тех пор, пока не кончится пурга, не разъяснится небо и полярное сияние не осветит дорогу. За себя якут не боится. Он не вспотел и лёг своевременно. Вся забота о том, чтобы не погибла собака.

В. И. Иохельсон описывает случай с девушкой Тымыр-Кис, пролежавшей в снегу таким образом шесть суток. Около неё снег обтаял и смерзся в такую плотную массу, что её пришлось вырубать топорами.

Якуты с Витима (объякученные тунгусы)

Гольдячка

Любимым занятием якутов является купля-продажа, торговля-спекуляция. Они скупают пушнину, снабжая охотников в долг припасами, берут товары на комиссию и становятся посредниками между купцами и промышленниками.

Якуты, подобно китайцам, обладают какой-то особенной агрессивной силой, объякучивая все народы, с которыми приходят в соприкосновение. Так, они объякучивают не только тунгусов, но и великороссов. Они сумели заставить решительно всех говорить по-якутски. Во времена Миддендорфа (1840 год) в доме якутского губернатора приемным языком был якутский. В настоящее время среди якутов, равно как и среди бурят, есть много лиц, получивших среднее и высшее образование. Вообще якуты — народ очень жизнеспособный, энергичный и с колониационной точки зрения желательный.

Третью группу туземного населения составляют палеазиаты: гиляки — 4 076 человек, коряки — 7 434 человека, чукчи — 11 040 человек, эскимосы — 1 291, юкагиры — 45, чуванцы — 684 и алеуты — 351 человек. Значительную часть этих народностей правильнее было бы назвать аме-

риканоидами (по В. И. Иохельсону). В места нынешнего их обитания они пришли из Америки, куда ещё раньше попали из Азии в эпоху существования перешейка на месте Берингова моря. По роду занятий они делятся на три подгруппы: рыболовов, оленеводов и охотников на морского зверя. Рассмотрим каждую из этих подгрупп отдельно.

Рыболовами будут самые южные из них — гиляки.

Гиляки

Археология и лингвистическая палеонтология (древнее название рек, гор, утёсов, мысов, урочищ, например, Ур, Деп, Уссури, Хор (Пор), Буир, Куэнга, Тало и др.) с неоспоримой ясностью свидетельствуют о том, что когда-то гиляки занимали весь бассейн Амура и на юг далеко подымались по реке Уссури, но потом они были вытеснены тунгусо-маньчжурами в места нынешнего их обитания к устью Амура и на остров Сахалин¹.

Гиляк с о. Лянгр

Гиляки — настоящие ихтиофаги². Весь уклад их жизни приспособлен к рыболовству и только отчасти к охоте на морского зверя. Хотя они живут при устье Амура и на своих дощатых лодках совершают путешествия на Сахалин, но тем не менее боятся моря и плавание их ограничивается Амурским лиманом.

Так как колонизация Амура шла в двух направлениях: от верховьев и со стороны устья, гиляки раньше других столкнулись с русскими, и потому уклад их жизни больше других подвергся ломке со стороны социальной и хозяйственной. Крупные капиталистические рыбопромышленные предприятия с их соблазнами и в особенности торговля спиртом имели на гиляков весьма развращающее влияние. Обилие рыбы, которую легко было ловить заездками, удобства доставки её рыбопромышленникам в обмен на деньги и предметы роскоши — всё это разрушило своеобразный родовой строй и из людей трудоспособных сделало ленивых, беспечных прожигальщиков около больших рыбалок.

По характеру гиляк медлителен в движениях, хитёр и мстителен. Он любит покупать вещи, перепродавать их, выменивать, взять под залог, в долг и т. д.

¹ См. П. П. Шмидт. Языкознание. ДВГУ. 1916.

² Ихтиофаг — питающийся рыбой.

Гиляки

Гибель города Николаевска и всех рыбопромышленных предприятий во время революции принудила гиляков стряхнуть с себя апатию и искать других заработков. Некоторые из них завели лошадей и занялись огородничеством. Доставка грузов, почты и пассажиров на остров Сахалин в летнее полугодие производится на катерах, а зимой по льду лимана на нартах с собаками. Этим извозным промыслом всегда занимаются гиляки.

Коряки оленные

Как чукчи, так и коряки делятся на оленных и сидячих. Первые, как показывает самое название, занимаются оленеводством, вторые, сидячие, — охотой на морского зверя. Было время, когда коряки занимали весь Охотский край и на юге граничили около Шантарских островов с гиляками. Потом они были оттеснены к северо-востоку. Ныне местообитанием коряков служит Тайкгоносский полуостров, северная часть Камчатки и громадная тундра к востоку от Пенжинской губы, известная в географии под названием Парापольского Дола. Восточной границей области, занятой коряками, будет верховье реки Анадыря, а на север они доходят чуть ли не до Среднеколымска.

Коряк тоже оленевод, но совсем иного склада, чем тунгус. Суровая природа Гижигинского уезда, глубокоснежная зима, где пурги дуют иногда по две недели подряд, тундры и болота создали коряков такими, каковы они есть — практичными, расчётливыми и несколько флегматичными.

Окружающая их природа и экономические условия властно начертала им план жизни: «Счастье — размножение ваших табунов, этим живите и за этим следите неустанно, полагаясь только на самих себя. Рыбу, птицу,

Гиляцкое летнее жилище, о. Сахалин

Гиляки

зверей, пушнину, всё добывайте, но смотрите на них, как на средства, ведущие к основной вашей цели — оленеводству¹.

И вот, памятуя эти заветы, тщательным уходом приумножать свои стада, — коряки фактически живут от них и для них. Всё остальное носит характер случайный.

Наученные опытом, что олени хорошо размножаются на отборных пастбищах, тогда как постоянные скитания по тайге, сопряжённые с переменою обстановки, только утомляют животных, они теряются, дичают, — коряки устроились полуоседло на горных плато и окружающих тундрах, дабы легче было обозревать стада. Только по мере окончательного вытравливания корневища они постепенно передвигаются к свежему. Никуда они, собственно, не спешат, большинство имеет постоянные юрты, столь внушительных размеров, что в каждой из них вмещается до десятка пологов. Теперь

¹ Тоже из рукописи Г. И. Розенфельда (Нордштерн).

Коряки

Олени Гижигинского района

они завели у себя лампы „Чудо”, керосиновые машинки „Примус” и дорогие полевые бинокли».

Оленный коряк — человек спокойный и рассудительный, с практическим укладом ума, он бережёт своих оленей и на сторону продаёт или для себя закалывает только слабосильное животное.

Бывший Гижигинский уезд является центром торговли кустарными изделиями из оленьих мехов: расшитые цветной мозаикой ковры из оленьих шкур, великолепные из хорошо подобранных пыжиков кухлянки, узорчатые упованы и разукрашенные торбаса, малахаи и рукавицы, — всё это указывает на достатки оленеводов и на досуг, который они употребляют для художественно-творческой деятельности.

Тундра для европейцев абсолютно гиблое место, непригодное для жизни, но туземец сумел и здесь освоить, казалось бы, ничтожные ресурсы страны.

Коряцкая юрта в Карагинской бухте

Чукчи оленные

Оленные чукчи, обитающие к востоку от реки Колымы на Чукотском полуострове и в Анадырском крае, не выносят никаких стеснений, никакой опеки. Олень и тундра — вот всё, чем поглощена жизнь чукчей; и то и другое они не променяют ни на какие блага в мире.

Во время завоевания Чукотской земли русскими чукчи оказали весьма стойкое сопротивление. С той поры они живут совершенно самостоятельно и если платят дань мехами, то как по времени, так и по качеству и количеству по своему усмотрению.

Непосидчивым и своенравным чукчам природа дала иные указания: «Большие табуны оленей, сумы, набитые пушниной, ловкие торговые сделки, отвага и личная доблесть, энергия и риск дадут вам счастье».

Коряки из села Олюторки

Коряки сидячие. Корячка кормит ребёнка

Многочисленное племя чукчей по характеру своему представляет нечто среднее между коряками и тунгусами. Гр. Хренов¹ так характеризует оленное хозяйство чукчей: «...у тунгусов оно легко и подвижно, у коряков основательно и солидно, а хозяйство чукча есть в буквальном смысле слова торговый караван. Это владелец капитала, часто меняющий свой курс по личным прихотям и сообразно выгодам момента. Для кочующего чукча, коммерсанта в душе, северные олени составляют капитал, а охота, рыбная ловля оплачивают его ежедневные расходы.

В условиях своей подвижной жизни чукча — спортсмен. Когда он летом пасёт свои табуны, то вследствие обилия комаров животные ведут себя беспокойно, и чукче, не приучившему собак пасти оленей, самому приходится бодрствовать; он постоянно бегает и проводит по несколько суток подряд без сна». Езда в нартах, запряжённых оленями, также способствует тренировке.

¹ Незданная рукопись 1922 года.

Всё время приходится прыгивать с саней, поддерживать их то с одной, то с другой стороны, бежать сзади, или же отталкиваться ногой от камней, глыб льда и т. д. Получается впечатление, будто человек вольтижирует на санях. Всё это выработало из чукчей отличных бегунов.

Несмотря на окружающую их бедную природу, они жизнерадостны, любят всевозможные состязания, на которых принимают участие и женщины и дети. Чукчи не пропустят ни одной ярмарки и часто отправляются на них без всякой видимой нужды.

На севере это лучшие проводники и знатоки внутренней части страны, которая без чукчей была бы для европейцев совершенно недоступна.

Охотники на морского зверя

К береговым жителям, занимающимся охотой на морского зверя, относятся: сидячие коряки, сидячие чукчи и эскимосы. Первые живут по берегам Пенжинской губы, по обе стороны перешейка полуострова Камчатки и в Олюторском районе от бухты Караги до мыса Наварина. Далее к востоку обитают сидячие чукчи, а ещё далее по окраинам Чукотского полуострова (Берингова пролива) и Ледовитого моря — частью чукчи, но, главным образом, — эскимосы (Пээкит, Вутенцы и Айвауаны).

Уклад жизни охотника на морского зверя так органичен, все детали в нём так логически и причинно связаны друг с другом, что всякое частичное новшество, внесённое в него со стороны, разрушает всю систему. Возьмём ещё хотя бы такую невинную вещь, как железная печка. Поставленная в ярангу вместо жировой лампы, она чрезвычайно быстро высушивает кожи, которые начинают трескаться, и жилище скоро разваливается. Точно так же замена одежды из оленьих пыжиков платьем европейского покроя приводит к тому, что у туземцев начинаются простудные заболевания.

Глядя на весь уклад жизни охотника на морского зверя, невольно поражаешься, сколько труда, энергии и опыта затрачено, чтобы в столь

Чукчи в пути

суровой обстановке наладить относительно сносное существование. При данных условиях окружающей природы эти, как кажется с первого взгляда, примитивные формы хозяйства на самом деле представляют собою высокое достижение человеческой изобретательности.

Европеец, воспринимающий этот быт сквозь призму городской культуры и зло критикующий порядок коряка, чукча или эскимоса, когда попадает в положение туземца, несмотря на затрачиваемую им силу и энергию, не может достигнуть уровня последнего. То, что для

Чукча

берегового жителя является обычным трудовым навыком, европейцу всегда даётся с невероятными трудностями: и собаки у него хуже бегут, и рыба гнилее.

Обитателей прибрежной полосы Берингова моря и Полярного моря — чукчей, коряков и эскимосов — объединяет между собою сходство тяжёлых жизненных условий. Море заменило им тундру, собака, как способ передвижения, и морская зверь, как средство питания, заменили оленя.

Между оленными чукчами и коряками и сидячими их сородичами произошло как бы разделение труда, связывающее их в единое промышленное хозяйство. Насколько сидячие туземцы нуждаются в продуктах промысла оленеводов, настолько последние, в свою очередь, не могут обойтись без береговых жителей, как торговцев и посредников между ними и европейцами. Кроме того, оленные чукчи и коряки нуждаются в продуктах морской охоты, которые они могут получить только у береговых жителей.

Сидячие коряки

Эти последние развитее и предприимчивее оленных и славятся как хорошие кузнецы и резчики по кости, зато вторые богаче и здоровее своих береговых собратьев. Наиболее сохранившимися в своём первобытном состоянии будут коряки, обитающие по побережью Пенжинской губы, и чукчи к юго-западу Анадырского залива, живущие в таких местах, куда европейцы очень редко заходят.

Особенно оригинально жилище коряков с воронкой наверху. Своим странным внешним видом оно может поразить непривычный глаз, но на самом деле сконструировано так, что его во время пурги совершенно не заносит снегом. Если бы какому-нибудь инженеру поручить составить проект юрты, удобной в условиях полярной жизни, он непременно должен был бы целым рядом довольно сложных формул и вычислений доказать целесообразность жилища коряка, в котором скрыта такая же тонкая и сложная механика, как в пчелиных сотах.

Береговые чукчи

Береговые чукчи такие же любители спорта, как и оленные, только гонки у них бывают не на оленях, а на собаках и лодках (байдарках), которые имеют остов из тонких прутьев без гвоздей, обтянутый кругом (в том числе и сверху) моржовой кожей с поплавками по сторонам.

Спорт заключается в умении отойти на байдарках от берега во время морского прибой. Отважный пловец вместе с лодкой буквально пронизывает пенистый гребень волны. К этому чукчи привыкают с малого возраста. Есть небольшие байдарки, на которых дети упражняются в метании копья, в скрадывании воображаемого зверя и т. д. Нередко можно видеть, как одна лодка перевернулась, а мальчики с других лодок вылавливают из воды неудачников. Матери, стоя в это время на берегу, не волнуются и лишь только криками подбадривают своих ребятишек.

Чукчи с мыса Чаплина

Чукчи постоянно упражняются в метаньи камней, в выжимании одной рукой тяжести кверху, причём и здесь участвуют женщины и дети. Всё это сопровождается весёлым смехом и шутками. И характер, жизнерадостный и подвижной, совершенно не соответствует данному им названию «сидячие».

Эскимосы

Теперь несколько слов об эскимосах. Они живут по морскому побережью от Берингова пролива до Чаунской губы — отдельными семьями, по восточному берегу Чукотского полуострова — целыми селениями, по островам Лаврентия, Диомидова и по берегу Ледовитого моря — довольно плотной массой.

Эскимосы — среднего роста, крепкого телосложения. Это хорошие моряки. На своих утлых ладьях они иногда уходят от берега более чем на сто миль.

Эскимосы — народ весьма трудолюбивый. Они мало бывают дома и большую часть времени проводят на охоте. Условия работы на севере крайне тяжелы, особенно когда приходится по торосам льда уходить далеко от берега. Часто случается, что ветром взламывает лёд и охотников уносит в море, где они зачастую и погибают. Впрочем, море они знают так же хорошо, как тунгусы тайгу. У них есть свой сейсмограф. Уходя от берега по льду, они, в тех случаях, если изменилась погода, ставят небольшую ярангу (палатку) так, чтобы в неё не задувал ветер. Затем в лёд вмораживают тонко заострённую кость, кладут на неё стержень птичьего пера и наблюдают. Если перышко спокойно, значит, лёд держится у берегов, если же оно дрожит, значит, грозит опасность и надо скорей возвращаться назад, но если перышко качается, значит, лёд оторвался, и они уже плывут.

Жилища эскимосов — углублённые землянки или ямы в скалах, сверху покрытые дёрном и торфом. Летом они живут в ярангах, сшитых из

Чукчанки

Чукча с молодым оленем

лишения и невзгоды встречают с мужественной и мудрой выдержкой. Реки, впадающие в Полярное море, не могли оказать на них благотворного влияния, потому что устья их окружены льдом и находятся в состоянии вечного покоя.

Морской зверь даёт этим людям материал для жилищ, лодок и одежды, даёт отопление и освещение. Но море не всегда щедро посылает прибрежному жителю пропитание: периоды голодовок часто чередуются с обилием мяса.

Если случайно к припою льда около берега ветром пригонит мёртвого кита, немедленно даётся знать соседям. Тогда всё население на собаках устремляется к труп животного и немедленно приступает к разделке

Чукчи на льду. Мыс Дежнёва

кож убитых ими морских зверей. Строительным материалом служат выкидник и рёбра кита. Жилища освещаются и отапливаются нерпичьим жиром, горящим в особых жировых лампах.

Эскимосы живут на границе обитаемой человечеством земли. Они знают, что впереди, если стоять лицом к северу, находится пустыня. Крайне суровая обстановка, полярные зимние ночи, длящиеся несколько месяцев подряд, почти полное отсутствие растительности — нашли отражение в их характере. Они серьёзнее чукчей, решительнее и все ли-

шения и невзгоды встречают с мужественной и мудрой выдержкой. Реки, впадающие в Полярное море, не могли оказать на них благотворного влияния, потому что устья их окружены льдом и находятся в состоянии вечного покоя. Морской зверь даёт этим людям материал для жилищ, лодок и одежды, даёт отопление и освещение. Но море не всегда щедро посылает прибрежному жителю пропитание: периоды голодовок часто чередуются с обилием мяса. Если случайно к припою льда около берега ветром пригонит мёртвого кита, немедленно даётся знать соседям. Тогда всё население на собаках устремляется к труп животного и немедленно приступает к разделке туши; тогда и люди, и собаки отъедаются досыта. За неимением дров эскимосы пользуются большими американскими керосинками, которые ставятся тут же на льду или на спине кита. Одни эскимосы снимают кожу, другие вырезают куски сала, третьи стараются добраться до языка.

В это время даже слепые выбираются из юрт и участвуют в общем празднестве, поглощая большие куски жира и обтирая руки о полы одежды. Специально отряжённые люди зорко следят за льдом. И вот, в самый разгар пиршества,

Селение Уэллен. Вид с горы. Чукотский полуостров

Шкуры белых медведей бр. Карасёвых на мысе Дежнёва

вдруг раздаётся крик. В мгновение ока все люди бросаются к нартам и мчатся к берегу. Собаки понимают, какой опасности они подвергаются, и, напрягая все силы, бегут «в растяжку». Близ материка лёд треснул, и переменившимся ветром его стало относить в открытое море. Между берегом и льдом образовалась щель шириною в метр. Медлить нельзя! И люди, и собаки бросаются в воду и помогают друг другу выбраться на другую сторону расщелины. Ветер усиливается, и трещина всё расширяется. На берегу собрались мужчины, женщины и дети. Они печально смотрят в море, куда отходит припой, а с ним и мёртвый кит, на спине которого остались дымящиеся керосинки.

Если бы случилось так, что морские звери исчезли, люди вымерли бы, и тогда берега Чукотского и Анадырского края превратились бы в пустыню и имели такой вид, какой имело северное полушарие в Ледниковую эпоху.

МЕТИСЫ

Более чем двухсотпятидесятилетнее пребывание русских в Охотско-Камчатском, Чукотско-Анадырском, Приамурском крае и в Забайкалье не могло не оставить следов на туземном населении Дальнего Востока в антропологическом и хозяйственном отношении.

Русские прибывали сюда в большинстве случаев одинокими и вступали в браки с туземными женщинами. Так образовались первые метисы.

Довольно явственные следы метисации мы можем усмотреть также и в физическом типе русского старожильческого населения, в частности в забайкальских, амурских и уссурийских казаках. В данном случае нас особенно интересуют настоящие метисы.

Племя, возникшее в результате мирного сожительства великороссов с бурятами и тунгусами в Забайкалье, смесь русских с первобытными насельниками Камчатки — ительменами, получившими название камчадалов, и смесь русских с чукчами и коряками, которые совершенно неосновательно в Чукотско-Анадырском крае тоже называются «камчадалами» — всё это метисы. Последних в отличие от настоящих камчадалов мы будем называть «местными жителями».

Метисов Забайкалья следует разделить на две группы: метисов бурятской крови и метисов, образовавшихся от смешения русских с тунгусами. Есть ещё смесь тех и других, но она немногочисленна, не типична и из дальнейшего описания можно уяснить себе, что она из себя представляет.

Буряты, сами далеко неоднородная племенная единица, в течение многовековых странствований впитавшие в свою речь и кровь татар, бухарцев, солон, калмыков и др., — в восточном Забайкалье обурячивают тунгусов и русеют с русскими. В том и другом случае возникает племя, являюще-

Эскимосы

еся носителем единого по форме и духу молочно-мясного скотоводческого хозяйства, в котором монгольская стихия даёт о себе знать подробной номенклатурой возрастов, пород, мастей, болезней, привычек и нравов домашнего скота, узнаётся в мелочах инвентаря, в приёмах ухода за скотом и в связанных с ним увеселениях, играх и празднествах.

Метисы бурятской крови живут, главным образом, в бассейнах рек Ингоды, Онона и Аргуни. Это земледельцы и скотоводы. Кроме рогатого скота, они разводят много овец. Именно они и являются поставщиками известных лошадей забайкальской породы. За последние годы наблюдается упадок в их хозяйстве, сокращение стад и посевной площади. Многие бросают земли и уходят на золотоносные прииски, железную дорогу и ищут заработков в городах. Иные пытаются бороться с обнищанием путём рационализации своего хозяйства. Надо думать, что школа, агроном и кооперация выведут этих людей на хорошую дорогу жизни.

Метисы северной половины Забайкальской губернии несколько иного склада. Их разбросанные посёлки находятся в бассейне Верхней Ангары, Баргузина, в верховьях Витима, по левым притокам Ингоды (начиная от Читы) и Шилки.

Эти полутуземцы занимаются земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством и сплавом леса. Тунгусо-метисы живут почти всегда большими семьями, не разделяясь. Если есть в семье три брата, один занят преимущественно земледелием, второй — охотой, третий — пчеловодством или лесным делом и т. д. Однако, такое разделение труда не исключает возможности ухода в тайгу всех членов семьи, если это не приносит ущерба хозяйству.

Имеется достаточно оснований говорить не только о метисации крови, но и о метисации хозяйства, языка, быта. Туземное влияние наложило неизгладимую печать почти на всю область великорусской старожильческой культуры в Сибири. Параллель этому можно видеть в хозяйственном быте буров Южной Африки.

Русскому ничего не надо было придумывать, когда он, покинув озёра родных раздолий, попал в суровую страну.

До появления «рыжеволосых» здесь жили тунгусы, которые имели позади не менее высокую культуру, чем пришельцы. Великоросс научил тунгусов есть хлеб и пить водку, но вместе с тем и сам отунгусился. В новой обстановке, при данном уровне развития средств производства, заимствованные у тунгусов предметы хозяйства и быта оказались

Эскимосы во льдах

Камчатка. Село Мильково

наиболее совершенными. Великоросс это очень хорошо понял и послушно напялил на себя оленью доху, тунгусские сапоги из «звериных лап» и рукавицы с поперечным разрезом у основания большого пальца; он переделал свои дровни на манер тунгусской нарты, увеличив длину копыльев, чтобы не задевать за пни и корни таёжных троп; и со всеми мелочами позаимствовал у тунгуса обиход его охотничьего ремесла. Даже в область бытовой эстетики вторглось тунгусское влияние: каждая уважающая себя крестьянка расстилает в горнице тунгусские коврики-камуланы, собранные из оленьих и сохатиных голов.

Мало того, великоросс перенял от тунгусов целую серию географических терминов. В условиях русской равнины, даже в северных лесах метрополии, конечно, не могли возникнуть названия, удобные для того, чтобы ориентироваться в обстановке ландшафта высокогорной Сибири.

Займствуя вещь, человек почти всегда заимствует и слово. «Чужое слово в народном лексиконе, — говорит профессор Ф. А. Браун, — есть как бы расписка в получении культурной ценности от друга соседа».

История слов неотделима от истории вещей. Существует тесная и необходимая связь не только между явлениями языка, но и социальными условиями; на язык влияет и географическая среда.

В результате длительного, почти трёхвекового, сожительства двух разноразличных групп и вследствие смешанных браков, сменивших постепенно принудительный конкубинат эпохи первого вторжения казачьей вольницы и охочих торговых людей, также в процессе обмена хозяйственными достижениями — в языке господствующей численно группы голубоглазых завоевателей возникли особенности не только по линии словаря, но и в языковом мышлении.

В Амурской и Приморской губерниях русские появились так недавно, что говорить о появлении в этих местах нового антропологического типа ещё преждевременно.

Камчадалы

Аборигены полуострова Камчатки — ительмены — относились к палеазиатам. По словам С. Крашенинникова, это был народ чрезвычайно энергичный, воинственный, подвижной, коварный и мстительный. Они отличались хвастовством и упрямством, убийство не считали пороком и, наоборот, доброту и ласковое обращение считали за глупость. Ныне, по удачному выражению В. П. Маргаритова, современные камчадалы «житьем иссушены и правами бедны».

В культурном отношении несколько продвинулись вперёд камчадалы, живущие около Большерецка, Петропавловска и в долине Камчатки. Они трудолюбивы, живут в чистеньких, опрятных домиках, занимаются рыболовством, охотой, соболеванием и отличаются нравственностью, честностью и высокой добросовестностью. Камчадалы внутренних частей полуострова и по сие время живут так, как сто лет тому назад. Их убогие избушки часто построены одним топором без участия пилы, они не знают никаких ремёсел — ни кузнечного, ни столярного, ни слесарного, ни бондарного; при передвижениях зимой пользуются собаками, а летом — долблёными лодками; их пути сообщения — реки и тропы, протоптанные медведями.

При том обилии рыбы, которое имеется на Камчатке, камчадалы питаются дрянной юколой. Некоторые из них имеют около своих домиков маленькие огородики (на 6 семейств 1/3 гектара), на которых сажают картофель и репу.

Старым традиционным блюдом камчадалов является сарана, которую они отбирают у мышей с таким расчётом, чтобы животные не погибли и могли бы снова пополнить свои запасы до наступления холодов.

Камчадалы, слабые физически и апатичные, находятся в состоянии медленного вымирания. За двухсотсезон — значительно сократилось. По переписи 1926 года, камчадалов числится 4 207 человек.

«Местных жителей» (смесь русских с коряками и чукчами) мы находим в Гижигинском уезде и в долине реки Анадыря. В культурном отношении

Камчатский посёлок Камаки

Камчатальский балаган с юколой

эти люди, в особенности обитатели Тауйской, Омской и Гижигинской губы, стоят ещё ниже, чем камчадалы.

Небольшие селения их изолированы друг от друга бездорожьем. Реки в местах их обитания текут в таком направлении, что не только не облегчают сообщения между селениями, но, наоборот, служат препятствием. Зимой местные жители живут в таких же домиках, как и камчадалы, а лето проводят в особых юртах, называемых летниками, построенных на берегу моря из выкидника и

обложенных дёрном и землёю. Они почти все алкоголики, и многие из них заражены венерическими болезнями.

По берегам Берингова и Охотского морей, куда русские и в особенности иностранные суда в изобилии доставляли спирт, выменивая его на пушнину, мы видим спившееся местное население, изо дня в день влачащее полуголодное существование, мы видим, что благосостояние тунгусов Охотско-Камчатского края выше, чем у прибрежных метисов. То же самое можно сказать и про тех потомков славных казаков, которые когда-то завоевали край и которые ныне, смешавшись с туземцами, осели в долине реки Анадыря. Оленные чукчи и коряки развитее и материально более обеспечены, чем местные жители. Голодовки у последних стали обычным явлением, и, если бы их не выручали коренные обитатели страны со своими стадами, они давно все вымерли бы поголовно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всех рассмотренных выше групп населения, с точки зрения антропогеографической и хозяйственно-экономической, наиболее жизнеспособными будут: великороссы, китайцы, якуты и чукчи.

Первые имеют колоссальный исторический опыт не только в смысле успешной борьбы с природой, но и в умении ладить с самыми различными народностями, с которыми они входят в соприкосновение. В то же время они меньше других находятся под давлением традиций и привычек по местам их выходов в Сибирь. Стране первобытной и дикой они стараются, по возможности, придать вид страны цивилизованной и в то же время сами приспособляются к окружающей обстановке.

Китайцы обладают особой силой ассимиляции народов, стоящих не только ниже, но и выше их в культурном отношении. В течение тысячелетий китайцев били монголы, гунны, тунгусы, и все победители превратились в китайцев. Ярким примером является происшедшее почти на наших глазах окитаивание маньчжуров, в течение двух с половиной веков властвовавших над Китаем.

Долгое время китайцев считали народом замкнутым и неподвижным, народом, который ограждает себя высокой стеной от соседей-варваров. Ныне китаец сам перешагнул через эту стену и пошёл туда, где до сих пор царил только европеец. В настоящее время мы застаём их на территории Восточной Сибири, не только в частях, прилегающих к Маньчжурии, но и по нижнему Амуру, в Охотском крае и на Камчатке.

Якуты, как мы знаем, начали продвигаться на юг к Амуру и на восток к Охотскому морю. Это продвижение только что началось и, несомненно, будет продолжаться и впредь всё в больших и больших размерах. Такую же роль, какую сыграли китайцы по отношению к варварам, попавшим в сферу их влияния, будут играть и якуты по отношению ко всем прочим туземным народностям русского Дальнего Востока.

И, наконец, чукчи — жизненное и немногочисленное племя, оказавшее столь сильное сопротивление русским, быстро и легко поддается американскому влиянию. Перед нами знаменательный факт. Сравнительно небольшая народность, ещё двадцать пять лет тому назад находившаяся в стадии каменного века, в настоящее время через посредство американцев, не ломая в корне старинного уклада своей жизни, быстро стала усваивать высшие достижения европейской материальной культуры — бинокли, скорострельные ружья, швейные машины, моторные катера и т. д. В яранге чукча вы можете поговорить по-английски и сыграть интересную партию в шахматы. Чукчи и якуты сумеют сами устроить свою жизнь, но этого нельзя сказать про остальных туземцев. О них надо позаботиться, и эту заботу взял на себя Комитет помощи малым народностям Севера РСФСР.

СПИСОК РИСУНКОВ, ПОМЕЩЁННЫХ В ТЕКСТЕ

Т. А. Калугин, старовер-энтомолог из Анучино	22
Изба великоросса в первые годы переселения.....	23
Русские. Мойка рыбы на амурских промыслах.....	24
Русские и удэгейцы с р. Самарги	25
Посёлок украинцев в Хабаровском округе в первые годы переселения.....	27
Корейцы	30
Корейское селение	30
Корейки из бухты Гайдамак	31
Японец-носильщик на рыбалке.....	32
Японка на выгрузке рыбы	33
Японец-комиссионер	34
Тунгус-оленеvod с Витимского нагорья.....	34
Жилище берегового тунгуса.....	35
Тунгус	36
Якуто-тунгус с о. Лянгр.....	37
Оленняя тунгуска Северного Прибайкалья.....	37
Ламут.....	38
Ламутка	39
Амурский гольд	41
Гольдская фанза	42
Ороч	43
Ороч	44
Орочи Советской Гавани.....	45
Орочи.....	46
Удэгейская женщина с р. Кусун	47
Удэхе-тазы с р. Имана.....	48
Тазовская фанзочка и рядом типичный удэгейский амбарчик на сваях, р. Иман	49
Удэхеец.....	49
Удэхе-тазы с р. Имана.....	50
Якуты с Витима.....	50
Гольдячка.....	51
Гиляк с о. Лянгр	52
Гиляки	53
Гиляцкое летнее жилище, о. Сахалин	54
Гиляки	54
Коряки	55
Олени Гижигинского района	55
Коряцкая юрта в Карагинской бухте	56
Коряки из села Олюторки	56
Коряки сидячие. Корячка кормит ребёнка	57
Коряки.....	57

Чукчи в пути	58
Чукча	59
Чукчи с мыса Чаплина	60
Чукчанки	61
Чукча с молодым оленем	62
Чукчи на льду. Мыс Дежнёва	62
Селение Уэллен. Вид с горы. Чукотский полуостров	63
Шкуры белых медведей бр. Карасёвых на мысе Дежнёва	63
Эскимосы	64
Эскимосы во льдах	65
Камчатка. Село Мильково	66
Камчатский посёлок Камаки	67
Камчадальский балаган с юколой	68

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие.....	20
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.....	21
Состав населения.....	21
Молдаване и финны.....	22
Русские.....	22
Великороссы.....	22
Украинцы.....	26
Белоруссы.....	28
Молдаване.....	29
КУЛЬТУРНЫЕ НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ.....	29
Китайцы.....	29
Корейцы.....	32
Японцы.....	33
АБОРИГЕНЫ.....	34
Тунгусы.....	35
Гольды и ольчи.....	42
Орочи и удэгейцы.....	45
Ороки.....	46
Буряты.....	47
Якуты.....	48
Гиляки.....	52
Коряки оленные.....	53
Чукчи оленные.....	56
Охотники на морского зверя.....	58
Сидячие коряки.....	60
Береговые чукчи.....	60
Эскимосы.....	61
МЕТИСЫ.....	64
Камчадалы.....	67
Заключение.....	69
Список рисунков, помещённых в тексте.....	70

В КАРСЕНЬЕВ.

В МАТЕРЕ

ВАКАИЯ

612

1925г.

B33
A853

ФВ 33

В. К. АРСЕНЬЕВ

A853

91/57.8

~~872~~ А-88

В КРАТЕРЕ ВУЛКАНА

~~БИБЛИОТЕКА
НАЦИОНАЛ
СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
И ЕЕ РОДНОГО КОММУНИЗМА~~

1239974

Харьковская библиотека
КНИЖНИКА

ВЛАДИВОСТОК
1925

В. К. Арсеньев

В кратере вулкана

Акц. о-во
КНИЖНОЕ ДЕЛО

ВЛАДИВОСТОК
1925

I История Авачинского вулкана¹

Авачинская сопка расположена в тридцати километрах к SSW от г. Петропавловска-на-Камчатке и в двадцати от моря.

Это четвёртый с юга вулкан, высотой в 2 660 метров, находящийся в действии с отдалённейших времён. Он принадлежит к типу Везувия и стоит в одном ряду с Кроноцкой сопкой, будучи отдалён от неё расстоянием в пятнадцать километров.

Первоначальный конус Авачинского вулкана разрушен давно, вторичный также. Нынешний конус насыпан далеко не до прежних размеров. Если стоящую рядом Козельскую сопку рассматривать как остаток первоначального конуса вулкана, то кольцевой вал сопки — Сарай, Монастырь, Игореvu и Южную Сомму — надо рассматривать как остатки вторичного конуса — вал вторичного кратера.

Современный конус Авачинской сопки находится в одном и том же положении с 1828 года, несмотря на целый ряд, правда небольших, извержений с того времени. Этот вулкан один из самых красивых. Внешним своим видом он весьма напоминает сахарную голову.

Центральное место занимает деятельный конус, вокруг которого находится кольцо, разорванное в трёх местах. Остатки этого кольца и есть сопки Сарай, Монастырь, Горка Фауста и Игорева. С южной стороны Соммы находится скала Кутхи (древнего божества камчадалов, обитавшего, по их преданиям, на вершинах огнедышащих гор). Здесь есть утёс, имеющий форму человека в кухлянке и малахае. Это место было священным у камчадалов.

Края Козельской сопки и Соммы изборозжены глубокими барранкосами², деятельный же конус почти гладкий. Вершина его сильно усечена. С неё вниз на юго-запад свешиваются явственно видимые за тридцать вёрст, три потока лавы, которые в 1909 году застыли, дойдя только до подножия конуса. Вблизи эти потоки представляют собой чудовищные глыбы черновато-бурой лавы, хаотически нагромождённые друг на друга.

Авачинская сопка — постоянно действующий вулкан. Грозная её деятельность наводила ужас на ительменов³ и на русских в XVII столетии.

¹ Материалы для этой главы заимствованы из неизданной рукописи П. Т. Новограбленова «Вулканы Камчатки», 1922 г.

² Барранкос — рытвина, идущая от вершины сопки книзу, по которой сбегает вода от тающих ледников и лава во время извержения вулкана.

³ Древние обитатели Камчатки.

I. Первоначальный конус Авачинского вулкана. II. Вторичный конус. III. Современный конус. IV. Сарай. V. Сомма. VI. Козельская сопка. VII. Скала Кутхи. VIII. С. Игорева. IX. С. Монастырь. Пунктиром обозначен путь экспедиции в 1923 году

Извержения этого вулкана отмечены в следующих годах: 1737, 1773, 1827, 1828, 1829, 1855, 1878, 1881, 1894 и последнее — в 1909 году.

О некоторых из них сохранились довольно подробные описания. Так, 27 июля 1827 года, в четыре часа утра, жители Петропавловска увидели, что с севера неслось и сыпалось так много пепла и песку, что затмилось солнце. На другой день в три часа дня слышались необыкновенно сильные удары и гул наподобие грома. То же повторилось и 29 числа в восемь часов утра. Затем появился такой удушливый запах серы, что нельзя было пробыть и четверти часа на открытом воздухе. Тогда большая часть Авачинской сопки обрушилась в кратер, откуда, точно из бездны, тучами вылетали песок и камни. К утру 30 июля атмосфера немного очистилась, но запах серы стал ещё более удушливым. Подземные удары были так сильны, что жители ежеминутно ждали гибели. По словам очевидца, Степана Крашенинникова, Авачинский вулкан до этого извержения был много выше Коряцкого (теперь обратно), но во время землетрясения он, при страшном взрыве, провалился.

Фирновые поля¹, накопившие в течение многих лет громадные толщи льда и снега, приняв на себя потоки лавы, мгновенно растопились. Внезапно образовавшаяся от таяния льда вода, нагретая до состояния кипятка, прорвав Сомму, страшным разрушительным потоком устремилась вниз,

¹ Фирновые поля — начало ледников. Фирновые поля образуются из накопления атмосферных осадков в областях вечного снега, в вершинах высочайших долин. Давление нарастающих снежных масс в связи с подтаиванием снега обращает рыхлые массы в грубозернистый фирн, в нижних слоях постепенно перекристаллизовывающийся в компактный лёд.

Ключевский вулкан в действии (в 1911 году)

увлекая за собой пепел, песок и пемзу, и достигла океана, пройдя тридцать с лишним километров. За этим первым энергичным извержением последовал более спокойный период, хотя тёмные клубы дыма поднимались вверх из кратера и не переставая шёл грязный дождь. Этот второй период продолжался до октября месяца.

Следующее большое извержение было 28 мая 1855 года. В этот день с 7 часов утра вдруг послышался страшный грохот, и тотчас из кратера Авачинской сопки поднялось густое облако дыма и пепла, заставшее большую часть неба; вслед за тем кверху взвился высокий столб огня. В течение многих дней продолжалось сильное извержение, от которого содрогалась земля. На сотню вёрст кругом вулкана было всё засыпано пеплом. Так образовались сухие тундры, только последнее время начинающие зарастать кедровым стланцем¹ и можжевельником.

Извержение 1909 года принадлежало к слабым и никаких несчастий не принесло. Оно продолжалось всего лишь несколько дней, но зато картина была замечательно эффектная, особенно ночью, когда лава лилась по склону, обращённому к г. Петропавловску. Внизу, вокруг вулкана, горели леса. Из кратера всё время взвивались кверху длинные языки пламени и огромные снопы раскалённых добела камней. Небосклон, покрытый густо-чёрными тучами, изрыгнутыми сопкой, освещался кровавым заревом кратерного огня. Это извержение сопровождалось сильным подземным шумом и колебаниями почвы, явственно шедшими от действующего вулкана.

С 1909 года по настоящее время извержений более не было, но тем не менее вулкан принадлежит к числу постоянно действующих. Всё время из жерла его вырываются пары и газы. Деятельность сопки то усиливается, то ослабевает. Правильной периодичности между усилиями деятельности вулкана и ослаблением её не наблюдается. Иногда явственно виден высокий столб паров и газов, подымающийся к небу; иногда же,

¹ Кедровый стланец — низкая (стелющаяся по земле) поросль кедра.

наоборот, сопка только чуть курится. Вследствие этого восхождение на Авачинский вулкан и в особенности спуск в его кратер сопряжены с большим риском.

II

Восхождение на Авачинский вулкан и спуск в кратер

Экспедиция на Авачинскую сопку вышла экспромтом. Пароход Добровольного флота «Томск» прибыл в Петропавловск 21 июля 1923 года, имея намерение простоять в гавани лишь двое суток, но, по независящим от него причинам откладывая со дня на день свой выход в море, он пробыл в Авачинской бухте три недели.

Так как пароход мог сняться с якоря неожиданно, то уходить от него далеко было рискованно. Но вот 1 августа стало известно, что «Томск» простоят в Петропавловской гавани до 7-го числа включительно. Тотчас же был составлен план экспедиции на Авачинскую сопку.

Главное задание заключалось в том, чтобы угадать погоду, так, чтобы в день поднятия на вулкан не было дождя и тумана. Задача эта была трудная, так как при всех почти ветрах, кроме западного и юго-западного, высокие горы полуострова Камчатки бывают покрыты густыми облаками, и тогда восхождение на них не только неинтересно, но даже и небезопасно, о чём речь будет ниже.

2 августа день был тёплый и солнечный, но местные жители, посматривая на небо, говорили, что скоро надо будет ждать дождя.

В экспедиции на Авачинскую сопку решили принять участие: автор настоящих записок, затем местный исследователь, ботаник П. Т. Новограбленов, уже совершивший дважды восхождение на тот же Авачинский вулкан и один раз на Вилучинскую сопку. Потом в состав маленького отряда вошли: председатель Камчатского губревкома М. И. Савченко, оказавшийся отличным альпинистом, военный комиссар А. И. Марков — надёжный товарищ во всякого рода опасных предприятиях, и фотограф Л. Е. Колмаков. Кроме того, в экспедиции приняли участие ещё два лица: капитан парохода «Томск» К. А. Дублицкий и Ю. Н. Кирилова, дочь известного (ныне покойного) краевого работника, врача Н. В. Кирилова. Последняя не имела намерения совершить восхождение на Авачинскую сопку и пошла вместе со всеми с тем, чтобы остаться на биваке у подножия вулкана.

Следуя советам П. Т. Новограбленова, с собою взяли трёх вьючных лошадей, две палатки, крепкую обувь, лёгкую тёплую одежду, один топор, компас, два фотографических аппарата и запас продовольствия на пять суток. Так как он, по прежним своим восхождениям, хорошо знал высоты над уровнем моря различных частей Авачинского вулкана, то решено было барометра с собой не брать. Никакими другими инструментами экспедиция не располагала.

3 августа день опять был солнечный, но отправиться в дорогу не удалось, П. Т. Новограбленов настаивал на выступлении 4 августа рано утром.

Накануне вечером со стороны северо-восточной опять появился туман, что предвещало непогоду. Но на рассвете подул противоположный ветер,

и туман рассеялся. Тем не менее большая часть небосклона была покрыта слоистыми облаками, которые лежали неподвижно — в виде скатерти, и только на западе виднелось чистое небо и Коряцкий вулкан, освещённый солнцем.

В 5 часов утра все участники экспедиции были на ногах, а к 6 часам собрались на сборный пункт к дому П. Т. Новограбленова. Здесь сборы в дорогу и выючение лошадей отняло времени немногим более часа. В 7 часов 15 минут небольшой отряд наш, состоящий из семи человек и трёх коней, тронулся в путешествие.

Путь к Авачинскому вулкану от Петропавловска сначала лежит по дороге к селению Завойко. Пройдя «ферму» и поднявшись на один из отрогов горы Мишенной, как раз у верстового столба, показывающего расстояние — четыре версты от города, надо свернуть вправо, на плохую просёлочную дорогу с едва заметными следами колеи, которая, впрочем, скоро переходит в тропу. Эта тропа проложена охотниками за горными баранами и идёт по возвышенному плато, покрытому редколесьем, почти исключительно состоящим из Эрмановой берёзы (дровяного характера).

Верстах в трёх от поворота тропа разделяется: левая — торная, много хоженная, идёт к Коряцкой сопке, правая — слабая, едва заметная, — к Авачинскому вулкану. Последняя придерживается всё время северо-восточного направления и на пути своём пересекает четыре увала и четыре заболоченных распадка между ними, но не очень топких и вполне доступных для выючных лошадей.

Здесь кончается лес, и тропа выходит на обширную тундру, покрытую зарослями кедрового стланца. Охотники, хорошо знающие эти места, проложили путь выючным коням, искусно лавируя между кустарниками и пуская в дело топоры там, где одна полянка отделялась от другой только узкой полосой кустарника. Тем не менее за тропой нужно внимательно следить, чтобы не сколоться на «тракт», протоптанный медведями.

Вид на Авачинский вулкан, Сомму и Козельскую сопку со стороны сухой тундры. Кривой линией обозначен путь восхождения экспедиции

Теперь до подножия Авачинской сопки было не более десяти вёрст. В ясную погоду она вся как на ладони. Отсюда можно было проследить и тот путь, по которому нам надлежало совершить восхождение на вулкан, но туман и густые облака, как стеной, закрывали его.

Чем ближе мы приближались к вулкану, тем сумрачнее становилось небо. Солнце проглядывало реже; погода как будто начала портиться. Скоро всё разъяснилось: мы медленно поднимались и в то же время приближались к облакам, которые, сгустившись около ледников наподобие туманной скатерти, неподвижно лежали в полгоры. Выше их было чистое небо, и порой, сквозь прорывы, в тучах ясно и отчётливо виднелись Сомма, Козельская сопка и вершина Авачи.

Наша тропа пересекала тундру наискось и затем опять вошла в редколесье, состоящее из берёзы, ольхи, тополя и кедрового стланца. Здесь уже начали попадаться громадные глыбы лавы с округлёнными краями, заброшенные сюда последним извержением в 1909 году. Ещё две версты ходу по едва заметной тропке, заросшей довольно густыми травами, — и мы увидели первые явные признаки близости вулкана. Это была балка, доверху наполненная рыхлыми изверженными продуктами, нанесёнными водою девяносто семь лет тому назад.

Направление балки WNW-е, длина её — версты две и, чем дальше, тем края её выше, и сама она становится извилистее и уже. Когда она кончилась, тропа стала лавировать в кустах между деревьями, подымаясь на высокую гряду, сложенную во время наводнения из тех же рыхлых продуктов. Ещё сто сажен, — и перед нами открылся поразительный вид на так называемую «Сухую реку», вполне оправдывающую своё название.

«Сухая река» представляет из себя ложе, шириною от одной до полутора вёрст, по которому шла вода. Потоки лавы во время извержения вулкана растопили ледники, покрывающие склоны его, и всё это громадное количество воды хлынуло по распадку между деятельным конусом и Соммой. Вода несла с собой песок, пемзу, шлаки в таком громадном количестве, что местами образовала из них целые завалы в несколько десятков метров высотой. По свидетельству местных жителей, поток горячей воды двигался по руслу «Сухой реки» с такой стремительностью, что катил большие крупные камни и местами представлял из себя жидкую кашеобразную массу.

Достигнув увала, на который мы теперь поднялись, поток нагромоздил здесь кучу камней, засыпал их песком, перешёл через самый увал и заполнил обе балки, о которых говорилось выше. Отсюда он повернул к востоку и, пройдя вёрст тридцать, вылился в океан, на значительном протяжении от берега окрасив морскую воду в грязно-жёлтый цвет.

Показания местных жителей о двигательной силе воды не преувеличены. О ней можно судить по окатанным краям громадных глыб лавы, находящихся в русле «Сухой реки».

Разрушения, произведённые здесь водою, носили более страшный характер, чем обычные наводнения. Их нельзя передать словами, едва ли сможет их передать и фотография. Только личные наблюдения на месте могут дать полное представление о катастрофах, разразившихся при извержениях Авачинского вулкана в 1827 и 1828 годах.

От гряды, на которой мы стояли, до подножия Авачинской сопки ещё пять вёрст. Тот, кто пожелает подойти к ней вплотную, должен идти по руслу «Сухой реки», придерживаясь правого её края (левой стороны, если стоять к истокам).

Теперь древесная растительность осталась сзади, и потому кажется, будто движение с вьюками происходит легче, но, с другой стороны, рыхлые пески и обилие обломков лавы скоро утомляют как лошадей, так и пешеходов.

Камчадалы говорят, что в предгорьях Авачинского вулкана держится много горных баранов. Быть может, это и так, но в общем ближайшие окрестности «Сухой реки» пустынно. За два дня мы встретили только один медвежий след, нигде не видно было птиц, не видно и насекомых. Всё это создаёт полное впечатление пустыни.

Глубокая тишина нарушается только глухими звуками оседающей почвы, похожими на подземные вздохи, изредка журчанием ручья, который то появляется на дневную поверхность, то вновь исчезает в песках, да шумом скатывающейся по склонам гальки в тех местах, где готовится обвал.

Вода, стекающая по руслу «Сухой реки» во время дождей, грязно-жёлтого цвета и негодна для питья. Она легко размывает дно и образует овраги, края которых чем дальше, тем становятся отвеснее и выше и наконец превращаются в настоящие каньоны, недоступные для человека, не говоря уже про лошадей. Поэтому очень важно перейти через ручей заблаговременно, дабы потом не попасть в тупик, из которого нет выхода.

Вот почему рекомендуется придерживаться правого берега реки. Следует остерегаться подходить к краям обрывов во избежание обвалов. Даже в тех случаях, когда нужно бывает спуститься с террасы высотой в полтора-два фута, — пески сползают всей массой сразу, лошади теряют почву под ногами, пугаются, прыгают, отчего вьюки у них съезжают вперёд.

*Вид на деятельный конус Авачинского вулкана с ю.-з. барранкоса «Сухая река».
Кривой линией обозначен путь восхождения экспедиции*

Изверженные продукты, заполнившие русло «Сухой реки», состоят из крупного песка (мелкий песок и пепел унесены водою), гравия, величиною с орех, окатанных мелких обломков андезита и трахита (размерами в кулак), сильно обожжённой пористой лавы, имеющей вид окалина краснокирпичного цвета, кусков стекловатых шлаков, сильно портящих обувь, пемзы и, наконец, крупных обломков нейтральной лавы¹, мало насыщенной газами.

В стороне от балки есть древесная растительность, состоящая из ольховника и кедрового стланца, а на песках — типичные представители альпийской флоры; но растут они как-то странно — маленькими группами, изолированными друг от друга.

На высоте 900 метров над уровнем моря кустарники сразу исчезают. Переход к мхам чрезвычайно резок, — словно кто провёл линию, перешагнуть через которую ни в ту, ни в другую сторону не дано ни мхам, ни цветковой растительности.

Здесь надо становиться биваком. Но это не так легко сделать. Надо, чтобы под рукой были вода, дрова и корм для лошадей. Нам повезло. Мы расположились у правого края «Сухой реки», по границе ольхового стланца, где была ещё кое-какая трава, а воду нашли в местах обвалов, у тающего фирнового льда.

Лишь только солнце склонилось к горизонту, как туман начал рассеиваться, и перед нами во всей величавой красоте появился деятельный конус Авачинского вулкана.

Он казался в непосредственной к нам близости, но П. Т. Новограбленов разочаровал нас, сказав, что до вулкана еще не менее пяти вёрст.

К сумеркам в высших слоях атмосферы установилось равновесие. Даже наверху, у самого кратера, был штиль. Газы, окрашенные лучами заходящего солнца в золотисто-оранжевый цвет, казались пламенем, медленно поднимающимся в высь неба.

Отсутствие растительности, фирновый лёд, который издали кажется небольшими пятнами снега, глубокие каньоны, рытвины и барранкосы и грохот обвалов в горах — всё это вместе создаёт картину бесконечнотоскливую. Немудрено, что первобытное туземное население Камчатки боялось этих мест и считало их местообитанием «пихлачей» (маленьких горных духов — детей Кутхи), из-за козней которых люди часто блуждают в тумане и не могут найти дороги.

На общем совещании решено было после ужина лечь спать, с тем, чтобы завтра встать ещё до рассвета, дабы успеть совершить восхождение на вулкан и возвратиться на бивак к началу сумерек.

На другой день все поднялись в три часа утра, а в четыре выступили с бивака, захватив с собой на всякий случай продовольствия на двое суток.

За ночь погода изменилась к худшему; сзади, насколько хватал глаз, всё было покрыто густым туманом. Этот туман казался наводнением, а вершины Вилючинской сопки (2 170 метров) и Мутновской (2 417 метров) — разобщёнными островами.

¹ Нейтральная лава — лава, не обладающая ни кислыми, ни щелочными свойствами — лишённая газов.

Верхние слои атмосферы были затянуты паутиной перистых облаков, сквозь которые светило солнце, а вокруг было большое галло... Плохой признак!

Сразу от бивака начался ступенчатый подъём, наподобие гигантских террас¹, в пятнадцать-двадцать сажен высоты, до двухсот сажен ширины, и каждая в версту длиною. Таких террасообразных плато² четыре. Это — огромные толщи фирнового льда, засыпанные сверху песком и заваленные камнями. Здесь же находятся языки лавы (сажен в двадцать толщиной), вылившиеся из жерла вулкана в 1909 году.

Мы решили дойти до подножия деятельного конуса, затем подняться на седловину между ним и Соммой, а оттуда повернуть влево и идти к кратеру. Для этого надо было оставить правый край «Сухой реки» и перейти на левую её сторону. Теперь уже мы были на высоте 1 525 метров, в области лавовых каскадов. То, что издали казалось нам легко выполнимым, на месте представило невероятные трудности.

При подъёме в седловину встречаются серьёзные препятствия в виде нешироких, но очень глубоких трещин в фирновом льду. Они не прямые, имеют изгибы по вертикали, и потому конца их не видно; слышно только, как где-то далеко внизу шумит вода. Нередко трещины идут вниз под углом по отношению к поверхности льда, бывают запорошены снегом или засыпаны песком, отчего нависший край их становится тоньше, а противоположный — получает уклон. Неосторожный путник легко может его обломить и свалиться в пропасть. Иногда на поверхности песка встречаются впадины, покрытые сетью мелких трещин. Возможно, что под ними произошло подтаивание льда и образовались галереи, прикрытые сверху тончайшей ледяной корой. Удары палкой по песку издают звук, свидетельствующий о том, что под нею находятся большие пустоты.

Немного не доходя до лавовых каскадов, капитан парохода «Томск» К. А. Дублицкий почувствовал себя не совсем здоровым и решил возвратиться назад, опасаясь своим присутствием связать остальных товарищей и тем помешать им достигнуть вершины вулкана. Нет худа без добра. Возвращение К. А. Дублицкого на бивак было как нельзя кстати: у палаток с тремя лошадьми осталась одна Ю. Н. Кирилова. К. А. Дублицкий застал лошадей запутавшимися в верёвках, что могло кончиться весьма печально.

Дальнейшее восхождение на вулкан продолжали пять человек: автор настоящих записок, М. И. Савченко, А. И. Марков, П. Т. Новограбленов и Л. Е. Колмаков.

Снег, который издали мы принимали за белые пятна, оказался большими фирновыми полями от полуверсты до трёх вёрст длиною. Сверху он прикрыт слоем пепла, отчего многих фирнов издали вовсе не видно. Часто мы сами не знали, что шли по льду; это обнаруживалось только в том случае, когда кто-нибудь, поскользнувшись, срывал ногой защитную окраску глетчера³.

¹ Терраса — горизонтально срезанный склон горы или широкий уступ.

² Плато — плоскогорье — возвышенная равнина, поднятая над уровнем моря на высоту от 300 метров и выше. Плоскогорье Тибет поднято на 4 500 метров.

³ Глетчер — ледник.

Вероятно, вследствие непривычки ходить по наклонному льду (уклон в 10—20 градусов), а, главным образом, вследствие того, что обувь наша была неподходящей, мы все с первых шагов стали сильно уставать.

Автор записок, по неведению, начал глотать фирновый снег и от этого сразу обессилел. Пришлось сделать небольшой привал, подкрепиться едой и напиться воды как следует. После этого восхождение наше на сопку пошло значительно успешнее.

Приблизительно на трети пути между подножьем деятельного конуса и краем седловины, между ним и Соммой, виднелись впереди два широких фирновых языка (крутизной падения в 30°), разобшённых между собой громадным потоком лавы, вылившейся из кратера в 1909 году.

Мы выбрали левый ледопад и начали взбираться на него, придерживаясь мест, занесённых песками. При этом восхождении большую помощь нам оказали длинные палки, захваченные с собой по совету П. Т. Новограбленова.

Дальше барранкосы имеют вид очень глубоких оврагов, по которым бежит кристаллически чистая вода, образовавшаяся от тающего снега.

Чем выше, тем идти становилось труднее: фирновый лёд сделался рыхлым. Поэтому мы решили не подыматься до края седловины, а повернуть влево и начать подъём на конус.

Станным казалось такое состояние фирна, но вскоре разгадка была найдена. Деятельный конус Авачинского вулкана был нагрет. Уже снизу, глядя вверх по склону его, можно было видеть, как всюду над камнями реет горячий воздух.

На подъём от фирнового поля в седловине до кратера мы употребили пять часов.

Эта часть пути оказалась самая трудная. Дело в том, что весь конус состоит из свеженасыпанных рыхлых вулканических продуктов. Куски лавы, пемза, стекловые шлаки, будучи выброшены из кратера в раскалённом состоянии и мягкими, скатываясь по склону конуса, приняли более или менее шарообразную форму, величиной от ореха до размеров человеческой головы.

Любопытно, что кругляки эти не перемешаны между собою, а как бы отсортированы: то встречаешь целую площадь, засыпанную мелкими лапилли¹, то несколько десятков квадратных саженьей, покрытых камнями величиной с кулак, то участки, заполненные крупными окатанными глыбами.

Все камни держатся непрочно, и достаточно малейшего толчка, чтобы они покатались вниз по уклону горы градусов в 30, развивая всё большую и большую скорость и делая гигантские прыжки. Мы следили за ними глазами до тех пор, пока они за дальностью расстояния не скрывались из виду совсем.

М. И. Савченко ушёл вперёд, значительно опередив всех остальных. Должно быть, из-под ног его вырвался один крупный камень и покатился вниз. К счастью, он обо что-то ударился впереди нас и, наподобие пушечного ядра, с шумом пронёсся над нашими головами.

Можно представить себе, сколько нужно физических усилий на подъём по такого рода осыпям. Сплошь и рядом работа, затраченная на подъём в

¹ Лапилли — мелкие куски лавы, извергаемые вулканами и образующие нередко целые конические насыпи на их склонах.

течение получаса, вследствие одного неосторожного шага сводилась на нет: путник возвращался к исходной точке, если на старом месте ему удавалось задержаться. Здесь в буквальном смысле слова применимо выражение: «три шага вперёд и два назад».

На продвижение каких-нибудь двух-трёх саженей затрачивалось столько усилий и времени, что потом являлась необходимость в более или менее продолжительном отдыхе.

III

Спуск в кратер

Уже на половине высоты конуса стало заметно на ощупь, что почва сильно нагрета. Часов в 10 утра мы находились в 200 метрах от кратера. Отсюда ясно было видно мелкие струи газов, вырывающиеся из-под камней.

Близость цели заставляла нас напрягать все усилия. В течение двух часов мы карабкались по склону конуса, то подвигаясь вперёд, то вновь сползая книзу. Можно сказать, что по трудности пути последние сто сажен равнялись всему пройденному пути в этот день.

Ровно в 12 часов мы наконец достигли вершины вулкана. Как ни заманчиво было заглянуть в его кратер — мы должны были сделать привал.

Теперь мы были значительно выше облаков. Тучи ползли по долине «Сухой реки» и подбирались к тому месту, где был наш бивак. Там, внизу, вероятно, шёл дождь. Не было сомнений, что туман доберётся и до нас. Грозные признаки его уже были налицо: вершины Мутновской и Вилючинской сопки уже покрылись шапками дождевых облаков. По соседству с Авачинским вулканом к юго-западу высился конус Коряцкой сопки, высотой в 3 605 метров, а к северо-востоку — Жупановский вулкан, с кипящим озером в кратере, с абсолютной высотой 2 700 метров. На них тоже кое-где появились клочья тумана. Это принудило нас подняться и идти дальше.

Около кратера, к которому мы стремились, было так много мелких фумарол¹, что являлось впечатление, будто вся сопка внутри горит, и дым вырывается через щели наружу. В сущности, это так и было, только вместо дыма вырывались пары, слегка окрашенные в жёлтый цвет.

Самая крупная фумарола Авачинского вулкана находится вне кратера, с южной его стороны. Из неё с рёвом вырывается громадный столб газов. По краям фумаролы видны мощные жёлто-зелёные отложения серы.

Теперь ясно был слышен глухой подземный гул и ощущалось дрожание горы.

С 1731 года Авачинская сопка имела один большой кратер с воронкой в середине, но после извержения 1828 года образовался новый кратер, занявший около двух третей старого, с действующими фумаролами у северо-западного его края, т. е. около или даже на месте прежней воронки.

Таким образом, ныне на вершине Авачинского вулкана имеются два кратера: новый — объемлемый, круглой формы, с воротами к юго-западу, и старый — объемлющий, подковообразный, но широкий, с заострёнными краями и с воротами к северо-востоку.

¹ Фумаролы — трещины, из которых вырываются струи газов, водяного пара и дыма.

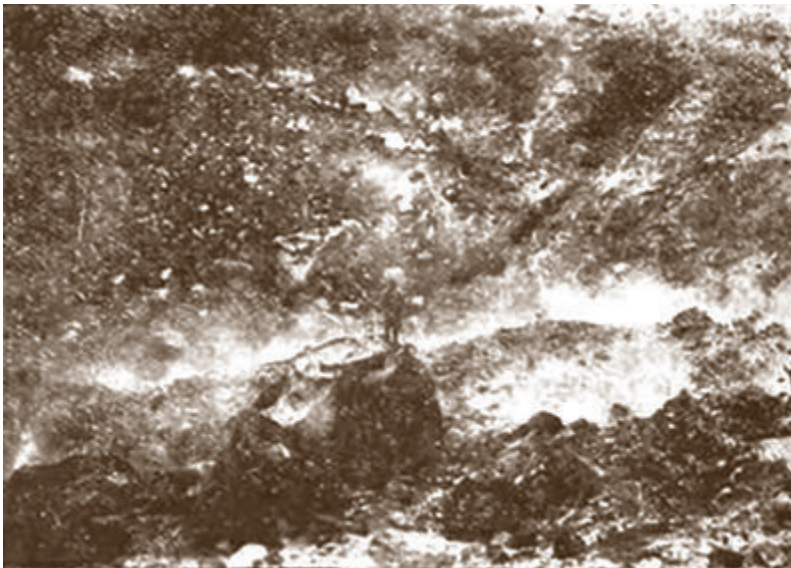
Края старого кратера разрушены, спускаются внутрь полого и в общем имеют вид неправильной треугольной пирамиды, обращённой вершиной вниз, основанием кверху. Глубина кратера невелика (метров 50); дно его покрыто обломками лавы, величиной с конскую голову.

Отовсюду подымается бесчисленное множество мелких струй серных газов. Создаётся впечатление, будто кратер недавно ещё был мокрым и не успел просохнуть как следует, отчего со дна его и подымается пар.

По всей внутренней поверхности кратера видны многочисленные белесовато-жёлтые пятна серы. Почва на дне его нагрета настолько сильно, что долго сидеть на одном месте нельзя. На глубине одного вершка под камнями рука не выдерживает температуру в течение 3–4 секунд.

Новый кратер представляет собою зрелище, которое оставляет впечатление на всю жизнь. Представьте себе громадную воронку, с версту в окружности и глубиною в 100 метров, у которой северный и западный края совершенно отвесные, а южный и восточный, хотя и крутые, но по глыбам лавы, с некоторым риском, дающие возможность спуститься внутрь. Со дна воронки с грохотом, от которого содрогается воздух, выделяются огромные столбы сильно удушливых газов и паров. На юго-западном обрыве бросается в глаза очень большое зеленовато-оранжевое пятно, из середины которого с сильным шипением выходят газы, окрашенные в жёлто-зелёный цвет.

Дно кратера закрыто «пробкой», сквозь щели которой выходят газы. Оно загромождено большими глыбами лавы, имеющими весьма причудливые очертания. В общей массе они кажутся развалинами горящего замка. В воротах кратера стоят три одиноких лавовых столба, из которых средний имеет вид загнутого пальца, обращённого концом к середине кратера. Тут же, поблизости от ворот, находятся две трещины. Из левого отверстия выходит зеленовато-жёлтый газ хлористого водорода

*Дно воронки нового кратера Авачинского вулкана.
Центральное поле мелких фумарол*

с серой, а из правого — сернистый ангидрид. Ещё левее — множество мелких фумарол, и всюду продукты возгонки и выцветы серы.

Автор этих записок, М. И. Савченко и А. И. Марков дважды пробовали приблизиться к центральной фумароле, но обилие углекислоты и высокая температура каждый раз принуждали их к отступлению.

Иногда сквозь просветы в газах внизу видно было какое-то отверстие неправильной формы, покрытое налётами всех цветов радуги, начиная с оранжевого, красного и кончая изумрудной краской; отсутствовали только фиолетовые цвета. Иногда появлялись синие перебегающие огоньки, которые вспыхивали на пластах серы, но тотчас же гасли, как только появлялся удушливый газ хлористого водорода.

Обойдя кратер с другой стороны, нам всё же удалось подойти несколько ближе к главной фумароле, из которой вырывались с необычайно сильным рёвом жёлто-зелёный газ и клубы пара, температура которого равнялась 101°C. Неизвестно, следует ли считать эту температуру абсолютной или надо включать к ней поправку на высоту вулкана (2 660 метров). Здесь дно кратера было настолько накалено, что камни во многих местах растрескались от жара. Брошенный, скомканный кусок бумаги тотчас обугливался и, вероятно, вспыхнул бы пламенем, если бы не наличие угольной кислоты¹.

Пробыть в кратере Авачинского вулкана нам удалось только 1 час 40 минут. Грозные признаки перемены погоды к худшему заставляли нас торопиться. Со стороны Козельской сопки, с поразительной быстротой, по направлению к Авачинскому вулкану двигались большие клубы пара. Они крутились наподобие вихря, увеличиваясь в диаметре, и захватывали всё большее и большее пространство.

Туман, безобидный внизу, на берегу моря, представляет страшную опасность на высоких Камчатских горах. Около кратера он разряжается снегом и дождём, а ниже, по склону вулкана, всегда свирепствует пурга. Самый опытный альпинист наверняка сойдёт с дороги и тогда попадёт в такое место, откуда выбраться будет не в состоянии. Перед ним неожиданно открывается щель во льду или отвесный обрыв. Тогда ему снова приходится карабкаться вверх. Имея под ногами подвижную россыпь, он будет не в силах бороться с порывами ветра и вместе с грудой камней скатится вниз.

IV Обратный путь

Как ни заманчиво было ещё остаться в кратере действующего вулкана, но благоразумие требовало прекратить исследование и начать спуск. Тогда мы перешли в старый кратер, наскоро закусили и выпили воды, принесённой с собой во фляжках. В это время налетел жестокий шквал, и котловина кратера стала наполняться удушливыми газами. Захватив свои вещи, мы выбежали на край его. Сильным порывом ветра чуть не опрокинуло нас обратно в воронку. Температура начала быстро падать, стал накрапывать дождь. Ветер поднял с земли крупный песок и с силой хлестал им по рукам и лицу, вызывая нестерпимую боль.

¹ Угольная кислота не поддерживает горения.

Спуск наш с деятельного конуса Авачинского вулкана произошёл с невероятной быстротой. Насколько альпийские палки нужны при восхождении на гору, настолько они ещё более необходимы при спуске. Даже больше — без палок спуск невозможен. Глядя на нас со стороны, можно было подумать, что мы все спускаемся на лыжах, только вместо снега имеем под ногами крупный гравий и круглые камни.

При спуске надо опереться на палку, держа её, как правило, назад и несколько в сторону от себя; нужно в то же время перебирать ногами и, создавая искусственную лавину, вместе с нею съезжать книзу. Впереди под ногами образуется вал из катящихся камней: одни камни отстают, другие обгоняют, вал то уменьшается, то увеличивается в размерах, он то движется быстрее, то несколько медленнее, что зависит от величины обломков. Чем быстрее спуск, тем сильнее надо наваливаться на палку. В таких случаях корпус человека по отношению к склону горы находится под таким острым углом, что спиной и локтями иногда задевается поверхность земли. Это самое опасное положение.

Время от времени около какой-нибудь глыбы мы останавливались, чтобы передохнуть. Расстояние, на подъём которого было употреблено пять часов, мы прошли, спускаясь вниз, за сорок минут, считая в том числе и остановки на отдыхи.

В три часа дня мы были у подножья конуса. Здесь стало немного тише, а вверху слышно было, как ревел ветер. Теперь начался спуск по фирну. Опираясь на палки, мы скользили по рыхлому льду, хотя и не так быстро, как с деятельного конуса. Чтобы не провалиться в какую-нибудь трещину, мы придерживались старых следов.

Далеко впереди у правого края «Сухой реки» виднелись наши палатки, а сзади — Авачинский вулкан, закрытый тяжёлыми дождевыми облаками. Теперь там свирепствовала пурга, а внизу шёл дождь.

Извержение Ключевского вулкана в 1923 году

Часам к четырём пополудни мы дотащились до бивака, измученные, усталые и с пораненными ногами. У троих обувь была в таком состоянии, что пришлось её бросить, а у остальных настолько испорчена, что являлось сомнение, выдержит ли она обратный путь до Петропавловска.

Мы хотели пить, но усталость взяла своё. Не дождавшись, когда вскипит вода для чая, все залезли в палатки и тотчас же заснули крепким сном.

На другой день к рассвету дождь перестал, но погода была хмурая: густой туман неподвижно лежал на земле. Надежда на то, что с восходом солнца погода разгуляется, не оправдалась.

К 9 часам лошади были навьючены, и мы тронулись в обратный путь. Чтобы не заблудиться в тумане и не потерять тропу, впереди пошли М. И. Савченко и А. И. Марков, которым вменено было в обязанность смотреть на песке следы, оставленные позавчера нашими лошадьми. Примятая трава ещё не успела подняться, но тем не менее на тундре один раз мы чуть было не потеряли дорогу, но вовремя спохватились и вернулись назад.

Вскоре после полудня мы дошли до последней рёлки, где сделали большой привал и выкормили лошадей, а в 5 часов 45 минут прибыли в город Петропавловск.

ОПЫТ ЭКСКУРСАНТА Практические советы

Восхождение на Авачинский вулкан, а также, вероятно, и на другие действующие вулканы Камчатского полуострова сопряжено с риском:

1. Вследствие большой высоты на сопке всегда лежит много снега, превратившегося в фирновый лёд. С какой бы стороны ветер ни подул, он всегда насыщен влагой. Около ледников происходит постоянная конденсация пара¹, и потому большую часть года вулканы покрыты облаками. Каждое облако разряжается дождём и снегом. Иногда пурга дует несколько дней подряд. Без тёплой одежды (а таковой с собою много взять нельзя) путник легко может замёрзнуть. Движение во время пурги по осыпям совершенно невозможно, огня развести тоже нельзя, дров нет. Эти обстоятельства ещё более усугубляют опасность.

2. Туманы около ледников — обычные явления. При этом туманы бывают настолько густы, что даже предметы, находящиеся в непосредственной близости, делаются едва видимыми. При таких условиях очень легко заблудиться и свалиться в пропасть.

3. На вершине около кратера всегда пониженная температура и чрезвычайно порывистый ветер, способный опрокинуть утомлённого путешественника и увлечь его книзу по склону горы.

4. Легко провалиться в ледниковую трещину, тем более что она сплошь и рядом бывает прикрыта тонким слоем песка или снега.

5. Вследствие того, что камни на склоне деятельного конуса вулкана держатся непрочно и легко приходят в движение, нетрудно вывихнуть или сломать ногу, в особенности при спуске с горы.

6. Случайно свалившийся сверху камень увлекает за собой целую лавину мелких камней, из которых каждый, скатываясь вниз, делает громадные прыжки и может наповал убить человека.

7. На вершине вулкана нужно быть с наветренной стороны газов. Если ветер неожиданно переменится, все находящиеся в воронке кратера задохнутся.

8. Есть опасность провалиться в трещину кратера, слегка прикрытую пеплом и продуктами возгонки фумарол.

9. Вулкан проявляет свою деятельность весьма неравномерно — то как бы замирает немного, то вдруг начинает действовать усиленно. Правильной периодичности (пульсации) между ослаблением и усилением извержения паров и газов нет. Небольшой взрыв в кратере, который совершенно не

¹ Конденсация пара — сгущение пара посредством охлаждения.

будет замечен в Петропавловске, может быть гибельным для всех участников экспедиции.

Полезные советы

Для успешного восхождения на Авачинскую сопку рекомендуется принять во внимание всё, что изложено выше, а кроме того:

1. Пожертвовать временем, по крайней мере, с неделю, чтобы, придя на место бивака, можно было выждать, когда подуют западный и северо-западный ветры, и ни в коем случае не совершать подъём при ветре, дующем со стороны северо-восточной. Восхождение лучше всего делать в августе, когда дуют благоприятные ветры и бывают устойчивые погоды.

2. Наблюдать за движением верхних облаков, памятуя, что все перемены погоды происходят сначала в высших слоях атмосферы.

3. На биваке с лошадьми должен остаться один участник экспедиции.

4. Восхождение на деятельный конус вулкана совершают не менее трёх человек, дабы двое могли помочь третьему во время несчастья. Слабые физически и в особенности страдающие одышкой вовсе не должны принимать участия в экспедиции.

5. В день восхождения на вулкан нужно вставать за час до рассвета, с тем, чтобы первые проблески начинающейся зари уже застали путников в дороге.

6. Каждый экскурсант должен иметь: крепкую обувь, но не новую, а немного поношенную, чтобы не натереть мозолей. М. И. Савченко имел на сапогах резиновые галоши, которых хватило на подъём и спуск. Быть может, это вышло случайно, но тем не менее рекомендуется испробовать галоши ещё раз. Возможно, что они окажутся весьма пригодной обувью для восхождения на действующий вулкан. Рекомендуется также испробовать обычную альпийскую обувь с шипами по подошве и на каблуке.

7. Восхождение начинать в летней одежде, имея тёплую при себе, привязанной сзади поясным ремнём. По мере понижения температуры и усиления ветра придётся понемногу надевать фуфайку, фланелевый жилет и меховую куртку.

8. Обязательно иметь при себе дождевик, непромокаемый головной убор и про запас тёплые перчатки, а ещё лучше хорошие рукавицы. Они защитят руки не только от холода, но и от ушибов.

9. Взять продовольствия на трое суток.

10. В руках у каждого экскурсанта должна быть хорошая палка, длиною на фут больше роста человека. На нижнем конце палки полезно иметь железное остриё, на верхнем — багор.

11. Один из экскурсантов должен нести хорошую кручёную верёвку, толщиной в сантиметр и саженой в двадцать пять длиною, с вплетённой в неё медной проволокой. На верёвке надо часто навязать узлы. По мере того как он будет подыматься вверх, верёвка кольцо за кольцом сбрасывается. Достигнув какого-нибудь неподвижного камня (таких довольно много на склоне конуса), он завязывает конец верёвки и садится отдыхать. Тогда все остальные подымаются по верёвке, хватаясь за узлы. Если камень, за который привязана верёвка, ненадёжен, рекомендуется подыматься не

всем сразу, а поодиночке. Когда все дойдут до большого камня и станут отдыхать, первый собирает верёвку и опять лезет вверх до следующего опорного пункта и т. д. Такой способ восхождения на вулкан будет наиболее лёгким, наиболее быстрым и наименее опасным.

В случае какого-либо несчастья около трещины во льду верёвка тоже окажется весьма полезной.

12. При подъёме совершенно нельзя глотать фирновый снег. Можно от этого сразу обессилеть. Лучше остановиться отдохнуть, поесть и выпить чаю, который рекомендуется во фляжках захватить с бивака.

13. При восхождении на гору нужно хорошо запомнить (лучше записать) направление движения по компасу. Если застигнет туман, то, взяв противоположное направление, есть надежда возвратиться на бивак.

14. На том месте, где экскурсанты поднялись на кратер, если его по внешним признакам нельзя запомнить, надо поставить приметный сигнал, чтобы знать, где надо спускаться по компасу.

15. Прежде чем спускаться в кратер, нужно выяснить, не наполнен ли он углекислотой или другими удушливыми газами.

16. Двигаясь по дну кратера, нужно всё время ощупывать почву палками, чтобы не провалиться в скрытую fumarolu.

17. При спуске с вулкана все должны двигаться в одну шеренгу и отнюдь не в затылок друг другу. Садиться верхом на палку весьма опасно.

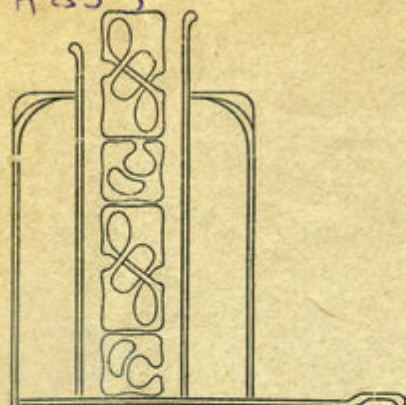
18. Научное снаряжение экскурсантов состоит из барометра-анероида, со шкалою высот, термометров (для измерения высоких температур и для измерения температуры воздуха), шагомера, буссоли Шмалькальдера, часов, геологического молотка, бинокля и фотографического, а еще лучше кинематографического аппарата.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
История Авачинского вулкана	76
Восхождение на Авачинский вулкан и спуск в кратер	79
Спуск в кратер	86
Обратный путь	88
<i>Приложение. Опыт экскурсанта</i>	91

ДВ 96 РФ
А 853

В. К. Арсеньевъ.

ВЫМИРАНИЕ ИНОРОДЦЕВЪ

ДВ
РФ

АМУРСКАГО КРАЯ

Отискъ изъ „Трудовъ Създа врачей
Приамурскаго края“.

Г. ХАБАРОВСКЪ.
Типографія Канцелярии Приамурскаго Генераль-Губернатора.
1914.

Моя добрая память!
Петру Кузнецу Ковалеву неслет
своей преданной любобкоубаффа-
кой его и преданней авторъ
18 февраля 1915. В Арсеніи
Т. Хабарова - Музея

Докладъ В. К. Арсеньева.

Лекція, прочитанная Директоромъ Гродековскаго
Музея В. К. Арсеньевымъ въ г. Хабаровскѣ на Съѣз-
дѣ врачей въ 1913 г.

Вымираніе инородцевъ Амурскаго края.

М. М. Г. Г.

Вымираніе инородцевъ — не новость въ литературѣ, и
наши дикари не представляютъ исключенія въ эйкументъ че-
ловѣчества.

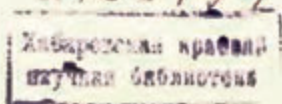
Я не буду перечислять всю литературу по этому во-
просу — она многочисленна. Я укажу только на классическое
произведеніе академика Шренка и на труды Якобіа и Патка-
нова, гдѣ можно найти тѣ статистическія данныя, которыя
краснорѣчиво говорятъ о прогрессивномъ угасаніи сибирскихъ
племенъ.

Подъ вліяніемъ надвигающихся на инородцевъ съ запада
культуръ они быстро сходятъ со сцены жизни, уступая мѣсто
болѣе сильнымъ китайцамъ и европейцамъ. Семь народовъ
исчезли съ лица земли съ тѣхъ поръ, какъ появились рус-
скіе на востокъ Сибири.

Вспомнимъ, что случилось съ нѣкогда многочисленными
омоками и шелагами, куда исчезли аргенты, арины, анаулы,
ассаны и котты. Изъ послѣдняго племени Кастрень засталъ
въ живыхъ только пять человѣкъ, которые и доставили ему
возможность изучить ихъ языкъ*). Еще въ XVIII столѣтіи
омоки были такъ многочисленны, что отъ множества ихъ ко-
стровъ рѣки казались иллюминированными**), а въ 1896 году, т. е.

*) Смотр. Шренка. Объ инородцахъ Амурскаго Края. Изд. Импера-
торской Академіи Наукъ. 1893 г., стран. 3-я Al. Castren, Versuch einer
Jenissei-Ostjak. u. Kottischen Sprachlehre, herausgegeben von A. Schiefner
St. Petersburg. 1858, p. V, VI.

**) Тамъ-же, стр. 2-я.

Доклад В. К. Арсеньева

Лекция, прочитанная Директором Гродековского
Музея В. К. Арсеньевым в г. Хабаровске
на Съезде врачей в 1913 г.

Вымирание инородцев Амурского края

Вымирание инородцев Амурского края М.М. Г.Г.

Вымирание инородцев — не новость в литературе, и наши дикари не представляют исключения в эйкумене человечества.

Я не буду перечислять всю литературу по этому вопросу — она многочисленна. Я укажу только на классическое произведение академика Шренка и на труды Якобия и Патканова, где можно найти те статистические данные, которые красноречиво говорят о прогрессивном угасании сибирских племён.

Под влиянием надвигающихся на инородцев с запада культур они быстро сходят со сцены жизни, уступая место более сильным китайцам и европейцам. Семь народов исчезли с лица земли с тех пор, как появились русские на востоке Сибири.

Вспомним, что случилось с некогда многочисленными омоками и шелагами, куда исчезли аргенты, арины, анаулы, ассаны и котты. Из последнего племени Кастрен застал в живых только пять человек, которые и доставили ему возможность изучить их язык¹. Ещё в XVIII столетии омоки были так многочисленны, что от множества их костров реки казались иллюминированными², а в 1896 году, т. е. через два поколения, по всей чукотской земле их насчитывали уже только шесть человек и детей, и взрослых.

Порабощённые дикие племена, мало способные к развитию, стараются уйти в горы от пришельцев; но если им не удастся укрыться от своих врагов, то начинается тот процесс нравственного и физического упадка, который заканчивается вымиранием. Не имея сил быстро подняться в своём развитии до уровня европейцев, подобные народы не успевают за ними, и тогда начинается процесс разложения.

Этот быстрый процесс вымирания констатируется и среди инородцев Амурского края. Возьмём для примера хотя бы орочей, которых я ближе всего знаю. В половине XIX столетия они были очень многочисленны. По их словам, раньше их было так много, что пока лебеди летели из Императорской гавани до залива Св. Ольги, то от дыма, подымающегося из их юрт, из белых становились чёрными. И действительно, следы их бесчисленных стойбищ встречаются по всему берегу моря и по долинам всех рек, составляющих бассейн Уссури.

Вот цифры, иллюстрирующие уменьшение населения по годам среди орочей.

¹ Смотр. Шренка. Об инородцах Амурского края. Изд. Императорской Академии Наук. 1883 г., стран. 3-я Al. Castren, Versuch einer Jenissei-Ostjak. u. Kottischen Sprachlehre, herausgegeben von A. Schiefner St-Petersb. 1858, p. V, VI.

² Там же, стр. 2-я.

В 1881 году по отчётам начальников уездов их было 2 998 человек.

В 1897 году по статистике Браиловского орочей было 2 407 человек¹. Разница — 591 человек.

В 1906—1908 годах моя статистика — 1 727 человек. Разница — 680 человек.

В 1909—1910 годах тоже моя статистика: орочей-удэхе — 959 человек и орочей Императорской гавани — 427 человек, а всего — 1 386 человек. Разница — 341 человек.

Если так будет продолжаться, то лет через десять и этот народ будет исчисляться единицами, как и омоки. То же самое можно сказать и про гиляков. Г-н Штернберг, посетивший этих инородцев в 1910 году, был поражён, насколько сократилась их численность в течение последнего десятилетия.

Здесь я подчеркну одно чрезвычайно важное обстоятельство — именно: вымирание, которое мы видим у амурских инородцев, совершенно не похоже на то вымирание, которое наблюдалось в Америке и в Австралии. В Америке дикарей просто избивали, а австралийское туземное население настолько было отсталым и первобытным, что каннибализм среди него был обычным явлением. Эти «осколки с наковальни человечества», конечно, не могли выдержать столкновения с европейцами. К тому же Австралия у англичан долгое время была местом ссылки преступников и притом наиболее тяжких.

Такого вымирания, какое наблюдалось у дикарей австралийской группы, например, среди тасманийцев, у наших инородцев — нет. Первый признак прогрессивного вымирания — это бесплодие женщин. У сибирских инородцев дети есть, но смертность почти в полтора раза превышает число рождений. Старики все долговечны. Многие из них живут до ста лет и более.

В 1908—1909 годах численность орочей в Уссурийском крае выразилась в следующих цифрах: 215 семейств, состоящих из 532 мужчин, 423 женщин, у которых было 772 ребёнка, из числа которых выжило только 294, а остальные 478 — погибли².

Из своих путешествий и из близкого знакомства с инородцами я вынес глубокое убеждение, что вымирание их происходит от других причин, главным образом от того положения, в котором они очутились среди русского и китайского населения, и от падения их общего экономического благосостояния. Сказать, что амурские инородцы неспособны к развитию — было бы большой неправдой. Они потому только и не развиты, что заброшены, забыты. Скажу более — они экономически порабощены! А известно, что всякий духовно или экономически порабощённый народ не только не может прогрессироваться, но, наоборот, в нём наблюдается регресс, который быстро заканчивается вымиранием. Дикари сами не могут подняться до уровня европейцев и отстают от них всё более и более, и если наши инород-

¹ Эта же цифра показана и у Г. Патканова. Смолр. Племенной состав населения Сибири. Том 1-й, Зап. Импер. Русс. геогр. общ. по отделению статистики. Т. XI. Вып. 1-й.

² Изучающий гольдов И. А. Лопатин нашёл иные цифры. У него получилось, что на 33 семьи приходилось 33 ребёнка, т. е. по одному ребёнку на семью. Лопатин говорит, что в 10 семьях совсем не было детей, 13 имели по одному ребёнку и 10 семейств по два ребёнка.

цы продвинулись немного вперёд, то этим они обязаны на севере — американцам и на юге — китайцам.

Приходится часто слышать вопросы: «Для чего нам нужны инородцы? Зачем об них надо заботиться?» Да ведь не они пришли к русским, а, наоборот, русские пришли к ним, захватили их земли и их рыболовные угодья. Если бы можно было куда-нибудь уйти, они, конечно, давно ушли бы.

Посмотрите, кто указал нефть на Сахалине — инородцы; кто указал золото — инородцы; кто указал самый низкий перевал через горный хребет — инородцы; кто указал места открытия, чистые, годные для заселений — инородцы; кто является проводниками в бесчисленных экспедициях по Сибири — инородцы. Многие места без помощи инородцев оставались бы навсегда непроходимыми. Одним из главных богатств Сибири будет пушнина. Ежегодно отсюда вывозится мехов на несколько миллионов рублей. Главными охотниками за пушниной являются инородцы. Благодаря инородцам Россия ведёт большую торговлю мехами чуть ли не со всем миром. Наконец, самый факт жизни этих людей где-то в глухой тайге, в тысячах вёрст от населённых пунктов — является, несомненно, полезным.

Представьте себе, что вдруг всё инородческое население Сибири почему-либо сразу погибло. Это значило бы, что населённые области превратились бы в пустыни. Мириться с вымиранием инородцев — значит мириться с вымиранием большей части населения Сибири. Вся разница только в том, что обезлюдение страны происходит не вдруг, а постепенно.

Посмотрим, как инородческий вопрос стоит в других государствах.

Возьмём для примера Новую Зеландию. Теперь там большинство метисов вследствие конкубината европейцев с туземцами. Пятьдесят лет тому назад это была страна каннибалов — ныне это одна из самых благоустроенных и цветущих стран в мире.

Не помню, кто-то указал на Америку, как на пример, где европейцы, вытеснив дикарей, на землях их создали такое образцовое государство, как Северо-Американские Соединённые Штаты.

Плохой, неудачный пример! Известно, что во всякую вновь открытую страну прежде всего идёт ссыльный элемент и искатели приключений. Туземцы всегда терпят страшные бедствия от таких завоевателей.

В Америке было не вымирание индейцев, а вырезание их, избиение целых племён, причём уничтожению подверглись не самые жалкие и робкие племена, а наиболее свободолюбивые, жизнеспособные и гордые. Это мрачное пятно навсегда останется на совести европейцев. И только когда образовались Северо-Американские Штаты как государство, резня эта стала затихать. Вспомним Авраама Линкольна и борьбу северян с южанами за освобождение негров. Этой войной была уже тогда решена участь краснокожих в благоприятном для них смысле. Впоследствии им были отведены особые индейские территории, охраняемые законом от всякого посягательства со стороны промышленников и капиталистов¹.

Другой пример. В Северо-Западной Америке (Аляска) не было северных оленей. Олень бесплодных пространств *Barren-ground caribou* (*Pangifer groenlandicus*) резко отличается от европейско-азиатского

¹ В настоящее время земли эти оцениваются миллиардами рублей.

Rangifer tarandus'а и водится к северо-востоку от реки Черчилль в полосе бесплодных земель до Гренландии включительно. Он мал ростом и слабосилен. Количество этих животных сильно уменьшилось вследствие усиленной за ними охоты. Американцы перевезли в Аляску сибирских оленей, долго работали над их акклиматизацией и улучшили породу путём искусственного отбора. В результате новый американский олень стал лучше, сильнее и крепче сибирского. Тогда все северные американские дикари из бродячих охотников превратились в оленеводов. Благодаря этому поднялось их экономическое благосостояние, бывшее дотоле в большом упадке.

По этому поводу Ратцель говорит: «Благоприятное положение тех групп индейцев, которые оказались под руководством благонамеренных белых, блестящим образом опровергло предположение об их естественном самовымирании».

Ныне среди американских индейцев есть лица, кончившие университеты¹.

Нигде в настоящее время инородческий вопрос не стоит так благоприятно, как у американцев!

Нам остаётся только его скопировать.

Но оставим в стороне американских индейцев и новозеландских маори и обратимся к нашим инородцам.

Наши инородцы быстро вымирают. Причин вымирания много.

Прежде всего укажем: на прогрессивное обеднение стародавних охотничьих и рыболовных промыслов дикарей. Тайга и реки стали давать меньше, а потребности к жизни увеличились. Приход у них не стал уравниваться с расходом. Теперь у инородцев явилась потребность в табаке, в спичках, чае, соли и чумизе. С появлением на инородческих рынках китайской синей дабы начало падать производство одежды из крапивы и рыбьей кожи.

Вместо берестовой шляпы и унтов они начинают приобретать европейские и китайские головные уборы и европейскую обувь.

Об оружии и патронах и говорить нечего. Эти вещи продаются им по цене, в два и три раза превосходящей магазинную.

Юкола для инородцев то же самое, что для русских хлеб. Юколой они кормятся сами, кормят своих собак; выделанная кожа рыб идёт на шитьё обуви и одежды. Если ход рыбы был плохой, то инородцы терпят такую же нужду, какую терпят земледельцы, если год был неурожайный.

По подсчёту самого дикаря, ему на свою семью, состоящую из него самого, его жены, старухи матери и двух детей (всего 5 человек), для круглого оборота на весь год, кроме годового запаса рыбы и мяса, надо около 15 пудов муки, 5 пудов чумизы, 1 пуд соли, 20 фунтов табаку и 4 кирпича чаю. Кроме того, он должен купить патроны, топор, одежду, нитки, иголки. На всё это ему надо около 200 рублей в год. Эти двести рублей он должен добыть на охоте и главным образом соболеванием.

Введение законов о правильной охоте в крае является желательным ради спасения тех же инородцев от голода и вымирания.

Другая причина вымирания будет спирт и опий. Спирт на Амуре среди гольдов был известен задолго до прихода русских. Китайские купцы

¹ Смотр. журнал *Globus*. Последний том. Статья о современном положении индейцев в С. Америке.

из Сан-сина на больших лодках спускались по реке Сунгари и выходили на Амур. Они везли с собой спирт, дабу¹, кремневые ружья, порох, чай и другие товары. Вслед за торговцами прибывают земледельцы, и в крае появляются и настоящие ханшинные заводы. Собственно говоря, каждая китайская фанза есть небольшой ханшинный завод, изготовляющий водку для своего употребления и кредитования соседних инородцев.

Но особенно пьянство среди туземцев развилось в последние годы. Спиртоносы, под видом скупщиков пушнины, проникали в самые глухие места, где только жили инородцы, и там, вдали от властей и всякого надзора, спаивали туземцев и обирали их начисто. Очень часто в спирт они подмешивали разные одурманивающие вещества, в том числе и атропин. Интересны приёмы, к которым прибегали скупщики пушнины, чтобы только с толку сбить инородцев. Так, например, иногда они нарочно за дешёвую шкурку соболя платили большие деньги и понижали цену на тёмные мохнатые меха, иногда давали двойную плату в тёмную, т. е. не видя соболя. Потеряв деньги, в этом случае они сторицею навёрстывали этот убыток на другой год или в другом месте².

В литературе уже много говорилось об эксплуатации инородцев китайцами, — я сделаю маленькую поправку: не эксплуатация, а порабощение³. Русские и американцы спаивают инородцев водкой, китайцы приучают их курить опий. Во всём Южно-Уссурийском крае на побережье моря почти все орочи и почти все гольды по Уссури заражены этой пагубной страстью.

Другими причинами вымирания инородцев будут болезни, которые занесли к ним русские и китайцы и которым они чрезвычайно подвержены. Особенно сильно свирепствует среди них оспа. От оспы они вымирают страшно быстро. В течение нескольких суток от целого стойбища не остаётся ни одного человека. Главные распространители заразы — вода, грязь в жилище и грязь на теле инородца и то обстоятельство, что здоровые люди, находясь под одной кровлей с больными, имеют постоянное с ними общение. Затем они застуживают оспу. Я был свидетелем, когда больные, чтобы облегчить свои страдания от оспенной горячки, катались в снегу и обливались ледяной водой.

А как они хотят лечиться! Один хромо́й вёрст десять гнал за нами и просил лекарства. Помню, лет десять тому назад некоторые инородцы сами покупали детрит и ланцеты и сами себе делали прививки. К сожалению, некоторые из них по неведению делали себе прививки уже тогда, когда чувствовали первые приступы болезни. А тут на грех явились ещё и староверы. Они стали внушать инородцам о вреде оспопрививания и указывали на случаи смертности многих прививших себе яд и случаи спасения уклонившихся от него.

Вообще я должен сказать, что, по моим наблюдениям, инородцы раньше доверчивее относились к русским врачам потому, что в лице доктора они видели шамана, излечивающего недуги. За последнее время наблю-

¹ Синяя материя, из которой рабочие китайцы шьют себе одежду.

² Случаи эти имели место в 1906—1907 годах в Зауссурийском крае на реках Нимми, Нахтоку, Ботчи и Самарги.

³ Об эксплуатации инородцев китайцами смотр. мой труд «Китайцы в Уссурийском крае», напечатанный в записках Прим. отд. Императ. Русск. геогр. общ. в 1914 году.

дается охлаждение к русской медицине и переход к китайской медицине, основанной на мистицизме, что ближе подходит под понятие инородца.

Затем дикие народы гибнут и от других болезней, например, от кори и чахотки. Корь страшна для них своими осложнениями. Чахотки тоже раньше у них не было. Инородцы прямо говорят, что эти болезни принесли к ним русские. Организм европейца в течение многих веков успел уже выработать иммунитет, привык бороться с этими болезнями, и потому уже с рождением в нём как бы заложено противоядие. Для инородцев — это новые болезни, и потому всякое заражение для них почти всегда смертельно.

Лет десять тому назад у тех туземцев, что живут в глубине гор и лесов, венерических болезней не было, но теперь и эти заболевания начинают появляться, хотя очень редко. Эти болезни занесли к ним русские и китайцы.

Вследствие того, что они постоянно вращаются в дыму и копоти, и вследствие нечистоплотности, у них развиты кожные болезни, разные глазные болезни и особенно трахома. Трахомой поражены все почти, в особенности на реке Имане и в Императорской гавани. Инородцы говорят, что раньше этой болезни у них тоже не было и что принесли её китайцы. Лечат они её по китайскому способу медвежьей желчью. Насколько это успешно, я сказать не решаюсь, могу только заявить, что выздоровевших я не видел. Раньше трахоматозных было значительно меньше — болезнь эта особенно распространилась за последнее десятилетие.

Надо помнить, что инородческие стойбища с их болезнями являются очагами заразы и потому не безопасны и для нас самих, живущих рядом с ними.

Теперь перейду к жилищам. Последнее время под давлением русской администрации инородцы стали жить в деревянных домах, отапливаемых железными печками. В некоторых станах жизнь в домах русского типа являлась даже обязательством. По моему мнению, это ужасное зло. В самом деле, представьте себе человека, то сидящего около накалённого докрасна камина, то спящего в лесу зимою без огня. В результате у них стали появляться ревматизм и такие простудные заболевания, как плеврит и воспаление лёгких.

Русские домики совершенно не соответствуют жизни инородцев, занимающихся охотой и ведущих бродячий образ жизни. Им нужны юрты или землянки первобытного типа с отверстиями в крыше для выхода дыма.

Проследим жизнь инородца от самого рождения. Дней за десять до родов женщина не имеет места в юрте. Муж ей устраивает маленькую юрточку, похожую на собачью конуру. Там, несмотря ни на какую погоду, помещается роженица. К ней никто не ходит. Муж жену не навещает. Только старуха через дверь (полотнище палатки) подаёт дрова и пищу, но сама туда тоже не входит. Женщине предоставляется самой разрешаться от бремени, как она знает. Тотчас же после родов женщина с ребёнком переползает в другую такую же юрту, поставленную рядом, где она сидит ещё 10 суток. Ребёнка мать обмывает сама, обёртывает его тряпками, мехом и сажает в сухие тальниковые стружки. Только после этого карантина женщина может перейти в общую юрту.

Теперь я постараюсь сделать описание первобытной юрты, каковая сохранилась у многих тунгусских инородцев и по сие время.

Первобытная инородческая юрта представляет из себя двускатную крышу, поставленную непосредственно на землю. Чтобы корьё не коробилось от сухости и жары и чтобы его не сорвало ветром, его снаружи прижимают лесом. Входы в юрту сделаны с обеих сторон и завешаны или полотнищем палатки, или куском коры или бересты. Вверху в крыше оставлено отверстие для выхода дыма.

Как только вы войдёте в дверь, вы непременно должны согнуться и пролезть или вправо, или влево, иначе вы прямо попадёте в огонь. Костёр расположен посредине жилища. Стоять в юрте нельзя, надо или лежать, или сидеть. По обе стороны вдоль огня положены берестяные подстилки, усталые зверовыми шкурами.

Высокою температурою эти юрты похвастаться не могут. Люди согреваются только лучистою теплотою костра. Я нарочно несколько раз измерял температуру жилого помещения и каждый раз получал: -24 , -28 , -26 °С и т. д. Снаружи в это время было: -30 , -36 , -32 °С, и в этой температуре живут и женщины, и малые дети; почти всё время они сидят на короточках у костра и греют на огне свои руки.

Привыкая с детства к холоду, инородцы закаляются и потому легко переносят стужу. Нередко я видел зимой, как маленькие дети, в лёгкой одежке, с непокрытой головой, таскали из амбара мороженую рыбу. Так работали они целый день, несмотря ни на ветер, ни на сильную стужу, только время от времени бегали в юрту, чтобы погреть у огня свои озябшие ручки.

В 1907 году на реке Кусуне однажды вечером мы с одним орочем ловили подо льдом рыбу. Погода была холодная, ветреная. На льду была сложена солома для факелов. Покончив работу, мы пошли в юрту погреться у огня. Не пришёл только ороч. Часа через два мы пошли его разыскивать. Велико наше было изумление, когда мы нашли его спящим на соломе. Волосы его заиндевели, кожаную рубашку кое-где занесло снегом. Мы разбудили его. Он встал, как ни в чём не было. Что он не озяб, видно было из того, что он не дрожал и не подёргивал плечами.

Когда инородец зимою гоняет соболя, то случается, что он так далеко уходит от бивака, что к вечеру он не может уже вернуться обратно и потому остаётся ночевать на открытом воздухе. Он остановится, осмотрится и где-нибудь тут же ляжет под деревом. Как зверь, где застанет его ночь, там он и уснёт, а утром пойдёт дальше. Помню, один раз мы нашли место, над которым остановились в недоумении — человек здесь спал или животное? Это было в начале зимы. Во время наводнения вода подмыла берег и образовала пустоту, сверху нависла дерновина, русло обсохло. Здесь-то под берегом и была видна лёжка. Ни подстилки, ни следов огня нигде не было видно. Подошедший проводник рассеял наше недоразумение. Ремешок, струганая палочка и обрывок тряпки свидетельствовали о том, что здесь ночевал охотник.

Вот почему не дом, а юрта соответствует образу жизни дикаря-охотника. Вот почему эскимосы строят себе жилища из снега, вот почему малаец живёт в лёгкой воздушной постройке, похожей на палатку. Посмотрите на жилища коряков. Что может быть остроумнее этой землянки с воронкой на крыше и с отверстием для выхода дыма! *Жилища инородцев должны находиться в полном соответствии со всем укладом их жизни.* Русская изба с железной печкой, если можно так выразиться, врывается диссонансом к

ним в жизнь. Для того, чтобы инородцы могли безнаказанно жить в домах с печками, они в корне должны переменить всю свою жизнь с момента появления ребёнка на свет Божий до последнего вздоха при старости, — а это не так легко!..

Есть народы, которые в развитии своём непременно должны пройти через все ступени культуры от первобытного охотника к оленеводству, потом к огородничеству и только тогда к земледелию и сельскому хозяйству.

Здесь более, чем где-либо, резких скачков не бывает, и всякое нарушение последовательности в развитии для инородцев губительно. Разврат с его последствиями, разрушающими душу и тело, болезни и пьянство есть результат вторжения к ним культуры запада, не соответствующей общему укладу их жизни¹.

Вспомним, как англичане переселили австралийских дикарей на остров Ойстер-Ков, лучший в климатическом отношении, построив им дома и снабдив их скотом, зерном и земледельческими орудиями. Началось быстрое вымирание туземцев. Через несколько лет осталось их не более четверти. Тогда, чтобы спасти дикарей, англичане перевезли их обратно на родину, но ничто не могло уже остановить вымирания, и ещё через несколько лет (1876 год) погибли последние представители племени.

Описывая это, Уоллес говорит: «Мы видим здесь погибший народ, которому чужая культура не дала времени развиться».

Даже характер дикаря соответствует той работе, которую он выполняет. Дайте дикарю какую хотите лёгкую и хорошо оплачиваемую работу, но, если только она будет систематичной, ежедневной, однообразной, в одни и те же часы дня, то вы увидите, что он начинает скоро уставать, мучается и лицо его покрывается потом от внутренних усилий. Он не ленив, но он не выдержит методичности и совершит побег, если его станут удерживать силой. Он готов работать в десять раз больше, но лишь бы эта работа была разнообразна и часто сменяла бы одна другую. Посмотрите на инородца во время охоты за соболем — надо поражаться его терпению и настойчивости. А рыбная ловля, а охота на ластоногих, ловля птиц — на всё это он тратит много времени, а ещё более — физических усилий.

При составлении ороцкого словаря я всегда имел в виду характер народа и, если они не убежали от меня, то только потому, что занятия свои с ними я вёл между делом во время пути, на охоте, рыбной ловле, при починке лодки и т. д.

В инородческий элемент Южно-Уссурийского края (тазы) китайцы влили часть своей крови. Это принесло огромную пользу. Правда, чистый тип туземца исчез, но зато новое поколение с малых лет под руководством китайцев стало привыкать к новому хозяйству. Вместе с своей кровью китайцы влили в инородцев любовь к постоянному труду, любовь к земледелию и скотоводству.

Если мы обратимся к истории всех завоеваний, то всюду увидим грустную картину бедствий, терпимых туземцами от пришельцев. В таком же

¹ Иногда наблюдается непосредственный переход от бродячего охотничьего образа жизни прямо к земледелию. Так, например, под влиянием китайцев орочи, обитавшие в Южно-Уссурийском крае, и уссурийские гольды занялись огородничеством и земледелием и только после этого завели у себя лошадей и рогатый скот.

положений очутились и наши инородцы. Теснимые переселенцами, они бросают веками насиженные места и всё дальше и дальше уходят в горы. Так, например, в 1907 году в Императорской гавани рабочие лесной концессии разграбили ороцские балаганы и унесли всю муку, которая была отпущена на случай голодовки. Поставленные в затруднение безрыбницей орочи очутились в безвыходном положении. Зимой у них был ужасный голод. Они ели собак и рыбью кожу, они разбрелись по тайге и ели всё, что попадалось им под руку, другие ушли к морю и ели остатки тука¹ около японских рыбалок. В особенно тяжёлом положении очутились южно-уссурийские тазы, которые на несчастье своё стали оседлыми и потому без клочка земли, годной к земледелию, они существовать более не могут. Ни русские переселенцы, ни инородцы совершенно не были подготовлены к встрече между собою, и встреча эта была потому не дружественна, а враждебна. Я знаю случаи, когда инородцы были разоряемы по семи раз. Семь раз они переменили место, и семь раз их разоряли переселенцы; наконец, они обнищали и буквально жили подааяниями. Я знаю две семьи, которые завели у себя быков и занялись было огородничеством. Их дважды разорили крестьяне, а быков убили. Тогда дикари решили, что Бог наказал их за то, что они оставили жизнь отцов и дедов и сели на землю. Они бросили свои фанзы и ушли в горы и опять занялись охотой и рыболовством. Здесь мы видим печальное явление: те, которые было осели, стали вновь бродячими². Конечно, при таких условиях инородцы жить не могут, и вымирание их произойдёт скорее, чем это можно предположить.

Четвёртая причина вымирания инородцев — это психически подавленное состояние духа. Клапрот отводит этому фактору первое место и считает его главнейшей причиной угасания инородцев на востоке Сибири. И в самом деле! Всё, что им было дорого и свято — их обычаи, шаманство, праздники, могилы отцов — всё это подверглось осмеянию со стороны пришельцев. Я сам видел, когда крестьяне жгли гробницы инородцев. За исключением гиляков, все приамурские инородцы хоронят покойников на поверхности земли в особых гробах, сделанных в виде лодки. Над гробом ставится юрта, в которую складывается всё имущество покойного. Только в случае эпидемической болезни умерших закапывали глубоко в землю. Надо было видеть, как потом, после сожжения гробниц, туземцы со слезами на глазах палочками разбирали пепел и доставали из золы кольца, пуговицы и несгоревшие кости, чтобы предать их погребению в другом месте.

Случится ли беда у дикаря, он шаманил и так или иначе находил успокоение. Нет удачи на охоте, он прибегал к шаману. Шаман камлал и преподавал советы. Заболеет ли кто в семье, опять звали шамана, и, быть может, шаман действительно помогал им. Нет сомнения, что некоторые нервные болезни излечивались гипнозом. Во всяком случае, вера в шаманство, если и не излечивала больных, то в значительной степени облегчала их страдания.

Как только от инородцев стали отнимать шаманство, они растерялись, они почувствовали пустоту, и в душе их произошёл раскол.

¹ Тук варится из рыбы и идёт на удобрение полей.

² Иногда наблюдается, что инородцы умышленно уклоняются от оседлого образа жизни, чтобы не платить сельских и волостных сборов и не нести повинности натурою.

Одно крещение, обращение в православие при оставшихся анимистическими мировоззрениях инородцев на природу есть те же домики с печами, вторгшиеся в уклад жизни первобытного охотника и зверолова.

И так всё! Возьмём хотя бы для примера лодки. Для постройки лодки инородцу не дают леса. Чтобы получить право срубить большое дерево, он должен пройти через целый ряд мытарств. Ему нужно живое дерево, а ему дают плавник. А плавник он взять не может, и вот почему. По представлению инородца, естественной смерти нет. Смерть может быть только насильственной. Она возможна лишь от козней чёрта. Вот почему охотник, найдя в тайге мёртвого соболя, как бы он дорог ни был, никогда его не тронет и поспешно уйдёт в другое место. То же самое и мёртвое дерево. Если он сделает лодку из плавника, он утонет. Даже живое дерево в видах этого рутится особым образом, и при этом читаются заклинания.

Теперь оставим в стороне бродячих инородцев и ещё раз обратимся к южно-уссурийским тазам и амурским гольдам.

В настоящее время те и другие стали заводить у себя свиней, кур, лошадей и другую живность. Многие из них около своих фанз имеют уже и огороды, и потому они должны быть причислены к разряду оседлых.

Инородцы эти интересуются японским и китайским императором и совершенно не имеют понятия о русском Государе; они знают историю Китая, знают китайских героев, китайские песни и — ничего русского! Разве это нормально?!

Все они в один голос просят дать им «билеты», думая, что это спасёт их от разорения. Часто такие виды на жительство они никак получить не могут. Крестьяне гонят их с земли, как беспаспортных, в городах их арестовывают, как безбилетных. Случилось, что одна ороченка умерла в Хабаровске. Явилось затруднение, где и как её хоронить? На русском кладбище её хоронить было нельзя, потому что она была не православная, а на иностранном нельзя было хоронить потому, что она русская подданная. Её похоронили где-то за кладбищем. Разве это нормально?!

Прежде всего инородцы нуждаются во врачебной помощи, и прежде всего необходимо организовать правильную поголовную прививку оспы. Другой мерой для поддержания инородцев во время безрыбицы или неудачной охоты будет устройство магазинов (складов), в которых они могли бы достать себе по дешёвой цене продовольствие и предметы первой необходимости.

Третьей насущной потребностью инородцев являются хорошие школы. Те инородческие школы, которые я видел во многих стойбищах, — всё, что угодно, только не школы. Это какие-то холодные, грязные мазанки. Общежитие для детей ещё хуже. Любая инородческая юрта в десять раз чище и опрятнее. Первое желание, какое является при посещении такой школы, — это выйти скорее на улицу. Не мудрено, что дети не хотят посещать школ, и родители им в этом сочувствуют. До сих пор инородцы не видели от школ ничего хорошего. Подбор учителей совершенно не соответствует своему назначению, и сплошь и рядом китайские купцы, живущие в инородческих стойбищах, культурнее и развитее, чем учителя. Жалованье этих учителей до того ничтожное, что на него может пойти только такой человек, которому, как говорится, деваться некуда.

Я не знаю, сколько лет существуют такие школы, но уверен, что школы эти в том виде, как они есть сейчас, — приносят более вреда, чем пользы.

У инородцев развилось к школам враждебное отношение.

Я предложил бы сделать нескольких фельдшеров и фельдшериц и нескольких учителей из числа тех же инородцев. Опасения, что они уйдут от своего народа и станут жить в городах, не должны иметь места, потому что: 1) перемещение фельдшеров зависит от окружного медицинского инспектора, а 2) потому, что и сами они этого не пожелают.

Профессор Н. И. Прохоров в Якутской области встретил в одном из стойбищ якутку, окончившую Благовещенскую женскую гимназию. На предложение поселиться в городе она ответила отказом и при этом подчеркнула, что её долг быть со своим народом и помогать ему. То же самое я услышал и от одного тунгуса, окончившего Хабаровское реальное училище.

Наши инородцы болеют телом и духовно. Они младшие наши братья. Ведь и мы были когда-то в таком же фазисе развития, как и они. Благодаря счастливому стечению обстоятельств мы опередили их — и только!

Для меня понятно, когда крестьяне жмут и разоряют инородцев, для меня понятно, когда переселенец говорит: «...пусть вымирают, и чем скорее, тем лучше!» Но я никак не могу понять, как такую фразу может говорить человек интеллигентный и образованный?! А такие фразы я слышал довольно часто. На это возразить можно было бы ещё очень многое.

Как же практически помочь инородцам?

Прежде всего надо оградить их от пьянства, во-вторых, организовать медицинскую помощь. Организовать не так, как это было раньше. В самом деле! Что может сделать один врач на всю Камчатку, Анадырь и Чукотский полуостров?! И. Тюшов был прав, когда вместо лечения людей он занялся наукой.

Для того, чтобы спасти инородцев от окончательного вымирания, много предположений делать нельзя. Тут есть только один исход: земельные и рыболовные наделы оседлых инородцев (тазы и гольды) и отвод охотничьей территории бродячим так, как это сделано у американцев, предоставив инородцам развиваться самим из рыболовов и охотников в огородники и земледельцы, помогая осторожно примерами и отнюдь их не насилуя.

Надо торопиться, а то придёт и нам сказать то же, что сказал и Уоллес относительно вымерших тасманийцев: «Это были народы с зачатками прогресса, которые тогда встретили возможность развития, когда было уже слишком поздно!»

В. Арсеньев

ДВ 469
А 853

В.К. Арсеньев

ДОРОГОЙ

ХХШХХХ

Ладивосток
1925

ОХОТЕНА
СОБОЛЯ

Уссурийский край

Музей
Уссурийского края
Музей

ДВ 469 + 47.188

А 853 В Библиотеку Хабаровского
Крайнего Музея им. Губина
В Архиве

В. К. Арсеньев

31 V 1925.
Г. Хабаровск

✓ ДВ 484.17
А-853

ДОРОГОЙ ХИЩНИК

ОХОТА НА СОБОЛЯ
В УССУРИЙСКОМ КРАЕ

ДВ
Р.Ф

✓ 2782812

Хабаровская крайняя
научная библиотека

БИБЛИОТЕКА
ХАБАРОВСКОГО КРАЕВОГО
ГОС. МУЗЕЯ.

ВЛАДИВОСТОК
1925

М/Х

В. К. Арсеньев

Дорогой хищник

**Охота на соболя
в Уссурийском крае**

Владивосток
1925

I

Соболь

Амурский соболь является ближайшим родственником куницы, которая и замещает его в местах исчезновения.

По наружному виду он кажется величиной с небольшую кошку, но на самом деле значительно меньше. Тело его длинное, тонкое и чрезвычайно гибкое, вследствие чего он пролезает в такие маленькие отверстия, через которые другие животные его размеров проникнуть никак не могут. Относительно сильные ноги соболя снабжены крепкими, острыми когтями, дающими ему возможность быстро и без труда взбираться на деревья. Конусообразную его головку, с большими опущенными ушами и чёрным подвижным носиком, можно было бы назвать красивой, если бы впечатление не портилось злобным выражением чёрных глаз. Зубная система его такова же, как у всех хищников. Зубы мелкие, острые, но тем не менее раны, наносимые сободем, могут быть очень серьёзны.

Голос, издаваемый сободем, похож на фырканье и мурчанье. Поставленный преследователем в безвыходное положение, он смело бросается на врага; даже запертый в клетку, он норовит неожиданно напасть на человека, неосторожно взявшегося руками за железные прутья. В случае неудачи он тотчас же скрывается в подстилке, в самом отдалённом теневом углу своей темницы.

Основной цвет соболя бурый, причём окраска эта сильно варьирует с тёмно-бурого до рыже-бурого, буро-серого, желтовато-серого и даже белого цвета. Последние две отмастки попадают очень редко. В Уссурийском крае на окраску соболя влияет широтное его распространение: так, мех соболей в Зауссурийском крае, к востоку от Сихотэ-Алиня, темнее и пушистее, чем в бассейне правых притоков реки Уссури.

Спина соболя всегда темнее, чем бока; брюшко, как у всех животных, — светлее, чем все остальные части тела. Шейка снизу желтоватая, с нежным розовым оттенком, который у мёртвого животного скоро выцветает. Это, так сказать, живой цвет меха. Самые дешёвые соболя — серо-бурые. Иногда, очень редко, встречаются соболя пегие, с белыми отметинами: пегоголовые, пегоногие, пегохвостные. Эти смешанные прикраски присущи только самкам, самцы же всегда бывают однотонны. Мордочка соболя чёрная; внутренняя сторона лапок светлее, чем снаружи; хвост всегда тёмный.

В 1909 году на реке Самарге, в местности Кивета (в 5 верстах от моря), в хвойно-смешанном лесу был убит соболь, сидящий на дереве. Этот зверёк имел такую оригинальную окраску, что его сначала не приняли за соболя. Он был весь желтовато-розового цвета, и только по спине тянулась едва

заметная тёмно-серая полоска; брюшко было снежно-белое. Месяца через два шкурка выщела и приняла грязно-белую окраску.

Встречаются, как редкость, и соболя совершенно белые, но это не альбиносы, — это естественная окраска животного, так как губы и нос у них пигментированы, и глаза отнюдь не красные. Такие шкурки имеют лишь интерес музейный. Много их достать нельзя, а одна белая шкурка среди тёмных только мешает и даже известным образом обесценивает всю партию.

В Уссурийском крае соболь распространён повсеместно, повсюду, где сохранились большие хвойно-смешанные леса.

Нет сомнения, что соболь водится в «Чёрных горах» около Хунчуна, в лесах северной Кореи и в Сунгарийском крае (сансинский соболь). В общем Уссурийский край во много раз богаче соболями, чем Амгунский район и Амурская область. В горах Сихотэ-Алиня раньше соболей было очень много. Здесь путник постоянно встречает соболиные следы не только зимой, но даже и летом в виде экскрементов в колоднике.

В 1909 году в верховьях реки Самарги три удэгейца поставили в шести местах по 12 лучков (маленький лук-самострел). Эти 72 лучка в одни сутки дали 6 соболей.

Староверы-соболевщики полагают, что есть соболь «местный» и «ходовой». Это подтверждают и китайцы. «Местным» они называют такого соболя, который постоянно живёт на данном месте и от своего жилья далеко не уходит. Подошвы его лапок покрыты шерстью, и когти — длинные, острые. У «ходового» соболя шерсть на лапках вытерта, и когти притуплены. По степени вытертости шерсти на лапках, соболевщики судят о пройденном зверьком расстоянии. Следы «ходового» соболя по снегу видны ясно, отчётливо, а следы «местного» соболя видны только на мягком снегу.

Китайские звероловы уверяют, что по качеству меха и окраске они могут определить, откуда пришёл соболь и где его родина, — Зауссурийский край или правые притоки Усури.

Туземцы в большинстве случаев на задаваемые вопросы по этому поводу отвечали так: если следы соболей идут вразброд в разные стороны, то зверьки эти живут здесь постоянно и бегают лишь за добычей. Но иногда

замечают, что большинство следов (в особенности, если снег выпадает рано) идёт в одном направлении. В этом туземцы усматривают перекочёвывание соболя вследствие недостатка корма.

Соболь обитает по верховьям малодоступных рек, в первобытных девственных лесах, где ещё никогда не стучал топор дровосека, где пожары не уничтожили подлесья и где достаточно есть бурелома. Леса Уссурийской тайги по первому впечатлению кажутся безжизненными: ни единый звук не нарушает их торжественной тишины. И вот такие-то глухие места и являются, по видимому, любимым местопребыванием соболя. Пищей ему служат бурундуки, мыши, сеноставцы, затем зайцы, белки и разные птицы (чаще всего рябчики).

Соболь на охоте за рябчиками

В голодные годы, когда соболь не может найти себе пищу в хвойном лесу, он выходит на поляны и ест всё, что ему попадётся. Иногда он залезает в амбары туземцев и грызёт там юколу. Однако, он не прочь полакомиться и свежей рыбой и даже предпочитает её сухой.

Будучи смелым и ловким, соболь решается нападать даже на таких крупных животных, как кабарга. Однажды (на реке Кулумбэ, притоке Имана, в ноябре 1906 года) автор, сопровождаемый туземцами, видел следы борьбы между этими двумя животными. Прыгнув на спинку кабарги, соболь старался перегрызть ей артерию на шее.

Молодая кабарга обычно гибнет, но взрослая начинает кататься по земле и таким образом сбрасывает с себя маленького, но страшного для неё хищника.

Летом соболь ест кедровые орехи и в особенности любит «кишмиш»¹. Подыскивая места для охоты, староверы ещё с лета присматриваются, достаточно ли в данном месте бурундуков, мышей и мелких птиц, где именно растёт «кишмиш», как он цветёт и будут ли на нём ягоды.

В лесу соболь мало ходит по земле; он предпочитает бегать по валожнику. Прыгая с колодника на колодник, соболь ухитряется проходить таким образом иногда значительные расстояния. Случается, что на протяжении полуверсты он ни разу не сойдёт на землю. Когда туземцы идут за соболем, они ищут следы его не на земле, а на поваленном на землю и запорошенном снегом колоднике. Точно так же и староверы, подыскивая летом места для звероловства зимой, внимательно осматривают бурелом, нет ли на нём соболиных экскрементов.

II

Охота на соболя

В Уссурийском крае первыми охотниками на соболей были туземцы: гольды, орочи и удэгейцы. Большинство этих народностей и по настоящее время пребывает в состоянии первобытных звероловов. Раньше специальной охотой на соболя они не занимались и убивали только тех соболей, которые случайно попадали в их ловушки. Меха соболя шёл для личных их нужд: на головные уборы, наушники, рукавицы и т. д.

Тогда туземцы не знали цены соболя и особенно ценили мех россомахи. Тогда и соболей было больше. Старики рассказывают, что лет семьдесят тому назад соболей в лесах было так много, что хороший охотник без особого труда в течение зимы мог поймать их более полутора десятка штук.

Но в начале XIX столетия в край прибывают китайцы. Они жадно набрасываются на соболей. С тех пор соболинй мех начинает быстро подниматься в цене, а у туземцев появляются ружья — старые, «фитильные», за которые они платили по 60 и 70 отборных соболей, и за фунт пороха — 2–3 соболя.

Русские, прибывшие вскоре после китайцев, сами соболей не ловили, но собирали их в «ясок» для казны.

¹ Так переселенцы называли плоды актинидии (лиан).

Следом за китайцами-купцами в краю появляются китайские охотники и искатели женьшеня, и самыми последними прибыли корейцы. Те и другие усвоили сущность охоты на соболей и занялись ею в широких размерах и повсеместно. Русские (староверы) стали заниматься соболеванием весьма недавно (лет 25 тому назад, не более).

Вместе с тем количество добываемых соболей начинает быстро сокращаться. В 1891 году опытный туземный охотник в удачный год мог добыть 97 соболей. В 1904 году три удэгейца с реки Такемы за два года поймали 86 соболей, что составляет по 14,4 соболя в год на человека. В 1909 году средняя добыча на охотника исчислялась в 9 соболей.

В настоящее время охотниками на соболя являются туземцы, китайцы, корейцы и русские. У каждого народа свои способы соболевания. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Способы соболевания у всех тунгусских народностей весьма похожи друг на друга. Различие заключается только в деталях.

Соболевание для первобытного охотника — это всё то, вокруг чего группируются его мысли, это то, что наполняет его жизнь и что восстанавливает его душевное равновесие. Лишите дикаря этого рода деятельности, и его жизнь станет бесцельной, ничем не заполненной. С малых лет он видит, как с наступлением осенних холодов отец и старшие братья собираются на охоту за соболем: они плетут сетки, куют стрелы, починяют нарты, шаманят и просят удачи на промысле. Выезд на охоту — это своего рода праздник, это великий день в году. Они веселы, все ликуют, все радуются. Запряжённые собаки выказывают крайнее нетерпение. Женщины выходят провожать своих мужей и братьев. Охотники садятся в нарты — и вмиг вся свора, спущенная с привязи, срывается с места и с лаем мчится по льду реки. Женщины машут им руками. Через минуту нарта скрывается за поворотом.

Охотник на соболя у ловушки

Прибыв на место, удэхейцы вынимают из нарт своих деревянных божков, ставят их недалеко от балагана, кормят их кашей с салом и просят удачи на охоте. Затем каша разбрасывается по тайге. Это — жертва богу лесов Онку, охраняющему прирост богатства. После этого, старший из них, налив в маленькую чашечку спирта, мочит в нём указательный палец и по капле бросает спирт на все четыре стороны, а остальное выливает в огонь. При этом он снова обращается к Онку с просьбой дать удачное соболевание и счастливую охоту. Тогда охотники снимают хорошие одежды, надевают охотничье платье и разъезжаются в разные стороны.

Редко удэхейцы соболюют в компании, редко даже по два человека: в большинстве случаев они охотятся в одиночку. У каждого свой район, своё место, доставшееся ему в наследство от отца и деда. Здесь, в горах, в глухой тайге, в маленькой юрте проводит он один долгие зимние месяцы. Вся окружающая его природа полна чудес, созданных его собственной фантазией и воображением. Всюду он видит козни злых духов, мешающих ему спать спокойно. Вот почему туземцы эти имеют при себе привязанных к поясу маленьких идолов, мажут им губы кровью соболя и просят у них покровительства и защиты.

Все сказки туземцев полны охотничьих приключений, и нередко в них фигурирует соболь. Весь уклад жизни туземца приурочен к соболеванию. От удачного промысла зависит многое. Только соболь даёт охотнику возможность встать на ноги и уплатить калым (выкуп) за невесту.

Туземцы консервативны: большинство из них сохранило свои примитивные способы соболевания до сих пор. Сказанное не относится к так называемым «тазам» (южно-уссурийским удэхейцам), которые совершенно окитаились и ныне ловят соболей китайским способом, о чём будет сказано ниже.

Самый любимый и самый первобытный туземный способ охоты на соболя — это выслеживание по снегу.

Соболь — животное ночное. Ночью он бегаёт в поисках за добычей, а днём прячется где-нибудь под пнями или в дуплах деревьев. Поэтому успех охоты на соболя зависит от того, где его найдёт охотник. Этот способ соболевания требует большого терпения и навыка. Поистине достойны удивления те приёмы, к которым прибегают охотники, чтобы выследить и поймать дорогого хищника.

Надо поражаться и тому, с какой хитростью соболь старается запутать свои следы и уйти от преследователя. Он часто делает петли, причём старается идти по валежнику, где снег сдуло ветром, или где он «занастился». Иногда он влезает на дерево с наветренной стороны, там, где есть снег, — так, чтобы следы его были видны ясно. Поднявшись до самой вершины, соболь спускается вниз по другой стороне дерева — голой, затем спрыгивает на свой прежний след и возвращается назад, стараясь при этом не протаптывать нового следа. Он осторожно ставит свои лапки в ямки старых следов, чтобы не испортить их и не засыпать снегом.

Найдя поблизости какой-нибудь пень, соболь прыгает на него, затем зарывается в снег, проходит под ним 20–30 шагов и благополучно уходит в сторону. Бывает так, что, идя по наклонному валежнику, соболь вдруг делает большой прыжок назад или в сторону, на соседнее дерево. Завершив круг, он выходит на речку и прыгает здесь с камня на камень, потом

уходит под бурелом, нанесённый водою, а иногда забирается под яр реки, где нависшие сверху дернины совершенно скрывают его следы.

Тут долго приходится искать их в надежде, что незамёрзший песок или случайно нанесённый через какое-нибудь отверстие снег укажут, в какую сторону пошёл соболь. Словом, все движения соболя — вполне обдуманные, вполне сознательные. Нужно быть чрезвычайно внимательным, нужно хорошо знать все повадки соболя, нужно быть настоящим следопытом, чтобы расшифровать хитро сплетённые петли соболя.

Трудно сказать, сколько времени займёт такая охота. Это зависит от свежести следа и от навыка самого охотника. Иногда соболя удаётся найти через несколько часов, чаще всего на преследование его тратится двое, трое суток.

Надо поражаться выносливости туземцев. Зимой в глухой тайге, без палаток, в лёгкой одежде, часто в одиночку, они подолгу гоняются за сободем — и в результате нередко охота бывает неудачной. Бывает так, что после долгого преследования охотник обнаружил совершенно свежий след дорогого зверька, а сумерки принуждают его остановиться на ночь. Тогда он ночует без огня, чтобы не испугать соболя, иначе соболь уйдёт, и охотник будет вынужден вновь гоняться за ним двое суток.

Однажды автор зимой, в январе месяце, нашёл под яром чью-то лёжку, над которой остановился в недоумении, — человек здесь спал или животное... Во время наводнения вода подмыла берег и образовала пустоту. Сверху нависли дерновины; русло обсохло. Ни травы, ни подстилки, ни следов огня не было видно, а между тем земля была примята: видно было, что здесь кто-то спал. Подошедший проводник удэхеец разъяснил недоумение. Обрывок ремешка, оструганная палочка и шкурка сухой рыбы свидетельствовали о том, что здесь спал охотник.

Необходимой принадлежностью охоты на соболя является сетка. Она представляет из себя узкий мешок, длиною 50—60 сантиметров, заканчивающийся верёвкой, при помощи которой вытянутая сетка привязывается к колу или стволу дерева. Для того, чтобы она не спадала, внутри её помещают несколько тонких деревянных колец.

Найдя пень, в котором спрятался соболь, охотник спешит прежде всего заткнуть в нём отверстие. После этого он начинает разрывать вокруг пня снег на тот случай, если бы под ним оказались ещё выходы наружу. Если снег не сыпучий, а рыхлый и сырой, то его просто утапывают на лыжах. Когда всё готово, охотник открывает входное отверстие и вплотную приставляет к нему сетку. Иногда бывает достаточно этого. Охотник садится в стороне и, соблюдая возможную тишину, ожидает, когда соболь выйдет из своего убежища.

Напуганный зверёк сначала притаится в пне, а затем, когда станет тихо, вылезает и попадает в сеть. Не теряя времени, охотник бросается к соболю и прижимает его к земле палкой от лыж, или рукояткою топора, или тем, что попадает под руку, и давит его.

Может случиться, что под пень, где укрылся соболь, ведут два хода. В таком случае к одному отверстию охотник ставит сеть, а у другого раскладывает огонь. Тогда дым выживает соболя и принуждает его спасаться бегством.

Когда соболь попадает в сетку, охотник не должен зевать. Опытные звероловы имеют на руках кожаные рукавицы, джутовый мешок, кусок мягкой кожи или тряпку и т. п. Схватив одной рукой зверька за голову и зажав ему рот, другой — за задние ноги, охотник прижимает его к земле и давит коленом.

Если соболь укрылся в дупле, то опять-таки затыкаются в нём все ходы и выходы, а затем дерево внимательно осматривается — как оно стоит и куда при рубке будет падать. Молодняк, который может помешать падению дерева, удаляется. Если дерево настолько велико, что охотник сам справиться с ним не может, то он уходит за товарищами. Казалось бы, что при рубке дерева соболь может убежать во вновь образовавшееся отверстие, что он и сделал бы, если бы это было ночью и кругом было тихо. Но днём от шума он забивается в самую верхнюю часть дупла и сидит там, притаившись, что и нужно охотникам. Поэтому они работают без опаски. Наконец дерево падает, нижнее отверстие дупла тотчас закрывается сеткой, полотнищем палатки, одеждой, корьём, травой — одним словом, всем, что попадает под руку. Чаще всего поступают так: когда дерево близко к падению, рядом раскладывается костёр. Как только дерево упадёт, костёр быстро подвигается вплотную к дуплу. После этого охотники прорубают небольшое отверстие в верхней части дупла и приставляют к нему сетку. Спасаясь от дыма, соболь выходит наружу и попадает в ловушку.

Если снег неглубокий, если поверхность земли неровная, а дерево гнилое и охотники знают вперёд, что при падении оно разломится на два-три куска, то, как только оно рухнет, они бросаются к верхнему обломку и затыкают его отверстие.

Охота на соболя

Если дерево упало всё целиком, и соболь бегаёт по дуплу взад и вперёд, ища выхода, то охотники, чтобы загнать его в вершину, поступают следующим образом. В некотором расстоянии от комля¹ прорубается небольшое отверстие, сквозь которое палкой принуждают соболя перейти в верхнюю часть дерева. Ниже этого отверстия дерево перерубается, и дупло затыкается сеткой. Потом опять делается в дереве маленькое отверстие, соболь палкой вновь перегоняется к вершине, опять дерево перерубается, и дупло затыкается. Таким образом, соболь загоняется в самый верхний обрубок. Опытные охотники ухитряются обрубок этот сделать не более 2 футов. Снаружи они прорубают два-три маленьких отверстия для воздуха и света, сквозь которые видно пойманного зверька. В этом обрубке, как в клетке, живой соболь приносится домой.

Так как в поимке живого соболя у туземцев до сих пор нужды не было, то вышеописанный способ, как требующий слишком много времени, ими применялся весьма редко, разве только по специальному заказу или по требованию шамана, когда, по его соображениям, нужно «камланить»² над живым соболем, дабы дать хорошую охоту своим сородичам.

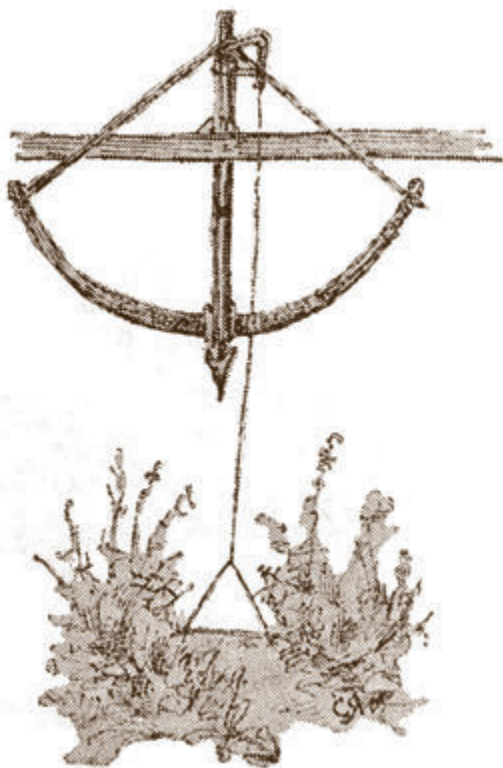
Случается, что при падении дерево раскалывается вдоль. Тогда соболь убегаёт, и охотнику надо выслеживать его снова.

Если соболь скрылся в каменистых россыпях, туземцы считают охоту потерянной. Россыпи обыкновенно занимают большое пространство,

и в камнях есть много ходов и выходов. В таком случае охотники бросают охоту и ищут другой след или же остаются ждать, пока соболь сам не выйдет наружу.

Другой туземный способ охоты на соболя — это лучковый.

Заметив, что соболь прошёл несколько раз по одному и тому же месту, они настораживают на тропе его самострел (лучок). Удэхейский лучок состоит из четырёх частей: 1) стойки, к которой прикреплён лучок в вертикальном положении, 2) лука с тетивой, длиною в 1 метр и 10 сантиметров, 3) стрелы с острым железным наконечником и 4) тонкой бичевы. Бичева эта оканчивается с одной стороны петлёй, а с другой — тремя волосками, расположенными треугольником. Вершина его находится у нижнего конца бичевы, а третий

Лучок, настороженный на соболином следу

¹ Нижний конец срубленного ствола.

² Совершать моление.

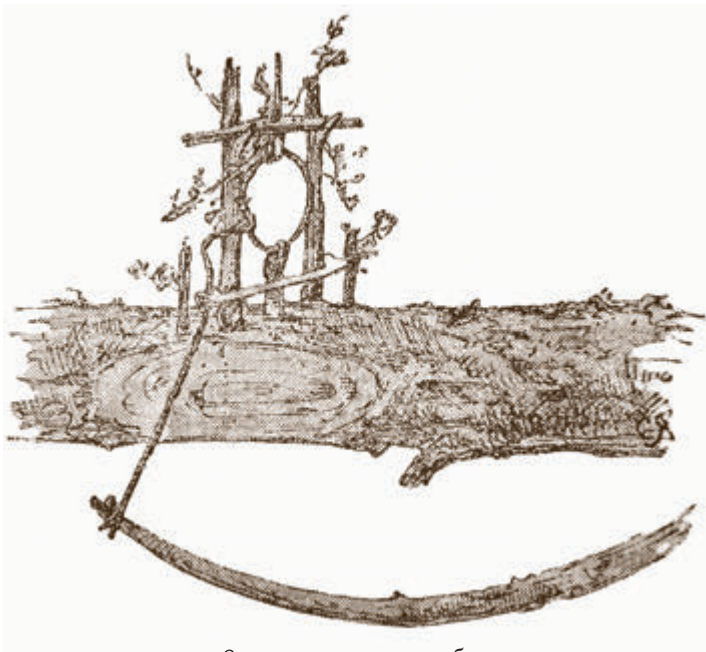
волосок подтянут между двумя другими горизонтально, но на таком расстоянии от земли, чтобы соболь никак не мог пройти, не задев его спиной или голову.

Волосков на фоне снега не видно, — они белого цвета. Если соболь и заметит поперечный волосок и пожелает перепрыгнуть через него, он непременно заденет за боковые волоски, малейшее движение которых заставляет петлю соскочить с курка, тетива освобождается, и стрела с силою бьёт в то место, где находится соболь.

Неудобство этого способа охоты заключается в том, что стрела портит шкурку соболя. Поэтому орочи Советской гавани иногда ставят на следу особые ловушки с петлями.

Эти ловушки устроены так: в землю или на колоднике вбиваются два небольших колышка, на которые кладётся поперечина. В середину этой поперечины вставлена палочка, имеющая на нижнем конце небольшую зарубинку. Эта последняя служит для удержания кручёной волосяной петли в вертикальном положении. Если её сдвинуть хоть немного, она тотчас же падает. Соболь, желая проскочить между колышками, задевает петлю и увлекает её за собой. Эта последняя приводит в действие остальной механизм ловушки: конец петли прикреплён к согнутому дереву, — как только соболь потянет за собой петлю, дерево быстро выпрямляется, и пойманное животное повисает в воздухе.

Неудобство этого рода ловушек заключается в том, что если они долго стоят в бездействии, то согнутое дерево теряет свою упругость. Затем, если соболь попал в петлю не головой, а лапкой, то он хотя и повисает на верёвке, но иногда может дотянуться до волосяной петли и перегрызть её зубами. Кроме того, мёртвый соболь является приманкой для ворон и других пернатых хищников.

Орочская ловушка на соболя

Орочи Советской гавани ловят соболей тремя способами: 1) способом, только что описанным, — при помощи петли, привязанной к согнутому дереву, играющему роль пружины; 2) при помощи лучка, настораживаемого на соболином следу, и 3) выслеживанием и ловлей сеткой изпод пня или из дупла дерева.

Китайцы ловят соболей ловушками, которые назы-

ваются «дуй». Отсюда и название «зверовой» китайской фанзы — «дуй-фанза». Русские называют эти ловушки «плашками» и «кулёмками».

Китайская ловушка «дуй» устроена следующим образом. На валежнике в два ряда вбиваются колышки, от 15 до 25 сантиметров, которые образуют нечто вроде коридора, суженного внизу и расширенного сверху, длиною в 96 сантиметров. Над «лежнем» (так будем называть валежину, на которой устроена ловушка) висячем положении находится другое бревно — меньшее по размерам и длиною в сажень. Одним концом оно упирается в кол, вбитый в лежень, а другой конец его приподнят и находится на весу, на высоте 3—4 футов. Между рядами колышков положены две тонкие дранки, которые внешними концами покоятся на лежне, а внутренними (в середине коридора) — на двух коротеньких прутиках, заложенных под небольшие вырезки двух ближайших колышков. Отсюда идёт верёвочная снасть к верхнему бревну, которое удерживается на весу особым рычагом в виде неравномерного коромысла. Рядом с лежнем стоит ствол молодого деревца, вбитого в землю верхней частью (комлем кверху). Все корни его обрублены, кроме одного. На этом-то корне и находится точка опоры рычага. К одному концу его привязана «снасть», а другой подходит под крюк, вбитый в верхнее бревно.

Когда соболь бежит по валежнику, он волей-неволей должен идти по дранкам между колышками. Своей тяжестью он сдвигает прутики у приколышей, верёвочная снасть освобождает коромысло, верхнее бревно падает и давит соболя.

Неудобство этих ловушек заключается в их сложности, а также в том, что они дают не только соболей, но и других животных и птиц: белок, бурндуков, орехотворок, соек, рябчиков и пр. Случается, что по ловушке,

Китайская соболиная ловушка

которая только что задавила бурундука, следом проходит соболь. Кроме того, убитый соболь находится на виду, и его часто расклёвывают птицы, поедают хорьки, мыши и т. д.

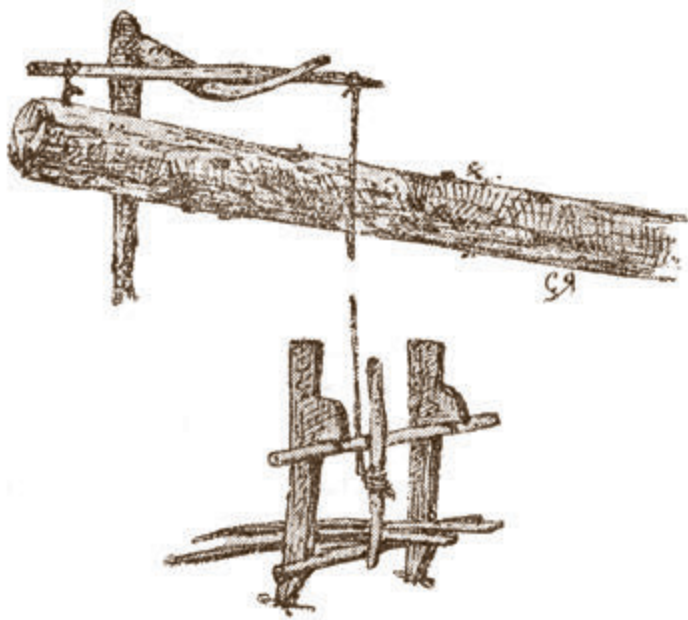
Ставить такую ловушку (дуй) надо умеючи. Если её поставить слабо, то ловушка будет давить всех бурундуков, мышей и разных мелких птиц. Если же её поставить туго, то она не будет действовать даже в том случае, если через неё пробежал соболь или хорёк. Надо иметь в виду и то обстоятельство, что, проходя по дранкам, соболь, чувствуя зыбкую почву под ногами, идёт осторожно, с опаской и не делает прыжков.

Осенью, как только поля убраны и наступят холода, китайцы оставляют свои дома и уходят в тайгу на соболевание. В фанзах остаются только глубокие старики и калеки, не способные работать. Здесь, в глухой тайге, в маленьких фанзочках охотники живут в одиночку, иногда же по два и по три человека.

Ловушки у них расположены всегда по круговой тропинке; обыкновенно их от 300 до 2 000 штук. Работа китайца-соболёвщика очень тяжёлая. Чуть свет, он уже на ногах. Несмотря ни на какую погоду, он должен ежедневно осматривать ловушки. С маленькой котомкой за плечами он бежит по тропе и подходит только к тем ловушкам, которые упали. Быстро, без проволочек, собирает добычу, налаживает ловушку снова и снова бежит дальше. Уже совсем к сумеркам китаец успевает пройти только половину дороги. Тут у него построен маленький балаганчик из дерева, корья и бересты. Переночевав здесь у костра, на другой день с рассветом он проходит другую половину дороги, вновь на бегу собирает добычу и только к концу дня добирается до своей фанзы. А назавтра он опять уже на работе и опять осматривает ловушки — и так изо дня в день подряд, в течение нескольких месяцев.

Сезон соболевания продолжается с половины сентября до тех пор,

пока глубокие снега не завалят ловушки. Тогда звероловы оставляют свои заповедники и возвращаются к своим обычным занятиям. Раньше из тайги уходят те, у которых мало съестных припасов. За последние пять лет китайцы научились от туземцев ходить на лыжах и выслеживать соболей по снегу. Поэтому многие из них остаются теперь в зверовых фанзах на всю зиму вплоть до весны, и если возвращаются в земледель-

Механизм китайской ловушки на соболя, приводящий её в действие

ческие фанзы, то лишь на время, для того, чтобы пополнить запасы продовольствия и вновь продолжать соболевание.

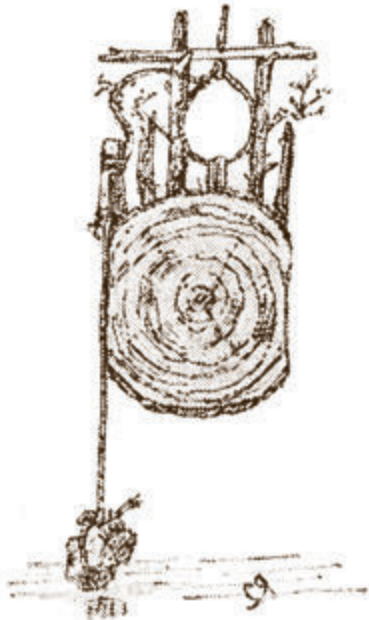
Корейский способ ловли соболей иной. Корейцы производят ловлю «мостами», устраиваемыми в таких местах, где поваленное через речку дерево достало до другого берега. Дерево не должно быть особенно большое, 50–70 сантиметров в окружности и метров 10 длиною. Отсюда ясно, что корейцы соболюют в верховьях рек, где ширина реки не превышает этого размера и где, следовательно, глубина её не более одного метра, т. е. как раз в самых излюбленных соболями местах.

Посредине «моста» (дерево, переброшенное через реку) вбиваются колышки, преграждающие путь соболю. Чтобы замаскировать ловушку, корейцы делают колышки разной длины, не снимают с них коры и переплетают одной-двумя тонкими еловыми веточками. В одном месте оставляется узкий проход, в котором в вертикальном положении ставится плетёная волосяная петля, а для того, чтобы соболю не мог обойти изгородь стороной, дерево в этом месте гладко отёсывается с обоих боков на $\frac{1}{3}$ его толщины. Волосяная петля свободным концом привязывается к небольшой палочке, имеющей маленький выступ, которым она и держится на особом колышке, вбитом сбоку в бревно. К другому концу палочки с выступом привязан камень от 3 до 5 фунтов весом.

Такие мосты устраиваются в расстоянии примерно 200 метров друг от друга, для чего пользуются естественными мостами, т. е. буреломным лесом по берегам рек. В местах, где бурелом сносится водою в дождливое время года, корейцы вынуждены ежегодно валить новые деревья для устройства соболиных «мостов». Обочины таких речек бывают так оголены корейцами, что для устройства переправ путники не в состоянии найти ни одного дерева, которое, будучи повалено, достигло бы противоположного берега.

Хоть соболю и хорошо плавает, но в воду идёт неохотно и всегда ищет переправы. Перебегая по «мосту», он натывается на изгородь, пробует обойти её стороной, но гладко отёсанные бока дерева принуждают его направиться к отверстию с петлей. Когда зверёк заденет петлю (она нарочно делается малого размера) и потянет её за собою, он непременно сдвинет палочку с упорца, — камень срывается и увлекает соболя в воду.

Корейцы говорят, что их способ поимки соболей лучше китайского и что их ловушки действуют наверняка. Нельзя с этим не согласиться. У китайцев случается иногда, что плохо придавленный соболю уходит из ловушки, перегрызая колышки по сторонам. В корейской ловушке ему нет спасения: камень всегда его утопит. На дне речки он лежит сохранным, и кореец не боится, что шкурку соболя попортят вороны.

Корейская ловушка на соболя
(над водой)

Неудобство корейского способа заключается в том, что ловить соболей этим способом можно только осенью и в начале зимы, пока реки не замёрзнут. В Южно-Уссурийском крае это возможно до 1 декабря, но, по мере движения к северу, время соболевания корейским способом сокращается; в районе Советской гавани оно становится только осенним и длится не более месяца.

В Приамурье способ охоты на соболя с собакой почему-то не применяется. Несколько раз сюда приезжали охотники из Сибири со своими собаками, но все старания их, несмотря на обилие соболей, не увенчались успехами, и разочарованные соболевщики возвращались обратно на родину. Причины этого, вероятно, надо искать в чрезвычайно пересечённой горами местности (вследствие чего за горами часто не слышно бывает лая собаки), в густоте подлесья, среди которого много колючих растений, и в заваленности тайги буреломом, затрудняющим движения собаки и охотника, а также и в многочисленности каменистых россыпей по склонам гор.

В Уссурийском крае из русских переселенцев ловлей соболей занимаются только старообрядцы, живущие по рекам Даубихэ, Улахэ и на берегу моря, около мысов Белкина, Арка и Олимпиады. Они видели, что на одном земледелии далеко не уедешь; на их глазах обогащались китайцы, и источником обогащения их было соболевание. Староверы не ограничивались одним каким-либо способом, а использовали все способы, какие только им были известны. Так, осенью, пока не замёрзли речки, они ловят соболей корейским способом; позже, когда в речках появляются забереги, позволяющие соболю перепрыгивать с одного края льда на другой, они пользуются китайскими «плашками» и, наконец, во вторую половину зимы, когда выпадает глубокий снег, они начинают следить соболя так, как это делают туземцы. В последнем случае в дело пускается соболиная сетка, о которой говорилось выше, и «обмёт».

Обмётом называется тоже сетка, длиною в 20 метров, шириною в 1 метр, с очком в 2 сантиметра. Этой большой сеткой окружается то место (небольшая каменистая россыпь, пень, нора бурундука и т. д.), где скрылся соболь. Обмёт ставится таким образом, что верхние края его загибаются внутрь (обтягиваются шнурками), что препятствует соболю уйти, если бы он вздумал взбираться по сетке кверху. Охотник садится в стороне и ожидает, когда соболь выйдет из своего убежища. Если сеть оставлена на ночь, то к верхнему краю её привязываются два-три бубенчика, колокольчики или какие-нибудь побрякушки. Звон их даёт знать охотнику, что соболь вышел и старается выбраться из обмёта. В руках у охотника шнурок от сети. Он дёргает его, сетка падает внутрь и прикрывает собою зверька. Испуганный соболь начинает метаться и окончательно запутывается в сети.

III

Опасности соболевания

Охота на соболя сопряжена с риском жизнью. Опасность является совершенно неожиданно и притом с той стороны, откуда её, казалось бы, и ожидать нельзя.

Так, в 1904 году китаец Лю-сун-тян, с реки Санхобе, отправился на соболевание в верховья реки Кулубе, берущей начало с западных склонов Сихотэ-Алиня.

Лю-сун-тян был добычливый охотник. Как старожил, он хорошо знал, что в Уссурийском крае первая половина зимы бедна атмосферными осадками, и снега обычно выпадают лишь в феврале или в марте месяце. Рассчитывая возвратиться заблаговременно, он взял с собою столько продовольствия, сколько мог унести на себе в котомке.

Лю-сун-тяну вначале повезло. Ловушки свои он осматривал через день, и не было случая, чтобы он возвратился с пустыми руками. Через месяц он уже имел 19 отборных соболей, один другого лучше.

Но вот в начале декабря ночью совершенно неожиданно разразилась жестокая пурга и выпал глубокий снег, заваливший все его ловушки. Для очистки совести Лю-сун-тян хотел было всё же обойти их, но с первых же шагов убедился, что это невозможно. Снег был глубиной по пояс. Тогда он решил прекратить соболевание и возвратиться в селение. Целый день он прокладывал себе дорогу по глубокому снегу и за весь день прошёл не более полуверсты. Погода хмурилась, можно было ожидать новой пурги, и это принудило его вернуться обратно в зверовую фанзу.

Между тем продовольствие быстро приходило к концу. Раньше, до снега, соболиные ловушки ежедневно давали ему рябчиков и белок, а теперь он питался тем, что захватил с собою из дому. Лю-сун-тян стал сокращать порцию с целью растянуть продовольствие на возможно большее число дней, и от этого он ещё более обессилел.

Он слышал, что северные туземцы в таких случаях пользуются лыжами, но он не знал, как они делаются. Никакого другого инструмента, кроме топора, у него не было. Он вытесал две длинных доски, но сломал их с первых же шагов.

Наконец настал момент, когда он израсходовал последние крошки продовольственного запаса. Следующие дни он питался отбросами, которые выискивал в снегу около фанзы, а когда иссяк и этот источник продовольствия, он принялся есть ремни от обуви и всякую гадость. В конце концов очередь дошла и до соболей. Он опаливал их, мелко крошил, варил в котелке и эту своеобразную лапшу глотал с большой жадностью.

Время шло. Солнце поднималось всё выше и выше. Пришёл февраль. Снег, пригретый солнечными лучами, занастился¹; потом опять ударил мороз с ветром. Когда Лю-сун-тян изрезал последнюю шкурку, он на глиняной стене фанзы сделал надпись углем, указал число съеденных им соболей, оделся и вышел... Недели через две его нашли другие соболевщики верстах в пяти от зверовой фанзы. Он стоял замёрзшим в глубоком снегу, прислонившись к дереву. Одежда его была изодрана в клочки, а вся кожа на ногах, от ступни и выше, чем до колена, была ободрана острыми режущими краями наста.

Лю-сун-тяна похоронили на общественный счёт.

Другой трагический случай имел место в 1908 году на реке Тудагоу, притоке реки Даубихэ.

¹ Покрылся настом — тонкой коркой.

Кореец Чом-ба-ги отправился в тайгу устраивать соболиные ловушки.

Место для охоты он выбрал весьма удачно. Обильный водою горный ручей и густой хвойно-смешанный лес, где было много рябчиков, бурундуков и белок, обещали ему богатую добычу.

К концу недели Чом-ба-ги устроил шестьдесят девять мостов. Он решил поставить ещё один последний мост и вернуться назад в селение, а с наступлением заморозков прийти сюда снова и приступить к соболеванию.

Как раз в том месте, где надо было устроить последний мост, поперёк ручья лежала большая старая ель, хвоя с которой уже осыпалась и все ветви были обломаны. Только один сук, как раз на том месте, где нужно было ставить петлю, торчал кверху.

Кореец острым топором отсёк его, но не у самого основания, а выше. Удар пришёлся наискось, вследствие чего обрубленная ветка свалилась в воду, а на стволе осталась заострённая часть её, фута в полтора длиною.

Чом-ба-ги перешагнул через неё, прошёл по всему бревну до комля и затем повернулся назад. В это время подгнившая кора ели не выдержала давления ноги и сорвалась с заболони¹, вследствие чего кореец, потеряв равновесие, упал. Заострённый сук пронзил его насквозь...

Прошёл месяц, другой. О Чом-ба-ги ни слуху, ни духу. Тогда сородичи пошли его искать и нашли несчастного зверолова мёртвым. Он лежал поперёк ели, ноги были свешены на одну сторону, конец заострённого сука торчал из спины, а по телу его, запорошенному снегом, соболь проложил себе дорогу.

Таких примеров, как вышеописанные, можно было бы привести много. Я ограничусь только тремя, из которых последний ярко иллюстрирует, в какое тяжёлое положение попадают иногда охотники в глухой тайге, находясь в полной зависимости от окружающего их животного мира.

Старый таза Люря, с реки Кусуна, в 1907 году рассказал мне следующий случай, который произошёл с ним на реке Тахобе, когда волосы его не были так белы и глаза так плохи, как теперь.

Соболевал он на реке Цзава, где у него была небольшая зверовая фанзочка, сложенная из накатника и обмазанная глиной. Она имела одно только окно, в которое были вставлены два куска стекла, склеенные узкой полоской бумаги. Окно это находилось почти на уровне земли, так как этой стороной фанза была несколько вкопана в землю. Вход прикрывался узкой дощатой дверью, с ремённой петлей, задеваемой за деревянный колышек. Никакого другого запора не было.

Как-то раз Люря не пошёл осматривать соболиные ловушки. С утра погода хмурилась, дул сильный ветер, — начиналась пурга. Таза весь день провёл за домашними работами, но незадолго до сумерек в фанзе вдруг сразу сделалось темно. Он взглянул на окно и увидел, что кто-то заслонил его. Тогда Люря зажёл огонь и поднёс его к стеклу. То, что он увидел, заставило его задрожать от страха, быстро погасить огонь, затем тихонько подойти к двери и при помощи верёвок начать изнутри запирать её как можно крепче. В окне он увидел полосатый бок тигра...

Страшный зверь, видимо, искал защиты от ветра и привалился к стене фанзы, как раз к тому месту, где было окошко.

¹ С древесины ствола.

Через щели в дверях Люря видел, как померк солнечный свет и наступила ночь. Он сидел ни жив, ни мёртв и боялся пошевелиться. Как на грех, он испортил замок своего ружья и потому оставил его в селении. Первый раз в жизни он отправился в тайгу безоружным.

Когда стало светать, тигр встал, встряхнулся и отошёл от окна. Люря обрадовался, думая, что он ушёл совсем. Прождав с четверть часа, таза подошёл к дверям с целью снять запоры и вдруг увидел пёстрое чудовище как раз против себя...

Тигр лежал на брюхе, вытянув вперёд передние лапы, и внимательно смотрел на дверь.

Безумный страх овладел звероловом. Он понял, что тигр охотится за ним. К вечеру пурга окончилась, кругом воцарилась тишина, и тогда Люря ясно слышал, как полосатый хищник ходил вокруг фанзы, и видел лапы его в окне. Один раз тигр даже взобрался на крышу, словно желая проверить, нельзя ли как-нибудь сверху проникнуть внутрь жилища.

Ещё одну ночь таза провёл без сна, вздрагивая от каждого шороха и испуганно поглядывая на дверь и окно. На третьи сутки тигра совсем не было видно. Люря хотел было открыть дверь и убежать, но в то время, когда он стал возиться около двери, страшный зверь одним прыжком опять очутился перед фанзой.

Люря совсем потерял голову. Он голодал, потому что всё продовольствие хранилось снаружи, в особом амбарчике на сваях.

К счастью, в это время послышались голоса. То были охотники из соседней зверовой фанзы.

Тигр тотчас скрылся в зарослях. Люря вышел из своей темницы и увидел трёх вооружённых тазов с собаками. Они разложили три костра вокруг фанзы и сделали несколько выстрелов в воздух. Однако, тигр оказался не из трусливых и ночью, перед рассветом, задавил обеих собак.

На другой день тазы, обсудив положение, решили возвратиться обратно.

Прошло два месяца. Когда стали таять снега, старик-таза с одним из своих сородичей отправился осматривать ловушки. Немногие из них пустовали, — большая же часть была с добычей, преимущественно с белками, колонками¹, рябчиками и сизоворонками; но шесть ловушек поймали соболей.

Долго ждали пойманные соболя своего хозяина, пока сойки и вороны не растащили их по частям. В ловушках остались кости да клочки шерсти.

По следам на стаявшем снегу видно было, что тигр продолжал посещать фанзу, часто ложился перед дверью и взбирался на крышу.

Такая настойчивость зверя напугала Люря. Он бросил это место совсем и перекочевал на реку Чебызани.

¹ Колонок — животное из семейства куньи; водится в лесах Сибири и Дальнего Востока.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Соболь.....	112
Охота на соболя.....	114
Опасности соболевания	124

Q B 469
A 833

В. К. Арсеньев.

СОБОЛЯМИ

ТАДВИСТОК.

1925

Ис. Сякозед

639.1

В Библиотеку Мебаровского
Краевого Музея ит. адм. оф.
В Арсеньев

В. К. Арсеньев

31. V 1925.
П. Мебарова.

AB469

A-853-30

ЗА СОБОЛЯМИ

СКУПЩИКИ ПУШНИНЫ
НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

3115 2 62155.
3115 0
3115 8

БИБЛИОТЕКА
ХАБАРОВСКОГО КРАЕВОГО
ГОС. МУЗЕЯ.

ВЛАДИВОСТОК

1925

В. К. Арсеньев

За соболями
Скупщики пушнины
на Дальнем Востоке

Владивосток
1925

I

Прежде чем попасть в какой-либо меховой магазин, шкурка соболя претерпевает много мытарств, о которых часто не знают не только покупатели, но и сами продавцы пушнины.

С соболя шкурка снимается тотчас, как только животное убито и не успело ещё окоченеть. Для этого от заднего прохода вправо и влево делается два небольших разреза, по дюйму длины каждый, и затем, осторожно действуя ножом, стараются, сколько возможно, отделить шкурку около разрезов, в особенности же около корня хвоста. Потом принимаются и за самый хвост. Эта процедура довольно трудная: стержень хвоста сидит очень прочно, а плотная кожа его, покрытая длинными волосами, будучи сложена вдвое, с трудом выворачивается. Чтобы совсем не оторвать хвост, действуют так: захватив одним или двумя пальцами левой руки за основание стержень хвоста, правой равномерно тянут за шкурку, пока она не сойдёт. Затем берут струганую палочку такой же толщины, как стержень, и при помощи её вновь выворачивают хвост шерстью наружу. Палочка остаётся в шкурке хвоста до тех пор, пока он совсем не высохнет.

Затем тушку соболя привязывают верёвкой за стержень хвоста, вешают на гвоздь (приколыш), вбитый в стену, или на ветку дерева головой книзу и снимают шкурку «чулком», препарируя¹ лапки и уши.

Орочи нос соболя оставляют на тушке. Обычай этот основан на поверье, что соболь узнает (учует), кто именно поймал его, если снять нос вместе со шкуркой. Человек, позволивший себе эту неосторожность, навсегда лишается удачи в охоте.

Китайцы едят соболя только в том случае, если нет другого мяса, а растительная пища надоела. Обыкновенно же они бросают его около фанзы, предоставляя дальнейшую о нём заботу сойкам и воронам.

Орочи и удэхейцы, опять-таки из тех же соображений, чтобы соболь не узнал, где живёт виновник его гибели, относят тушку подальше от своей

Палка на соболя

¹ Препарировать — обрабатывать так, чтобы сохранился внешний вид.

Головка пялки на соболя,
обделанная в виде зверовой
мордочки

юрты, а некоторые, наиболее суеверные, даже не приносят её домой и бросают на месте охоты. Впрочем, в китайских зверовых фанзах приходилось иногда видеть засохшие тушки соболей, повешенные в амбарах, а также хорошо отпрепарированные соболиные черепа. Покидая фанзы, манзы не уносят черепа с собой, но любят собирать и нанизывать их на верёвочку, как украшения.

Как только шкурка с соболя снята, её тотчас же, пока она ещё сырая, одевают на пялку шерстью внутрь, а кожей наружу, за

исключением хвоста, который уже более не вывёртывают.

Китайская и корейская пялки делаются из дерева и имеют вид меча с тупыми краями, а ороцкая и тунгусская — состоят из двух или трёх, соединённых у основания прутиков, свободные концы которых связаны ремешком. Они часто бывают украшены резьбой, причём основание обделывается в виде головы медведя, соболя, лисицы и т. д.

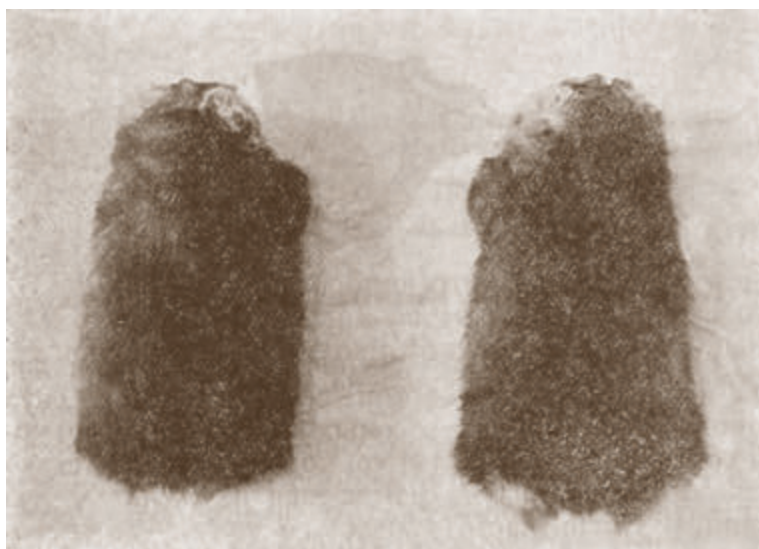
Русская пялка по внешнему виду такая же, как и китайская, но состоит из трёх частей: двух боковых пластин, вставляемых внутрь сырой шкурки соболя, и среднего клина, который двигается до тех пор, пока она не растянется на желательную ширину. Очень часто шкурку не только не растягивают, а наоборот, «ссаживают». Тогда её редкая тёмная ость сближается, отчего она кажется лучше, ценнее, чем есть на самом деле.

Когда шкурка просохнет, как следует, и нет опасений, что мех станет подпревать, её снимают с пялок и мнут руками до тех пор, пока она не сделается мягкой. В таком виде её и хранят в сухом месте и только для осмотра покупателем выворачивают мехом наружу; при этом её раза два сильно встряхивают, чтобы помятая ость легла ровнее.

Соболиные шкурки по качеству меха делятся на четыре сорта:

- 1) Головка — одиночные экземпляры высшего качества.
- 2) Первый сорт — имеет густую шерсть однотонного тёмно-бурого цвета, с густым подшёрстком, с серым, слегка синеватым отливом; не более 4—5% общего количества соболей в партии.
- 3) Второй сорт — при такой же шерсти имеет более или менее часто разбросанные по всему телу белесоватые остинки (искру) — 25—30% всей партии.
- 4) Третий сорт — отличается шерстью среднего размера тёмно-бурого цвета на спине (как бы в виде широкого продольного ремня) и светло-бурого по бокам и на брюхе. Подшёрсток довольно густой, серого цвета — 40—50% всей партии.
- 5) Четвёртый сорт — имеет светло-бурый цвет, переходящий в грязно-жёлтый, с редкой чёрной остинкой или без неё. Подшёрсток серого цвета — 15—20% всей партии.
- 6) Хвост — одиночные экземпляры худшего качества.

Скупщики пушнины соболей третьего сорта делят её ещё на две-три группы и расценивают их сообразно с качеством ости и подшёрстка.

Соболиные шкурки

Смешанных мехов никто не продаёт и не покупает. И в самом деле, соболь с искрой, затесавшийся среди однотонно-тёмных, мешает, режет глаз и даже известным образом обесценивает последних.

То же самое можно сказать и про плохих соболей. Как бы малоценны они ни были, но в хорошо подобранной партии всегда пойдут дороже, чем в одиночку или будучи смешаны с другими.

Дешёвые сорта соболей китайцы подвешивают над очагом для подкапчивания, отчего действительно их мех становится немного темнее; но зато шкурка на долгое время приобретает запах дыма, и красивое розовато-оранжевое пятно на нижней части шеи животного блёкнет, принимая грязноватый оттенок. С течением времени копьё стирается с ости, и тогда шкурка, вшитая среди настоящих тёмных соболей, начинает выделяться своим непривлекательным видом.

II

Раньше, до ознакомления с русскими и китайцами, туземцы вовсе не занимались соболеванием; мех случайно убитого соболя шёл на рукавицы, головные уборы или для наушников. Тогда туземцы больше ценили мех россомахи. Но вот прибывают маньчжуры и жадно набрасываются на соболей. Спрос на мех дорогого хищника создал промысел.

Раньше всех с маньчжурскими купцами познакомились амурские гольды и значительно позже туземцы, обитающие в Зауссурийском крае к востоку от Сихотэ-Алиня.

Обычно меха у туземцев выменивались: 1) на товары и предметы первой необходимости, как-то: железный котёл, копьё, нож, топор, фитильное ружьё, порох, свинец; 2) на наркотические вещества — спирт, табак; 3) на предметы роскоши — шёлковые ткани, фарфоровую посуду, серьги, браслеты, медные украшения, нашиваемые на одежду, и 4) на продовольствие — муку, рис, чумизу, бобовое масло и пр.

Особенно высоко ценились котлы и копыя. Эти вещи и теперь ещё имеют громадное значение в жизни туземцев. Они играют большую роль при рождении ребёнка, при внесении калыма (тори) во время заключения брака, при наложении штрафов (байта), а также и при снаряжении покойника в загробный мир. Они добывались с большим трудом через третьи руки — от маньчжурских купцов или от японцев через посредничество сахалинских айнов. Любопытно, что этот меновой способ торговли держался чуть ли не до последних дней. В 1910 году инородцы кое-где начинают впервые продавать соболей на наличные деньги, но затем, во время революции, когда началось катастрофическое падение денежных знаков, снова обращаются к первобытному способу торговли.

По подсчёту ороча, ему на свою семью, состоящую из него самого, его жены, старухи матери и двух его детей (5 человек), для круглого обихода на весь год, кроме юколы и мяса, необходимо: около 15 пудов муки, 5 пудов рису, 1 пуд соли и 4 кирпича чаю. Кроме того, он должен купить патроны, порох, спички, одежду, топор, нитки, иголки. На всё это ему нужно 200 рублей в год. Эти 200 рублей он и должен добыть охотой и, главным образом, соболеванием.

Торговля соболями в Уссурийском крае имеет, по крайней мере, столетнюю давность.

Первые свои шаги скупщики соболей начали с обманов.

Маньчжурские купцы не замедлили воспользоваться неведением инородцев. Заметив, какую ценность для последних представляют котлы, они стали требовать за котёл столько соболиных шкурок, сколько он мог вместить их до краёв, причём уминали их рукою.

Старообрядцы, поселившиеся в Зауссурийском крае, рассказывали, что когда они впервые прибыли на реку Амгу, то соседи их, удэгейцы, не знали цены на соболиный мех и охотно выменивали его на обыкновенные жестяные чашки, стоимостью в 20 копеек, принимая их за серебряные.

Низкая цена на соболий мех и большой спрос на него заставили туземцев энергично взяться за охоту. Расхищая свои природные богатства, туземцы вели соболиный промысел без должной осмотрительности и, сдавая меха за бесценок купцам, сами от этого не делались состоятельными.

Площадь обитания соболя стала быстро сокращаться, и, в конце концов, дело дошло до того, что был поднят вопрос об ограждении дорогого хищника от полного истребления его.

В 1912 году был издан закон, воспреещающий охоту на соболей в течение трёх лет. Закон этот имел целью дать зверьку отдых от постоянного преследования и вместе с тем дать ему возможность вновь наплодиться.

Лица, которые ко дню опубликования закона имели на руках соболий шкурки от охоты предыдущих лет, должны были явиться в канцелярию ближайшей лесной администрации для наложения на них печатей.

Составитель закона имел хорошую цель, но результат получился совершенно обратный. Дело в том, что для туземцев звероловство является столь же необходимым средством к жизни, как и рыболовство. Без соболевания они будут терпеть такую же нужду, как и земледельцы, которым запретили бы обрабатывать землю, а потому одним запретом невозможно было остановить туземцев от соболинного промысла. К тому же

скупщики пушнины стали уговаривать их не обращать внимания на запрет и продолжать работу.

Китайцы прекрасно учли беспомощное положение туземцев. Они знали, что туземцы продать русским мехов не могут, держать их у себя долго не станут, и потому предлагали цены значительно меньшие, чем в прежние годы, мотивируя риском приобретения незаконно упромышленной пушнины и конфискации её во время прохода через русские селения, где возможны обыски и задержания лесной стражей.

Таким образом, запрет охоты на соболя, без субсидирования туземного населения продовольствием, привёл к тому, что туземцы, чтобы заработать ту сумму, которую получали ранее от охоты, должны были удвоить энергию и в действительности стали ловить соболей вдвое больше, чем прежде.

Китайцы, скупив соболя шкурки почти за бесценок, не везли их по дорогам, а пробирались за границу в Маньчжурию тайком, минуя таможенные посты и обходя деревни. Таким образом, все соболя, пойманные во время запрета, ушли в Китай, и только ничтожный процент их остался в крае.

III

Теперь посмотрим, как производится скупка пушнины в таёжных районах.

Ею занимаются русские, якуты и китайцы, а в последнее время — корейцы и японцы. Мелкие скупщики пушнины скупают пушнину на свой счёт за свой страх и риск, а потом уже перепродают её крупным торговым фирмам.

Русские сами соболей не ловят (за исключением старообрядцев), но охотно скупают их у туземцев, редко у корейцев и ещё реже у китайцев.

Одни русские скупщики мехов просто отправляются в тайгу к туземцам и покупают у них меха за наличные деньги, при этом стараются убедить туземцев, что в г. Владивостоке и Хабаровске цена на соболей упала и потому дорожиться не следует; придумывают и причины падения цен, иногда настолько наивные, что в них могут поверить разве только простодушные туземцы, живущие вдали от населённых пунктов.

Достойны удивления и те способы, к которым прибегают скупщики пушнины, чтобы сбить с толку туземцев. Иногда они объявляют, что новая мода требует соболей светлых и потому тёмные не в цене, и нарочно за плохого соболя дают большие деньги. Весть о новой расценке быстро распространяется в тайге. Этого только и надо скупщику пушнины. Потеряв в одном месте несколько десятков рублей, он в других местах навёрстывает потерянное сторичей.

Русские скупщики пушнины часто стараются использовать своё знакомство с туземцами следующим образом. Они берут у них соболей без денег, в кредит, не условливаясь о цене (кредит среди туземцев вещь самая обыкновенная). Продав соболей в городе, скупщики объявляют туземцам цену, какую находят для себя выгодной, и по этой цене производят расчёт.

Так, в 1906 году старообрядец Леонтий Бортников, с реки Амгу, собрал у местных туземцев соболей на 4 000 рублей, а продал их в городе за 7 000 рублей, заработав, таким образом, сразу около 3 000 рублей золотом.

В том случае, если по настоянию охотника скупщик должен заранее договориться с ним о цене, он всё-таки берёт соболей и, если ему в городе не удастся продать их с выгодой для себя, он просто их возвращает хозяину, и сделка считается несостоявшейся.

Особенно большие проценты имели скупщики пушнины в период с 1913 по 1920 год, когда в обращении у населения имелись «сибирские» денежные знаки, ценность которых падала не по дням, а по часам.

Скупая на них пушнину у туземцев, скупщики иногда убеждали их, что курс сибирских денег начал повышаться и что в своё время они достигнут своей настоящей цены на золото. Приобретённая таким образом, буквально за гроши, пушнина в городе продавалась на валюту, и притом по небывало высокой расценке.

Другие (как, например, Берсенов на Амуре и Степанов в Зауссурийском крае) снабжали туземцев оружием, огнестрельными припасами, продовольствием и предметами первой необходимости в кредит в течение целого года и только один раз, в конце зимы или ранней весной, отправлялись к своим должникам для сбора пушнины. Туземцы могли уплачивать долги и деньгами, продавая соболей на сторону, но на практике мало кто пользовался этим правом. Туземцы боялись продавать меха случайно захавшему к ним скупщику пушнины из опасения продешевить соболей и потерять доверие своего кредитора.

Русские скупщики пушнины, собрав соболей у туземного населения Уссурийского края, отправляются в город Владивосток или Хабаровск, где у них в свою очередь приобретают соболиные шкурки более крупные скупщики. Бывает и так, что городские скупщики пушнины иногда сами едут к мелким скупщикам в целях предупредить конкуренцию и получить товар из первых рук.

Интересно со стороны наблюдать, как два скупщика торгуются между собою. Мелкий скупщик, спрятав с десяток лучших соболей, показывает крупному скупщику пушнины, приехавшему из города, все остальные шкурки. Та и другая сторона жестоко торгуются. Наконец сделка заключена, соболя приобретены, и деньги приняты. Тогда мелкий скупщик вынимает спрятанных соболей. Покупщик теперь поставлен в такое положение, что он должен приобрести и эту вторую партию, ибо без неё первая является обесцененною. Чтобы лучшие соболя не попали в руки конкурента, он должен их иметь, хотя бы и по дорогой цене. Само собой разумеется, что мелкий скупщик пользуется безвыходным положением горожанина и запрашивает втридорога. При такой системе он иногда выигрывает 50% более того, что мог бы получить он, если бы предъявил к торгам всю партию пушнины сразу.

IV

Китайское соболевание в Уссурийском крае и скупка пушнины китайцами у туземцев имеет свою историю. Обыкновенно звероловы-манзы прекращали свою работу, как только выпадали глубокие снега, что обыкновенно происходило для бассейна Усури и её притоков в январе, а

Охотники-китайцы в Уссурийской тайге

для Зауссурийского края — в декабре месяце. Возвращение соболевщика в деревню становилось известным в тот же день. Тогда все другие охотники устремлялись к нему, и начинались расспросы. Пришедший не скрывал, сколько он поймал соболей, и охотно показывал свою добычу. Шкурки переходили из рук в руки, их осматривали и оценивали. Когда приходил последний звероловщик, то все уже знали, кто в текущем году имел успех и кого постигла неудача.

Лет двадцать тому назад китайские звероловы оставляли соболиные меха в фанзах открыто. Они знали, что никто их не тронет, а если бы кто и решился позариться на чужую собственность, то его ждало страшное наказание — закапывание живым в землю. Этот порядок поддерживали и первые русские переселенцы, попавшие в Уссурийский край в 1859 году.

Но затем, когда число переселенцев возросло, особенно после 1906 года, пропажа мехов сделалась обычным явлением. Китайцы стали укупоривать меха в жестяные банки и закапывать их под земляной пол в фанзе. Скоро, однако, грабителям этот секрет стал известен. Тогда китайцы придумали другой способ хранения пушнины. Они стали складывать соболиные шкурки в мешки и прятать их в дуплах деревьев, в стороне от жилища, а для того, чтобы не протапывать к заветному дуплу тропы, подходили к нему каждый раз новой дорогой, иногда делая значительные обходы.

Во всякую вновь приобретённую страну всегда идёт сперва элемент, который не может ужиться на родине. Людьюми этими главным образом руководит алчная нажива. Великие бедствия терпит туземное население от таких завоевателей. Уссурийский край в этом случае не представлял исключения.

Как только Приморская окраина стала заселяться, колонисты начали «прижимать» китайцев и под разными предлогами отбирать у них пушнину. Скоро дело перешло к открытым насилиям.

Китаец выслеживал соболя, а русский «промышленник» выслеживал китайца. Началась настоящая охота за людьми — стрельба по «лебедям», как называли одетых во всё белое корейцев, и по «фазанам», т. е. по китайцам, одетым в тёмные цвета. И те и другие были заманчивыми «объектами» для охоты. У них всегда можно было найти женьшень, соболиные меха, кабарожью струю и панты.

Грабители стали караулить соболевщиков в то время, когда те выходили из тайги. Тогда китайцы стали делать ночные переходы горными тропами, целиною, без дорог; ночью они шли, а днём отдыхали.

В ясные светлые дни грабители взбирались на высокие горы и оттуда смотрели в долины, — не видно ли где дымка, который бы указал место привала соболевщиков.

При столкновениях дело не раз доходило до перестрелки, в результате которой всегда были жертвы с той и с другой стороны. Грабители, расширяя свой район действий, начали делать нападения и на туземцев. Эти последние старались сперва откочёвывать подальше в горы, но смерть следовала за ними по пятам. Многие из них тогда побросали веками насиженные места и ушли в Маньчжурию.

В Уссурийском крае тайга оживает зимою. Китайцы, корейцы и туземцы — все устремляются в горы. Ради маленькой соболиной шкурки они забираются в самые глухие дебри и здесь со стоицизмом, достойным лучшей участи, перенося голод, холод и всяческие невзгоды, они проводят долгую зиму, иногда в совершенном одиночестве.

Но вот возвратились манзы, пришли с охоты и туземцы. Лихорадочная деятельность охватывает всё население. Это время скупки пушнины, время расчётов и расплаты с должниками. Изголодавшийся туземец озабочен не тем, как бы повыгоднее продать своих соболей (китайцы будут брать их у него по цене, которую сами назначат), а тем, как бы при подсчёте с кредиторами они не отобрали у него оружие, жену и ребёнка.

Наконец, расчёты кончены. Манзы расходятся по своим местам и предаются азартным играм «в банковку».

В это время проявляют усиленную деятельность хунхузы. Они появляются то здесь, то там, нападают на соболевщиков и отбирают у них меха, деньги и всё, что есть ценного. Если китайцы не хотят указать, где у них спрятаны соболя, хунхузы прибегают к пыткам.

Лет двенадцать тому назад китайцы немилосердно эксплуатировали туземцев, при этом пускались в ход и обман, и насилия, и побои. Так, скупая соболей, они платили туземцам за меха номинально, хотя бы цена и была высока; но никогда не выдавали денег на руки, а списывали их с общей суммы долга, выдавая в кредит новый товар по такой расценке, которая сторицей окупала затраты, только что произведённые на покупку пушнины. Не мудрено, что при этой системе туземец всегда оставался в долгу у китайца. Так, например, в 1906 году ороц Чан-Лин с реки Такемы должен был китайцу 3 000 рублей. Он в два года сдал ему 86 соболей, и долг не только не уменьшился, а возрос ещё более.

Иногда туземцев подпавляли и сажали играть в карты, в кости и, конечно, обыгрывали, а если туземец был несговорчив, то писали его имя и сжигали записку на костре. По поверью туземцев, сжигание имени живого человека грозит ему смертельной опасностью; к этому ещё присоединялся страх перед непонятными иероглифами, — и тогда упрямый охотник становился сговорчивее. Теперь всё это отошло в область предания.

В настоящее время честность амурских туземцев стала падать в том смысле, что они стали немного лукавить. Так, например, теперь они никогда уже не скажут, сколько поймали соболей. Уплачивая долги скупщикам пушнины, они отдают им худших соболей, а двух или трёх лучших стараются спрятать, чтобы потом тихонько продать их где-нибудь на стороне. Туземец привык, что его обманывают на каждом шагу, и потому такой невинный обман с его стороны является единственным средством борьбы с хищниками-торгашами. Если он не будет так поступать, то умрёт с голоду.

Туземцы пускаются и на другие хитрости, от которых уже начинают страдать сами скупщики пушнины. Так, при всяком удобном случае туземцы стараются набрать в долг побольше, в расчёте затянуть его, вывести из терпения кредитора и тогда вручить ему соболей похуже и по высокой цене. Последний рад взять хоть что-нибудь, лишь бы разделаться с обанкротившимся должником.

V

Когда китайский скупщик пушнины отправляется к туземцам, живущим далеко в горах, он везёт с собою в нартах лёгкий мелочной товар, как то: маленькие складные зеркала, перочинные ножи, бусы, шёлк для вышивания, портсигары, табакерки, трубки, иголки, напёрстки, ножницы, бисер, серьги, кольца, браслеты и кое-какие сласти.

Прибыв к туземцам, китаец прежде всего угощает их немного спиртом и всем присутствующим делает небольшие подарки. Без подарков нечего к туземцам и ездить и никакой скупки пушнины произвести нельзя. В этом случае о спаивании туземцев говорить не приходится уже потому,

Китаец-скупщик в поездке за пушиной

что большого количества спирта провезти, за дальностью расстояния, невозможно.

После угощения китаец сообщает туземцам новости из политики, рассказывает о том, что случилось у русских, в Японии и у американцев и как к этому относятся в Китае, причём вовремя умело подчеркнёт трудность приобретения товаров, скажет вскользь, что всё вздорожало, и тут же придумает, почему вздорожали товары. Всё это выходит у него кстати и вполне правдоподобно.

Каждый китайский купец — дипломат и психолог. Он желанный гость у туземцев. Его ожидают все с нетерпением. После ужина он вручает хозяину юрты заказ и лично ему делает ещё какой-нибудь подарок. Вечером они курят трубки, как друзья, и ведут деловой разговор.

Китаец осторожно расспрашивает об охоте и здесь узнаёт, сколько поймано соболей. Вслед за тем начинается осмотр пушнины и её оценка. Теперь китайцы не гонятся за бешеными барышами; туземцы знают это и не особенно торгуются.

Обыкновенно вся пушнина в этот же вечер переходит в руки китайца, а на другой день он обходит все юрты и везде таким же образом собирает пушнину. Потом он опрашивает туземцев, что надо привезти им на будущий год. Заказы всегда выполняются аккуратнейшим образом.

Китайцы удивительные организаторы. Какое бы дело они ни начали, они всегда поведут его систематически и планомерно. Во всём наблюдается поразительный порядок. То же мы наблюдаем и в деле скупки пушнины у туземного населения в Уссурийском крае. Все туземные районы китайцы распределили между собою, но так, чтобы не мешать друг другу. И не было случая, чтобы один скупщик соболей забрался в район другого.

Вследствие того, что один и тот же китаец из года в год посещает одних и тех же туземцев, он приобретает среди них друзей и старается всеми силами сделаться им необходимым.

Если китаец — скупщик пушнины — живёт от стойбища туземцев на расстоянии 100–150 вёрст (где-нибудь около устья реки, в большом селении, близ железной дороги и т. п.), то он уславливается с туземцами, когда те должны приехать к нему за продовольствием. Если же он живёт далеко или туземцы не могут сами приехать к нему по каким-либо причинам, то по возвращении домой он снаряжает одну или две нарты для срочной доставки в их стойбище тех заказов, в которых обитатели его сейчас особенно нуждаются.

В тех случаях, когда продовольствие нужно туземцу срочно, китаец берёт клочок бумаги и на нём пишет записку китайцу же, земледельцу, живущему поблизости (в сибирском масштабе), с просьбой отпустить за его счёт муки, бобового масла, табаку, чумизы, соли и т. п. К записке прикладывается красная мастичная печать с фамилией скупщика соболей. Туземец с этой запиской идёт к адресату и получает всё, что ему нужно. Не было случая, чтобы китаец-земледелец отказал своему собрату — скупщику мехов, даже если знает его только понаслышке. Отпустив товар, он делает на обратной стороне записки свою надпись о сумме, которую он должен потом получить со скупщика пушнины, прибавляя к ней известный (установленный обычаем) процент.

Раз в год (обыкновенно дней за десять до наступления Нового года) китайцы обмениваются этими векселями и подсчитывают, кто кому и сколько должен. Может случиться, что такая записка, как верный денежный знак, попадает в другие руки, но в конце концов она обязательно дойдёт до скупщика пушнины, который и выкупит её обратно.

VI

Люди, бывавшие по делам службы или случайно в тайге и доброжелательно настроенные к туземцам, неоднократно убеждали их игнорировать китайцев и везти пушнину прямо в город, чтобы там самим выгодно продать соболей, минуя посредников. Этим лицам казалось всё так просто: часть денег, вырученных от продажи пушнины, пойдёт на уплату долга кредиторам, а на остальные туземцы закупят себе вперёд на год и продовольствие, и всё, что необходимо для жизни.

Дававшие эти советы упускали из виду одно очень важное обстоятельство. Все китайские торговые общества в Уссурийском крае были тесно связаны с такими же обществами в городах и потому играли крупную роль в общественной жизни уссурийских манз, далеко заходя за пределы взаимопомощи и торговли. В нужный момент эти организации объединялись все сразу и тогда выступали как одна компактная сила. Протесты и выступления на местах всегда находили отклики в городах и даже в самом Китае. Это — с одной стороны, с другой — незнакомство туземцев с городами.

Даже европеец, приехавший с партией мехов в чужой город, не сразу ориентируется и даже растеряется. Что же можно сказать про обитателя тайги, попавшего, положим, первый раз в г. Владивосток?

У туземцев в городе нет знакомых, а если и есть, то те же самые китайцы. Им негде остановиться, и, кроме того, соблазны на каждом шагу.

Тем не менее попытки эти они делали, и каждая из них, как и надо было ожидать, кончалась неудачей.

В первый раз по прибытии в город туземцев на пристани встретили услужливые китайцы и предложили им остановиться у них. Вечером за ужином они уговорили подвыпивших туземцев продать им соболей за полцены и, вместо хороших товаров, снабдили их всякой завалью, нажив на этой операции ещё 100%.

Во второй раз туземцы остановились в какой-то харчевне на окраине города, где их начисто обокрали.

В третий раз (в 1909 году) случилось происшествие, которое навсегда отбило у туземцев охоту ездить в город для продажи соболей. Один китаец, скупщик мехов в северной части Ольгинского района, считавший местных туземцев своими поставщиками пушнины, узнав о том, что они решили, помимо него, продать соболей, сообщил об этом китайским купцам в городе, которым он сам обычно доставлял скупленные меха. Купцы тотчас же дали знать китайским агентам, бывшим в то время на службе у Владивостокской городской полиции, о том, что якобы привезённые туземцами собољи меха — краденые. Туземцы были арестованы. Впрочем, их скоро освободили, но пушнину задержали до выяснения её происхождения. Бедные туземцы испугались и убежали, бросив свою пушнину на произвол судьбы. Прибыв

к своим сородичам, они сообщили, что туземцам в город ездить нельзя, что и там хозяйничают всесильные китайцы, и поэтому следует сдавать им пушнину на месте, как было раньше.

Незадолго до мировой войны подымался вопрос о прекращении выдачи китайцам и корейцам промысловых свидетельств на право скупки пушнины у туземцев, причём исходили из тех соображений, что эти скупщики являются главными пособниками браконьеров, снабжая манз всем необходимым для незаконного промысла. Имелись в виду и другие соображения: эксплуатация туземного населения и утечка пушнины за границу.

В 1910–1912 годах были посланы отряды лесной стражи для уничтожения зверовых фанз и выселения из таёжных районов китайских соболевщиков.

Как только китайцев стали прижимать в тайге на соболином промысле, перестали допускать на казённые оброчные статьи, а крестьяне начали удалять их с заимок, они бросились на мелочную торговлю. Надо поражаться, с какой быстротой китайцы организовались, покрыв своими мелкими торговыми предприятиями, как сетью, весь Уссурийский край.

Китайские купцы Владивостока, Никольска-Уссурийского и Хабаровска кредитовали купцов в урочищах и больших сёлах; эти посредники в свою очередь снабжали продовольствием и предметами первой необходимости мелких китайцев-торговцев, устроившихся в маленьких деревушках, расположенных на границе лесных насаждений. В их лавках постоянно ютились искатели женьшеня, охотники и звероловы, здесь процветали курение опиума, банковки и другие азартные игры.

В 1919 году, когда выяснилось катастрофическое положение русских денежных знаков, золото и серебро стали быстро подыматься в цене, а также и пушнина. Всем казалось, что меха имеют значение валюты.

Усиленный спрос на собольи шкурки привёл к тому, что цены на них в иенах и американских долларах поднялись ровно в три раза против того, что они стоили до войны и революции.

Такое ненормальное положение вещей не могло затянуться надолго. И, действительно, в 1921 году спрос на соболя падает, и шкурка его начинает быстро дешеветь. Настоящие скупщики пушнины, привыкшие с опаской и недоверием относиться к такого рода «фейерверкам», постарались ликвидировать пушнину своевременно; а спекулянты, имевшие первый раз в жизни у себя на руках меха и совершенно незнакомые с положением мехового рынка в Америке и на Дальнем Востоке, жестоко поплатились. Пушнина многих из них совершенно разорила.

VII

Было бы ошибочно думать, что скупка пушнины у туземного населения дело лёгкое. Скупщику соболей приходится ежегодно покрывать многие сотни вёрст, зимой ночевать под открытым небом, часто голодать и подвергаться всевозможным случайностям, с которыми всегда связано путешествие по тайге, где иногда целыми неделями нельзя встретить ни единой души человеческой.

Скупщики соболей — это народ дошлый. Алчная нажива — вот тот стимул, который заставляет их рисковать жизнью. Очень часто предприятия их рушатся, и нередко дело доходит до человеческих жертв.

Для иллюстрации приведу два примера.

Однажды, в 1905 году, два китайца (Су-лян-тэн и Чан-сун) отправились в прибрежный (Ольгинский) район за скупкой соболей. Они захватили с собой десять ящиков ханшина¹, который намеревались выгодно променять на пушнину.

До залива Джигит свой ценный товар они доставили на пароходе. Здесь они наняли удэгейца Сале, который должен был везти их далее на лодке, вдоль берега моря, от одного селения до другого.

Первые дни плавание их было благополучное, но когда они подходили к реке Амагу, ветер засвежел и вскоре перешёл в шторм.

К самому берегу лодка подойти не могла, потому что ветром сюда нанесло множество раздробленного льда. Оценив положение, Сале надел лыжи, привязал к поясу конец тонкой длинной верёвки и по волнующейся, кашеобразной массе мелкого льда бегом добрался до берега.

Вступив на твёрдую землю, он привязал лыжи к бичеве, которую тащил за собой, и стал китайцам кричать, чтобы они тянули её к себе.

Китайцы поняли, что Сале предлагает им проделать то же, что и он. Но им жалко было оставить ханшин на произвол судьбы. Ведь за него можно получить много хороших соболей! Они решили не покидать лодки, взяли шесты в руки и стали делать попытки ещё продвинуться к берегу. Пока они пререкались, нашла огромная волна. Сале видел, как лодка взметнулась вверх, корма её осела и в следующее мгновение из неё посыпались ящики... Когда волна докатилась до берега, лодка плавала среди льда дном вверх. Оба китайца погибли.

О том, каковы нравы промышленников, всегда склонных променять звероловство на охоту за человеком, свидетельствует следующий случай, имевший место в 1909 году в тайге между реками Бикином и Иманом.

На станцию Губарево прибыли два охотника. Один из них был рослый детина лет сорока, с рыжими волосами, другой — коренастый, с тёмно-русой окладистой бородой, лет тридцати пяти. Первый имел угрюмый характер и был молчалив, второй — степенный, но словоохотливый. Рыжеволосый говорил тихо и всегда озирался по сторонам; человек с бородой был, как говорится, себе на уме. Своими разговорами он вызывал других на откровенность и из слов собеседников делал для себя соответствующие выводы.

Охотники объявили в соседних деревнях, что приехали они на соболевание и намерены пробыть в тайге всю зиму.

Место, выбранное ими на реке Силане, оказалось удачным. Тут было старое зимовье. Они привели его в относительно жилой вид и затем отправились на осмотр ближайших окрестностей. Через несколько дней они точно знали, что на реке Бейцухе соболюют тазы, на реке Хоннихезе — два китайца и на Малом Силане — один кореец.

¹ Китайская водка дешёвого качества.

Оба охотника вели себя очень странно: ловушек на соболя они не устраивали вовсе, вставали поздно, изредка ради забавы ходили на охоту за рябчиками, после обеда отдыхали и рано ложились спать.

Прошёл месяц, другой. Соболевание близилось к концу. Не сегодня завтра манзы должны были оставить свои зверовые фанзы и с богатой добычей уйти за реку Уссури. Тогда оба промышленника проявили энергию. Они решили идти на охоту.

Дня через три они вернулись не с пустыми руками. Рыжеволосый человек принёс одиннадцать соболей, сто шестьдесят девять белок и семь колонков¹, а промышленник с окладистой бородой — шестнадцать соболей, сто двенадцать белок, трёх выдр и одного колонка.

Как раз в это время к ним приехали два скупщика пушнины — родные братья. Они знали о существовании заброшенного зимовья и намеревались устроить здесь свою базу, чтобы отсюда делать поездки ко всем соседним зверовщикам.

Охотники обрадовались приезду скупщиков пушнины и в тот же день продали им все свои меха.

Дня через два один из братьев решил поехать на реку Силан, а другой на следующий день должен был отправиться на реку Хоннихезу. Провожать первого вызвался рыжеволосый охотник.

К сумеркам последний вернулся один, и на вопрос скупщика, где его брат, в свою очередь спросил: «А разве он не дома?» Получив отрицательный ответ, он выразил крайнее удивление и при этом сказал, что его спутник, почувствовав себя больным, с половины пути возвратился обратно, а сам он отправился дальше, посетил китайскую зверовую фанзу и назад к зимовью шёл другой дорогой — целиной, через горы.

Скупщик пушнины встревожился за брата и просил рыжеволосого промышленника проводить его к тому месту, где он оставил больного.

Утром рано они оделись, взяли ружья и пошли по тропе на реку Силан. Дома остался охотник с окладистой бородой. Минут через двадцать после их ухода он услышал выстрел из ружья, но не обратил на это внимания.

Спустя некоторое время, он переобулся, взял свою винтовку и только что хотел выйти из зимовья, как увидел рыжеволосого промышленника, который целился в него из ружья.

Привыкший к такого рода вещам, он сразу сообразил, в чём дело, — и бросился назад в зимовье. Но в это мгновение грянул выстрел, и пуля пробила ему бедро.

Раненый пробрался к окну. Рыжеволосый промышленник заметил это и спрятался в кустах. Оба боялись и следили друг за другом. Теперь всё зависело от того, кто первый увидит врага. Такое осадное положение длилось несколько часов. Незадолго перед сумерками человек с окладистой бородой заметил рыжеволосую голову. Он тщательно выцелил её и спустил курок. Его противник, сидевший на пне, покачнулся и вслед за тем сунулся вперёд — лицом в снег. Он умер в позе человека, который как бы делал земной поклон в сторону зимовья.

¹ Колонок — животное из семейства куниц; водится в лесах Сибири и Дальнего Востока.

Человек с бородой сделался обладателем всей пушнины, но это не спасло его. Дня через три его нашли другие охотники и доставили в ближайшую деревню.

Рана, полученная им в бедро, оказалась опасной. Он получил заражение крови и вскоре умер в сильных мучениях.

Весной манзы-зверовщики обнаружили в двух зверовых фанзах убитых китайцев, а на тропе к зимовью обоих скупщиков пушнины, застреленных в спину рыжеволосым промышленником.

Умри охотник с окладистой бородой в зимовье, — все эти убийства приписали бы китайским разбойникам.

А сколько в горах ежегодно совершается кровавых драм, о которых никто не знает...

Суровая тайга хранит такие тайны!

В. К. Арсеньев

ДВ 34

РФ

ДВ 58

А 853

ИСКАТЕЛИ
В
УССУРИЙСКОМ КРАЕ

Литовское
1925г.

Рис. Сяков

615.3

945

25323

A 853

В. К. АРСЕНЬЕВ

В Библиотеку Хабаровского
Красного Музея от автора
30 IV 1925, В Арсеньев
Г. Хабаровск

ИСКАТЕЛИ ЖЕНЬ-ШЕНЯ

— В УСУРИЙСКОМ КРАЕ —

КРАЕВАЯ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

38280 V

БИБЛИОТЕКА
ХАБАРОВСКОГО
ГОС. МУЗЕЯ.

ВЛАДИВОСТОК

1925

В. К. Арсеньев

Искатели женьшеня в Уссурийском крае

Владивосток
1925

I Панцуй

Женьшень (панцуй) относится к семейству аралиевых и растёт отчасти в северной Корее и в восточной Маньчжурии, но главным образом, в Уссурийском крае, в таких местах, где давно не было лесных пожаров. Северной границей его распространения является хребет Хехцир, около Хабаровска, и река Санхобэ (бухта Терней).

Самым близким родственником женьшеня будет чубышник элеутерококкус, который русские крестьяне называют «чёртовым деревом». Оно, как наиболее сильное, вытесняет женьшень. Вот почему последний растёт только там, где нет чубышника. Листья женьшеня такие же, как и у элеутерококкуса, — пятипальчатые, расположенные так же, как пальцы раскрытой руки человека. Средний лист длиннее других, и самые крайние будут самыми короткими. От листьев чёртова дерева листья женьшеня отличаются тем, что они гладкие, черешки их лишены игл, и края мало зазубрены. Растение имеет корневище и цветёт в августе; цветы мелкие, немного розоватые; снежно-белые цветы встречаются крайне редко.

Женьшень — растение реликтовое и потому чрезвычайно капризное. Достаточно малейшего нарушения условий, благоприятных для его произрастания, чтобы оно погибло. Иногда без всякого видимого повода корень вдруг как бы замирает и в течение многих лет подряд не даёт роста.

Самое большое зло — это лесные пожары. С исчезновением лесов пропадает и женьшень.

Раньше Уссурийский край был, так сказать, центром женьшеневого промысла, но с тех пор, как страна стала усиленно колонизоваться русскими переселенцами и корейцами, началось уничтожение лесов пожарами, и потому теперь всю страну в этом отношении можно считать обесцененной.

Китайцы судят о величине корня по числу листьев. Сперва женьшень даёт два маленьких трёхпалых прикорневых листка, которые скоро увядают, и тогда уже появляются настоящие пятипалые листья. Обыкновенно растение даёт три-четыре листа, пять-шесть листьев — явление уже редкое. До сих пор никто ещё не находил женьшень более, чем с семью листьями.

Самый большой женьшень достигает до пояса человека и имеет стельку толщиной в 2 миллиметра.

Наиболее ценный женьшень добывается в горах Хехцира. Корень его белый, толстый — диаметром до 8 сантиметров, весом до полфунта и более, с черноватой сердцевинкой и многочисленными мелкими отростками внизу корневища. Затем ценные корни встречаются в долине реки Ваку (левый низовой приток реки Имана), а также и в других местах Уссурийского края.

Китайцы обладают удивительной способностью с первого взгляда определить качество корня и сразу указать, где он рос — на берегу моря или в бассейне Уссури. Определённой цены на женьшень нет. Она колеблется от нескольких рублей до нескольких тысяч. Двадцать корней, примерно, стоят от 500 до 2 000 рублей. Цена на женьшень зависит от места, где корень найден, от того, насколько он мочковат, от его величины и от того, насколько он похож на человека.

В 1905 году, при продолжении Сучанской железной дороги, в нескольких саженьях от того места, где теперь поставлено здание станции «Фанза», был найден корень, которому китайцы считали 200 лет существования. Он весил 18 лан, т. е. более полутора фунтов и был продан в г. Владивостоке за 1 800 рублей, а в Шанхае оценён в 5 000 мексиканских долларов.

Женьшень всегда в цене, потому что спрос на него превышает количество, имеющееся на рынке. Ежегодно в Уссурийском крае этим промыслом занималось около 30 000 человек китайцев, которые добывали около 4 000 корней.

Одна весовая единица женьшеня ценится в 250 раз дороже такого же количества серебра. Лет двадцать тому назад китайцы вывозили отсюда женьшеневых корней около 90 фунтов на сумму 750 000 рублей. В настоящее время, как я уже сказал выше, вследствие лесных пожаров, промысел этот упал до 3–4 фунтов. И можно думать, что в недалёком будущем он совсем прекратится.

Женьшень

Дороговизна женьшеня заставила китайцев заняться искусственным его разведением. Но искусственно выращенный панцуй не имеет той силы, какую имеет дикий. Поэтому цена на огородный женьшень стоит низкая и колеблется от 6 до 12 рублей за лан (8,6 золотников).

Для искусственного выращивания женьшеня надо брать непременно семена свежие, так как лежалые семена скоро утрачивают жизненную силу. Перед посадкой, недели за две, семена кладут в сырую землю и держат их в температуре приблизительно от 1 до 6 °С.

В марте готовится место для посад-

ки. Для этого роют яму глубиною от 1 до 2 аршин и насыпают её самую лучшую чернозёмную землю, которую предварительно перед этим перебирают руками и просеивают через сито. Когда земля готова, в неё сажают семена на глубину 3 вершков и сверху немного посыпают листвою и сухой хвоей.

Желательно, чтобы место для женьшеня было выбрано в смешанном лесу, где есть кедр, чтобы оно находилось на северном склоне горы и отнюдь не на солнцепёке. Может случиться, что в первый год панцуй не прорастёт. Если нет ростка, надо ждать терпеливо. Это значит, что корень не погиб и ждёт благоприятных условий, которые в данный момент почему-либо отсутствуют. Вообще огородный женьшень годится в продажу не ранее шестилетнего срока.

Так как солнце губительно действует на женьшень, то над растением устраиваются из корья навесы с таким расчётом, чтобы солнечные лучи освещали панцуй только с 7 до 9 часов утра и с 5 до 7 часов пополудни.

Растение женьшень травянистое, тонкое, очень нежное. Его легко может сломить ветер и испортить такое небольшое насекомое, как муравей. Для защиты от ветра около женьшеня разводят широколистные травы, кусты и устраивают с боков навесы из досок или бересты. Сильный дождь забивает женьшень. Вот почему после больших продолжительных ливней китайцы прекращают поиски корня. Если дождей больших не было и дождём, так сказать, только моросило, лето считается благоприятным, и искатели панцуй ликуют.

Относительно целебных свойств женьшеня мнения европейских учёных расходятся, хотя за последнее время французские естествоиспытатели начинают склоняться к точке зрения китайцев. И в самом деле! Трудно допустить, чтобы все корейцы и все китайцы, численностью около пятисот миллионов, заблуждались. Приобретают женьшень не бедняки, а зажиточные и наиболее образованные классы населения. Для простого народа он почти недоступен. Известно, что европейцы всегда подвергали осмеянию чужую медицину только потому, что ничего в ней не понимали.

Женьшень, приготовленный к употреблению

Как при приёмах мышьяка или железа надо соблюдать известную диету, так и при приёмах женьшеня требуется изменить режим жизни. Европейцы не знают этого и удивляются, что женьшень не помогает. Непременным условием ставится физический труд на открытом воздухе и устранение всяких излишеств; воспрещается употребление крепких напитков, чая и уксуса. Летом, и в особенности в жаркие дни, приёмы лекарства сокращаются более чем наполовину; зимой дозы увеличиваются. Наивысшие приёмы делаются в феврале и марте перед весной.

Один панцуй употреблять нельзя, — от него может явиться кровотечение из носа и дёсен, а затем и расстройство всего организма. Обыкновенно

панцуй употребляется вместе с другими лекарствами в виде пилюль. В состав этого лекарства входят панты¹, густой клейковый навар из медвежьих костей, корни астрогала и некоторые морские травы, содержащие йод.

Пилюли принимаются натощак и перед сном вечером; сперва — по три пилюли, а затем доза увеличивается и доходит до двадцати пилюль в сутки. Днём перед едой пьют по одной рюмке крепкой водки, настоянной на женьшене. Каждый раз, отпив одну рюмку, в бутылку прибавляют столько же чистой водки и т. д.

Для настаивания на водке панцуй готовится особым образом: сперва его чистят маленькими щётками, затем кладут в глиняный горшок и варят в сахарной воде, потом его долгое время подвергают действию горячих паров и, наконец, сушат на горячем воздухе. После этой операции корень становится желтоватым, полупрозрачным и имеет горьковато-сладкий вкус.

Если при приёмах лекарства человек замечает, что из дёсен его показывается кровь, надо на время прекратить приём пилюль; настойку же можно принимать, но тоже в уменьшенном количестве.

II

Легенды о женьшене

У китайцев есть множество легенд о происхождении женьшеня. Вот та, которую чаще всего можно услышать в Уссурийском крае.

Женьшень — это корень, который есть только один на всей земле. Он обладает удивительной способностью превращаться в человека, в тигра, в птицу и во всякое другое животное. Поэтому его никто никогда найти не может.

Если человек увидал в лесу какого-нибудь зверя, какое-нибудь растение или даже неодушевлённый предмет, например, камень, и сильно испугался и если этот предмет тотчас же пропал из глаз, — это был женьшень. Тогда надо молиться, запомнить это место и в будущем году прийти сюда за корнем.

Раньше женьшень жил в Китае, и никто не знал о его существовании. Но вот великий пророк Ляо-цзы открыл его целебную силу и указал людям его приметы. Женьшень бежал к северу в гористые страны. Учёный Лао-Хань-Ван (князь старых китайцев) при посредстве других целебных трав открыл его местонахождение. Тогда женьшень скрылся в Уссурийский край (Дун-да-шань)...

Прошло много веков... И вот три брата — Ван-ганго, Касавон и Лиу-у — пришли к берегам Великого океана искать этот чудодейственный корень. Тут они заблудились и погибли. С тех пор души их бродят по тайге и перекликаются между собой. Каждый женьшенщик, услышав эти стоны и крики, никогда не пойдёт в их направлении и непременно свернёт в сторону, а если он рискнёт туда идти, то ничего не найдёт и, наверное, заблудится².

Чтобы спастись от преследования людей, женьшень наплодил множество корней, себе подобных, — «панцуй», как говорят китайцы. Вот почему

¹ Лекарство из рогов оленя.

² Крики эти принадлежат маленькой ночной сове. Гольды называют эту птицу Тоито. Она серого цвета и с ушами, как у филина. С наступлением холодных сентябрьских ночей крики её прекращаются.

такой «панцуй», чем ближе он будет к истинному женьшеню, тем больше он похож на человека, тем больше он размерами, крепче в нём сила, и тем дороже он ценится.

Не раз, слыша эту легенду, я сопоставлял её с целым сонмом символических легенд, существующих с незапамятных времён у человечества о жизненном эликсире. Идея одна и та же.

Другая легенда говорит так.

«В восточной Маньчжурии, в горах Нанган-Шаня, жили два знаменитых рода — Си-лянь и Лян-серл, вечно враждующих между собою. Представителем рода Си-лянь был знаменитый воин Жень-Шень; он защищал слабых, угнетённых, отличался удивительной храбростью, был справедлив и великодушен. Он унаследовал от своих предков все душевные их богатства. Сон-ши-хо из рода Лян-серл был редкой красоты мужчина, смелый и энергичный. Он сделался хунхузом, собрал толпу разбойников и с ними совершал нападения на соседей. Жень-Шень давно собирался усмирить Сон-ши-хо, но жизненные пути их нигде не встречались. Но вот Сон-ши-хо вздумал сам напасть на Жень-Шеня. Судьба покровительствовала последнему. Сон-ши-хо был взят в плен, закован в цепи и посажен в глубокую яму. Долго томился Сон-ши-хо в заточении и, вероятно, погиб бы, если бы ему на помощь не пришла красавица Ляо, сестра Жень-Шеня. Ляо влюбилась в разбойника, освободила его из ямы и убежала с ним из дома брата. Как только Жень-Шень узнал об этом, он бросился за Сон-ши-хо в погоню и скоро догнал его в диком ущелье Сяо-ли-фаня. Услышав за собою погоню, Ляо спряталась в кусты, а Сон-ши-хо приготовился к единоборству. Оба врага вступили в страшный бой. Силён был Сон-ши-хо, но искусен и ловок был Жень-Шень. Он нанёс Сон-ши-хо смертельный удар в грудь. В это время Ляо вскрикнула от испуга. Жень-Шень обернулся, и это погубило его. Собрав остаток своих сил, Сон-ши-хо глубоко в горло Жень-Шеню вонзил свой острый меч. И Жень-Шень и Сон-ши-хо оба пали мёртвыми. Долго оплакивала красавица Ляо своего возлюбленного и своего брата, плакала она до тех пор, пока не завяла красота её, и пока она не засохла так же, как засыхает растение; а на том месте, где падали её горючие слёзы, вдруг выросло удивительное растение — „женьшень” — источник жизни».

Другие китайцы говорят, что женьшень зарождается из молнии. Вверху за облаками царство духов, владеющих всеми силами природы и посылающих на землю дожди, гром и молнию — огонь и воду. Эти две стихии есть два начала жизни: добро и зло, свет и тьма, огонь и вода; движение и покой их находятся в вечной вражде между собою, и эта вражда создала мировую гармонию. Если в то место, где из земли бьёт холодный источник, дающий чистую, прозрачную воду, ударит молния, источник иссякает, а могучая сила небесного огня превращается в другую чудесную силу — в женьшень. Здесь появляется растение жизни.

III

Искатели женьшеня

Ежегодно в течение всего лета, приблизительно с начала июня, китайцы — искатели женьшеня — отправляются в тайгу за дорогим корнем. Идут они в одиночку, часто без всякого оружия, с одною только

молитвою и с твёрдой верой, что духи гор и лесов окажут им своё покровительство.

Отличительными признаками этих искателей являются: промазанный передник для защиты одежды от росы, длинная палка для разгребания листвы и травы под ногами, деревянный браслет на левой руке и барсучья шкурка, привязанная сзади на поясе. Шкурка эта позволяет китайцу садиться на землю и на бурелом, поросший сырым мхом, без опасения промочить одежду.

Надо удивляться выносливости и терпению китайцев. В лохмотьях, полуголодные и истомлённые, они идут безо всяких дорог, целиною. Всё время они надламывают кусты или кладут мох и сухую траву на сучки деревьев. Это условные знаки, чтобы другой человек не шёл по этому следу, потому что место это осмотрено и делать здесь нечего.

Сколько их погибло от голода, сколько заблудилось и пропало без вести, сколько было растерзано дикими зверями! И всё-таки, чем больше лишений, чем больше опасностей, чем угрюмее и неприветливее горы, чем глуше тайга и чем больше следов тигров, тем с большим рвением идёт китаец-искатель. Он убеждён, он верит, что все эти страхи только для того, чтобы напугать человека и отогнать его от места, где растёт дорогой панцуй¹. Тут где-нибудь в ущелье, в тени, куда никогда не заглядывает солнце, растёт этот удивительный корень жизни, возвращающий истомлённому старческому телу бодрость жизни и исцеляющий все недуги.

Только чистый непорочный человек может найти панцуй; это недоступно для человека, ведшего ранее жизнь безнравственную, это недоступно для того, кто постоянно причинял людям зло и обиды. В мгновение ока растение исчезает, корень глубоко уходит в землю, гора, где рос женьшень, начинает стонать и колебаться, и из зарослей выходит грозный охранитель лесов — тигр.

Завидев женьшень, манза-искатель кидает в сторону от себя палку и, закрыв глаза рукою, с криком бросается ниц на землю:

¹ Последнее время появились новые искатели женьшеня. Это уже ремесленники, простые манзы-рабочие, отправляемые в тайгу китайскими купцами. Манзы эти собираются небольшими партиями по 5–10 человек и идут цепью, в таком расстоянии друг от друга, чтобы в сторону хорошо были видны все травы. Они знакомы только с внешним видом женьшеня, не знают примет, не знают, как он растёт, — они просто бродят по тайге до тех пор, пока случайно на него не натолкнутся.

«Панцуй, не уходи!» — кричит он громким голосом. «Я — чистый человек, я душу свою освободил от грехов, сердце моё открыто, и нет худых помышлений».

Только после этих слов китаец решается открыть глаза и посмотреть на растение.

На всех дорогах, идущих через горы, на самых перевалах, всюду можно видеть маленькие кумирни, сложенные из дикого камня, с изображением богов (хуа). Кумирни эти поставлены китайскими охотниками и искателями женьшеня. Тут же где-нибудь поблизости повешены на дереве лоскутки красного кумача с надписями, сделанными тушью, следующего содержания: «Господину истинному духу гор, охраняющему леса. Моя радость сверкает, как чешуя у рыбы и красивое оперение феникса. Владыке гор и лесов, охраняющему прирост богатства. Если просят, непременно обещаю — просящему нет отказа».

Место, где найден корень, тщательно изучается во всех отношениях. Китаец приглядывается к топографии местности, к составу горных пород, к почве и внимательно изучает сообщество травянистых, кустарниковых и древесных растений¹. От его внимания не ускользает положение места по отношению к солнцу и по отношению к господствующему ветру. Осмотревшись кругом, китаец становится на колени, разбирает траву руками и самым тщательным образом осматривает растение. Возможно, что найденный женьшень несколько лет назад опылился и дал семена, которые осыпались и, в свою очередь, могли дать ростки.

Убедившись, что женьшень растёт только один и что рядом нет других таких же растений, китаец осторожно раскапывает землю, чуть-чуть оголяет женьшень и осматривает его. По морщинкам и рубчикам на нём он определяет его достоинство. Если, по мнению женьшенщика, корень ещё невелик, он оставляет его расти до будущего года.

В этом случае он всячески старается привести всё в прежний порядок. Корень вновь засыпается землёй, примятая трава поправляется, и если есть вблизи ручей, то поливается водою, чтобы она не завяла. Если панцуй найден в периоде цветения или созревания семян, то ему дают отцвести и осыпать их на землю в той надежде, что здесь со временем вырастут другие, такие же растения. Иногда семена собираются и переносятся для посадки поближе к фанзе. Самый женьшень обтыкается кругом тоненькими палочками — знак, что корень этот уже найден. Другой китаец, нашедший такой, обтыканный палочками женьшень, ни за что его не тронет. Делается это не из страха ответственности, не из суеверия, — здесь просто сказывается внимание к чужому интересу.

Когда пришло время, женьшень выкапывается со всеми предосторожностями. Важно, чтобы не оборвать длинные мочки, идущие от корня глубоко в землю. Самое выкапывание производится особыми костяными палочками (китайское название «панцуй цянь-цзы»), длиной в 6 дюймов. Женьшенщики носят её на поясе вместе со складным кривым ножом. Ножи

¹ Среди густых зарослей трудно бывает рассмотреть дорогое растение, если бы вокруг него не располагался широкий ковром спутник женьшеня — кислица. По мелким листьям последнего и ищут целебный панцуй.

эти предназначаются для меток во время пути, для очищения места вокруг женьшеня от сорной травы и кустарниковой поросли.

Чтобы не потерять место, где находится корень, на тот случай, если бы он на другой год не дал ростка, китаец отмечает его оригинальным способом. Копать землю или делать заметки, которые бросились бы в глаза всякому прохожему, нежелательно. Поэтому искатель женьшеня поступает так. Выбрав какое-нибудь дерево, растущее поблизости, он делает на нём затёску, затем точно измеряет расстояние от дерева до женьшеня и настолько же продолжает линию дальше за женьшень, где и кладёт камень средней величины или вбивает деревянный кол так, чтобы он только чуть-чуть торчал из земли. Таким образом, выходит, что половина линии от камня до дерева будет как раз та точка, где находился панцуй.

Сюда искатель целебного корня придёт в другой раз. Он будет навещать это место ежегодно.

Если растение предназначается к пересадке на женьшеневую плантацию, его переносят сюда осенью. Извлечённый корень сохраняется в той земле, в которой он рос. Вместе с землёй его обёртывают мхом и заключают в берестяную коробку.

Лет двадцать назад такие плантации были в верховьях реки Ното и на Фудзине. Одну из них я видел в 1906 году, когда с несколькими вьючными конями я пробирался через горный хребет Сихотэ-Алинь к морю.

Помню, мы заблудились в бассейне реки Синанды и не знали, как выбраться из тайги. Обдумав своё положение, я оставил своих спутников на биваке и возвратился назад к покинутой фанзе (которую мы прошли накануне) с целью посмотреть, не отходит ли от неё другая тропа в сторону.

И, действительно, здесь я нашёл небольшую тропинку, которая привела меня к другой такой же фанзочке. В ней я застал двух китайцев. Один был молодой, а другой — старик. Первый занимался охотой, второй был искателем женьшеня. Молодой китаец был лет двадцати пяти, крепкого телосложения. По лицу его видно было, что он наслаждался жизнью, был счастлив и доволен своей судьбою. Он часто смеялся и постоянно забавлял себя детскими выходками. Старик был высокого роста, худощавый и более походил на мумию, чем на живого человека. Сильно морщинистое и загорелое лицо и седые волосы на голове указывали на то, что года его подходили к седьмому десятку. Оба китайца были одеты в синие куртки, синие штаны, наколенники и улы, но одежда молодого китайца была новая, щеголеватая, а платье старика — старое и заплатаемое. На головах у того и другого были шляпы: у первого — соломенная, покупная, у второго — берестяная, самодельная.

Старик держал себя с большим достоинством и говорил мало, зато молодой китаец оказался очень словоохотливым. Он рассказал мне, что у них в тайге есть женьшеневая плантация и что именно туда они и направляются. Я так увлёкся его рассказами, что потерял направление пути и без помощи китайцев, вероятно, не нашёл бы дороги обратно. Около часа мы шли косогорами, перелезали через какую-то скалу, потом спустились в долину. На пути нам встречались каскадные горные ручьи и глубокие овраги, на дне которых лежал ещё снег. Наконец мы дошли до цели своего странствования. Это был северный нагорный склон, поросший густым лесом.

Читатель ошибётся, если вообразит себе женьшеневую плантацию в виде поляны, на которой посеяны растения. Место, где найдено было в разное время несколько корней женьшеня, считается удобным. Сюда переносятся и все другие корни.

Первое, что я увидел, — это были навесы из кедрового корья для защиты женьшеня от палящих лучей солнца. Для того, чтобы не прогревалась земля, с боков были посажены папоротники и из соседнего ручья проведена узенькая канавка, по которой сочилась вода.

Дойдя до места, старик опустился на колени, сложил руки ладонями вместе, приложил их ко лбу и дважды сделал земной поклон. Он что-то говорил про себя, вероятно, молился. Затем он встал, опять приложил руки к голове и после этого принялся за работу. Молодой китаец в это время развешивал на дереве красные тряпицы с иероглифическими письменами.

Женьшень! Так вот каков он! Нигде на земле нет другого растения, вокруг которого сгруппировалось бы столько легенд и сказаний.

Под влиянием литературы или под влиянием рассказов китайцев, не знаю почему, но я тоже почувствовал уважение к этому невзрачному представителю аралиевых. Я встал на колени, чтобы ближе рассмотреть его. Старик объяснил это по-своему: он думал, что я молюсь. С этой минуты я совсем расположил его в свою пользу. Оба китайца занялись работой. Они убрали сухие ветки, упавшие с деревьев, пересадили два каких-то куста и полили их водою. Заметив, что воды идёт в питомник мало, они пустили её побольше. Потом они стали полоть сорные травы, но удаляли не все, а только некоторые из них, и особенно были недовольны, когда поблизости находили элеутерококкус.

С уходом манз из тайги не все зверовые фанзочки пустеют. Некоторые китайцы живут в них постоянно в течение всей своей жизни. Это в большинстве случаев одинокие старики, давно уже порвавшие всякие связи со своей родиной. Дикая природа этих мест наложила на них свою печать. Вечные опасения за свою участь и безотчётный страх перед этой огромной лесной пустыней как будто подавляют их, — они утрачивают человеческий образ и становятся дикарями. Живут эти китайцы в самой примитивной обстановке и все цели своего существования сводят лишь к тому, чтобы найти чудодейственное растение. Здесь, в глухой тайге, они умирают одиночками, так что некому совершить над ними обряд погребения.

Однажды, в 1903 году, я с шестнадцатью стрелками охотничьей команды пробирался по местности совершенно безлюдной (в истоках реки Сандагоу — перевал на Судзухэ). После восьми дней пути мы остановились биваком в самых истоках реки Улахэ. На другой день утром я пошёл на охоту. Отойдя от бивака версты четыре, я совершенно случайно натолкнулся на маленькую землянку-фанзочку, похожую на логовище зверя. Фанзочка была пустая, но по вещам, находившимся в ней, видно было, что в ней живёт искатель женьшеня. Я остался ждать. Минут через двадцать пришёл хозяин. Это был глубокий старик.

Надо было видеть его испуг и удивление. Он сел на землю и закричал, как раненый. Я стал его успокаивать и тут только заметил, что он болен: глаза его горели лихорадочным огнём; он кашлял, стонал и жаловался на грудь.

Поохотившись в окрестностях, я пришёл к нему ночевать. Мы разговорились. Оказалось, что в краю он живёт шестьдесят два года и что здесь в этой землянке совершенно одиноким он прожил подряд около двадцати двух лет. За всё это время он знал только двух китайцев. Других людей он не видал. Одни и те же, они один раз в году приходили к нему с вьючными конями, привозили буду, соль и кое-что из одежды, а взамен этого забирала у него ту пушнину (хорьков, белок и случайного соболя), которых он мог поймать на своих 50 ловушках. Питался этот старик только горстью чумизы и тою живностью, которую он добывал своим звероловством.

Вечером старик заболел; он стонал и жаловался на грудь. Ночью два раза я затапливал печь. К утру он немного успокоился и уснул. Когда совсем рассвело, я не стал его будить, тихонько вышел и через полчаса присоединился к своему отряду.

Через тридцать восемь дней случилось мне возвращаться опять тою же дорогою. Я предложил своим спутникам навестить моего нового знакомого. Когда мы вошли в фанзу, то увидели, что старик лежал на нарах мёртвым, в том положении, как я оставил его при уходе.

Мы завалили землянку камнями и буреломом. Без малого только через полгода, быть может, к нему пришли опять те же два китайца и тогда похоронили его по своему обряду.

Как только подуют сухие северо-западные ветры и деревья под влиянием утренних заморозков разукрасятся всеми цветами радуги, кончается женьшеневый промысел.

В это время в тайге разыгрываются кровавые драмы.

Осенью, с наступлением холодов, измученные и изнурённые долгим скитанием по лесу, с драгоценной ношей в руках, манзы-искатели стремятся к земледельческим фанзам в надежде снискать там себе покой и пропитание.

Ужасные голодовки, кровожадные звери и нечеловеческие лишения, которым неизбежно подвергается всякий женьшенщик, за попытку бороться с природой там, где она наложила свое veto¹ — всё это как будто осталось позади. Но ещё большая опасность ожидает его впереди.

Там, где долина суживается, чтобы только оставить проход горной речке, — где-нибудь за камнями с винтовкой в руках караулит грабитель.

Искатель женьшеня знает это и торопится скорее пройти опасное место. Вот он почти прошёл его, и вдруг небольшая струйка дыма мелькнула в кустах. Звук выстрела подхватило гулкое эхо. Китаец как-то странно рванулся вперёд, ноги его подкосились. Он взмахнул руками и грузно повалился на землю.

Тотчас из кустов вышел грабитель-промышленник и торопливым шагом подошёл к убитому. Привычной рукой он обшарил его, достал берестяную коробочку с драгоценным корнем и сунул её себе за пазуху. Затем он поднял своё ружьё и, не оглядываясь, быстро направился в горы.

Скоро ночная мгла, словно траурная вуаль, стала спускаться на землю.

Так иногда погибает искатель женьшеня за то растение, которое он считает источником жизни.

¹ Запрещение.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Панцуй	150
Легенды о женьшене	153
Искатели женьшеня	154

З А П И С К И

Приамурскаго Отдѣла

ИМПЕРАТОРСКАГО

Русскаго

Географическаго

Общества

— 1887 —

Проверено
1950 г.

ЗАПИСКИ
Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго
Географическаго Общества.

Томъ X, в. I.

В. Л. Арсеньевъ.

Китайцы въ Уссурийскомъ Краѣ.

Les Chinois dans la région de l'Oussouri.

Очеркъ историческо-этнографическій.

Общественный фонд

Хабаровскъ
1914 г.
ХАБАРОВСКЪ.

ТИПОГРАФІЯ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИАМУРСКАГО ГЕНЕРАЛЬ-ГУБЕРНАТОРА.

424560 ✓
02024 ✓

26
ДВ 91 (19) +
+ 91 (19)

A 853

41-1

БИБЛИОТЕКА
ХАБАРОВСКОГО КРАЕВОГО
УЧЕБНО-НАУЧНОГО ЦЕНТРА

ДВ КРАЕВЫЙ
УЧЕБНО-НАУЧНЫЙ
ЦЕНТР

З А П И С К И
Приамурского Отдела Императорского Русского
Географического Общества
Том X, в. I

В. К. Арсеньев

Китайцы в Уссурийском крае

Les Chinois dans la région de l'Oussouri

Очерк историческо-этнографический

1914
Хабаровск
Типография канцелярии Приамурского генерал-губернатора

Предисловие

Настоящая книга, которую я предлагаю благосклонному вниманию читателей, интересующихся Дальним Востоком, представляет собой очерк историко-этнографический. Находясь с 1906 по 1912 год в командировках от Приамурского отдела Императорского Русского географического общества для географических исследований центральной части горной области Сихотэ-Алиня, я впереди поставил себе задачей изучение орочей-удэхе.

Жизнь этих инородцев так тесно связана с жизнью китайцев (особенно в Южно-Уссурийском крае), что мне волей-неволей приходилось знакомиться с последними — с их промыслами и с их организацией.

Добытые мною сведения показались мне интересными. Я убедился, что в Уссурийском крае, в силу исторических событий, пришлые китайцы живут другой, особенной жизнью, совершенно непохожей на жизнь их в Китае, и потому я решил сведения эти опубликовать, но не без некоторого страха за транскрипцию китайских названий.

В этнографическом отношении мой очерк далеко не полон; например, я совершенно не касаюсь обрядовой стороны брака, не говорю о рождении детей, о похоронах и о религии китайцев, потому что уссурийские манзы в этом отношении несколько не отличаются от прочих сынов Поднебесной империи, зато организации их, морские промыслы, звероловство и искание женьшеня заслуживают того, чтобы об них поговорить подробнее. Затем, вопреки весьма распространённому, но ни на чём не основанному мнению, что китайцы будто бы владели Уссурийским краем с незапамятных времён, совершенно ясно можно доказать противное: китайцы в Уссурийском крае появились весьма недавно. Это важное обстоятельство всегда надо иметь в виду, когда приходится говорить о прошлом и будущем нашей Далёкой Окраины.

Я не буду делать обзора научной литературы по этому предмету; в моей книге имеются ссылки на всех авторов, которыми я пользовался, разбирая исторические данные. Среди этих ссылок есть и такие, которыми я не пользовался, но указываю их лишь для того, чтобы указать читателю, кто и когда кроме меня работал в том же направлении и каковы были результаты этих исследований.

Все китайские документы (см. соответствующие ссылки в тексте) на русский язык переведены кончившими Восточный институт капитаном Шкуркиным П. В. и капитаном Фёдоровым Е. А. Кроме того, капитан Фёдоров транскрибировал все китайские названия, которые встречаются в тексте¹.

Сведения о китайских обществах взаимопомощи и торговли, историю захвата китайцами земель у монголов и статистику китайского населения в южной части Ольгинского уезда в Уссурийском крае дал мне г. Шильников Е. А.

Приношу по адресу этих лиц искреннюю благодарность.

В. Арсеньев

¹ *Примечание переводчика.* Транскрипция китайских названий сделана по запискам подполковника Арсеньева, которые велись на местах в тайге малограмотными китайцами, и потому ручаться за правильность её нельзя. Перевод географических названий также часто не удавался, вследствие неправильности употребления местными китайцами иероглифов. Пользоваться услугами образованных китайцев, приехавших в г. Хабаровск из Пекина, тоже не приходилось; исправить иероглифы было нельзя, потому что жизнь звероловов и искателей женьшеня им совсем незнакома, и очень часто они не могли дать пояснения многим специально охотничьим терминам и выражениям.

Капитан Фёдоров

Очерк физико-географический

Орография

Область, заключённая между проливом Невельского (Татарский пролив) на востоке, рекою Уссури — на западе, реками Хор, Самарги, Копи и Тумнином — на севере и заливом Петра Великого — на юге, известная в географии под именем Уссурийского края, находится в пределах 42°39' и 48°29' сев. широты и 100°5' и 109°28' восточной долготы от Пулкова. Сюда же надо причислить и Посъетский район, занимающий узкую прибрежную полосу земли от Амурского залива до устья реки Тюмень-Улы. Западная граница этого района проходит по хребту Лао-сун-лин (т. е. Старый сосновый хребет¹), отделяющему бассейн реки Хунчунхэ от рек, несущих свои воды в море.

Вдоль всего Уссурийского края, как основная ось его, в направлении от ЮЮЗ к ССВ проходит дикий горный хребет Сихотэ-Алинь, разделяющий всю страну на три части: 1) собственно Уссурийский край, состоящий из внутреннего бассейна правых притоков реки Уссури и озера Ханка, 2) Южно-Уссурийский, в который входят все реки, текущие в залив Петра Великого, районы Посъетский и Сучанский и южная прибрежная полоса до реки Аввакумовки и 3) Зауссурийский край, т. е. всё побережье моря к востоку от Сихотэ-Алиня с границами от Де-Кастри до залива Св. Ольги.

Бассейны всех рек, текущих к западу от Сихотэ-Алиня не в Уссури, а в Амур непосредственно, а равно и побережье пролива Невельского от устья Амура до залива Де-Кастри, входят в так называемую Нижне-Амурскую область.

Весь Уссурийский край занимает площадь в 201 440 кв. вёрст и представляет собой страну древнескладчатого происхождения. Приглядываясь к расположению долин и к течению рек, приглядываясь, вообще, к орографии страны, мы видим, что горные хребты располагаются параллельно друг другу и параллельно берегу моря.

Средняя высота Сихотэ-Алиня около 3 000 футов, но отдельные вершины поднимаются значительно выше. Так, например, пик Лоонелаза (в истоках реки Судзухэ) 5 500 футов, гора Голая в Северно-Уссурийском крае 5 170 футов, гора Шайтан (в истоках реки Такэмы) 6 510 футов.

Высота перевалов колеблется от 1 700 до 4 000 футов. Наиболее низкий перевал будет с реки Ли-фудина на реку Тадушу (1 680 футов), наиболее высокий с реки Такэмы (Сица) на Арму (3 500 футов) и с реки Тетюхэ на реку Ното (4 550 футов).

¹ Этот горный хребет на юге начинается горами Ма-ань-шань (Седельные горы), затем переходит в Хэй-Шань (Чёрные горы) и уже против Барабаша принимает вышеприведённое название Лао-сун-лин.

Нахождение высоких горных вершин где-нибудь в стороне от Сихотэ-Алиня не должно смущать исследователя потому, что каждая горная цепь представляет собой как бы отдельную горную складку, часто изогнутую, переходящую из меридиального направления в широтное, и все эти складки связаны между собою целою сетью отрогов, которые нередко являются и водоразделами.

Если подняться на гольцы Сихотэ-Алиня, чудная панорама и в то же время поразительно однообразная картина открывается взору наблюдателя: Уссурийский край страна горная. Причудливые вершины, острые и тупые, толпятся до самого горизонта. Контуры дальних гор расплывчаты, неясны — они тонут в синеватой дали. Отсюда, с высоты птичьего полёта, страна кажется как бы окаменевшим морем, кажется, будто всё это когда-то кипело, волновалось и вдруг сразу застыло и остановилось в своём движении.

Долины поперечного размыва — явление вполне естественное, так как надо же было воде найти выход к морю или в Уссури. Отсутствие горных хребтов около озера Ханка, отсутствие их около Уссури и по низовьям Имана, Бикина и Хора — есть результат размыва. Об этом красноречиво свидетельствуют отдельные конические сопки со сглаженными контурами. Это остатки когда-то бывших горных хребтов.

В образовании этих сопок принимали участие и денудационные процессы. Выносимый реками из гор разрыхлённый материал отлагался здесь в виде чрезвычайно мощных напластований. Одинокие сопки, видимые теперь нами среди равнин, есть оставшиеся на дневной поверхности вершины гор, погребённых такими потретичными образованиями.

В петрографическом отношении почти все горы состоят из пород массивно кристаллических. Это будут граниты, порфиры и глубинные зелёнокаменные породы — диабазы и диориты.

Наблюдателя поражает также обилие лав и метаморфических сланцев: трахиты, андезиты и в особенности базальты с их туфами встречаются всюду во множестве. Осадочные породы, которые ещё не успела смыть вода, остались только кое-где отдельными островками, но и те скрыты под мощным покровом растительности, что донельзя затрудняет геологические исследования на месте.

По мере того как подходишь к хребту Сихотэ-Алиню, замечаешь, что характер горной страны всё более и более исчезает. Долина становится расплывчатой, горы уходят в сторону и перед глазами наблюдателя развёртывается широкая заболоченная низина, замыкаемая, как стеной, хребтом Сихотэ-Алинем. То же самое наблюдается и при спуске с водораздела. Сначала — кручи и обрывы, а затем — резкий переход к широкой слабовсхолмленной низине. Гор не видно — они чуть-чуть синеют где-то за лесом. Множество ручьёв течёт по всем направлениям, так что сразу и не ориентируешься: где же, собственно, главная речка и куда следует идти. Только после суточного перехода замечаешь, что горы мало-помалу начинают опять подходить к реке и страна снова становится гористой. Значит, посередине между Сихотэ-Алинем и Уссури и в Прибрежном районе характер горной страны выражен интенсивнее.

Характерною особенностью гор Уссурийского края являются их осыпи. Они располагаются не только по гребням и вершинам гор, но

и по склонам их, и занимают иногда довольно значительные пространства. Чаще всего эти осыпи голые или покрыты только одними лишаями и сухими мхами. Если обломки, составляющие осыпь, крупные, то по ним можно идти как по лестнице, если же они мелкие, то очень подвижны, не выдерживают давления ноги человека и сползают. Осыпи эти есть результат разрушения горных пород деятельностью атмосферных агентов.

Восточной и южной границей Уссурийского края будет Японское море. В геологическом отношении южный берег страны представляет собой продольные долины, заполненные водою (Далматский тип по Рихтгофену). Прежние горные хребты образовали полуострова и острова, которые теперь мы видим разбросанными по всему заливу Петра Великого. Но по мере того как мы будем двигаться к востоку по направлению к заливу Св. Ольги и далее на север, мы встречаем совсем другой тип берегов — именно «риасовый», превратившийся впоследствии в «продольный». Здесь углубления в суше выполнены наносами реки, море отступило, и бывшие когда-то глубокие заливы превратились в лагуны, которые впоследствии сохли и дали весьма плодородные илистые земли, годные для заселений, — здесь произошло выравнивание берега.

Сильно развитая береговая линия в южной части Уссурийского края весьма способствовала развитию морского каботажа, подтверждение чего мы и находим в исторической японской литературе. Но, чем дальше к востоку от залива Америки и далее на север к проливу Невельского, плавание становится всё труднее и труднее. Хотя тут и есть такие большие заливы, как, напр., Св. Владимира и Джигит, но они значительно удалены друг от друга. Все же остальные небольшие бухты открыты со стороны моря, подвержены волнениям и потому не всегда дают судам защиту от непогоды. Ещё дальше на север всякие гавани уже отсутствуют. Высокий скалистый берег падает к морю отвесными обрывами. Внизу у подножья их тянется узкая намывная полоса прибоем шириною в несколько сажен, заваленная глыбами, свалившимися сверху. Местами эта полоса отсутствует совершенно, так что иногда на протяжении нескольких десятков вёрст даже простым парусным лодкам пристать негде. Кроме того, сильные ветры, дующие со стороны моря в летнее полугодие, создают бешеный прибой у берега. Всё это делает плавание около восточных берегов Уссурийского края трудным и рискованным, и это была главная причина, почему хунчунские маньчжуры долго сюда не заходили.

Реки

Все реки Уссурийского края принадлежат к трём бассейнам: большинство их течёт в Уссури, реки Зауссурийского края несут свои воды в пролив Невельского и в Японское море и только немногие текут в залив Петра Великого.

Реки и орография страны тесно связаны между собою, поэтому, говоря о поверхности Уссурийского края, будет уместно сказать несколько слов о реках и о долинах, по которым они протекают. Одни из рек текут по межскладчатым продольным долинам (каковы, напр., Судзухэ, Сучан, Улахэ, Даубихэ, Майхэ и река Уссури), другие текут в крест простирающихся горных

складок и образуют долины прорыва, напр., Иман, Бикин, Хор, Самарги и Копи. Тектонические долины всегда открытые. Они окаймлены с обеих сторон горными хребтами, течение их рек прямое, не извилистое, притоки — все мелкие. Денудационные же долины слагаются из ряда широких котловин, то и дело замыкаемых горами. Вода прорвала здесь горные хребты и силою проложила себе дорогу. Эти узкие ворота местные жители называют «щеками».

Все уссурийские реки имеют горно-таёжный характер: именно: крутое падение тальвега, каменистое дно, пороги и водопады. Течение их быстрое — от 8 до 12 вёрст в час в малую воду, во время же половодья быстрота течения увеличивается до 16 и 18 вёрст. Уровень воды в реках непостоянен и всецело зависит от количества дождей, выпадающих в данной местности. От уровня воды в реке зависит большая или меньшая скорость её течения.

Наводнения следуют непосредственно за дождями. Вода скоро сбегает с гор, отчего наводнения никогда не бывают продолжительны, зато всегда стремительны и действуют чрезвычайно разрушительно.

Двигательная сила воды не поддаётся никакому описанию. Самые быстрые реки: Такема, Хор, Арму, Анюй и Гобилли. В 1895 году Арму прорвала горный хребет и проложила себе новую дорогу. Во время наводнения все реки имеют грозный вид. Мутная вода стремительно несётся книзу и сокрушает всё на своём пути. Огромные деревья в 10–15 сажень длины и в 1,5–2 сажени в окружности несутся по воде со страшною быстротою и наподобие гигантских таранов бьют берег. Происходят большие обвалы, которые увлекают за собою другие деревья. Вода подхватывает этот новый материал и несёт его дальше. Где-нибудь в протоке такой гигант застревает. Тотчас же около него начинает собираться плавник — всё больше и больше. Так образуются завалы. Это природные мосты, по которым можно переходить с одной стороны реки на другую. Деревья в завалах сложены так плотно, что разобрать их без помощи топоров и пилы нет никакой возможности. Этот бурелом может лежать таким образом в течение нескольких лет, пока новое, более сильное наводнение не перенесёт его на другое место.

После наводнения — картина печальная: поваленные деревья, трупы утонувших животных, снесённые юрты, слои ила, придавившие молодняк и кусты, и всюду новые протоки, а река проложила себе уже новое русло и занесла коряжинами и песком место прежнего своего течения.

Характерною ещё особенностью всех рек, протекающих по поперечным долинам размыва, будет извилистое их течение. Область каскадов отодвинута далеко к истокам, область порогов, наоборот, доходит иногда до самого устья.

Другой особенностью рек будет их блуждание по долине. Мы всюду находим старицы, свидетельствующие о том, что прежде река текла не там, где она проходит теперь, и что эти перемещения происходили не однажды.

Глубина рек крайне неравномерная и колеблется в цифрах от одного фута до нескольких сажен.

Русло реки проходит то у одного берега, то у другого, и в то же время, как вода подмывает одну сторону, с другой стороны образуются мощные

аллювиальные отложения. Уже в среднем течении река разбивается на протоки, которые около устьев образуют часто настоящие лабиринты, так что без опытного провожатого выбраться из них бывает иногда очень затруднительно.

Множество стариц и сухих протоков служат водоотводными каналами во время наводнений в дождливое время года.

Ещё отличительным признаком местных рек будет низкая температура воды. Обыкновенно в устье она от 9 до 14 °С, но, по мере того как мы будем подниматься вверх по течению, температура воды будет падать всё больше и больше и в истоках достигает только 1 °С. В 1908 году в верховьях реки Гобилли у подножья хребта Сихотэ-Алиня в начале августа мы нашли мёрзлую почву и лёд, как породу, мощностью около фута. Такое же явление я наблюдал и в верхнем течении реки Такэмы в 1907 году и на Тумнине в 1909 году летом. Теперь понятно, почему в реках вода такая холодная. Этим объясняется отсутствие жизни в верховьях наших рек. Исключение составляют форели (*Salvelinus alpinus malma*) (Valv). Других рыб нет; не замечается ни водяных цветковых растений, ни водорослей. Сквозь чистую прозрачную воду видна только одна голая галька.

Вот почему из моря в эти реки идёт только та рыба (горбуша и кета), которая за всё время своего пребывания в пресной воде ничего не ест и питается только тем запасом жизненных сил, который она приобрела в море.

Флора

Уссурийский край представляет собой страну, сплошь покрытую густыми лесами. Открытые равнины находятся только по долинам больших рек, главным образом около озера Ханка, по реке Уссури и по низовьям всех правых её притоков. Но чем дальше мы будем подниматься в горы, тем меньше мы будем находить мест, годных для заселения. Уже по среднему течению рек открытые места встречаются только в виде отдельных полян, разобщённых друг от друга. А ещё дальше идёт глухая тайга — бесконечная, пустынная и дикая.

Время рассвета в лесу не совпадает с рассветом на небе. Солнце взошло, а в лесу всё ещё темно. Вечером сумерки тоже наступают рано, да и днём-то солнце мало проникает сквозь хвой, а потому внизу всегда полумрак и ясный день кажется серым, пасмурным. Это гнетуще действует на душу. Глаз утомляется и ждёт простора.

Даже самый привычный бродяга, погружаясь в дебри Сихотэ-Алиня, невольно каждый раз испытывает страх перед этою лесною громадой. Бездорожье, бесконечность тайги, дожди, наводнения, гнус и отсутствие зверя не раз были причиною гибели смельчаков, рискующих бороться с природою там, где она наложила своё «veto».

Тайга Южно-Уссурийского края чрезвычайно разнообразна и имеет красивый декоративный вид. Наблюдателя поражает смесь южных форм с северными породами. Колючий *Dimorphanthus mandshuricus* Maxim. и *Kalopanax bicinifolium* Mig. растут рядом с белой берёзой. Около бархата (*Phellodendron amurense* Rupr.) приютилась маленькая ёлочка. Тут же поблизости на камнях выросли *Aralia Mandshurica* R. M. и *Spiraea amurensis*

Maxim. По склонам гор — дубняк (*Quercus mongolica*. Fisch.) и клён (*Acer mono*. Maxim), в долинах ясень, тополь и орех (*Juglans mandshurica* Maxim.). В тени леса пышно разрослись: колючий *Eleutherococcus senticosus* Maxim. — родственник женьшеня, и папоротники *Aspidium*, *Osmunda* и *Strüthiopteris Germanica* Willd., вайи которых превышают рост человека; и всё это заросло и перепуталось лианами (*Schizandra Chinensis* — Baill.) и виноградниками (*Vitis amurensis* — Rupr.).

Кто не бывал в тайге Южно-Уссурийского края, тот не может себе представить, какая это чаща, какие это заросли!

Буквально в нескольких шагах ничего нельзя видеть. В двух или трёх саженьях не раз случалось подымать с лёжки зверя, и только шум и треск сучьев указывали то направление, в котором уходило животное.

На открытых долинах — царство полыни (*Artemisia vulgaris*). Илестые и песчаные заносы заросли тростником. Производительная сила земли чрезвычайно велика — травы достигают роста выше человека. Например, *Angelica daurica* достигает 18 футов высоты. Едва успеет человек отвоевать себе клочок земли и очистить его от зарослей, как он тотчас же снова начинает зарастать травой. Приходится всё время вести упорную борьбу. Чуть только энергия человека начинает ослабевать, травяная растительность быстро захватывает обработанное поле, так, что на другой год оно несколько не отличается от соседних невозделанных участков.

Северные склоны гор большею частью лесистые со смешанными породами; южные же, солнечные, — сплошь покрыты таволожником (*Lespedeza bicolor* Turch.) и редколесьем из дуба и липы (*Tilia cordata* — Rupr.). По увалам заросли орешника (*Corylus heterophylla* — Fisch.). Нередко эти кустарники совершенно вытесняют всякие другие породы.

В Зауссурийском крае при высадке на берег со стороны моря является впечатление пустыни: прибрежные горы совершенно оголены от леса. Влияние туманов и морских ветров губительно отзывается на растительности. Близ моря растут только одиночные деревья. Они низкорослы, кривы, имеют чахлый вид и похожи скорее на кустарники.

Ил, оставляемый в долинах наводнениями, очень плодороден, отчего трава пышно разрастается и образует густые заросли. По этим зарослям идти чрезвычайно трудно. Кустарниковая растительность по всему краю довольно разнообразна; главными представителями являются: таволга (*Spiraea amurensis* — Maxim.), шиповник (*Rosa daurica*), боярышник (*Crataegus sanguinea* Pall.), бузина и др. По берегам протоков в изобилии растут ольха, черёмуха, смородина и барбарис (*Berberis amurensis* — Rupr.).

По мере того как мы будем всё больше и больше углубляться в горы, лиственное редколесье начинает сменяться густыми смешанными лесами. Ещё дальше начинают мелькать кое-где тупые вершины кедра (*Pinus Koraiensis* Sieb. et Zuc.) и остроконечные вершины ели и пихты, и, наконец, в горах около Сихотэ-Алиня, в самых истоках рек, мы попадаем в исключительно хвойные леса. Мхи, обилие влаги и низкая температура создают здесь полнейшую формацию тундры.

Если идти вдоль берега моря, с юга на север, замечаешь, что лиственницы (*Larix daurica* — Turch.) попадают сначала одиночными деревья-

ми, а затем и группами. Впервые группы эти встречаются на берегу моря около реки Найны. Хвойные лесонасаждения начинают углами подходить к морю около реки Амагу (мыс Белкина).

Теперь перенесёмся в центральную часть Уссурийского края и станем взбираться на одну из высоких гор. Мы идём по хвойному лесу, карабкаемся по камням. Нога скользит и проваливается в решетины между корнями. Наконец мы доходим до осыпей. До вершины ещё далеко. Интересно проследить, как зарастают эти осыпи. Здесь для любителей альпийской флоры открывается широкое поле деятельности: сначала голые камни, ещё не успевшие обрасти мхами, затем травы, потом — папоротники и, наконец, кустарники и жиденькая рябина (*Rugus aусираgia* L.). Пойдём выше. Вот лес начал редеть, и вы попадаете в кедровый стланец (*Pinus pumila* Reg.). Стланец этот издали похож на зелёную травку. Взбираясь на вершину, неопытный путник торопится скорее пройти лесную зону и выйти к этой зелени. Велико его бывает разочарование, когда вместо мягкой травы он вступает в лес кедрового стланца. Толстые ветви его спускаются с вершины, стелятся вниз по земле и отделяют от себя другие ветви. Ветви эти перепутались между собою и торчат как раз навстречу человеку, идущему в гору. Пробраться через эти заросли можно только с топором в руках и с затратой больших усилий. Выше кедрового стланца растёт багульник (*Ledum palustre*); дальше — брусника (*Vaccinium vitis idaea*), потом — лишайники (*Lichnes*) и, наконец, гольцы.

Теперь два слова относительно лесов к западу от Сихотэ-Алиня. Тотчас за водоразделом лес густой — седой хвойный, но деревья здесь не достигают больших размеров.

Вследствие каменистой почвы, корни их не углубляются далеко в землю, а распространяются по поверхности. Поэтому деревья стоят непрочны и опрокидываются большими ветрами. Вот почему тайга Уссурийского края так завалена буреломом. Упавшие деревья на решетинах своих корней поднимают массу земли и оголяют каменистую почву.

Настоящих болот в Уссурийском крае не так много, зато заболоченные почвы с кислыми травами встречаются всюду, на каждом шагу, и не только в долинах, но и на склонах гор и даже на самых перевалах. Такую комбинацию гор, лесов, рек и болот с первого взгляда, казалось бы, и допустить трудно, но, принимая во внимание каменистую почву, глины и торфяники, принимая во внимание ежегодное обилие атмосферных осадков, в особенности летом, принимая, наконец, во внимание то обстоятельство, что большое количество дождевой воды задерживается растительностью на поверхности почвы — образование болот в лесу и в горах, где по топографическим условиям им не должно бы быть места, становится вполне понятным.

Уссурийский край — страна лесов! Так оно было до тех пор, пока сюда не прибыли русские переселенцы. Уссурийский край горит! В настоящее время по крайней мере четвертая часть всех лесов уже уничтожена пожарами. Почти весь прибрежный район и весь хребет Сихотэ-Алинь голый. Лес сохранился на нём только кое-где небольшими участками. Начиная от реки Аввакумовки вплоть до мыса Сосунова, и

дальше к северу к истокам Тумнина, — нет ни одной реки, где бы не было пожара. Леса сохранились только по долинам рек, горы же совершенно оголены от леса. Видно, что пожары здесь были подряд несколько раз. Можно безошибочно сказать, что новым пожарам здесь нет более пищи, нет материала.

С исчезновением лесов начинает быстро исчезать и жизнь: улетают птицы, соболь уходит, а потому цена на лесные соболи дачи поднимается до невероятных размеров. Если так будет продолжаться дальше, если не будут приняты меры к тушению пожаров, если сами жители не станут заботиться о тайге, не станут беречь её и охранять от огня, — Уссурийский край очень и очень скоро очутится без леса и без зверя, но зато с наводнениями.

Интересно отметить, что в долинах на местах горелых, там, где уничтожены хвойные леса, начинает происходить заболачивание почвы, что в свою очередь тоже в значительной степени мешает появлению нового леса. В горах наблюдается иное явление — здесь на месте старого пожарища появляется сплошной березняк, а под покровом его, в тени, вновь засеивается и вновь вырастает молодая хвоя.

Фауна

Особенным разнообразием животного царства отличается Южно-Уссурийский край, побережье моря, верховья реки Уссури и низовья рек Имана, Бикина и Хора.

Все животные находятся в тесной зависимости от распространения растительности в крае. Например: где кедр — там и белка, там и кедровка; где белка — там и соболь; где кабарга — там и россомаха; где кедр и дуб — там кабан и изюбрь, а где кабан — там и тигр.

Рассмотрим вкратце только промысловых животных и некоторых наиболее интересных.

Тигр (*Felis tigris longipilis* — Fit.) мало обращает внимания на климатические условия. Он держится в таких местах, где гуще заросли и где вообще много зверя — главным образом, где есть олени, кабаны и козы. В настоящее время тигров больше всего в хребте Далян-шань (водораздел, отделяющий верховья рек Лефу, Даубихэ и Улахэ от бассейнов рек Майхэ, Цимухэ, Сучана и Судзухэ), в истоках Фудзина и Ното, по нижнему течению Имана, Бикина и Хора, по рекам Мухеню, Пихце и Анюю. Одиночные экземпляры пробираются через хребет Сихотэ-Алинь к морю и заходят далеко на север.

Летом тигра почти невозможно увидеть — он скрывается в чаще зарослей. С наступлением холодов тигр становится смелее и подходит ближе к человеческим жилищам. Это объясняется тем, что летом он всегда сыт; зимою тигру труднее найти пищу, голод мучает его, и он подходит к деревням ближе. Случаи нападения на людей бывают только зимою. Всех тигров перебить никогда не удастся — они приходят сюда из Маньчжурии и из Кореи, и весьма возможно, что с исчезновением красного зверя, тигры станут охотиться и за людьми, как в Индии. На побережье моря тигры встречаются только до мыса Олимпиады, дальше к северу их изредка, одиночными экземплярами, видят в верховьях Самарги, Копи и на реке

Хуту. Иностранцы не бьют тигра, считая его священным животным. Русские охотники убивают в год около 50—60 зверей по всему краю. Цена на шкуру колеблется от 75 до 200 рублей и более.

Барс (*Felis pardus* — Lin.), правильнее — леопард, животное довольно редкое. Встречается только в Южно-Уссурийском крае около моря. Северной границей его распространения будет озеро Ханка, Никольск-Уссурийский, Анучино, хребет Да-дянь-шань и залив Св. Ольги. Цена шкуры 35—50 рублей.

Рысь (*Felis isabellinus* — Blit.) распространена по всему краю, но чаще встречается к северу от реки Имана; шкура стоит от 20 до 30 рублей.

Медведей много. Их два вида: первый (*Ursus torquatus* — L.) с белым ошейником и пятном на груди, наиболее свирепый, устраивает свои берлоги в дуплах тополя, лакомится желудями, ягодами и кедровыми орехами, и потому область его распространения к северу ограничивается северной границей маньчжурской флоры. Второй вид (*Ursus arctos* L.) устраивает берлоги в земле под корнями деревьев. Эти медведи имеют различные отмастки от светло-бурого до совершенно чёрного. Вообще, медведей много, но особенно они часто встречаются к северу от Императорской гавани. Шкуры их ценятся от 7 до 15 рублей.

Кабан (*Sus scrofa* — Lin.) распространён по всему Южно-Уссурийскому краю, особенно в бассейне Уссури, и по побережью моря до мыса Олимпиады. Это животное чрезвычайно плодовитое. Ходит табунами до 100 голов и более и причиняет много вреда хлебопашцам и огородникам. Чтобы оградить свои посевы от диких свиней, китайцы по ночам раскладывают костры, бьют в колотушки и медные тарелки и стараются криками отогнать животных. Даже стрельба не пугает кабанов: после выстрела, через 15 минут, тот же табун снова появляется на той же пашне.

1908, 1909 и 1910 годы ознаменовались глубокими снегами, вследствие чего множество животных погибло от голода. Трупы павших свиней охотники находили всюду. С этого времени кабанов стало значительно меньше.

Соболь (сем. *Mustellidae*) — ниже о нём я буду говорить подробнее. Этот представитель хорьковых (*Mustella zibellina* — L.) распространён по всему краю, но главным образом в горной области хребта Сихотэ-Алиня и к северу от 43° широты. Поистине достойны удивления те приёмы, к которым прибегают охотники, чтобы выследить и поймать дорогого хищника. Надо поражаться и соболю, с какою хитростью он старается запутать свои следы и уйти от преследователей. Из числа всех соболей в Уссурийском крае приблизительно около 60% добываются китайцами, процентов 40 иностранцами и самый ничтожный процент падает на долю русских. Китайцы выискивают соболей весной в дуплах деревьев и под корнями пней, когда они готовятся дать на свет молодое поколение, и бьют их ради выпоротков, которые продаются корейцам для изготовления лекарств. Цена одного выпоротка 1 рубль.

Горный козёл (*Nemorhaedus caudatus* A. M. Ed.) почти совершенно истреблён охотниками. К северу распространён только в прибрежном районе до бухты Терней. В настоящее время животное это ещё кое-где встречается к западу от Амурского залива, ближе к китайской границе.

Дикая коза (*Capreolus pygargus* — L.) обитает по низинам речных долин там же, где и изюбри, и пятнистые олени. Лет двадцать тому назад это животное большими массами перекочёвывало ежегодно из Уссурийского края в Маньчжурию. Наши казаки, заметив место, где переправлялись козы через реку Уссури, били их палками по несколько сот голов в сутки. В настоящее время там, где обитали раньше олени и козы, — свистит паровоз, а по горным долинам расселились степняки-малороссы, которые не любят лесов, боятся тайги и уничтожают её не столько топором, сколько огнём. Вот почему красный зверь начал быстро исчезать, и о таких ходах дикой козы сохранились одни только рассказы.

Лось (*Alces palmatus* — L.). Вероятно, разновидность лося, живущего в Сибири. В Уссурийском крае лось обитает в северной и центральной части страны, т. е. по верховьям рек Хора, Бикина и Имана и спускается по хребту Сихотэ-Алиню до залива Пластуна. К берегу моря лось выходит только около мыса Белкина и севернее его. Рога этого лося не имеют лопастей; они круглые, очень похожи на изюбриные, и сам он не достигает таких больших размеров, как в России и в Западной Сибири. Летом лоси уходят из гор и жмутся к берегу моря. Найти и убить этих зверей нетрудно. Осенью лось снова уходит к водоразделу и в декабре месяце совсем удаляется из прибрежного района в бассейн реки Уссури.

Красный волк (*Canis alpinus* — Pall.) ходит небольшими стаями, держится в глухих лесах. Охотится за оленями сообща, причём одни волки играют роль загонщиков, а другие устраивают засаду. Серый волк (луговой) встречается редко. Крестьянский домашний скот от волков страдает мало.

Кабарга (*Moschus moschiferus* — Linn.) в большом количестве распространена по всему краю. Держится, главным образом, в хвойных лесах. В последнее время в погоне за мускусом она истреблена китайскими охотниками в значительной степени. Неумолимым врагом её является росомаха (*Cullo luscus* — Lin.). Этот стопоходящий представитель хорьковых есть во всех лесах Уссурийского края. Меха росомахи ценятся от 3 до 7 рублей.

Енотовидная собака (*Nyctereutes procyonoides* — Gray.) ловится по берегам рек, главным образом, в Южно-Уссурийском крае. Благодаря поднявшейся ценности на её шкурку, в последнее время сильно уничтожена. Цена шкурки от 2 до 3 рублей.

Семейство оленевых — (Cervidae). Изюбрь. Благородный олень (*Cervus xanthopygus* — Edvar.) обитает в низовьях Хунгари, по среднему течению Анюя и на реке Мухэн, затем по долине реки Уссури, по нижнему и среднему течению всех правых её притоков, по всему Южно-Уссурийскому краю, на побережье моря до мыса Белкина, держится также в верховьях реки Самарги и изредка на реке Хуту. Панты его достигают ценности до 300 рублей. Благодаря бессистемному избиению во всякое время года и в особенности вследствие охоты во время «спаривания», количество изюбрей сильно уменьшилось.

Летом в тайге царит полная тишина — можно подумать, что кругом всё вымерло. Ни единый звук и ни единый шорох не выдают присутствия зверя или птицы. Осенью же, когда наступят холодные лунные ночи, тайга

оживает — начинается рёв изюбрей. В это же время ревёт всякий зверь, ревёт и тигр. Он ловко подражает изюбря, и только короткое мурлыканье в конце изобличает страшного хищника. Иностранцы в трубу, сделанную из бересты, хорошо подражают рёву оленя и подзывают его к себе ближе, чем на ружейный выстрел. Случается и так: охотник ищет изюбря и вдруг вместо желанного оленя из зарослей выходит тигр, вмиг роли могут поменяться: дичь становится охотником, а охотник — дичью. Впрочем, тигр раньше человека узнаёт, с кем он имеет дело, и заблаговременно постарается уклониться от встречи.

Пятнистый олень (*Cervus Debovskii* — *Svinhoe*) встречается в истоках Уссури (Даубихэ и Улахэ) в Южно-Уссурийском крае и в прибрежном районе только до мыса Белкина. Китайцы различают два вида этих оленей: «Мый-хуалу» и «Кый-хуалу». Первый — обитает в южной части Южно-Уссурийского края и на прилегающих к нему островах, в том числе и на Аскольде; северной границей его распространения будет река Хулуай, впадающая в залив Св. Владимира. Второй — раса, ещё не описанная в науке. Ростом он несколько больше «Мый-хуалу», и окраска его бледнее, и живёт он в прибрежном районе от залива Св. Владимира до мыса Белкина.

Пятнистый олень чрезвычайно красивое животное. Представьте себе небольшого стройного оленя красного цвета с чёрной полосой по спине и с семью рядами белых пятен по всему телу. Особенного внимания заслуживает этот вид потому, что, кроме Южно-Уссурийского края, он нигде не водится. Панты (молодые рога) его достигают огромной ценности — до 1200 рублей одна пара. Преследуемое русскими и китайскими охотниками, бессистемно избиваемое во всякое время года, теснимое переселенцами, это вымирающее животное всё дальше и дальше уходит в глубь материка, но не выносит жизни в глухих хвойных лесах и погибает очень скоро.

Об уменьшении площади обитания пятнистого оленя можно судить из сопоставления описаний исследователей Уссурийского края с настоящим временем.

Маак (Путешествие по долине реки Уссури в 1859 году, изд. 1863 года. Том I, с. 136–138), различая двух пятнистых оленей — лань (*Cervus Dama*) и неизвестный вид *Cervus Sp.*, говорит о первом: «подвигаясь по реке Уссури вниз по течению, мы замечаем, что лань делается всё менее и менее частой; наконец, за устьем реки Има туземцы могли рассказать мне несколько редких случаев, из которых можно заключить, что лань ещё здесь водится. Дней за 10 до моего путешествия было убито несколько этих животных у подошвы хребта Маканг, в горах Бихарка и Оионго. Судя по рассказам туземцев, самый северный пункт распространения лани по реке Уссури составляет местность Хат, немного выше устья реки Нора, где за два года до моего путешествия было убито два экземпляра. Так как это животное весьма редко по среднему течению реки Уссури и притом китайцы очень охотно покупают летние шкуры, то я и не мог достать здесь ни одной. Мне удалось добыть только одну зимнюю шкуру с животного, убитого на реке Даубихэ».

О распространении этого животного за районом своего исследования Маак сообщает следующие сведения: «Китайцы говорили мне,

что лань встречается весьма часто около города Гирина и г. Нингугты, а также в области реки Суифуна, откуда переходит на реки Мурень и Даубихэ».

О неизвестном виде оленя он сообщает: «Жители верхнего течения реки Уссури говорили, что вид этот, занимающий по величине середину между ланью и изюбром и отличающийся от первой — чёрной полосой на спине, встречается довольно редко, и панты его ценятся дороже против этих оленей».

Пржевальский (Путешествие в Уссурийский край 1868—1869 годов, с. 265—266) также различает две формы пятнистого оленя (*Cervus axis*) и «другой». О распространении первого сообщает: «Он держится в большом количестве по побережью Японского моря и в области истоков реки Уссури, но уже вовсе не встречается в среднем течении этой реки. Таким образом, полярная граница его должна проходить приблизительно на широте течения реки Има, или, быть может, немного севернее. Впрочем, по рассказам инородцев, пятнистый олень встречается ниже устья реки Има чрезвычайно редко и, по всему вероятно, заходит сюда случайно с юга... Некоторые уссурийские гольды приезжают для пантовки на Мангугай, Седими и другие бережные речки».

Второй вид Пржевальский описывает так же, как и Маак.

Туркин и Сатунин (Маньчжурский и пятнистый олень — Звери России. Т. 3, вып. 4. — Премия «Природа и Охота» за 1902 г. — С. 363—398) сообщают, что в науке установлено две формы пятнистого оленя — крупный (*Cervus hortulorum* Swinhoe), область распространения которого ограничивается Южно-Уссурийским краем, где остров Аскольд представляет из себя единственный в мире естественный питомник, и — меньший (*Cervus sitta mandshuricus* Swinhoe). Нам известно, что в настоящее время пятнистый олень обитает лишь по бассейнам рек, вливающихся в Японское море на восток от бассейна реки Суифуна, встречаясь на западе от этого бассейна лишь как редкость.

По отчёту Сучанского пристава за 1889 год на его участке, т. е. начиная с бассейна реки Майхэ включительно до реки Вань-чин, было убито 400 пар пантов на сумму 40 000 рублей. Между тем, известные наши охотники братья Худяковы вынуждены были с 1895 года соединить пантовку с убоим морского зверя в области Засучанья и, наконец, заняться исключительно добычей рыбы. Таким образом, и в прибрежной полосе олень, ради дорогих пантов, истреблён уже в значительной степени.

Было бы ошибочно думать, что чем глубже уходить в горы от Уссури или от моря к хребту Сихотэ-Алиню, тем зверей будет больше. Как раз наоборот: тайга в истоках Имана, Бикина, Хора, Анюя, Копи, Тумнина и Хунгари представляет собой в полном смысле слова лесную пустыню. Невольно бросается в глаза совершенное отсутствие звериных следов. Только изредка кое-где встречаются одинокие «дикушки»¹. Ниже по течению рек, по мере приближения к Уссури и к морю, тайга как бы опять понемногу оживает: чаще начинают попадаться птицы, потом белка, кабарга и, наконец, более крупные животные.

¹ Capace — род рябчика из семейства Tetraonidae.

Истинным бичом Уссурийского края является гнус: всё, что может дать любителю природы хорошая погода — всё отравляется мошкарою. Днём мошкара слепит глаза; от её укусов открываются кровоточивые ранки и по всему лицу начинается экзема. Едва солнце скроется за горизонтом и сумерки начинают спускаться на землю, появляются москиты — «мокрец», как называют их наши крестьяне. Эти мельчайшие, невидимые для глаза, насекомые забираются за ворот рубашки, лезут в рукава, под одеяло — люди озлобляются и начинают нервничать. Если посмотреть сзади на идущего впереди человека, то он кажется как бы в облаке серого тумана, — это «гнус». Смазанное маслом ружьё, повешенное на ночь на дерево, к утру становится неузнаваемым — точно оно висело над дымом и густо покрылось копотью, — это «москиты». На угасшем костре, поверх золы, остаётся толщиною в несколько сантиметров слой комаров и мошек. Все звери в это время бегут из тайги к морю или взбираются на высокие горы, где на гольцах ночной ветер даёт им защиту. Только один лось остаётся в долинах, но и он спускается к рекам и залезает совсем в воду, оставляя на поверхности только ноздри, глаза и уши. В тихую ночь издали слышно, как он встряхивает головою и хлопает по воде ушами, стараясь брызгами отогнать докучливых насекомых. Выйдя на берег, он торопливо пасётся, пока шерсть его ещё мокрая. Но вот шерсть снова начинает просыхать, укусы мошек становятся чувствительны. Наконец терпение его истощается, он бежит к реке и вновь с шумом бросается в воду.

К насекомым, сильно изнуряющим скот, относятся также и клещи (*Ixodes ricinus*). Этих насекомых всегда много в лесистых местах, преимущественно в кедровниках к западу от Сихотэ-Алиня. Они появляются обыкновенно ранней весной после первого таяния снегов и держатся до июня месяца.

У диких коз и оленей голова, уши сплошь усеяны впившимися в тело клещами. Когда насекомые напьются крови, то становятся похожими на грозди винограда или на сплошные массы болячек блестящего серого цвета.

В заключение остаётся сказать несколько слов о рыбах «*Salmoides*».

Кета (*Oncorhynchus Keta* Walb.¹), описанная впервые Палласом под именем *Salmo lagociphalus*, горбуша (*Oncorhynchus gorbusha* Pul.), форель (*Salvelinus alpinus malma* Walb.), кунжа (*Salvelinus leucomaenis* Pallas), все принадлежат к таким рыбам, которые большую часть своей жизни проводят в море и только для метания икры собираются большими стаями, идут в реки и поднимаются далеко вверх по их течению, если только размеры реки тому не препятствуют.

Интересною особенностью является то обстоятельство, что ходовая рыба входит в те только реки, которые берут начало в горах Сихотэ-Алиня. Вероятно, это потому, что реки эти многоводные и больше других.

Вестниками хода рыбы являются чайки. Эти пернатые летят целыми стаями вдоль берега моря, с криками кружатся около устьев рек, садятся, плавают и ныряют. Иногда этих птиц бывает так много, что местами вся вода около берега издали кажется как бы покрытою снегом.

¹ Определения рыб сделаны Л. С. Бергом.

Подымаясь по рекам, все лососёвые рыбы идут вверх по течению лишь до тех пор, пока не встретят препятствия, которые им трудно преодолеть. Тогда рыбы ищут ближайшего притока из числа наиболее крупных, по которому и идут дальше, пока снова не наткнутся на преграду и т. д. Например, по реке Такэме кета подымается лишь до середины её течения, а далее идёт по реке Такунче, которая несравненно меньше и короче, чем вся остальная часть Такэмы.

Иногородцы заметили, что если горбуши было много, то кеты будет мало. И действительно, такая зависимость рыб друг от друга или, вернее, такое чередование их хода как будто наблюдается. Вверх по рекам горбуша проникает значительно дальше, чем кета. Быть может, это зависит от того, что горбуша почти вдвое меньше кеты.

Днём горбуша стоит почти неподвижно в глубоких местах. Сквозь чистую прозрачную воду можно наблюдать за движениями каждой отдельной рыбы. Местами она стоит такой массой, что совершенно бывает не видно дна. Тысячи рыб занимают целые площади.

Кета смелее горбуши. Она и днём идёт через пороги и часто выходит на мели. Горбуша же только ночью оставляет глубины и в темноте идёт на перекаты.

В период метания икры кета держит себя несколько иначе, чем горбуша. Самцы входят в реку раньше самок; они долгое время держатся около устья, часто выходят обратно в море и снова возвращаются в реку. Так они гуляют спокойно до тех пор, пока не появятся самки. Как раз к этому времени у самцов появляются большие острые клыки. Тогда начинаются поединки. Эти рыбы донельзя драчливы. Я видел раз, как один самец схватил другого за спину, и так обе рыбы шли, не разделяясь, по крайней мере, шагов двести. Ороч, бывший со мной, убил острогой ту и другую, и у обеих рыб на спинах были маленькие колотые ранки — следы зубов других более сильных соперников. Когда рыбы дерутся, они настолько бывают ослеплены яростью, что не замечают приближения человека. Обыкновенно в таких случаях надо бить нижнюю рыбу. Она думает, что боль причиняет ей другая, верхняя, рыба, и со своей стороны ещё с большею яростью её кусает. Мне удалось один раз видеть, как ороч убил одного самца кеты острогой и поднял его из воды на воздух. Велико было наше удивление, когда вместо одной рыбы, оказались две, причём одна крепко держалась зубами за другую. Впрочем, она скоро поняла опасность и, раскрыв свои челюсти, снова упала в воду.

Все лососёвые рыбы назад в море не возвращаются. Они гибнут в верховьях рек измученные, изнурённые, израненные. Много рыбы остаётся выброшенной на берег. В этих местах воздух заражён зловонием. В заводях, где нет течения или оно очень слабое, вода сильно отзывает запахом разлагающейся рыбы. В это время на помощь природе являются медведи, лисицы, дикие свиньи, еноты, орланы белохвостые и вороны. Эти ассенизаторы в течение всей осени, пока не выпадут снега, трудятся над очищением верховьев рек от рыбных завалов. Остальная неубранная дохлая рыба весной, со вскрытием реки, вместе со снеговой водою выносятся обратно в море.

В конце апреля или в начале мая из икры в реках развиваются мальки. Это новое поколение тотчас же по вскрытии ото льда рек уходит в море,

где и живёт в течение 5 лет, пока не придёт и их очередь идти в пресноводные реки и воспроизводить себе подобных.

Климат

Большое количество воды, задерживаемой растительностью на поверхности почвы, не могло не отозваться и на климате всей страны. Таким обилием влаги климат этой области обязан не только своему географическому прибрежному положению около моря, но и тому обстоятельству, что нижние слои воздуха постоянно и непосредственно соприкасаются с огромной испаряющей поверхностью лесов и бесчисленного множества болот, находящихся не только по низинам в долинах рек, но и по склонам гор и даже на самых перевалах.

Летом сырость климата усугубляется ещё и деятельностью муссонов, дующих с моря со стороны Ю и ЮВ и несущих с собою всегда дожди и туманы. Зимой же сухой СЗ ветер, пробегая над сырыми лесами Уссурийского края, быстро поглощает всю влагу и уносит её в море. Вот почему одну половину года (весна и лето) этот климат чрезвычайно влажен, другую (осень и зима) — он чересчур уже сух. В первом случае климат будет сырым морским, во втором — сухим континентальным.

О том, насколько летом воздух сырой, можно судить по тому, что кожа, протёртая накануне, на другое утро покрывается плесенью, а через сутки становится совершенно зелёной; газетная бумага при перелистывании не шуршит — она становится дряблой; табак не горит; перед тем, как курить, его подсушивают над огнём. Зимой получаются явления обратные. Газетная бумага делается чересчур уже сухой, скручивается и легко ломается на сгибе; кожа ссыхается. Чтобы она не потрескалась, её надо смазывать; табак высыхает настолько, что при набивании папирос он без всякого усилия растирается в порошок, чтобы предотвратить это, его спрыскивают водою. Слизистые оболочки в носу и в горле пересыхают. Для того чтобы сделать в комнатах воздух влажным, приходится пульверизировать, кипятить воду, развешивать мокрые простыни и т. д.

Муссоны, дующие с моря со стороны Ю и ЮВ к берегам Уссурийского края в течение весны и лета, и противоположные им С и СЗ ветры, дующие поздней осенью и зимой со стороны суши, — явление вполне естественное. Если мы обратимся к картам изобар, указывающим положение барометрического maximum'a (760—770) и minimum'a (740—750) по полугодиям на материке и в море, и если примем ещё во внимание неравномерное нагревание (летом) и остывание (зимой) огромного Азиатского материка и обширного водного пространства Великого океана, то вопрос об упомянутых ветрах разрешается вполне определённо. Зимой вся восточная Азия лежит по левую сторону «депрессии» и по правую сторону области высокого давления, находящегося около Якутска, а так как по закону Бейс-Балло движение ветра должно быть циклонического характера, т. е. обратное движению часовой стрелки, то направление ветра должно быть от С и СЗ к Ю и ЮВ, что на самом деле и наблюдается.

В конце лета перед началом осени южные и юго-восточные муссоны кончаются. Их сменяют тихие ветры, дующие с материка на море. Это будет как раз переменное время, когда атмосфера на море и суше находится

(но недолго) в сравнительном равновесии. Несколько позже, а именно в конце сентября и в октябре месяце, наступает период равноденственных бурь и крайне переменная неустойчивая погода. То же самое, только в обратном порядке, происходит и весной: те же сильные ветры и бури, что и осенью, имеют место в марте и апреле; также тишина и продолжительный штиль наблюдаются в конце мая и в начале июня месяцев.

Громада гор Сихотэ-Алиня в климатическом отношении делит весь Уссурийский край на два резко отличающиеся друг от друга района: 1) Прибрежный с сильно выраженным морским климатом и 2) Западный (бассейн Уссури) с климатом более континентальным. В прибрежном районе (Посьет — Владивосток, залив Америка, залив Св. Ольги, мыс Туманный и далее к заливу Де-Кастри) отсутствуют большие морозы, но зато дуют очень сильные ветры, бывают частые снежные бури. Снега выпадают неглубокие. Вследствие сухости воздуха они испаряются совсем ещё задолго до наступления оттепели. Лето дождливое, туманное.

Чаще всего появляются туманы при ветрах с ЮВ, Ю, ЮЮЗ, реже со стороны В, ещё реже — с СВ и никогда не бывает от З, СЗ и С. Оно и понятно: достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, что по отношению к Уссурийскому краю со стороны СВ — ЮЗ раскинулся Великий океан со своими краевыми морями около восточных берегов Азии, противоположная же сторона (С — З) занята обширным материком с пустынями и с великой Сибирской низменностью, обращённой к Ледовитому океану.

Обыкновенно, если ветер начал дуть с моря, надо ждать тумана. Действительно, в таких случаях резко очерченная линия горизонта постепенно становится неясной, расплывчатой, неопределённой. Кажется, будто она затянута мглой. Мгла эта движется к берегу, как будто подымается выше, постепенно становится гуще и наконец превращается в туман. Иногда туман образуется на горизонте сразу, и в таком случае он двигается стеною. Медленно ползёт он к берегу, взбирается по распадкам в горы, заволакивает мысы и заполняет собою долины. Горные вершины кажутся разобщёнными одинокими островами, а самый туман — наводнением. Впечатление это настолько велико, что неохотно и с робостью спускаешься с озарённого солнцем возвышенного места и с опаскою погружаешься в море тумана.

Туманы в Уссурийском крае редко бывают сухими; они влажны настолько, что трава становится мокрою, как бы от росы. Иногда туман моросит и обильно смачивает землю, как дождём, подряд в течение нескольких суток до тех пор, пока не переменится ветер и не угонит его обратно в море. Когда туманы медленно поднимаются вверх, они разряжаются дождями. Дожди идут сильно и с удивительным постоянством.

На побережье моря между мысами Арка и Олимпиады и севернее — туман сырой, пронизывающий; но он не отзывается губельно на хлебных растениях. Это видно из того, что ни у старообрядцев, живущих здесь уже двенадцать лет, ни у китайцев ни разу пьяного хлеба не бывало. Причину этого явления надо искать, вероятно, в том, что туманы эти холодные, тогда как в Южно-Уссурийском крае около Владивостока они тёплые — парят.

Разница в температурах ясного солнечного дня и туманного дождливого — большая (+14... +28 °С). Это сказалось и на произрастании не только хлебных, но и всех других растений. Поэтому на берегу моря вспашка

производится только в мае месяце; покос — в конце августа, а хлеб жнут иногда в октябре. Но благодаря длинной осени это не мешает хозяйству, и жители от этого нисколько не страдают. В 1906 году мне лично удалось наблюдать разницу во время произрастания хлебов. В то время как на реке Вай-Фудина и Тадушу овёс был низкорослый и еще зелёный, в долине реки Ли-Фудзина он был уже высокого роста, жёлтого цвета, а самое зерно наливалось и созревало.

Липа и черёмуха цветут ровно на месяц позже, чем на западе. На Бикине хлеб колосится тогда, когда на побережье он ещё зелёный, низкорослый.

Западный район (озеро Ханка, реки Даубихэ, Улахэ, Ното, Иман, Бикин, Хор и др.) отличается более суровою зимою, здесь снега выпадают глубокие, холода наступают значительно раньше, но таких больших ветров, как в прибрежном районе, здесь не бывает. Лето такое же дождливое, как и на берегу моря, но туманов гораздо меньше и потому дней сухих, тёплых, солнечных больше.

Туманы по ту сторону Сихотэ-Алиня мало проникают, а если и доходят, то уже в виде облаков и идут довольно высоко над землёю. На перевалах я неоднократно наблюдал климатическую разницу по обе стороны хребта Сихотэ-Алиня. В то время как восточные склоны его и всё побережье были сплошь покрыты массаами густого тумана, на западе, насколько хватал глаз, воздух был чист и прозрачен. Таким образом, Сихотэ-Алинь, несмотря на незначительную высоту, всё же является серьёзным препятствием для движения ветров от моря в глубь страны.

Вследствие того, что главная горная цепь протянулась параллельно берегу моря, разница во времени наступления времён года в прибрежном районе и к западу от Сихотэ-Алиня в бассейне Уссури — огромная. Осенью на западе, в то время как все реки уже покрываются льдом и по ним устанавливается санная дорога, — реки прибрежного района ещё не начинают замерзать. Весною происходит явление обратное. В то время как по Уссури и Амуру сообщение уже прекратилось и со дня на день ожидается вскрытие реки, в то время как по рекам Иману, Бикину, Хору, Анюю и Хунгари плывёт уже лёд, — реки, текущие к морю, ещё не начинали трогаться.

В 1909 году в конце февраля на реке Анюе стали уже появляться проталины, и снеговая вода шла поверх льда так, что сообщение в нижней и средней части реки было прекращено совершенно. Иностранцы убеждали меня не смущаться этим и советовали не торопиться. Я опасался, что ледоход застанет меня на половине пути, где-нибудь в верховьях Копи. Они говорили, что по мере того как я буду подходить к хребту Сихотэ-Алиню, лёд на реке будет всё крепче и крепче, что река Копи станет вскрываться ещё дней через двадцать. И действительно, когда я дошёл до верховьев реки Анюя, то на биваках мы не могли найти воды, и потому чайники наполняли льдом и снегом. То же самое было и на Копи. 28 марта мы достигли моря и тут только увидели такую же картину вскрытия реки, какую мы наблюдали в низовьях Анюя в конце февраля месяца.

Прилагаемые здесь таблицы дают представление о числе ясных, облачных, туманных и дождливых дней в году.

1907 год

Месяцы	Ясных	Облачных без солнца	Туманных	Дождливых	Снежных
Январь	29	—	—	—	2
Февраль	23	2	—	—	3
Март	22	4	—	—	5
Апрель	19	5	—	—	6
Май	6	13	3	9	—
Июнь	12	7	10	1	—
Июль	18	5	5	3	—
Август	16	5	9	1	—
Сентябрь	12	14	4	—	—
Октябрь	19	6	6	—	—
Ноябрь	22	5	—	—	3
Декабрь	30	1	—	—	—
Итого	228	67	37	14	19

1908 год

Месяцы	Ясных	Облачных без солнца	Туманных	Дождливых	Снежных
Январь	28	2	—	—	1
Февраль	23	3	—	—	3
Март	11	13	—	—	7
Апрель	6	5	12	2	5
Май	3	5	20	2	1
Июнь	6	3	12	9	—
Июль	3	1	17	10	—
Август	6	5	12	8	—
Сентябрь	7	9	—	14	—
Октябрь	19	9	—	2	1
Ноябрь	20	7	—	—	3
Декабрь	28	1	—	—	2
Итого	160	63	73	47	23

Эти таблицы наглядно показывают, насколько два года, стоящих рядом, резко отличаются друг от друга, насколько климат Уссурийского края непостоянен и насколько он зависит то от влияния моря, то от влияния материка.

Теперь посмотрим движение температуры в Зауссурийском крае на берегу моря (район: мыс Олимпиады — река Самарги) за 1908 год.

Месяцы 1908 г.	Температура по С
Январь	—15,4
Февраль	—12,4
Март	—2,8

Месяцы 1908 г.	Температура по С
Апрель	+1,9
Май	+3,9
Июнь	+7,4
Июль	+16,4
Август	+18,2
Сентябрь	+11,3
Октябрь	-3
Ноябрь	-9
Декабрь	-16
Годовая	0

Ход температуры по месяцам в Никольске-Уссурийском за девятнадцать лет¹ будет иной.

Месяцы	Температура по С
Январь	-19,0
Февраль	-14,9
Март	-4,9
Апрель	+5,5
Май	+11,6
Июнь	+15,8
Июль	+20,2
Август	+21,3
Сентябрь	+15,2
Октябрь	+6,5
Ноябрь	-3,8
Декабрь	-14,5
Общая за 19 лет годовая . . .	+3,3

Суммируя всё вышеизложенное, мы видим, что в Зауссурийском крае сказывается близость моря. Море стремится к выравниванию температур во времена года. Это же надо отнести и к Владивостоку, и к Посыетскому району. К западу от Сихотэ-Алиня колебания эти значительно резче, но количество атмосферных осадков приблизительно одно и то же, что всецело зависит от муссонов, дующих с моря в течение летнего полугодия.

Пути сообщения

Насколько Южно-Уссурийский край богат путями сообщения, настолько в северном районе они отсутствуют совершенно. На юге существуют и железные дороги, и почтовые тракты, грунтовые и обыкновенные просе-

¹ Сведения эти получены от Генерального штаба капитана Забелина.

лочные дороги, и бесчисленное множество троп бороздят край по всем направлениям.

Время постройки одних из этих путей кроется в глубокой древности Бохайского царства; другие ещё в 60-х годах были излюбленными дорогами китайского населения, сообщающегося с заливом Св. Ольги и с бухтой Мэа (Владивосток); впоследствии крестьяне, казаки и переселенцы проложили дороги около своих деревень; русское правительство устроило сеть почтовых сообщений по Уссури, на Новокиевское, к Анучину, по реке Даубихэ и по побережью моря через Сучан, к заливу Св. Ольги, а в последнее время дороги переселенческой организации стали проникать в такие уголки Уссурийского края, где были найдены места хоть мало-мальски годные для заселения.

Тропами Южно-Уссурийский край обязан китайскому населению. В погоне за соболем и в поисках за женьшенем энергичные сыны Поднебесной империи проникали в самые дебри «Цамо-Динза и Хуалаза, Да-дянь-Шань и Сихотэ-Алиня». В каждой долинке всегда можно найти тропку, которая непременно приведёт путника к фанзочке соболевщика-китайца.

Не то представляет собой центральная и северная часть Уссурийского края. Здесь всякие пути отсутствуют совершенно. Единственные путеводные нити — это реки. Нет даже ни малейшего намёка на тропу. Только вдоль горных хребтов, по гольцам и осыпям, лоси протоптали свои дорожки. Но руководствоваться этими дорожками нельзя, потому что они заведут путника в такие дебри, откуда выбраться будет уже невозможно.

У местных инородцев есть два способа передвижений: 1) летом на лодках и 2) зимой — с нартами на собаках. Второй способ скорый и наиболее удобный, если только снег не будет очень глубокий.

Если мы проведём прямую линию от Хабаровска к югу в меридиальном направлении до хребта Сихотэ-Алиня к перевалу с реки Ли-Футина на реку Таудушу и отсюда направим её к северо-востоку к мысу Олимпиады, то всё, что будет находиться западнее этой линии в бассейне Уссури и восточнее её на берегу моря, а равно и вся южная часть Уссурийского края около залива Петра Великого — есть места, заселённые гольдами, корейцами, китайцами и русскими переселенцами. Вся же остальная часть страны и в особенности обширнейшие северные районы представляют собой такую область, к которой более чем применимо выражение «Лесная пустыня». Целыми неделями можно идти и нигде не встретить души человеческой. Только по большим рекам можно ещё кое-где найти юрты орочей-удэхе. Но этих инородцев так мало, стойбища их так удалены друг от друга и места их обитания так непостоянны, что на эту встречу не всегда можно рассчитывать.

Надо заметить, что инородцы летом никогда не переходят через Сихотэ-Алинь. Летний путь сопряжён с чрезвычайными трудностями, с большими лишениями — с опасностями для жизни и с такими неожиданностями, что быть заранее уверенным в выполнении намеченного маршрута невозможно. Летнее путешествие совершается на лодках. Когда река станет очень мелкой, плавание прекращается. Отсюда люди пешком с котомками за плечами идут к водоразделу, переваливают горный хребет и спускаются по ту его сторону до тех пор, пока не дойдут до такой реки, где плавание

становится опять возможным. В большинстве случаев на такой переход надо употребить двое-трое, редко четверо суток. Выбрав подходящее дерево, орочи валят его, выдалбливают лодку и в ней уже спускаются вниз по течению реки. Значит, всё заключается в том, чтобы найти подходящее дерево. Это не везде и не всегда возможно. Недостаточно сделать «улимагду» (орочская лодка), надо уметь плыть в ней, надо приспособиться к рекам, изучить их свойства. К сожалению, это даётся только многолетним опытом.

Орочская лодка — это длинный, долблёный чёлн с тонким дном и с тонкими стенками; носовая часть лодки заканчивается широкой веерообразной доской, немного загнутой кверху. Благодаря этому приспособлению лодка не врезается в воду, а, так сказать, взбирается на воду. На таких лодках орочи плавают стоя, упираясь в дно реки шестью. Надо поражаться их бесстрашию и ловкости, с которой они управляются с лодкой на быстрине реки.

Китайцы зверовщики и искатели женьшеня, если им случается идти по рекам, всегда нанимают для этого инородцев. Сами же они самостоятельно не пускаются в это плавание, а если рискуют, то плавания их всегда кончаются крушениями, и человеческие жертвы среди них не составляют редкости.

При движении в лодках расчёт пути должен быть такой: там, где зимой при хорошей дороге и при хорошей погоде удаётся сделать в сутки вёрст тридцать, летом на лодке против воды — втрое менее, т. е. 10 вёрст, и то лишь при условии, если уровень воды в реке будет невелик. Если же уровень воды будет повышен — значит, удастся передвинуться вверх ещё меньше. Во время половодья плавание на лодках совершенно прекращается другой раз недели на две. Тогда не только вдоль по реке нельзя ехать, но невозможно переплыть даже и на другую её сторону.

Обыкновенно там, где инородцы тратят на подъём лодки вверх к водоразделу дней десять, они спускаются назад вниз 1,5—2 суток.

Было бы ошибочно думать, что спускаться по таким быстрым рекам безопаснее, чем подыматься. Именно наоборот: подъём безопаснее спуска. При сплаве надо быть очень осторожным и далеко смотреть вперёд, надо хорошо знать реку, знать, когда и в какую проточку следует свернуть. Беда смельчаку, который, не зная реки, пустит лодку по воде, как говорится, на волю Божию: в момент лодка исчезнет под буреломом; остановить её нельзя; никакие человеческие усилия не могут сделать этого. Вот почему орочи, когда спускаются по реке, никогда не дают лодке плыть свободно, и не дают ей полного хода, а всегда задерживают её, часто останавливаются, выходят на берег, осматривают протоки и тогда только двигаются далее.

Население

Современное население Уссурийского края довольно смешанное. Оно состоит из русских, корейцев, гольдов, орочей-удэхе и китайцев.

Русские в Уссурийском крае расселились узенькою полоскою по реке Амуру, затем по долине реки Уссури, по низовьям всех правых её притоков, около озера Ханка, в верховьях Уссури (Даубихэ и Улахэ), в прибрежном районе Южно-Уссурийского края и отдельными вкрапинами около устьев рек на берегу Японского моря, до мыса Олимпиады.

Начиная с 1907 года переселение в Уссурийский край сильно увеличилось. На тех местах, где раньше жили китайцы, раскинулись русские деревни, правда бедные, необстроенные. Но всё же общий характер населения принял другую физиономию.

В 1910–1911 годах русских в Уссурийском крае насчитывалось 523 840 человек.

Корейцы поселились главным образом в Посыетском и Приханкайском районах, на Сучане, Таудими, по долинам рек Даубихэ и Улахэ и в южной части Ольгинского стана.

С 1900 по 1910 год численность корейцев увеличилась с 24 000 до 55 000 человек¹.

За последние пять лет широкая волна переселенцев влилась в Уссурийский край и потеснила собою и китайцев, и корейцев, и инородцев. Если сравнить этнографическую карту Уссурийского края академика Шренка и карту 1894 года, приложенную к трудам Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, с картою современного распределения народностей, то увидим, что изменения произошли только в южной части Уссурийского края на побережье моря до мыса Олимпиады, по реке Усури и по низовьям её притоков. Северная же часть страны и центральная область Сихотэ-Алиня остались такими же, какими они были во времена Максимовича и Шренка.

В Уссурийском крае в миниатюре произошло то, что и в Европе в средние века во время «великого переселения народов». Русские потеснили китайцев и корейцев, китайцы частью отодвинулись вверх по рекам, частью ушли в Маньчжурию, корейцы тоже начали переходить в северные районы, вместе те и другие потеснили инородцев, и эти последние ещё дальше ушли в горы.

В настоящее время орочи-удэхе обитают главным образом по верхнему и среднему течению рек Имана, Бикина, Хора, Анюя и по низовьям Хунгари, на берегу моря к югу, начиная от реки Ботчи до реки Такэмы (мыс Видный)². Что же касается инородцев, живущих в Южно-Уссурийском крае по рекам Даубихэ, Улахэ, Тадушу, Аввакумовке и далее до реки Сучана, то они окитаились и совершенно утратили свой орочский облик. Общая численность всего этого народа 1 615 человек.

По рассказам самих удэхе, раньше в прибрежном районе их было так много, что «белые лебеди, пока летели от Императорской гавани до залива Св. Ольги, от дыма, подымавшегося от их костров, становились чёрными», — так говорили они о многочисленности своих поселений.

Причин вымирания инородцев много. Одна из главных — болезни, которые занесли к ним русские и которым они чрезвычайно подвержены. Особенно сильно свирепствует среди них оспа. От оспы они вымирают страшно быстро. В течение нескольких суток от целого стойбища не остаётся ни одного человека. Главные распространители заразы — вода, грязь

¹ На самом деле цифра эта значительно больше, потому что сюда не вошли все незарегистрированные корейцы, живущие по верховьям рек в горах и в Зауссурийском крае.

² Гольды расположились главным образом по Амуру, ольчи — около оз. Кизи, гиляки — при устье Амура и на о-ве Сахалине и орочи Императорской гавани по рекам Хади, Копи, Тумнину, Хоюлю и в верхнем течении реки Хунгари.

в жилище и грязь на теле самого ороча, и то обстоятельство, что здоровые люди, находясь под одной кровлей с больными, имеют постоянное с ними общение. До прихода русских у орочей этих болезней не было. Инородцы гибнут ещё и от других инфекционных заболеваний, как, например, чахотка и корь. Последняя для них страшна своими осложнениями.

Другими причинами вымирания инородцев будут психически подавленное состояние духа и прогрессивное обеднение стародавних звериных и рыбных промыслов¹. Потребности к жизни возросли, а реки и тайга стали давать меньше.

Как и орочи, уссурийские гольды также подвергались массовым эпидемическим заболеваниям несколько раз. Эти болезни страшно косили их. В настоящее время ещё немного этих инородцев осталось в низовьях реки Уссури. В верхнем же течении этой реки и по рекам Иману, Бикину и Хору остались только кое-где одиночные личности, но и те, будучи сильно притесняемы китайцами, стали уходить на Уссури.

Раньше много гольдов жило по рекам Даубихэ и Улахэ, но, потеснённые русскими переселенцами, они стали отходить на север. Впрочем, в последнее время Переселенческое управление стало устраивать и их на землю, давая по 15 десятин земли на каждую семью.

Если обратиться к истории всех завоеваний, всюду представляется грустная картина бедствий, терпимых туземцами от пришлецов. В таком же тяжёлом положении очутились и наши инородцы.

Русские переселенцы не хотят признавать их за инородцев, считают китайцами и жестоко их притесняют. Китайцев выселить можно — у них есть своя земля, есть своя родина, корейцев можно тоже выселить. Но куда выселить инородца, для которого Уссурийский край есть родина? Теснимые колонистами, орочи-удэхе бросают свои веками насиженные места и всё дальше и дальше уходят в горы. При таких условиях инородцы жить не могут, и вымирание их произойдёт скорее, чем это можно предположить.

«Как бы ни было продолжительно пребывание дикарей в той или иной местности, оно всё же мимолётно. С уходом их исчезают и следы их пребывания.

Гораздо больше влияния на жизнь в крае и даже на самих инородцев имели китайцы»². Им-то мы и посвятим всё дальнейшее изложение.

Исторические данные

История Уссурийского края тесно связана с историей Восточной Маньчжурии, поэтому уместным здесь будет привести те данные, которые имеются в настоящее время в научной литературе.

Первые сведения об Уссурийском крае мы встречаем у японцев, у китайских историков и в китайской географии династии Цзинь. Сведения эти крайне смутны и часто противоречащие друг другу. Китайские историки были плохо осведомлены о том, что происходило в Уссурийском крае в древнейшие времена. У китайских географов понятия об этой стране — отвлечённые, смутные.

¹ Шренк, Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. 1. — С. 1—2.

² Шренк, Л. И. Об инородцах Амурского края.

«Они не имели точных сведений ни о местах, занимаемых разными народами, ни об их обычаях и сообщают рядом с действительными фактами много мифологических»¹.

Мы совершенно не имеем полной истории. До нас дошли только одни сколки, случайные факты, разобраться в которых не могли даже такие синологи, как Иакинф, Васильев и архимандрит Палладий.

В общих чертах древнейшая история Уссурийского края представляется нам в таком виде:

«За 3 000 лет до нашего времени тунгусское племя Сушеней жило в районе нынешних рек Уссури, Амура и на юго-востоке граничило до берегов Великого океана. Этим именем „Сушень” называлась и та страна, где оно обитало. Сушень употребляли стрелы из грушевого дерева, каменные топоры и каменные наконечники для копий. Рыболовство и охота были главнейшими источниками его существования. На побережье моря, к востоку от Сихотэ-Алиня, жило особое маньчжурское племя Дамолу, а к западу от водораздела до реки Сунгари и к югу до нынешней Кореи было владение Сушеней, о которых говорилось выше и которые в период шести династий Хань и Вей называются „Илоу”. Эти народности, как настоящие охотничьи и рыболовные племена, не заботились об организации государства, природа в изобилии снабжала их своими дарами, и это было главной причиной их несорганизованности.

Другое маньчжурское племя Фу-юй жило по обеим сторонам хребта Чань-бо-Шан'я, но было истреблено соседями (270—312 гг.).

Об этой местности и землях Илоу история в течение некоторого времени (457—459 гг.) остается тёмною»².

На севере около Амура обитали мохэские тунгусы, которые по неизвестным для нас причинам вдруг двинулись в южную Маньчжурию и расположились около Кай-Юань-Саня, на западе от него и принесли туда с собой и своё старое название. Река Амур, на которой они жили, называлась Хэй-хэ (Чёрная река) или Хэй-шуй (Чёрная вода). За ними у китайцев и сохранилось название Хэй-шуй-мохэ. К северо-востоку от этих тунгусов жило монголо-маньчжурское племя Кидани. «Они представляли из себя счастливое смешение цивилизации и первобытной грубой силы»³.

Разрозненные маньчжурские племена, обитавшие в это время в северной и восточной Маньчжурии, представляли собой совершенно отдельные, самостоятельные кланы. «Клан Сумо граничил с государством Гао-ли. Это в нынешней Гиринской провинции в вершине реки Сунгари. На юго-востоке от него находился клан Бо-шань. На севере от Сумо находился Бодо — это нынешний район Харбина; на северо-востоке отсюда находился клан Ань-чен-гу; на востоке от него — Фейне, а ещё восточнее — Хао-шы — „Морской берег”, т. е. нынешние места Владивостока и Никольска-Уссурийского. Из них клан Сумо был самым сильным»⁴.

¹ Буссе, Ф. Ф. Остатки древностей в Амурском крае. — 1908. — С. 3.

² Позднеев, Д. М. Материалы по истории Северной Японии и её отношении к материкам Азии и России. Т. II. — 1909. — С. 2—6.

³ Гельмольт, Г. История человечества. Т. II. — 1896. — С. 201.

⁴ Позднеев, Д. Там же. — С. 5.

«В половине VII века в восточной Маньчжурии и на берегах Великого Океана, в том числе и в Южно-Уссурийском крае, возникает культурное царство Бохай, под корейским влиянием (668–905 гг.)»¹.

Мохэские тунгусы, живя рядом с Бохаем (последний, как сказано выше, был на востоке от них в пределах горной области Чан-бо-шаня, вплоть до самого моря), не только не враждовали с ним, но даже, как будто, составляли одно целое.

В начале X века Кидани силою оружия уничтожили корейское влияние над Бохаем, и с 912 года владения Бохая простираются от реки Тюмень-Улы, к югу до порта Лазарева и к северу узкою полосой по берегу моря до озера Ханка и до реки Сучана. Кидани царили над Маньчжурией под именем династии Ляо.

В XII веке мохэские тунгусы от толчка, данного им монголами, двинулись в пределы Бохая и окончательно уничтожили его самобытное существование, а затем овладели и Китаем.

Одновременно с тем царство Ляо силою оружия маньчжурских племён Чжуржей распалось, и на его землях возникла Маньчжурская империя «Цзинь» (Золотая), с границами почти до Амура. К этой последней эпохе и относится большая часть памятников, оставленных в Уссурийском крае его древнейшими обитателями. Здесь историческая нить вновь прерывается. История с XII столетия до XIX века снова остаётся тёмною. Об этом периоде в Уссурийском крае сохранились только сказания, из которых мы узнаём, что после продолжительной и междоусобной войны между владельцем Нингутинского аймака Цзин-я-тай-цзы и Сучанским властителем Куань-Юном (?) в Южно-Уссурийском крае настают страшные поваральные болезни, которые уничтожили почти всё оставшееся после войны население. С этого времени в крае надолго наступает запустение. Тогда северные охотничьи племена, жившие ранее в глуши гор и лесов, спускаются к югу и мало-помалу распространяются по всему Уссурийскому краю. Подтверждением того, что здесь действительно был период запустения, мы находим и в «Записках» г-на Буссе. Он пишет так: «Во время последних нашествий маньчжур Уссурийский край был окончательно разорён, и страна оставалась в течение 246 лет в том запустении, в котором застали её русские в 1861 году».

В XVI столетии владетель северо-восточного аймака Тайцзу объединяет под свою власть все разрозненные маньчжурские племена, принимает титул императора и впервые образует Маньчжурию как отдельное самостоятельное государство. «С 1607 по 1615 год он предпринимает целый ряд походов от Нингуты к югу и завоёвывает земли Воцзи»². После этого Тайцзу направляется за Ляо-дун в Китай и наносит китайским войскам ряд поражений. Сын императора Тайцзу — Тайцзун в XVII веке окончательно завоёвывает Китай и восстанавливает на китайском престоле свою династию.

Итак, мы видим, что часть XVI века и всё XVII столетие захватывают маньчжур в движении к югу. *На Уссурийский край они не обращают никакого внимания.* Общее стремление всех их племён направлено за Ляо-дун.

¹ Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в средней Азии. Т. II. — С. 178. Статист. описание Китайской Империи. Т. II. — С. 22, 254, 255.

² Буссе, Ф. Ф. Остатки древностей в Амурском крае. — 1908. — С. 7.

Они оставляют свои земли, не возвращаются назад и остаются в Китае. «Тогда культурные местности Маньчжурии запустели и заросли лесом, и только в конце XIX столетия они были опять заселены, но уже китайцами»¹.

Архимандрит Палладий полагает, что Уссурийский край был разорён во время нашествий маньчжур на земли Воцзи. «Население его было частью перебито и частью уведено в плен» (Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска через Маньчжурию в 1870 г.²). Это не совсем так. В области реки Сунгари действительно мы находим небольшое маньчжурское племя, называемое китайцами Иче-Маньчжу, т. е. новые маньчжуры, потомки родов, некогда живших в восточной части губернии Гирич, а по Палладию — и далее на восток — в Уссурийском крае.

Клапрот и Плат считают «Иче-маньчжу потомками тех маньчжур, которые в противоположность древним маньчжурам или Фэ-маньчжу не вторглись в Китай, но были покорены последними или примкнули к ним». Китаец У-чень, родившийся в 1664 году в городе Нингуте, куда был сослан его отец, и остававшийся там до 1681 года, рассказывает в своём описании этого города (1772), что лица из народа Хурха или Хулха (т. е. из маньчжур с реки Хурхи), отличавшиеся храбростью, получили от правительства в подарок кольца и рабов (из числа ссыльных). Им же впоследствии было приказано переселиться в Нингуту, оттуда в Мукдень, а затем через два года — в Пекин. «Они-то, — говорит У-чень, — и называются ныне Иче-маньчжу» (см. перевод статьи У-чэня у Васильева. Зап. о Нингуте. Зап. Русск. географ. общ. — 1857. — Ч. XII. — С. 93)³.

Отсюда мы видим, что император Тайцзу при завоевании земель Воцзи выселил Иче-Маньчжур не из Уссурийского края, а с реки Хурхи, т. е. с реки Мудацзяна. Да и вышеприведённая историческая справка точно указывает нам место, где были земли Воцзи: «К югу от Нингуты», т. е. в бассейне реки Мудацзяна.

Как раз в то время, когда маньчжуры вели борьбу с китайцами на юге и когда таким образом *Уссурийский край оказался как бы изолированным*, с северной стороны и с запада со стороны Шилки и Аргуни впервые появляются русские.

Первоначальное движение казацкой вольности было направлено на Якутск, оттуда к берегам Охотского моря и далее на Камчатку, но «в конце XVII столетия русские казаки, купцы, промышленники и другие „вольные люди“ начинают совершать походы на Амур и основывают там во многих местах временные зимовки и земляные укрепления»⁴. Остроги эти были: 1) Верхо-Сейский при устье реки Амумыши (вероятно, Мынмыхи), перенесённый потом на озеро Бебяки. 2) Гилюйский. 3) Селимбинский — выше устья реки Селемджи. 4) Долонский ниже её по реке Долонцу. 5) Усть-Зейский на месте нынешнего города Благовещенска. 6) Камарский. 7) Албазинский и далее 8) и 9) при устье рек Олдоя и Урки.

Затем *русские имели много зимовий и селений для охоты, рыболовства и сбора ясака по рекам Томи, Амгуни, Тугуру, а в нижнем течении Амура*

¹ Комаров. Т. III. — С. 3 и 6.

² Зап. Импер. Русск. географ. общ. По общей географ. — 1871. — Т. IV. — С. 432.

³ Шренк, Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. I. — С. 57.

⁴ Боголюбский, И. Краткий очерк Амурского края. — 1876. — С. 2.

есть следы их пребывания до самого моря, по которому они плавали на Алеутские и Шантарские острова. Смельчаки проникали в Маньчжурию по Кумаре, Сунгари и Усури.

В Китае к этому времени война была закончена: Маньчжурская династия была на престоле. Страна отдыхала. Население вернулось к полям и вновь занялось своими работами.

В «Древней Российской Вивлиофике» (с 1505 по 1669 год) мы имеем весьма важные указания, что Амурские остроги и укрепления в то время были санкционированы русским правительством и назначение туда воевод и других служилых людей происходило из Москвы. На стр. 104 и 228 в «Записках к Сибирской Истории служащих или описании сколько в Сибири, в Тобольске и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия оной Атаманом Ермаком Тимофеевым, в котором году, и кто имяны, бояр, и окольных, и стольников, и дворян, и стряпчих, на воеводствах бывали; и дьяков, и письменных голов, и с приписью подъячих, и кто который город ставил, и в котором году, и от которого Государя Царя кто был, и в кая лета устроися в Сибири Престол Архиерейский, и кто были Архиеере» — мы находим: 35 воевода в Енисейском, с 1677 года боярин князь Иван Петрович Барятинский, да дьяк Василий Иванович сын Телицын; головы Письменные: Дмитрий Стараго да Косма Лазарев. *«И с того времени велено им быть в Енисейском Столу и Розряду. А в Розряде учинены в том Столе Даурские, Нерчинские, Иркутские, Албазинские, Селенгинские, Амурские и Байхальские остроги; а списываться велено в Тобольск, о всяких делах, с бояры Тобольскими и с доки».*

«Инородцы нижнего Амура в то время были еще мало известны маньчжурам. Подвластны они им собственно не были, но, приезжая в Нингуту, приносили маньчжуро-китайскому начальству определённую дань мехами, чтобы через то получить право торговли, как это делали Ольчи и Гиляки в Сан-Сине. Гольды, живущие вниз от Дондона, даже не имели Маньчжурской причёски, введённой маньчжурами по всему Китаю, и это служит лучшим доказательством того, что, начиная оттуда, народы Нижне-Амурского края, подобно тому, как Ольчи, Негидалцы, Гиляки и северные Орочи, *не признавали над собой непосредственной верховной власти Маньчжуро-Китайцев*»¹.

Подтверждение того, что влияние китайцев не распространялось на народы, обитавшие в низовьях Амура, мы находим и у Глазунова². В этой книге, составляющей ныне большую редкость, в ч. III «О народах самоедских, маньчжурских и восточно-сибирских, как и о шаманском законе», мы находим:

«Во время первого российского похода к Амуру около середины XVII столетия были Дауры и Дучеры, подданные Китайского Богдыхана, который тогда уже был маньчжурской породы, почему и вмешался как в победы, так и в защищение. Гиляки и прочие маньчжуры жили тогда независимо ни от какой власти и покорились России без всякого сопротивления».

¹ Шренк, Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. I. — С. 146.

² Глазунов [т. е. Георги И. И.]. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Издание Императорской Академии Наук. — 1799.

Затем в «Сибирской истории» Фишера¹ мы имеем следующую весьма интересную запись.

«В некоторых известиях от Амура именно писано, что тогда Китайцы не присвоили ещё себе власти над гиляками, особливо сие примечание достойно, что тогда натки и гиляки ещё ни под какую чужую власть не состояли. Гиляки владели ещё лежащим пред устьем Амура великим островом Шантаром и питались рыбною ловлею. Они-то самые те, коих Китайцы Ию-бида-дзы называют, т. е. люди, которые носят платье из рыбьей кожи».

Появление русских на севере заставило китайское правительство обратить внимание на Амур. «Походы казаков и промышленников, сопровождавшиеся часто насилием и грабежом туземцев Амурского края, ослабили *соседственных* нам китайцев. Маньчжурская династия, овладевшая Китаем, *одновременно с открытием Амура казаками*, не желала иметь подле своей родины таких беспокойных соседей, каковыми были *покорители Амура*. Китайцы нападали на казаков в их плаваниях по Амуру и Сунгари и дважды осаждали Албазин, который, наконец, после упорной в 1685–1687 гг. защиты был сдан горстью оставшихся в живых казаков многочисленному китайскому войску. После сдачи Албазина *все наши поселения, может быть нам и неизвестные*, были истреблены маньчжурами до основания вместе с жителями. Трудно определить число погибших русских людей, разбросанных на громадном пространстве Амурского края. «Пекинское правительство рассчитывало посредством многочисленного и однородного китайского элемента обеспечить себе в будущем обладание Амурскою землёю и начало поощрять китайцев к переселению в обширный Сунгарийский край и на берега Амура»².

Возникла дипломатическая переписка с Россией, вылившаяся в конце концов в форму Нерчинского трактата 1689 года, по которому «вся река Амур предоставлена была Китаю»³. Это временно остановило нашествие русских, но ненадолго. В погоне за дорогой пушниной русские предприниматели за свой счёт снаряжали экспедиции, продолжали плавать по Амуру и даже доходили вниз до гиляков.

Уссурийский же край всё время оставался в стороне, неведомый и неизвестный. Колонизация Маньчжурии вызвала движение китайцев и в Уссурийский край. По этому поводу Плат⁴ говорит следующее: «Как ни благосклонно императоры Маньчжурской династии не смотрели вообще на эмиграцию из Китая, переселение на север в Маньчжурию никогда не было запрещено ими. Скорее они даже благоприятствовали ему». В том же смысле высказывается и архимандрит Палладий (Дорожные заметки. С. 373). По Хюку, напротив, до императора Дао-Гуана китайцам запрещено было переселяться в Сунгарийский край и особенно возделывать там землю; только в начале царствования этого императора, вступившего на

¹ Фишер, И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочинённая на немецком языке и в собрании Академическом читанная членом С.-Петербургской академии наук и профессором древностей и истории, также членом Исторического геттингенского собрания Иоганном Эбергердом Фишером. — В С.-Петербурге : при Императорской Академии наук, 1774. — С. 477 и 623.

² Там же. — С. 3.

³ Шренк, Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. I. — С. 62.

⁴ Plath. Die Völker der Mandschurey Bd. II. — 1831. — P. 942.

престол в 1820 году, это запрещение было снято и для поддержания государственной казны продажа земель была разрешена и в руки китайцев, которые с тех пор, как хищные птицы, набросились на Сунгарийский край. Но так как Маньчжурии стал угрожать переход всех земель в руки китайцев, то правительство впоследствии снова запретило дальнейшее переселение китайцев в Маньчжурию. Однако этот закон нарушался втайне, и потому в 1844 году он был снова подтверждён¹.

Насколько недавно китайцы стали знакомиться с Сунгарийским краем и с Амурской областью, видно из записок Барабаша, который «в 1872 году застал китайские колонии между городами Баян-Сусу и Сан-Сином ещё при самом начале их возникновения. Новые пришлецы, не успевши обстроиться, помещались ещё в землянках и шалашах»².

То же самое произошло и с северо-восточной Монголией, примыкающей к Маньчжурии (150 вёрст от Харбина). Заселение китайцами этих земель было своевольное. Китайские переселенцы, вопреки запрещению правительства, за свой страх и риск арендовали здесь земли, непосредственно войдя в соглашение с коренными собственниками Монголии. В 1878 году китайское правительство, примирившись с фактом присутствия китайских колонистов на монгольских землях, дало им формальное разрешение на обработку этих земель. С этого, приблизительно, времени или немного позже дальнейшая колонизация вглубь Монголии происходит уже не путём арендования земель у монголов отдельными переселенцами, а путём покупки земли, при посредстве китайского правительства, через цицикарского цзянь-цзюня. Покупка земли производилась под видом вечной аренды, с уплатой некоторой суммы денег, в виде единовременного вознаграждения.

Первый случай захвата монгольских земель имел место в 1900 году. После занятия Сахальяна, Айгуна и прилегающих к ним окрестностей русскими войсками, китайские переселенцы двинулись к юго-западу и расположились между Цицикаром и Бодунэ.

В 1902 году в Монголии созданы были два «тина» (переселенческие округа). Затем покупка земли была произведена ещё два раза, именно в 1903 и 1904 годах по 150 000 десятин. Наконец, 3-й и последний раз, именно в 1907 году, китайским правительством приобретается ещё столько же земли, но уже в южном горлосе. Все эти земли вошли в состав Чин-ган-сена (уезда), размеры которого сделались почти равными площади 2 сяней, а недавно они переименованы в округ, во главе которого поставлен Тинь-гуань, вследствие чего эти монгольские земли вошли в состав земель Северной Маньчжурии³.

Из всего изложенного выше мы видим, что движение переселенцев из Китая к северо-западу в Монголию, к северу на Амур и к северо-востоку в Приамурский край, начавшееся в сороковых годах XIX столетия, продолжается ещё и теперь, причём китайское *правительство узнаёт об этом и начинает покровительствовать самовольным засельщикам только с 1870—1878 года.*

«Лет за 25 до посещения Амурской области Миддендорфом, китайцы впервые выставляют свои пограничные знаки на левом берегу Амура вер-

¹ Шренк, Л. И. Там же. — С. 54.

² Там же. — С. 61.

³ Сведения эти мне сообщены г. Шильниковым А. А.

стах в 60 от реки, но затем выносят их дальше на север к устью Гилюя (приток Зеи) и Меваня (приток Селимиджи), к устью Нимана (приток Буреи) и на водоразделе между реками Тугуром и Немиленом, впадающей в Амгунь. В 1638 году Китайцы на устье реки Шилки имеют капище (Гоанго и Амур здесь смешанно берутся)»¹. Нерчинский трактат упоминает только о северной границе, именно о Становом хребте, хотя пограничные знаки были поставлены китайцами значительно южнее. Из этого следует, что *китайцы совершенно не знали, где именно находится этот водораздел, и ставили знаки где попало.*

О восточных границах Империи, о местах пограничных знаков далее Амгуни и в трактате, и в китайской литературе, да и вообще, нигде не упоминается. Таким образом, и *Амурский-то край китайцы почти совсем не знали, и только появление в этой стране русских заставило их обратить на неё своё внимание. Уссурийский же край находился в стороне, и о нём китайцы знали ещё меньше, чем об Амурской области,* пока не появились Невельской и Завойко со своими кораблями.

Позже, именно в шестидесятых годах прошлого столетия, академик Шренк видел два маньчжурских поста на реке Уссури. Он пишет: «Один посещённый мною находился в гольдской деревне „Джоада“, на нижнем течении реки; другой „Шань-ен“ на левом берегу, как раз против впадения реки Имы (Имана). В последнем из них постоянно живёт несколько маньчжурских чиновников для сбора податей с туземцев верхней Уссури (в направлении к оз. Ханка)². Впрочем, поездки свои к ним, с означенной целью, они совершают лишь изредка, да и то лишь до известного места, потому что *выше устья Сунгари, и особенно между устьями рек Кубурхе и Нинту (или Науту) тянется довольно пустынная местность, составляющая, кажется, фактическую границу маньчжурского господства на Уссури. По крайней мере, живущих далее вверх по реке Уссури китайцев они более не тревожат*³. Наконец, последний постоянный пост маньчжурских чиновников на нижнем Амуре находился в гольдской деревне Мыльки, на расстоянии нескольких дней пути вверх от устья Горина. *Дальше книзу среди Ольчей и Гиляков нижнего Амура, равно как и у орочей по морскому берегу, в моё время не было ни маньчжурских постов, ни постоянно живущих тут чиновников. Мало того, туда не приезжали маньчжурские чиновники даже на время для сбора податей или обревизования пограничных знаков, так что этот край, как мы, впрочем, увидим ещё и ниже, пользовался, можно сказать, почти полною независимостью от Маньчжуров*⁴.

Была надежда на иезуитов миссионеров⁵, посетивших в начале XVII столетия Приамурский край по приказанию Императора Кхань-Си, что у них найдутся сведения об Уссурийском крае более подробные. Оказалось, что на восток от Уссури и на побережье моря к югу от устья Амура сами они не были и сообщают только краткие сведения, полученные ими из респросов амурских инородцев.

¹ Фишер, И. Э. Сибирская история. Изд. Импер. Акад. наук. — 1774. — С. 384.

² Маак, Р. К. Путешествие по долине р. Уссури. — С.-Петербург, 1861. — С. 11 и 36.

³ Венюков, М. И. Обзорение р. Уссури. Вест. Импер. Русск. геогр. общ. — 1859. — Ч. XXV. — Отд. II, с. 208.

⁴ Шренк, Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. I. — С. 59—60.

⁵ Regis, Jartoux, Fridelli, Gerbillion.

В 1878 году секретарь русского посольства в Пекине г. Леонтьев издал «Описание городам, доходам и прочему Китайского Государства, а при том и всем государствам, королевствам и княжествам, кои китайцам ведомы. Выбранное из китайской государственной географии, коя напечатана в Пекине на китайском языке при нынешнем хане Кянь-Луне».

В этом «Описании» (на стр. 46) мы читаем:

«Против озера Болхори — оно поворотился Амур на восток, на 48 Ду сошёлся с большою рекою Хун-тунь-гян, а на половине 48 Ду пала в Амур *большая река Усули-гян*: отсюда пошёл Амур на северо-восток и на 53 Ду пал в море. По Амуру, начав от того места, где сошёлся он с Хун-тунь-гяном, до самого моря часто стоят деревни и слободы».

Из этого описания мы видим, что из всего того, что было сведомо китайцам об Уссурийском крае и что значилось об этой стране в их государственной географии, это река Усули-гян — и только. *О землях, лежащих от неё к востоку, и о народах, там обитающих, у китайцев сведений тогда никаких не было.*

Первые китайцы, прибывшие в Уссурийский край, были искатели женьшеня. *Они появляются здесь незадолго, не более как за 30 лет, до прибытия русских*¹. Первое появление китайцев на памяти у старожилов орочей и гольдов, живущих в верхнем течении Уссури. Старики эти живы ещё и теперь. Прибытие китайцев вызвало среди орочей много толков. Это было сенсационное событие. До них дошли слухи, что с запада со стороны озера Ханка появились какие-то новые люди: не то мужчины, не то женщины, что одеты они были в длинные одежды, не имели ни усов, ни бороды, говорили на языке непонятном для них и приехали на каких-то странных животных. Это были лошади, которых никогда не видели орочи. Люди эти были первые женьшенщики.

Первые искатели женьшеня в краю не жили, и осенью, с наступлением холодов, *возвращались обратно*. Совсем недавно (*не более как за десять, за пятнадцать лет до русских*) появились первые китайцы-земледельцы. Они построили маленькую фанзочку около реки Уссури, в том месте, где теперь железнодорожный мост, и отсюда на лодках с помощью инородцев подымались по рекам в горы, опять-таки в поисках за женьшенем. Никакого оружия у них тогда не было. Две другие такие же станции были: одна у устья реки Ното (фанза Цуа-Ен) и другая около урочища Анучина на реке Даубихэ. По слухам, значительно позже две фанзы появились и на берегу моря в бухте Мэа (Владивосток)². Фанзы эти были станциями, куда весной стекались манзы-искатели. С тех пор китайцы прибывают в край всё больше и больше. За женьшенщиками пришли соболевщики и звероловы, а вслед за ними появились и земледельцы. Они потеснили инородцев, и эти последние отошли в глубь страны и на север.

Как казаки в Запорожскую Сечь, так и в Уссурийский край шли китайцы. Это были или преступники, которые спасались от наказаний и бежали

¹ Г. Браиловский, полагая, что столкновение орочей-удэхе (у него уди́хе) с китайцами относится к XVII столетию, — впадает в ошибку. Он не различает владычества отдельных маньчжурских племён от тех китайцев, которые появились в Приамурском крае впоследствии в XIX столетии. См. его «Тазы или уди́хе», с. 53.

² Китайцы Владивосток называют Хай-шэнь-вэй, т. е. Трепанговый залив — сокращенное Вэй-цзы.

из своего государства, или такие, которые не хотели подчиняться законам Империи и желали жить в полнейшей свободе, на воле. Отсюда и название «Манцзы», что значит *полный или свободный сын*¹.

Уссурийский край никогда не был местом ссылки преступников, как это часто приходится слышать. Заключение это выведено только из того, что русские застали в нём преступный элемент. Наоборот, в литературе мы находим указание на другое действительно место ссылки: «Города Нингута и Гирин, лежащие в самом центре Сунгарийского края, а ещё более, находящийся уже за пределами собственно Маньчжурии, на Амуре, город Айгун издавна упоминаются, как места ссылки. Айгун и окрестности его кверху и книзу по Амuru имеются и в тех случаях в виду, когда речь идёт лишь просто о ссылке на Амур. Палладий называет в числе ссылочных мест Хулань, на реке того же имени, Хулунь-Буир и особенно Цицикар, куда высылаются наибольшее число преступников и притом самых тяжких»².

*Уссурийский и Амурский край получал своё китайское население уже из вторых рук — с побережий Сунгари и его притоков, из областей, непосредственно к ним примыкающих. Это были самовольные засельщики — «люди, не знавшие семейного очага и на родине ведшие бездомную жизнь бродяг, бедные работники и подёнщики, особенно же всякого рода негодяи, подозрительные личности, преступники, беглые и тому подобный сброд. Они понятным образом в полной свободе и беззаконности, в отсутствии там всякого надзора и контроля, находили особенную для себя выгоду»*³. Эти беглые не могли возвратиться назад на родину, не могли вернуться и на Сунгари, потому что там их ждала кровавая расплата за побег. Китайцы уходили в глубину гор и лесов, стараясь всячески укрыться от русских. Этим объясняются случаи смертной казни тех безбилетных китайцев, которых русские власти при задержании отправляли в Маньчжурию в распоряжение китайского правительства.

Китайцы, вообще, плохо знали страну, и если и смотрели на неё, как на принадлежащую к Китайской империи, то так же, как они смотрели и на все окружающие их страны и народы (в том числе и на русских), которых они считали своими вассалами и требовали от них дани.

Вот почему и Невельской так легко — без одного выстрела — захватил весь Уссурийский край от Амuru до Владивостока. «Поднявшись по Амuru от его устья вёрст на сто, Невельской встретил маньчжур и от них самих узнал, что в нижнее течение Амuru китайские купцы спускаются самовольно, далее они сообщали ему, что *на всём пространстве по нижнему Амuru и к югу от него нет ни одного китайского поста и что все инородцы нижнего Амuru и по реке Уссури не подвластны Китаю и дани никому не платят*. Последнее обстоятельство дало окончательный толчок решению Невельского, и 1-го августа 1860 года великий акт присоединения Приамурского края совершился. Новый пост в устье Амuru назван Николаевским»⁴.

Начавшиеся дипломатические переговоры о присоединении нового края к России *дали китайцам мысль*, что они имеют право на эту землю и

¹ Е. А. Фёдоров полагает, что слово «манцзы» означает «выходец из Маньчжурии».

² Шренк, Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. I. — С. 64.

³ Усольцев. Заханкайский край. Морск. Сборн. — 1864. — № 6. — С. 190.

⁴ Жданко, М. Памяти адмирала Геннадия Ивановича Невельского. — 1908. — С. 13 и 14.

потому могут воспрепятствовать русским. *Но отсутствие твёрдой уверенности*, что край принадлежит им, исключило какие бы то ни было осложнения со стороны Китая, и потому 2 ноября 1860 года по Пекинскому договору Уссурийская окраина была окончательно присоединена к России. Но ещё раньше, месяца за три, именно «20 июня 1860 г. на военном транспорте „Маньчжур” прибыла в бухту Мэа (Владивосток) команда в 40 человек нижних чинов под начальством прапорщика Комарова. С этого времени во Владивостоке постоянно уже находился военный пост»¹.

Мало-помалу китайское население Уссурийского края увеличивалось всё более и более. Те, которые не были беглыми преступниками из Сунгарийского района и могли вернуться в Китай, возвращались назад и рассказывали у себя на родине о неистощимых богатствах страны и о жизни на свободе. Эти рассказы разжигали любопытство, и новые толпы искателей приключений шли в неведомую страну за новым счастьем. Самое блестящее подтверждение того, что китайцы в Уссурийском крае появились недавно, мы находим в законах китайских организаций «Гуань и Хуэй», о которых впоследствии я буду говорить подробнее. Законы эти помечены годами 1893, 1896 и 1898-й. Эти цифры свидетельствуют о том, что *только в конце XIX века манзовское местное население увеличилось настолько, что явилась потребность в организации самоуправления, совершенно независимого от Китая.*

О том, что пекинское правительство не знало о самовольных китайских засельщиках в Уссурийском крае, видно из ст. 1-й Пекинского договора, где сказано: «Если бы в Уссурийской стране оказались бы поселения китайских подданных, то русское правительство обязуется оставить их на тех местах и дозволить им по-прежнему заниматься рыбными и звериными промыслами». Это — «если бы, оказались бы» и т. д. — свидетельствует о том, что *правительство Поднебесной империи не было уверено, живут здесь китайцы или нет.* И это его неведение является в то время, когда в Уссурийском крае начинают уже создаваться правильные политические организации «Гуань-и-Хуэй».

Самыми первыми переселенцами в Уссурийский край были крестьяне из Пермской губернии. В 1859 году их привезли морем в залив Св. Ольги и высадили на берег. Часть их поселилась тут же около моря, образовав деревню Новинку, а часть перешла на реку Вай-фудин, которую они называли Аввакумовкой. Эта вторая деревня названа была по имени реки Фуудином, а впоследствии переименована в Веткино.

Частые и сильные наводнения заставили многих переселенцев в 1862 году бросить Новинку и перейти на реку Аввакумовку. То же самое произошло и с деревней Фудин. Жители её недолго сидели на одном месте и в 1864 году переселились отчасти в село Шкотово на реку Майхэ, отчасти ближе к морю и образовали новую деревню Пермскую. Эти старожилы говорят, что когда они приехали сюда, то к югу от залива Св. Ольги на реке Ванчин и Пхусуне были уже небольшие китайские поселения, а на реке Аввакумовке они застали одних только орочей-тазов. Эти тазы, хотя и жили в фанзах, но носили две косы и серьги в ушах и одевались в свою национальную пёструю одежду, сшитую из китайской синей дабы или из зве-

¹ Надаров, И. П. Материалы по изучению Уссурийского края. — 1887. — С. 91.

ровых шкур и рыбьей кожи. У всех женщин в носу были кольца. Китайцев на реке Аввакумовке тогда не было вовсе, только у тазов в фанзах жило два старика маньчжура: «Хо-ро-ши и Ли-вен-тин». Китайские колонисты двигались с юга, со стороны Сучана и Судзухэ. *Лет через десять после прибытия русских китайцы дошли до реки Аввакумовки*, и вскоре фанзы их появились и на реке Тадушу. Далее на север по побережью моря китайцы проникли ещё позже. Так, на реке Тютихэ они появились лет двадцать тому назад, на Такэме — лет десять и, наконец, около мыса Олимпиады совсем недавно — не более четырёх-пяти лет.

Таким образом, мы можем по годам, шаг за шагом, проследить китайскую колонизацию в Уссурийском крае.

Одни из первых переселенцев в Уссурийский край были староверы. Они сначала жили на Амуре около озера Петропавловского, а потом перебирались на реку Даубихэ и на реку Улахэ, где и основали деревни Петропавловку и Каменку. Первый раз по прибытии в эти места *они застали здесь одни только зверовые фанзы с небольшими около них огородами*. Эти фанзы, смотря по времени года, навещались то соболевщиками, то искателями женьшеня. *Только в начале семидесятых годов китайцы как будто остаются здесь уже на постоянное жительство, начинают возделывать землю и сеять пшеницу, кукурузу и чумизу*. Настоящие же колонисты-земледельцы появляются в Уссурийском крае не более пятидесяти лет тому назад.

Колонизация Приамурья шла не только сухопутным путём со стороны Сунгари, но и морским путём со стороны Хунчуна. В начале прошлого столетия хунчунские маньчжуры уже занимались морскими промыслами в водах залива Петра Великого. Однако *их парусные лодки на восток дальше залива Америки не заходили*. В 1831 году весной в залив Св. Ольги, не имеющий ещё тогда русского названия, впервые прибыло шесть лодок под начальством маньчжура Сале-Киа. Здесь на берегу моря пришельцы построили две фанзы. В 50-х годах мы находим тут уже целый посёлок «Ши-Мынь», что по-китайски значит «Каменные ворота». Действительно, в 100 сажнях от селения на северо-восток есть такие ворота, как результат размыва берега морским прибоем. *Преобладающий элемент населения Ши-мынь были маньчжуры. Китайцы, главным образом, выходцы из Шандуня, являлись только единичными личностями*. Прибывшие впоследствии русские узкий проход в заливе Св. Ольги, мель и находящуюся тут же поблизости песчаную косу назвали «Кошкой», а так как маньчжурский посёлок находился тут же рядом, то впоследствии и за ним укрепилось это название.

В то время, когда Владивостока ещё не существовало, а военный порт предполагалось перенести из города Николаевска в залив Св. Ольги, Ши-мынь был уже главным китайским торговым пунктом в Уссурийском крае. Здесь в массе добывалась морская капуста, ловились трепанги, крабы, морские гребешки и другие моллюски, о чём ниже я буду говорить подробнее. «Во главе дела тогда стояли крупные торговые фирмы из ближайших портов Китая, Чифу и Циндао. Маньчжуры им были нужны как рабочая сила и как люди, с детства привыкшие к морю. Уходившие на морские промыслы из Хунчуна выбирали от чжифу (начальник уезда, он же цзо-лин — начальник знамени) разрешительные отпускные свидетельства, уплачивая за каждое из них по 2 дяо.

Население хунчунского округа всё состоит из знаменных маньчжур, обязанных быть всегда в рядах войск безо всяких льгот. Этим обстоятельством и объясняется строгий учёт выбывающих на промыслы»¹.

Ежегодно с наступлением весны целые флотилии парусных лодок направлялись к заливу Св. Ольги. По свидетельству старожилов, таких лодок приходило от 500 до 800. Все они были одного типа, — это были парусные долблённые челноки, выкрашенные в чёрную краску. В пути и на местах промыслов всем руководили самые опытные мореходы, морские старшины (хэй-ба-тоу), которые и являлись ответчиками перед хунчунским чжифу за взятых людей по количеству.

Кроме маньчжурских лодок в Ши-мынь приходило много шаланд и больших кораблей. Всё это нагружалось дарами моря в количестве многих сотен тысяч пудов и увозилось в Чифу и Циндао. С уходом судов жизнь на Кошке замирала. Но вот наступала новая весна — приближалось время возвращения лодок. Особо назначенные сторожевые с высокой горы наблюдали за морем, не покажется ли флотилия? Наконец желанный день наставал. Лодки приходили всегда в одно и то же время, под командой одних и тех же старшин, привозили новости и новых колонистов, привозили в плетёных тулзах масло, ханшин, холст, вату, табак, сахар, чай, соль и другие предметы.

В это время китайцы охотники и звероловы, живущие в бассейне реки Уссури, вьючным порядком целыми караванами перебирались через Сихотэ-Алинь и привозили с собою собольи меха, панты и корни женьшеня. Здесь они продавали их купцам и здесь же в обмен получали от них товары и снова тою же дорогою возвращались на Уссури обратно.

Когда же порт из Николаевска был перенесён во Владивосток, Пост Св. Ольги начал падать, а с проведением Уссурийской железной дороги он окончательно утратил своё значение. Манцзы перестали совершать сюда свои путешествия, тропа стала зарастать, и в настоящее время только старики китайцы могут указать, где она проходила.

Итак, мы видим, что, *как только русские появились в устье Амура, в заливе Св. Ольги и в бухте Мэа, китайцы тоже обращают свои взоры к берегам Великого океана, и тогда только узнают об истинном протяжении Уссурийского края.* Не может быть, конечно, чтобы китайцы не знали вообще о существовании земель к востоку от Уссури, но сведения эти были у них ещё слабее, ещё неопределённее, чем о местностях, лежащих к северу от Амура. *Только с 1872 года в Уссурийский край начинают приезжать китайские чиновники.* Цель их посещений — ознакомление со страной и главным образом с ее населением. Так продолжалось 12 лет. Ещё в 1895 году китайский чиновник из города Нингугу поднимался вверх по реке Уссури и реке Улахэ до Ното. Здесь на столбе он в последний раз вывесил объявление о том, что всё китайское и инородческое население Уссурийского края подвластно императору Великой Поднебесной империи.

Все эти исторические факты с непостижимой ясностью свидетельствуют нам, что, когда китайцы пришли на Амур, там были уже русские. Тогда казаки с инородцев для русской казны собирали ясак и имели здесь многие опорные пункты в виде разных постов, земляных укреплений и города

¹ Эти сведения мною получены от г. Шильникова в 1911 г.

Албазина. А потому начало российского владычества в Приамурском крае надо считать не с 1859 года — года административного присоединения края, а с начала XVII столетия, т. е. со времени фактического владычества русских на Амуре.

Транскрипция географических названий

Рассматривая карту Уссурийского края, мы замечаем, что китайскими названиями пестрит только южная её часть, долина реки Уссури и низовья её правых притоков. Вся же центральная часть страны и в особенности к северу от рек Хора и Самарги до Амура имеет названия исключительно туземные — ороцкие и гольдские. Здесь нет даже и маньчжурских названий. Из этого мы вправе заключить, что *в северной части Уссурийского края никогда не было ни маньчжур, ни китайцев*¹.

Затем на побережье моря китайские названия имеются только в Посетском районе, в заливе Петра Великого и распространяются на восток реки до Судзухэ, затем они становятся реже и у мыса Поворотного совсем исчезают. Отсюда к северу все мысы, все заливы и бухты — всё окрещено русскими. Оно и понятно — *первые мореплаватели, появившиеся в проливе Невельского, были не китайцы, а русские*.

Да и самый-то залив Петра Великого своими китайскими названиями обязан не китайскому правительству, а хунчунским маньчжурам, занимавшимся в этих местах морскими промыслами. Но так как в Зауссурийском крае (не на берегу моря, а дальше в глубь материка — на твёрдой земле) китайских названий всё же очень много, то позволительно будет допустить, что китайские колонисты двигались сюда не морским путём, а сухопутным.

Нужно отдать китайцам справедливость, что названия свои они давали очень метко. Уже по самому названию можно приблизительно было сказать, чем замечательна та или иная местность или куда течёт река, какой зверь держится в тайге и т. д. Русские, переселившиеся сюда впоследствии, большей частью удержали китайские названия, повторяли их, сильно искажая и совершенно не понимая их значения. Получилась невозможная путаница, разобраться в которой теперь очень затруднительно, а во многих случаях даже совсем невозможно. Это затруднение увеличивается ещё и тем обстоятельством, что китайцы по прибытии в край сами застали много туземных названий, которые они тоже переделали по-своему (например: Амба, Бира, Адими, Себучар, Шамара, Каимбэ и т. д.).

¹ П р и м е ч а н и е к стр. 55 (издание 1914 года, глава «Транскрипция географических названий». — *Ред.*). Когда уже была напечатана эта глава, Генерального штаба полковник Тихменев прислал в дар Гродековскому музею Приамурского отдела Императорского Русского географического общества старинные карты Маньчжурии, Уссурийского края, Сахалина и Амурской области. Съёмки эти были произведены в 1857 году, в бытность его покойного отца первым губернатором Приморской области, генералом Тихменевым.

Рассматривая эти карты, мы видим, что в то время в Уссурийском крае названия всех рек, урочищ, гор, стойбищ и т. д. — были исключительно маньчжурскими и ни одного названия нет китайского. Так, например, река Хор называется Хоре-Бира, река Иман значится под названием Ниман-Бира, Суйфун — Фурданы-Бира, Хунгари — Хачгарула, Усури — Усури-Ула, Бикин — Бишень-Бира и т. д. Из этого мы вправе заключить, что в 1857 году китайцев в Уссурийском крае было ещё так мало и были они там так недавно, что не могли маньчжурские географические названия заменить своими китайскими. Эта замена произошла значительно позже.

К некоторым из этих названий китайцы прибавили свою частицу Хэ, например, Ула-хэ, Ула — по-маньчжурски означает нарицательное «река», Хэ — тоже означает реку по-китайски и получилось в переводе что-то странное «река — река».

Уссурийский край китайцы называют Дун-дзянь-шань (буква *я* произносится с сильным оттенком буквы *е*, а буква *ш* со слабым оттенком буквы *с*). Буквальный перевод китайских иероглифов будет «Восточные острые горы». Иногда вместо Дзянь китайцы говорят Да (Дунь-Да-Шань), что означает «Восточные большие горы».

Эти оба названия связаны прежде всего с представлением о стране, в которой горный характер выражен весьма интенсивно. Резкий переход от равнинной Маньчжурии и от равнин, что у озера Ханка, к стране, которая как бы наполнена горами, впервые поразил китайцев. Слабый ум простонародья сейчас же объяснил это по-своему, сверхъестественно. На страницах китайской мифологии мы находим сказание о великане Ян-эр-лан, который кнутом изгонял горы из Маньчжурии. Горы отодвигались к востоку, дошли до моря и здесь столпились на берегу Великого океана.

Местные китайцы страну также называют Усули-цзян, т. е. Большая река Усули (звук *р* заменён звуком *л*). Земли, лежащие к востоку от главного водораздела, т. е. прибрежный район Зауссурийского края, китайцы называют Хай-янь (читай Хай-ен без твёрдого и мягкого знака), что значит «Морское побережье».

Водораздел, отделяющий Зауссурийский край от бассейна Усури, на картах назван Сихотэ-Алинем. Название это маньчжурское и, вероятно, будет истинным. Местные китайские охотники называют его Си-хо-та-Линь и по-своему производят его от слов Си — запад, Хо (хэ) — река, Та (Да) — большой, Линь — хребет. При таких иероглифах перевод будет: «Западных больших рек хребет». И действительно, к западу текут такие реки, как Хор, Бикин, Иман, Ното и Улахэ. Реки прибрежного бассейна несравненно меньше. Иногда китайцы называют Сихотэ-Алинь другим именем, например, Лао-

Линь, что означает «Старый перевал», в смысле «седой, древний», Да-лин, т. е. «Большой перевал». По-гольдски он будет Цзуб-Гын, а орочи его называют Сагды-Цзу. То и другое название значит то же самое, что и Да-лин.

Первые русские, прибывшие в залив Св. Ольги в 1859 году, познакомившись впервые с Сихотэ-Алинем, назвали его «*Проходной Рубец*». Это название, впрочем, не удержалось и исчезло вместе со смертью первых наших засельщиков. В настоящее время всё русское население Приамурского края знает Сихотэ-Алинь под его истинным названием.

Китайцы в Уссурийском крае (маньчзы)
Chinois habitant la région de l'Oussouri (mantzi)

Русское название	Географическое местоположение	Сохранившееся ино-родческое название	Китайское название	Объяснения названий (перевод)
Ташанмоу	Около с. Шкотова на р. Цимухэ	—	Да-шань-мао	Большая гора наподобие жернового камня
Цамодынза	В Южн. Уссур. крае	—	Цао-Мао-дин-цзы	Верхушка горы наподобие соломенной шляпы
Кулунзуйза	На берегу моря близ мыса Белкина, к югу от него	Сангасу	Ку-лун-чжуй-цзы	Отверстие в камне — Береговые ворота
Тадяньшань	Хребет, отделяющий рр. Даубихэ и Улахэ от прибрежного бассейна	—	Да-цзянь-шань	Большие остроконечные горы
Чинчинлаза	Гора в долине р. Такунчи (приток р. Такэмы)	—	Цзин-ила-цзы	Золотая одинокая скала
Тудинза	Этих названий много по всему краю	—	Ту-дин-цзы	Земляная макушка горы ²
Вамбазоза	Местность между сел. Шкотовым и бухтой Тавайза	—	Ван-ба-бо-цзы	Черепашье горло — перешеек (длинная седловина), соединяющий две горы, из которых одна большая, другая маленькая, напоминающие туловище и голову черепахи
Императорская гавань	Пролив Невельского 49° сев. широты	Хади	Ин-бень-ла-цзы	Неудачная транскрипция русского слова «Императорская»
Сунгари	Правый большой приток р. Амура	—	Сун-хуа-цзян	Река сосновых шишек. Место, где постоянно бывает урожай кедровых орехов
Ханка оз.	45° сев. широты и 102° вост. долготы	—	Син-кай-ху	Транскрипция слов озеро, процветание, благоденствие
Амур	Амурская область	Ямур	Хэй-лун-цзян	Река чёрного дракона
Нанча	Таких названий много по всему краю	—	Нан-ча	Южная } место сли- развиллина, } яния двух Северная } рек одина- развиллина } ковой ве- личины
Бэйча	То же	—	Бэй-ча	

² Большая часть гор состоит из каменистых россыпей. Земляные вершины среди них встречаются как исключения.

Русское название	Географическое местоположение	Сохранившееся ино-родческое название	Китайское название	Объяснения названий (перевод)
Ентулаза	То же	—	Янь-тун-ла-цзы	Трубчатая скала
Чимухе	То же	—	Ци-ма-хэ	Река, позволяющая переезжать через броды верхом
Тудагоу	То же	—	Тоу-дао-гоу	Первая Большая падь ³
Эрдагоу	То же	—	Эр-дао-гоу	Вторая »
Сандагоу	То же	—	Сан-дао-гоу	Третья »
Сыдагоу	То же	—	Сы-дао-гоу	Четвёртая »
Тунца	То же	—	Дун-ча	Восточная развилина
Сица	То же	—	Си-ча	Западная »
Синанца	То же	—	Си-нань-ча	Юго-Западная »
Дунанца	То же	—	Дун-нань-ча	Юго-Восточная »
Татунгоу	То же	—	Да-дун-гоу	Большая восточная падь
Сибегоу	То же	—	Си-бэй-гоу	Северо-Западная падь
Хычазагоу	То же	—	Хэй-ся-цзы-гоу	Медвежья долина
Иман	Приток р. Уссури	Има́(на)	Има-хэ	Транскрипция оро-ского слова Има-на, означающего «снег»
Сяньшихеза	Приток р. Имана	—	Сян-шуй-хе-цзы	Гремящий (журчащий) ключ
Инцухе	То же	—	Ин-цзы-хэ	Серебряная речка — месторождение серебряной руды
Бикин	Приток р. Уссури	Бики́	Дизинь-хэ	Река острой горы
Хор	То же	Ху ⁴	Мань-ю-хэ	Бычья река
Суйфун	В Южно-Уссур. крае река, впадающая в Амурский залив	—	Суй-фын	Транскрипция слов — вода и ветер
Лифу	Река, текущая в озеро Ханка	—	Ле-фу-хэ	Охотничья река, т. е. река, где есть хорошая охота на зверя
Майхэ	Река, впадающая в Уссурийский залив	—	Ма-и-хэ	Пшеничная река — место хороших урожаев пшеницы
Шамара	Река на полуострове Мурав.-Амурском	Самара	Са-ма-ла	Неудачная транскрипция маньчжурского слова Самала (Большая деревянная чаша)

³ Местное название долины — падь, распадок.

⁴ По-гольдски — Пор.

Русское название	Географическое местоположение	Сохранившееся ино-родческое название	Китайское название	Объяснения названий (перевод)
Сучан	Река, впадающая в зал. Америку	—	Су-чэн	Транскрипция: Су — пахучее растение, чэн — крепость, городище
Судзухе	Восточнее р. Сучана	—	Шу цзу-хэ	Река кедрового леса. Действительно, вся долина ранее была покрыта густыми смешанными лесами
Таухе	Смотр. мыс Поворотный	Сагды-угу	Да-у-хэ	Большая пятая река
Сяухе	Тоже рядом	Угу	Сяо-у-хэ	Малая »
Ямбатагоу	Около р. Судзухэ	—	Юань-бао-да-гоу	Большая падь серебряного слитка. Сказание говорит, что здесь зарыт в землю клад в виде большого куска серебра
Лифанхе	Смотр. р. Тадушу	—	Лэй-фын-хэ	Грозовая река. Здесь молнией разбило большой дуб
Лисягоу	Приток р. Тадушу	—	Ли-ся-гоу	Грушевая падь, названная так по причине растущей в изобилии дикой груши
Пхусун	Южнее зал. Св. Ольги	—	Пу-сун	Транскрипция Пу — тростник, Сун — сосна
Пауго	Приток Фудзина, смотр. р. Улахэ	—	Пау-гоу	Козья долина — в этих местах ранее держалось много диких коз
Квандагоу	Приток р. Тадушу	Угу	Гуань-да-гоу	Чиновничья большая падь. Здесь была резиденция маньчжурского чиновника — следы городища видны и по сие время
Тадушу (она же Лифуле)	Река около зал. Св. Владимира, к северу от него	Уги	Да-цзо-шу	Большой дуб. Дуб этот впоследствии был разбит молнией — см. назв. реки Лифуле
Ван-гоу	Приток р. Тютихе	—	Ван-гоу	Княжеская падь. Здесь сохранились следы древнего городища
Динзахэ	Приток р. Тадушу	—	Цзинь-цзы-хэ	Золотая речка — ранее здесь китайцы мыли золото

Русское название	Географическое местоположение	Сохранившееся инородческое название	Китайское название	Объяснения названий (перевод)
Тапоуза	Река около зал. Св. Владимира	Каия	Да-пао-цзы	Большой пруд — лагуна. В прежнее время в лагуну эту охотники при помощи собак загоняли много оленей и били их с лодки
Хулуай	Река, впадающая в зал. Св. Владимира	—	Ху-лу-вай	Залив, похожий на «Хулу» (круглый съедобный плод)
Сёхобе	Река около зал. Джигит	—	Сюэ-хуа-бе	Снежная падь — обыкновенно в этом месте снег выпадает раньше, чем в других местах
Билембее	Южнее бухты Терней	Били	Бин-лян-бе	Транскрипция слов «волна и лёд»
Ли-Фудин	Приток р. Фудина (бассейн Улахэ)	Фуди	Ли-фу-цин	Река Фудзин — внутренне-го бассейна Фудзин — неправильная транскрипция ороц. слова «Фуди»
Ваифудин	Река, впадающая в залив Св. Ольги	—	Вай-фу-цин	
Лутангоу	Залив Джигит — приток р. Иодзыхэ	—	Лу-тан-гоу	Долина пруда, заросш. камышом. Такой пруд действительно имеется и по сие время
Мулумбе	Сев. зал. Джигит	Мули	Му-лу-бе	Транскрипция слов му — самка, лу — изюбрь, бе — яма. Действительно, в этих местах всегда держатся матки изюбрей с телятами. Местность болотистая, топкая, в торфяниках много ям с водой
Мутуха	Зал. Опричник	Цауги	Му-чжу-хэ	Свиная река. В этих местах постоянно держатся кабаны
Самарги	Около мыса Золотого	Дата	У-ми-да-гоу	Скрытая туманом долина. Со стороны моря во время дождей и туманов часто ни долины, ни реки не видно

Русское название	Географическое местоположение	Сохранившееся инородческое название	Китайское название	Объяснения названий (перевод)
Тумнин	Близ мыса Лессепс-Дата	Дата	Ту-ми-да-гоу	Скрытая пылью падь. Транскрипция слова «Тумнин»
Прямая падь	Приток р. Тютихэ	—	Инь-цзы-ла-цзы-гоу	Долина серебряной скалы. Место рождения серебро-свинцовой руды
Иовзыха	Зал. Джигит	Эньги	Яо-цзы-хэ	Водоворотная река. Здесь много потонуло китайцев
Кусун	Река около мыса Максимова	Куи (Куги)	Кусун-гоу	Падь сухой сосны. Место пожарища
Такунчи	Приток р. Такэмы	—	Да-кун-чи	Большая трубчатая гора
Сяо-кунчи	То же	—	Сяо-кун-чи	Малая трубчатая гора
Санхобе	Река, впадающая в бухту Терней	Сэнкэ	Сань-хэ-бе	Долина трёх речек. Низовья Санхобэ действительно слагаются из трёх рек Тунцы, Сицы и Вандагоу
Уленгоу	Приток р. Кусуна	—	У-лун-гоу	Падь пяти драконов. Основано на сказаниях инородцев, что в этих местах живёт пять больших змей
Кулунбе	Река около мыса Большева	Куля	Ку-лун-бе	Долина с ямами. Низина долины изрыта водою
Секошу	Река прибрежного бассейна	—	Сяо-кэ-шу	Малое деревце. Долинка покрыта низкой порослью
Тавайза	К северу от бухты Терней	Омуksi	Да-вай-цзы	Большой залив
Юшангоу	Приток р. Тадушу	—	Юй-чань-цзы-гоу	Долина, где в реке собирается много рыбы
Хандахеза	Приток р. Иодзыхе	—	Хань-да-хэ-цзы	Неудачная транскрипция маньчжурского слова Кань-да-ган (Лось). Река, где много держится сохатых
Даубихэ	Приток р. Уссури	—	Дао-бин-хэ	Транскрипция слов «меч, сражение, солдат»
Тетюха	Река между бухтою Терней и зал. Св. Владимира	Но-гу-ле	Чжу-чи-хэ	Река злых свиней. Название это дано потому, что случайно в разное время три охотника смертельно были изранены кабанами

Китайцы-земледельцы

В Уссурийском крае китайцы расселились главным образом в Посьетском районе, около озера Ханка, в Сучанском районе (по рекам Майхэ, Цимухэ, Сучану и Судзухэ), в верховьях реки Уссури (по долинам рек Даубихэ, Улахэ, Ното и Фудзину), по всему почти Иману до местности Сидатун и по долине реки Ваку, затем по реке Бикину в нижнем его течении до местности Сигоу и Цамодынза, по реке Хору в его низовьях до Табандо, по обоим берегам реки Уссури, особенно около устья Имана и в Зауссурийском крае, узкою полосой по берегу моря до мыса Гиляк.

На схеме, приложенной в конце этой книги, розовою краской указаны районы, где вообще живут китайцы, занимающиеся земледелием.

Установить точную цифру китайского населения в Уссурийском крае положительно невозможно, так как она постоянно колеблется в зависимости от времени года и от других причин, заставляющих китайцев кочевать с одного места на другое. С наступлением осени вся тайга сплошь наводняется манзами-соболевщиками. Они приезжают сюда не только из Владивостока, Никольска и Хабаровска, но даже и из Китая.

Надо полагать, что осенью приезд китайцев в Уссурийский край к их отъезду на родину в это время относится как 10 к 2.

Особенно бродячий элемент представляют из себя рабочие-манзы. Нанимаясь то здесь, то там, они всё время переходят от одного хозяина к другому и потому постоянного жительства не имеют.

По статистике г. Надарова, в 1861–1865 годах китайцев в Уссурийском крае насчитывалось только 870 человек¹. По районам они распределились следующим образом:

№№	Районы	Количество фанз	Численность китайск. нас.
1	Уссурийский	18	28
2	Ханкайский	97	350
3	Суйфунский	40	71
4	Сучанский	112	274
5	Аввакумовский	74	157
	Итого	341	870

Через пять лет, именно в 1870 году, местное манзовское население увеличилось вдвое².

№№	Районы	Численность
1	Уссурийский	208
2	Ханкайский	886
3	Суйфунский	142
4	Сучанский	267
5	Аввакумовский	294
	Итого	1 797 человек

¹ Надаров, И. П. Материалы по изучению Уссурийского края. — 1887. — С. 119. — Сборн. главн. офиц. документ. по управл. Восточ. Сиб., т. 5.

² Алябьев. Далёкая Россия, Уссурийский край. — С. 112.

В 1880 году эта последняя цифра *увеличилась ещё в четыре раза*. В Уссурийском крае насчитывалось уже около 7 000 китайцев¹.

№№	Районы	Количество фанз	Численность
1	Уссурийский	82	128
2	Ханкайский	322	2 162
3	Суйфунский	280	1 909
4	Сучанский	334	1 819
5	Аввакумовский	150	610
	Итого	1 168	6 628 человек

К этому приблизительно времени (1888 год) Назаров в Амурской области (на левом берегу Амура) насчитывал китайских фанз 1 266 с населением в 13 923 человека².

Максимальный наплыв китайцев в Уссурийский край был в период с 1895 по 1905 год. После русско-японской войны значительная часть уссурийских манз уехала на родину. До них дошли слухи, что в Маньчжурии многие города и деревни разрушены и что много китайцев погибло во время сражений и беспорядков. Они решили съездить домой, навестить своих родственников, узнать, что с ними случилось, и устроить свои дела. В силу этого обстоятельства 1904–1905 годы были для земледельцев-китайцев очень тяжёлыми. Невозможно было найти рабочих ни за какую плату даже для сбора опия. На плантациях многие маковые растения так и остались на корню совершенно неиспользованными. Однако с 1906 года эмиграция китайцев в пределы Уссурийского края снова начинает возрастать.

В 1910 и 1911 годах в одной только южной части Ольгинского уезда было свыше 5 000 человек китайцев³.

По волостям манзовское население распределилось там следующим образом:

№№	Волости	Число фанз	Численность населения
1	Новолитовская	19	89
2	Цимухинская	174	1 019
3	Петровская	149	778
4	Сучанская	89	702
5	Фроловская	30	98
6	Новонежинская	96	197
7	Маргаритовская до зал. Св. Ольги	94	609
8	Киевская	73	288
	Итого	724	3 780

Примечание. В эту ведомость не вошло китайское население по реке Аввакумовке и к северу от залива Св. Ольги, районы, также составляющие Маргаритовскую волость Ольгинского уезда.

¹ Назаров, И. П. Материалы по изучению Уссурийского края. — 1887. — С. 119. — Сборн. главн. офиц. документ. по управл. Восточ. Сиб., т. 5.

² Назаров. Сборник глав. офиц. документов по управл. Восточ. Сибирью. — 1883. — Т. 4. — С. 39.

³ Статистика произведена г-ном Шильниковым в 1911 году.

Приблизительно в те же годы (1906–1909 годы) в Зауссурийском крае к северу от залива Св. Ольги китайское население исчислялось в 4 570 человек и по долинам рек оно распределялось следующим образом:

Название реки	Название посёлка или деревни	Число фанз	Число жителей				Когда собраны сведения
			мужчин	женщин	детей	всего	
зал. Св. Ольги	Кошка	32	246	1	2	249	1906 г.
р. Аввакумовка	Пермская	1	12	—	—	12	»
—	Вай-фудин	25	229	—	—	229	»
р. Арзамазовка	—	4	31	—	—	31	»
р. Касафунова	—	1	13	—	—	13	»
р. Хулуай	Хулуай	2	18	—	—	18	»
р. Лисягоу	Лисягоу	1	14	—	—	14	»
р. Тадушу	Тадушу	79	624	1	1	626	1906 г.
р. Вангоу	—	1	14	—	—	14	»
р. Вандагоу	—	1	11	—	—	11	»
р. Тютихэ	Инз-Лаза-Гоу	3	22	—	—	22	»
»	Тютихэ	32	301	—	—	301	»
р. Аохобэ	Аохобэ	18	99	—	—	99	»
р. Мутухэ	Мутухэ	2	10	—	—	10	»
р. Сехобэ	Сехобэ	1	8	—	—	8	»
р. Иодзыхэ	Иодзыхэ	65	720	1	3	724	»
р. Синанца	Лудева	1	9	—	—	9	»
р. Лугангоу	Лугангоу	1	4	—	—	4	»
р. Каимбэ	Каимбэ	1	3	—	—	3	»
р. Санхобэ	Санхобэ	38	232	1	—	233	»
р. Тавайза-Адими́л	Дун-Тавайза	1	11	—	—	11	1907 г.
р. Белимбеэ	Белимбеэ	1	2	—	—	2	»
р. Сяо-Кэма	Сяо-Кэма	2	23	—	—	23	»
р. Такэма	Тахэма	44	264	—	—	264	»
р. Амагу	Амагу	1	13	—	—	13	»
р. Кусун	Кусун	12	84	—	—	84	»
р. Нахтоху	Нахтоху	1	4	—	—	4	»
Императорская гавань	Лесная Концессия	—	18	—	—	18	1908 г.
р. Тумнин	Прииск золот. Павлова	—	1 511	—	—	1 511	1909 г.
	Итого	371	4 550	4	6	4 560	

Примечание. В эту статистику не вошло всё побережье к югу от залива Св. Ольги: Засучанье, река Судзхэ, вся южная часть Южно-Уссурийского края, долина реки Суйфуна и Посьетский район.

В 1906, 1907 и 1908 годах китайское население в верхних притоках реки Усури выражалось в следующих цифрах:

Название реки	Название посёлка	Число фанз	Число жителей				Время сбора сведений
			мужчин	женщин	детей	всего	
р. Ли-фудзин	Ли-фудзин	6	18	—	—	18	1906 г.
»	Сяень-Лаза	8	101	—	—	101	»
»	Иолайза	6	72	—	—	72	»
р. Фудзин	Фудзин	11	91	—	—	91	1906 г.
р. Ното	Дянь-Диши	4	40	—	—	40	»
р. Кулумбэ	Кулумбэ	4	16	—	—	16	»
р. Иман	Сидатун	13	182	—	—	182	»
	Сяохэцзыгоуцзы	3	11	—	—	11	»
	Сань-Ши-хэза	22	196	1	—	197	»
	Хозенгоу	19	179	—	—	179	»
	Вагунбэ	2	18	—	—	18	»
	Динзахэ	2	17	—	—	17	»
	Картун	42	575	3	9	587	»
	Мяолин	2	19	—	—	19	»
Паровози	—	16	—	—	16	»	
р. Бикин	Си-гоу	9	72	2	4	78	»
	Цамо-дынза	2	11	—	—	11	»
	Олон	8	91	—	—	91	»
	Хундоусу	8	114	—	—	114	»
р. Хор	Табандо	4	42	—	—	42	1908 г.
	Итого	175	1 881	6	13	1 900	

П р и м е ч а н и е. В эту статистику не вошли долины рек Улахэ и Даубихэ.

Прилив китайцев в Уссурийский край за первые 20 лет (1860–1879 годы) выразился следующими цифрами¹.

№№	Районы	1-й период 1861–1870	2-й период 1871–1879
1	Уссурийский	15	85
2	Ханкайский	448	1 364
3	Суйфунский	177	1 661
4	Сучанский	305	1 240
5	Аввакумовский	151	302
	Итого	1 096	4 652

Из этой таблицы мы видим, что эмиграция китайцев во втором периоде (1871–1879) по сравнению с первым периодом (1861–1870) увеличилась более чем в четыре раза (4,25). О движении китайского населения в городах Уссурийского края можно судить из сопоставления нижеприведённых таблиц, сообщённых мне адресными столами и полицейскими управлениями.

¹ См. там же у Надарова (1887).

1910 г.

Название городов	Зарегистрированных			Незарегистрированных, по показанию самих китайцев
	мужчин	женщин	итого	
Хабаровск	Сведений не имеется			15 000
Никольск-Уссурийский	7 211	145	7 356	10 000 чел.
Владивосток	21 970	1 191	23 161	30 000 чел.
Итого	29 181	2 336	30 517	55 000

1911 г.

Название городов	Зарегистрированных			Незарегистрированных, по показанию самих китайцев
	мужчин	женщин	итого	
Хабаровск	Сведений не имеется			7 000 чел.
Никольск-Уссурийский	8 016	162	8 178	5 000 чел.
Владивосток	21 618	2 017	23 635	15 000 чел.
Итого	29 634	2 179	31 813	27 000

1912 г.

Название городов	Зарегистрированных			Незарегистрированных, по показанию самих китайцев
	мужчин	женщин	итого	
Хабаровск	3 695	Сведений не имеется	3 695	1 000 чел.
Никольск-Уссурийский	3 761	217	3 978	2 000 чел.
Владивосток	25 707	1 080	26 787	5 000 чел.
Итого	33 163	1 297	34 460	8 000 чел.

Из этой таблицы мы видим, что с каждым годом число китайцев незарегистрированных быстро сокращается, зато число зарегистрированных увеличивается.

«По сведениям¹ нашего консула в Чифу (письмо 5 октября 1910), количество визированных паспортов китайцев, отправившихся в пределы Приморской области, было следующее:

1906	54 883
1907	37 857
1908	22 642
1909	15 865
1910 до 1 сентября	23 831
Итого	155 078»

По словам того же консула (письмо 26 июля 1910 г. за № 198), в Приморскую область (из Харбина) китайцы едут (по железной дороге) до станции Пограничной, куда было продано билетов:

¹ Граве, В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. — С. 11, 12, 13, 14. (Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции, вып. XI).

Годы	От Харбина		От Куанченцзы	
	III кл.	IV кл.	III кл.	IV кл.
1906	10 008	3 359	21	5
1907	1 404	587	94	128
1908	663	439	159	79
1909	586	1 816	71	149
1910	437	1 707	40	272
Итого	13 098	7 908	385	633
	13 483		8 541	
	16 631 человек			

Таким образом, в одно только пятилетие (1906–1910 годы) в Приморскую область одних только зарегистрированных китайцев прибыло 171 709 человек.

В эти же годы «в Амурскую область через Цицикар китайцев прибыло из Харбина и Куанченцзы 70 902 человека». В эту статистику, конечно, не вошли все те китайцы, которые идут в Уссурийский край пешком из Маньчжурии через реку Уссури, через Хунчун, а равно и все те, которые прибывают в Посьетский, Шкотовский и Сучанский районы и в Зауссурийский край морем на шлюпках и шаландах.

С 1905 по 1910 год в городах, урочищах, сёлах и деревнях Уссурийского края китайских купцов и рабочих в общей сложности было около 130 000 человек; хлебопашцев и огородников по всей стране — 200 000 и манз-охотников, постоянно живущих в горах, около 15 000 человек.

Почти одновременно с эмиграцией китайцев в Уссурийский край началось и заселение его русскими. Заселение это шло со стороны Амура и со стороны Владивостока в направлении на север к Никольск-Уссурийскому и на восток в область Сучанского района.

Китайский охотничий посёлок «Сидатун» в верховьях р. Имана. Фанзы разбросаны на значительном расстоянии друг от друга.

Le hameau de chasseurs chinois «Sidatoun» situé aux sources de la rivière Iman (affluent de l'Oussouri)

Появление русских переселенцев на побережье моря было встречено китайцами довольно спокойно, если не считать обострённых отношений между теми и другими на реке Санхобэ и в районе реки Тадушю.

Когда в 1905–1906 годах китайцам было объявлено, что места эти будут занимать русские, они решили кое-как перебраться здесь последнее лето и после сбора опия уйти на другие земли.

Видно было, что они твёрдо решили перекочевать: фанзы их не почиались, начатые по-

стройки были заброшены, распашки производились ничтожные, заготовки дров не было.

Осенью китайцы действительно начали перемещаться. Небольшая часть их уехала в Китай, другие разместились по деревням и занялись торговлей, большинство же ушло дальше в горы в верховья рек Уссурийского бассейна и на север по побережью моря. Особенно они облюбовали местность Сидатун в верхнем течении реки Имана.

Сидатун, собственно говоря, охотничий посёлок. Здесь китайцы живут сравнительно в худших условиях, кое-как, по-бывачному, запасов имеют мало, ценят их страшно высоко и цели своего существования сводят к соболеванию и обмену мелочных товаров на соболей, панты и женьшень у инородцев.

В настоящее время казаки и почти все крестьяне сами не обрабатывают земли, а отдают её в аренду китайцам, на правах половинщиков. Обычно сам хозяин-русский отправляется на заработки куда-нибудь на сторону, предоставляя китайцу распорядиться землёй, как ему угодно, по своему усмотрению. Желтолицый арендатор тотчас же строит фанзы, выписывает из Китая своих родственников, приглашает помощников, нанимает рабочих и начинает хозяйничать. Глядя на такую заимку, так и кажется, будто кусочек Китая вместе с постройками, огородами и людьми взят откуда-нибудь из-под Чифу и целиком перенесён на русскую территорию.

Изложенное было бы не так страшно, если бы хозяином положения оставался бы русский, а китаец был бы у него простым работником. Но наблюдения показывают иное: китаец — хозяин на земле, а русский — владеет ею только номинально. Всё это становится понятным, если принять во внимание резкие контрасты между манзами и переселенцами. Солидарность и взаимная поддержка друг друга, трезвость, приспособляемость к окружающей обстановке, расчёт только на свои силы среди китайцев и вечные ссоры, пьянство и ни на чём не основанное право на пособие со стороны казны среди русских, у которых почему-то сложилось убеждение, что казна должна содержать их всё время, пока они живут на Дальнем Востоке. У стариков ещё живы воспоминания об Европейской России — там у них родина. На свою жизнь в Уссурийском крае они смотрят как на ссылку. В настоящее время на сцену выдвигается новая молодая сила в виде подрастающего поколения. Хороший пример у нас на глазах: Австралия была колонией, куда ссылались преступники, а ныне это одна из самых цветущих стран в мире.

В Уссурийском крае китайцы расселились по долинам рек на самых удобных местах, т. е. в таких местах, где есть достаточно пахотной земли, куда русские редко заходят, где по соседству есть инородцы и откуда можно недалеко ходить на соболиную охоту.

Обыкновенно они живут по несколько человек вместе в одной фанзе. В доме, кроме главного хозяина, есть и компаньоны, на правах половинщиков, третников, четвертинщиков и т. д. Все доходы и барыши в конце года делятся по частям в зависимости от того, кто сколько вложил денег и труда в дело. Простые работники в обыкновенное время года получают по 50 копеек в сутки на готовых харчах и от 1 рубля 50 копеек до 2 рублей в день во время сбора опия и жатвы хлеба. Хозяева и их компаньоны в поле работают наравне со своими работниками.

Сплошных деревень у китайцев нигде нет — они все живут хуторами. Фанза от фанзы находится на таком расстоянии, чтобы не мешать друг другу. Хлебные поля занимают лучшие земли. Особенное внимание уделяется маку, засеваемому для сбора опия. Огороды расположены всегда вблизи жилища. Если около фанзы есть холмы с пологими скатами и с плодородною землёю, то огороды устраиваются по южным их склонам, для того чтобы овощи получали от солнца больше тепла и света.

Китайцы заметили, что во время наводнений вода выступает из берегов не непосредственно из реки, а из протоков. Сперва она наполняет старицы и сухие русла, а из них уже разливается и по пашням. Поэтому китайцы всегда с большим вниманием изучают течение воды в старых руслах. Заметив такую опасную протоку, они заваливают вход в неё камнями, плавниковым лесом, галькой, песком и землёю. Иногда нужно бывает немного затратить времени и немного положить труда, чтобы оградить посевы от потоплений. Мало того, свои грядковые распашки китайцы ведут непременно в том направлении, в котором идёт вода по равнине, вследствие чего пашни их размываются только во время больших наводнений и то очень мало.

Китаец и русский переселенец, одновременно водворившиеся в крае, через год-два живут уже совершенно различно. Китаец сразу же начинает пахать землю и, собрав осенью хлеб, на зиму уходит в горы на соболевание. Русский же, ничего не знающий о крае, долго не может освоиться, несмотря на то, что он получает от казны некоторое пособие. Вследствие этого уже на второй год новосёл-китаец живёт гораздо лучше русского новосёла.

В характере китайца есть симпатичные черты — это внимание к чужим интересам, солидарность между собою, взаимное доверие и поддержка, оказываемая друг другу.

Китаец говорит: *«Помоги только одному своему соседу, и тогда всем жить легче будет, но помоги так, чтобы попавший в беду действительно мог бы подняться на ноги. Мелкая подачка не есть помощь. Если не можешь помочь как следует, то оставь несчастного самого бороться со своим несчастьем!»*

В большинстве случаев у русских «хозяин и работник» — два враждебных лагеря. Исключения крайне редки. Совсем другое наблюдается у китайцев. Я ни разу не видел, чтобы хозяин понукал работника и чтобы работник уклонялся от работы и ругал бы своего хозяина. Всё это выходит у них как-то просто, естественно, само собою. Договор у китайцев — это святое дело. Он действительно ненарушим и обязательства с той и с другой стороны исполняются до конца. Среди них часто можно наблюдать побратанья, основанные на любви. Вот образчик такого договора:

Гуан-Сюй 28 лет — января 18 дня.

«Вся природа и жизнь вселенной регулируются законами порядка.

Мы оба рождены от разных отцов, но отныне заключаем союз и будем братьями. Если мы и расстанемся, то сердца наши всё же всегда будут чувствовать близость. Хотя мы родились и в разное время, наше желание — умереть одновременно.

Будем делить счастье и горе, вместе будем проводить время, вместе станем есть и пить.

Клянёмся в вечной дружбе».

Далее следуют подписи.

Выше я говорил, что китайцы не живут одиночно, а по несколько человек вместе. Даже там, где собирается их двадцать и тридцать человек, нет ссор или они бывают крайне редко. На другой день после ссоры те же китайцы работают опять вместе с таким видом, как будто они и не ссорились вовсе.

В этом отношении русские переселенцы представляют полную противоположность китайцам. Где соберётся их три или четыре человека, там на другой уже день начинаются ссоры, и вслед за тем начинается умышленная поправа пашен друг у друга. Сколько на моих глазах разорилось хороших хозяев только потому, что рабочие их бастовали в самую критическую минуту, сколько рухнуло артельных предприятий только потому, что компаньоны их ссорились между собою и не доводили дело до конца!

Китайцы народ чрезвычайно гостеприимный. Внимание, которое они оказывают прохожему, вполне искреннее. Вновь пришедшее лицо они приветствуют криком «Лайла!». Если из продолжительной отлучки возвратился один из членов их семьи или близкий сосед, они встречают его возгласами «Хуй-ля-ля!».

Особое уважение оказывают старикам. Младший перед старшим, если разница в годах между ними 20 лет и более, становится на колени, затем, сложив ладони рук вместе, он прижимает их к левой щеке и делает поклон до земли.

Для встречи знатного гостя китайцы надевают новые платья и выходят к нему навстречу далеко за ворота. При отъезде они вновь все выходят из фанзы и провожают гостя с трещотками и ракетами. Специально назначенный для сего верховой с позвонками скачет впереди и извещает встречаемых о приезде начальника.

Китайцы ни за что не сядут за стол прежде, чем не предложат пищу всем присутствующим, независимо от национальности посетителей. Кушать предлагают даже тем лицам, которые сделали им зло. Подав кушанье всем посторонним, манзы садятся сами за стол. При этом они внимательно следят за гостями, и как только чашки гостей опорожнятся, они со всею предупредительностью тотчас же спешат вновь их наполнить.

Нельзя обойти молчанием заботу о путнике. Всякий прохожий, кто бы он ни был, может всегда рассчитывать найти приют в китайской фанзе. Китайцы его накормят, предложат табаку, дадут место на кане, уложат спать, утром вновь накормят и ещё дадут продовольствия на дорогу по расчёту до следующей фанзы.

Уходя с бивака, каждый китаец непременно поправит подстилку, соберёт дров, положит их под корьё, чтобы они не намокли от дождя, сунет туда же спички и сухую бересту, на тот случай, если этою дорогою придётся идти какому-нибудь другому человеку, то чтобы он мог найти здесь дрова, огонь и сухое ложе.

Помню один раз (в 1906 году) на реке Ли-Фудзине на затёске дерева мы нашли надпись такого содержания:

«Путник, если ты устал и голоден и у тебя нет запасов, иди по этой тропинке, тут недалеко есть балаган. Особенного ничего в нём нет, но есть спички, соль и чумиза».

Только в дикой безлюдной стране, где целыми неделями можно идти и не встретить жилья человеческого, где действительно можно погибнуть с голода, у местных жителей видна трогательная забота о путнике.

Весной и летом китайцы целые дни проводят в полях. Поистине достойны удивления их любовь к земледелию, трудолюбие и настойчивость. Физический труд они ни во что ценят. Их интересует сама цель, результаты, будущее. Зато у них никогда не бывает недорода. Видно, что в эту работу они вкладывают всю свою душу. Они не смотрят на земледелие как на бремя, они действительно любят свои поля и огороды! Летом в поле почти никогда нельзя увидеть китайца, стоящего на ногах: с утра до вечера, нагнувшись, они копаются в земле. Не только огороды, но и пашни манзы полиют три раза в лето. Даже в том случае, если овощи растут хорошо, они всячески стараются придать им красивый и декоративный вид. Китайские огороды цветут пышно, блещут богатством и разнообразием. Тут можно видеть и картофель, и капусту, и репу, и свёклу, и морковь, кочанный салат, лук, чеснок, фасоль, горох, дыни, тыквы, помидоры, мяту «судзу» и множество других пахучих и пряных растений. За огородами тянутся поля, покрытые кукурузой, пшеницей и чумизой. Дальше красуются овёс, бобы и высокая конопля, из хлебных полей тёмным пятном выделяется табак, и тысячами ярких цветов пестрит маковая плантация.

Живут китайцы в фанзах. Фанзы — это деревянные постройки, обмазанные глиною с внутренней и с наружной стороны. Крыша соломенная или камышовая, всегда двускатная. Размеры построек зависят от количества людей, в них помещающихся. Фанзы разбогатевших китайцев, живущих в Уссурийском крае исстари, имеют вид настоящих поместий, с громадным количеством обрабатываемой земли и с множеством примыкающих к ним служб, кладовых и сараев. Дрова китайцы всегда заготавливают сразу на целый год и складывают их большими зародами очень искусно, так что дождевая вода не проникает внутрь поленницы и скатывается с одного полена на другое.

Хлебные зароды (майдо) расположены около фанз. Обмолот хлеба производится зимой на току, когда земля хорошо промёрзнет, при помощи коней и круглых каменных волокуш (ши-гунь-цзы).

Шагах в ста от фанзы, в стороне, ставится небольшая кумирня (лао-е-мяо), всегда обращённая лицом к югу. В кумирне наклеены картины религиозного содержания, перед которыми стоят деревянные чашечки грубой работы с золой и с огарками бумажных свечей (сян). Тут же лежат позолоченные палочки для еды (куай-цзы), варёный рис, чумиза, кусочек сахара и т. п. Снаружи кумирня украшается двумя или тремя красными тряпицами, на которых тушью сделаны такие религиозные надписи.

Например: I) *«Правление Гуан-Сюй 33 года 3-го месяца 6-го дня».*

«Жертвуется».

«Почитаемые духи как бы живут здесь» (в этом месте, где холст повешен).

«Жертвователи»:

«Верующие ученики» (по отношению к духам).

«Ван-ши-лин и Ян-Жуй-куй — делают земной поклон».

II) *«Дай-цин-ской династии годов правления Сюань-шун 1-й год 8—9-го месяца для счастья написано»:*

«Почтительно жертвуется почитаемым».

«Охранителям гор и лесов».

«Верующий ученик» (уничижительно).

«Люнь-жун-мао» — «делает земной поклон»¹.

Иногда вместо картин, изображающих богов, в кумирне ставятся деревянные дощечки с надписями:

Например: «Пай-вей» (таблички духов):

«Место обиталища духа деревьев»

«Место обиталища духа реки»

«Место обиталища духа земли»

«Место обиталища духа гор» (тигр)

«Место обиталища духа старого старшины»

«Место обиталища духа дорог».

Но вернёмся опять к фанзе. Вокруг неё двор, обнесённый частоколом, прибранный и чисто выметенный. От фанзы к реке ведёт маленькая дорожка, протоптанная водоносами. Посредине двора лежит плуг и стоит арба. Китайская арба — это тяжёлая двухколёсная повозка. Массивные колёса её обиты крупными железными гвоздями с большими коническими шляпками. Немного в стороне лежит колода, из которой кормят собак и где-нибудь на пне поставлен большой глиняный кувшин, в котором квасится соя (ди-ян). Из дверей и из окон фанзы идёт дым. Это обычное явление, потому что все китайские фанзы дымокурные, хотя у них и есть печные трубы и выведены они наружу. Окна решётчатые, оклеенные бумагой.

Как только вы войдёте в фанзу, вам прежде всего бросаются в глаза низкие глиняные печи с вмазанными в них чугунными котлами. Печи эти расположены по обеим сторонам входа. Топки у печей маленькие, так что дрова в них еле помещаются, отчего дым не успевает пройти через ходы и валит наружу. Этот дым и пар, подымающийся из котлов, мешает вам рассмотреть помещение. Ощупью пробираетесь вы вперёд. Скоро ваши глаза привыкают к темноте, и вы кое-что видите. Вы чувствуете, что в фанзе пол земляной, плотно утрамбованный. Затем вы видите, что потолка в фанзе нет — крыша её прямо поставлена на стены. Внутри всё сильно закопчено, верхние балки от дыма стали чёрными и блестящими. Вдоль стен из плитнякового камня и из глины устроены для спанья каны, согреваемые дымовыми ходами из печей. Ходы эти, как я уже сказал, выведены наружу и оканчиваются длиною трубою, сделанной из дуплистого дерева. Китайские постели днём свёрнуты и лежат на канах под окнами или около стен.

Посредине фанзы на треноге или просто на пне поставлен большой старый котёл, наполненный золою и горящими углями. Над котлом висит железный чайник, потемневший от дыма и времени. Для того чтобы согреть воду, печь не топят, а огонь разжигается прямо в фанзе в котле с золою.

На дым и копоть не обращают никакого внимания. В той стороне фанзы, где находится кухня, стоит узкий, но довольно высокий стол со скамьями.

Здесь обедают рабочие манзы. Тут же, недалеко в углу, стоит другой стол, меньший размерами, замазанный мукой и тестом, и около него два больших деревянных обрубка, поставленных друг на друга, — это кухня.

¹ Перевод сделан капитаном Е. А. Фёдоровым.

На верхнем обрубке лежат кухонные ножи-тыпки, на стене висят ложки, сита, коробочки с палочками для еды (куай-цзы), корытца для промывки чумизы и сложены грудками маленькие глиняные чашки.

Часть фанзы отделена перегородкой. Здесь помещается хозяин и его компаньоны. Вход к хозяину завешивается пологом из дрели, растянутым на палках. В этом помещении как будто немного чище. Иногда тут делается даже и потолок. У стены, как раз против входа, устроена кумирня. Боги, изображённые на картинах, с чёрными, зелёными и белыми лицами, имеют безобразный и свирепый вид. По сторонам картины прямо на стену наклеены широкие красные полосы бумаги с чёрными иероглифическими письменами; красные тряпицы с философскими изречениями повешены на потолке впереди кумирни; внизу на столе, сколоченном из досок и покрытом тоже красным кумачом, стоят подсвечники с красными же свечами, почерневшие металлические кувшины и ещё какие-то сосуды странной формы. Дальше вокруг стен стоят сундуки, в которых хранится всё, что есть у китайцев наиболее ценного. На стенах около кана повешены деревянные счёты, трепалки из конского волоса, для отогнания комаров и мошек, веера, улы (китайская обувь), свёртки свечей и бумаги, разбитое зеркало, засиженное мухами, дешёвая лампа с испорченной горелкой и стенные часы, которые не ходят, а если и ходят, то стрелки их показывают совсем не то время, которое надо. Всюду на ящиках, на дверях, на стенах наклеены новогодние красные бумажки с иероглифами (фу), означающими «счастье». И всё это покрыто густым слоем пыли, поднимающейся в фанзе с земляного пола, от копоти и от золы. В особенности запылены все те предметы, которые находятся выше роста человека и которые мало бывают в употреблении.

Теперь посмотрим сараи на дворе. В одном из них находится мельница, состоящая из двух жерновов, положенных друг на друга (Нянь-моцзы). Нижний жёрнов неподвижный, верхний — вращающийся. Над верхним жёрновом имеется деревянная коробка — загром, куда засыпается зерно, а под нижним жёрновом — широкий дощатый круг, на который ссыпается мука. Мельница приводится в движение лошадиною силою. Для этого к верхнему жёрнову прикрепляется длинный рычаг. От этого рычага идут постромки, в которые впрягается лошадь. Она ходит по кругу и вращает жёрнов. У китайцев лошади так приучены к этой работе, что не требуют за собой постоянного надзора и работают даже во время отсутствия хозяина. Услышав, что лошадь стала, китаец, не выходя из фанзы, только крикнет ей «Та», и лошадь снова принимается за работу. Чтобы у лошади не закружилась голова, ей завязывают глаза тряпицей. Веялка и сито для муки устроены в особом закрытом шкафу (ло-гуй). Это делается для того, чтобы мука при просеивании не разлеталась бы в стороны. Устройство веялки таково. Внутри шкафа подвешено на верёвках четырёхугольное сито, от которого наружу идёт длинная, тонкая рейка, прикреплённая к деревянному рычагу. Рычаг этот имеет форму якоря, поставленного на лапы, рукоятью вверх, и приводимого в движение ногами человека, сидящего на маленькой скамеечке около стены и опирающегося руками на верёвочную трапецию, подвешенную к потолку. Один из работников постоянно следит за лошадью, подсыпает зерно в загром, подправляет его, чтобы оно ровнее стекало в жерновое отверстие, собирает смолотую муку и просеивает её через сито.

В другом отделении сарая в больших ящиках хранятся чумиза, мука, пшеница в зерне, овёс и бобы. На стеллажах лежит листовой маньчжурский табак, связанный в большие тюки; на перекладах висят пучки сухой кукурузы, предназначенной на семена к будущему году; на стенах и потолке повешены шкуры зверей и меха, приобретённые от инородцев; около стен на полу стоят деревянные ящики с бобовым маслом и «тулузы» (цзю-лоу), плетённые из мелких прутьев и промазанные каким-то составом, вроде казеина, который совершенно не пропускает не только воду, но даже масло, нефть и спирт.

Третье отделение предназначается для всякого хлама. Тут валяются и пустые банки из-под керосина, старые улы (обувь), рваная одежда, лом железа, испорченные топоры, лопаты и т. п.

Остаётся ещё осмотреть помещение для лошадей и для рогатого скота. Это хлев, и хлев очень грязный! Посредине его на низеньких козлах стоят большие долблёные колоды. Под ногами у животных навоз никогда не убирается, и потому лошади и быки стоят в грязи чуть не по колено.

У китайских лошадок всегда гривы подстрижены. Это маленькие, мохнатые и злые животные. Они всё время прижимают уши и каждого проходящего мимо человека стараются схватить зубами. Вероятно, это происходит вследствие жестокого с ними обращения. Китайцы держат их всегда в хорошем теле, откармливают кукурузой, бобами и резаной соломой с отрубями. Китайская седловка из рук вон плоха, а между тем испорченных спин у коней почти не бывает. Главное же достоинство китайских лошадей — это их ноги. Они никогда не спотыкаются. Так как в тайге нет кузнецов, то в большинстве случаев манзы не куют коней вовсе. Копыта у них маленькие, стаканообразные и чрезвычайно крепкие, шаг — твёрдый, уверенный. Надо удивляться, как они ходят в горах, карабкаются по осыпям и переходят по камням через быстрые порожистые реки. Через бурелом они никогда не прыгают, а переходят шагом, в топких местах не бьются, а идут осторожно и, прежде чем поставить ногу, несколько раз ощупывают почву.

Китайская сбруя сделана из ремней и из пеньковых верёвок. Вместо пряжек употребляются большие медные кольца, окрашивающие в местах трения шерсть серых лошадей в зелёный цвет.

Из рогатого скота китайцы держат только быков. Они употребляют их для перевозки грузов в районе расположения своих фанз и для полевых работ. Коров они держат в крайне ограниченном количестве и только лишь для приплода; доить их не умеют и молока парного в пищу не употребляют вовсе, питая к нему отвращение. Однако консервированное молоко и сливочное масло едят очень охотно.

В Зауссурийском крае у китайцев выгон лошадей и скота в поле на подножный корм продолжается до ноября месяца, а то и позже, пока снег совершенно не покроет землю. Все животные находятся на берегу моря под присмотром двух пастухов, живущих тут же в маленькой фанзе. Днём они выпускают скотину пастись, а на ночь загоняют животных в обширные загоны, сделанные из частоккола.

Рядом со скотским двором устроен свинарник. Китайские свиньи мелкие, чёрные, с длинным прямым рылом. Чтобы они не потравили полей и огородов, их держат в загоне, обнесённом частокколом. В загоне стоит жид-

кая вонючая грязь. Единственное сухое там место — это конуры, сложенные из палок и досок и прикрытые сверху землёю. В эти конуры свиньи и залезают на ночь. Куры помещаются большею частью под навесом фанзы. Нависшая с крыши солома защищает их от дождя. О собаках не заботятся, они остаются на дворе под открытым небом и им самим предоставляют выискивать себе укрытие от непогоды.

Теперь посмотрим, как китайцы проводят день. Чуть свет они уже на ногах. Покурив трубки, они расходятся на работу. Часа через три хозяин сзывает их на утренний завтрак.

Пища китайцев в большинстве случаев растительная, мясо употребляется редко и притом в ограниченном количестве, зато кур они разводят много и любят есть солёные яйца. Хлеб китайцы пекут пресный (мань-тоу). В тесто вместо дрожжей китайцы кладут поташ и соду (цзян), которые добываются ими из золы. Другим весьма распространённым их блюдом будет чумизная каша в жидком и сухом виде, приправленная квашеными солёными овощами (сянь-цай). Если чумизы мало, то кашу варят из молотой кукурузы, прибавляя к ней немного бобов. Китайцы чрезвычайно любят есть лук, черемшу, чеснок и другие пряные растения, отчего от них сильно пахнет. Этот специфический запах всегда сопровождает китайцев и неприятно поражает европейца при первом с ними знакомстве. Но с течением времени и при частом общении с китайцами начинаешь привыкать к этому запаху, и вскоре совсем перестаёшь замечать его. Китайцы большие гастрономы. Они любят покушать. Особенным их вниманием пользуется свиное мясо, особый вид лишайников, древесные грибы и дары моря: морская капуста, трепанги, гребешки, моллюски и мясо крабов.

После завтрака китайцы снова уходят на поля. Во время работ они отдыхают мало, и только в то время, когда курят трубки. Отдыхают они всегда сидя на корточках, причём ноги ставят не на носки, а на всю ступню. К этому манзы привыкают с детства. Одежда рабочих китайцев состоит из косоворотой куртки, штанов и наколенников, сшитых из грубой синей дабы. Поверх куртка повязана синим же шарфом или просто тряпичей. Чёрный, синий и белый цвета являются излюбленными. Штаны шьются свободно, мешком, так, чтобы они не стесняли движений и позволяли бы глубоко сидеть на корточках.

На голове китайцы носят простую повязку или соломенную шляпу, на ногах — улы, набитые травой и обмотанные верёвками. В общем, вся фигура китайца — синяя. Цвет кожи — смуглый, слегка желтоватый. Многие из них работают полуобнажёнными до пояса. От действия лучей солнца кожа их ожогов не получает, но сильно загорает и принимает красивый оливковый цвет — цвет потемневшей красной меди. Зимой китайцы носят ватные куртки или меховую одежду. Любимые их меха — лисий, заячий и дикой кошки. Около полудня рабочие вновь сзываются на обед, после которого даётся им небольшой отдых. Затем китайцы опять идут на работу и работают до вечера. Едва солнце коснётся горизонта, все манзы, точно по сигналу, разом бросают свои работы и направляются к фанзам. Придя домой, они моются горячею водою и принимаются за ужин. После ужина китайцы разбирают свои постели и ложатся на каны. Заложив ногу на ногу, они курят трубки, беседуя о своих делах, спрашивают вновь при-

шедших и делятся своими дневными впечатлениями. Из печки последний раз выгребаются угли и переносятся в котёл, где их засыпают золой, чтобы они не горели и сохранили бы жар до утра. Вечером большая фанза среди глубокой темноты кажется иллюминированной. Во всех концах её светятся огоньки курильщиков опия и вспыхивают трубки, раскуриваемые угольками. Китайцы спят нагими и ложатся головой внутрь фанзы, а ногами к стене; под голову кладутся мешки и свёрнутая одежда. Недолго длится беседа, — усталость берёт своё, — утомлённые за день, они очень скоро засыпают и спят так крепко, как только могут спать усталые.

Эксплуатация инородцев

Рассматривая китайское население Уссурийского края, следует сказать несколько слов об орочах и гольдах. Раньше область обитания этих инородцев распространялась далеко к югу. Они бродили около озера Ханка; летники их находили даже около нынешнего Владивостока. Наши зверопромышленники братья Худяковы и старообрядцы из селения Красный Яр видели их ещё в семидесятых годах прошлого столетия около Посьета, куда они спускались ради охоты за дорогими пантами. К западу от Сихотэ-Алиня гольды и орочи жили по рекам Даубихэ, Улахэ и Ното, но с течением времени они большей частью вымерли, частью же, потеснённые китайцами, отошли на север, а оставшиеся подверглись совершенному ассимилированию со стороны пришлого китайского населения. Эти-то последние и получили название «тазов»¹.

Теперь почти невозможно отличить «таза» от китайца ни по языку, ни по религии, ни по одежде. Они совершенно утратили свой орочский облик.

Дороговизна жизни в Хунчуне и возможность устроиться в инородческой семье лучше материально служили большой приманкой для маньчжур, и многие из них, отправившись на промыслы в Уссурийский край, не возвращались в Хунчун обратно, а оставались там навсегда. Последнее обстоятельство заставило хунчунского цзо-лина, являющегося ответчиком перед своим правительством за численность знаменного войска, принимать меры к розыску беглецов, но беглецы эти уходили ещё дальше в глубь страны, и нередко были случаи, когда посланные на розыски их не возвращались тоже².

В инородческих семьях женщин было вообще больше, чем мужчин, а тут ещё оспа, занесённая к ним впервые чужеземцами, выкосила большую часть мужского населения. Женщины-тазки вступали в конкубинат с маньчжурами. Много позднее, в шестидесятых годах, в Уссурийском крае появляются китайцы — выходцы из Шандуна, чем и можно объяснить такое смешение в наречии тазов. Оно ни чисто хунчунское, ни шандунское, а среднее между тем и другим в зависимости от того, с кем тазы имели больше общения.

Такому быстрому исчезновению орочей не надо удивляться, если принять во внимание способность орочей к ассимиляции и способность китай-

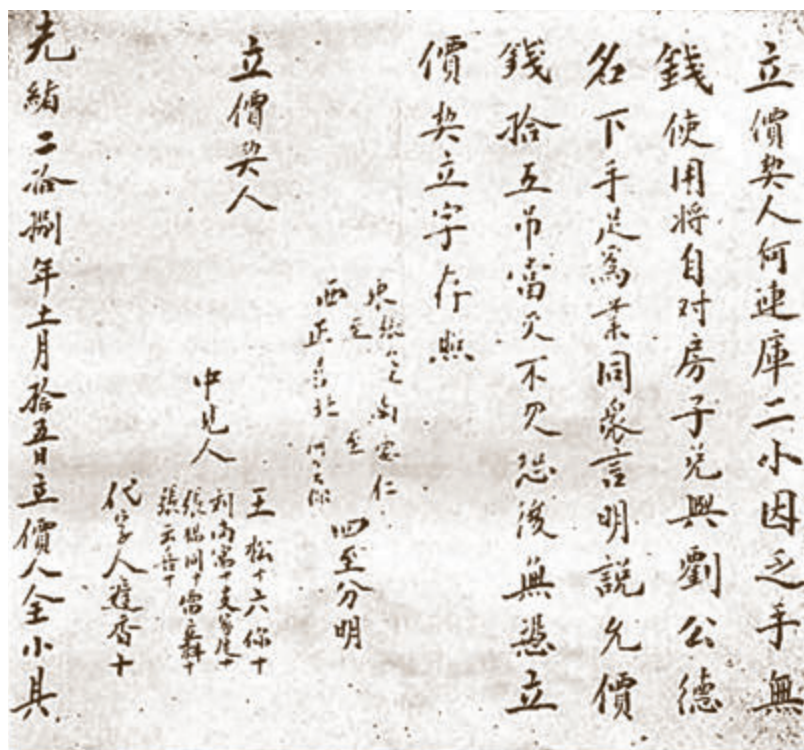
¹ Тазы есть искажённое русскими китайское слово Да-цзы. Этим нарицательным словом китайцы называют всех не русских и не китайцев.

² Сведения эти получены мною от г. Шильникова.

цев ассимилировать других. Китайцы сумели сделаться необходимыми для инородцев и заставили дикарей на всё смотреть своими глазами. Пользуясь невежеством дикарей, они начали эксплуатировать их немилосердно. Поистине достойны удивления те приёмы, к которым прибегали китайцы, чтобы сбить с толку инородцев. Ещё не так давно (в 1900 году) наши староверы, прибывшие впервые в прибрежный район, видели там китайских купцов, продавших орочам жестяные чашки за серебряные. Китайцам было желательнее как можно дольше держать инородцев в неведении о том, какие существуют цены на пушнину. Прибрежные орочи долгое время находились в состоянии такого неведения и больше соболя ценили мех росомахи. Китайцы пускались на разные хитрости. Так, например, они нарочно за летнего соболя платили дороже в два-три раза и понижали цену за зимних «мохнатых» соболей; затем давали двойную плату в «тёмную», т. е. не видя соболя. Потеряв несколько рублей в одном месте, торгош китаец в другом стойбище свой временный убыток навёрстывал сторицею.

По мере того как китайское население в Уссурийском крае увеличивалось, положение инородцев становилось всё тяжелее и тяжелее. Мало-помалу орочи утратили свою свободу и совершенно подпали под власть китайцев. Русские мало обращали внимания на китайцев, мало заботились и об инородцах.

До 1906 года фактическая власть русских не распространялась дальше долины реки Уссури и побережья моря до залива Св. Ольги. Всё же

Решение китайского суда о продаже дома таза Эль-Сяо за долги

Arrêt de la justice chinoise ordonnant la vente de la maison du taze «El-Siao» pour dettes

остальное пространство находилось в руках китайцев. Там сыны Поднебесной Империи царили полновластно, жили самостоятельно по своим законам, а инородцы находились у них в полнейшем рабском подчинении. В то время (1890–1910 годы) здесь можно было видеть рабство в таком же безобразном виде, в каком оно было когда-то в Америке в отношении к неграм: отнимание детей у матери, насильная продажа жён, наказания плетьюми, бесчеловечные пытки и увечья и т. д.

Чтобы закабалить таза, китайцы прибегали к следующим приёмам: они пользовались тем, что инородцы эти не знали никакой письменности. Поэтому, как только умирал кто-либо из стариков тазов, китайцы являлись к его сыну, показывали исписанный лист бумаги и объявляли ему, что отец его был должен им примерно две-три тысячи рублей. Простодушному дикарю и в голову не приходила мысль, что его обманывают и что он может не платить этого долга. Память об умерших родителях свята, и потому он соглашался и платил, платил без конца, платил до тех пор, пока китайцу это было нужно. В конце концов его продавали другому китайцу, тот третьему и т. д.

Если должник к указанному сроку не мог доставить определённого числа соболей, его подвергали жестоким телесным наказаниям, так, например, в 1907 году на реке Санхобэ в присутствии старшины Дае дом таза Эль-Сяо со всеми живущими в нём людьми за долги продан китайцу Лю-Гулу за 15 дяо¹. Таких купленных людей китайцы называют «Фулацзы», что значит — рабы. Рабы обязаны всю свою жизнь работать бесплатно, и они не имеют права жаловаться, их можно заставить исполнять те работы, которые исполняют животные, например: вращать жернова, молоть муку, их можно продавать на сторону как движимое имущество и т. п.

На реке Иман, в охотничьем посёлке Сидатун, в 1906 году я видел таза Си-Ба-юн, который после смерти своего отца должен был китайцу 400 рублей. В уплату этого долга пошли собранные в течение 8 лет 86 соболей, корень женьшень и две пары пантов, и долг не только не уменьшился, а возрос ещё более. Случилось как-то раз, что Си-Ба-юн достал соболей меньше, чем требовал китаец, тогда он был избит палками до полусмерти, а так как после наказания он совсем не мог уже заниматься охотой, то за долг у него отобрали жену, дочь и сына, а самого продали за 100 рублей другому китайцу.

Для того чтобы «выколотить» долги от дикарей и тазов, китайцы прибегают часто к очень жестоким пыткам. Один раз на реке Бикин я натолкнулся на такую картину: должник ороц за большие пальцы рук на тонкой верёвке был повешен на сук дерева. Несчастный стонал, рядом стояли и плакали его жена и дети. Тут же в стороне кредиторы китайцы равнодушно играли в банковку. Я заступился за обиженного.

Нечего говорить, что китайцы отбирают от инородцев соболей силою; бывают случаи, когда они отбирают от них и оружие, чем обрекают их на верную голодовку. До какой степени невежественны инородцы и до какой степени они эксплуатируются китайцами, можно судить из следующего факта. Обыкновенная лубочная картина, изображающая китайских богов, продаётся на базаре от 30 до 50 копеек. Такая картина была силою навя-

¹ Перевод документа сделан капитаном П. В. Шкуркиным.

зана одному орочу на реке Самарги в 1908 году. Ороч должен был уплатить за неё лучшего соболя на выбор. На вопрос инородца, почему так дорого ценится картина, китаец отвечал, что Бога нельзя дешёво продавать, потому что Бог может обидеться, и тогда худо будет и купцу и покупателю, затем, каждый Бог стоит дорого, а богов на картине нарисовано много! Как должник, ороч не мог протестовать и подчинился требованию своего кредитора.

Если намеченный инородец не в кабале и потому несговорчив, китайцы стараются запугать его, подействовать на его воображение. Для этого они берут красные бумажки, пишут на них его имя и фамилию, идут к могилам и там сжигают эти бумажки, как по умершему. По внушению китайцев сжигание фамилии живого человека должно принести за собой несчастье, болезни и смерть. Это чрезвычайно сильно действует на воображение запуганного дикаря, и он становится уступчивее.

На побережье моря, чтобы закабалить инородцев, китайцы прибегают ещё и к другим способам. Сперва они приучают их пить ханшин (китайская водка), к которой примешивают немного опия. Такое угощение продолжается довольно долго и затем вдруг сразу прекращается под тем предлогом, что спирт весь вышел.

Как только пациент начнёт немного болеть, китаец предлагает ему покурить опий. С этого момента ороч у него в руках. Это его рабочий, раб, скот, животное...

Лет пять тому назад орочи-удэхе на реке Кусуне ещё не знали, что такое опий, а теперь из всего инородческого населения там нельзя найти и двух человек, которые не имели бы этой пагубной страсти.

Зимой, как только замёрзнут реки, как только орочи и гольды от своих стойбищ проложат по снегу дороги, китайские купцы с мелочными товарами отправляются в горы для торговли и сбора долгов с инородцев (схему торговых зимних путей китайцев см. в конце книги). В Южно-Уссурийском крае такими путями будут: 1) Из Маньчжурии через Никольск-Уссурийский на реке Майхе и далее к реке Сучану; 2) От озера Ханка (северная его часть) по реке Лефу к Уссурийскому заливу; 3) По реке Уссури и Дабухе к реке Сучану; 4) От Уссури по реке Улахе на реке Судзухе; 5) По реке Уссури на Ли-фудзин через Сихотэ-Алинь и в прибрежном районе по реке Аввакумовке к заливу Св. Ольги; 6) От г. Хунчуна по реке Тюмень-Ула (урочище Новокиевское) морем к г. Владивостоку и далее к Ши-мынь (пост Св. Ольги). Некоторые из этих путей теперь имеют только историческое значение, некоторыми китайцы пользуются и по сие время. В средней части Уссурийского края торговые пути китайцев идут: 1) От посёлка Хумисанза, расположенного на левом берегу Уссури против устья реки Имана, по реке Ваку к истокам реки Ното и оттуда через Сихотэ-Алинь на реку Тадушу. 2) По реке Иману до охотничьего посёлка Сидатун, затем вверх по реке Кулумбе, через водораздел и в прибрежном районе по реке Санхобе к бухте Терней. 3) То же по реке Иману до устья реки Арму, вверх по этой последней, далее за перевалом китайцы выходят к морю по реке Такеме. 4) Путь этот проходит по реке Бикину, затем по реке Бягаму, потом к Сихотэ-Алиню по реке Ляоленгоуза и после перевала на реку Кусун.

С заселением края русскими путь по рекам Ваку—Тадушу начинает утрачивать своё значение. В северной части Уссурийского края китайцы имеют

три торговых дороги: 1) По реке Хору на реку Сурпай¹ или на реку Чуин и за водоразделом по реке Самарги. Иногда вместо того, чтобы не идти по Хору, если гольды-соболёвщики проложат дорогу, китайцы идут от Амура по реке Мухеню, далее по реке Синда выходят на реку Хор близ устья реки Чуина. 2) По реке Аною (иногда по реке Пихце) через Сихотэ-Алинь на реку Копи (бухта Андреева) и 3) По реке Хунгари на реку Мули и по этой последней выходят на реку Тумнин и к Императорской гавани. Пути по рекам Иману, Бикину, Хору, Аною и Хунгари самые бойкие и живые.

В такую далёкую дорогу китайские купцы везут только лёгкие товары, удобные в перевозке: кольца, серьги и бусы, металлические спичечницы и спички, трубки курительные и табакерки, кошельки, гарус, одеяла и цветные материи, шёлк для вышивания, синюю дабу и дрель, опи́й и спирт, порох и патроны, ножи, цепочки, пуговицы, иголки, нитки и напёрстки, мыло, чай, леденцы, пряники, сахар и консервированное молоко, свечи, перчатки, бубенчики и медяшки с конской сбруи, до которых так падки ороchonки и гольдячки. Товары эти по баснословно высокой цене китайцы навязывают инородцам силою, оставляют у них в юртах против их желания, и подсчёты производят на обратном пути через месяц или на другой год.

Покупая пушнину, китайцы отчаянно торгуются и сбивают цены невозможно. Наконец обе стороны пришли к соглашению. Китаец принимает меха, прячет их и вдруг объявляет инородцам, что он готов сделать им уступку в несколько рублей и поэтому расчёт произведёт завтра перед уходом. Вечером купец угощает инородцев водкой и делает женщинам грошовые подарки.

На другой день за несколько минут до отхода китаец вместо уплаты денег начинает отсчитывать свои товары. В руках у него записная книжка: за орочем числится долг с прошлого года. Сумма этого долга ему неизвестна. Он со страхом смотрит на китайские иероглифы и ждёт результатов подсчёта. Оказывается, что долг так велик, что сданная вчера пушнина не покрывает его и половины. Чтобы не очень обескураживать инородца, китаец оставляет ему несколько безделушек и опять записывает их в долговую книжку. Смутное сознание, что он обманут, раздражает дикаря.

С уходом китайца, если есть водка, он напивается допьяна, если нет, чтобы заглушить обиду, он уходит в лес и пропадает там несколько суток; он убеждает себя расчитаться с кредитором, не брать у него товаров и продавать меха на сторону, а через несколько дней на обратном пути опять у него останавливается тот же китаец и снова в кредит ссужает его товарами.

Китайских женщин в крае очень мало. В большинстве случаев китайцы берут себе в жёны тазок² силою. Такой китаец, женившийся на тазке, уже убеждённо считает себя тазом. Однако это не мешает ему, как только он накопит денег, бросить семью, уехать на родину и там снова назвать себя китайцем. Естественно, является вопрос, к какой категории народностей причислить потомство, оставшееся от такого китайца и от матери-тазки.

Так как тазы имеют право носить оружие (они все природные охотники — единственная страсть, которую в их натуре не могли вытеснить китайцы) и право на надел земли, то китайцы пользуются такой двойствен-

¹ Сукпай (Прим. ред.).

² См. ссылку на стр. 83 (в издании 1914 года, глава «Эксплуатация инородцев»).

ностью и при всяком удобном случае стараются назвать себя тазами, лишь бы остаться на месте и не быть изгнанными из Приамурья.

При обсуждении вопроса о наделе инородцев землёю были неоднократно случаи, когда бывший ороц (таза) должен был уступать место китайцу только потому, что последний ловко сумел «втереть очки» новичку чиновнику. Только опытный глаз исследователя может подметить в костюме таза или в его домашней обстановке такую мелочь, которая легко ускользнёт от свежего человека и которая изобличит его ороцское происхождение. К сожалению, помимо злоупотребления, такие ошибки были не единичными за последние 3–4 года в Ольгинском уезде.

Китайцам, не имеющим права жительства на казённой земле, совместная жизнь с инородцами доставляет большие выгоды. Они всячески стараются втереться в семью орочей, сначала хотя бы в качестве простого работника, при этом они отказываются от платы и работают в кредит. Ловкий работник скоро приобретает влияние на своего хозяина. Через год-два хозяин становится неоплатным его должником, и тогда работник переходит в положение компаньона, советчика, писаря, жениха его дочери и т. д. С этого времени таза у него в руках. Зачастую бывает очень трудно разобрать, кто же фактически владелец фанзы, чья земля и кому принадлежит оружие. Наконец, выбрав такой момент, когда у инородца нет денег, китаец вдруг предлагает произвести расчёт.

Никакие просьбы и мольбы не помогают; подсчёт производится. Оказывается, что не только всё хозяйство, земля и фанза, но и жена таза, и его дочь должны перейти к китайцу, и женщины переходят в руки кредитора.

За последние годы китайцы по отношению к тазам избрали другую политику, и эта политика гораздо опаснее, чем эксплуатация. Они стали устраивать среди инородцев свои школы. Таких школ я видел четыре: на Судзухэ, Пхусуне, Таудушу и на реке Такеме. Китайцы этот вопрос решили очень просто. Они назначили учителей, приказали инородцам выстроить школы, заставили их платить учителям содержание и посылать детей на занятия. За каждого ученика родители платят по 10 рублей в год. Срок обучения три года. Кроме жалованья, учитель получает натурой прислугу и продовольствие понедельно от каждого тазовского дома. Занятия происходят ежедневно (кроме пяти праздников в году) с утра и до вечера и с небольшим перерывом на обед. Дети изучают китайские иероглифы. Кроме того, учитель учит их этике, знакомит их с историей Китая, ни слова не говорит о России или говорит о ней то, что не надо, учит, как надо относиться к русским и к китайцам, как приветствовать старших и т. д. Школы эти имеют громадное воспитательное значение, и, конечно, вышедший из неё инородец на всё уже будет смотреть китайскими глазами. То, что должны были сделать русские, сделали китайцы и при том без всяких с их стороны расходов, а за счёт тех же инородцев.

Охотники и звероловы

Главными организаторами пушного дела в Уссурийском крае являются крупные торговые китайские фирмы во Владивостоке, Никольске-Уссурийском и Хабаровске. Агенты их, заручившись разного рода свидетельствами, билетами и удостоверениями, «салятся» в таких пунктах, где

группируются инородцы и откуда удобно снаряжать соболёвщиков в горы. Китайцы эти называются цай-дун'ами, т. е. «хозяевами реки — кредиторами». Цай-дун'ы располагаются около устьев больших рек, строят склады и открывают торговлю. Такими пунктами будут низовья рек Имана, Бикина, Хора, Ното, урочище Анучино, село Владимиро-Александровское на Сучане и пост Св. Ольги (посёлок Ши-мынь). На Амуре склады цай-дун'ов находятся вблизи гольдских стойбищ Да (река Пихца), Найхин и Дондон (река Анюй) и при устье реки Хунгари.

За время с 1906 по 1910 год в Уссурийском крае цай-дун'ами были¹:

Год основания	Название реки	Фамилия цай-дун'а	Год основания	Название реки	Фамилия цай-дун'а
1897	Ли-фудзин	Шан-тян-го	1899	Бикин-Митахеза	Ван-ди-чан
1900	Тетюхе	Ван-лян-куй	1892	Хор-Устье	Ван-ди
1891	Посёлок Иман-устье	Нью-фу	1890	Хор-Табандо	Сун-куй
1881	Иман, местн. Сянь-ши-хе-за	Ли-чан-фу	1884	Сучан	Тун-чжу-гун
1895	Бикин, местн. Табандо-Олон	Сун-дун-и	1872	Судзухе	Шан-ди-куй
1899	Бикин, местн. Сигоу и Цамо-Дынза	Цзоо-хао	1881	Зал. Св. Ольги Ши-мынь	Цо-хун-тай

Иметь таких даровых работников, охотников, как инородцы — с одной стороны, опасения потерять долги и должников — с другой, заставили китайцев разделить между собою всю территорию Уссурийского края и инородческое её население порайонно и по долинам рек. В конце концов всё это вылилось в такую форму:

Все орочи и все тазы, живущие в данной местности, обязаны: 1) делать закупки только у своего цай-дун'а по цене, которую он сам единолично устанавливает и 2) сдавать ему за долги всю пушнину, все панты и женьшень, если такой будет найден. Продажа этих предметов на сторону жестоко наказуется.

Цай-дун'ы выделяют от себя приказчиков, которых они снабжают запасами продовольствия и отправляют в дальние инородческие стойбища. Наконец, эти приказчики, в свою очередь, от себя снаряжают китайцев-соболёвщиков и посылают их в тайгу на охоту. Все добытые ими соболы и беличьи меха, хорьки, шкурки бурундуков, горностаи, куницы, выдры, барсуки, рыси, оленьи рога и жилы, панты, кожи, оленьи хвосты и женьшень — всё это опять тем же порядком по восходящим степеням идёт к китайским купцам во Владивосток или в Хабаровск и оттуда уже за границу.

Не всё ли равно какому-нибудь китайскому купцу, живущему, например, в посёлке Иман, кто ловит ему соболей — какой-нибудь «Ли-чан-тун» или «Чин-та-фу». Как только до него дошли слухи, что пятнадцать человек соболёвщиков, высланных им в тайгу, арестованы, он тотчас же снаряжает новых пятнадцать охотников и вновь высылает их на то же место.

¹ В настоящее время на местах китайских поселений появились русские деревни; многие цай-дун'ы вынуждены были ликвидировать свои дела и уехать на родину.

То же самое и арендаторы земель у русских переселенцев. Они также имеют связь с цай-дун'ами и с китайскими купцами в городах, а эти последние с торговыми фирмами за границей.

Охотничьи и промысловые районы китайцев (см. особую схему в конце книги) занимают всю южную и среднюю часть Уссурийского края. Северную границу этих районов можно изобразить кривою, идущей почти от Хабаровска через низовья Хора по реке Кетыкен через верховья Бикина и за водоразделом по реке Нахтоху к мысу Гиляк.

Китайские зверовые фанзы находятся в таких местах, куда русские не проникают, где-нибудь в горах, в верховьях рек, в глухой тайге, вдали от жилья, в стороне от дороги и т. д. Особенно их много по реке Иману, в горах, отделяющих бассейн Улахэ от реки Даубихэ и отделяющих эти реки от южного района (Сучан, Майхэ и Судзухэ), в верховьях реки Лефу и в истоках рек Ольгинского и Заольгинского станом.

Раньше, когда китайских охотников было мало, зверовые фанзы их были разбросаны по тайге на значительном расстоянии друг от друга. Но затем, по мере увеличения китайского населения в крае, увеличивалось и число охотников. Вскоре число зверовых фанз возросло настолько, что явилась потребность сорганизоваться в отдельные общины, явилась потребность разделить всю тайгу на районы и даже выработать особые законы, о которых речь будет ниже.

Все зверовые фанзы соединены между собою тропинками. Опытный охотник вперёд может сказать, куда приведёт его тропинка, если ветки деревьев порублены, если она достаточно расчищена, если бурелом, преграждающий путь, перерублен или перепилен, если большие деревья, лежащие на земле, стёсаны настолько, что через них может перешагнуть лошадь, если на земле видны следы подков и конский навоз — то тропа эта конная, и она непременно приведёт путника к зверовой фанзе; если же этих признаков нет и через бурелом нельзя перешагнуть, и через него надо перелезть, то тропа эта исключительно пешеходная, кружная и идёт она только по соболиным ловушкам.

По мере того как мы будем подниматься по долинам рек в горы, по мере того как мы будем продвигаться вдоль берега моря на север, земельные фанзы становятся реже и меньше размерами. Здесь вместо пашен мы увидим только одни огороды, потом нет и огородов, жилые фанзы мало-помалу превращаются в зверовые, которые всегда можно узнать по их местоположению и внутренней их обстановке.

Зверовые фанзы обыкновенно ставятся в истоках рек, в таких местах, где сходятся два или три горных ключа, где пожары не касались ещё девственного леса и где охотник-зверолов мог бы работать во все стороны и не был бы стеснён одной долиной.

Вы желаете посмотреть зверовую фанзу? Для этого вам надо запастись терпением.

Выбрав тропинку, где есть конские следы, вы по ней отправляетесь в горы. Вы идёте густым лесом, тропа кружит, переходит с одного берега реки на другой, лепится по карнизам, идёт косогорами и вновь спускается в долину. На деревьях, на равных расстояниях друг от друга, видны затёски (хао), по которым можно и без дороги найти фанзу. Вы идёте дол-

го, почти целый день. Наконец вы начинаете уставать и терять терпение. Вдруг перед вами появляется дерево, оголённое от коры, потом другое, третье — их много, значит, фанза недалеко. Этим корьём кроется крыша фанзы, вы прибавляете шаг. Всё больше и больше встречается признаков, указывающих на близость человеческого жилища: свежие порубки, переходы через протоки, поваленные деревья, заготовленные дрова, приколыши, драмки к ловушкам, крючья из корневищ и т. п. Вдруг лес сразу начинает редеть, и тропинка выводит вас на маленькую полянку, оголённую от леса.

Посредине полянки стоит маленькая фанза, а около неё деревянный амбар на сваях. Между ними — небольшой огород, на котором посеяны картофель, лук и брюква. В стороне, шагах в тридцати от фанзы, стоит небольшая кумирня, сделанная из корья и увешанная красными тряпицами. И здесь, как и около земледельческой фанзы, кругом всё чисто подметено и прибрано. Нигде ничего не валяется: лопата, кайло и мялка для выделки кожи прислонены к стене, дрова наколоты, сложены в порядке, зверовые шкуры повешены для просушки. В амбаре на сваях хранится поперечная пила, сетки для ловли соболей, рога оленей, плетённые из лыка кузовки, носимые манзами за спиной во время обхода ловушек, тулузы с бобовым маслом и колоды с запасами продовольствия. Зверовые фанзы делаются по расчёту не более как на три или четыре человека.

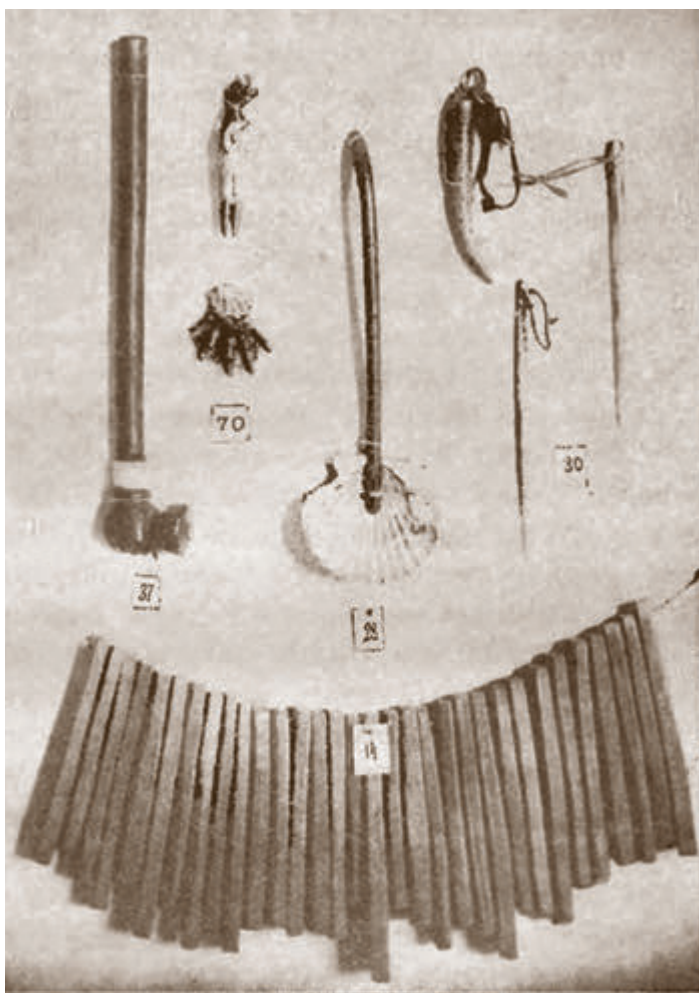
Этот расчёт имеется в виду на тот случай, если в фанзу придёт ночевать прохожий — кто-либо из охотников или искатель женьшеня. Сама постройка сделана крайне грубо и небрежно. Боковые стены её сложены из двух или трёх брёвен; щели законопачены мхом и замазаны глиной. Крыша фанзы большая двускатная. Чтобы корьё не коробилось, сверху оно прижато палками или жердями. Третья стена глухая; здесь вверху под самой крышей имеется одно только маленькое отверстие для выхода дыма.

*Зверовая фанза соболевщика китайца
Hutte de chasseur de zibelines*

Отверстие это затыкается пучком сухой травы или куском кабарожьей кожи. Дверь и одно или два окна, оклеенных грязной бумагой, почти не пропускающей света, находятся с лицевой стороны фанзы; косяки дверей обиты тряпками или каким-нибудь мехом; на двери запоров нет, она снаружи припирается только колом или лопатой.

Войдём внутрь фанзы и посмотрим её обстановку. Слева от входа помещается небольшая печь, сложенная из камней и глины. В неё вмазан небольшой железный котёл, прикрытый закоптевшим деревянным кругом. Около печки в углу навалена груда кедровых смоляных растопок. Как раз против дверей находится кан, он занимает ровно полфанзы. Кан согревается дымовыми ходами, выведенными наружу. Над котлом устроены полочки,

Некоторые предметы, характеризующие обстановку зверовой китайской фанзы: № 37 – трубка для курения опиума, № 70 – сухая нога кабарги и лапа выдры, употребляемые как дверные ручки, № 28 – ложка для котла, сделанная из раковины *Pecten taхитas*, № 30 – костяные палочки для выкапывания женьшеня и складной садовый нож (Панцуй Ченза), № 14 – китайский охотничий календарь

Quelques objets caractérisant l'intérieur d'une hutte de chasseur chinois

на них помещаются берестяные коробки с солью, спички, баночка из-под укуса и кухонная посуда. Вся утварь сделана тоже крайне грубо и топорно и состоит из нескольких деревянных корытц различной величины, предназначенных для промывки чумизы, жестяной чашки, поварёшки, сделанной из железа или из морской раковины, железного скребка, употребляемого для чистки котла после варки каши, и нескольких эмалированных глиняных чашек. Палочки для еды хранятся в круглой деревянной коробке, повешенной на столбе, поддерживающем крышу фанзы. С правой стороны на полу, около стены, сложен небольшой очаг. В этот очаг выгребаются горящие угли из печки, когда

пища сварена и когда кан нагрет достаточно. Непременной принадлежностью всех зверовых фанз будет охотничий календарь (хон-ли). Он вешается на стене около кана и состоит из тридцати палочек, надетых на верёвочку. Длинные палочки означают начало, середину и конец месяца. Передвигая ежедневно по одной палочке, охотник ведёт счёт дням, целые месяцы отмечаются на крайней палочке особыми зарубками.

Кроме того, в каждой зверовой фанзе всегда есть инструменты, употребляемые зверовщиками для устройства ловушек. Это будут — долотца разной величины, пробойник, малая поперечная пила, сверло, струг, кривые топоры для долбления деревянных чашек, разной формы скребки для очистки кож от шерсти, инструменты для плетения верёвок, шилья с рукоятками, сделанными из патронных гильз, молотки, кривые ножи и т. п. Самым же главным инструментом в руках зверовщика-китайца будет небольшой остро отточенный клиновидный топор американского типа.

В Уссурийской тайге особенную ценность приобретает стекло и стеклянная посуда. Китайцы с бутылками обращаются особенно бережно. Это своего рода меновая единица. Мне не раз случалось видеть, как пустые бутылки в виде презента преподносились охотниками друг другу. Как бы тяжела ни была ноша китайца, как бы далеко он ни шёл в путь, он никогда не бросит бутылку, и чем глубже он унесет её в горы, тем большую ценность она приобретает. В горах Цамо-Дынза и Пидан в одной зверовой фанзе в 1895 году в окно, оклеенное бумагой, был вставлен небольшой кусок стекла — и этого было достаточно, чтобы фанзу называли «Стеклянной», и этого было достаточно, чтобы название «Стеклянная Падь» укрепилось и за тем местом, где стояла фанза.

Разделять местных китайцев на земледельцев и зверовщиков-охотников нельзя. Земледельцы — они же и зверовщики! Обработкой земли китайцы занимаются лишь постольку, поскольку это необходимо, чтобы собрать продовольствие на время охоты и звероловства, и для того, чтобы кредитовать инородцев кукурузой, чумизой и ханшином.

Глядя летом на китайцев, работающих около своих фанз на полях и огородах, трудно допустить мысль, что имеешь дело со зверовщиками и охотниками, а между тем это так.

В конце лета, в августе месяце, хозяева фанз посылают своих работников в горы. Они понемногу начинают завозить туда провизию, инструменты и починают ловушки.

В Южно-Уссурийском крае китайцы продовольствие завозят летом вьюками на лошадях, а на Иман и в Заольгинском стане — зимою (в феврале или в начале марта) по льду реки в нартах. Запасы эти они складывают в фанзах в особые долблённые кадешки и оставляют их там без всякого присмотра до осени, пока не придёт время охоты.

Доставка продуктов в зверовые фанзы обходится китайцам очень дорого, приблизительно по 1 рублю 50 копеек в сутки с пуда. Вот почему в горах Сихотэ-Алиня один пуд муки стоит около 16 рублей, а пуд чумизы 10 рублей и более.

В тайге чужие продукты трогать нельзя. Только во время пути, в случае голодовки, разрешается воспользоваться чужой провизией, но при условии, чтобы взятое из первого же жилья было немедленно доставлено на ме-

сто, иначе хозяин дуй-фанзы должен будет прекратить соболевание и уйти из тайги преждевременно. Иногда недостаток провизии может привести к гибели самого охотника. Например, в случае неожиданного наводнения, глубокого снега, дальности расстояния и т. п. Все манзы знают это и потому строго соблюдают таёжные законы. На нарушителей их налагаются взыскания от простого возмещения причинённых убытков до смертной казни включительно в зависимости от того, какие последствия имела кража чужой провизии.

Известно, что соболь живёт в самых глухих лесах. По земле он не любит ходить и предпочитает бегать по колоднику. Китайцы заметили это и стали устраивать свои ловушки на валежнике. Если место хорошее, видно, что соболь ходит тут постоянно, а вблизи нет подходящего бурелома, то соболёвщики валят на землю живые деревья. Китайская соболиная ловушка (дуй¹) устроена следующим образом. На лежне (будем так называть дерево, лежащее на земле) в два ряда вбиваются колышки величиною от 6 до 8 дюймов. Колышки эти образуют нечто вроде коридора длиною около 1,5 аршина и шириною от 2 до 4 вершков. Над лежнем находится другое бревно, меньшее по размерам. Одним концом бревно это упирается в лежень, а другой конец его поднят кверху и находится на весу, примерно на высоте 3 футов. Между рядами колышков положены две тонкие дранки, которые внутренними своими концами опираются на два коротких прутика, заложенных в вырезки, сделанные с обеих сторон двух ближайших к ним приколышей. От одного из этих прутиков к верхнему бревну идёт верёвочная «снасть». При помощи особого рычага она удерживает бревно в висячем положении. Когда соболь пробегает по дранкам, он силою своей тяжести сдвигает их с прутиков, верхнее бревно срывается, падает и давит животное. Ставить такую ловушку надо умеючи. Если её поставить очень слабо, то ловушка без разбора будет давить всех птиц и мелких животных — бурундуков, мышей, воробьёв, поползней и т. д.; если же её поста-

*Китайская соболиная ловушка
Piège à zibelines tendu par les chasseurs chinois*

вить туго, то она пропустит соболя и не будет действовать вовсе. Обыкновенно в ловушки, кроме соболей, попадают во множестве белки, хорьки, рябчики, сойки, кедровки и другие птицы.

Осенью, как только поля будут убраны и наступят холода, китайцы оставляют свои дома и уходят в тайгу на соболевание. В фанзах остаются только глубокие старики и калеки, неспособные работать.

Здесь, в глухой тайге, в маленьких фанзочках они живут в одиночку, иногда по два и по три человека. Ловушки у них расположены всегда по круговой тропинке; обык-

¹ Отсюда и название «дуй-фанза», т. е. фанза охотника за соболями. Русские эти ловушки называют «кулёмками» или «слопцами».

новенно их от 500 до 3000 штук. Работа китайца-соболёвщика очень тяжёлая. Чуть свет он уже на ногах. Несмотря ни на какую погоду, он должен ежедневно их осматривать. С маленькой котомкой за плечами он бежит по тропе и подходит только к тем ловушкам, которые упали. Быстро, без проволочек, собирает добычу, налаживает ловушку снова и снова бежит дальше. Уже совсем к сумеркам китаец успевает пройти только половину дороги. Тут у него построен маленький балаганчик из дерева, корья и бересты. Переночевав здесь у костра, на другой день с рассветом он проходит другую половину дороги, вновь на бегу собирает добычу и только к концу дня добирается до своей фанзы. А назавтра он опять уже на работе и опять осматривает ловушки — и так изо дня в день подряд в течение нескольких месяцев. Сезон соболевания продолжается с половины сентября до тех пор, пока глубокие снега не завалят ловушки. Тогда звероловы оставляют свои заповедники и возвращаются к своим обычным занятиям. Раньше из тайги уходят те, у которых мало съестных припасов. За последние пять лет китайцы научились от инородцев ходить на лыжах и выслеживать соболей по снегу. Поэтому многие из них остаются теперь в зверовых фанзах на всю зиму вплоть до весны, и если возвращаются в земледельческие фанзы, то лишь на время, для того чтобы пополнить запасы продовольствия и вновь продолжать соболевание.

С уходом манз из тайги не все соболиные фанзочки пустуют. Некоторые китайцы живут в них постоянно в течение всей своей жизни. Это в большинстве случаев одинокие старики, давно уже приехавшие в край и порвавшие всякие связи со своей родиной. Дикая природа этих мест наложила на них свою печать. Вечные опасения за свою участь и безотчётный страх перед этой огромной лесной пустыней как будто подавляют их, они утрачивают человеческий образ и становятся дикарями. Живут эти китайцы в самой ужасной, грубой, примитивной обстановке и все цели своего существования сводят к тому, чтобы только найти себе пропитание. Здесь, в глухой тайге, они умирают одинокими, так что некому совершить над ними обряд погребения.

В 1902 и в 1903 году у стариков китайцев, живущих в весьма глухих таёжных местах хребта Да-дянь-шань, я дважды видел каменные молотки. Странно было видеть каменные орудия в руках людей в XX веке. Ни за какие деньги они не хотели мне их уступить. Из расспросов удалось установить, что один из этих китайцев нашёл готовый уже молоток на пашне около земледельческой фанзы, а другой сам обдeldывал камень, для чего пользовался старым рашпилем.

Осенью в 1903 году один раз с шестнадцатью стрелками охотничьей команды я пробирался по местности совершенно дикой и безлюдной. После 8 дней пути мы остановились биваком в самых истоках реки Улахэ. Утром я пошёл на охоту. Отойдя от бивака версты четыре, я совершенно случайно натолкнулся на маленькую зверовую фанзочку, похожую скорее на логовище зверя, чем на человеческое жилище. Фанзочка была пустая, но горячая зола в очаге, кое-какая деревянная посуда и остатки пищи свидетельствовали о том, что в фанзе этой ещё живут люди. Я остался ждать. Минут через двадцать пришёл хозяин. Это был глубокий старик, одетый в рубище. Надо было видеть его испуг и удивление! Я его успокоил. Поохотившись в окрестностях, я пришёл к нему ночевать. Страхи прошли, мы присмотрелись друг

к другу и разговорились. Оказалось, что в крае он живёт 62 года и что здесь, в этой землянке, совершенно одиноким он прожил подряд уже 46 лет. За всё это время он видел только двух китайцев. Других людей он не видал. Одни и те же один раз в году они приходили к нему с выючными конями, привозили буду, соль и кое-что из одежды, а взамен этого забирали у него ту пушнину (хорьков, белок и случайного соболя), которых он мог поймать на своих 120 ловушках. Питался этот старик только горстью чумизы и тою живностью, которую он добывал своим звероловством. В тот же день вечером старик заболел: он сильно кашлял, стонал и жаловался на грудь. Ночь была холодная и ветреная. Два раза я вставал и затапливал печь, чтобы нагреть каны.

К утру старик успокоился и уснул. Когда рассвело, я не стал его будить и тихонько ушёл из фанзы.

Через 38 дней мне случилось возвращаться тою же дорогою. Я нарочно свернул в сторону, чтобы навестить своего нового знакомого. Старик лежал на нарах в том же положении, в каком я оставил его первый раз при уходе: он был мёртв. Мы завалили камнями и буреломом вход в фанзу и пошли дальше. Без малого только ещё через полгода, быть может, пришли к нему опять те же два китайца и тогда похоронили его по своему обряду.

Вернусь опять к зверовым фанзам. Лет двенадцать тому назад одна соболиная фанза за сезон собирала приблизительно 12–15 соболей, около 1 000 белок, 100 штук хорьков, около 3 000 рябчиков и с сотню голов кабарги¹.

Если считать соболя по средней цене в 40 рублей, белку по 50 копеек, хорька по 1 рублю, рябчика по гривеннику и кабаргу по 4 рубля за штуку, то при общем подсчёте получится цифра около 2 000 рублей. Прибавьте к этому ещё панты в несколько сот рублей каждая пара и меха, отбираемые у инородцев, то сумма эта увеличится по крайней мере вдвое.

Ещё не так давно китайцы хозяйничали в тайге бесконтрольно и совершенно игнорировали русских. В 1906 году в одной из покинутых зверовых фанз на реке Санхобе мне удалось найти документ, написанный китайскими иероглифами. Документ этот был переведён на русский язык окончившим Восточный институт капитаном Шкуркиным и заключал в себе переписку китайца-охотника с китайцем, живущим где-то около Пекина. В документе говорилось *о продаже верховьев реки со всеми притоками, как охотничьего места, и о продаже дуй-фанзы и всех соболиных ловушек*. Из этого можно видеть, насколько китайцы самостоятельно распорядились землями в Уссурийском крае.

В период между 1899–1910 годами численность китайских охотников здесь достигала до 50 000 человек. Китаец Чин-фа-дун, известный скупщик мехов, проживший в Приамурье более 45 лет, полагает, что в то время соболеванием в тайге на русской территории ежегодно занималось не менее 40 000 человек. Большинство этих зверовщиков жило в зверовых фанзах, но значительная часть их ютилась в шалашах, в юртах у инородцев и даже в палатках, отапливаемых железными печами. Цай-тун'ы Ли-чан-фу и Ли-тан-куй из Сянь-ши-хе-цзы считали, что в 1905 году на реке Иман китайских охотников было не менее 3 000 человек. Прилагаемая при этом

¹ В настоящее время зверовые промыслы эти значительно сократились: 1) вследствие заселения края русскими, 2) вследствие преследования браконьеров лесной стражей, 3) вследствие массового истребления зверей, 4) вследствие постоянных непрекращающихся лесных пожаров.

таблица даёт представление о том, как тогда распределялись зверовые фанзы в центральной части Сихотэ-Алиня.

Уезды	Стан	Название реки	Год	Число зверовых фанз
Ольгинский	Заольгинский	Санхобе	1906	26
		Кулумбе	1907	12
		Билимбе	1904	18
		Иодзыхе	1904	16
		Такема	1905	28
		Кусун	1903	11
		Сяо-Кема	1899	4
		Амагу	1900	9
Иманский	Иманский	Верховья Имана	1906	41
		Кулумбе	1912	27
		Арму	1910	38
		Итого		231

Таким образом, в одном только горном узле Сихотэ-Алиня в границах от реки Санхобе до реки Кусуна со стороны моря и по рекам Кулумбе и Арму, входящих в бассейн Имана, в период с 1899 года по 1910 год насчитывалось 231 соболиная фанза. Если увеличить эту цифру сообразно площади, занимаемой китайской охотничьей организацией, в десять раз, то получится общее число зверовых фанз во всём Уссурийском крае в 2 000—2 500.

Если считать на каждую фанзу в среднем по 500 ловушек, то общая численность всех ловушек будет приблизительно равняться 1 200 000 штук. Если считать за весь год только 10 % ловушек счастливых, то при этом расчёте соболей будет поймано около 120 000. Теперь попробуем произвести подсчёт с другой стороны. Если считать, что каждый китаец-охотник в год поймает 2—3 соболя, т. е. столько же, сколько и инородцы (иначе не стоит тратить время), то общий подсчёт вылавливаемых ими ежегодно соболей выразится в цифрах 100 000—150 000 животных. На самом же деле китайские охотники всегда добычливее русских и добычливее инородцев, и на каждого соболевщика-китайца следовало бы считать не два-три соболя, а три или четыре.

И по моему глубокому убеждению, основанному на близком знакомстве с китайцами на местах лова соболей, цифра эта не только не увеличена, но, я думаю, что она уменьшена.

В 1910 году, когда соболиный промысел начал уже значительно сокращаться, в бассейне одной только реки Санхобе (бухта Терней под 45° с. ш.) в её окрестностях китайцами было поймано 63 соболя и 30 000 белок¹.

В 1909 году оттуда была вывезена точно такая же партия пушнины. В то время на Санхобе было уже не 26 соболиных фанз, а только 18. В среднем на каждую фанзу приходилось по 3,5 соболя и по 1 666 белок. Между тем мне лично удавалось видеть в некоторых фанзах по восьми, девяти, десяти и больше соболей и от 1 500 до 2 000 белок. О размерах хищничества

¹ Протокол находится в делах у Ольгинского лесничего за 1910 год.

китайцев в Уссурийском крае можно судить из записей золотопромышленника г. Якубовского, добытых им в верхнем течении реки Имана. Из этих записей видно, что за время с 1 ноября 1912 года по 15 февраля 1913 года, т. е. за 107 дней, через руки одного только цай-тун'а Лю-ва-ина прошло:

№№	Наименование предметов	Количество	На сумму
1	Кабарожьей струи	637	3 640 руб.
2	Хорьков	1 783	1 700 руб.
3	Соболей	241	12 000 руб.
4	Рыси	10	250 руб.
5	Медведей	21	250 руб.
6	Тигров	5	630 руб.
	Итого		18 370 руб.

Цай-тун'ы открыто заявляют, что одно только звероловство в Уссурийском крае даёт им возможность в короткий срок скопить столько денег, чтобы потом по возвращении на родину жить безбедно. По их словам, нужно быть очень ленивым человеком, чтобы, имея под рукой «тазов», в течение 8—10 лет не скопить 50 000 рублей. Накопив денег, китаец ни за что не останется в Приамурье, он непременно уйдёт на родину. Захватив всю тайгу и разделив её на участки между собою, цай-тун'ы воспретили инородцам ходить на охоту до тех пор, пока их рабочие занимаются соболеванием. Орочи и гольды начинают промыслять соболей только тогда, когда китайцы уйдут из гор и оставят свои дуй-фанзы.

Но вот возвратились манзы, пришли с охоты и инородцы. Лихорадочная деятельность охватывает всё китайское население. Это время скупки пушнины, время расчётов и расплаты с должниками. Изголодавшийся ороч озабочен не тем, как бы выгоднее продать своих соболей (китайцы будут брать их у него по цене, которую сами назначат), а о том, как бы только при подсчёте с кредиторами они не отобрали бы у него оружие, жену и ребёнка. Наконец подсчёты кончены, манзы расходятся по своим фанзам и предаются азартным играм в банковку.

В то же время проявляют усиленную деятельность хунхузы. Они появляются то здесь, то там, нападают на соболёвщиков и отбирают у них деньги и всё, что есть ценного. Если китайцы не хотят указать, где у них спрятаны деньги, хунхузы прибегают к пыткам.

Наконец страсти мало-помалу успокаиваются; жизнь входит в свою обычную колею; приближается весна и начинается перекочёвывание манзовского рабочего населения. Получив расчёты у своих хозяев, они отправляются в новые места в поиски за новою работой. Часто они совершают очень большие переходы; далёкие расстояния их не смущают. Путешествуя по всему краю, живя то здесь, то там, занимаясь в горах охотой и звероловством, местные китайцы хорошо изучили весь край. Они знают наиболее низкие перевалы через горные хребты и по таёжным тропкам, известных им только одним, проходят в ту или иную местность в кратчайшем направлении. Весной по всем дорогам и тропам всюду можно встретить целые вереницы рабочих манз, идущих на заработки.

Никто лучше китайцев не приспособился укладывать и носить котомку. Обыкновенно во время путешествия они носят с собой следующие вещи: маленький железный котелок, небольшой топор, чашечку для еды, козью шкуру для подстилки, лёгкое одеяло, запасную пару ул, полотнище походной палатки и запас продовольствия по числу дней пути. Путевое продовольствие китайцев обыкновенно состоит из мучных лепёшек, чумизы (род проса), огородных овощей и бутылки с бобовым маслом. Все вещи плотно укутываются в палатку, увязываются верёвкой и затем вкладываются в сетку (бэй-доу-цзы) или прикрепляются к рогулькам, носимым на спине при помощи лямок (бей-цзя-цзы). Кроме того, необходимой принадлежностью манзовского походного снаряжения будет ещё полог для защиты от комаров и мошек (вэнь-чжан), сшитый из дрели.

Полог этот вешается на верёвках между двумя деревьями и представляет из себя нечто вроде футляра, внутри которого помещается спящий человек; края полога подвёртываются внутрь под козью шкуру. В носку котомки надо втянуться. Китайцы носят на себе до 2 пудов и перетаскивают такие грузы на большие расстояния. Во время далёких путешествий, в особенности если приходится идти по местности безлюдной, пустынной, манзы берут с собой только одну чумизу и предпочитают её муке и рису: она легка, удобна в переноске, сильно разваривается и мало расходуется. Китайцы находят, что она достаточно питательна.

Во время пути китайцы встают очень рано, варят себе кашницу, после еды отправляются в дорогу и идут до полудня. За это время они раза три отдыхают, курят трубки. В полдень делается большой привал. Сняв тяжёлые котомки, манзы идут к источнику, моют в воде лицо и руки, а затем уже утоляют жажду. Обед варится в котелках, которые ставятся на три камня или на три кола, вбитых в землю. При сухих дровах вода в котле закипает раньше, чем подгорят сырые колья. Закусив лепёшками и наскоро напившись чаю, манзы проворно укладывают свои котомки, вновь отправляются в дорогу и идут так до вечера. Они отлично знают, где в тайге находятся балаганы, и обыкновенно весь свой маршрут распределяют таким образом, чтобы не ночевать под открытым небом.

Балаганы эти делаются из кедрового корья. Постелями служит кора пробкового дерева или береста. Внутри балагана люди лежат ногами к огню. Если людей много, то ставится два односкатных балагана, лицом друг к другу настолько близко, чтобы между ними мог бы поместиться только один огонь. Для защиты огня от дождя на балаганы кладётся по крышка таким образом, чтобы дым не шёл наверх, а выходил бы по обе стороны и не давал бы комарам и мошкам проникнуть внутрь помещения.

За последнее время стали часты случаи убийств и грабежей русскими китайцев в то время, когда последние после охоты возвращаются в свои фанзы.

Китайцы теперь перестали ходить в одиночку, они собираются по нескольку человек вместе, идут стороной, горами, обходят деревни, часто идут ночью, а днём отдыхают. Правда, это в конце концов принудит китайцев оставить звероловство и уйти на родину, но скверно то, что эти грабежи донельзя развращают крестьян и приучают молодёжь к преступлениям.

Китайцы тоже не дают спуска, и при первом случае стараются отомстить своим обидчикам. Поймав где-нибудь в тайге своего врага вра-

сплох, китайцы поканчивают с ним самым зверским способом и труп его сжигают на костре.

Раньше зверовые фанзы стояли открыто, с земледельческими фанзами они соединялись торными тропинками. Теперь китайцы стали прятаться. К фанзам они не протаптывают уже дорожек, а идут целиной и каждый раз по новому месту. Если людей идёт много, то они расходятся поодиночке, идут так одну или две версты, потом сходятся где-нибудь на заранее условленном месте, опять расходятся, опять идут и только вечером собираются вместе на биваке. Этого мало! В зверовой фанзе китайцы теперь ничего не держат. Оружие и патроны хранятся где-нибудь в стороне, в дупле дерева; запасов продовольствия тоже не видно; амбары ставятся далеко от фанз, иногда в двух или в трёх верстах. Было бы ошибочно думать, что пушнина лежит на виду — для неё сделан особый навес, где-нибудь на склоне горы, за рекой или в расщелинах между камнями...

Кроме того, надо всегда иметь в виду, что наблюдательность у китайских охотников очень развита. Он отлично разбирается в следах. Он по следам уже знает, кто прошёл и можно ли от этих людей ожидать какой-нибудь неприятности. Если опасность едва только намечается, китаец не думает о себе, не думает и о своей фанзе, он тут же с места бросается вперёд, кружными тропами и ночными переходами старается обогнать врагов и предупредить других зверовщиков о грозящей им опасности.

Промыслы

Источниками обогащения уссурийских манз были торговля, звероловство, искание женьшеня и морские промыслы, что же касается хлебопашества, то на него они смотрели только как на средство обеспечить себя пропитанием на время охоты и соболевания.

Перечислим по порядку важнейшие из этих промыслов и посмотрим, что именно китайцы вывозили за границу.

Начнём с оленей (см. стр. 16¹).

Ежегодно, тотчас после зимы, все олени сбрасывают сухие рога и некоторое время ходят безрогими. Затем, когда снега стаят и появится зелень, у них снова начинают они расти, и каждый год вырастает одним отростком более. Молодые рога сначала мягкие, сочные и наполнены кровью — это и есть панты (по-гольдски — «фунту», по-китайски — «юн-цзяо»). Все жизненные силы зверя идут в это время в рост его головных украшений. Олени чрезвычайно их оберегают, уходят далеко в горы и забиваются в самую чащу леса. Вот почему найти пантачей очень трудно, и охота на них считается одной из самых тяжёлых. Китайцы приписывают пантам такое же целебное свойство, как и женьшеню. Самые дорогие панты даёт пятнистый олень. Ценность их доходит до 1 000 рублей пара. Рога изюбря значительно дешевле. Самые дорогие из них ценятся не более 300—400 рублей. Как только верхние части пантов начинают окостеневать, они быстро падают в цене. В июле с них начинает шелушиться кожа. Изюбри стараются содрать её; тогда они нарочно бродят по чаще и треплют рогами кусты и молодые деревья. К августу рога окончательно сформировываются и становятся

¹ Стр. 16 (в издании 1914 года, глава «Фауна»).

твёрдыми. Как раз в это время начинается спаривание оленей и бой самцов за обладание матками.

Китайцы бьют оленей на прииск из ружей, бьют самострелами на лесных тропах, загоняют с собаками по насту и в особенности много истребляют лудевами. Лудева — это забор, преграждающий доступ животным к водопою. Забор этот делается из буреломного леса и часто тянется на значительном протяжении. Кое-где оставляются проходы и как раз против них роются глубокие ямы, искусно прикрываемые сверху мхом и сухою травой. Ночью животные идут пить воду, встречаются забор, ищут проходов и попадают в ямы. Чтобы ямы не осыпались, внутри их устраивают срубы так, как это делают в колодцах. Глубина ямы около восьми футов. Случается, что летом во время дождей ямы наполняются водою. Чтобы попавшее туда животное не утонуло, на глубине трёх футов от поверхности земли из толстых, гладко оструганных палок устраивают поперечины. Олень, попавший в такую яму, остаётся в висячем положении: брюхом и грудью он лежит на поперечинах и до дна не достаёт ногами. Поймать живого оленя очень важно для китайцев. Они осматривают у него рога. Если панты недостаточно ещё выросли и обещают быть ценными, то оленя опутывают ремнями, вытаскивают из ямы и в особых станках держат его до тех пор, пока молодые его рога не достигнут своей наибольшей стоимости.

Лудевые станки примыкают непосредственно к фанзе. Вместе с фанзой они обнесены частоколом высотой в 2 сажени на тот случай, чтобы олени не могли перепрыгнуть изгородь и уйти на волю. Панты с оленя китайцы снимают двояким образом: 1) спиливая их с живого зверя и 2) убивая животное и вырубая

рога вместе с частью черепной крышки. Первый способ выгоден в том отношении, что является возможность с одного и того же животного снимать панты ежегодно в течение нескольких лет. Но так как при этой операции вытекает много сока и крови, то спиленные панты недорого ценятся. Во втором случае, т. е. когда убивают оленя, кровь сохраняется в рогах. Правда, олень гибнет как производитель, но зато такие панты ценятся очень высоко, а главное — возни меньше. Операцию спиливания рогов китайцы производят обыкновенной пилой; большие места присыпаются толчёным углем, после этого оленя развязывают и пускают в загон на свободу.

Станки для оленей, пойманных ямами
Enclos pour l'élevage des cerfs pris dans les pièges

Снятые с оленя панты в своём естественном виде могут пробыть недолго. Они скоро портятся. Для предохранения от гниения китайцы варят их в горячей воде. Варка производится в больших котлах на открытом воздухе. Не всякий китаец умеет варить панты. Есть особые специалисты-пантовары (цай-юн-цзяо). Процедура варки пантов происходит следующим образом: вода в котле отнюдь не должна кипеть, её немного не доводят до кипения. При первой варке в котёл, как вяжущее вещество, бросается кусок кирпичного чая. Если панты варить в крутом кипятке или если их долго держать в горячей воде, то они лопнут и тогда сразу потеряют свою ценность. Панты, предназначенные для варки, привязывают к деревянным вилкам длиной в 2–3 фута. Когда вода нагрелась настолько, что готова уже закипеть, пантовар погружает в неё панты только на одну секунду, тотчас же вынимает наружу и даёт остынуть. Он сдувает ртом пар и внимательно осматривает их со всех сторон. Затем вновь погружает их в воду, вновь даёт им остынуть и т. д. Такая варка продолжается с полчаса. На другой день пантовар варит их в течение 45 минут и держит в воде каждый раз уже с полминуты. На третий день он панты варит около часа; выдержка в горячей воде увеличивается до минуты и так далее, до тех пор, пока рога окончательно не сварятся.

Если пантовар неопытен, невнимателен или небрежен, то он может испортить панты. Например, он может сварить их только снаружи и оставить их сырыми внутри. Поэтому китайцы дают пантовару не плату, а известный процент (10–12) с суммы, вырученной от продажи пантов после варки.

Рынком сбыта пантов является исключительно Китай. Молодые рога лосей и диких коз цены не имеют и китайцами не покупаются вовсе. Оленьи и изюбриные панты употребляются китайцами медициной, как лекарство, вместе с женьшенем, о чём я буду говорить ниже подробнее.

«Если русские охотники действуют ружьём на прииск, то манзы до энергичного преследования их лесным надзором действовали для добычи пантов (ки-деу), выпоротков (лу-тай), рогов (кон-цаза) и лакомого оленьего хвоста (лу-иба) своими изгородями и ямами (лу-дева), и корейцы капканами „башмаками“ — наверняка. Для суждения о размерах манзовского способа истребления оленей в Уссурийском крае можно судить из сравнений цифровых данных прежних исследователей с настоящим временем»¹.

По статистике г-на Надарова в 1880 году в Уссурийском крае было 175 лудев и при них 8 766 зверовых ям². Лудевы тогда распределялись следующим образом:

№№	РАЙОНЫ	Число лудевых фанз	Количество зверовых ям
1	Округ Сучанский	58	2 500
2	» Южно-Уссурийский	95	5 653
3	» Аввакумовский	22	613
Итого		175	8 766

Хотя тогда и принимались меры к уничтожению зверовых ям, но они не достигали цели.

¹ См. отчёт Владивостокского общества любителей охоты, написанный подполковником Арсеньевым в 1905 году.

² Надаров, И. П. Материалы по изучению Уссурийского края. — 1887. — С. 130—131.

Из таблицы протоколов, составленных в 1895–1900 годах, по одному только Сучанскому лесничеству мы узнаём о существовании следующих лудев¹:

1) Сяухинская лудева в вершине реки Ся-уху (Сяо-хэ), впадающей в бухту Преображения: длина 1 верста 400 саженей, с одной китайской фанзой близ неё и другой фанзой на берегу бухты Преображения. Протокол по оценке леса, употреблённого на изгородь, ямы и фанзы по казённой таксе на 308 рублей 21 копейку.

2) Яндегоузская лудева по правому бассейну низовьев реки Тасудухэ (Да-Судзу-хэ), длиною в 2 версты с 10 ямами. Протокол на 117 рублей 42 копейки.

3) Лудева Тапоузовская, осмотренная часть каковой в долине реки Тапоуза (Да-поуза) на протяжении 2 вёрст заключала 13 ям и 1 китайскую фанзу. Протокол на сумму 396 рублей 80 копеек.

4) Чингоузовская — в бухте Восток близ устья реки Тауху (Да-у-хэ) с 1 фанзой на взморье. Протокол на 309 рублей 80 копеек.

5) Ханганская лудева в бухте Валентина, длиной 7 вёрст с 1 фанзой на взморье. Протокол 492 рубля 71 копейка.

6) Лудева Вызгоузская — по бассейну низовьев реки Тасудухэ (Да-Судзу-хэ), длиною в 8 вёрст с 40 ямами.

7) Таудиминская — в бассейне реки Таудими (Да-Удими), длиною в 10 вёрст с 8 действующими ямами и с одной фанзой. Протокол на сумму 264 рубля 54 копейки.

8) Эльделянзовская лудева, длиною в 15 вёрст с одной фанзой — в бухте Козьмина.

9) Лудева Сяосудухинская — вдоль по реке Сяосудухэ (Сяо-Судзу-хэ), длиною в 21 версту со 190 ямами и 5 фанзами.

10) Вангоузско-Ямбагагоузская — на перевале с реки Вангоу в долину реки Ямбагагоу, длиною в 55 вёрст, более чем со 105 ямами и 8 фанзами. Протокол на 1 346 рублей 70 копеек.

Наконец, цепь изгородей по обеим сторонам реки Да-Судзу-хэ до предела хвойных насаждений в её вершине, выше устья реки Сяо-Судзу-хэ, каковые разрушались без всякого исчисления вследствие большого их числа и вследствие бегства охотников с момента появления отряда стражи ещё в низовьях долины.

В 1906 и 1907 годах я видел лудевы по рекам Тадушу, Синанце, Тютихе, Аохобэ, Сехобэ и Адимил-Дун-Тавайзе.

№№	НАЗВАНИЕ ЛУДЕВ	Число фанз	Длина лудев в вёрстах	Число ям
1	Тадушинская	1	11	51
2	Тютихинская	1	7	37
3	На реке Синанце-Иодзыхэ	1	4	18
4	Аохобейская	2	20	142
5	Сехобейская	2	25	150
6	Адимил-Дун-Тавайза	1	12	82
Итого		8	79	479

¹ См. схему в конце книги.

В 1903 году лудевы эти были разрушены лесничим и приставом, но спустя два года китайцы их снова возобновили, увеличили заборы и выкопали новые ямы. По сведениям от местных китайцев, бывших рабочими на Аохобейской лудеве, хозяин её, китаец Та-дянза, за один только 1904 год заработал более 20 000 рублей.

Осматривая эти лудевы, мы находили в ямах живых оленей и коз. Мои казаки опутывали их арканами, вынимали на поверхность полузадушенными и отпускали на свободу. В одной из фанз Сехобейской лудевы оказалось около 40 пудов оленьих жил. Можно судить, сколько понадобилось убить ценных животных, чтобы собрать такое количество сухожилий¹.

Примером размера добычи по весеннему насту может служить случай одного только арестования в бухте Чуз-Гоу (Чу-цзы-гоу), что в области бухты Находка, 20 марта 1895 года 20 козких и оленьих туш, 14 оленьих и 2 козких кож, 8 оленьих выпоротков, 4 пары оленьих и 8 пар козких рогов. Всего же здесь, по рассказам корейцев соседней солеварни, было в течение двух недель загнано и зарезано более 60 зверей.

За оленями китайцы охотятся не только ради одних пантов. Они берут от них ещё выпоротки, хвосты, жилы и репис'ы. Выпоротками (лу-тай) называются плоды стельных маток, употребляемые китайцами для изготовления лекарств. Весной, в марте и апреле, манзы специально охотятся за матками, бьют только «тяжёлых» и пропускают холостых. Из выпоротков лекарство готовится следующим образом: сперва их варят в горячей воде, затем из мяса выбирают кости, сушат их и перетирают в порошок, из которого делаются пилюли. Лекарство это употребляется в том случае, если человек надорвался на тяжёлой работе. Для мужчин идут олени выпоротки, для женщин — изюбриные. Раньше китайцы добывали в год до 1 500 оленьих и до 2 000 изюбриных выпоротков и продавали: олени — по 4 рубля, изюбриные — по 1 рублю за штуку. Теперь выпоротков добывается около сотни оленьих и 150 изюбриных по цене: первые от 7 до 8 рублей, вторые — от 3 до 4 рублей за штуку².

Хвост (лу-и-ба) ценится как гастрономическое лакомство. Олений хвост длиннее изюбриного: внутри его проходит тонкий стержень, обложенный жирной массой, имеющей вкус средний между молодой печёнкою и мозгами. Лет двадцать тому назад за границу вывозилось более 15 000 хвостов. В первые годы олений хвост ценился в 5 рублей, изюбриный — в 3 рубля, но теперь цена возросла вдвое. Олений хвост стоит 10—11 рублей, изюбриный 4—5 рублей. Ежегодный вывоз понизился до 200 штук.

Жилы (лу-цзинь) берутся из задних ног изюбрей и оленей и вывозятся в Китай как пищевой продукт. Перед употреблением в пищу их долго размачивают в горячей воде. Вкус оленьих и изюбриных жил такой же, как у вязиги. Иностранцы и китайские охотники сушат их, разбирают на тонкие волокна и употребляют вместо ниток. До 1903 года из Уссурийского края за границу ежегодно вывозилось около 1 200 пудов жил. Один олень даёт

¹ Жилы берутся только из задних ног животного. Один олень даёт 1 фунт сухожилий. Значит, для того, чтобы собрать сухожилий 40 пудов, надо было поймать и убить около 1 600 оленей.

² Данные о промыслах, количество вывозимых продуктов и цены на них в прежнее время и теперь получены мною от известных китайских старожиллов пай-тун'ов Ли-чин-фу (на Имане), Цо-хун-тай (залив Св. Ольги) и Чин-фа-дун (в г. Хабаровске).

1 фунт сухожилий, изюбрь даёт 1,5 фунта сухого продукта. Раньше на месте жилы стоили 30—40 копеек фунт, а в Китае 70—80 копеек. В настоящее время промысел этот начал падать и вывоз сократился до 100 пудов, вместе с тем цена поднялась: в Уссурийском крае до 80 копеек и за границей до 1 рубля 20 копеек за фунт.

Оленьи репис'ы (китайское название — лубянь) употребляются китайскими знахарями как средство против полового бессилия. Препарат сушится и растирается в порошок, из которого приготавливают пилюли. Иногда к этому порошку примешивается порошок женьшеня. Раньше манзы ежегодно добывали оленьих репис'ов от 15 000—25 000 штук. Продавался он по весу и стоил приблизительно: изюбриный — 1 рубль 20 копеек фунт, олений 3—4 рубля. В настоящее время изюбриный репис стоит от 2 до 2 рублей 50 копеек, а оленьих нет вовсе. Репис лося совсем цены не имеет, но вследствие большого спроса на изюбриные члены русские промышленники стали обманывать китайцев и продавать им сохатинные репис'ы вместо изюбриных.

Сухие рога (гань-цзао-цзы) употребляются в китайской медицине. Добываются они двояким способом: убоем живых зверей или подбираются с земли те, которые естественным путём ежегодно сбрасывают сами олени. Первые стоят дороже, вторые — значительно дешевле. Сброшенные рога китайцы ищут весною, пока трава ещё сухая, пока в тайге ещё сыро и можно пускать палы без опасения зажечь лес. Изюбриные рога, снятые с живых оленей, ценятся от 60 до 70 копеек, а оленьи рога от 3 до 4 рублей фунт. В настоящее время рога покупаются у охотников. В течение года собирается по всей стране сухих рогов около 100 пудов, в 1895—1899 годах их вывозилось за границу более 500 пудов.

Для изготовления лекарства рога рубят на части и долго варят в крутом кипятке. Затем навар подвергается выпариванию, отчего получается весьма густая клейкая масса. Высушенная, она становится буровато-жёлтой и весьма плотной. Употребляется в виде пилюль или в виде настоя на водке.

Кабарга (китайское название шань-лю-за) ловится китайскими охотниками в горах, покрытых густым хвойным лесом. Для ловли их устраиваются засеки из бурелома и поваленных хвойных деревьев. Это тоже своего рода лудевы (шань-лю-бань-цзы). В засеке кое-где оставляются проходы с верёвочными петлями, причём один конец верёвки прикрепляется к дереву, пригнутому к земле. Если кабарга заденет петлю ногой и сдвинет её с места, то петля освобождается, дерево выпрямляется и подымает животное в воздух. Животное ловится ради его мускуса (сян-цзи-цзы). Лет двадцать тому назад китайцы добывали ежегодно от 25 000 до 30 000 кабарожьих струй. Так как мускусные пупки имеются только у самцов, то надо считать, что в лудевах бесполезно погибало столько же и маток. Вследствие такого массового истребления кабарги промысел этот в настоящее время значительно сократился. Скупщики кабарожьего мускуса говорят, что теперь из всего Уссурийского края им удаётся собрать не более 2 500—3 000 струй. Раньше один кабарожий пупок с мускусом ценился от 1 рубля 50 копеек до 2 рублей, в последние годы цена возросла уже до 6 рублей за штуку.

Древесные (дубовые) студенистые грибы из семейства Tremellinaceae (китайское название му-эр). В восьмидесятых годах грибным промыслом

занимались девять фанз в Ханкайском округе, откуда вывозилось сухих грибов около 400 пудов ежегодно¹. Деятельность китайцев в других округах в этом направлении неизвестна. В то время один пуд сухого продукта ценился около 12 рублей. Грибы эти собирались с молодого дубового валежника. Поваленное дерево в первый и второй годы не даёт грибов вовсе, на третий и четвёртый год грибы начинают появляться, но мало. Самый расцвет роста грибов будет на пятом и шестом году. После этого дуб начинает гнить и распадаться. На рухляке хотя и появляются ещё грибы, но мелкие и невкусные. Древесные грибы растут только в дождливое время года. Ради них в прежнее время манзы валили на землю целые дубовые рощи. В 1881–1895 годах центром промысла была область Засучанья, где имелись специальные грибные фанзы с горячими канами для сушки грибов. Когда грибы просыхали настолько, что их можно было брать руками, их выносили наружу и сушили на ветру и на солнце.

Г. Надаров отрицает существование грибного промысла в Уссурийском крае². Он ошибается. Промысел этот был и существует по сие время, хотя уже и не в таких больших размерах. Китайцы продолжают и теперь ещё валить деревья на землю и собирать с них грибы. Это я видел в 1903 и в 1910 годах на реке Судзухэ.

С 1895 по 1900 год из Зауссурийского края ежегодно средним числом вывозилось около 2 000 пудов сухого продукта. В то время он стоил 15–20 копеек фунт. Затем в 1906 году цена на грибы поднялась до 50 копеек на месте и до 1 рубля 50 копеек фунт в Китае, какая и держится там по сие время.

Манзы, занимающиеся грибным промыслом, большею частью занимаются вместе с тем и сборами лишая.

Каменный лишай (из группы Parmeliaceae. По-китайски ши-хуй-пи, т. е. каменная кожа) собирается на скалах со стороны, подверженной дождям и туманам. Северной границей сбора лишайника будет река Иман и низовья Бикина, но, главным образом, добывается он в Зауссурийском крае на берегу моря. Ежегодный вывоз за границу около 2 500 пудов. В Китае продаётся по 7 копеек фунт.

Корни *Astragalus membranaceus* (хуан-чин) выкапывают в июле и августе месяце из земли по долинам рек. Употребляются в медицине. В Уссурийском крае корни продаются по 20 рублей пуд, в Китае цена повышается втрое и доходит иногда до 70 рублей пуд. Один лан сухого корня стоит 1 рубль 50 копеек. Во всей стране манзы-искатели выкапывают и отправляют за границу астрагала около 2 000 пудов.

Жемчуг (ракушники, относящиеся к бессифонным — *Asiphoniata Mutilidae*. Китайское название чжу) добывается в Уссурийском крае по рекам Бикину, Иману, Ваку, Ното, Даубихэ, Улахэ, Фудину и в Маньчжурии по рекам Муреню, Нору, Мудадзяну и Сунгари. Любимым местом жемчужных раковин будут тинистые глубокие протоки в тайге, где нет вблизи человеческого жилища. Добыча жемчуга производится водолазами. Держась за шест, упёртый одним концом в дно реки, китаец спускается по нему в воду и там спешно собирает раковины — столько времени, сколько позволяет

¹ Надаров, И. П. Северно-Уссурийский край. — С. 131.

² Надаров, И. П. Северно-Уссурийский край. — 1887. — С. 101. Его же. Материалы по изучению Уссурийского края. — 1887. — С. 142.

ему дыхание. Вследствие низкой температуры воды в реках китайцы на эту работу идут крайне неохотно. Из пятидесяти добытых раковин приблизительно одна бывает с жемчугом. Опытный водолаз в летний сезон может добыть до 120 жемчужин. По величине своей жемчуг делится на три группы: мелкий, средний и крупный.

Китайцы говорят, что в Уссурийском крае раньше они ежегодно добывали до 5 000 жемчужин, из числа которых около сотни было средних и штук двадцать крупных. Жемчуг продавался по весу, один лан стоил десять рублей. На лан приходится около 40 мелких жемчужин. Жемчуг средней величины стоит от 30 до 50 рублей, а крупный от 150 до 200 рублей каждое зерно. Самый ценный жемчуг добывается на реке Сунгари. Там встречаются зёрна, которые достигают стоимости до 500 рублей и более. По мере заселения края русскими жемчужный промысел начал быстро падать и почти уже сошёл на нет.

Трепанги (*Holothuria edulis*. Китайское название хай-шень) ловятся у берегов в закрытых бухтах и заливах, сообщающихся с морем. В Китае трепангов совсем нет, они там давно уже все выловлены. Бухта Мэа (во Владивостоке) истари славилась как лучшее место трепангового промысла. Трепанги ловятся с «шанпунок»¹ драгами и особого рода четырёхзубными острогами. В тихую погоду, когда в бухтах нет волнения, китайцы выезжают на промысел. Обыкновенно в каждой лодке сидят два или три человека. Один управляет шанпункой, другой — занимается ловлей. Для этого употребляется небольшой открытый деревянный ящик со стеклянным дном, который опускается прямо на воду. Нагнувшись к борту лодки, китаец через стекло рассматривает дно моря. Найденных трепангов сейчас же достают острогою.

В пятидесятых годах прошлого столетия у берегов Уссурийского края ежегодно этим промыслом занималось до 1 000 лодок. Суточный улов одной лодки в среднем около 120 трепангов, что даёт 6 фунтов сухого продукта. Пойманных голотурий тотчас же потрошат и варят в котлах. После варки трепанги значительно уменьшаются в объёме, затем им дают остынуть, пересыпают толчёным древесным углем и оставляют сохнуть на солнце. Один фунт сухих трепангов на месте стоит 70 копеек, в Чифу — около полутора рублей. В последнее время в Уссурийском крае цена на трепангов возросла до 1 рубля 20 копеек и соответственно этому поднялась и в Китае.

Морская капуста (*Laminaria Saccharina* — по-китайски хай-цай), как и трепанги, эти слоевцовые водоросли в Китае выловлены совершенно. Добыча капусты производится только у берегов Уссурийского края и на острове Сахалине.

По статистике г. Надарова, «в 1880 году лов морской капусты производился в Аввакумовском округе, где имелось 40 фанз, в Сучанском округе — 20 фанз и в Суйфунском — две фанзы. Всего, следовательно, тогда было 62 промысловых фанзы»².

С 1900 по 1907 год капустоловы ютились по всему русскому побережью от бухты Терней к югу до залива Св. Ольги и далее до Владивостока и Посьета.

¹ Местное название китайских промысловых лодок.

² Надаров. Там же. — С. 131.

Китайцы-капустоловы удивительно умели прятать свои фанзы. Они устраивали их из плитнякового камня и плавникового леса, где-нибудь под берегом, в ущелье, среди скал, в таких местах, чтобы их не было видно ни со стороны моря, ни со стороны суши. Сколько раз мне приходилось идти намывною полосой прибоя и открывать присутствие этих фанз только тогда, когда я подходил к ним вплотную.

В описываемые годы на побережье моря капустоловных манзовских фанз было 158 и по районам они распределялись следующим образом:

№.№	РАЙОНЫ	Число фанз
1	От бухты Терней до зал. Св. Владимира	11
2	В районе зал. Св. Владимира и зал. Св. Ольги	22
3	От зал. Св. Ольги до устья р. Судзухэ	56
4	От устья р. Судзухэ до г. Владивостока	45
5	От г. Владивостока до зал. Посьета	24
Итого		158

Морская капуста достаётся со дна моря особыми крючьями (хэй-цай-куу-ца) и сушится на солнце и ветру на прибрежной гальке. Капуста, выброшенная волнением на берег, собирается также, если слоевица её не очень изорваны. Очень важно, чтобы во время сушки капуста не попала бы под дождь, иначе она почернеет. Самая дорогая капуста та, которая сохранила свой естественный бурозелёный цвет. Когда капуста высохла настолько, что она уже портиться не будет, но в то же время осталась гибкой и неломкой, её связывают пучками и складывают в особые амбары, сделанные из буреломного леса и крытые сухою травой. Надо уметь связывать капусту в пучки китайским способом. Небрежно связанная, она имеет безобразный вид и, несмотря на хорошее качество, ценится значительно дешевле.

Одна промысловая фанзочка в течение лета добывает морской капусты от 500 до 1 500 пучков, в зависимости от числа рабочих. Один пучок весит от 30 фунтов до 1 пуда и продаётся на месте от 1 рубля 20 копеек до 1 рубля 50 копеек связка. В Китае капуста продаётся по 6–8 копеек фунт. В последние годы цена на неё поднялась до 12–15 рублей пуд.

Морские крабы (*Cancer pagurus*. По-китайски «да-се-цзы»). Животные ловятся сетями, главным образом раннею весною и осенью, когда они идут к берегам метать икру. В 1906–1910 годах в Уссурийском крае крабных промысловых фанз насчитывалось 68. В каждой фанзе — три, четыре лодки. Суточный улов одной фанзы в среднем до 500 штук. Крабов убивают большими ножами, прокалывая им спину, отчего они становятся вялыми, малоподвижными и не разбегаются в стороны. Сначала крабов варят в котлах, затем мясо их очищается от панцирной оболочки и для просушки на солнце раскладывается на циновки, сплетённые из тонких прутьев. Циновки эти поставлены на деревянные стойки на высоте 3 футов от земли. Во Владивостоке цена на крабов сперва стояла 6 рублей пуд, а теперь поднялась более чем вдвое.

Гарнель-чиримсы (*Grangon vulgaris*. Китайское название «хия-цзянь»). Весной в мае месяце рачки эти в массе ловятся на берегу моря, около устьев рек. Мясо их сперва солят и сушат, затем квасят в глиняных

кувшинах до тех пор, пока не получится из него жидкая масса тёмно-фиолетового цвета, употребляемая рабочим пролетариатом как соя. В Китае один фунт этой сои стоит 5 копеек.

Большой гребешок (*Pecten maximus*. — Китайское название «кэ-ла»). Моллюски эти во множестве собираются на берегу моря и в воде в полосе мелководья. Китайцы употребляют в пищу развитой мускул, скрепляющий створки раковин, который они извлекают варением моллюска. Когда животное умирает, раковина раскрывается сама собой, мускул становится мягким и его можно тогда отделить ножом. Высушенный, он вновь становится плотным, принимает желтоватый цвет и имеет форму призмы величиною в три четверти дюйма и толщиной в полдюйма. В Китае продаётся по 3 рубля фунт. Количество вывозимого продукта неизвестно.

Ракушник съедобный (*Mytilus edulis*. Китайское название «хэй-хун»), распространённая форма около берегов Японского моря. Нежное мясо его даёт вкусный и ароматный отвар. Китайцы едят его очень охотно. Обыкновенно ракушник собирается зимою и в замороженном виде вывозится в Маньчжурию. Несколько лет тому назад зимний экспорт этого продукта равнялся приблизительно 3 000—4 000 пудам. По мере заселения берегов залива Петра Великого русскими промысел этот всё более и более сокращался, и теперь едва ли он достигает 100—150 пудов. Одна сотня ракушника стоит на месте 1 рубль 10 копеек — 1 рубль 20 копеек.

Китайская страна земледельческая. Всюду, где только есть земля, хоть мало-мальски годная для обработки, она вся использована под пашни и огороды, будь то хоть на скалах или на крутых склонах гор. Все дикие места у них превращены в пажити и нивы. Зато в другом отношении страна их безжизненна и пустынна: китайцы уничтожили всё живое. Остались одни только собаки и крысы. Даже в море, и там они ухитрились уничтожить всю морскую капусту, выловить всех трепангов и всех съедобных моллюсков.

Богатую Маньчжурию с открытием её для китайской колонизации ожидает та же участь. То же самое следует сказать и про Уссурийский край. Они нашли здесь для себя многомиллионные заработки. Китайцы говорят: *«Зачем копать из глубины земли руды, когда огромные богатства разбросаны по поверхности, стоит только подбирать их и не лениться нагибаться»*. И в самом деле, кроме золота, никаких руд китайцы здесь не разрабатывали, они всё своё внимание обратили на звероловство, собольеванье и морские промыслы.

Искатели женьшеня

Самым оригинальным промыслом в Уссурийском крае будет женьшеневый. Я остановлюсь на нём несколько подробнее.

Женьшень (*Panax Ginseng*) относится к семейству *Araliaceae*, растёт отчасти в северной Корее и в восточной Маньчжурии, но главным образом в Южно-Уссурийском крае, в таких местах, где давно не было лесных пожаров. Северной границей его распространения является река Хор (приток Уссури) и река Санхобэ (бухта Терней) на берегу моря (см. схему в конце книги). Самым близким родственником женьшеня будет *Eleutherococcus senticosus Maxim.* Это колючее полукустарниковое растение, превышающее рост человека, называется русскими «чёртово дерево». Как наиболее

сильное, оно совершенно вытеснило женьшень. Вот почему последний растёт только там, где нет *Eleuterococcus*'а. Листья женьшеня такие же, как у «чёртова дерева» — пятипальчатые, расположенные так же, как располагаются пальцы раскрытой руки человека. Средний лист длиннее других и самые крайние будут самыми короткими. От листьев *Eleuterococcus*'а листья женьшеня отличаются тем, что они гладкие, черешки их не имеют игл, края их мало зазубрены. Растение цветёт в августе. Цветы мелкие, немного розоватые. Снежно-белые цветы встречаются крайне редко.

Женьшень — растение реликтовое и потому чрезвычайно капризное. Достаточно малейшего нарушения условий, благоприятных для его произрастания, чтобы оно погибло. Иногда без всякого видимого повода корень вдруг как бы замирает и в течение многих лет подряд не даёт ростка.

Самое большое зло — это лесные пожары. С исчезновением лесов пропадает и женьшень. Раньше Уссурийский край был, так сказать, центром женьшеневого промысла, но с тех пор, как в крае появились русские переселенцы (1906—1910 годы), началось сплошное уничтожение лесов пожарами и потому теперь всю страну в этом отношении можно считать обесцененной.

Китайцы судят о величине корня по числу листьев. Сперва женьшень даёт два маленьких трёхпалых прикорневых листка, которые, впрочем, скоро увядают, и тогда уже появляются настоящие пятипалые листья. Обыкновенно растение даёт 3—4 листа, пять-шесть листьев — явление уже редкое. До сих пор никто ещё не находил женьшень более чем с семью листьями. Самый большой женьшень достигает до пояса человека и имеет стебель толщиной в сантиметр.

*Дикий женьшень в начале своего роста.
Первые листья трёхпалые. Левый — полный лист
La plante gène-chène (Panax Ginseng) au début de son développement*

Самый ценный женьшень растёт в долине реки Ваку (бассейн реки Имана); корень его чистый, мочки короткие. Прибрежный женьшень мочковатый и потому ценится дешевле. Китайцы обладают удивительной способностью с первого взгляда определять качество корня и сразу сказать, где он рос — на берегу моря или в бассейне Уссури. Определённой цены на женьшень нет. Она колеблется от нескольких рублей до нескольких тысяч. Двадцать корней примерно стоят от 500 до 2 000 рублей. Цена на женьшень зависит от места, где корень найден, от того, насколько он мочковат, от его величины и от того, насколько он похож на человека. Женьшень всегда в цене, потому что спрос на него превышает количество, имеющееся на рынке. Ежегодно в Уссурийском крае этим промыслом занимаются около 30 000 человек китайцев — они добывают около 4 000 корней.

Один фунт женьшеня стоит 250–270 рублей. Лет двадцать тому назад китайцы вывозили отсюда женьшеневых корней около 50 пудов на 550 000 рублей. В настоящее время, как я уже сказал выше, вследствие лесных пожаров промысел этот упал до 3–4 пудов. И можно надеяться, что в недалёком будущем он совсем прекратится.

У китайцев есть множество легенд о происхождении женьшеня. Вот та, которую чаще всего можно услышать в Уссурийском крае.

Женьшень — это корень, который есть только один на всей земле. Он обладает удивительной способностью превращаться и в человека, и в тигра, и в птицу, и во всякое другое животное. Поэтому его никто никогда найти не может. Если человек увидел в лесу какого-нибудь зверя, какое-нибудь растение или даже неодушевлённый предмет, например камень, и сильно его испугался, и если этот предмет тотчас же пропал из глаз — это был женьшень. Тогда надо молиться, запомнить это место и в будущем году прийти сюда за корнем.

Раньше женьшень жил в Китае, и никто не знал о его существовании. Но вот великий пророк Ляо-цзы открыл его целебную силу и указал людям его приметы. Женьшень бежал к северу в гористые страны. Учёный Лао-Хань-Ван (князь старых китайцев) при посредстве других целебных трав открыл его место нахождения. Тогда женьшень скрылся в Уссурийский край... Прошло много веков... И вот три брата Вангангэ, Касавон и Лиу-у пошли к берегам Великого океана искать этот чудодейственный корень. Там они заблудились и погибли. С тех пор души их бродят по тайге и перекликаются между собой. Каждый женьшенщик, если услышит эти стоны и крики, никогда не пойдёт в их направлении и непременно свернёт в сторону, а если он рискнёт туда идти, то ничего не найдёт и, наверное, заблудится¹.

Чтобы спастись от преследования людей, женьшень наплодил множество корней себе подобных — «панцуй», как говорят китайцы². Вот почему такой «панцуй», чем ближе он будет к истинному женьшеню, тем больше он похож на человека, тем больше он размерами, сильнее в нём сила и тем дороже он ценится.

¹ Крики эти принадлежат ночной карликовой сове (Strigidae-Pisorthina). Гольды называют эту птицу Тоито. Она серого цвета и с ушами как у филина. С наступлением холодных августовских ночей крики её прекращаются.

² Пекинское наречие — пан-чуй.

Не раз слыша эту легенду, я сопоставлял её с целым сонмом символических легенд, существующих с незапамятных времён у человечества о жизненном эликсире. Идея одна и та же!

Другая легенда говорит так: В восточной Маньчжурии, в горах Нанган-Шаня жили два знаменитых рода Си-лянь и Лян-серл, вечно враждующих между собою. Представителем рода Си-лянь был знаменитый воин Жень-Шень; он защищал слабых, угнетённых, отличался удивительною храбростью, был справедлив и великодушен. Он унаследовал от своих предков все душевные их богатства.

Сон-ши-хо из рода Лян-серл был редкой красоты мужчина, смелый и энергичный. Он сделался хунхузом, собрал толпу разбойников и с ними совершал нападения на соседей. Жень-Шень давно собирался усмирить Сон-ши-хо, но жизненные пути их нигде не встречались. Но вот Сон-ши-хо вздумал сам напасть на Жень-Шеня. Судьба покровительствовала последнему. Сон-ши-хо был взят в плен, закован в цепи и посажен в глубокую яму. Долго томился Сон-ши-хо в заточении и, вероятно, погиб бы, если бы ему на помощь не пришла красавица Ляо, сестра Жень-Шеня. Ляо влюбилась в разбойника, освободила его из ямы и убежала с ним из дома брата. Как только Жень-Шень узнал об этом, он бросился за Сон-ши-хо в погоню и скоро догнал его в диком ущелье Сяо-ли-фаня. Услышав за собой погоню, Ляо спряталась в кусты, а Сон-ши-хо приготовился к единоборству. Оба врага вступили в страшный бой. Силён был Сон-ши-хо, но искусен и ловок был Жень-Шень. Он нанёс Сон-ши-хо смертельный удар в грудь. В это время Ляо окликнула брата. Жень-Шень обернулся, и это его погубило. Собрал остаток своих сил, Сон-ши-хо глубоко в горло Жень-Шеню вонзил свой острый меч. И Жень-Шень и Сон-ши-хо оба пали мёртвыми. Долго оплакивала красавица Ляо своего возлюбленного и своего брата; плакала она до тех пор, пока не завяла красота её и пока сама она не засохла так же, как засыхает растение, а на том месте, где падали её горячие слёзы, вдруг выросло удивительное растение «женьшень» — источник жизни.

Другие китайцы говорят, что женьшень зарождается из молнии: вверху за облаками царство духов, владеющих всеми силами природы и посылающих на землю дожди, гром и молнию — огонь и воду. Эти две стихии есть два начала жизни: добро и зло, свет и тьма, огонь и вода, движение и покой находят в вечной вражде между собою, и эта вражда создала гармонию. Если в то место, где из земли бьёт холодный источник, дающий чистую, прозрачную воду, ударит молния, источник иссякает, а могучая сила небесного огня превращается в другую, чудесную силу — в женьшень. Здесь появляется растение жизни¹.

Ежегодно в течение всего лета, приблизительно с начала июня, китайцы — искатели женьшеня отправляются в тайгу за дорогим корнем. Идут они в одиночку, часто безо всякого оружия, с одною только молитвой и с твёрдою верой, что духи гор и лесов окажут им своё покровительство.

Отличительный признак этих искателей — промазанный передник для защиты одежды от росы, длинная палка для разгребания листвы и травы под ногами, деревянный браслет на левой руке и барсучья шкурка, привя-

¹ Кроме этих легенд, существуют и другие (см. Врядий, В. П. Китайские легенды о корне женьшень (человек-корень). — С.-Петербург, 1909).

*Искатель женьшеня с молитвой пьёт настойку
корня перед отправлением в дорогу
Chinois buvant une infusion de gène-chène avant
de se mettre en route à la recherche de la plante*

занная сзади на поясе. Шкурка эта позволяет китайцу садиться на землю и на бурелом, поросший сырым мхом, без опасения промочить одежду.

Надо удивляться выносливости и терпению китайцев. Я несколько раз видел женьшенщиков. В лохмотьях, полуголодные и истомлённые, они идут без всяких дорог целиною. Всё время они надламывают кусты или кладут мох и сухую траву на сучки деревьев. Это условные знаки, чтобы другой человек не шёл по этому следу, потому что место это осмотрено и делать здесь нечего.

Сколько их погибло от голода, сколько заблудилось, пропало без вести, сколько было растерзано дикими зверями, и всё-таки, чем больше лишений, чем больше опасностей, чем угрюмее и неприветливее горы, чем глуше тайга и чем больше следов тигров, тем с большим рвением идёт китаец-искатель! Он убеждён, он

верит, что все эти страхи только для того, чтобы напугать человека и отогнать его от того места, где растёт дорогой панцуй¹.

Тут, где-нибудь в ущелье, в тени, куда никогда не заглядывает солнце, растёт этот удивительный корень жизни, возвращающий истомлённому старческому телу бодрость и исцеляющий все недуги.

Только чистый непорочный человек может найти панцуй; это недоступно для человека, ведшего ранее жизнь безнравственную, это недоступно для того, кто постоянно причинял людям зло и обиды. В мгновение ока растение исчезнет, корень глубоко уйдёт в землю, гора, где рос женьшень, начинает стонать и колебаться, и из зарослей выходит грозный охранитель лесов — тигр.

Завидев женьшень, манза-искатель кидает в сторону от себя палку и, закрыв глаза рукою, с криком бросается ниц на землю:

«Панцуй, не уходи, — кричит он громким голосом. — Я чистый человек, я душу свою освободил от грехов, сердце моё открыто и нет худых помышлений».

¹ Последнее время появились новые искатели корня — это уже ремесленники, простые манзы-рабочие, отправляемые в тайгу китайцами-купцами (цай-дун'ами). Манзы эти собираются небольшими партиями по 5–10 человек и идут цепью, в таком расстоянии друг от друга, чтобы в сторону хорошо были видны все травы. Они не знают примет женьшеня, они не знают, как он растёт, они просто бродят по тайге до тех пор, пока случайно на него не наткнутся.

Только после этих слов китаец решается открыть глаза и посмотреть на растение.

На всех дорогах, идущих через горы, на самых перевалах, всюду можно увидеть маленькие кумирни, сложенные из дикого камня, с изображением богов (хуа). Кумирни эти поставлены китайскими охотниками и искателями женьшеня. Тут же где-нибудь поблизости повешены на дереве лоскутки красного кумача с надписями, сделанными тушью, следующего содержания: «Господину истинному духу гор, охраняющему леса. Моя радость сверкает, как чешуя у рыбы и красивое оперение феникса. Владыке гор и лесов, охраняющему природу и богатства. Если просят, непременно обещаю — просящему нет отказа».

Место, где найден корень, тщательно изучается во всех отношениях. Китаец приглядывается к топографии местности, к составу горных пород, к почве и внимательно изучает сообщество травянистых, кустарниковых и древесных растений. От его внимания не ускользнёт и положение места по отношению к солнцу и по отношению к господствующему ветру. Осмотревшись кругом, китаец становится на колени, разбирает траву руками и самым тщательным образом осматривает растение. Возможно, что найденный женьшень несколько лет тому назад опылился и дал семена — плоды его осыпались и могли дать ростки. Убедившись, что женьшень растёт только один, и что рядом нет других таких же растений, китаец осторожно раскапывает землю, чуть-чуть оголяет женьшень и осматривает его. По морщинкам и рубчикам на нём он определяет его достоинство. Если, по мнению женьшенщика, корень ещё невелик, он оставляет его расти до бу-

Кумирня искателей женьшеня. Перед кумирней на коленях стоит таза (ороч, ассимилированный китайцами)

Idole des chercheurs de gène-chène. Devant l'idole se tient à genoux un taze (orotch assimilé par les chinois)

дущего года. В этом случае он всячески старается привести всё в прежний порядок. Корень вновь засыпается землёй, примятая трава поправляется, и если есть вблизи ручей, то поливается водою, чтобы она не завяла. Если панцуй найден в период цветения или созревания семян, то ему дают отцвести и осыпать плоды на землю в той надежде, что здесь со временем вырастут другие такие же растения. Иногда семена собираются и переносятся для посадки поближе к фанзе. Самый женьшень обтыкается кругом тоненькими палочками — это знак, что корень этот уже найден человеком и представляет его собственность. Другой китаец, нашедший такой обтыканный палочками женьшень, ни за что его не тронет. Делается это не из страха ответственности, не из суеверия. Здесь тоже сказывается внимание к чужому интересу, уважение к чужой собственности.

Когда пришло время, женьшень выкапывается со всеми предосторожностями. Важно, чтобы не оборвать длинные мочки, идущие от корня глубоко в землю. Самоё выкапывание производится особыми костяными палочками (китайское название пан-цуй-цянь-цзы), длиною в 6 дюймов. Женьшенщики носят их на поясе вместе со складными кривыми ножами. Ножи эти предназначаются для меток во время пути и для очищения места вокруг женьшеня от сорной травы и кустарниковой поросли.

Корни дикого женьшеня
Racines de la plante gène-chène (Panax Ginseng)

Извлечённый корень сохраняется в той земле, в которой он рос. Вместе с землёй его обёртывают мхом и заключают в берестяную коробку.

Чтобы не потерять место, где находится корень, в том случае, если он на другой год не даст роста, китайцы отмечают его оригинальным способом. Копать землю нельзя, оставить сигналы или делать такие заметки, которые бросились бы в глаза всякому прохожему — нежелательно. Они поступают так: выбрав какое-нибудь дерево, растущее поблизости, китаец делает на нём затёску. Затем он точно измеряет расстояние от дерева до женьшеня и настолько же продолжает линию дальше за женьшень, где и

кладёт камень средней величины или вбивает деревянный кол так, чтобы он чуть-чуть только торчал из земли. Таким образом выходит, что половина линии от камня до дерева будет как раз та точка, где находится панцуй.

Дороговизна женьшеня заставила китайцев заняться искусственным его разведением. Но искусственно выращенный панцуй не имеет той силы, какую имеет дикий. Поэтому цена на домашний женьшень стоит низкая и колеблется от 6 до 12 рублей фунт.

Для искусственного выращивания женьшеня надо брать непременно семена свежие; лежалые семена скоро утрачивают жизненную силу. Перед посадкой, недели за две, семена кладут в сырую землю и держат их в температуре приблизительно от 1 до 6 °С. В марте месяце готовится место для посадки. Для этого роют яму глубиной от 1 до 2 аршин и насыпают её самую лучшею чернозёмною землёю, которую предварительно перед этим перебирают руками и просеивают через сито. Когда земля готова, в неё сажают семена на глубину 3 вершков и сверху немного посыпают листвой и сухою хвоей. Желательно, чтобы место для женьшеня было выбрано в смешанном лесу, где есть кедр, находилось бы на северном склоне горы и отнюдь не на солнцепёке. Может случиться, что в первый год панцуй не прорастёт. Если нет ростка, надо ждать терпеливо. Это значит, что корень не погиб и ждёт благоприятных условий, которые в данный момент почему-либо отсутствуют. Так как солнце губительно действует на женьшень, то над растениями устраиваются из корья навесы с таким расчётом, чтобы солнечные лучи освещали панцуй только с 7 до 9 часов утра и с 5 до 7 часов пополудни.

Растение женьшень травянистое, тонкое, очень нежное. Его легко может сломить ветер и даже такое небольшое насекомое, как муравей. Для защиты от ветра около женьшеня разводят широколистные травы, кусты и устраивают с боков навесы из досок или бересты. Сильный дождь забивает женьшень. Вот почему после больших продолжительных ливней китайцы прекращают поиски корня. Если дождей больших не было и дождём, так сказать, только моросило — лето считается благоприятным и искатели панцуя ликуют.

Относительно целебных свойств женьшеня мнения европейских учёных расходятся, хотя за последнее время французские естествоиспытатели начинают склоняться к точке зрения китайцев. И в самом деле, трудно допустить, чтобы все корейцы и все китайцы, численностью около пяти-сот миллионов, — заблуждались?! Приобретают женьшень не бедняки, а только богатые. Для простого народа он почти недоступен. Известно, что европейцы до сих пор подвергают осмеянию чужую медицину только потому, что ничего в ней не понимают. Как при приёмах мышьяка и железа надо соблюдать известную диету, так и при приёмах женьшеня требуется изменить режим жизни. Европейцы не знают этого и удивляются, что женьшень не помогает. Китайцы говорят, что при приёмах лекарства безусловно воспрещаются половые излишества, однако полное воздержание является тоже вредным; непременно условием ставится физический труд на открытом воздухе, воспрещается употребление крепких напитков, чая и уксуса. Летом, и в особенности в жаркие дни, приёмы лекарства сокращаются более чем наполовину, зимой дозы увеличиваются. Наивысшие приёмы делаются в феврале и марте перед весной.

Один панцуй употреблять нельзя; от него может явиться кровотечение из носа и дёсен, а затем и расстройство всего организма. Обыкновенно панцуй употребляется вместе с другими лекарствами в виде пилюль. В состав этого лекарства входят панты, густой клейковый навар из медвежьих костей, вытяжки из яичников самцов оленей, корни астрагала, сурик в том естественном виде, в каком его находят в природе, и некоторые морские травы, содержащие йод. Пилюли принимаются натощак и перед сном вечером, сперва — по три пилюли, а затем доза увеличивается и доходит до двадцати пилюль в сутки. Днём перед едой пьют по одной рюмке крепкой водки, настоянной на женьшене. Каждый раз, отпив одну рюмку, в бутылку прибавляют столько же чистой водки и т. д. Для настаивания на водке панцуй готовится особенным образом: сперва его чистят маленькими щётками, затем кладут в глиняный горшок и варят в сахарной воде, потом его долгое время подвергают действию горячих паров и, наконец, сушат на горячем воздухе. После этой операции корень становится желтоватым, полупрозрачным и имеет горьковато-сладкий вкус. Если при приёмах лекарства человек замечает, что из его дёсен показывается кровь, надо на время прекратить приём настойки женьшеня, пилюли же можно принимать, но тоже в уменьшенном количестве.

Ханшин

Китайская водка (шао-цзю), называемая русскими «ханшином» или «сулей», чрезвычайно распространена в Уссурийском крае. Производство её раньше было местное, теперь — заграничное. Строго говоря, каждая китайская фанза есть маленький ханшинный завод, изготовляющий водку для своего употребления, для продажи русским и для кредитования местных инородцев. В каждой фанзе есть заторная яма и примитивное приспособление для перегонки спирта из хлебной закваски.

Настоящие ханшинные заводы (шао-го-дянь) появляются в Уссурийском крае с восьмидесятых годов в Суйфунском и Сучанском районах и около устья реки Имана. Позже заводы эти появляются около устья реки Ното, в бассейне озера Ханка, в Анучинском районе и в области Засучанья.

По статистике Надарова, с 1883 года по 1887 год в Уссурийском крае было 143 ханшинных завода, которые распределялись тогда следующим образом:

РАЙОНЫ И НАЗВАНИЕ РЕК	Число ханшинных заводов
Река Бикин	1
» Иман	2
» Ваку	2
» Ното и Улахэ	10
Суйфунский округ	—
Сучанский »	67
Аввакумовский »	17
Ханкайский »	44
Итого	143

В период с 1900 года по 1906 год число ханшинных заводов увеличилось на 61. По долинам рек они распределялись так:

НАЗВАНИЕ МЕСТНОСТЕЙ	Число ханшинных заводов
Река Суйфун	16
» Лефу	11
Район Западно-Ханкайский	8
Шкотовский район: Майхэ, Цимухэ и Кангоуза	9
ТAUDИМИНСКИЙ РАЙОН	7
Сучанский район	9
Река Судзухэ	5
» Таухэ	4
Пхусунский район	4
Река Ванчин	3
Аввакумовский район	7
Река Тадушу	6
» Тютихэ	2
» Аохобэ	2
» Иодзыхэ	1
» Санхобэ	2
» Кэма	1
» Фудин	4
» Ното	6
Улахинский район	9
Река Даубихэ	16
» Ваку	8
» Иман: Саньшихеза, Хозенгоу, Вагунбэ, Картун, Мяолин	18
» Бикин: Табандо, Олон, Сигоу, Цамодынза	11
» Хор	2
Долина реки Уссури	33
Итого	204

Ханшинные заводы по внешнему своему виду мало отличались от обыкновенных жилых фанз, разве только своими размерами. Это были глинобитные постройки со множеством служб и рабочих. Тут же около заводов были расположены большие поля, засеянные кукурузой, чумизой и пшеницей. Собранный хлеб складывался вблизи фанз в высокие зароды (май-до).

Спирт, изготавливаемый китайцами в Уссурийском крае, трёх сортов: лучший — пшеничный, затем овсяный и кукурузный. Выше я говорил, что каждая фанза представляет из себя небольшой завод, изготавливающий водку для своего употребления, и что в каждой фанзе есть заторная яма и приспособление для выгонки спирта. Яма эта устраивается в полу, в земле и делается глубиной до 2 аршин, длиной в сажень и шириною в 1,5 аршина; дно и стены её выложены толстыми досками.

Приготовление ханшина довольно длинная процедура. Зерно, предназначенное к выгонке спирта, сперва тщательно провеивается и вообще очищается от мусора. Затем его смачивают водой и сыпают в заторную яму (цью-цзы-цзяо), при этом плотно утрамбовывают ногами. Если сейчас не думают гнать спирт, то дня через два-три из разбухшего и слежавшегося зерна делаются сулевые кирпичи (китайское название цью-цзы), имеющие

вид и размеры обыкновенных глиняных кирпичей. Кирпичи эти складываются в клетку на решетины под крышей фанзы для просушки.

Они высыхают, становятся очень плотными и твёрдыми и в таком виде могут пролежать неограниченно долгое время.

Когда надо приготовить спирт, то сулевые кирпичи сперва смачиваются водою, потом они плотно один к другому укладываются в заторную яму, прикрываются циновкой, сверху замазываются глиной и закрываются досками. Смоченные кирпичи становятся мягкими, разваливаются сами собой и образуют общую массу закваски. Суток через десять зерно темнеет и начинает издавать спиртный запах. Продержав зерно в яме ещё двое суток, манзы приступают к выгонке из него спирта.

Китайский перегонный аппарат (цзю-тун) очень примитивен. Он устраивается над тем же котлом, в котором варится пища. В котёл вливается вода, а сверху он прикрывается круглым ситом. Поверх сита прямо на печь ставится деревянный или глиняный бездонный чан, в который лопатами насыпается закваска. Нижние края чана, соприкасающиеся с печкой, обмазываются глиной. Сверху на него ставится другой котёл, чисто вымытый с наружной стороны. В этот котёл наливается холодная вода. Края его, соприкасающиеся с чаном, плотно укрываются мокрыми тряпками. Этот котёл играет роль холодильника. Когда вода в нижнем котле начинает закипать, пары её, проходя сквозь закваску, нагревают последнюю и увлекают за собою пары спирта. Прикасаясь к холодному дну котла, пар конденсируется и оседает в виде капель, которые сползают к основанию его днища. Для приёма капающего спирта под котлом ставится особое приспособление в виде большой ложки с маленьким канальцем в её рукояти, выведенным наружу. По этому канальцу и стекает спирт в глиняные сосуды.

Во время гонки спирта китайцы угощают своих соседей и зазывают всех прохожих.

Когда ханшин остынет, его сливают в деревянные ящики или в плетёные тулузы, обмазанные казеином и оклеенные масляной бумагой.

Перегонный куб ханшинного завода
*Alambic employé par les chinois pour fabriquer
l'eau-de-vie*

Обыкновенно в ящике заключается от 3 до 4 пудов ханшина. Цена на китайский спирт зависит от того, из какого зерна он выгнан. В Уссурийском крае ханшин гонится чаще всего из смеси кукурузы и овса, пшеницы и кукурузы или овса и пшеницы. Местный ханшин, крепостью в 50–60 %, стоит от 3 до 5 рублей пуд. Значит, один ящик китайской водки стоит 10–20 рублей. Одна квасильная яма даёт до 10 ящиков ханшина, на

сумму от 100 до 200 рублей. Помножьте теперь эту цифру на число всех фанз в Уссурийском крае, и вы получите яркую картину торговли водкой земледельческим китайским населением. В эту статистику не войдут специальные ханшинные заводы.

Если считать годовой оборот одного ханшинного завода приблизительно в 10 000 рублей, то оборот всех 204 заводов выразится в огромной цифре 2 040 000 рублей. С 1907 года деятельность этих заводов начинает понемногу сокращаться. Китайцы переносят их на левый берег Уссури, оставляя местом сбыта всё тот же Уссурийский край и Амурскую область.

Китайцы пьют ханшин подогретым. При нагревании из него улетучиваются сивушные масла, вследствие этого он теряет свои одурманивающие свойства. Для нагревания водка вливается в небольшой медный сосудик (цзю-ху), который русские называют «тиуху». Он имеет конусовидную форму, узенькое горлышко и сверху небольшую воронку. Для нагревания водки тиуху ставится в горячую золу. Узкое отверстие предохраняет спирт от вспыхивания. Горячий спирт китайцы пьют маленькими чашечками (шао-цзю-чжун-цзы), величиною в $\frac{1}{8}$ нашей рюмки. Пьют они его часто, но допьяна не напиваются даже в праздничные дни. Вообще, употребление ханшина у них не мешает работе: в урочное время все на своих местах. В этом отношении полную им противоположность представляют русские переселенцы. Большое количество дешёвого спирта, постоянно находящегося у них под рукой, привело к тому, что они стали опускаться и вести жизнь распутную, праздную.

«Значит, вред, приносимый ханшином, не только материальный для русской казны, но и нравственный по отношению к русскому населению, и потому способы борьбы с этим злом должны быть увеличены, хотя бы для этого пришлось и произвести новые денежные затраты»¹.

В последние семь лет, с увеличением числа корчемной стражи, ханшинные заводы начали вытесняться. Землю от китайцев стали отбирать русские переселенцы, начались конфискации, и нередко самые заводы разрушались, а хозяева их подвергались задержанию. Это принудило китайцев ликвидировать свои дела в Уссурийском крае и перекочевать за Уссури в Маньчжурию.

Однако с уходом ханшинщиков из Приамурья количество китайской водки в крае не только не уменьшилось, а увеличилось ещё более.

В сущности, ханшинные заводы только немного передвинулись в сторону, а рынком сбыта китайского спирта остался всё тот же Приамурский край, всё те же крестьяне, уссурийские манзы и наши инородцы.

Такое положение вещей только устроило китайцев. Раньше их беспокоили русские власти, теперь же, когда они перенесли свои заводы на левый берег Уссури, они стали работать спокойно и сбывать весь избыток ханшина в Уссурийский край и Амурскую область.

«Надзор за границей Уссури и Амура, простирающейся почти на две тысячи вёрст, недостаточен. Оградить русские и инородческие поселения от ввоза в них китайского спирта корчемная стража почти бессильна. Трудность борьбы с контрабандистами увеличивается ещё и тем обстоятельством, что сами казаки и переселенцы не только способствуют ки-

¹ Записка военного губернатора Приморской области 27 марта 1889 г.

тайцам, но нередко и сами занимаются провозом спирта через границу из Маньчжурии.

Река Уссури, составляя на основании ст. 1-й дополнительного договора, заключённого 2-го ноября 1869 г. в Пекине, естественную границу между Россией и Китаем, является нейтральной полосой для этих государств, в то же время составляет и единственный путь для летнего и зимнего сообщения между селениями, расположенными как на нашей, так и на китайской стороне. Вследствие этого, а также вследствие того, что на реке встречаются различные препятствия, как, например, наледи, полыньи и проч., то дорога, пролегающая по льду реки Уссури, идёт то у одного берега, то у другого. Вопрос о транзитном провозе по реке Уссури китайскими подданными не подлежащих ввозу в пределы России грузов имеет значение не только для одной Приморской области, но и для всего Приамурского края¹.

«Ввоз ханшина в наши пределы с каждым годом становился всё больше и больше и теперь принял чрезвычайные размеры. Ханшин, как выше было сказано, теперь все пьют: пьют инородцы, пьют его казаки, пьёт весь простой народ и в известных случаях даже предпочитает нашей водке, так как он более крепок, чем последняя. Главная причина его повсеместного распространения заключается в его дешевизне. При существующей цене на хлеб ведро русской водки, со всеми расходами по её производству и с причаею 20 % прибыли, не может стоить заводчику более 5 руб. 25 коп., однако по справке акцизного надзора ведро простого вина в питейных заведениях стоит 10 руб., а столового — 12 руб., не считая посуды. Ханшин же пуд (1¼ ведра), крепостью не менее 60°, стоит от 2½ до 3 руб.; в Сахалине на р. Амур — от 3½ руб. до 4½ руб., в Благовещенске — от 4½ до 6 руб.; в Мохе — от 5 руб. до 7 руб. При раздробительной продаже в городе и в русских селениях бутылка китайского спирта обходится от 20 до 30 коп. Вот почему местами ханшин совершенно вытеснил русскую водку. Несмотря на всё это, факты захвата нашими властями ханшина и уничтожения его редки. Оно и понятно, так как поимщик в подобных случаях всегда рискует создать себе большие или меньшие неприятности, а если захватывается значительное количество ханшина на месте или транспорт его, то поимщики рискуют даже быть убитыми. Вознаграждения же за поимку нет никакого. Нельзя также упускать из вида, что такого рода положение дела даёт широкое поле к злоупотреблениям. Так как статья 14-ая Правил, приложенных к Петербургскому трактату 1881 года, разрешает беспшлинный ввоз из Китая в Россию по сухопутной границе спиртных напитков, то китайцы такое запрещение признают прямым нарушением этого договора. Вот почему от китайских пограничных властей постоянно поступают жалобы при каждом случае, когда до них доходят слухи о том, что у того или другого лица было уничтожено в наших пределах известное количество ханшина. При этом они постоянно высказывают, что китайцы привыкли с малолетства к этому напитку, что они употребляют его умеренно, что он им не вредит, а напротив того, безусловно полезен и необходим, в особенности для тех китайских подданных, которые занимаются звериными промыслами в холодной тайге или капустных промыслах на морском побережье.

¹ Представление военного губернатора Приморской области 9 марта 1896 г.

Против справедливости таких жалоб китайских властей сказать ничего нельзя. Народ тысячами лет привык пить свою водку, притом умеренно, и она вредного влияния на здоровье народа не оказывает. Жалобы свои они тем более считают основательными, что они не видят, чтобы умеренное употребление ханшина оказывало бы какое-либо заметное вредное влияние на здоровье коренных жителей. Злоупотреблять же вообще спиртными напитками нехорошо.

Вопрос о вреде ханшина предложен был на обсуждение медицинского совета, который, имея в виду, что ханшин содержит в себе большое количество сивушного масла, мнением своим положил, что напиток этот ни в каком случае не должен быть допускаем к употреблению среди русских»¹.

Для борьбы с этим есть только два способа. Первый — усиленная охрана границы и второй — допустить временное понижение акциза на русский спирт, чтобы этим убить китайскую торговлю водкой.

Опиум и врачевание

В Китае опиум известен со времен Танской династии, куда он был впервые завезён арабами в качестве снотворного средства. Первый императорский указ о запрещении курения опиума последовал в 1729 году, затем со времён Цинской династии (вновь) выходили указы относительно запрещения культивирования мака, привоза иностранного опиума и курения его.

«Несмотря на эдикты, изданные китайским правительством и направленные к уничтожению опиумокурения в 1800 и 1850 гг., опиумокурение в Китае не только не сокращалось, но проникало всё дальше и дальше. В 1858 г. следуют законоположения, имеющие целью урегулировать торговлю опиумом. С этого момента ввоз опиума из Индии составлял лишь одну седьмую потребляемого в Китае опиума, а 6/7 поступало из плантаций в Собственном Китае.

Наконец, 27 декабря 1912 г. Президент Китайской Республики вновь издал указ, которым с 1-го января 1913 г. курение опиума под страхом тяжкой ответственности воспрещалось совершенно»².

В Уссурийском крае опиум появился очень недавно — именно в семидесятых годах прошлого столетия. Прежде всего он появился в Ханкайском и Суйфунском районах, затем на реке Сучане и в верховьях Уссури и позже всего в прибрежном районе (в Зауссурийском крае).

По свидетельству переселенцев-старожилов, раньше опиум было очень мало, но с 1900 года маковые плантации начинают сильно возрастать в числе. К северу от залива Св. Ольги около реки Тютихэ опиум появляется не более 25 лет тому назад. В районе залива Джигит — с 1900 года, а на реке Кусун в 1905 году.

Для добывания опиума культивируется исключительно мак с белыми цветами — снотворный (*Papaver Somniferum*). Плантаций мака с синими и красными цветами (мак-самосейка) для выработки макового масла у

¹ Записка военного губернатора Приморской области 1889 г.

² L'Echo de Chine № 4064; перевод сделан офицерами, кончившими Восточн. институт в г. Владивостоке.

китайцев я ни разу не видел. Такой мак засеивается только русскими и то в крайне ограниченном количестве.

Макосеяние в Уссурийском крае быстро разрослось благодаря отсутствию на него запрета.

С одной стороны, посеы снотворного мака как будто воспрещаются, с другой — как будто разрешаются. На этот счёт издавались различные временные правила частного характера, они часто изменялись, отменялись и издавались вновь с дополнениями. В результате получилось то, что и сами чиновники запутались и не знают теперь, можно ли сеять снотворный мак или нет. Толкование запрета находится, главным образом, в руках низшего чиновничьего персонала, в руках лесников, урядников и сельских старост, что, конечно, привело к большим злоупотреблениям.

Когда писались Российские законы, то не имелось в виду, что в будущем придётся иметь дело с опиумом. В русском законодательстве это не предусмотрено. Этим и объясняется, что рядом с домом лесничего, рядом с канцелярией пристава арендаторы китайцы засеивают мак.

Мировые судьи за сбор опиума «с большой натяжкой» судят по статье, привлекающей виновных за выделку ядовитых веществ. Существующие на сей предмет законоположения суть следующие: в примечании к ст. 54 Отд. IV приложения к 2404 ст. VI Тома Св. Закон. Граждан. Уст. Тамож., по продолжению 1876 года, указывается, что опиум в числе других предметов запрещён к вывозу от нас в Китай, причём 56-ю ст. приведённого приложения к 2404 ст. задержанный при тайном провозе за границу опиум надлежит конфисковать и предавать истреблению. Затем, согласно 15 ст. правил для сухопутной торговли нашей с Китаем, приложенным к договору, заключённому в С.-Петербурге 12 февраля 1881 года, опиум причислен к предметам, которые не допускаются к ввозу или вывозу и, в случае провоза контрабандою, подлежат конфискации. Наконец, опиум причислен к предметам по списку под лит. В., приложенному к ст. 879 Том. XIII Св. Закон. изд. 1857 года Уст. Врачебн., к разряду ядовитых и сильнодействующих и употребляется только для врачевания, который в числе сих веществ дозволяется статьею 899 означенного устава продавать нашим купцам обеих гильдий лишь в аптеке и по каталогам или требованиям врачей, под контролем местного медицинского начальства, совокупно с городской и окружной полициями. Основываясь на этих законоположениях, и. д. Приамурского генерал-губернатора генерал-майором Барановым было отклонено ходатайство пограничного комиссара Южно-Уссурийского края о бесконтрольном ввозе и вывозе в наши пределы опиума и, напротив того, подтверждено предложением губернатору Приморской области, от 17 марта 1837 года за № 822, весь опиум, проходящий через границу, конфисковывать и уничтожать, исключая тот, который подходил бы под указанную статью 899, том XIII Св. Закон. Гражд. изд. 1857 года Уст. Врачебн. Исполнение этого распоряжения на практике встречает большие затруднения, и на деле мы видим, что курение опия, весьма распространённое между китайцами в их собственной стране, производится в обширных размерах между ними и в наших пределах.

Разбирая приведённые выше законоположения относительно этого предмета, оказывается, что собственно ввоз опиума в наши пределы не

воспрещён, так как ст. 15 правил сухопутной торговли с Китаем бесспорно относится исключительно только до одного Китая, но не для России, что легко усмотреть из сопоставления её со ст. 14 тех же правил, где поименовываются предметы, которые можно ввозить беспошлинно и часть которых у нас наоборот обложена пошлиной, а с другой стороны из того, что в той же ст. 15, в которой говорится о предметах, запрещённых к ввозу и вывозу, заключаются такие предметы, как оружие, соль и др., ввоз которых к нам вовсе не воспрещён. Ст. 899 том XIII, не воспрещающая ввоз к нам опиума, ограничивает лишь его употребление.

Ввиду этого мы и здесь встречаемся с той же ненормальной постановкой дела, как и в вопросе о ханшине, и возбуждаем раздражение пограничных китайских властей при каждом факте конфискации опиума, что, ввиду единичных случаев, истолковывается ими, скорее, как произвол.

Культурой мака для сбора опиума занимались раньше только одни китайцы, а теперь этим занимаются и корейцы. Это занятие представляет из себя большую выгоду. Под посевы мака китайцы снимают у местного русского населения огромные участки земли и уплачивают за это большие деньги.

Как возросли цены на землю по годам, видно из следующей таблицы:

СРОКИ	Арендная плата одной десятины
В 1900—1905 годах	5—8 руб.
» 1906—1909 »	7—10 руб.
» 1910—1911 »	10—15 руб.
» 1912 году	50—60 руб.
» 1913 »	90—100 руб.

По мере повышения арендной платы на землю, т. е. по мере увеличения числа плантаций мака, опий стал падать в цене всё больше и больше. Насколько шло понижение его ценности вследствие перепроизводства, видно из следующей таблицы:

ГОДА	Стоимость одного лян ³ опиума	
	Сырого	Варёного
В 1900—1905 годах	1 р. 50 к. — 1 р. 20 к.	2 р. 50 к. — 2 р. 20 к.
» 1906—1909 »	1 р. 10 к. — 90 к.	2 р. — 1 р. 75 к.
» 1910—1911 »	75 к. — 60 к.	1 р. 50 к. — 1 р. 30 к.
» 1912 году	50 к. — 40 к.	1 р. 20 к. — 90 к.
» 1913 »	40 к. — 35 к.	80 к. — 70 к.

По отчётам русского консула в Чифу, вывоз опиума из Приморской области в Китай в 1897 году равнялся 200 пудам⁴.

О количестве же земли, занятой плантациями мака, предназначенного для сбора опия в одном только Ольгинском уезде, можно судить из доне-

³ Китайский фунт равен 120 русским золотникам и делится на 16 лян.

⁴ Ульяницкий, Л. Г. Макосяние в Уссурийском крае. Записки Приам. отд. Императорского Общества востоковедения. — Вып. II. — С. 268.

сений военного губернатора Приморской области и заведывающего прибрежным переселенческим подрайоном.

Года	Количество десятин, засеянных маком	Примечания
1906	80	Во всей области 200 дес.
1910	120	Во всей области 306 дес.
1911	690	
1912	3 500 ⁵	

Высокая арендная плата за землю способствует усиленной сдаче сельским населением своих наделов китайцам. «Прельстившись высокой платой, крестьянское и казачье население сдаёт лучшие свои земли под посевы мака, уменьшая тем посевы хлебных злаков. Бывали случаи в Цемухинской волости, что крестьяне сдавали под мак пашни с хорошими всходами: поля, покрытые зелёными всходами, перепаживались. Увеличение площади маковых плантаций, таким образом, совершается в ущерб земледелию, с таким трудом насаждаемому в крае русским правительством»⁶.

Для посевов мака идёт самая лучшая земля. Растения сажаются грядами, так, чтобы по межам можно было свободно ходить. После опадения цветов, когда головка мака значительно утолщится, китайцы приступают к сбору опиума.

В это время бывает большой спрос на рабочие руки. Подённая плата подымается в цене и доходит до 3 рублей в сутки.

Сбор опиума производится довольно примитивным способом. Обычно сборщики-манзы делятся на группы по три и четыре человека. Один китаец идёт впереди и надрезывает головки мака, а остальные идут сзади и собирают сок. У первого в руках маленький ножичек (китайское название да-ен-тауза), лезвие которого обмотано тряпками и кожей, так что снаружи остаётся открытым только самый его кончик, способный надрезать головку мака, но не прорезать её. Манзы, следующие за этим человеком, имеют каждый по небольшой круглой липовой коробочке или бычьего рога (китайское название ян-хуй-хо-цзы). На краях этих коробочек сделано по одному небольшому углублению. Как только головка мака надрезана, из царапин тотчас же каплями выступает чрезвычайно горький млечный сок. Это и есть будущий опий. Манзы собирают этот сок указательным пальцем руки и обтирают его о вырезку в краевой коробке, о которой говорилось выше. Минуты через три из надразов опять выступают новые капли млечного сока, их собирает следующий китаец, затем третий и т. д. Обычно при одном надрезывателе есть три сборщика опия. Люди идут по межам в шахматном порядке, друг за другом, с таким расчётом, чтобы, когда последующий дойдёт до места предыдущего, на головке мака вновь успело бы достаточно собраться млечного сока. Вечером весь маковый сок сливается в одну большую берестовую коробку и оставляется на открытом воздухе. Под влиянием солнечных лучей он начинает изменяться. Из молочно-белого он становится сперва жёлтым, потом бурым, мало-помалу становится гуще и, наконец,

⁵ Там же. — С. 269.

⁶ Там же.

принимает цвет тёмно-коричневый (шен-ту). Дальнейшая обработка опия заключается в варке. Его варят для того, чтобы испарить из него воду. Сырой опий кипятят в медном тазике с ручкой, не на огне, а на горячих углях. Во время кипячения опий часто вспыхивает и горит синим искрящимся пламенем, но легко гасится дуновением рта. Таким образом, его варят до тех пор, пока он не сделается плотным и не примет блестящего, как смола, коричнево-чёрного цвета (да-ен-гауза).

Прибор для курения опия стоит от 30 до 50 рублей и состоит из подносика и масляной лампочки (ен-тын) со стеклянным колпачком, для того чтобы случайное движение воздуха не загасило бы её пламени. Вверху стеклянного колпачка сделано небольшое отверстие, у которого сосредоточивается весь жар огня. Затем принадлежностью опиекурения будут: роговая коробочка для хранения опия, щипчики для подправления фитиля лампы, длинная игла (ен-ченза), о которой я буду говорить ниже, и кривой ножичек, которым соскабливают нагар внутри трубки. Этот нагар тщательно собирается в другую коробочку и, когда его наберётся достаточно много, его варят с водою. Получается жидкость такого цвета, как слабый кофе или крепкий чай. Жидкость эту процеживают сквозь хлопчатую бумагу и затем подвергают кипячению до тех пор, пока не выпарят всю воду. Оставшаяся густая масса будет опий. Но так как в нём могут быть посторонние примеси в виде сажи, то его один не курят, а смешивают с чистым опиумом в половинном размере.

Главная принадлежность опиекурения будет трубка (китайское название да-ен-чен), длиною в полтора фута. Трубки в большинстве случаев — деревянные, но некоторые китайцы делают их и из слоновой кости, украшают серебряной резьбой и ценят очень дорого. Опиекурительная трубка устроена следующим образом. Сбоку её, приблизительно на две трети мундштука, имеется отверстие величиной с небольшую монету, в которое вставляется гранёная или круглая головка (да-ен-тау), с плоской, немного сфероидальной верхушкой, посередине которой проделано маленькое отверстие, ведущее в мундштук.

Прежде чем курить трубку, надо её приготовить. Это довольно длинная процедура. Заряжение трубки, если можно так выразиться, производится следующим образом. Китаец ложится на кан, на левый бок так, чтобы правая его рука была свободной. Зажжённая лампочка, прикрытая стеклянным колпачком, стоит тут же на подносике. Нагрев немного над огнём иглу, китаец опускает её в баночку с опиём. Порошок опия и мелкие его кусочки пристают к горячему железу. Если опий не очень сухой и имеется целым куском, то при помощи ножа от него отделяется небольшой кусочек, который и надевается на холодное остриё иглы. Очень часто манзы курят сырой опий, и тогда они выпаривают из него воду тут же над лампой. Поддев иглой часть липкой бурой массы сырого опия, китаец нагревает его над лампочкой. Опий пузырится и кипит. Курильщик постоянно поворачивает иглу и всё время навёртывает на неё сползающие опийные потёки. Время от времени китаец отнимает опий от лампочки и, не снимая с иглы, раскатывает его на ладони левой руки. Затем он опять его нагревает до тех пор, пока опий не перестанет пузыриться и не начнёт дымиться, что узнаётся по цвету дыма и по его запаху. Когда опий готов, курильщик, опять-таки не

снимая с иглы, вновь катает его на ладони и старается придать ему форму кокона с заострёнными концами. После этого, нагрев немного головку трубки и растопив один конец приготовленного опи́я, китаец втыкает иглу в отверстие головки и тем самым прикрепляет к её поверхности горячий опи́й. Затем, осторожно поворачивая иглу вокруг своей оси, он вытаскивает её из опи́я. Теперь остаётся только головку трубки вставить в мундштук — и всё готово. Маленькое отверстие, оставшееся от иглы в опи́и, непосредственно соединяется с каналом трубки.

Во время курения опи́я трубка поддерживается левой рукой. Опи́й всё время подогревается на лампе. Он кипит, бурлит, дымится, сползает, вспыхивает и гаснет. Китаец через мундштук сильным всасыванием втягивает в себя дым. Вся забота направлена к тому, чтобы не запыло отверстие, ведущее в трубку, для чего во время курения его всё время прощипывают иглой.

Выкурив одну трубку, китаец заряжает другую, третью и т. д., до тех пор, пока не почувствует себя удовлетворённым. Обыкновенно в фанзах мало опи́екурильных приборов и потому трубки эти постоянно переходят из рук в руки.

Относительно того, насколько вредно сказывается на организме человека курение опи́ума, можно сказать, что это зависит исключительно от количества его употребления. В том, что опи́й вещество наркотическое, сильно действующее — нет никакого сомнения, но рассказы о его вреде сильно преувеличены. Мне приходилось видеть таких курильщиков опи́ума, которые по внешнему своему виду несколько не отличались от других людей, не куривших опи́ума. Другие курильщики на вид были здоровы, но цвет лица имели желтоватый; наконец, третьи, т. е. такие, которые курили, что называется, запоем, имели сильно измождённый вид, землистый цвет лица. Это были неврастеники, люди слабосильные, худосочные. Все они харкали мокротой с кровью; имели мутные слезливые глаза, постоянно открытый рот, отвислые губы. Эти несчастные отлично сознавали, что они погибшие люди, что для них нет спасения, и, чтобы заглушить это сознание, они спешили вновь накуриться и уснуть поскорее.

Лишь только действие опи́я на организм начинает ослабевать, как тотчас же появляются физические и душевные страдания. Больной начинает чувствовать сильное натяжение в спинном хребте и болезненные половые эрекции, с постоянным истечением семени (это и есть главная причина изнурения), потом появляются головная боль, головокружение, упадок сил, лень, апатия, отсутствие аппетита, бессонница, тоска и, нередко, — помешательство.

Опи́екурильщики чрезвычайно боятся этого, и потому, куда бы они ни шли, они постоянно носят с собой запасы опи́я. Особенная опасность грозит тем, которые идут в далёкое путешествие или которые занимаются исканием женьшеня и соболеванием. Я знаю несколько случаев самоубийства тех звероловов-китайцев, у которых не хватило опи́я и которые вследствие выпадения глубоких снегов не могли добраться до людей вовремя. Во время походов, на охоте китайцы опи́й не курят, а принимают его внутрь в виде пилюль. Нередки случаи, когда опи́емисты бросают курить опи́й. Они отлично знают, что сразу этого сделать нельзя и что отвыкать от этой

пагубной страсти надо постепенно. Для этого они делают из опия крепкую настойку на водке и пьют её ежедневно по одной рюмке, добавляя в бутылку каждый раз столько же чистой водки. Таким образом, опий мало-помалу разбавляется. При этом китайские лекаря больным дают пить ещё какое-то лекарство. Интересно то, что почти все, бросившие курить опий, перестают курить табак и пить водку.

Курильщики опиума часто страдают головными болями, от которых они лечатся крайне оригинальным способом. Сильными щипками друг другу они делают кровоподтёки: на лбу и на переносье — если болит голова, на шее — если болит горло, на груди — во время бронхита и кашля и на спине — во время ломоты в костях и ревматизма. В последних двух случаях кожа не щиплется, а натирается ногтем большого пальца, гладко оструганной палочкой или металлической ложкой.

На другой день кровоподтёки синеют и остаются долго на теле. Эти нащипывания и натирания кожи до крови имеют такое же значение, как наши пиявки и кровесосные банки. Другими излюбленными китайскими способами лечения будут массаж и согревание голого тела у огня. Для массажа грудь, живот или спина, смотря по тому, что болит, покрывается мокрой тряпичей, по которой наносятся частые резкие удары ладонями рук или концами пальцев. При болях в животе или при ревматизме китайцы раздеваются и греются у огня. Тут важную роль играет лучистая теплота. Тело они нагревают до тех пор, пока оно не покраснеет. Согревание живота у огня равносильно нашим грелкам с горячею водою.

Китайская медицина в высшей степени оригинальна. Она вся почти основана на мистицизме.

Китайцы полагают, что в глазах каждого человека есть огонь, который можно видеть и по оттенкам, и по яркости которого можно узнать всякую болезнь; они считают число волосков на теле, рассматривают морщинки и складки кожи, находят какие-то линии, изучают расположение прыщиков, угрей и т. п. Особенное внимание уделяется пульсу. На основании этих наблюдений китайский врач ставит свой диагноз.

Китайцы полагают, что в каждом человеке есть три стихии: огненная, водяная и воздушная. Обыкновенно одна из них преобладает. Силы эти определяют характер человека. В сангвинике — много огня, в флегматике — преобладает вода, в ветреном, рассеянном человеке — воздух. Поэтому сангвиника нельзя лечить красным порошком, потому что это цвет огня, а флегматик не должен принимать лекарства синие и голубые, потому что это цвет воды и т. д. Сангвинику даются в приём жидкости, флегматику — порошки. Многое из китайской медицины основано на символизме. Например, страдающему болезнью почек рекомендуется ослиное мясо, потому что след этого животного похож на почку; на этом же основании ему прописываются в пищу бобы и т. д.¹

Не менее интересны и китайские парикмахерские. Здесь они моются и чистятся. Парикмахер бреет не только голову, усы и бороду, но и всё лицо, потом особыми лопаточками и ложечками он чистит посетителю нос и уши,

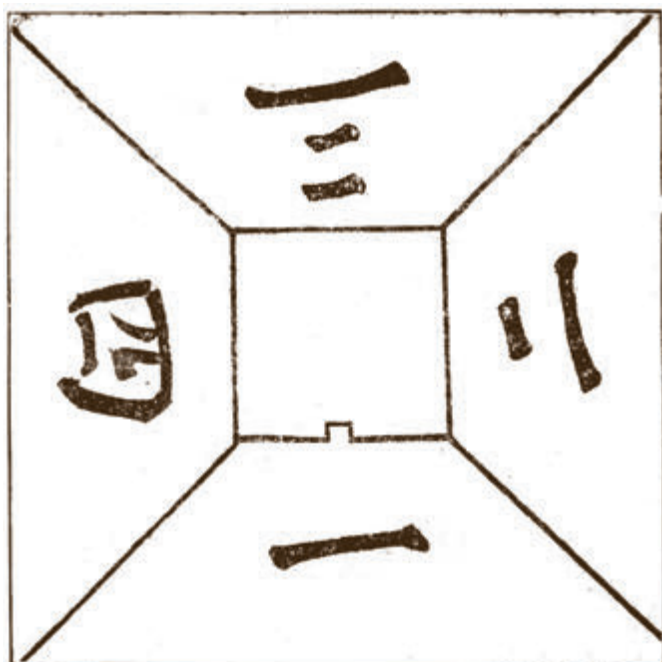
¹ О врачевании у китайцев смотри прекрасную статью доктора Кирилова «Медицинское дело в Китае в прошлом, отходящем в область предания и зачатки его по европейскому образцу за последнее время», напечатанную в Трудах 1-го Съезда врачей Приамурского края в г. Хабаровске в 1913 году.

оправляет его ногти и т. д. Процедура этой чистки доставляет китайцам, видимо, большое удовольствие. Они сидят с закрытыми глазами, и блаженная улыбка не сходит с их лица. И немудрено! Такое удовольствие манза может получить только раз или два в год, а то и того реже — только тогда, когда он выйдет из гор и попадёт в какой-нибудь большой китайский посёлок, где есть купцы, врачи, парикмахерские и харчевни.

Азартные игры

Китайцы страстные игроки. Во время игры самый тихий, скромный и выдержанный китаец горячится до последней крайности и теряет самообладание. Ставки у них доходят до нескольких тысяч рублей и нередки случаи, когда они проигрывают не только всё свое имущество, но и собственную свободу и тогда переходят в разряд рабов (та-хула-цзы). Китайцы играют и в земледельческих, и звероловных фанзах, и в ханшинных заводах, и на рудниках. Здесь всюду можно найти игроков и самые азартные игры. В городах, урочищах и вообще во всех больших китайских селениях есть специальные игорные дома. Здесь манзы играют в карты, банковку, тайком продают ханшин и курят опий. Хозяин дома никакого участия в игре не принимает. Обыкновенно он только содержит притон, имеет у себя игры и меновые палочки, о которых я буду говорить ниже. В пользу его с каждого выигрыша поступает 10 процентов. Это его доход.

Обыкновенно хозяин игорного дома сидит в соседней комнате у сундука и меняет игральные палочки на деньги или обратно, на известную сумму отпускает соответствующее число палочек. Игральные палочки (китайское название поупхе-за) представляют

Скатерть с иероглифами для игры в банковку
Nappe avec hiéroglyphes pour le jeu du pharaon

из себя, собственно говоря, узенькие дощечки, длиною от 2 до 5 дюймов и шириною от 1 до 1,5 сантиметра. На палочках выжжены иероглифы; с одной стороны значится фамилия содержателя игорного дома, с другой стороны — ценность палочки от 5 до 50 копеек штука. Всякая игра ведётся на палочки, которые можно купить у хозяина в неограниченном количестве и которые по окончании игры меняются на деньги. Хозяин игорного дома обязан во всякое вре-

мя взять свою палочку назад и взамен выдать деньги по её номинальной стоимости. Самая распространённая и любимая китайская азартная игра — банковка («я-бао» или «бао-хе-цзы»). Она состоит: 1) из скатерти, на которой тушью нарисован большой квадрат, разделённый диагоналями и с нумерацией: от одного до четырёх и 2) самой банковки. Банковка — это массивная медная коробочка, прикреплённая к четырёхугольной медной же пластинке и прикрываемая сверху такой же массивной крышечкой. В середине коробочки вкладывается костяная четырёхугольная шашка, входящая в неё почти без зазора. На верхней и нижней сторонах этой шашки прикреплены чёрная и белая пластинки.

Обыкновенно в банковку играют четыре человека, а к ним «примазываются» другие игроки. Ставки ставятся на скатерть в треугольники между диагоналями. Интересно, что сам банковщик на игре не присутствует. Он сидит в другой комнате и только через небольшое окно подаёт своему помощнику закрытую банковку. Банковка ставится на скатерть посередине; с неё снимается крышечка и тогда, на чьей стороне оказалась белая пластинка, тот и выиграл все ставки. Иногда, согласно условию, выигрывают и проигрывают только те, против которых оказались белые и чёрные кости

Китайские игральные карты
Cartes à jouer chinoises

банковки, те же два партнёра, которые были по сторонам, остаются со своими ставками нейтральными до следующего хода. При этом, если монеты положены были друг на друга столбиком, то ставки увеличиваются втрое, если они лежали наискось так, что одна монета закрывала край другой, то выигрыш увеличивался вдвое и т. д. Банковщик получает с выигрыша известный процент, который он делит пополам с хозяином игорного дома.

Другая азартная манзовская игра — это карты (чжи-пай). Китайские карты представляют из себя небольшие полоски тонкого картона, длиною в 1 вершок и в 1/3 вершка шириною. В колоде их 120 штук, и сообразно рисункам они делятся на 30 категорий; в каждой категории есть по 4 одинаковых карты. В эту игру играют тоже четыре человека, остальные, как и в банковку, «примазывают» свои ставки. Каждому играющему сдаётся по 16 карт; сдающий получает одну карту лишнюю; он же делает и первый ход.

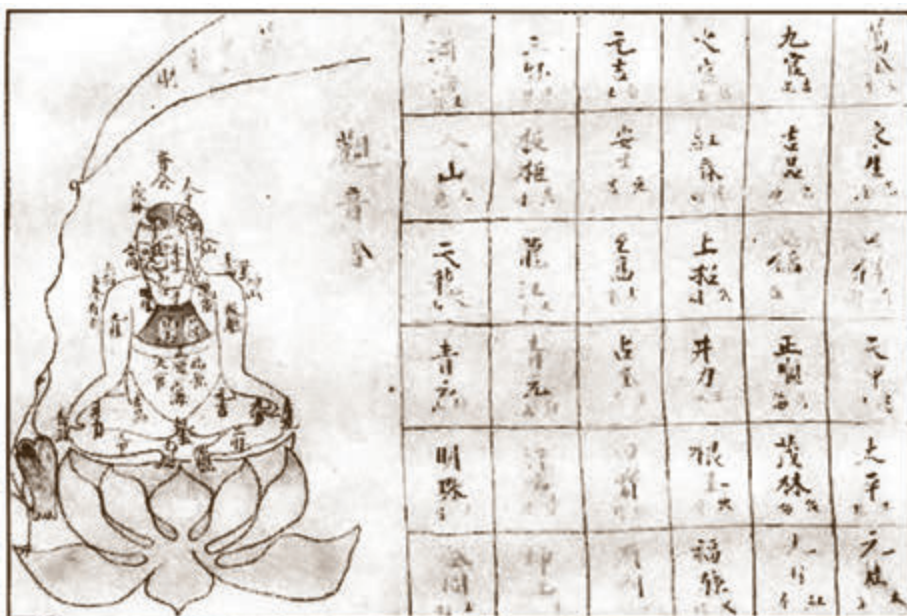
Сущность игры сводится к подбору одной масти. Пополнение карт производится из колоды.

Третья азартная игра — кости (китайское название сай-цзы). Это три маленьких шестигранных кубика, сделанные из кости. По сторонам их большими точками обозначены очки — от одного до шести. Если кости чёрные, то точки делаются белыми, если кости белые, то точки — чёрные или красные. Играют в кости опять-таки только четыре человека, остальные присаживаются к тому или иному игроку. Так как бросание костей рукою даёт некоторую возможность располагать их в желаемом порядке, то китайцы кладут их в деревянную чашечку, прикрываемую сверху другой такой же чашечкой. После встряхивания кости высыпают на стол. Выиграл тот, у кого окажется большее число очков, при этом значение имеют и комбинации цифр. Выигрыши и проигрыши могут быть половинными, двойными или обратно.

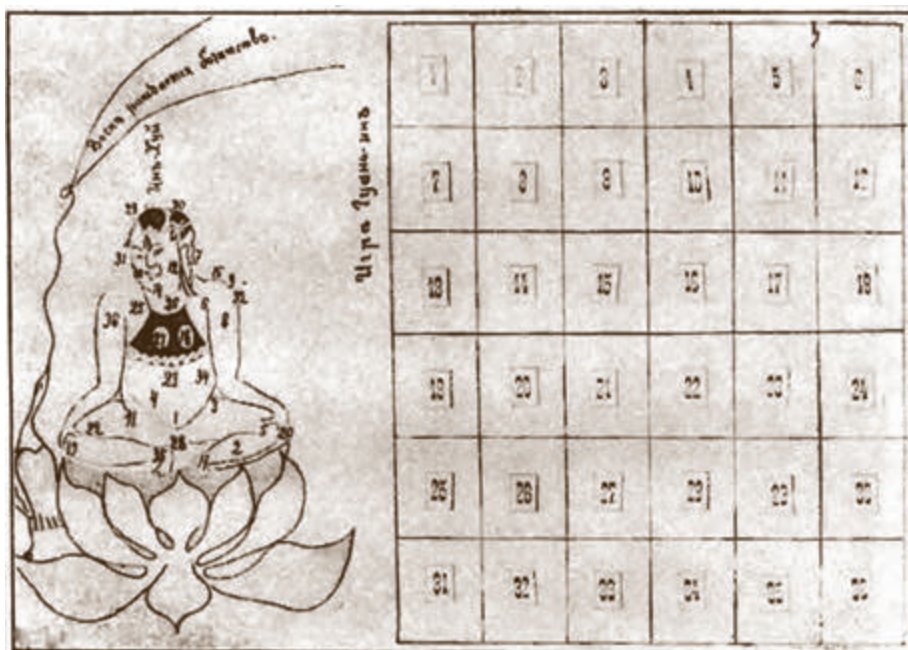
Одною из самых интереснейших китайских игр будет рулетка снов (гуань-ин). Необходимую принадлежностью игры будет полотнище, на котором тушью с левой стороны изображена нагая богиня «Ин-хуй», испещрённая иероглифами, справа от неё имеется 36 квадратов, заполненных иероглифами того же самого значения. Сущность этой игры заключается в следующем. Китаец спал и видел какой-нибудь сон. Положим, он видел, что его больно отодрали за правое ухо. Он не забыл сна — это хорошая примета!..

Тогда он идёт в игорный дом и кладёт свою ставку на № 31, соответствующий правому уху. Сюда же приходят другие игроки, которые тоже видели сны. Они тоже ставят ставки, кто на части человеческого тела, кто на изречения, написанные в клетках и по смыслу соответствующие снам. (Например, № 29 — означает густой лес или деревянный шкаф), причём не возбраняется занимать и несколько клеток.

Вечером хозяин рулетки (крупье), тоже на основании виденного им сна, выкликает только один раз иероглифы какой-либо одной клетки. Тот, чья ставка была на этом месте, выигрывает в десять раз больше того, что он поставил. Все остальные считаются проигравшими. Тут тоже возможны и комбинации в виде увеличения или уменьшения выигрыша и проигрыша. Для этого в каждой клетке, кроме главных иероглифов, приписаны ещё и второстепенные. В другом месте эти второстепенные иероглифы становятся

Рулетка снов. Азартная игра Гуань-Инь. Фотография с подлинника.
 Ставки ставятся на основании виденных снов
 Roulette des songes. Jeu de hasard chinois. Photographie prise de l'original.
 L'enjeu se pose en se basant sur les songes vus par le joueur

Рулетка снов. Иероглифы заменены цифрами
 Roulette des songes. Les hiéroglyphes ont été remplacés par des chiffres

на место главных и обратно. Так, например, в № 2 и № 22 слова «три пазухи» и «колодезь и сила» меняются местами и значениями.

Первый из помещённых здесь рисунков есть точная копия игры. Второй рисунок будет та же игра, но только в переводе на русский язык. Для удобства вместо надписей в клетках и около фигуры поставлены цифры, а ниже помещён перевод иероглифов, соответствующих сделанной нумерации.

№№ клеток	Главные иероглифы	Иероглифы второстепенного значения
1	Море и река	Правильно послушествующий
2	Три пазухи	Колодезь и сила
3	Первоначальное счастье	Учитель мира
4	Огненный чиновник	Корень нефрита
5	Девять чиновников	Счастливым товар
6	Десять тысяч золота	Вечно живой
7	Проникающий внутрь горы	Небесный дракон
8	Деревянный шкаф	Густой лес
9	Учитель мира	Первоначальное счастье
10	Красная весна	Ясный свет
11	Счастливым товар	Девять чиновников
12	Вечно живой	Десять тысяч золота
13	Небесный дракон	Проникающий внутрь горы
14	Драконова река	Небесный дух
15	Достигающий высоты	Первый достигающий
16	Наверху собирающий	Согласие
17	Неуклонно добродетельный	Счастливым внук
18	Так и должно	Имеющий пользу
19	Чёрные облака	Северная гора
20	Чёрный круглый	Влажные облака
21	Первый достигший	Достигающий высоты
22	Колодезь и сила	Три пазухи
23	Правильно послушествующий	Река и море
24	Небесный дух	Драконова река
25	Блестящий жемчуг	Говорящий драгоценность
26	Влажные облака	Чёрный круглый
27	Говорящий драгоценность	Блестящий жемчуг
28	Корень нефрита	Огненный чиновник
29	Густой лес	Деревянный шкаф
30	Великий мир	Круглая акация
31	Согласие	Наверху собирающий
32	Северная гора	Чёрные облака
33	Имеющий пользу	Так и должно
34	Счастливым внук	Неуклонно добродетельствующий
35	Ясный свет	Красная весна
36	Круглая акация	Великий мир

Китайцы страстные игроки. Они проигрывают не только всё своё имущество, но нередко и свободу. Тогда он навсегда лишается права участвовать в каких бы то ни было играх; у такого проигравшегося «хулацзы» есть ещё один выход, к которому редко кто прибегает. Это «игра на мясо». Когда китаец проиграл свою свободу, он снимает с себя рубашку, схватывает левой рукой брюшину и правой одним ударом ножа отрезает от живота кусок

мяса, которое и бросает на стол — это и есть ставка. Его противник не имеет права отказаться от игры, иначе его избьют до смерти. Обычай этот освящён веками. В фанзе все затихают, все внимательно смотрят на играющих, следят за их лицами, за их движениями. Все знают, что готовится трагедия. Теперь идёт игра на жизнь. Если кредитор проиграет, то обязан вернуть своему партнёру свободу; если он не согласен дать ему свободу, то его валят на спину и от брюшины отрезают мяса столько, сколько рабу его удастся захватить двумя руками. Нередко такая игра оканчивается смертью одного из раненых. Я знаю один такой случай, который имел место в 1901 году на реке Судзухэ. После игры за свободу, когда у обоих китайцев была обрезана брюшина, они оба решили поставить на карту жизнь. Для этого они вышли из фанзы и на ближайшем дереве через сук перекинули верёвку с двумя петлями. Петли эти они надели себе на шеи и стали тянуть друг друга, подгибая под себя колени. Вопрос заключался в том, кто кого перетянет и кто раньше погибнет. В данном случае банкомёт остался жив (его привели в чувство, обливая холодной водою), а проигравшийся удавился. Интересно, что во время этого самоубийства присутствовали все игроки; они стояли вокруг дерева и, ожидая конца, спокойно смотрели, кто из спорящих будет в выигрыше. Свидетелями другого такого случая на острове Аскольде были два штейгера — г-н Водеников и г-н Колесников. Они рассказывали, что после азартной игры в банковку два китайца тоже решили свести свои счёты на верёвке. Они надели чистое белье, лучшее платье, надели на себя петли и повесились. В результате оба оказались мёртвыми¹.

Хунхузы

Китайских разбойников в Уссурийском крае можно разделить на две категории: 1) хунхузские шайки, приходящие из Маньчжурии и 2) местные хунхузы². Первые оперируют в прибрежном районе: в заливе Петра Великого, в Посьетском участке, по реке Суйфуну, по всей долине реки Уссури и около железной дороги. Далеко в глубь Уссурийского края они не заходят и после нападения спешат поскорее вернуться в Маньчжурию, чтобы избежать преследования со стороны русских. Среди местных хунхузов правильных организаций не наблюдается. Это мелкие шайки, численностью в несколько человек, состоящие из неимущей китайской челяди, изгнанной из сельских общин. Это обленившийся бродячий элемент, работавший ранее за грошовую плату у китайских торговцев и тяготеющий к скорой наживе. Такие шайки знают вперёд, у кого и чем можно поживиться. Они действуют всегда наверняка и, сделав своё дело, быстро разбегаются по фанзам, скрываясь среди рабочих китайцев. Делёж добычи происходит после.

Хунхузы в Уссурийском крае — обычное явление. Неся с собою смерть и ужас, шайки их бродят повсюду, нападая то на русские, то на китайские поселения. Везде, где околонизовались манзы, есть хунхузы, и — чем больше китайцев, тем больше хунхузов!..

Несмотря на то что китайцы страдают от них сами, они всеми мерами убивают их от русских. Этому можно найти простое объяснение. Китайца,

¹ Ещё об одном случае упоминает П. В. Шкуркин в своей работе «Китайские азартные игры».

² Правильная транскрипция будет хун-ху-цзы.

который выдал хунхуза, не скрыл его, не оказал ему внимания и гостеприимства или не сообщил своевременно о намерениях и действиях полиции и лесной стражи, — ждёт мучительная смерть от руки мстителя, и куда бы китаец этот ни ушёл, «дамоклов меч» всюду будет висеть над ним. Никогда поэтому не следует доверяться рассказам китайцев. Они часто нарочно распускают слухи, чтобы ими с толку сбить русских и замести следы хунхузов. Вот почему даже в таких городах, как Харбин, Никольск-Уссурийский, Владивосток и Хабаровск, всегда есть хунхузы.

Страх перед хунхузами — панический, покорность полнейшая, рабская. Были примеры, когда два хунхуза, придя в фанзу дроворубов, где жило около 30 человек рабочих-китайцев, приказывали им вязать друг друга, и приказание это исполнялось тотчас же без всякого возражения. Обобразав что нужно, разбойники развязывали только одного человека и уходили, нимало не опасаясь преследования со стороны обиженных.

Резня на острове Аскольде и кровавое нападение на село Никольское (ныне Никольск-Уссурийский) свидетельствуют о том, что усиленная деятельность китайских разбойников в Уссурийском крае началась с семидесятых годов, и — чем дальше, тем больше, тем сильнее становились хунхузы. В 1906 году большая их шайка, человек в 80, оперировала в окрестностях залива Св. Ольги; в 1907 году другая такая же шайка действовала в истоках реки Фудзина и в области Засучанья; в 1908 году хунхузы напали на село Шкотово, а в 1909 году подверглось обстреливанию село Владимиро-Александровское на Сучане.

Русские, попавшие в руки хунхузов, подвергаются самым ужасным пыткам. Тогда зверские наклонности не имеют удержу, страсти — пределов! Вид крови опьяняет разбойников. Привязав пленника к дереву, они подрезывают ему ногти, ломают суставы пальцев на руках и ногах, разрезают рот, вырезают язык, протыкают уши, выкалывают глаза и т. д., и всё это делается медленно, с промежутками, нарочно с целью, чтобы испытуемый не сразу умер, а мучился бы возможно больше. Пытка продолжается иногда в течение целых суток. Такие пытки не редкость. В 1900 году такой мучительной смертью погиб стрелок Иван Царёв, а в 1905 году из знакомых мне охотников на реке Мурени, недалеко от озера Ханка, был замучен старообрядец Иван Китаев из селения Красный Яр, что около Никольска-Уссурийского. 10 июня 1908 года замучен 9-летний сын казака Шильникова, а в январе 1910 года сожжены были на костре два крестьянина братья Кравцовы.

Чаще всего хунхузы нападают на китайцев; случаи грабежей русских довольно редки; даже в тех случаях, когда китайцы нападали на русские селения, они имели в виду китайских купцов и китайские лавки. Особенно они становятся жестокими, когда мстят подрядчикам за обиды и обсчитывания рабочих. Тогда они вырезают целые семьи, не разбирая ни пола, ни возраста. Иногда такие зверские убийства женщин и детей происходят и без всякой видимой причины. Так, в семидесятых годах погибла около г. Владивостока семья Купера, так была вырезана вся семья штурмана дальнего плавания Гека в бухте Седими. В криминальных хрониках Дальнего Востока есть много таких примеров.

Вообще, китайцы по природе народ крайне жестокий. По виду они чрезвычайно добродушны, но в то же время в характере их есть какая-то

затаённая страсть к мучениям. Бой сверчков, бой петухов, стравливание собак доставляют им удовольствие. Даже тогда, когда дерутся люди, китайцы не разнимают их, а ещё больше подзадоривают ту и другую сторону. Я часто был свидетелем, как китайцы ощипывали живых кур и затем голых пускали бегать по двору и травили их собаками. Китаец никогда не зарежет курицу сразу, обыкновенно операцию эту они делают медленно. Жизнь человека в их глазах совершенно не ценится, поэтому утопающего никто никогда не спасает. В Китае обесценивание человеческой жизни истари шло параллельно с увеличением населения. Европейцев поражает равнодушие китайцев к смерти. Я видел, как в 1900 году в Маньчжурии казнили шестерых преступников. Им должны были отрубить головы. Китайцы стояли на коленях со связанными назад руками. Когда палач с мечом в руках подошёл к одному из них, с другого конца крайний крикнул: «Иди сюда, начинай с меня первого. Я посмотрю, острый ли у тебя меч!» Остальные приговорённые к смерти в это время пересмеивались с мальчишками и дразнили их языками.

На побережье моря севернее бухты Терней хунхузы никогда не заходили, потому что страна здесь становится пустынной и безлюдной, к тому же они побаивались охотничьей дружины «Пао-тоу», районом деятельности которой в 1900—1907 годах было всё побережье от залива Св. Владимира до реки Кусуна и даже ещё севернее. Дружина эта собралась первый раз в 1880 году, и с той поры она уже более не распускалась. В 1899 году китаец Чан-ги-чин был выбран пожизненным начальником охотников «Чжан-Бао».

В состав этой дружины входили все вооружённые китайцы и все прибрежные тазы. По мере заселения края русскими район деятельности дружины всё более и более отодвигался на север, число дружинников становилось всё меньше и меньше, и в 1908 году она прекратила своё существование. Большая часть охотников ушла в Маньчжурию, а остальные рассеялись по всему краю.

В число дружинников не все могли попасть. В неё принимались решением общего собрания только лица, известные своей честностью, храбростью и непременно за поручительством своих товарищей. У этих людей был только один закон — «Кровь за кровь», и одно только правило — «Око за око». Как применялись эти законы, свидетельствуют две кровавые драмы, разыгравшиеся в 1906 году около бухты Терней, близ фанзы Дун-Тавайза.

У Чан-ги-чина помощником был китаец Лю-Пул. Осенью в 1908 году он был убит японцами при следующих обстоятельствах: Лю-Пул вместе с корейцем Кин-Ю-То шёл берегом моря по намывной полосе прибоья. Оба они были приглашены к тазам на праздник на реку Такэму, и так как вышли рано, то не очень торопились в дороге. У того и другого были прекрасные ружья. Отойдя немного от устья реки Адимил, Лю-Пул отстал, сел на камень и начал переобуваться. Тут недалеко от берега стояла японская шхуна, на которой было около 30 человек экипажа. Отсутствие попутного ветра не давало ей возможности уйти в море.

Пока Лю-Пул переобувался, от шхуны отделилась лодка и поплыла к берегу. Из лодки вышли японцы, подошли к Лю-Пулу и стали с ним разговаривать. Один из японцев взял его ружьё, как будто для того, чтобы

его посмотреть. Лю-Пул, ничего не подозревая, продолжал перетягивать ремни обуви. В это время стоящий позади японец поднял большой камень и со страшной силой ударил его по голове. Грабители отобрали у убитого ружьё и 20 рублей денег. Пока одни занимались грабежом, другие из ружья Лю-Пула открыли огонь по ушедшему вперёд корейцу, но последний успел скрыться в скалы и затем кружною тропой вернулся обратно в Дун-Тавайзу.

Там как раз в это время был начальник дружинников Чан-ги-чин и 5 китайских охотников. Узнав о случившемся, дружинники решили жестоко отомстить японцам. Поздно вечером они, захватив с собой две банки керосина, сели в лодки и ночью без малейшего шума подошли к судну. Шхуна по-прежнему стояла на якоре на своём месте. Тазы отвязали стоявшую у кормы её лодку, затем облили шхуну с боков керосином и подожгли её сразу со всех сторон. Большая часть японцев сгорела, те же, которые успели выскочить из огня и бросились в воду, были добиты китайцами.

Другая кровавая драма разыгралась недалеко от залива Пластуна по реке Каимбэ.

В конце прошлой войны партия сахалинских дружинников, после высадки их на материк около мыса Золотого, направилась к югу вдоль побережья Татарского пролива к заливу Св. Ольги. Так как все сахалинцы не могли поместиться в лодке, имевшейся в их распоряжении (их было 14 человек), то часть их (6 человек) шла берегом моря. Плавание дружинников до реки Тавайзы, если не считать произведённых ими грабежей и насилий¹, прошло, кажется, без всяких приключений. Около устья реки Тавайзы они увидели около костра двух орочей-охотников. Сахалинцы напали на них врасплох и убили. Убийство было сделано с целью грабежа. Забрав вместе с другими вещами оружие орочей, разбойники, прикрыв трупы убитых небольшим слоем песка, ушли по направлению к югу.

Розыски пропавших тазов долгое время были тщетными. Наконец на реке Адимил-Тавайза около берега моря было найдено место их бивака. Разбросанные на земле кое-какие мелкие вещи и странное поведение собак заставили искавших предположить, что здесь было совершено убийство. Собаки с воем стали рыть землю. Раскопки в этом месте обнаружили скоро один труп и рядом с ним и другой. Преступление было раскрыто. Опытный глаз орочей не обманывал их: убийцами были русские.

В это время, вследствие непогоды, партия сахалинцев успела добраться только до реки Каимбэ, где и задержалась. Немедленно собралась вся дружина и отправилась туда, где бивакировали сахалинцы. Неожиданно напали они на них и перебили сразу всех тех, которые были на берегу. Сидящие в лодке начали отстреливаться и хотели было уйти в море, но противный ветер и сильное волнение помешали их бегству. Лодку прибывало волнами к берегу всё больше и больше. На несчастье, у каторжан скоро иссякли все патроны. Меткий ружейный огонь орочей и китайцев по кучке людей, сбившихся в лодке, оказался настолько действительным, что через несколько минут все сахалинцы уже лежали убитыми или ранеными. Предоставленная самой себе лодка была прибита к берегу. Из неё выскочили

¹ На реке Кавангу (южнее мыса Плитняк) они вырезали целую семью орочей, детей побросали в воду, и когда те подплыли к берегу и молили их о пощаде, они приколотили их остроугою.

два человека и бросились бежать. Тазы открыли по ним огонь, но они успели скрыться. Бродя по тайге, беглецы наткнулись на пастушескую фанзу, в которую имели неосторожность зайти.

Между тем Чан-ги-чин отрядил шесть человек охотников для поисков беглецов. Оба сахалинца вскоре были пойманы в фанзе и тут же убиты. Все трупы китайцы сбросили в море, а лодку сожгли. Китайцев и тазов-охотников было около 20 человек.

1906 и 1907 годы были очень беспокойные. Шайки хунхузов бродили повсеместно. Тогда Чан-ги-чин оказал мне большие услуги. Каждый раз, как только заходило солнце, он окружал мой бивак часовыми и, кроме того, выставлял ещё особых часовых по всем тропкам. Его лазутчики каждый день сообщали мне, где находятся хунхузы и что произошло в окрестностях за ночь.

В 1900 году китайцы не хотели пустить переселенцев-староверов на реку Амагу¹. Чан-ги-чин дал староверам пропуск и убедил китайцев не препятствовать русским, тем более что долина реки Амагу была пустынной и находилась в стороне от китайских охотничьих районов. Чан-ги-чин был единичная личность²; по нему нельзя судить о всех китайцах.

Местные китайцы враждебно относятся к русским — 1) потому что русские мало-помалу вытесняют их из края, 2) потому что русские постоянно заступаются за инородцев, 3) потому что прошлая неудачная война подорвала авторитет русских властей в крае. Китайцы убедили инородцев, что Уссурийский край принадлежит Китаю, что русские попали сюда на время случайно, так же случайно, как в Маньчжурию, и что поэтому не надо слушаться «Лоца-Мауза» (т. е. русских³), а следует во всём подчиняться китайцам.

В японскую войну после Мукденской катастрофы и после разгрома эскадры адмирала Рождественского около острова Цусимы, когда ожидалась осада Владивостока, — местные китайцы пришли в сильное возбуждение. Они побросали свои работы, ходили по всем дорогам и тропам и горячо толковали о грядущих событиях и главным образом о том, где достать можно ружья и патроны. Ходячие среди большей части населения мысли были таковы: *«Когда японцы разобьют русских и здесь, в Уссурийском крае, и когда русские пойдут в Хабаровку, то надо помогать японцам, надо на пути перехватить русских и бить их, где только возможно. Надо сжечь все деревни и перебить не только крестьян, но и детей и женщин, чтобы здесь совсем не было русских и чтобы земля снова стала китайской»*.

Вообще, после войны заметно, что китайцы перестали быть такими приниженными, какими мы знали их раньше. Они стали более смелыми, чтобы не сказать дерзкими. Когда наш экспедиционный отряд приходил в ту или другую местность, китайцы производили негласное расследование, кто был проводником, кто указал дорогу и т. д.

¹ Сведения эти сообщили мне старообрядцы братья Черепановы и Бортниковы, живущие там и по сие время.

² В 1908 году, когда дружина рассеялась, Чан-ги-чин ушёл за Уссури и поселился в Хуми-Санза. По слухам, в 1913 году он умер, кажется, насильственной смертью. Это вполне возможно — у него было очень много врагов среди хунхузов.

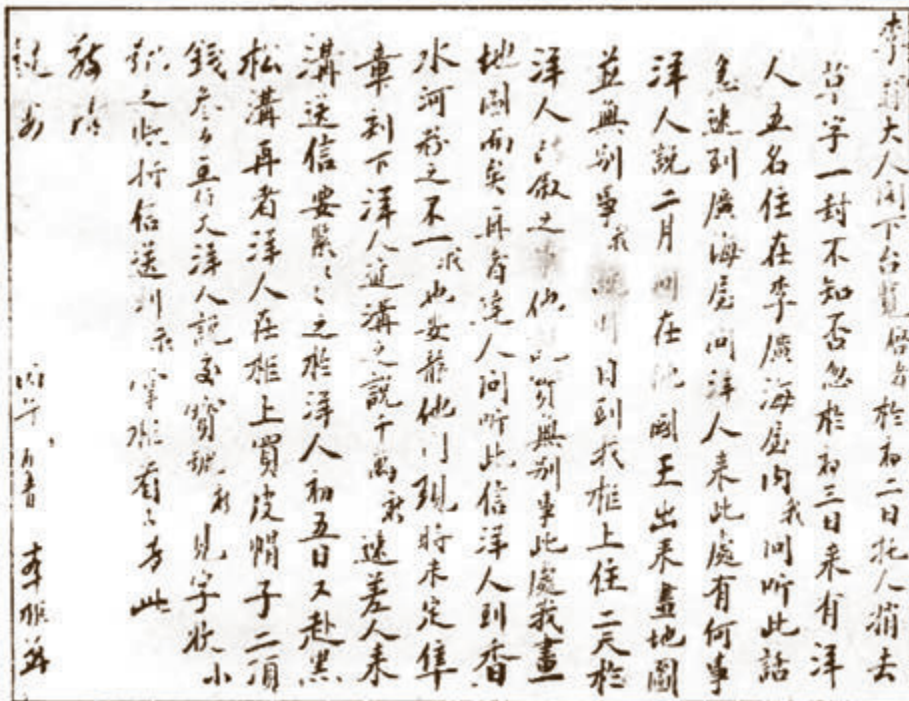
³ «Лоца» — слово ороцкое — этим именем они называют русских. «Маоцзы» — слово китайское, означающее «волосатый».

В 1895–1909 годах в Анучинском районе, на Имане, в Засучанье и в Зауссурийском крае вооружено было поголовно всё манзовское население. Главным оружием были винчестеры, маузеры и берданки; 3-линейные винтовки среди китайцев появляются приблизительно с 1900 года. Оружие это было перенесено сюда в разобранном виде после войны 1904 и 1905 годов, сюда же попадали и все те винтовки, которые пропадали в войсках во время беспорядков в г. Владивостоке.

Насколько действительно местные китайцы были убеждены, что Уссурийский край принадлежит им, мы можем судить из следующих документов, касающихся меня лично.

Первый документ, случайно попавший мне в руки, заключал в себе китайское донесение о моём появлении в верховьях Имана в 1906 году.

Он гласил: «Господин Ми-вень! Имею честь представить на Ваше усмотрение нижеследующее: в этом месяце 3 числа со стороны моря вдруг пришли иностранцы (Ян-чжень) пять человек и остановились в доме Ли-Тан-Куя. Узнавши это, я немедленно поспешил к ним и расспросил иностранцев, какое дело они имеют в нашем месте. Иностранцы рассказали, что во втором месяце они вышли из своего государства чертить карту и других дел не имеют. Я сказал им, чтобы на следующий день они приходили бы ко мне жить. 4-го числа иностранцы пришли ко мне и прожили два дня. Разговаривая с иностранцами о делах, я действительно убедился, что пришли они в нашу землю чертить карту и только. Затем инородцы, услышав это известие, что пришли иностранцы, встревожились. Я

Донесение китайцев о появлении «иностранцев» (русских) на р. Имане
 Rapport fait par les chinois habitant la vallée de la rivière Iman et dénonçant
 l'arrivée de Russes (étrangers) dans leur région

их также успокоил. 5-го числа иностранцы опять отправились в Хэй-шуй-гоу. Прочитавши письмо, передайте его прочесть г. Бин-у-нянь (1906 года) 10 месяца 5 числа».

Волнения среди инородцев, о которых в письме упоминает китаец, произошли по следующей причине. Упомянутый Ли-тан-куй жестоко притеснял орочей и нередко подвергал их тяжёлым телесным наказаниям. Все орочи с реки Имана были его неоплатными должниками и работали на него не покладая рук. Наконец двое из них из рода Гялондига, выведенные из терпения, поехали к русским властям просить защиты от китайцев. Тогда Ли-тан-куй для примера другим инородцам приказал жалобщиков бить палками без конца. Один из этих орочей умер во время наказания, а другой выжил, болел целый год и остался калекой на всю жизнь. Когда орочи узнали о моём прибытии, они сильно взволновались. Обо всём этом я узнал на другой день после отправки письма Ли-тан-куя. Весной на реку Иман была послана полицейская стража с казаками. Ли-тан-куй был арестован и большая часть китайцев выселена в Маньчжурию.

Второй документ представляет из себя свободный пропуск или открытое предписание, выданное мне китайцами на реке Бикине в 1907 году.

Содержание его следующее: *«Настоящая записка дана от Дэ-Тай-я, чтобы провожали трёх русских государственных чиновников на собачьих санях до Хэ-ба-гоу через Туань-шань-цзы со станка на станок, не обращая внимания на снег и ветер. Конечным пунктом будет Си-гоу».*

Тесную связь с хунхузами имеют охотники и звероловы. Вооружённые, отлично знающие тайгу и все горные тропы, они являются лучшими проводниками. Фанзы их всегда служат хунхузам пристанищами.

Половину года китаец охотничает, соболюет в тайге, в другое время он работает на пашне, если соболевание не было добычливым, или ничего не делает, если ему удалось хорошо поохотиться и добыть много пушнины. Тогда бродит он из одного посёлка в другой, курит опиум и предаётся азартным играм. От китайца-охотника и соболёвщика до хунхуза — один шаг. Сегодня он зверолов, завтра — разбойник!

Борьба с китайскими браконьерами непременно повлечёт за собой ослабление деятельности хунхузов. Уничтожение зверовых фанз с запасами продовольствия, на которые всегда опираются разбойники во время своих движений по тайге, заставит последних уйти из гор и выйти на дороги, к деревням и сёлам, а это, в свою очередь, даст возможность успешнее с ними бороться.

В начале осени манзы завозят в зверовые фанзы запасы продовольствия, обеспечивающие их на всё время охоты и соболевания. Тогда китайские разбойники действительно уходят далеко в горы. Совершая переходы от одного посёлка к другому, они пробираются целиной, кружными горными тропами, обходят селения, зная наперёд, что найдут в тайге продовольствия с избытком.

Напав на китайцев в одном месте, хунхузы тотчас же переходят в другой район, где некоторое время ничем не дают о себе знать, но затем вновь нападают на соседей и опять уходят в новые места и т. д.

Обыкновенно при появлении хунхузов крестьяне собираются неохотно; они требуют войска, а вследствие нашей проволоочки и канцелярщины вой-

ска всегда опаздывают, выходят без всяких инструкций, вступают в распоряжение полицейского чиновника, который и сам-то не знает, где следует искать разбойников, и потому такие экспедиции против хунхузов всегда безрезультатны. Стоит ли искать разбойников, когда после появления их в данной местности прошло уже несколько суток, и хунхузы ушли отсюда, по крайней мере, вёрст за сто, если не больше?!

Нельзя не отметить отсутствия взаимной поддержки у крестьян, живущих в разных селениях. В то время как один староста собирает охотников и идёт на обыск фанз, крестьяне другой деревни, через которую бегут китайцы, смотрят на работу своих соседей безучастно и посмеиваются иронически.

Старожилы китайцы говорят, что в Уссурийском крае раньше хунхузов было гораздо меньше и что их теперь наплодили сами русские. У крестьян не наблюдается солидарности, нет общего плана, нет согласия, нет взаимной поддержки. Китайцы отлично это поняли и постарались воспользоваться этой отрицательной стороной наших засельщиков.

Весь залог успеха заключается в самом начальнике. Если он апатичен и ленив и если в дело он не вложит своей души, то, при самой идеальной организации отряда, он никогда не достигнет цели. Если же он будет работать не за страх, а за совесть, если он будет энергичен, то и при самой слабой и даже случайной организации из местных крестьян-охотников такая экспедиция в одну зиму сделает больше, чем воинский отряд из трёх родов оружия в течение целого года. Хунхузы отлично понимают, с кем они имеют дело, и в таких случаях достаточно одного имени энергичного начальника, чтобы разбойники сами ушли бы в другой район, который находится в ведении бездеятельного, слабого духом и апатичного человека.

Я знаю случай, когда крестьяне с реки Даубихэ и реки Сучана выследили большую шайку хунхузов и перестреляли всех китайцев. Около двух лет после этого их таскали по судам и следствиям. Требовалось доказать, что это действительно были хунхузы, а не охотники-промышленники звероловы¹.

Китайские законы

Строй жизни китайцев в Уссурийском крае поражает своей оригинальностью. Эта замечательная организация заслуживает того, чтобы о ней поговорить подробнее. И здесь опять-таки мы видим один и тот же суровый закон тайги «Кровь за кровь» и «Око за око». «Прощения нет» — вот тезис, вот главное основание закона! Надо поражаться той железной дисциплине,

¹ Примечание относится к странице 55-й (в издании 1914 г. — *Ред.*). Когда уже была напечатана эта глава, Генерального штаба полковник Тихменев прислал в дар Гродековскому музею Приамурского отдела Императорского Русского географического общества старинные карты Маньчжурии, Уссурийского края, Сахалина и Амурской области. Съёмки эти были произведены в 1857 году, в бытность его покойного отца первым губернатором Приморской области, генералом Тихменевым.

Рассматривая эти карты, мы видим, что в то время в Уссурийском крае названия всех рек, урочищ, гор, стойбищ и т. д. были исключительно маньчжурскими и ни одного названия нет китайского. Так, например, река Хор называется Хоре-Бира, река Иман значится под названием Ниман-Бира, Суйфун — Фурдань-Бира, Хунгари — Хачгарула, Усури — Усури-Ула, Бикин — Бишень-Бира и т. д.

Из этого мы вправе заключить, что в 1857 году китайцев в Уссурийском крае было ещё так мало и были они там так недавно, что не могли маньчжурские географические названия заменить своими китайскими. Эта замена произошла значительно позже.

которая сковывает членов этой ассоциации между собою. На каждой реке китайцы живут своею жизнью, совершенно обособленной от соседей, и в то же время удивительная солидарность царит между ними. Каждая долина реки представляет из себя отдельную общину (Гуан-и-Хуэй). В каждой долине есть свои особые законы: «Тун-дянь-лу», т. е. «Всеобщие оповещённые правила».

На вопросы, задаваемые китайцам, существуют ли у них на родине такой же порядок, такой же строй и такие же законы, они говорили «нет». А на вопросы, почему же здесь в Приамурье они живут другой жизнью, они отвечают: «Там в Китае у нас есть много всяких начальников, а здесь в Уссурийском крае начальства нет никакого».

И в самом деле, люди эти, поселившиеся в глубине гор и лесов, долгое время были предоставлены самим себе. Должны же были они выработать себе какие-нибудь правила, чтобы руководствоваться ими в жизни. Тяжёлые условия самой жизни, борьба со стихийными силами природы, хунхузы, дикие звери — всё это наложило на характер их грубый и жестокий отпечаток, а это последнее обстоятельство, как в зеркале, в грубой и жестокой форме отразилось в тех законах, которые они для себя создали.

Русские власти хорошо знали, что в тайге много живёт китайцев, но не хотели вникнуть в их жизнь и предоставляли им самим устраиваться и жить по-своему. Казалось, что как будто бы русские и китайцы поделили страну между собою. Русские хозяйничали на Уссури, около железной дороги, в Южно-Уссурийском крае и на побережье моря до залива Св. Ольги, а китайцы — севернее их и внутри страны. Так продолжалось до 1907 года.

Появление русских изменило только наружный облик страны, но не коснулось внутренней жизни китайского населения. По мере того как вымирали старики, в крае появлялся новый элемент. Вновь прибывшие китайцы селились на старых местах и удерживали старые обычаи и старые законы. От русских они скрывали свою организацию и усиленно прятали свои законы.

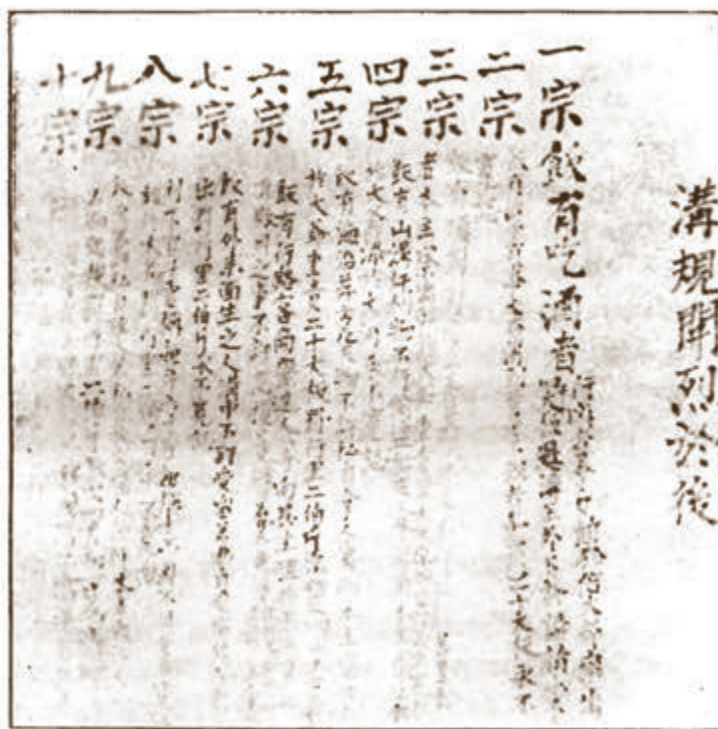
Законы эти удалось достать только три раза. Один раз они добыты покойным г. Пальчевским, прожившим в Уссурийском крае 26 лет. Другой раз по счастливой случайности в 1906 году на реке Санхобэ с большим риском мне удалось достать два свёртка этих законов. Законы были написаны на двух длинных, широких лентах, длиною в 10 аршин каждая.

Третий раз законы китайской организации были добыты иманским мировым судьёй во время производства им следствия¹. Они были отправлены в г. Владивосток в Восточный институт, там переведены на русский язык и опубликованы в 1909 году.

Об этом я буду говорить ещё ниже.

Раз в три года со всей долины собираются китайцы около кумирни. Здесь они раскладывают костры и сжигают бумажки по усопшим. По окончании этого обряда они приступают к выбору новых должностных лиц, изменяют, дополняют или вырабатывают новые законы. Это великий день, великий праздник, приуроченный к началу Нового Года. Новые законы читаются вслух и подписываются всеми присутствующими. Имена тазов пишутся после китайцев на самом конце списка.

¹ Фамилию этого мирового судьи мне не удалось установить.

Законы китайской организации «Гуан-и-Хуэй» в Уссурийском крае
*Lois promulguées par les communes chinoises «Gouan et Khouei»
 habitant la région de l'Ooussouri*

Содержание этих законов следующее:

«Тун-дьян-лу — всеобщее постановление¹.

Составлено на 62 год (жизни на морском побережье) 15-го числа 1-й луны в 24 году эры Гуан-Сюй².

Законы одинаковы для неба и земли, людей и растений. В течение 100 веков они сменяются, как гости. Люди живут, как в сновидении, двигаясь вперёд и возвращаясь обратно. Время мчится быстро. Поле и огород созревают и вянут, почему же не начинают они цвести сначала? В действительности природа не изменяется, но изменяется наше сердце. Мы томимся мелочами жизни и не замечаем, что время мчится и уходит безвозвратно. Мы знаем, что будущее может нагряться, но истинный путь действительности (смысл настоящего) скрыт далеко. Сегодня кажется так, завтра иначе. Спроси утреннюю порою у сражающихся врагов о дороге — нет у них времени для ответа. Мы стоим у ограды завесы неизвестности и жаждем знать, что находится за нею».

После этого вступления идёт список должностных лиц.

«Пао-тоу — Охотники (Охотничья дружина).

Пао-тоу-Да-Е — Начальник охотников Чжан-Бао.

Пао-тоу бань-бан — Помощник старшины охотников.

¹ Переводы этих документов сделаны г-ном Шкуркиным П. В., а затем были проверены в Санкт-Петербурге профессором Ивановым.

² 1898 год.

Охотники делятся на 9 отделений (пай¹).

1, 4 и 6-ая дощечки — 48 человек,

7-й пай — 13 человек,

9-й пай — 9 человек,

8-й пай — 16 человек.

Среднее отделение:

2-й пай — 14 человек, 3-й пай — 9 человек.

Дощечки внешних гор, т. е. за водоразделом:

1-й пай — 5 человек, 2-й пай — 7 человек.

Умершие, которым сжигаются бумажки, — 14 человек».

Китайцы в память умерших сжигают золотые и серебряные бумажки (кэнь-ен-бао), посылая усопшим таким образом в загробный мир якобы золотые и серебряные деньги.

Лица, которые при жизни оказали общине какие-либо особые услуги, особенно почитаются. После смерти имена их заносятся в особый памятный список. Им-то и сжигаются эти бумажки.

Далее следуют:

«Цзун-Да-Е — Главный старшина.

Тун-Цзун-Ли — Главный исполнитель закона, лицо, соответствующее нашему прокурору.

Бань-Да-Е — Два главных помощника старшины.

Се-Бань-Да-Е — Четыре помощника главных помощников старшины.

Символ власти главного исполнителя закона китайских организаций – красная деревянная дощечка с надписями «Ни ветер, ни дождь не задержат». Тыльная и лицевая сторона

*Symbole du pouvoir de l'exécuteur des lois promulguées par les communes chinoises établies dans la région de l'Oussouri.
Ce symbole représente une planchette de bois peinte en rouge portant l'inscription suivante: Ni le vent, ni la pluie ne devront être un obstacle*

Один из них назначается специально для сношения с русскими властями, когда они придут в долину».

Когда я приходил в китайское селение и требовал себе старшину — старшина являлся. Но это был, значит, не старшина, а именно один из Се-Бань-Да-Е, которому положено вести отношения с иностранцами.

«Другой из четырех упомянутых должностных лиц ведет общественным хлебозапасным магазином.

Минь-Гуань — Три человека глав-

¹ Каждое отделение (пай) имеет свою собственную дощечку, выкрашенную в красный цвет. На каждой дощечке иероглифически изображены год, номер пая и район действия.

ных судей; три человека следователей. Один из них старшина морского побережья.

Гуань — Шесть человек судей. «Железная голова», т. е. обладающий лучшей памятью. Затем «Прошедший все долины и реки», т. е. проводник, знающий все окрестности, и ещё 5 человек.

Все 13 предназначаются для исполнения поручений должностных лиц».

Далее идут:

«1) Всеобщий советчик — лицо, соответствующее нашему присяжному поверенному.

2) Помощник советчика.

Тун-ли — Главный писарь.

Бан-тун-ли — Его помощник.

Тэхуси — Защитник.

По-гун-дао — Заведывающий почтой».

В руках главного исполнителя закона (Тун-цзун-ли), как символ власти, имеется красная дощечка и на ней надпись: «*Фын-юй-бу-у*» — «*Ни ветер, ни дождь не задержат*». Если он, придя в фанзу, показывал людям эту дощечку, все тотчас же должны были бросать всякую работу, какой бы она ни была спешной, и делать то, что он им укажет. У помощника исполнителя законов есть другая дощечка (огненная табличка) с надписью *Хо-лай*, что значит «*пожарная тревога*».

После лиц, выбранных в правление, начинается список почётных стариков *Да-Е*. Список этот разделён на три группы и составлен в порядке по старшинству лет. Просматривая его, внимательный наблюдатель замечает некоторые отступления от порядка. Так, например, среди стариков 1-й категории видна фамилия одного сравнительно молодого китайца. В *Да-Е* он попал вследствие своего выдающегося ума. Почти в самом конце, среди младших *Да-Е* помещён глубокий старик, — оказывается, что он туг на ухо и т. д.

Таким образом, мы видим, что при составлении списков *Да-Е* взвешивались не только умственные способности стариков, но и физические их недостатки. Последнее обстоятельство имеет важное значение, потому что на суде все ближайшие по окрестности *Да-Е* участвуют как присяжные заседатели.

Самый порядок общежития в долине, а равно и наказания за нарушения правил общего постановления изложены особо на отдельной ленте.

Эти правила тоже начинаются указанием времени правления Гуан-Сюй и определяют число лет существования организации в Уссурийском крае.

«Тун-Дян-лу — Правила, обязательные для всех.

1) Если злодей совершит убийство и ограбит покойника, то преступника закопать живым в землю. Прощения нет никогда.

2) Если кто украдёт в отсутствие хозяина из его дуй-фанзы меха, панты и женьшень или продовольствие, то преступника связать и бросить в реку. Прощения быть не может.

3) Если кто будет послан со срочной запиской, и он по своей надобности задержится где-нибудь в дороге, то бить его палками без конца. Прощения нет».

Этим объясняется удивительная быстрая передача всяких известий, касающихся общественной безопасности. Вот почему, как только наш отряд показался в низовьях долины, вверху уже все китайцы подробно знали о численности отряда и о направлении его движения.

«4) Каждый должен охранять свой дом, нельзя передавать его охрану другим. Каждый должен ходить по собственной зверовой тропе, где у него стоят ловушки. Если кто пойдёт ловить соболя по чужой тропе, то хозяин её может того безнаказанно убить, хотя бы был уже и большой снег в лесу.

5) Если торгующий в горных долинах имеет меха, женьшень и панты и кто-либо украдёт, и кто-либо сообщит Да-Е, то бросить преступника в реку. Прощения нет.

6) Если пьяный (или поступавший раньше дурно) злодей возьмётся за нож или ружьё и кто-либо известит об этом Да-Е, то дать виновному 40 ударов большими палками (та-бан) и выгнать его из долины. Прощения нет».

Палки (та-бан) всегда находятся в кумирне. Тут же производятся и наказания. Преступника кладут лицом на землю, спиной кверху. Руки и ноги растягивают и привязывают верёвками к кольям. Удары наносятся по спине, поясице, ногам и ягодицам. При небольшом числе ударов наказуемого не привязывают, а держат руками за ноги и голову.

На палках тоже сделаны надписи:

«Да-Цинской династии, 3 числа 12 месяца 24 года правления императора Гуан-Сюй. Палка первого разряда. Нужно бить без милосердия.

Да-Цинской династии, 19 числа 10 месяца 21 года правления императора Гуан-Сюй. Палка первого разряда. Нужно бить без милосердия. Все люди должны всегда помнить об этом.

Да-Цинской династии, 25 числа 3 месяца 27 года правления императора Гуан-Сюй. Деревня Цзи-синь-гоу. Палка второго разряда. Совершившего преступление нужно бить до смерти¹.

7) Если в долине что-либо случится, требующее созыва схода, и Да-Е позовёт всех, то, кто не придёт, дать 40 ударов большими палками. Прощения нет.

8) Если у кого-либо есть собственный дом или хлеб, то никто из посторонних не может их тронуть. Если тронет и хозяин заметит и сообщит Да-Е, то дать преступнику 20 ударов большими палками и взятое возвращается хозяину. Прощения нет.

9) Если на берегу моря будет склад товаров, то нельзя тайно брать. Если хозяин заметит и сообщит Да-Е, то укравшему дать 20 ударов большими палками и наложить штраф в 200 фунтов. Нет прощения».

Штрафы поступают в общественный хлебозапасный магазин.

«10) Если придёт прохожий гость, купец-манза, то с ним следует обращаться мягко и справедливо. Если за ним нет дурного дела, если он уплачивает счета, то нельзя ему делать ничего худого. Если кто поступит зло и о том узнает Да-Е, то на того налагается штраф в 200 фунтов товаров. Прощения нет.

11) Если из других мест появится никому неизвестный человек, то ему нельзя ночевать в долине. Если же он самовольно останется ночевать и

¹ Переводы этих надписей сделаны окончившим Восточный институт капитаном Д. Д. Гнедич, которому и приношу искреннюю благодарность.

хозяин не даст знать Да-Е, то виновный штрафуется на 200 фунтов. Прощения нет.

12) Утверждается мера в 60 цзинь (фунтов); каждый цзинь в 16 лан. Если у кого будет неверный фунт или мера, то Да-Е штрафует того на 200 фунтов. Прощения нет.

13) Воспрещается самовольно пускать палы. Если кто пустит огонь и сгорит вещи и хозяин сообщит Да-Е, то виновный штрафуется в пользу потерпевшего. Если потерпевший даёт ложное показание о сгоревших вещах, то и он штрафуется на 200 фунтов. Если кто будет пускать пал после общественного опаливания 1 числа 4 луны, то дать ему 20 ударов большими палками».

Закапывание живых людей в землю имеет различные степени наказания в зависимости от того, будут ли обстоятельства, увеличивающие или уменьшающие вину преступника. В первом случае в могиле делается обширный по размерам сруб, чтобы закапываемый не сразу умер. Иногда при смягчении вины в головах преступника ставится зажжённый фонарь, чтобы огонь горел за счёт кислорода воздуха и, следовательно, чтобы углекислота скорее произвела бы своё действие на умирающего.

Согласно ритуала, перед самым совершением казни в могилу входят двое старших судей и обращаются к людям с речью, что, если народ находит, что они осудили человека неправильно, то пусть их самих тотчас закопают в этой могиле вместо осуждённого. Обычай требует, чтобы они трижды сказали это, и только после этого они выходят наверх, а вместо них вводится в могилу преступник, и приступают к совершению казни. Деревянный сруб заколачивается сверху толстыми досками и засыпается землёю. Во втором случае, т. е. при уменьшении вины, копается только одна яма и никакого сруба не делается. Закапываемого кладут на спину лицом вверх, исполнители держат его за ноги и за руки деревянными развилками. При особо уменьшающих вину обстоятельствах преступнику за полчаса до казни дают пить ханшин и опий.

Закапывание живых людей в землю не отошло в область преданий. Случаи такой казни у китайцев в Уссурийском крае имеют место и по сие время.

Так, в 1903 году на реке Санхобэ было закопано три человека. В 1905 году на реке Такэме — 2 человека. В 1906 году на реке Фудзине я немного не застал погребения двух человек, я опоздал на двое суток. Здесь в овраге, недалеко от фанзы Иолайза, был похоронен один китаец и один молодой красивый таза. Погребение было совершено вечером. Отец таза очень жалел своего сына. Ночью он вместе с другими двумя инородцами пришёл к могиле и раскопал её. Сын его был ещё жив, но в бессознательном состоянии. Тазы засыпали яму и унесли умирающего на руках в горы. Через двое суток больной умер, не приходя в сознание. Тогда ночью они снова отнесли его на старое место и опять закопали в ту же могилу.

Не следует думать, что законы разных долин одинаковы. Каждая община, сообразуясь с местными особенностями жизни, вырабатывает свои особые законы, часто совершенно отличные от законов соседей долины. На реке Имане среди других наказаний было обливание водою зимой голого человека до тех пор, пока он не превращался в кусок льда. Такому наказанию в 1902 году были подвергнуты два ороча Гулунга и Серемага из рода Гялондига (стойбище Вагунбэ) за то, что ездили с жалобой на китайцев к русскому начальству.

Денежные штрафы имели широкое применение в Зауссурийском крае на реках Иодзыхе, Санхобе, Кема, Кумуху и Кусуне. Для этого требовалось поручительство сторонних лиц и согласие пострадавших.

Как решались такие дела, можно судить из следующих двух документов:

«1) Договор о вознаграждении. Китаец по фамилии Лю-хун-цзюнь в деревне Яо-цзэ-хэ убил сына китайки Чун Ши Лян Сяна. По обсуждению этого случая группа китайцев решила обязать Лю-хун-цзюня уплатить матери убитого 800 дяо. Причём в настоящее время убийца должен уплатить 100 дяо, а остальные 700 дяо осенью. Кроме того, они условились в случае неплаты этих денег виновным уплатить их самостоятельно (следуют подписи)».

Этот договор подписан 32 китайцами.

«21 числа 12 месяца 31 года правления императора Гуан Сюй.

2) Китаец Сюй Цин-гэ побил и нанёс раны китайцу Цай-Си. Старшины рассмотрели это дело и, обязав виновного уплатить пострадавшему 120 дяо, решили кончить на этом дело. В доказательство чего написано это письмо, которое подписали: Чжан Цин-гун, Ли Чан, Ван Пин-хуй, Лю Гуан-дэ, Сюэ Фу, Чжэнь Хуай-мао, Цзи Ва, Лю Эр и Ци Эр.

12 числа 2 месяца 30 года правления императора Гуан Сюй»¹.

В законах на реках Санхобэ и Такеме особенно развит был остракизм. В последнем случае, если виновного изгоняют совсем из общины, то от него берут подписку в том, что он через 12 часов уйдёт из долины и никогда назад не вернётся.

Примером такой подписки может служить следующий документ².

«Гуан Сюй 30 года 6 месяца 16 числа.

Я Чжань-ди-шень, живущий на восточных границах русского побережья (Хай-хэ) в местности Сан-хобэ-гоу, был главою многих преступлений. Отныне мне вечно не будет позволено войти в долину Санхобэ, где столько я сделал зла. Подчиняюсь решению судей Да-Е и прикладываю свою руку (вместо печати).

Главный старшина утвердил этот приговор.

Писал Чжан-Чан-Шань по прозвищу Сы вань.

Старшины: Чжань-Бао-Тун, Лю-Лао-Цзин, Си-фу, Лю-Кай, Чжан-Сун, Сун-Пин-Нань».

Изгоняемому намазывают ладонь руки тушью, и он прикладывает её к постановлению. Все складки ладони, до мельчайших подробностей, остаются на бумаге так, что во всякое время можно точно установить, кому именно принадлежит рука, оставившая свой отпечаток (дактилоскопия).

Следует отметить ещё одно обстоятельство. Всякий человек, пришедший в долину хотя бы только на одни сутки, должен подчиняться всем её законам, как бы суровы они ни были.

Если преступник будет приговорён к наказанию, ему не избежать его даже и в том случае, если бы он ушёл в другую долину. Специально посланные найдут его всюду и при содействии местных Да-Е он будет доставлен к месту казни или пытки.

¹ Переводы этих документов сделаны окончившим Восточный институт капитаном Д. Д. Гнедич.

² Подписка эта была дана китайцем Чжань-ди-шень на реке Санхобэ в Зауссурийском крае в 1903 году.

立水人劉大學之姓劉洪均左安子河將義
氏一子連香打死說事人說允義以使錢
銀佰中慈現使錢壹佰吊下欠錢茶佰以
待立字收後付錢同家言明兩下隋應錢
項有保人一面承管並無反回立憑帖為証

代字人在云生 柳占春

眾保人

郭永發 程起昌 張亦則 王廷波
 張亦成 郭學最 李視財 天馬次
 徐文清 孫文玉 白富佳 杜清云
 孫文玉 劉金科 郭德成 萬萬偉
 王古凌 郭德成 張萬偉 張萬偉
 王古凌 郭德成 張萬偉 張萬偉
 張萬偉 張萬偉 張萬偉 張萬偉
 張萬偉 張萬偉 張萬偉 張萬偉
 張萬偉 張萬偉 張萬偉 張萬偉

光緒三十一年十二月廿一日

Решение китайского суда об убийстве мальчика
Arrêt de la justice chinoise concernant le meurtre d'un enfant

義張房山在東邊界之地方三河割
案口言明不許餘緒各樣邪法因此
不許進三河皮溝大爺站斷立此
字樣手印為証

三河皮溝 張房山心筆

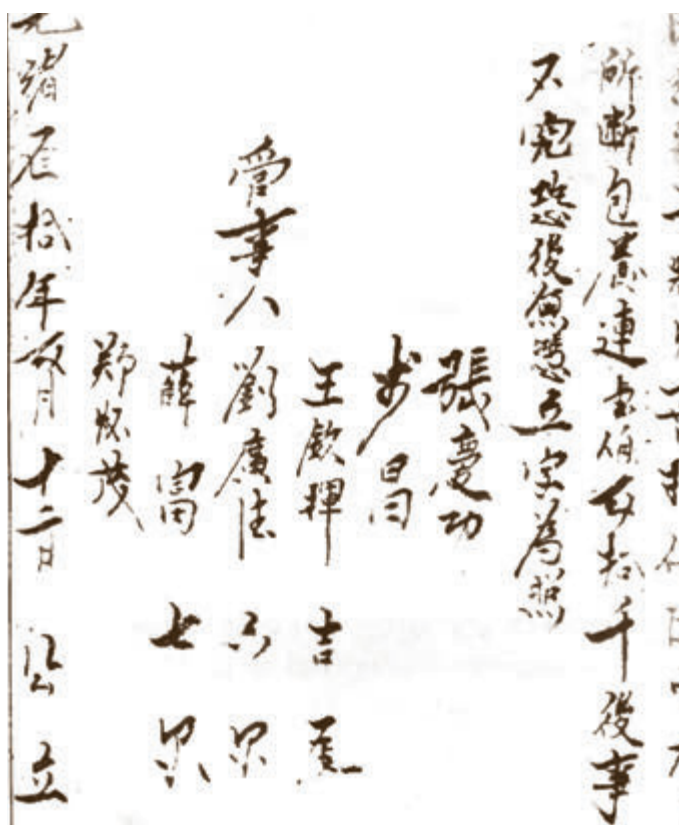
大爺

張房山 劉福
 劉福 劉福
 劉福 劉福
 劉福 劉福
 劉福 劉福
 劉福 劉福
 劉福 劉福

光緒三十一年六月十六日

Документ об изгнании из долины (остракизм)
Document condamnant au bannissement

*Решение китайского суда о денежном вознаграждении за нанесение ран
Arrêt rendu par la justice chinoise et condamnant à payer une amende pour blessure*

Так, например, в 1905 году начальник иманского участка есаул Февралёв (посёлок Графский) освободил троих орочей, приговорённых китайцами к смертной казни. Они из мести убили своего цай-дун'а (кредитора). По долинным законам реки Иман их должны были закопать живыми в землю. Орочи бежали за Усури в Маньчжурию, но китайцы разыскали их и там и при посредстве местных властей доставили их на Иман обратно. Об этом узнал есаул Февралёв и вмешался в дело. Орочи были освобождены, но это не спасло их от смерти. Несмотря на то что они ушли на реку Ното, в том же году они все трое были убиты. Это приписали хунхузам.

В «Приамурских ведомостях» в 1905 году за № 26 был напечатан один экземпляр подобного рода правил китайской ассоциации. Эти законы, как я уже сказал, были добыты покойным г. Пальчевским на реке Имане. Они были написаны на листе красной бумаги и наклеены на стене в фанзе главного писаря Цзун-ли.

Просмотрев их и сравнив с напечатанными выше, читатели увидят, что они во многом отличаются от законов, добытых мною в долине реки Санхобэ в 1906 году.

«Гуан-Сюй 22 лет¹ февраля 13 дня.

¹ 1896 год.

Законы общественного правления.

§ 1. Карточная игра на деньги разрешается с 1-го по 20-е января, а на съестное — с 15-го августа по 15-е марта. В последнем случае выигрыш выплачивается натурой и сообща съедается; хозяин должен продавать всё требуемое игрокам на деньги.

За игру не на съестное хозяин подвергается штрафованию 1 быком и 15 пудами муки.

§ 2. За продажу соболя не своему цай-дуну (т. е. кредитору, хозяину) виновный подлежит 40 палкам и возвращению соболя по принадлежности.

§ 3. За несдачу добытого женьшена своему цай-дуну виновный подвергается 40 палкам и изгнанию с Имана.

§ 4. За тайную от цай-дуна куплю пантов — 40 палок.

§ 5. Прохожий имеет право проживать в каждой фанзе по 3 суток бесплатно, а затем обязан платить по 40 копеек, а за первые три дня нового года — по 5 рублей.

§ 6. За драку и ругань — 40 палок и 7 пудов провизии.

§ 7. Раненный ружьём или ножом должен находиться под наблюдением Да-Е 18 дней, и, если умрёт, виновный подвергается погребению заживо. Хозяин же, упустивший убийцу, наказывается 20 палками и 15 пудами муки.

§ 8. За обман — 40 палок.

§ 9. Член артели, укравший чужую вещь, должен быть немедленно обличён и представлен на суд для наказания 40 палками и 13 пудами муки.

§ 10. Орочны обязаны возить манз на лодках по следующей таксе: за 2-х человек с 30 пуд. груза:

до урочища Ченза (85 вёрст от устья реки Има) — 18 р.

до урочища Мяо-лин (120 вёрст от устья реки Има) — 24 р.

до урочища Каратун (144 версты от устья реки Има) — 30 р.

до фанзы Ли-чин-фу (280 вёрст от устья реки Има) — 42 р.

до урочища Сида-Тун (389 вёрст от устья реки Има) — 72 р.

§ 11. За обвешивание на безмене — 20 палок и 7 пудов провизии.

§ 12. За кражу в китайской фанзе — 40 палок и изгнание из Имана.

§ 13. За кражу в балагане — 40 палок.

§ 14. За ссору из-за загнанной собаки — 40 палок.

§ 15. За куплю-продажу большой рысьей шкуры тайно от цай-дуна — 40 палок и возврат шкуры по принадлежности.

§ 16. Работник и половинщик («кулашир») за оставление хозяина ранее одного года не только ничего не получает, но обязан вознаградить хозяина.

§ 17. За напрасный сбор общества Да-Е обязаны возместить убытки.

§ 18. За несвоевременное совершение священных обычаев (кхету) — работнику — 40 палок, а хозяину — 13 пудов провизии штрафа.

§ 19. Китаец, не вернувший тазу отобранное у него ружьё к 15 апреля, подвергается штрафу.

§ 20. Для проживания свыше 3 дней неизвестный хозяину прохожий должен представить поручителя, что, однако, не избавляет хозяина от ответственности за проступки проживающих у него.

§ 21. Каждая артель обязана иметь проводника за плату 4 рубля сверх пая добычи.

Провинившийся Да-Е ставится на колени на время сгорания „сяна” (курительной свечи из гнилушки, длиною в 0,5 аршина) и кроме того:

- за 1 вину — штраф.
- за 2 вины — штраф и палка.
- за 3 » — палки.
- за 4 » — палки.
- за 5 » — палки.
- за 6 » — палки.

Провинившийся судебный писарь (цун-ли) ставится на колени на время сгорания 3 „сянов” и штрафуется быком».

Документы, попавшие в руки иманского мирового судьи и переведённые студентом Восточного института И. И. Петелиным¹, представляют из себя два свитка из красного кумача, длиною: один около четырёх сажений, а другой около трёх. Свитки исписаны с одной стороны китайскими иероглифами и представляют из себя список участников и правила названного общества. Длинный свиток содержит перечень фамилий участников общества. Перечню предшествует нечто вроде воззвания, приглашающего участников жить в дружбе и оказывать взаимную помощь, как завещано легендарными китайскими героями мифологического мира. Это воззвание гласит следующее:

«После Пань-гу (так называемого китайского Адама) царствовали три императора (Сань-хуан), а затем пять императоров (У-ди; с 2852 по 2205 до Р. Х.). Во времена же удельных княжеств (при Чжоуской династии, царствовавшей с 1122 по 255 год до Р. Х.) отличались (взаимною дружбою) Цзо-Ботао и Ян-цзюэ-ай. При Ханьской династии (с 206 года до Р. Х. по 220 год после Р. Х.) прославились Лю-Бэй, Гуань-Юй и Чжан-Фэй. Всем известно, что среди пяти общественных отношений (у-лунь) считается также дружба. Что же касается дружбы, то она является добродетелью человека. Хотя наши люди, заключившие это братство, не осмеливаются приравнивать себя по проницательности к прежним мудрецам, но всё же они могут хотя бы несколько приближаться к древним. Так как единоклющие Гуань-Чжун'а и Бао-Шу'я привело к большому успеху, а дружба Линь-Сян-жу и Лянь-по не знала недоразумений, то потомки их называются святыми и мудрыми. Хотя члены нашего братства не осмеливаются приравнивать себя к братскому союзу, заключённому в местности Тао-юань (вышеупомянутыми Лю-Бэ'ем, Гуан-Ю'ем и Чжан-Фэй'ем), но всё же они не должны подражать союзу Сун-Бин'я и Пан-Цзюан'я (которые впоследствии сделались злейшими врагами)»².

За воззванием идёт перечень имён, которые разделены на тринадцать категорий или разрядов (пай — собственно «дощечка») по возрасту лиц.

Первому лицу первой категории 79 лет, а последнему лицу 13-й категории — 20 лет. Старший член старшего разряда пользуется званием цун-лаода, атамана, а первые лица прочих разрядов называются Да-Е, или старшинами. При именах обозначены возраст и месяц и день рождения носящего данное имя. При именах некоторых участников обозначены должности, которые занимают данные лица в обществе.

¹ Известия Восточного института. 1908-9. Том XXIX, вып. III.

² Полумифические и полунсторические герои: Гуань, Чжун, Ба-Шуй, Линь Сян-жу, Лянь-По, Сунь Бинь и Пан Цзюай жили во времена Чжоуской династии.

Из таких должностей отметим атамана, старших каждого разряда, помощников их, судей, различных старост и писарей. Всех участников общества — более трёхсот.

Рассматривая именной список членов, можно прийти к заключению, что общество Гуан-и-Хуэй основано лет 50–55 тому назад несколькими лицами — может быть, около 10. С течением времени к основателям общества примкнули их братья, сыновья, родственники и близкие знакомые, и таким образом численный состав общества достиг указанной величины.

Второй из упомянутых свитков представляет из себя 36 законов общества Гуан-и-Хуэй. Так как многие из них представляют интерес в различных отношениях, то ниже приводится полный перевод всего этого свитка.

Закон 1-й

Братья нашего округа должны знать, что по изданным старшинами (Да-Е) нашего округа законам каждый год на один месяц разрешается открывать игорные дома, в которых можно играть в карты, в кости и пластинки с залоговым обеспечением. Игорные дома могут открываться только людьми, принадлежащими к отделениям братства. Не разрешается открывать игорные дома пришельцам, а также — тайные игорные дома. Писцы и заведующие игорными домами также не могут быть из пришельцев. Кто же нарушит эти окружные правила, у того конфискуется имущество в количестве 400 китайских фунтов¹, отбирается одна жирная свинья и, сверх того, виновный подвергается двадцати ударам бамбуком. Если же такой тайный игорный дом просуществует больше одного дня, то всё имущество конфискуется в пользу общества Гуан-и-Хуэй. Открытие игорных домов разрешается с 15-го числа 11-го месяца, а закрываются они в 12-м месяце 15-го числа. Не разрешается также открывать тайные игорные дома работающим в лесу и десятникам. Виновные в этом подлежат допросу и суду по окружным правилам и законам. Не разрешается открывать игорные дома также в стойбищах инородцев («да-цзы»)².

Ни в коем случае не должно быть изъятий из этого закона.

Закон 2-й

В округе общества Гуан-и-Хуэй существует закон, что всякий, кто проникнет в склад тёмною ночью с целью похищения собольих шкур, подлежит зарытию живым в землю.

Не должно быть никакого снисхождения.

Закон 3-й

Всякий, кто выкопает корень женьшень, будет ли этот женьшень горный или искусственно культивированный, подлежит смерти через утопление в реке.

Ни в коем случае не прощать.

¹ Цзинь, или гинь — 16 весовых лан.

² В просторечии китайцы называют дадзами все монгольские и тунгусско-маньчжурские племена. Это слово происходит от старинного названия монголов «дадан» (татары). В Приморской области это слово (тазы) заимствовали также русские, назвав этим именем орочское племя удэхе. (Ред. Вост. инст.)

Закон 4-й

Всякий, кто украдёт оленье рога (панты), будет ли это в горных заимках или в посаде, подлежит зарытию живым в землю.

Ни в коем случае не должно быть изъятий из этого закона.

Закон 5-й

Всякий, кто украдёт собольих шкурок в количестве до пяти штук, подлежит наказанию сорока палочными ударами и изгнанию из нашего округа. Кто же украдёт их более пяти штук, тот подлежит зарытию живым в землю.

Не должно быть никакого снисхождения.

Закон 6-й

Всякий, кто украдёт небольшое количество корня женьшеня, подлежит наказанию 40 палочными ударами и изгнанию из нашего района. Кто же украдёт большое количество его в посаженном или засеянном виде или просто подберёт уже собранные корни, тот по нашим окружным правилам подлежит зарытию живым в землю.

Ни в коем случае не прощать.

Закон 7-й

Всякий, кто украдёт деньгами или имуществом до 100 рублей, подлежит наказанию 40 палочными ударами и изгнанию из округа.

Ни в коем случае не должно быть изъятий из этого закона.

Закон 8-й

Всякий, кто имеет сведения о разбойниках или ворах или только слышит о них, но не доносит о том, является виновным по одному закону с разбойниками.

Ни в коем случае не прощать.

Закон 9-й

Если наёмный охотник достанет шкуры, то он должен передать их своему хозяину и только на другой день (т. е. с разрешения хозяина) может пустить шкуры в продажу. Кто же нарушит этот закон, у того отбирается находка, и виновный подвергается наказанию 40 палочными ударами и изгнанию из округа.

Закон 10-й

Если товарищи, отправляющиеся на промыслы в горы, найдут что-нибудь, то они должны об этом заявить хозяину. Отнюдь не разрешается перепродавать находку секретным образом. У всякого, нарушившего данный закон, отбирается находка, и виновный подлежит наказанию 40 палочными ударами и изгнанию из округа.

Закон 11-й

Если инородцы (да-цзы) вместе с членами братства достанут панты, то не разрешается им присваивать их одним; не разрешается также эти оленьи рога секретно продавать. Виновный в покупке их платит тройную их стоимость, панты отбираются, а виновные да-цзы подлежат сорока палочным ударам.

Закон 12-й

Всякому путешественнику, приходящему в округ или покидающему его, разрешается три дня жить бесплатно; после же трёх дней всякий платит за ночлег и харчи по 40 копеек в день. За время же праздников Нового Года взыскивается особо 15 рублей.

Родственники и друзья принимают меры к взаимному соблюдению этого закона.

Закон 13-й

Строго запрещается заводить ссоры, драться и бранить площадной бранью. У всякого виновного в этом отбирается на 200 китайских фунтов имущества, и, сверх того, виновный наказуется 40 ударами бамбуком.

Закон этот строго соблюдается.

Закон 14-й

Всякий, кто ружьём или палкой ранит человека или же ножом нанесёт раны, но не смертельные, подлежит наказанию 40 палочными ударами и изгнанию из округа. Всякий, кто скроет такого злодея, также является виновным. Виновный в нанесении тяжёлых и серьёзных ран кормит и лечит потерпевшего в течение 18 дней. После полного выздоровления раненого у виновного конфискуется на 400 китайских фунтов имущества, и виновный наказуется 20 палочными ударами.

Закон этот строго соблюдается.

Закон 15-й

Не разрешается никому заниматься сплетнями, пересудами и злословием. Виновные в этом подлежат наказанию 40 палочными ударами.

Закон 16-й

Всякий, кто узнает, что его товарищ заболел, должен об этом известить кого следует. Если же случится, что товарищ скоропостижно умрёт, то тело должно быть доставлено в посёлок для освидетельствования. Всякий, виновный в нарушении данного закона, подлежит наказанию 40 палочными ударами и изгнанию из округа.

Ни в коем случае не должно быть изъятий из этого закона.

Закон 17-й

Всякий, выбывающий из района или же прибывающий, может иметь на одной лодке имущества или товаров в количестве 1 000 фунтов по дад-

зовским весам. До местности Чэн-цзы полагается плата (конечно, в пользу общества Гуан-и-Хуэй) в три лана шкурками или серебром; до местности Мяо-лин'а — четыре лана, до местности Ха-ли-тун — пять лан; до местности Си-нань-ча — семь лан; до местности Си-да-тунь — десять лан. Во всех случаях — шкурками или серебром.

Закон 18-й

Мера для веса сыпучих тел должна быть весом 70 китайских халитун'ских (см. закон 17) фунтов. У всякого виновного в нарушении этого закона конфискуется на 200 фунтов имущества, виновный наказуется двадцатью ударами бамбуком.

Закон 19-й

Всякому, кто останавливается на ночлег, будет ли то мань (т. е. мань-цзы — китаец), да (да-цзы — инородец) или мяо-пи-цзы («с накрашенной кожей» — очевидно, русский), работник или купец, дозволяется только занимать помещение, но не разрешается ломать и портить вещи и домашнюю утварь. Всякий виновный в нарушении данного закона подлежит 40 ударам бамбуком.

Закон 20-й

На рыбалках да-цзы и вообще случайным пришельцам не разрешается тайным образом заниматься рыболовством. Всякий виновный в этом наказуется двадцатью ударами бамбуком.

Закон 21-й

Не разрешается останавливать и требовать старые долги с людей, везущих пассажиров на грузовых дадзовских лодках, а зимой — на грузовых санях. Всякий виновный в этом подлежит сорока ударам бамбуком.

Закон 22-й

Иметь в посёлке собак — очень важное дело. Если кто-нибудь попросит их на некоторое время в пользование, то нужно всегда на этот счёт составить условие. Если же условие не было составлено, и собаки убегут или околеют, то хозяин их не имеет права требовать вознаграждения. Всякий виновный в нарушении данного закона подлежит сорока ударам бамбуком.

Закон 23-й

Если да-цзы достанет рысью шкуру, то он должен передать её своему хозяину, но не разрешается эту шкуру отдавать за свой старый долг. Кто же самовольно совершит такой проступок, тот подлежит сорока ударам бамбуком.

Закон 24-й

Если хозяин какой-либо заимки наймёт работников за деньги или только за харчи, то хозяину не разрешается в половине года рассчитывать та-

ковых, а он должен держать их до осени, так как до этого времени нельзя учинить точный расчёт жалованья. Если же они проживут и за новый год, то платят за это тридцать рублей.

Сообщается лишь для руководства.

Закон 25-й

Хозяину, нанявшему работника за деньги или нищего, не разрешается в половине года рассчитывать таковых. Виновный в нарушении сего закона подлежит суду и ответственности, как по предыдущему закону.

Закон 26-й

Да-цзы и китайцы, имеющие между собою тяжбы, должны всегда обращаться за разрешением их к старшинам округа. Издержки и содержание арестованного падают на счёт проигравшего тяжбу.

Закон 27-й

В пределах округа запрещается составлять тайное панибратство или родство. Если хозяин дома знает о заключённом у него братстве и не извещает об этом кого следует, то конфискуется у него на 400 фунтов имущества, и виновные в тайном панибратстве и родстве наказуются — каждый 20 ударами бамбуком.

Закон 28-й

Если да-цзы должен кому-нибудь и платит за это товаром, то товар считается по ценам округа. Требовать у него ружьё можно только до шестнадцатого числа третьего месяца. После этого срока можно взять его ружьё только в том случае, если у него нет других вещей.

Это сообщается лишь для руководства.

Закон 29-й

На заимках, в посаде или устье реки — нанимающий работника должен иметь поручителей. Если по прибытии рабочих на место службы происходит какое-нибудь преступление, то отвечает хозяин.

Наказание должно быть по закону и без промедления.

Закон 30-й

Посторонние (вай-цзя — внешнего дома), праздные люди (фу-ла-цза¹) и бродячие (гэ-лу) разных местностей (да-цзы) отличаются хитростью и корыстолюбием и причиняют хозяину разные неприятности. Теперь решено, что на будущее время, если хозяин принимает таких людей, заключается

¹ Фу-ла-цза, по объяснению местных китайцев, означает то же самое, что цан-цза в Тяньцзине и да-сянь-эр-ди в Пекине, т. е. бездельник, праздный человек. Такие люди бывают обыкновенно в игорных домах и прислуживают игрокам. (Ред. Вост. инст.)

Примечание. У таёжных китайцев люди задолжавшиеся, обанкротившиеся, проигравшие свою свободу также называются да-фу-ла-цза.

взаимное условие по закону. Если они занимают общее помещение, то получают половину расходов. Если же они занимают большие помещения, то харчей не получают. Подрядчик платит два лана хорошим серебром и два лана менее доброкачественным. Хозяин не обязан давать им разные товары, опий или какие-нибудь другие деньги. Все доходы и расходы делятся по паям. У нарушающего этот закон конфискуется на четыреста фунтов имущества, и он подвергается сорока ударам бамбуком.

Закон 31-й

Если работники, отправившиеся в горы, вследствие большого снега или болезни не могут вернуться назад, то хозяин обязан послать на розыски и помочь им возвратиться. У хозяина, виновного в нарушении сего закона, конфискуется на двести китайских фунтов имущества, и, кроме того, виновный подвергается наказанию 20 ударами бамбуком.

Закон 32-й

В зимнее время путешественникам и купцам не разрешается на санях возить водку для продажи её в горах. Разрешается иметь только для своей надобности водки до 10 фунтов. У кого же будет водки более 10 фунтов, тот считается виновным. У виновного конфискуется на двести китайских фунтов имущества, и он наказуется двадцатью ударами бамбуком.

Закон 33-й

Всякий путешественник или купец, проезжающий через район, платит за стоянку и ночлег в день в гостинице от местности Коу-цзы до Чэн-цзы (см. закон 17) или Бань-ла-во-цзя — 40 копеек, до Мяо-эр-лина (см. закон 17) — 50 копеек; до Цин-цзу-га-ла-тун'а — 60 копеек; до местностей Тай-цзя-бе, Си-бэй-ча, Сян-шуй-хэ-цзы, Лао-лю-шан'а — 70 копеек; до Хо-ши-гоу-цзы — 80 копеек; до Си-да-тун'а (см. закон 17) — 1 рубль; до Ша-хэ-цзы — 1 рубль 20 копеек. До местности Кун-лун-бе, Сань-ча-цзы — 1 рубль 20 копеек. Если же проезжающий доедет до границы района, то он может остановиться в двух верстах за границей.

Просим извинить наших друзей.

Закон 34-й

Никакому купцу — ни в посаде, ни за границей его, ни богатому, ни бедному не разрешается в горах продавать товары или производить куплю-продажу собольих шкур. У виновного в нарушении сего закона конфискуется на двести китайских фунтов имущества, отбирается одна жирная свинья, и, кроме того, виновный наказуется двадцатью ударами бамбуком.

Не должно допускать изъятий из этого закона.

Закон 35-й

В округе купцам, имеющим старые долги за инородцами (да-цзы), разрешается отправляться в горы и требовать свои долги. Но отныне впредь

уже не разрешается, по-старому, кредиторам отправляться к инородцам (да-цзы) и требовать новые долги. Только когда да-цзы с санями возвращается с охоты домой, можно требовать с него долг. Если да-цзы не имеет дома, то долг разрешается требовать только на реке. У виновного в нарушении сего закона конфискуется находящегося при нём имущества на двести китайских фунтов, отбирается одна жирная свинья, и виновный наказывается двадцатью ударами бамбуком.

Закон 36-й

Если да-цзы должен китайцу деньги, будет ли то большая или малая сумма, то не разрешается китайцу стрелять из ружья, а также снимать с должника одежду. У виновного в нарушении этого закона конфискуется имущества на двести китайских фунтов, отбирается одна живая свинья, и виновный наказывается двадцатью ударами бамбуком.

В 33-й год правления Гуан-Сю'я 4-го числа 3-ей луны (т. е. 15 марта 1906 года).

Подлинные законы тщательно скрываются от русских и хранятся или в кумирне, или у главного старшины Цзун-Дае, а выдержки из них даются на руки главному писарю и исполнителю закона.

Интересно, что в этих законах нигде ни слова не говорится о браке, женщинах и детях. Это потому, что китайских женщин в крае нет вовсе, а орочские и гольдские женщины, отобранные от инородцев силою, поступают к китайцам в качестве наложниц. Видно, что китайцы совсем не хотели считаться с этим вопросом и умышленно обошли его молчанием.

Затем в статье о работниках говорится, что, в случае их самовольного ухода от хозяев раньше срока, не хозяева вознаграждают работников, а, наоборот, работники своего хозяина. Это правило явилось следствием недостатка в рабочих руках.

Изложенные выше законы помечены годами 1896–1906.

Было бы ошибочно думать, что в настоящее время организации эти исчезли. Они стали ещё сложнее. Теперь общества Гуан-и-Хуэй, находящиеся в крае, тесно переплетаются с различными торговыми ассоциациями, как это мы увидим ниже.

Китайские организации в городах

С 1910 года русское правительство начинает принимать энергичные меры к борьбе с китайским засильем в Уссурийском крае. Учреждаются новые лесничества и увеличивается лесная стража. Как только китайцев начали прижимать в тайге, они все бросились на мелочную торговлю, на торговлю в развоз и на скупку пушнины у инородцев.

Надо поражаться, с какою быстротой они сумели организовать это дело. Тут наблюдается правильная организация, целая система, мало заметная со стороны для простого глаза. В настоящее время нет ни одной деревни, в которой не было бы китайской лавки. Лавки эти не есть самостоятельные торговые единицы. Получая из городов от главных фирм лежалые товары и всякую заваль, они успешно сбывают её по высокой цене

в провинции как за наличные деньги, так и в обмен на предметы охоты, даже на овощи, зерновые продукты и проч.

Свидетельства на право скупки пушнины китайцам выдаёт Владивостокская городская управа. Какое отношение городская управа имеет к пушному промыслу во всей Приморской области, сказать трудно... Это недоразумение, оставшееся от прежних лет. На самом деле под личиной торговца в разнос и скупщика пушнины в китайце всегда скрывается хищник. Раз только он едет с продовольствием и с инструментами в такое место, где нет инородцев или где невозможно заниматься скупкой мехов — он будет хищник-соболёвщик. Эти хищники прежде всего стараются оградить себя со стороны чинов лесной стражи и поэтому всегда запасаются разного рода рекомендательными письмами и промысловыми свидетельствами. Под покровом этих документов китайцы едут в самые глухие таёжные районы и там на свободе занимаются охотой и звероловством.

Торговые интересы китайцев в городах тесно связаны с морскими их промыслами и с деятельностью в тайге соболёвщиков. Связь эта в значительной степени поддерживается при помощи морского каботажа.

Китайский каботаж в Уссурийском крае особенно развит в заливе Петра Великого (в районе: Посъет и залив Америка).

С высоких гор, окаймляющих Владивосток, наблюдателю открывается далёкий вид в море. В ясную погоду отсюда видно, как всё это море до самого горизонта пестрит парусами. Это китайские шаланды (шхуны) и шанпунки (шлюпки). Все они, как бы сговорившись, двигаются в одном направлении — они идут по ветру или лавируют против ветра — все они везут китайцев и их грузы.

Из Сучанского, Судзухинского, Шкотовского прибрежных районов китайцы постоянно отправляют свои шаланды на городской рынок с мехами, опиумом, оленьими жилами и хвостами, со шкурами зверей, с овощами, зерном, дровами, табаком, морской капустой и т. п. Доставленные в город грузы эти немедленно забираются торговыми фирмами и пускаются в оборот, а шаланды, получив от них обменный груз и новые инструкции, уходят опять на побережье и так продолжают работать до глубокой осени, пока не закроется навигация.

С 1907 года принимается ряд мер по ограничению и упорядочению китайского каботажа. Прежде всего их старались зарегистрировать и обложить денежными взносами, с выдачей билета на право плавания в русских водах.

Мера эта дала небольшой доход русской казне, но по существу оказалась слабым паллиативом. Большая часть китайских шаланд не заходила во Владивосток вовсе и потому совершенно не нуждалась в билетах.

Согласно статье 197 Устава торгового, на русском судне дозволяется иметь иностранных матросов не более четвертой части. Законом 22 января 1911 года разрешено временно, до первого января 1913 года, на судах, совершающих рейсы между портами Тихого океана и прилегающих к нему морей, иметь в числе судовой команды иностранных подданных в количестве, не превышающем половины численности всего экипажа на данном судне.

С тех пор как было объявлено воспрещение перевозки безбилетных китайцев и их грузов на пароходах, китайцы понизили фрахт, и шхуны их стали ещё лучше работать.

Надо иметь в виду, что большая часть китайского груза перевозится не на пароходах, а на шаландах; китайцы лично сами также предпочитают ездить на шаландах под видом матросов. На пароходах ездят, главным образом, купцы и подрядчики, имеющие на руках документы.

Как только начались стеснения, находчивые китайцы тотчас же приспособились. Они подняли русские флаги и наняли подставных лиц из числа русских безработных, которых всегда есть достаточно в любом портовом городе. За ничтожную плату, даже за бутылку водки, такой безработный встречает шаланду, когда она подходит к берегу, заявляет властям, что судно это принадлежит ему, что именно он хозяин груза и что приехавшая на шаланде партия китайцев — его матросы. Затем матросы эти снова превращаются в пассажиров, сходят на берег и увозят свои товары.

Из числа всех китайских шаланд, плавающих в русских водах, надо считать, что не более одной трети действительно принадлежит русским, остальные — все китайские.

Со свойственной китайцам способностью всегда организовываться для взаимной поддержки друг друга, уссурийские манзы, живущие в городах, объединились и образовали общества взаимопомощи и торговые общества, которые имеют здесь и политическое значение.

Общества эти существуют не только в городах, но и во всех более или менее крупных населённых центрах, где только есть лавки китайцев, а именно: в Посту Св. Ольги, на реке Сучане, в Шкотове, в Посьете, в Барабаше, в Новокиевске, в Черниговке, в Спасском, в Лутковке, на реке Имане, в Анучине и т. д. Членами этих обществ состоят все богатые китайцы и все местные торговцы. Из своей среды они выбирают правление, состоящее из председателя, его помощника, писаря и казначея. Общества эти имеют свою полицию, через которую они держат в своих руках всё инородческое население, всю торговлю и таксируют цены на все предметы первой необходимости и звериный промысел.

С русской точки зрения, общества эти существуют в помощь русской полиции и для борьбы с хунхузами, а с китайской точки зрения, они существуют: 1) для разбора уголовных дел и таких дел, которые так или иначе затрагивают их общественные интересы, 2) для сбора налогов, предназначенных для усиления денежных средств, 3) для торгово-промышленных целей и 4) для того, чтобы в экономической борьбе создать противовес русским.

В самом деле, зачем существуют эти общества?! Разве недостаточно для иностранцев консульской помощи и русских властей? С одной стороны, мы делаем попытки к искоренению китайского засилья и к обрусению местных инородцев, а с другой стороны — поощряем деятельность китайских обществ и тем даём китайцам полную возможность жить своей жизнью и не считаться с русскими законами.

«Бывший Приамурский генерал-губернатор Духовской, признавая существование таких китайских обществ ненормальным и несогласным с законами Российской империи и вредным в административном и политическом отношениях, решил их уничтожить и потому с введением в крае судебных установлений в 1897 г. они окончательно должны были быть

упразднены. Однако эти общества продолжают существовать тайно и по сие время»¹.

Основание Владивостокского общества взаимопомощи относится к 1881 году, официально же оно стало известным с 1907 года. Хабаровское общество основано было в 1889 году и Никольск-Уссурийское открыто в 1908 году в июне месяце. В 1909 году общество это получило из Пекина от Министерства труда, торговли и земледелия (Кун-гун-тан-бу) печать (гуань-фань) с надписью «Швон-чинза Хвой-тан у цзун-хуй».

Уставы этих трёх обществ написаны на русском и китайском языках. Однако русский перевод умышленно сделан неточно. Общества эти обязаны были о деятельности своей ежегодно представлять отчёты в Китай в Министерство торговли, труда и земледелия. Давать отчёты перед русскими властями заставляет их лишь одна необходимость: желание оградить себя от вторжения во внутреннюю жизнь общества русских чиновников и опасение, как бы, из-за непредставления отчётов, общества не закрыли.

Все китайские торговые общества в Уссурийском крае находятся в полнейшей зависимости от Шанхайского объединённого общества коммерсантов (Лян-хво-хуй), откуда они и получают все директивы. Это же Шанхайское общество устанавливает цены на сырые продукты в Примурье и искусственно повышает и понижает их в зависимости от обстоятельств.

Деятельность обществ взаимопомощи и всех вообще торговых ассоциаций тесно связана с политическими обществами (Гуан-и-Хуэй) и не ограничивается одними городами, а распространяется по всему краю, где только есть китайцы, будь то земледельцы, купцы, охотники, искатели женьшеня или промышленники на берегу моря². Эти ответвления вырабатывают свои правила, обязательные для всех живущих в данной местности, и играют крупную роль в общественной жизни уссурийских манз, далеко заходя за пределы взаимопомощи и торговли. В нужный момент эти организации все сразу объединяются в совместной работе и тогда выступают как компактная сила объединённого общественного мнения, с которыми русским властям, так или иначе, а приходится считаться. Протесты и выступления на местах всегда находят отклики и в других пунктах по всему краю, во всех городах, и даже в самом Китае. Китайцы, подчиняясь необходимости представлять отчёты русскому правительству, в то же время парализуют всякое его активное вмешательство во внутреннюю свою жизнь, выставя заслоном на русской территории свою (китайскую) полицию, русской же властью санкционированную, а следовательно, и стоящую в глазах местной администрации вне всяких подозрений. Это чудовищная аномалия! — Государство в государстве?! Вслед за китайской полицией отчего бы не пригласить и китайские войска для защиты нас от тех же китайцев, отчего бы не пригласить японскую полицию для защиты нас от японцев и отчего бы не действовать в том же духе по отношению ко всем соседним народам? Ложное положение вещей, созданное таким международным раздвоением государственной власти в Уссурийском крае, подрывает наш престиж перед теми же китайцами и в глазах туземных инородцев.

¹ Ульяницкий, Л. Г. Исторический очерк возникновения в г. Хабаровске Китайского общества.

² См. схему в конце книги.

Те многочисленные китайские ассоциации, которые разбросаны по всему Уссурийскому краю, по моему твёрдому убеждению, являются не чем иным, как автономными ответвлениями тайной и внешней политики Китая, вылившейся в формы обществ торгового и взаимопомощи (Шанхайское объединённое общество коммерсантов).

В том, насколько хорошо поставлен у китайцев шпионаж за действиями русского правительства, я имел случаи убедиться много раз на себе лично. Так, например, все перемены и мероприятия правительственных центральных учреждений в крае, касающиеся китайцев и даже меня лично, я узнавал от тех же самых китайцев раньше, чем получал почту. Ясно! — Сведения эти исходили из китайских торговых фирм, находящихся в местах расположения этих учреждений.

Допуская самостоятельную торгово-промышленную деятельность китайцев на нашей территории, мы только усиливаем их и тем приносим непоправимый вред русским интересам. Тут многих решений быть не может, тут есть только один исход — это разрушение всяких политических и торговых китайских ассоциаций.

Китайцы захватывают край экономически, и потому способ борьбы с ними должен быть тот же самый!

Заключение

Вопрос о том, допускать ли китайцев в Приамурском крае заниматься промыслами и земледелием наравне с нашими крестьянами, вызвал в русском обществе живой обмен мнений и разделил эти мнения на два лагеря. Одни стояли за допуск китайцев в Приамурье, другие были против этого.

Предполагалось, что китайцы идут впереди русских и очищают от леса обширные площади и тем подготавливают землю для переселенцев. Это совершенно неверно. В глубине гор и лесов китайцы никогда земледелием не занимаются; земледельческие фанзы их находятся всегда в долинах и притом в местах чистых и открытых, где достаточно есть пахотной земли и где не бывает больших наводнений. Предполагалось, что мест, удобных для заселений, с избытком хватит и для русских, и для арендаторов-китайцев. На самом же деле земли, годной для хлебопашества, вовсе не так много, как это кажется с первого взгляда. В настоящее время в Уссурийском крае весь земледельческий фонд уже исчерпан, и если остались ещё кое-где в горах незанятыми небольшие хуторные участки, то русскому правительству для будущих русских колонистов держать их ещё некоторое время незаселёнными, пожалуй, будет выгоднее, чем пускать туда хищников китайцев и корейцев¹.

Было бы ошибочно думать, что так называемый «жёлтый вопрос» заключается только в конкуренции русского рабочего с китайским «кули». В настоящее время на Востоке происходит экономическая борьба «жёлтых» (китайцев, корейцев и японцев) с русскими. Эмиграция китайцев в Уссурийский край, начавшаяся в половине XIX столетия, значительно обошла русскую колонизацию. С появлением русских край этот как бы начал пробуждаться к культурной работе; понадобились рабочие руки, и такими рабочими, естественно, явились китайцы. После войны 1904—1905 годов великая волна русского переселения хлынула в Приамурский край, и с этого времени число русских переселенцев начинает брать верх над численностью в стране китайских эмигрантов.

Недостаточно было только перевести крестьян из Европейской России в Приамурье, надо было их ещё устроить, надо было наделить их землёй и дать им заработки. А чтобы дать им эти заработки, надо было отнять их от китайцев. О конкуренции нашего мужика с китайским рабочим не могло быть и речи, и потому правительственная власть должна была прийти на помощь переселенцу.

Рассчитывать на обрусение китайцев не приходится. Скажу более — это было бы наивно! Известно, что все «жёлтые» туго поддаются ассимили-

¹ Вопросу о массовом переселении корейцев в Уссурийский край в ближайшем будущем посвящается особая работа.

рованию со стороны европейцев. В этом отношении они обладают какой-то особенной агрессивной силой. Я ни разу не видел обрусевшего китайца, я видел крещёных китайцев, но не обрусевших. О том, что китаец христианин, я узнавал только тогда, когда он сам мне рассказывал об этом. Ни в строе жизни, ни в обычаях, ни в одежде, ни в привычках христианин-китаец не изменяется. И какие бы усилия ни применялись, китаец навсегда останется китайцем. И с какой стати хлопотать о китайцах, когда есть свои туземные инородцы, о которых надо позаботиться! Случаи избиения орочей палками до смерти и замораживание нагих людей на льду, имевшие место на реке Имане в посёлках Вагунбе и Сяньшихеза в 1902 году, могут подтвердить вышеприведённое положение. Китаец Ли-тан-куй (впоследствии арестованный) был палачом. На следствии выяснилось, что в 1900 году он был крещён и носил русское имя и фамилию — Алексей Горшков. Таких примеров можно привести очень много.

Разрешение жёлтого вопроса в Приамурском крае много зависит от того, насколько вообще наша политика на Дальнем Востоке будет устойчивой. К сожалению, до сего времени она была очень неустойчива. *«Сегодня кажется так, завтра — иначе...»* Выражение это, взятое из законов китайских организаций в Уссурийском крае¹, более чем применимо к нашей дальневосточной политике.

В самом деле: то слышишь, что Приамурье бесполезная для нас колония, что она даже вредна государству, что её следует уступить кому-нибудь из соседей, и чем скорее, тем лучше. Общие толки, статьи в газетах — всё направлено в эту сторону, то вдруг начинаем отстаивать интересы свои в Корее и Маньчжурии и дело доходит до кровопролитной войны. То же самое повторилось и с таможней. То она учреждается, то вновь открывается порто-франко, то одни товары облагаются пошлиной, то другие. То же самое случилось и с вопросом относительно труда «жёлтых». То китайцы нужны нам, то вдруг оказывается, что их гнать следует. До 1906 года вредны были китайцы и полезны корейцы, потом обратно, началось преследование корейцев и покровительство китайцам. Так продолжалось до 1910 года. Кто поручится, что года через два не начнётся покровительство другим соседям — японцам. Такие эксперименты чрезвычайно тяжело отзываются на крае.

Даже в тех отдельных случаях, когда принимались меры против китайского и корейского засилья, они были бессистемны и неплановы. Когда говорили, что китайцы и корейцы расхищают лесные богатства и потому их надо выселять, тогда гнали их не только из тайги, но и из городов и с заводов; когда же говорили, что на заводах рабочие нужны и выселять их не следует, тогда оставляли их не только в промышленных предприятиях и на заводах, но и в тайге, т. е. если гнали китайцев, то гнали огулом и никакого различия между рабочими в городах, на заимках у крестьян, на заводах и хищниками в тайге не делалось. Только с 1911 года борьба с китайским засильем принимает более планомерный характер.

Я считаю, что «жёлтый вопрос» до тех пор не будет разрешён, пока всё китайское население не будет разделено на четыре категории:

¹ См. страницы 167—168 (в издании 1914 года, глава «Китайские законы») (Прим. ред.).

- 1) Китайские охотники и звероловы.
- 2) Китайцы — арендаторы земель у русских крестьян.
- 3) Китайские рабочие (кули) на заводах и в различных промышленных предприятиях.

4) Китайские купцы в городах, сёлах и деревнях.

Разберём их по порядку.

Первая категория — китайские охотники и звероловы. Этих поголовно надо выселять из тайги как хищников и браконьеров, независимо от их национальности.

Вторая — китайцы — арендаторы земель у русских крестьян (заимщики). Этот вопрос очень серьёзный и очень сложный. Тут есть и положительная сторона, и отрицательная. Которая из этих сторон окажется преобладающей, зависит от того, кто интеллигентнее — китаец-заимщик или русский землевладелец. Если бы наш крестьянин был так же развит, как английский фермер, то китаец-арендатор находился бы у него в положении простого работника — и только! К сожалению, у русских крестьян мы видим совсем другое. Арендатор-китаец сплошь и рядом культурнее и образованнее своего хозяина. С этой стороны русскому переселенцу грозит опасность. Сплошь и рядом хозяином земли, фактическим хозяином положения является китаец, а русский около него, так сказать, паразитирует. Бессемейные одиночки (большею частью запасные нижние чины) живут в городах на отхожих промыслах и по несколько лет не заглядывают на землю¹. Очень часто бессемейные эти поселяются в одной фанзе с китайцами. Оказывается, что не работник в долгу у хозяина, а наоборот — хозяин в долгу у своего работника. Это иногда доходит до того, что китаец обращается с просьбой выселить из его фанзы хозяина как тунеядца.

В настоящее время у крестьян вовсе не так много земли, чтобы они не могли её обрабатывать сами. В деревнях все доли уже заняты. Прошло то время, когда крестьяне пахали где кто вздумает, когда пашни их терялись среди пустырей и зарослей. Ныне все номерные стодесятинники превратились в крестьян малоземельных, потому что семьи их увеличились чуть ли не втрое, а земля осталась всё та же. Сдача земли в аренду китайцам особенно широко практикуется у уссурийских казаков. Я считаю, что это большое зло. Оно развращает крестьян и приучает их к ничегонеделанию. У русских переселенцев и уссурийских казаков китайцы должны быть только как рабочие, а не как арендаторы. Чтобы не было недоразумений, правило это следует распространить на всех частных землевладельцев без исключения.

Третья категория — китайские рабочие в разных промышленных предприятиях и на заводах. Не помню, кто-то очень удачно выразился, что погоня за дешёвым трудом китайцев очень похожа на то, что было в Америке в XVIII столетии, когда плантаторы также гнали за дешёвыми руками негров-невольников. Казалось бы, отчего не использовать китайскую рабочую силу и вместе с тем русской казне не дать возможности обогатиться несколькими сотнями тысяч рублей, взимаемых с китайцев за виды на жительство?! С другой стороны, желательно дать заработки русским пе-

¹ См. страницы 69—70 (в издании 1914 года, глава «Китайцы-земледельцы») (Прим. ред.).

реселенцам. С точки зрения политической экономии — последнее предпочтительнее. Известно, что во всякую вновь завоёванную страну прежде всего идёт элемент неблагонадёжный. То же самое и в Приамурский край сперва пошли разные искатели приключений, беглые, ушедшие от рекрутского набора или польстившиеся на льготы здешнего края или такие (большинство), которые не могли ужиться в России, на родине ими тяготились, и односельчане всячески их от себя выживали¹.

Исключение составляли только сектанты — староверы, духоборы, молокане и другие. Это был народ трезвый, работоспособный и богатый. С 1908 года на Дальний Восток начинают прибывать настоящие переселенцы из Европейской России с твёрдым намерением остаться в Приамурском крае навсегда и сделать его своей второй родиной.

Попробуем сравнить русского рабочего с рабочим китайцем. Если им задать работу на конкурс, то в течение одних или двух суток русский обгонит китайца. Первый работоспособнее и энергичнее второго. К сожалению, такой энергии у русского рабочего хватает ненадолго: вскоре начинаются прогулы. Китаец работает ровно от начала и до конца. Работа его продвигается вперёд не скоро, но правильно, ритмически. Поэтому сперва китаец отстанет от русского, но потом он его обгонит. Прибавьте к этому скудные потребности китайцев и дешёвую плату, которую они берут за свой труд, и сравните это с большими требованиями русских, с их претензиями и вечными между собою ссорами, и тогда станет ясным, почему все заводчики и промышленники предпочитают китайских рабочих.

Из всего, что изложено выше, видно, что русские рабочие конкурировать с китайцами никогда не могут, а между тем прийти на помощь русскому мужику надо. Я полагал бы, что во всех промышленных предприятиях в крае следует ввести процентную норму как для русских рабочих, так и для китайцев. Эту процентную норму можно было бы давно ввести и начать её хоть с единицы. Её можно было бы с каждым годом или с каждым трёхлетием, пятилетием медленно повышать для русских и понижать для китайцев. Эта процентная норма со временем совершенно вытеснила бы китайский труд и в то же время дала бы хозяевам возможность бороться с забастовками русских и из среды их брать только трезвых и наиболее работоспособных.

Последняя категория — китайские торговцы в городах, сёлах и деревнях. Посмотрите, во что одет китаец? Он весь с ног до головы одет в изделия китайских фабрик (чёрная ластиковая материя, синяя даба и белая дрель, чёрная обувь на белой подошве, китайская шапочка и т. д.). Посмотрите обстановку китайской фанзы — чайники, чашки, сундуки, трубки, котлы, веера, счёты, подсвечники, оконная бумага, конское снаряжение, кольца, бляхи, украшения, вся домашняя утварь, кузнечные, плотничные, столярные инструменты и постельная принадлежность, верёвки, нитки, краски и т. п. — всё решительно китайское и ничего русского. Посмотрите, где китаец делает покупки? Исключительно в китайских лавках. Он готов заплатить дороже, внести пошлину, готов пройти лишних несколько вёрст,

¹ Описание русских поселений на Амуре и Уссуре см. Будишев, А. Ф. Описание лесов Приморской области в Сборнике главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. — 1898. — С. 42; и Алябьев. Уссурийский край. — 1872. — С. 92–100.

но непременно сделает покупки в китайской лавке. Эта удивительная солидарность и взаимная поддержка всюду красной нитью проходят у китайцев во всех их действиях и в особенности у торговцев в отношении друг к другу. Среди русских крестьян наблюдается противное. Мелкий торговец, как только встанет на ноги, начинает немилосердно эксплуатировать своих собратьев. Вот почему русские мужики предпочитают у себя в деревнях открывать не русские лавки, а китайские. И тут мы наталкиваемся на ту же картину, как и в рабочем вопросе: китайские купцы в деревнях культурнее русских мелочных торговцев.

Выше было сказано, какую связь китайские лавки в деревнях имеют с китайскими купцами в городах, а эти последние с главными торговыми фирмами в Чифу и Циндао. Это всегда надо иметь в виду при решении всякого китайского вопроса, а вопроса о торговле — в особенности.

Сейчас создалось такое положение вещей, что сразу удалить всех китайских торговцев нельзя, потому что и крестьяне, и инородцы останутся без кредита и без предметов первой необходимости. Мне кажется, что и здесь можно бы ввести процентную норму, сообразуясь с числом русских лавок и с числом дворов в деревне. Следует постепенно сокращать китайские лавки и за счёт их выдвигать русские. Другая мера — это увеличение пошлины не только на предметы роскоши, но и на все предметы китайского обихода, не исключая плотничных и огородных инструментов. Это принудит китайцев подделываться под вкус русских и приобретать русские товары с русских фабрик. Мера эта в значительной степени сократит переливание русского золота из Приамурья за границу.

В заключение будет уместным указать ещё на одну нашу слабую сторону по управлению Восточной Сибирью.

Для борьбы с жёлтыми мы слабы своей неорганизованностью. В самом деле, что может сделать один лесничий с четырьмя лесниками, имея в своём владении от десяти до двадцати миллионов десятин леса? Что может сделать один начальник Удского уезда, район которого охватывает значительную часть побережья Охотского моря, всё нижнее течение Амура и всю северо-восточную часть Уссурийского края до мыса Олимпиады? Что могут сделать два маленьких «крейсера надзора» по охране берегов Великого океана от Владивостока до пролива Дежнёва? То же самое можно сказать и про врача, и про священника-миссионера, и про крестьянского начальника.

Теперь посмотрим, какое положение занимает Приамурский край на Дальнем Востоке по отношению к своим соседям. Взглянув на карту, мы видим, что Монголия, объявившая себя самостоятельной, отделена от Китая пустынею Гоби (Ханхай). Южная Маньчжурия принадлежит китайцам номинально, фактически в ней хозяйничают японцы. Северная Маньчжурия, таким образом, становится тоже отрезанной от Китая. Пекинское правительство поняло это и стало её быстро колонизировать. Если Россия на Северную Маньчжурию имеет какие-либо виды, то вопрос этот надо решать теперь же, пока она ещё недостаточно заселена китайцами. Надо помнить, что, приобретая страну, приобретаешь и её население. По сравнению с другими областями Восточной Сибири в особенно невыгодном положении находится Уссурийский край. Спускаясь к югу по побережью моря,

он как бы вклиняется между тремя государствами, изобилующими своим населением. С запада — многолюдный Китай, с юга — земледельческая Корея, с востока — культурная Япония. Нет ничего удивительного, что корейцы эмигрируют в Россию и садятся на землю, японцы ловят рыбу у наших берегов, а китайцы хищничают в тайге.

Уссурийский край — своего рода буфер, выдерживающий натиски «жёлтой расы». Все другие области, как Якутская, Забайкальская и даже Амурская, пребывают в более благоприятных условиях; они удалены и потому не находятся под натиском «жёлтых».

Уссурийский край — будущий театр военных действий, и потому все мероприятия правительства должны быть прежде всего направлены на Амур вообще и на Уссурийский край — в особенности.

В. Арсеньев

Les Chinois dans la région de l'Oussouri.

Sommaire du livre

1. Aperçu physico-géographique. La région de l'Oussouri est une contrée montagneuse convertie d'épaisses forêts et arrosée par de nombreuses rivières coulant dans toutes les directions. La flore en est très variée. Ce qui frappe surtout le naturaliste c'est un mélange de formes subtropicales et d'espèces provenant du nord. Ce même mélange caractérise encore la faune dont les principaux représentants parmi les mammifères sont: le tigre, le léopard, le lynx, l'ours, le loup, le glouton, la fouine, la zibeline, le raton, le sanglier, le chevreuil, le bouquetin, l'élan, le cerf, le daim et le musc. En ce qui concerne le climat on observe de même un très grande amplitude dans les variations de la température, de l'humidité et de la pression barométrique. L'été notre région est soumise à l'influence des moussons; l'hiver, à l'influence du pôle du froid. Les chemins et les sentiers n'existent que dans la partie méridionale de la région. Dans les autres parties ils font tout à fait défaut. La population est un mélange de Russes, de Coréens, de Goldes, d'Orotchs et de Chinois. C'est de ces derniers que je vais parler dans les pages qui vont suivre.

2. Données historiques. La région de l'Oussouri était habitée plus de 1000 ans avant notre ère par la tribu thougouse des Souchènes. Vers le milieu du VII-me siècle ces derniers disparaissent et le règne de Bakhaï fait sa première apparition. Au XII-me et XIII-me siècles sur les ruines de Bokhaï surgit l'empire de Guin, puis jusqu'au XIX-me siècle notre région est presque à fait délaissée et devient déserte. Les chinois ne font leur apparition que peu de temps avant l'arrivée des Russes.

3. La transcription des noms géographiques a été confiée à des officiers spécialistes. Les chinois en pénétrant dans la région ont altéré les noms donnés aux rivières et aux montagnes par les indigènes et les Mantchoux ou les ont baptisés à leur manière. Les Russes à leur tour ont défiguré les noms chinois et les ont définitivement embrouillés.

4. Les Chinois agriculteurs. Il n'est pas difficile de suivre année par année la marche progressive des chinois dans la région. Ils arrivent de Chine seuls, sans leurs familles. Les chinois sont très laborieux, très hospitaliers et affectionnent beaucoup leurs champs et leurs jardins.

5. Exploitation des indigènes par les chinois. Dans la partie méridionale de l'Oussouri les chinois ont tout à fait assimilé les indigènes et les ont asservis. Il y a 10 ans même l'esclavage n'était pas chose rare chez les chinois de l'Oussouri.

6. Les chinois comme chasseurs. Toute la partie méridionale de la région est couverte d'un réseau de sentiers frayés par les chasseurs chinois. Presque tous les habitants de la taïga étaient armés de carabines. Les huttes de chasseurs se comptent par milliers et les pièges à zibelines atteignent plusieurs millions.

7. Occupations des chinois. L'agriculture n'a jamais été l'objet d'une occupation intensive parmi les chinois de l'Oussouri mais seulement autant que cela était nécessaire pour leurs propres besoins. Les principales occupations des chinois

comme sources de richesses, ont toujours été la capture des cerfs et des muscs, la récolte des champignons et des lichens, la pêche de la perle, du chou marin, du crabe, de l'holothurie etc.

8. Chercheurs de gène-chène. Notre région est le centre de la récolte du gène-chène. Chez les chinois il existe beaucoup de très belles légendes concernant cette plante. Il arrive aux chinois qui s'en vont à la récolte du gène-chène d'endurer de très grandes privations car le panax se fait très rare et ne se rencontre que dans les endroits tout à fait déserts de la taïga. La racine du gène-chène est employée sous forme de pilules ou d'infusion.

9. Khanchine (eau de-vie). Dans chaque ferme se trouve un alambic servant à distiller l'eau de vie pour le propre besoin du propriétaire et pour la vente aux indigènes. Après la défense par l'administration russe, de distiller l'eau de vie la fabrication du khanchine continue en Mantchourie, sur la rive gauche de l'Oussouri et le principal débouché pour son écoulement est toujours notre région.

10. Opium et empirisme. L'apparition de l'opium dans l'Oussouri est de date récente. La culture du pavot n'étant pas prohibée, augmente chaque année. L'emploi de l'opium en trop grande quantité a une influence pernicieuse sur les fumeurs

Les empiriques chinois établissent le diagnostic d'une maladie en se fondant sur la fréquence du pouls ou sur le caractère dans lequel prédomine un des trois éléments: le feu, l'eau ou l'air.

11. Les jeux de hasard auxquels se livrent les chinois sont: les cartes, le jeu du pharaon et la roulette des songes. Les chinois sont des joueurs passionnés. Souvent ils perdent au jeu jusqu'à leur liberté et même posent sur une carte leur vie comme enjeu.

12. Khounkhouses. Les chinois sont très cruels. Ils commettent leurs crimes sans distinction de sexe ou d'âge. Les tourments causés à tout être vivant leur procure un grand plaisir et eux-mêmes sont indifférents devant la mort.

13. Lois chinoises. (Gouan et Khouei). La vie des chinois dans l'Oussouri était tout à fait indépendante de leur vie en chine. Chaque vallée représentait une commune administrée par des lois spéciales. La violation de ces lois entraînait des châtements sévères. Les délinquants étaient condamnés à l'ostracisme, à la bastonnade ou bien ils étaient noyés, congelés ou enterrés vivants suivant la gravité du délit.

14. Organisations chinoises dans les villes. Les chasseurs chinois ont des liaisons étroites avec les marchands habitant les villages, ceux-ci, avec les commerçants de la ville et ces derniers avec les grandes maisons de Tchifou et de Tzin-dao.

15. Conclusion. La question jaune, question d'un haut intérêt pour notre contrée, ne repose pas exclusivement sur la concurrence existant ces derniers temps entre les ouvriers russes et les koulis chinois. Actuellement une lutte économique a lieu entre les Russes et les représentants de la race jaune et la région de l'Oussouri doit jouer le rôle de tampon contre les attaques des chinois et des Japonais.

W. Arsenief.

Условные знаки:

- Земледельческие китайские районы
- Водоразделъ

ХАБАРОВСКЪ

С
3 В
Ю

100 75 50 25 0 100 верст.

Масштабъ въ 1 дюймъ
100 верста.

Условные знаки:

- Пункты, где в настоящее время существуют Китайския Общества 1) Торговых 2) Возвращенности и Гуань-и-Тунь
- Места земли Общества до 1906 г.
- Видеограница

Условные знаки:

- Торговые главные пути китайцев.
- Водораздел

ХАБАРОВСКЪ

С
3 В
Ю

100 75 50 25 0 100 вер.

Масштабъ въ 1 дюймѣ
100 верста.

Николаевскъ-Уссурийскъ

ВЛАДИВОСТОКЪ

Новокиевское

П у т ю м ъ К о р е я н

Условные знаки:

- Охотничьи и промысловые районы китайцев
- Водораздел

ХАБАРОВСКЪ

С
↑
3 В
↓
Ю

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

Масштабъ въ 1 дюймъ
100 верстъ.

Строительные работы

Никольскъ Уссури

ВЛАДИВОСТОКЪ

Новокиевское

М. Поворотный

Земля Касперъ

М. Сербышевъ

М. Ст. Николаевъ

М. Ступинскій

М. Пашковъ

Зем. Шенстоуна

Зем. Св. Владимира

Зем. Св. Силы

Ю

3 В

С

Никлаевскъ

Строительные работы

Земля Касперъ

М. Сербышевъ

М. Ст. Николаевъ

М. Ступинскій

М. Пашковъ

Зем. Шенстоуна

Зем. Св. Владимира

Зем. Св. Силы

Ю

3 В

С

Никлаевскъ

Условные знаки:

- Места, где японцы занимали восточные склоны гряды.
- Водораздел

С
3 В
Ю

0 5 10 15 20 25 30 35 40 45 50 55 60 65 70 75 80 85 90 95 100

Масштаб 1:100 000
100 верста.

Условные знаки:

- Граница пенно-шипового края
- Водоразделъ

ХАБАРОВСКЪ

Уссурийскъ

Николаевскъ

ВЛАДИВОСТОКЪ

Новокиевское

С
3 В
Ю

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

Масштабъ въ 1 дюймѣ 100 верста.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Очерк физико-географический	165
Исторические данные	187
Транскрипция географических названий.....	200
Китайцы-земледельцы	207
Эксплуатация инородцев.....	221
Охотники и звероловы.....	226
Промыслы.....	238
Искатели женьшеня	247
Ханшин	255
Опиум и врачевание.....	260
Азартные игры.....	267
Хунхузы	272
Китайские законы	279
Китайские организации в городах	297
Заключение.....	302

100
LB 100
A 853

Архангельск Р. К.
Командировочные острова
в 1923 г.

В. К. АРСЕНЬЕВ.

Проверено
1940 г.

КОМАНДОРСКИЕ ОСТРОВА В 1923 ГОДУ *).

Географический очерк.

Приблизительно в ста милях к востоку от Камчатки в северной части Тихого океана расположены четыре острова, носящие общее название «Командорских». Два из них, о. «Беринга» и о. «Медный», богаты пушными зверями и населены алеутами, другие два острова «Топорков» и «Арий Камень» незначительны по своей величине и являются царством лишь множества обитающих на них птиц.

Остров «Беринга» имеет в длину 75, а в ширину $14\frac{1}{2}$ верст и занимает пространство в 27 кв. миль (1.320 кв. верст). Он образуется горным кряжем, достигающим 2.200 фут предельной высоты. Кряж этот состоит из вулканических пород: трахитов, диоритов и андезитов.

К юго-востоку от острова «Беринга», в 44 верстах от него, находится другой остров, «Медный». Длина его около 50, а ширина не превосходит 11 верст. Он представляется в виде длинного горного кряжа, северо-западный берег которого изрезан бухтами, а юго-западный имеет менее развитую береговую линию с песчаными отмелями.

Командорские острова прежде были значительно больше. Этому есть несомненные доказательства. Например, между камнями, лежащими в море, видны следы прежнего течения речек. Затем произошло опускание береговой линии и потом вновь частичное поднятие берегов, о чем свидетельствуют озера, происшедшие из морских заливов, впоследствии заболоченные и превратившиеся в тундру, а равно и карнизы в виде ясно выраженных ступеней. На высоте 30 са-

*). Настоящая статья написана наспех. При том ограниченном времени (7 дней), которое имел автор в своем распоряжении, нельзя от него требовать лучшего произведения.

В основу статьи о Командорах легли: 1) материалы, привезен. автором из поездки на Командорские о-ва в текущем 1923 году; 2) его же отчет по Отделу Морских Зверинных Промыслов при Дальрыбохоте за 1922 год и 3) служебный отчет начальника Командорских о-вов Колташовского за 1923 г.

В. К. Арсенъев

**Командорские острова
в 1923 году**

КОМАНДОРСКИЕ ОСТРОВА В 1923 ГОДУ¹

Географический очерк

Приблизительно в ста милях к востоку от Камчатки в северной части Тихого океана расположены четыре острова, носящие общее название «Командорских». Два из них, остров Беринга и остров Медный, богаты пушными зверями и населены алеутами, другие два острова, Топорков и Арий Камень, незначительны по своей величине и являются царством лишь множества обитающих на них птиц.

Остров Беринга имеет в длину 75, а в ширину 14,5 версты и занимает пространство в 27 кв. миль (1 320 кв. вёрст). Он образуется горным кряжем, достигающим 2 200 футов предельной высоты. Кряж этот состоит из вулканических пород: трахитов, диоритов и андезитов.

К юго-востоку от острова Беринга, в 44 верстах от него, находится другой остров, Медный. Длина его около 50, а ширина не превосходит 11 вёрст. Он представляется в виде длинного горного кряжа, северо-западный берег которого изрезан бухтами, а юго-западный имеет менее развитую береговую линию с песчаными отмелями.

Командорские острова прежде были значительно больше. Этому есть несомненные доказательства. Например, между камнями, лежащими в море, видны следы прежнего течения речек. Затем произошло опускание береговой линии и потом вновь частичное поднятие берегов, о чём свидетельствуют озёра, происшедшие из морских заливов, впоследствии заболоченные и превратившиеся в тундру, а равно и карнизы в виде ясно выраженных ступеней. На высоте 30 саженей от поверхности моря были найдены следы прибора: выброшенный плавниковый лес и целые скелеты морских животных.

Разведки на золото дали отрицательные результаты; что же касается меди, то два месторождения её (одно издавна известное, а другое — вновь открытое), по условиям залегания и незначительности масштаба, лишены практического значения.

¹ Настоящая статья написана наспех. При том ограниченном времени (7 дней), которое имел автор в своём распоряжении, нельзя от него требовать лучшего произведения.

В основу статьи о Командорах легли: 1) материалы, привезённые автором из поездки на Командорские острова в текущем 1923 году; 2) его же отчёт по отделу морских звериных промыслов при Дальрыбохоте за 1922 год и 3) служебный отчёт начальника Командорских островов Колтановского за 1923 год.

Глава «Исторические данные» — компилятивная. Автор пользовался трудами Суворова, Волошинова, Слюнина и Сокольников. Обе карты Командорских островов составлены и вычерчены автором, а места лежищ котиков и морских бобров на них указаны начальником Командорских островов. Фотографии исполнены Замбергом.

АВТОР.

После шторма 3–4 сентября 1922 г.

Климат на Командорских островах можно назвать суровым и сырым. Зима, несогласно с географической широтой, тёплая, а лето холодное; влажность воздуха весьма велика; круглый год весьма обильное выпадение осадков; сильные ветры дуют с октября до половины мая, и плавание около островов тогда весьма опасно.

Лесу нет совсем, есть только жалкая поросль низкорослого ивняка и рябины. Травянистая растительность довольно богата, но травы — кислые, грубые, слишком сочные и потому считаются непригодными для приготовления сена.

Исторические данные

6 ноября 1741 года корабль «Святой Пётр», с при смерти больным капитаном Витусом Берингом и с полуумирающим от цинги экипажем, принесло к берегам островов, которые впоследствии были названы «Командорскими». Весной, похоронив Беринга, оставшаяся в живых команда из обломков корабля соорудила себе бот и на нём добралась до полуострова Камчатки.

Оставим на некоторое время в стороне пустынные в то время Командорские острова и посмотрим, что в это время происходило в наших американских владениях.

Раньше охота на морских котиков не составляла промысла, так как ценность шкурок была очень невелика. Лишь в конце прошлого столетия был найден первый рынок, в Китае. Примеру случайных промышленников последовали и солидные фирмы с Гр. Ив. Шелиховым во главе (1776 год). В это время до императора Павла I дошли известия о варварских поступках русских промышленников в новых американских колониях, и он даже хотел было уничтожить промышленность, не имеющую, как казалось ему, значения для империи, но влиятельные американцы сумели поправить дело.

По смерти Шелихова, в 1795 году, было сделано русскому правительству представление о неудобствах тех способов, какими велись тогда в Америке промышленные дела, причём конкуренция и беспорядки губили промышленников и туземцев и истребляли и самый предмет промысла. Следствием этого было учреждение в 1799 году Российско-американской компании, имевшей своё правление в Петербурге. Компания получила чрезвычайные привилегии. Ей предоставлены были все промыслы на берегах Америки, на островах Алеутских, Курильских и других, лежащих по Северо-Восточному океану. Компании предоставлялось всё, что на поверхности земли и в недрах её доселе отыскано и впредь отыщется. Она получила монополию «открывать и занимать новые земли, заводить поселения и укрепления, производить торговлю и мореплавание, получать вспомоществование от правительства» и т. д.

В результате местные инородцы были совершенно поработаны. Монополия компании не принесла пользы краю; управление было плохое, и колонизация вновь приобретённой страны была столь ничтожна, что правительство в 1867 году не задумалось уступить свои американские владения Северо-Американским Штатам.

При возникновении Российско-американской компании предприятие Шелихова было поглощено этим громадным учреждением, и с этого только времени Командорские острова сделались настоящей русской колонией, вследствие переселения сюда нескольких семейств алеутов.

Первая попытка колонизовать острова была сделана в 1805 году высадкой на остров Медный 10 человек, а на остров Беринга — одного. Часть их умерла, а оставшиеся в живых в 1812 году были вывезены обратно. В 1819 году мы застаём на островах временное население, состоящее из 15 человек на острове Медном и 29 человек на Беринге, а в 1829 году на обоих островах насчитывалось 110 человек. В 1872 году сюда было доставлено ещё 30 человек алеутов, называвших себя «унангах».

В 1868 году окончился срок контракта с Российско-американской компанией и начался период так называемого «междущарствия», когда туземцы, подчинённые доселе юрисдикции петропавловского исправника, получили свободу и право самостоятельно распоряжаться всеми своими делами, в том числе и охотой на пушных зверей. В это время множество иностранцев и русских бросилось на острова с разного рода товарами, в числе которых первенствующую роль играл, конечно, спирт. В обратный путь они забирали столько пушнины, сколько могли достать её у туземцев. Соперничество между отдельными фирмами приняло характер настоящей биржевой игры, и для туземцев в течение трёх лет междущарствия была самая широкая масленица — игра в карты и пьянство достигали самых ужасающих размеров, и за водку они отдавали всё, что угодно. Безобразные празднества стали обычным делом даже во время работы на лежбищах, а так как плата за самку была установлена гораздо выше, вследствие её нежного меха, то убивалось громадное количество животных именно этого пола. Да и где же было вечно пьяным туземцам отличить самку от самца. Число добытых шкурок никогда не было известно ни самим туземцам, ни полицейским учреждениям Петропавловска. Само собою понятно, что результатом такого

избиения котиков было полное разорение островов, после которого они не могли уже оправиться.

После того, как острова Прибылова вместе с территорией Аляски были переданы Северо-Американским Соединённым Штатам, а в 1870 году цепь Курильских островов была уступлена Японии в обмен на южную часть Сахалина, во владении России остались только Командорские острова и мелкие в Охотском море.

В 1871 году дела приняли иной оборот. Фирма Hutchinson Kol and Co в Сан-Франциско, владевшая раньше большими угодьями в Аляске, вступила в переговоры с русским правительством, выразив желание взять концессию на Командорских островах на таких же точно условиях, на каких был заключён контракт Alasca Commercial Comp. с Соединёнными Штатами. Для большего удобства сношений с Петербургом американская фирма предложила вступить с ней в компанию петербургскому купцу Филиппеусу, ведшему большое торговое дело на Камчатке и побережье Охотского моря. Фирма эта, под названием Hutchinson Kol Philippeus and Co, и получила концессию сроком на 20 лет.

Вместе с новыми хозяевами начались и новые порядки, сходные с теми, которые долго были в ходу на островах Прибыловых. Жители Командорских островов опять превратились в рабочих. Сюда было прислано несколько опытных инструкторов учить туземцев правильным приёмам охоты и сохранению шкурок котиков. Контракт был составлен компанией настолько удачно, что в её руках оказалась почти неограниченная власть во всём, что касалось промысла, и даже максимум ежегодной добычи не был оговорен в условии.

Имея такое золотое дно, компания ещё задолго до окончания срока аренды, а именно в 1883 году, начала усиленно хлопотать о продолжении контракта на новое двадцатилетие, но, убедившись, что контракт не будет продолжен, американский торговый дом постарался выжать побольше дохода из лежбищ, избивая даже неполновесного зверя.

В 1892 году Командорские острова были отданы господам Гринвальду, Савичу, Прозорову и Лепешкину, образовавшим товарищество под фирмой «Русское товарищество котиковых промыслов», как предложившим наиболее выгодные условия.

В 1900 году на смену этому товариществу явилось Камчатское торгово-промышленное общество.

Август 1905 года ознаменовался посещением Командорских островов японскими военными судами, причём ими были захвачены зафрахтованные Камчатским торгово-промышленным обществом суда «Австралия» и «Монтара», а попутно разгромлено уездное управление и расхищен архив.

Так продолжалось девять лет. Падение промысла прогрессивно увеличивалось, котиковые лежбища таяли на глазах у жителей одно за другим. В августе 1911 года окончился срок контракта с Камчатским торгово-промышленным обществом, и перед Главным управлением землеустройства и земледелия в Петрограде встало два вопроса: 1) Что же делать с островами? 2) Как вести на них дальнейшее хозяйство?

1 сентября 1912 года Министерство земледелия с торговым домом «И. Я. Чурин и Ко» заключило договор на четырёхлетие — принимать от

местной администрации Командорских островов шкуры взрослых песцов и бобров. Время, место, способ убоя, возраст и количество промыслового зверя, весь вообще распорядок промысла, а равно и запуски, не более двух в течение срока договора, устанавливались Министерством земледелия.

Компания обязалась не менее двух раз в течение каждого года поставлять на острова всё то, в чём нуждается население, продавать доставляемые продукты по ценам тех рынков, с которых они привезены, с надбавкой не более 18 %.

В 1917 году истечение срока контракта совпало как раз с государственным переворотом, и опекаемые администрацией рабочие фирмы «Чурин и Ко» опять превратились в свободных граждан, у которых снова явилось убеждение, что они являются полными хозяевами островов и их промыслов.

Современное состояние островов

Командорские острова со времени их открытия в 1741 году русской экспедицией под начальством Витуса Беринга служили заманчивым местом для промышленников и купцов, проведавших о богатстве островов морскими бобрами, котиками и голубыми песцами.

Незначительная, сравнительно с прошлыми годами, часть перечисленных зверей сохранилась на островах и по настоящее время. Из них постоянными обитателями Командорских островов являются только песцы и бобры. Пребывание на островах котиков, приходящих туда ежегодно весной для целей размножения, ограничивается лишь шестью месяцами. Те и другие звери распределяются на островах неравномерно.

Так, остров Медный, дающий на своих лежбищах пристанище более чем $\frac{2}{3}$ всего командорского котикового стада, служит также излюбленным местообитанием морских бобров, которые в значительном количестве водятся в прибрежных водах этого острова.

В отношении количества голубых песцов остров Медный уступает первое место острову Беринга, где песцов почти в четыре раза больше.

В прежнее время основанием командорских пушных промыслов служили котики. Ныне, с угасанием котикового стада, первенствующее положение заняли песцы и бобры.

В 1919 году Командорские острова перешли в ведение бывшего Управления рыбных и морских звериных промыслов, и с этого момента стали эксплуатироваться средствами казны, но повсеместная разруха, обесценение сибирских денежных знаков и расстройство водного транспорта не дали возможности в полной мере осуществить план ведения пушного хозяйства на Командорских островах по образцу островов Прибыловых в Америке. Пришлось делать не то, что было желательно, а то, что было возможно. В 1922 году была сделана попытка коренным образом реформировать хозяйство на Командорских островах, но вмешательство представителя меркуловской власти на Камчатке, Бирича, испортило всё дело. Помимо Рыбного управления он сдал поставку продовольствия на Командорские острова японской фирме «Нихон Моохи» в обмен на пушнину. В июле прошлого года означенная фирма доставила на острова всякую заваль с неизмеримо высокой расценкой и увезла пушнины на сумму около 98 000 рублей.

В 1923 году в г. Петропавловске, где фирма «Нихон Моохи» имела своё отделение, товары на складах её были проданы с аукциона на сумму около 92 000 рублей, в уплату за другие долги; долг же Дальрыбохоте остался пока невыплаченным.

15 июля 1922 года бывшее Управление рыбных и звериных промыслов Дальнего Востока заключило договор с фирмой «Бринер, Демби, Кушнарёв и Ко» на поставку на Командорские острова продовольствия и прочих грузов, потребных для казённых надобностей, эксплуатации островов и снабжения служащих предметами первой необходимости, оставляя эксплуатацию островов за казной. К сожалению, доставленные этой фирмой товары были тоже плохого качества и расценка высока.

Вследствие бессистемного ведения промыслового хозяйства, имевшего место в последние годы, командорские пушные промыслы пришли в упадок. Падению промыслов много способствовал развившийся тайный убой зверя.

Несмотря на многочисленные донесения бывших заведующих промыслами об усилении хищничества, Рыбоуправление в период гражданской войны (1918–1922 годы) лишено было возможности принять к искоренению его надлежащие меры.

Такое положение не преминули использовать любители лёгкой наживы различных национальностей, посещавшие в силу каких-либо обстоятельств Командорские острова. Тайно добытая пушнина беспрепятственно сбывалась промышленниками на пароходы, большей частью в обмен на спиртные напитки и старые носильные вещи, а администрация островов, будучи бессильной противодействовать противозаконной торговле, могла лишь фиксировать наличие её.

В значительной степени торговля хищнически упрощённой пушной была вызвана следующими обстоятельствами.

Материальное благосостояние алеутов, привыкших в продолжение многих лет к более чем обеспеченному образу жизни, с началом русской революции было нарушено.

Стоя в стороне от политической жизни страны, население Командор не хотело примириться с неизбежными в революционное время лишениями. Алеуты, не получив своевременно от казны вошедших в их обиход предметов или получив их не в надлежащем количестве, считали себя обиженными.

Под влиянием приезжавших на острова спекулянтов, которые уверяли, что все пушные богатства островов являются всецело достоянием местных жителей, алеуты решили удовлетворять свои нужды путём приобретения на пароходах за тайно упрощённую пушнину потребных им вещей и спирта.

Для упорядочения пришедших в упадок пушных промыслов требовались неотложные мероприятия.

В 1922 году Рыбоуправлением был разработан, на основании опыта американцев, план ведения пушного хозяйства на Командорских островах. Этот план предусматривал ограничение убоя бобров, упорядочение котикового промысла путём применения американского способа исчисления убоя зверя, устройства ловушек-кормушек для подкормки песцов, искоренения хищничества со стороны иностранцев и тайного убоя со стороны алеутов.

Жители Командорских островов считаются теперь рабочими на казённых промыслах, составляя сельское общество. На самом деле — это сти-

пендиаты государства; они не несут воинской повинности и не платят никаких податей.

Все припасы продовольствия, одежды и обуви, все материалы для жизни, все принадлежности для охоты, даже топливо, предметы второй необходимости и роскоши — всё добывается извне. Кроме котиковой солонины и вяленой рыбы, острова ничего не дают для потребностей жизни. Алеуты не имеют ни земледелия, ни даже огородов, ни порядочного скотоводства. Единственный их промысел — охота. Это охотничье хозяйство весьма несложно: оно значительно проще, чем хозяйство русского крестьянина. Последний действительно в поте лица своего трудится, чтобы добыть себе пропитание, а алеут работает лишь тридцать дней в году. Один раз он должен сделать отгон котиков, избить их палками, снять шкурки с тушек и засолить их. Один раз в году он должен поставить сети на зарослях морской капусты и, ежели в неё попадает морской бобр, то снять с него шкуру. Зимой он должен поставить капкан перед самым входом в песцовую нору. Всё остальное время алеут обслуживает себя и, главным образом, своих собак.

Водку он предпочитает всему и в надежде получить её (а это излюбленная, постоянная его мечта) он, конечно, не задумывается придушить за глазами серого котика и обменять шкуру на спирт.

Спирт на острова привозится японскими шхунами. Во время стоянки их все алеуты пьяны, не исключая и охраны. Спирт на берег доставляет судовая прислуга и выменивает его на хищнически добытые шкурки песцов. Всё самое скверное в жизни алеутов связано с посещением островов пароходами. Пьянство, разврат, драки продолжаются столько времени, сколько стоит пароход, а после ухода его начинаются всякие заболевания.

Вследствие отдалённости Командорских островов и отсутствия связи с ними в течение целого года распоряжения Правительства РСФСР проникли туда только текущим летом. Военные власти выслали из Петропавловска на Командоры своего радиотелеграфиста и военного комиссара. Автор настоящей статьи привёз на острова пять человек новых служащих и доставил туда уголовный кодекс, кодекс о труде, целый ряд инструкций, брошюр и газет.

На каждом острове ныне имеется сельком (сельский комитет), а с будущего года там будет постоянно находиться уполномоченный от Камчатского губернского революционного комитета, в руках которого будет сосредоточена политическая и административная власть, что в значительной степени облегчит работу начальника командорских промыслов и даст ему возможность заняться перестройкой пушного хозяйства по намеченной программе.

Население

Российско-американская компания для производства промысла на Командорах в 1826 году переселила сюда алеутов с островов Атту, Атхи, Лисьих, Св. Павла, Ситхи и Андреяновых. Затем делаются приселения из других мест: так, сюда были доставлены эскимосы, курильцы, камчадалы, коряки, колоши, зыряне, цыгане и даже одна киргизка. Служащий элемент прилил к населению заметную долю крови американской, русской и польской.

Отсюда явствует, что в современных обитателях Командорских островов мы имеем результат смешения, но отнюдь не алеутов.

Оригинально, что и сами жители Командор называют себя «креолами» и обижаются на название «алеут».

На Медном преобладали выселенцы с Атту, а на Беринге — с Атхи. Этим и объясняется существующее различие в языках на обоих островах.

Представьте себе людей среднего роста, хорошо сложенных, но худотелых, со смуглой кожей (некоторые так пигментированы, что представляются положительно негроидами), с чёрными волосами и чёрными глазами — и вы будете иметь перед собой алеутов. Они чрезвычайно скрытны и к чужим относятся недоверчиво, работать не любят, в особенности если эта работа имеет целью ввести какие-либо новшества в уклад их жизни. Они способны целыми днями сидеть сложа руки и в то же время жаловаться на нехватки.

Как и все инородцы (аборигены), они падки на спирт, который в течение многих лет доставлялся на их острова в неограниченном количестве. Можно с уверенностью сказать, что всеми своими пороками алеуты обязаны знакомству с белой расой; за 270 лет этого знакомства они не только не поднялись по ступенькам культуры, а, наоборот, попятились назад. В настоящее время это — наследственные алкоголики с характерными признаками вырождения.

Командорские алеуты находятся в состоянии вымирания. Они почти поголовно заражены сифилисом, который распространяется и половым и внеполовым путём. К числу причин вымирания надо ещё отнести инфекционные эпидемии. Породнившись между собой, население, без притока свежей крови, быстро идёт к вырождению. Беспорядочная половая жизнь, начинающаяся чуть ли не с детского возраста, простудные заболевания, общее истощение материнского организма (когда мать не может вскормить даже одного ребёнка, вследствие атрофии грудных желёз, что заставляет рано переводить детей на грубую пищу) — всё это приводит к чрезмерно низкой средней продолжительности жизни: для мужчин в 24,3 года, а для женщин — 23,2.

Из нижеприведённой таблицы видно, насколько сократилось население Командор за последнее десятилетие:

Года	О. Беринга	О. Медный	Всего
1913 г.	281	235	516
1923 г.	204	160	361
Разница	77	75	152

К 1 января 1923 года туземное народонаселение на острове Беринга состояло из 204 душ.

Взрослых мужского пола 62

» женского пола 51

Подростков от 12 до 18 лет муж. пола 13

» » » жен. пола 12

Детей муж. пола до 12 лет 28

» жен. пола » 38

Итого 204

Умерло в 1922 году:

Взрослых мужского пола	4
» женского пола	1
Подростков мужского пола с 12–18 лет —	
» женского пола	1
Детей муж. пола до 12 лет	—
» жен. пола » 	—
	Итого 6

Родилось в 1922 году:

Мужского пола	5
Женского пола	6
	Итого 11

К 1 января 1923 года туземное население на острове Медном состояло из 160 человек.

Взрослых мужского пола	58
Взрослых женского пола	49
Подростков муж. пола от 12 до 18 лет	7
» жен. пола » 	14
Детей муж. пола	16
» жен. пола	16
	Итого 160

Умерло в 1922 году:

Взрослых мужчин	1
» женщин	1
Подростков муж. пола от 12 до 18 лет	—
» жен. пола » 	—
Детей муж. пола до 12 лет	—
» жен. пола » 	1
	Итого 3

Родилось в 1922 году:

Мужского пола	4
Женского пола	2
	Итого 6

С. Никольское. Берег и шлюпки. Метеорологическая станция. О. Беринга

Селение Преображенское и бухта Песчаная. О. Медный

На каждом острове есть по одному зимнему селению (на Беринге — Никольское, на Медном — Преображенское) и несколько селений, где алеуты проводят летние месяцы (на первом острове — Северновское, Сарановское и Старая Гавань, на втором — Глинка, Корабельное и Жировое).

Живут командоровцы в домах американского типа, построенных фирмой «Гутчинсон и К°», из плах, обшитых тонкими досками.

Такие дома не держат тепла и заставляют непрерывно топить печь, что при необычайной дороговизне топлива весьма чувствительно ложится на бюджет хозяйства. Летом пища готовится на керосиновых лампах. На острове Медном есть много хорошего торфа, но его нельзя использовать за невозможностью высушить на вечно влажном воздухе.

В последнее время начинает обостряться чрезвычайно важный жилищный вопрос. Дома алеутов, выстроенные прежними арендаторами островов, постепенно приходят в негодность. Особенно пострадали крыши, ремонт которых, за отсутствием на островах запасов деревянной американской черепицы, не производился в течение многих лет.

Суровые климатические условия и отсутствие ремонта создали в некоторых домах полную невозможность существования, почему на острове Беринга пришлось отвести в пустовавших казённых домах квартиры трём семействам алеутов.

Все казённые постройки на Командорских островах выстроены по американской системе. Некоторые из них пришли в ветхость и требуют капитального ремонта, но большая часть после окраски и незначительных починок может служить ещё несколько лет. Особенно нуждаются в исправлении крыши домов. За исключением двух домов (церковного на острове Медном и караульного в с. Северном, на острове Беринга, крытых оцинкованным волнистым железом), все остальные покрыты деревянной

американской черепицей. От времени и крайне сырого климата черепица прогнила. Во время частых дождей вода, попадая через крышу, скапливается поверх крашеной дрели, которой подбиты потолки во всех казённых домах. Образуются большие опухоли, наполненные зловонной водой, из которых при вскрытии вытекает по 2–3 ведра воды.

Для отопления домов чаще всего употребляются американские каминные системы «Монитор». Большой расход угля является их главным недостатком. Во время продолжительных зимних штормовых погод такие каминные необходимо топить круглые сутки, в противном случае комнатная температура после их охлаждения падает до нуля.

При выселении алеутов на материк часть домов освободится, и тогда можно будет разобрать наиболее плохие дома и материал этот употребить на ремонт других зданий.

Школа

В настоящее время здание школы совершенно непригодно для занятий, так как крыша во многих местах протекает, всё помещение холодное и нуждается в капитальном ремонте. Зимой 1922–23 года занятия производились в помещении аптеки. За отсутствием учителей с детьми занимались служащие Дальрыбохоты. Детей обучали чистописанию, арифметике, русскому языку, рукоделию, слесарному и столярному ремёслам. Особенно трудно давалась детям арифметика, но всё же к концу учебного года они могли бегло писать цифры и знали четыре действия в пределах двух десятков.

Сравнивая эти результаты с достигнутыми на Прибыловых островах, надо признать успехи вполне хорошими, так как на острове Георгия алеутские дети (согласно официального отчёта) лишь на 4–5-й год переходят к обсуждению текста связных рассказов и начинают хорошо понимать фразеологию.

На острове Беринга школа великолепно снабжена учебными пособиями: имеется целый ряд приборов по космографии, химии и физике.

Достоин удивления, что столь хорошо оборудованная школа мало принесла пользы населению, а в годы гражданской войны она не функционировала вовсе, что видно по детям.

«Под влиянием взрослых они враждебно настроены ко всем русским. Когда им говорят о деревьях, жарком солнышке, о жизни других детей, о других зверях, дети смотрят с недоверием и перешёптываются между собою. Взрослые в большинстве случаев не беседуют с детьми и смотрят на них как на помощников, взваливая на них всякую мелкую работу. Здесь в большом ходу обмен детьми — их дарят одиноким и бездетным. Не живя у своих родных, ребяташки не знают материнской любви и ласки и потому выглядят старше своих лет. Зато они знают такие радости и забавы, каких бы им лучше никогда не знать, даже будучи взрослыми. Подаренный сахар, хотя и в малом количестве, у них отбирается и копится для варки „зюйды“. Этим объясняются частые случаи выпрашивания сахара детьми без ведома родителей. Они очень обидчивы, нервны; ласковое обращение для них явление необычное и вызывает слёзы и даже истерику. Детские игры — варка зюйды или заботы, куда бы в чужой дом пристроить свою куклу, шитую из тряпок, — яркое отражение действительной жизни.

Кругозор алеутских детей и круг их понятий слишком ограничены. В самом простом рассказе встречается много незнакомых им слов, часто таких, о которых учитель и не подозревает, что их нужно объяснять (например, солома, лошадь, оса, сад, лента и пр.).

Из изложенного явствует, что учителям необходимо иметь в виду особенности детей алеутов, их характер, способности и душевный мирок, резко отличные от такового детей, живущих в городах и больших селениях на материке. О преподавании по общепринятой единой системе здесь не может быть и речи. С ними надо больше разговаривать, заинтересовывать играми, открыть мир детских увлечений, взамен времяпровождения на „танцульках”, где они, находясь среди пьяных до 2-х часов ночи, учатся неприличным островам и бывают свидетелями разврата»¹.

Радиостанция

Установка радиостанции на острове Беринга оказалась сложнее, чем это предполагалось во Владивостоке, вследствие того, что вблизи селения не оказалось подходящей площадки, и потому мачты были поставлены на возвышенностях к востоку от селения Никольского, в непосредственной с ним близости. Зимой начали производиться работы по копке ям для установки и крепления мачт, а также по подвозке брёвен, якорей и других материалов, предназначенных для сооружения станции.

Громоздкость перечисленных предметов не позволяла перевозить их на нартах. С большими затруднениями грузы были доставлены к месту работ на особых платформах, устроенных из досок и тачечных колёс. Предварительно пришлось починить прогнившие мосты и продолжить до радиостанции дорогу. С наступлением штормовых погод работы, подвигавшиеся вначале довольно успешно, замедлились; алеуты, не имевшие тёплого платья, естественно, старались уклониться от назначения на работы. Ежедневная смена людей много вредила делу постройки, так как специальные работы требовали известного навыка и сноровки, каковые совершенно отсутствовали у назначаемых по наряду алеутов. Только повышенной платой удалось уговорить одного промышленника работать на мачте вместе с русским мастером Богатырёвым.

С отъездом всех промышленников на промысел песцов работа прекратилась. Наступившие затем страшной силы штормы мешали продолжать работу. Таковые возобновились в феврале, а в первых числах марта постройка мачт пришла к концу.

Радиостанция работала вполне исправно, но, к сожалению, дальше Петропавловска радиотелеграммы не доходили. Дело в том, что в Авачинской губе летом стояло четыре японских миноносца, которые ежедневно сносились по своему радио с Японией. Радиостанции на миноносцах оказались очень сильными. Надо заметить, что по международным правилам ни одно судно, находящееся во внутренних водах, не имеет права пользоваться своим радио и для этой цели должно выходить в открытое море. Камчатский губернский революционный комитет неоднократно обращался к японцам с просьбой прекратить работу радиостанции в Авачинской губе,

¹ Из отчёта учительницы Колтановской за 1923 год.

но все его протесты остались «гласом вопиющего в пустыне». Вследствие изложенного, а также вследствие перегруженности работой петропавловской радиостанции большинство телеграмм, посланных Дальрыбохотой на Командоры и с Командор во Владивосток, не дошло вовсе, а остальные прибыли с большим запозданием.

Снабжение островов продовольствием и предметами первой необходимости

В 1920 году продовольствие на Командорские острова было послано на трёх судах: «Томске», «Магните» и «Яне». Первые два судна благополучно сдали доставленные грузы по назначению. Пароход «Яна», выгрузив продовольствие и товары на острове Беринга, ввиду штормовой погоды спешно ушёл из гавани селения Никольского в Петропавловск, оставив на острове Беринга 2 кунгаса с людьми.

Мука, в количестве 800 пудов, и разные товары, предназначавшиеся для жителей острова Медного, были сгружены в Петропавловске, после чего пароход «Яна» ушёл в Японию.

Вследствие недоставления продуктов пароходом «Яна», жители острова Медного в зиму 1920–21 годов перенесли голодовку. К началу февраля 1921 года вся мука, доставленная на пароходе «Магнит», была израсходована. Рыбных продуктов беспечные алеуты с осени заготовили очень мало. Штормовые погоды не позволяли выезжать в море для рыбного промысла. Охота за птицами, ввиду отсутствия охотничьих припасов, почти не производилась. Алеуты питались икрой морских ежей, выбрасываемых прибоем на берег.

С целью достать продукты, 15 промышленников 8 марта 1921 года на двух шлюпках отправились на остров Беринга; 31 марта алеуты возвратились и привезли 60 пудов муки и немного солёной рыбы.

17 апреля на остров Беринга за провизией отправилась вторая партия алеутов численностью в 35 человек на 5 шлюпках. Благополучно возвратившись 10 мая, партия доставила 70 пудов муки, мешок табаку и немного солёной рыбы.

Во время голодовки среди алеутов были распространены гастрические заболевания. Голод прекратился в мае с приходом парохода «Адмирал Завойко» (ныне «Красный Вымпел»), который доставил продовольственные грузы и некоторые товары. Смертных случаев от голода не было. Ко времени прихода «Магнита» на острова почти все запасы провизии, доставленные весной 1921 года на пароходе «Адмирал Завойко», были израсходованы.

Платье алеутов, за очень небольшим исключением, превратилось в лохмотья. Некоторые из жителей были одеты в старые матросские рубашки, полученные ими с японских броненосца «Ивами» и транспорта «Кошу».

В отношении здоровья алеуты находились в сравнительно благополучных условиях, никаких эпидемических заболеваний не наблюдалось. Смертность в 1920–1921 годах была не выше нормальной.

Присланных в 1921 году продуктов оказалось недостаточно. Особенно мало муки: выгружено всего 1 550 пудов. Считая средний расход на одного человека в месяц 30 фунтов, для населения в 380 человек на восемь месяцев (до следующего пароходного рейса) необходимо 2 280 пудов. Таким образом, не хватило 730 пудов, и потому с половины февраля начался бы

голод. Положение спас пароход «Тунгус», который, согласно условия, заключённого Камчатским облревкомом с фирмой «Свенсон и К°», доставил жителям Командорских островов товаров и продуктов на 91 494 рубля 45 копеек. В числе груза «Тунгус» выгрузил 50 сажень дров и 50 тонн каменного угля.

Осенью 1922 года Рыбоуправление ассигновало 20 000 иен для закупки товаров, необходимых для Командорских островов, как только выяснилось, что острова снабжены фирмой «Нихон Моохи» недостаточно. Главное внимание было обращено на закупку муки, отопления и освещения, на какие нужды и была израсходована большая часть отпущенной суммы.

Табак, пистоны и ещё некоторые другие товары, которые не были доставлены на острова, фирма Демби обещала доставить в навигацию того же года на паровой шхуне «Мазатлан», принадлежащей О. Свенсону, но это обещание не было выполнено, и население островов в течение почти целого года оставалось без табаку и с ничтожным количеством пистонов — остатки прошлого года. При той роли, какую играет в вопросе питания жителей охота на птицу, этот недостаток имел существенное значение. Очевидность недостатка продуктов заставила начальника островов принять доставленные фирмой Демби товары, прибывшие на пароходе «Инабасан-Мару», весьма недоброкачественные и с весьма высокой расценкой.

Надо отметить также и то обстоятельство, что выгрузка, при условиях командорской погоды, редко бывает благоприятной, в целях скорейшей отправки судна производится всегда крайне спешно, грузы принимаются в упаковке и могут быть вскрыты лишь впоследствии.

В текущем 1923 году доставка всего необходимого, не исключая дров и угля, была поручена Центросоюзу. Продовольствие, предметы первой необходимости, промышленное снаряжение и прочее были завезены в достаточном количестве (в три раза больше, чем в предшествующие годы), товары хорошего качества, за исключением картофеля и лука, которые, из-за дальности расстояния и длительного плавания, проросли в дороге. На острове Медном, вследствие штормовой погоды, 30 тонн угля не удалось выгрузить. Это обстоятельство не вызовет там катастрофы, но всё же медновцы будут ощущать недостаток в топливе и должны будут экономить уголь и собирать плавник.

Промысловый надзор

Промысловый надзор на острове Беринга состоит из: начальника промыслов, его помощника, трёх промысловых надзирателей, одного фельдшера и радиотелеграфиста. На острове Медном — помощника начальника промыслов, четырёх промысловых надзирателей, фельдшера и моториста — итого 14 человек.

Промысловые надзиратели несут обязанности по обслуживанию карательных постов, охране лежбищ морских котиков, а также бобровых местобитаний, заведыванию казённым имуществом, имеют надзор за приходящими пароходами и наблюдение за порядком в селениях.

У промышленников-алеутов существует постоянное стремление избавиться от контроля администрации. Отсутствие сухопутных казённых средств передвижения на острове Беринга делает производство контроля

крайне затруднительным. Ежедневно часть промышленников уезжает из селения под предлогом охоты, сбора выкидняка и пр. Проверить действия таких промышленников невозможно, так как достать нарту для поездки в ужожи не всегда удаётся. На приказание дать собак промышленники иногда отвечают отказом, ссылаясь на погоду, недостаток корма, необходимость перевезти рыбу из Саранного и т. д. Путешествие чинов надзора пешком не даёт результатов, так как промышленники, пользуясь собаками, успевают предупредить своих товарищей о контроле.

Дабы избежать на будущее время подобной зависимости от алеутов, нужно завести казённых собак, на которых в любой момент могут быть посланы чины промыслового надзора для контроля.

Хотя содержание собак и потребует известных затрат, но они вполне будут возмещены применением их для перевозки угля, керосина, продуктов с Рифа в с. Северное, Саранное и рыбы к кормушке-ловушке и песцовому питомнику. Тогда вопрос о путешествии промышленников по острову в значительной степени потеряет свою остроту. Быть может, собак можно будет заменить верховыми лошадьми якутской породы. Надо заметить, что лошадь, несмотря на варварское к ней отношение, всюду медленно, но верно вытесняет собаку. Правда, с появлением лошади сразу выплывает вопрос о сене. На острове Беринга хотя и много растёт травы, но вследствие постоянных туманов и сырого лета сушка не всегда возможна. Придётся сено в прессованном виде привозить из Владивостока, что не составит затруднений и не вызовет больших затрат.

Дабы локализовать торговлю спиртом с пароходов в обмен на хищнически добытую пушнину, выработаны особые правила сообщения корабля с берегом, для чего на борту парохода и на берегу у места причала лодок ставятся караульные из особо надёжных людей.

Хищничество

Срок действия Вашингтонской конвенции о международной охране котиков должен был закончиться в 1927 году. Несмотря на существование упомянутой конвенции, из японских портов беспрепятственно выходят для производства хищнического боя котиков и бобров парусно-моторные суда, которые разоряют лежбища котиков, избивают морских бобров и даже вылавливают песцов.

Поистине, настойчивость и энергия хищников достойны удивления. В самом деле! Маленькие шхуны, с ограниченным запасом пресной воды и продовольствия, отправляются в дальнее плавание с риском потерять всё, даже жизнь, и не могущие зайти в тот или иной залив, чтобы отстояться во время шторма.

Обыкновенно, окончив зимний промысел в южных широтах, японцы постепенно перебираются к северу, следуя за отходящими табунами котиков.

Некоторые шхуны ещё раньше поднимаются к Командорским островам и занимаются там до прихода котиков охотой на бобров. Чаще всего они держатся в проливе между островами Беринга и Медным милях в десяти от берега, а во время туманов подходят к берегам вплотную.

Доходность предприятия, полная его безнаказанность и даже попустительство привели к тому, что в 1910 году около Командорских островов

работало 37 японских шхун, увезших добычу из 8 309 котиков и 154 бобров. Шхуны нагло стояли на границе трёхмильной зоны и в удобные моменты высылали шлюпки прямо к лежбищам.

Вашингтонская конвенция положила конец морскому промыслу котиков. Японцы оказались законопослушны. В 1913 году около Командорских островов были замечены только две хищнических шхуны. Но всё же одиночные нападения на лежбища возможны. От покушений кого-либо из соседей, под флагом державы, не участвовавшей в последней конвенции, наши пушные богатства не вполне застрахованы.

И действительно, в делах Командорских островов мы находим несколько актов с датами 1921–22 годов об аресте японских хищников. Там же мы читаем донесения караулов о появлении каких-то людей в странной одежде, иногда с собаками. Покойный Черский не верил подобным рассказам, объясняя их желанием промышленников скрыть свои проступки. Убивая тайно по временам зверя, алеуты, при обнаружении следов хищничества, приписывают такие случаи каким-то людям, якобы живущим на острове. В прошлом году алеуты говорили о появлении человека с собакой.

6 августа 1921 года караулом по охране котиковых лежбищ около южной оконечности острова Медного была замечена на якоре серая двухмачтовая шхуна, по-видимому, та же, которая 27 июля заходила в бухту Бобровую.

После ухода шхуны на южной оконечности острова найдены 6 штук убитых секачей без шкур. Определить национальность шхуны не удалось; никаких флагов и отличительных знаков на ней не было. На месте стоянки шхуны найден восьмипудовый якорь, который был доставлен в селение. Количество убитых хищниками на лежбищах котиков не выяснено.

В 1922 году охранные команды острова Медного неоднократно обнаруживали присутствие хищнических судов. Так, 4 июля глинковский караул заметил по юго-западной стороне в 1,5 милях от берега шхуну, которая прошла вблизи котиковых лежбищ, имея курс на запад.

10 июля в 8 часов утра в 2 милях от берега мимо с. Преображенского прошла двухмачтовая шхуна свинцовой окраски, держа курс вдоль берега к югу.

В тот же день эта шхуна стала на якорь у перешейка по северной стороне. Следившие за шхуной алеуты заметили, что с неё на берег отправилась шлюпка с 5 японцами, начавшими, по высадке на берег, стрелять по плававшему на воде котикам. Быстро спустившись со скал, алеуты захватили шлюпку и дали три предупредительных выстрела. Японцы бросились бежать по берегу, после чего охранники, заставив ружейным огнём шхуну сняться с якоря, возвратились в Глинку на брошенной японцами шхуне. 11 июля к с. Глинке подошли 5 японцев и сдались караулу.

В камнях, где высаживались хищники, были обнаружены два винчестера и один дробовик с патронами, заряженными картечью. На другой день пленных японцев караул доставил в с. Преображенское.

Шхуна, с которой съехали японцы, носила название «Хачиман-Мару» и прибыла с мыса Лопатки. На острове Беринга японцы разрыли норы, захватив 8 молодых песцов.

Параллельно с тайным убоем котиков и песцов иностранными хищническими шхунами за последние годы начало особенно развиваться хищ-

ничество среди алеутов. Если не принять теперь соответствующих мер, то хищничество примет угрожающие размеры. Дело дошло до того, что на лежбище котиков охрану из алеутов без промыслового надзирателя нельзя оставить на один день. Такие случаи уже запротоклены и виновные в избивании молодых котиков уличены на месте преступления.

На каждом пароходе русском и иностранном всегда находятся люди, подговаривающие алеутов на хищничество, которые находятся всецело на стороне этих лиц, приобретая у них спирт в обмен на пушнину.

Бороться с этим злом можно двумя путями: 1) своевременно снабжать алеутов продовольствием и предметами первой необходимости в достаточном количестве и 2) виновных в хищничестве охранников обязательно привлекать к ответственности, в противном случае и присутствие промыслового надзора не остановит тайного убоя зверя. Лишь только промышленники увидят, что хищничество ненаказуемо, пребывание надзора на островах делается излишним.

Охрана котиковых и бобровых лежбищ

Котиковые лежбища и бобровые местообитания на Командорских островах охраняются чинами промыслового надзора и караулами из промышленников-алеутов. Порядок назначения караулов с 1918 года следующий: общество, избрав старших наблюдателей и рядовых, уведомляет об этом заведующего промыслами, которому остаётся для поддержания своего престижа только утвердить приказом избранных, не входя в оценку их способностей выполнить те или другие служебные обязанности. Столь ненормальный порядок, кроме вреда, ничего не приносит: полная безответственность чинов караула перед промысловой администрацией ставит последнюю в крайне неприятное положение. В случае неповинности кого-либо из чинов караула администрации остаётся лишь письменно требовать от сельского комитета заменить провинившегося другим промышленником.

Проводимая ныне в жизнь реорганизация пушного хозяйства Командорских островов потребует некоторых изменений как в порядке назначения караулов, так и в численном составе их.

Из плавучих средств у администрации имеется старый моторный катер «Сивуч» с корпусом кунгасного типа и 15-сильным мотором. Ввиду тихоходности его (около 5 миль в час), катер мало пригоден для несения охранной службы. Необходимость хотя бы в одном надёжном катере на Командорах для борьбы с хищниками очевидна. Поэтому надо заменить катер «Сивуч» другим более мощным или в крайности заменить изношенный мотор новым, с расчётом увеличить ход судна до 8—9 узлов в час.

Ездовые собаки

Передвижение по острову Беринга совершается и летом и зимой на собаках. За небольшими исключениями каждый промышленник имеет одну упряжку собак, общее число которых на острове доходит до 500 штук.

Для прокормления собак промышленники заготавливают рыбу лососёвых пород частью в виде юколы, частью в виде «аргиза» (т. е. рыбы, сла-

Р. Саранная. О. Беринга

бо засоленной в ямах или деревянных вместилищах). Иногда, впрочем, этот корм заменяется мясом случайно выброшенных на берег острова морских животных и отбросами от пищи самих алеутов.

Для нормального питания одной собаки во время работы жители считают достаточной дачу в 1,5 рыбы в сутки. По весьма скромному расчёту, одна собака съедает в течение года 400 рыб, а все собаки острова, в зависимости от количества их, — от 150 до 200 тысяч рыб, каковое количество обыкновенно и вылавливается в реке Саранной.

Хотя рыба, в особенности красная, в изобилии входит в указанную речку, но всё же жителям приходится затрачивать достаточно много времени, чтобы заготовить потребное количество для своих «собачек».

Общая стоимость прокорма собак, если не принимать в расчёт различных продуктов, уделяемых им алеутами от своего стола, считая по камчатским ценам 12 копеек за одну красную рыбу, колеблется в пределах от 10 000 до 24 000 рублей. Стоимость рыбы для годового прокормления одной упряжки собак в 9 штук — 432 рубля. Кроме того, много времени тратится на перевозку рыбы в с. Никольское и на уход за собаками и значительные суммы расходуются на приобретение алыков, цепей для привязывания собак и т. п. Каждый день несколько промышленников уезжает в с. Саранное за рыбой. Нельзя признать такое положение вполне правильным; собаки служат, исключая немногих случаев, лишь для того, чтобы возить юколу и кислую рыбу для своего прокормления. Выгоды, получаемые промышленниками от собак, состоят: в возможности ездить на них по острову для целей пушного промысла, охоты за птицами и морским зверем, перевозки грузов и выкидняка с побережья.

Настоятельно необходимо выяснить, оправдываются ли расходы на собак. Обыкновенно одна часть промышленников приходит на лежбище пешком, другая приезжает на нартах; после убоя зверя промышленники везут

в село Никольское мясо котиков на пищу себе и своим собакам. Шкуры котиков засаливаются в с. Северном и перевозятся в с. Никольское, где и происходит вторая их посолка.

Отдалённые песцовые ужожи предполагается объявить заповедными, а на ближние можно проникнуть и без помощи собак.

На острове Медном, общее протяжение которого около 30 миль, собак не имеется вовсе, и промышленники ходят на промысел на лыжах. Результаты промысла — песцовые шкурки, не представляющие тяжеловесного груза, промышленники приносят в село Преображенское на себе, а на Камчатке охотники ходят на промысел пешком за 200–300 вёрст и остаются в отсутствии нередко по 1,5–2 месяца. Из приведённых примеров можно прийти к заключению, что значительную роль в данных случаях играет привычка. Дабы не нарушать её у беринговских промышленников, возможно оставить лишь 10 собачьих упряжек, каковое количество можно хорошо прокормить, заготовив около 96 000 рыб.

Бобровый промысел производится на острове Беринга исключительно на ружьё и имеет случайный характер. Учесть необходимость собак для бобрового промысла можно только в отрицательном смысле.

Более серьёзное значение имеет перевозка грузов на собаках. К перевозке их на шлюпках надо отнестись отрицательно: из-за плохих ветренных погод последний способ сопряжён с неизбежными потерями товаров при выгрузке, так как удобного места для подхода загружённых шлюпок не имеется.

Устройство узкоколейки разрешило бы радикально вопрос о перевозке товаров и продуктов, но необходимость в других способах доставки не отпала бы: за отсутствием в с. Никольском помещения для хранения угля, перевозка его зимой по узкоколейке, занесённой снегом, не всегда возможна. С успехом все работы по перевозке грузов с Рифа удалось бы выполнить на одной паре волов. Имея же в виду прекрасные пастбища острова Беринга, прокормление их стоило бы недорого.

При уменьшении числа собак рыба для питания людей может быть выловлена в реках Ладыгинской, Гаванской и Каменной, откуда нетрудно доставить её в с. Никольское на шлюпках.

Рыбой, идущей теперь в пищу собакам, можно подкармливать значительное количество песцов, чем повысится цифра убоя зверя. Если нельзя сразу уничтожить всех собак, то и уменьшение численности их, кроме пользы делу и населению, ничего принести не может.

Песцы

На Командорских островах во времена Беринга было так много песцов, что спутникам командора буквально приходилось отбиваться от назойливых животных. Они то и дело врывались в землянки, вырывали у людей из рук пищу, кусали больных и положительно отравляли жизнь измученного экипажа. Затем, с колонизацией островов, число песцов начинает быстро сокращаться.

Ныне на острове Беринга песцовый промысел выдвигается на первый план по сравнению с котиковым, а на Медном он, оставляя позади себя котиковый, значительно уступает бобровому.

Потребность в пище является главной причиной, заставляющей зверя устраивать свои норы неподалёку от естественных магазинов её. Таковые находятся частью на лайде (намывная полоса прибоя), куда прибой выбрасывает различных морских животных от мелких ракообразных и моллюсков до огромного кита включительно, частью у богатых рыбой речек.

С наступлением зимних холодов, когда речки покроются льдом, песцы устремляются на лайду, которая остаётся в это время почти единственным местом, где возможно раздобыть пищу.

Конечно, и зимой, в случае удачи, песец может поживиться внутри острова куропатками, полевыми мышами и кореньями; всё же лайда даёт несравненно больше.

При посещении лайды песцы учитывают направление ветра и переходят для питания на наветренный берег, куда бурун в изобилии выбрасывает разнообразную пищу.

Обыкновенно к началу промысла все ручьи и ключи бывают покрыты льдом и занесены снегом, почему песцы, в силу необходимости, стекаются к лайде. При вскрытии желудков песцов оказалось, что они питались главным образом рыбой.

Окраска беринговых песцов редко бывает вполне хороша, преобладают меха со значительными следами примеси белых особей.

В отчётном году добыто промышленниками 15 белых песцов, что является значительным количеством по сравнению с прошлым годом. Раньше, по словам промышленников, белые песцы чаще встречались в северной части острова. До настоящего времени причины, вызывающие это явление, не установлены. Беринговские песцы очень боязливы и мало похожи на тех полудомашних животных, какими являются медновские. Причину этому надо искать в присутствии на острове Беринга большого количества собак.

Частые разъезды промышленников по острову заставляют зверя держаться всегда настороже. Завидя песца, вся упряжка собак немедленно бросается догонять его, и нередко бывали случаи, когда собаки разрывали зазевавшегося зверя. Достаточно крикнуть во время езды собакам «ваньках!» (алеутское прозвище песца), и они, ещё не видя зверя, начинают мчаться, не разбирая дороги. Желая подбодрить уставших собак, алеуты обманывают их, произнося указанное слово, и незаметно, чтобы оно когда-нибудь не оказало желаемого действия. Напуганные собаками песцы, в особенности старые, редко подходят к селению.

В последние годы к тому же зачастую не исполняются правила о держании собак на привязи. Только привоз достаточного количества крепких собачьих цепей, в которых теперь ощущается недостаток, может устранить этот беспорядок.

За исключением южной оконечности острова, куда не проникают собаки, на острове Беринга нельзя встретить картин, подобных медновским, где песцы без всякого страха приближаются к путешествующему по острову человеку и, следуя за ним в 5—10 шагах, провожают пришельца лаем, пока тот не удалится на значительное расстояние от места их обитания.

Охота на песца не сложна. Промышленник, расположившись вблизи песцовой тропинки, в случае удачи может застрелить до 10 песцов в одну ночь. Не более сторожки песцы и по отношению к капканам. Последние

часто устанавливаются у входа в норы, и песцы, несмотря на примитивную маскировку, всё-таки попадают в них. Только старые песцы стремятся обойти такие капканы, но достаточно, насыпав с боков выхода снега, сделать подобие коридора, чтобы поймать и опытного зверя.

Песцовое хозяйство на Командорских островах, благодаря примитивному методу ведения его и усилившемуся до небывалых размеров хищничества со стороны алеутов, пришло в полный упадок. Последствия нерационального хозяйства выразились на островах Беринга и Медном крайне своеобразно.

Тщательные наблюдения, произведённые покойным А. И. Черским над песцами острова Медного, показывают, что из помёта щенков в 4–10 экземпляров выживают в среднем около трёх. Причинами гибели песцовой молоди на острове Медном является главным образом недостаток пищи — ранней весной, до прилёта птиц, и осенью, после отлёта. В первом случае погибают щенята ранних помётов вследствие недостатка молока у отощавших после суровой зимы самок, во втором — щенята, оставленные родителями, но ещё не сумевшие приспособиться к борьбе за существование.

В прежнее время при интенсивном промысле котиков, когда убой зверя достигал нескольких десятков тысяч голов, песцы с осени имели обильный корм. Брошенные промышленниками тушки котиков служили обыденной пищей песцам, которые, разжирев и окрепнув, сравнительно легко переживали зимние месяцы и производили весной здоровое потомство. Лишившись, с падением котикового промысла, главного средства питания, песцы на острове Медном заметно уменьшаются в числе.

Из нижеприведённой таблицы видно, как влияло уменьшение боя котиков на песцовый промысел.

Таблица убоя котиков и песцов на острове Медном

Год	Добыто котиков	Добыто песцов	Запуски
1909	3 786	722	—
1910	2 070	—	запуск
1911	запуск	461	—
1912	»	—	запуск
1913	»	440	—
1914	»	—	запуск
1915	»	348	—
1916	»	—	запуск
1917	500	прод. 11	»
1918	убоя не было	255	—
1919	384	прод. 37–19 дохл.	запуск
1920	500 хол. 118 сек.	252	—

Осенью 1921 года на острове Медном насчитывалось только около 100 пар взрослых песцов.

Стремительное падение песцового промысла заставило администрацию в 1917 году объявить (вопреки установленным правилам — вести убой зверя через год) запуск песцов ещё на одну зиму.

Эта мера не спасла песцового промысла. Дело не улучшилось и с окончанием запуска котиков, так как тушек упромышленного зверя оказалось крайне недостаточно даже для заготовки солонины в пищу жителям.

Кроме котикового мяса, песцы очень охотно питаются рыбой, причём предпочитают её в кислом виде. В 1917 году по настоянию А. И. Черского была сделана попытка подкормить песцов рыбой. Благодаря лениости алеутов, дело подкормки не наладилось, несмотря на изобилие рыбы в морских водах, окружающих Командоры.

При переходе к культурному пушному хозяйству заготовка рыбы не представит никаких затруднений и крупных затрат. Один человек на удочку легко может наловить в течение часа 30–40 экземпляров трески или судачков, а два человека в течение 2 часов времени во время хода красной рыбы выбрасывают на берег руками 40 штук рыб.

В настоящее время на острове Беринга насчитывается, по наблюдениям караулов и промышленников, около 400 пар взрослых песцов, то есть в четыре раза больше, чем на Медном. По качеству меха песцы, добываемые на острове Беринга, стоят ниже медновских. Вследствие спаривания голубых песцов с белыми, последние годы почти 80% беринговских мехов носят на себе явные признаки помеси белых особей. Хотя промышленникам острова Беринга хорошо известно, что белых песцов должно убивать, где бы они ни встречались и во всякое время года, но за обширностью, а иногда и недоступностью некоторых мест острова это не исполняется. Некоторые уюжи острова посещаются промышленниками в лучшем случае один раз в год, а иногда и реже. Восстановление чистоты крови голубых песцов, выродившихся в нечто среднее между голубыми и белыми, потребует каких-нибудь радикальных мер, вроде поголовного истребления песцов по всему острову и заселения его песцами с острова Медного, или немедленного перехода к культурному песцовому хозяйству, при котором, хотя и немного медленнее, можно постепенным подбором с помощью ловушек-кормушек избавиться от непородистых производителей.

Ловушки-кормушки должны быть выстроены, как упоминалось выше, по типу, принятому на островах Прибылова, с некоторыми изменениями.

План подкармливания песцов следующий: с первого октября в определённые сроки вокруг обнесённого сеткой двора и внутри его разбрасывается рыба. После того как песцы, постепенно привыкнув, станут посещать самый двор, рыбу кладут только в нём. В декабре, на основании правил осмотра и убоя песцов, пойманных ловушками, должен производиться отбор определённого количества производителей для племени и убой всех остальных взрослых песцов. В первое время на острове Беринга можно ограничиться только тремя кормушками. Рассчитывая, что в каждой из них понадобится кормить сто песцов в течение 6 зимних месяцев, при даче одному животному в сутки половину юколы, необходимо заготовить 27 000 рыб. Юколу для пищи удобно хранить на чердаке домика при кормушке-ловушке.

В то же время, в целях уничтожения белых песцов, полезно всячески поощрять истребление их, выдавая промышленникам повышенные денежные награды за доставленные шкуры белых песцов.

В настоящее время добыча песцов производится капканами и в тех случаях, когда этот способ почему-либо не даёт желательных результа-

тов, — на ружьё. Снятый на ухжах с песцов мех досушивается в селении. Алеуты привыкли снимать мех без когтей, уговоры и указания на то, что пушнина от этого теряет в цене, остаются без внимания. Приготовленную пушнину до 1916–1917 годов алеуты тотчас же сдавали чинам промысловой администрации, которые отсылали её с первым пароходом в адрес учреждения, ведавшего островами. Теперь промышленники находят, что посредничество агентов Дальрыбохоты на островах излишне. Стоит больших усилий получить пушнину и то обыкновенно уже по приходе парохода. Были случаи, когда алеуты делали постановления сдавать пушнину самим кому-либо, например Союзу камчатских кооперативов (1920 год). Особое внимание следует обратить на вкоренившуюся в последние годы мысль, что командорские пушные богатства являются исключительно достоянием алеутов, и привычку промышленников добывать песцов более, чем разрешается надзором. Скрытый излишек идёт в частную продажу на пароходы разным приезжим спекулянтам почти всегда в обмен на спирт. В зиму 1920 года, по собранным мною неофициальным сведениям, промышленниками острова Медного добыто минимум 650 песцовых шкур. Исключив из этого количества 252 экземпляра, упромышленных с разрешения администрации и сданных по акту в казну, остальные 400 штук составляют тайный убой.

В зиму 1922–23 годов цифра тайно упромышленных песцов достигла 400–500 штук.

Ввиду полной безнаказанности, нужно ожидать тайного убоя песцов и в дальнейшем. Малочисленная администрация островов при существующих условиях воспрепятствовать хищничеству не в состоянии и, если не будут приняты соответствующие меры, промысел грозит окончательно прекратиться.

Время промысла истекшего года совпало с неблагоприятными климатическими условиями. Запоздалая зима, малоснежие и оттепели с дождём препятствовали правильной постановке капканов; потом длительные пурги заносили капканы толстым слоем снега. Производить же охоту на ружьё не позволяли тёмные ночи.

В некоторых местах неделями не являлось возможности перейти непропуски; промышленники, будучи заперты в какой-нибудь бухте, вынуждены были ограничить район охоты лишь незначительной частью своего ухжа. В зависимости от условий местности, промысел производился на капкан или ружьё.

Уменьшение зверя стало наконец настолько велико, что об этом начали поговаривать и сами алеуты. Причинами такого явления они считали: во-первых, производство промыслов без очередных запусков начиная с 1917 года; во-вторых, хищничество японцев, разорывших песцовые норы, и, в-третьих, пребывание значительного количества песцов внутри острова у незамерзающих ключей.

Признавая основательность перечисленных причин, нельзя не упомянуть, что главнейшей из них является хищничество самих алеутов. От промышленников, тщательно скрывающих результаты своих наблюдений, добиться определённых данных невозможно. Обыкновенно на вопрос о числе зверя алеуты отвечают уклончиво: «не знаю», «не подсчитывал» и т. п.

Из наблюдений чинов надзора как во время промысла, так и по окончании его, особенно в период брачных взаимоотношений, без особых оши-

бок можно прийти к заключению, что число оставшихся после промысла 1922 года песцов на острове Беринга не превышает 1 500 экземпляров.

Нижеприведённые таблицы количества песцов на Командорских островах составлены из расчётов, что одна пара старых животных принесёт в год потомство 1,5 молодой особи и 1 пара молодых — $3/4$ пары щенков (т. е. 2 пары — трёх щенков). Естественная смертность старых — 10% и молодых — 20%. Цифры приплода, для избежания ошибок в сторону увеличения, взяты минимальные, так как обыкновенно помёт щенков у старой пары песцов бывает от 4 до 10 экземпляров. Расчёт сделан в парах.

Для острова Медного общую численность песцов, оставшихся после убоя, согласно имеющихся наблюдений, можно без особой ошибки определить в количестве 140 пар, из коих 90 старых и 50 годовалых. Здесь будет и иной расчёт приплода, а именно: одна пара старых песцов даст годовое потомство в 2 пары, а одна пара молодых — одну пару. Смертность остаётся та же — 10%.

ОСТРОВ БЕРИНГА

Возраст песцов	1923	1924	1925
Старых песцов	350	270 ¹	387
Годовалых	400	660	720
Сеголеток	350+1½ пр. пот. ² =525 400—10% смерт.300 825	270+1½ пр. пот.= 405 660—10% смерт.495 900	387+1½ пр. пот. = 583 720—10% смерт.=540 1 123
Всего песцов	350+400+825=1 575	270+660+900=1 830	387+720+1123=2 230
Убито старых и годовалых	450	500	600
Осталось	1 125	1 330	1 630

ОСТРОВ МЕДНЫЙ

Возраст песцов	1923	1924	1925
Старых песцов	90	36 ²	84
Годовалых	50	207	251
Сеголеток	90×2=180 50×1=50 230	36×2=72 207×1=207 279	84×2=168 251×1=251 419
Всего песцов	90+50+230=370	36+207+279=522	84+251+419=754
Убито старых и годовалых	100	150	300
Осталось	270	372	454

Морские котики

К Командорским островам морские котики подходят в июне, июле и августе месяцах, а после бывают у берегов Камчатки больше, чем около Америки. На Камчатке они держатся около реки Жупановой и около Кроновского мыса.

¹ Цифра 270 получена из 350+400, 750—450, 300—10% — 270.

² Потомства.

Лежбище Водопад на о. Беринга

Вред, принесённый хищнической охотой японцев, в последнее десятилетие исчисляется не только количеством убитых животных (главным образом маток), но также громадным процентом утонувших подранков, не говоря уже о гибнущей молодёжи. Кроме того, вероятно, гибнет много маток весной на пути к островам. В море беременная матка представляет из себя лёгкую добычу для человека и для косатки.

Убой молодых самок, собственно говоря, начался давно, сперва на Прибыловых островах, потом на Курильских и в последние годы на Командорских.

Вследствие хищничества японцев множество котиков было выбито. На острове Беринга старые самцы сделались редкими, тогда как уменьшение количества самок не так ещё бросалось в глаза.

На острове Медном, напротив, старых самцов больше, а количество самок уменьшилось в громадной степени. Избиение самцов в лучшие периоды их жизни ведёт к тому, что прекращаются их производительные способности и тем уменьшается в значительной степени количество рождающихся детёнышей.

Отношение количества секачей к маткам в те же последние три года можно видеть из следующей таблицы:

Группы котиков	1919 г. 4 августа	1920 г. 7 августа	1921 г. 13 августа
Секачей гарем.	202	153	300
Маток	2 808	4 418	2 390
Секачей безгар.	163	270	257
Отношение в гарем. числа секачей к маткам	1:14	1:29	1:8

При полном недоверии к данным караулов, всё же бросается в глаза излишек секачей. За исключением 1920 года, когда отношение 1:29 было нормальным, если цифру маток — 4 418 признать достоверной, в 1919 году таковое повышается до 1:14, в 1921 году — 1:8, а в 1922 — 1:5, т. е. гораздо

Лежбище котиков на о. Беринга

выше принятого ныне в американском стаде — 1:35. Наличие же ещё громадного числа безгаремных секачей является постоянной помехой для нормальной жизни гаремов и служит показателем полной бесхозяйственности.

В настоящее время на острове Беринга существует только одно котиковое лежбище, «Северное», расположенное верстах в 15–17 от с. Никольского, на самой северной оконечности острова.

Лежбище состоит из отдельных участков, носящих названия: Риф, Сивучий Камень и Малый Сивучий Камень.

По журналам караула, производящего глазомерный подсчёт котиков на северном лежбище острова Беринга, видно, в каких цифрах выражался привал котиков по годам:

1919	3 895 котиков	1921	4 760 котиков
1920	3 371 »	1922	3 642 »

В течение последних лет на северо-западной оконечности острова, у бухты Песчаной, неоднократно наблюдалась на воде группа морских котиков. По мнению опытных промышленников, возможно ожидать образования нового лежбища, если животных никто не будет тревожить.

По своему местоположению эта бухта является удобным местом для лежбищ; у берега есть много рифов, о которые разбиваются буруны. Наблюдения караула должны установить, состоится ли в настоящем году выход на берег секачей и маток, а также появятся ли чёрные котики, присутствие которых и установит образование нового лежбища.

На Медном в настоящее время существуют 8 котиковых лежбищ: Лебязье, Урилье, Палата, Запалата, Секачинское, Водопад, Говорушечье и Бабиный Подъём. Все они расположены по юго-западной стороне острова.

Подсчёт котиков на лежбищах острова Медного выражается в следующих цифрах:

1919	11 023 котика	1921	14 105 котиков
1920	9 595 »	1922	10 315 »

Лежбище Секачинское. О. Медный

Тревожимые хищниками, котики в течение последнего пятилетия образовали новое, довольно значительное лежбище на южной оконечности острова Медного.

Установить хотя бы приблизительно его численность не удалось за отсутствием систематических наблюдений. Посещение нового лежбища сопряжено с большими неудобствами. В хорошую погоду, при отсутствии прибоя, возможно зайти на шлюпке в открытую бухту Большую, расположенную неподалёку от лежбища; сухопутных путей сообщения нет. Только лучшие ходоки из алеутов пробирались туда по обрывистым скалам с риском сорваться в пропасть. Особенно труден подъём с перешейка. Его можно значительно облегчить при помощи верёвок, для чего необходимо протянуть их по склонам ущелий и надёжно укрепить на крепко вбитых в камни железных стержнях.

Главной причиной, вызвавшей образование нового лежбища, чины надзора считают усилившееся хищничество со стороны охранников-алеутов.

Одновременно с появлением котиков на юго-восточной оконечности число зверя на некоторых из ближайших к Глинке лежбищ заметно стало уменьшаться. Одно из них, Западное, совершенно прекратило своё существование.

Какая же причина столь быстрого сокращения числа котиков на Командорских островах? Любопытно по этому поводу привести историческую справку. Запрещение убоя котиков, хотя бы в течение одного года, на котором настаивал главноуправляющий делами Российско-американской компании, даже в то время было более чем необходимым. По его настоянию, первый запуск на котиков был в 1844–1847 годах. Затем следовал период массового избиения котиков на лежбищах, потом хищничество японцев в море, новый запуск с 1911–1914 годов и, наконец, хищничество самих командорцев, продолжающееся и ныне. Некоторую пользу для выяснения этого вопроса может

Часть лежбища Лебяжьего. О. Медный

оказать следующая справка: в 1910 году, когда мясной вопрос для алеутов почти не существовал (тушки котиков в большом числе бросались на подкорм песцам), им было разрешено поднимать в свою пользу серых котиков, убитых бурунами. Сразу убитых бурунами животных оказалось 800. Кроме того, некоторое количество поступило тайком на пароходы. В 1911 году такого разрешения дано не было, и число убитых бурунами котиков сократилось до 100 штук.

Алеуты, правда, защищают лежбища котиков от нападения морских зверопромышленников, но делают они это, конечно, по соображениям чисто эгоистического характера.

Общность интересов населения и охраны делает положительно невозможным получение хоть каких-нибудь сведений расспросным путём.

Спрашивается, возможно ли, при воззрениях алеутов на пушные богатства островов как на свою собственность, допустить хоть на миг, что береговая охрана отвечает своему назначению?

Вокруг Командорских островов и в особенности в проливе между ними, большими стаями держатся свирепые косатки (*Orca gladiator*). Эти китообразные являются тиграми среди морских зверей. Неоднократно была замечена охота косаток на котиков. Надо полагать, что много котиков гибнет от них во время путешествия по Великому океану, и в особенности по мере приближения к Командорским островам.

Морские бобры

Во время пребывания Steller'a в 1741 году на острове Медном бобры там не водились, но зато они во множестве обитали на острове Беринга. Затем, с переселением алеутов на этот остров, начинается период их беспощадного истребления (1742–1750 годы). Так, в 1745 году промышлен-

ники Басов и Трапезников добыли 1 600 бобровых шкур, а в 1748 году они снова добыли там 1 350 бобров. С начала сороковых годов прошлого столетия бобры с Командорских островов исчезли совсем. Появление их на острове Медном совпадает с усиленной охотой за ними американцев и японцев на Курильских островах.

Бобровый промысел за 1899–1903 годы достигает до 200–250 бобров в год, т. е. одной десятой всех предполагаемых животных. Десять лет тому назад добывали ещё на Командорских островах около 350 бобров в год, а в 1910 году было добыто лишь 93 зверя.

Современное количество бобров, живущих на островах, является только печальной тенью тех многочисленных табунов, которые находили себе когда-то приют у безлюдных, пустынных берегов.

Ниже приведены результаты промысла бобров в течение 5 последних лет:

1917 год	31 бобр и 1 медведка
1918 год	31 »
1919 год	23 »
1920 год	17 »
1921 год	10 »

Морской бобр — очень пугливое, очень чуткое и осторожное животное. Если землетрясение или хищники беспокоят бобров, они покидают лежища и уходят на значительные расстояния, ища пустынных берегов с подводными камнями и морской капустой. Даже проходящий мимо пароход своим дымом заставляет бобров уходить и искать нового места, и пройдёт много времени, пока бобры снова вернуться на старые камни. Зная это, хищники, чтобы отогнать бобров от берегов, мажут камни лежища смолой, запах которой действительно отгоняет бобров в море, где шхуны, воспользовавшись этим, промышляют их.

К великому счастью для бобров, энергия администрации натывается на непреодолимое препятствие в лице самих алеутов. Алеуты — это антиподы охотников, если под последним разумеют людей, вносящих в преследование зверя страсть. Бобров спасает отчаянная лень командорцев.

Число замеченных в 1921 году животных, согласно записей караульного журнала, достигло 155 голов, а в 1922 году наивысшее количество бобров, замеченное в один день (14 июля), достигло 175 экземпляров. По словам алеутов, есть один бобр снежно-белого цвета (альбинос).

Принимая во внимание крайнюю осторожность зверя, а также отсутствие единовременных наблюдений по всему пространству заповедной полосы, можно считать, как показала практика предыдущих лет, общую численность бобров на северной оконечности острова Медного вдвое больше обнаруженной, т. е., в данном случае, до 300–350 экземпляров.

Изредка встречались бобры также на южной оконечности острова Беринга, но за отсутствием систематических наблюдений определить число их не представляется возможным. В последние годы беринговские промышленники неоднократно замечали бобров у мыса Манати.

Опытные медновские промышленники единогласно утверждают, что число бобров с каждым годом заметно увеличивается. По мнению тех же промышленников, скорому восстановлению бобровых стад, истреблённых

хищниками в период от начала русско-японской войны до заключения Вашингтонской конвенции о международной охране котиков, мешают возобновившийся в последние годы хищнический убой зверя японцами и сетной промысел, который будто бы в сильной степени распугивает бобров. Факты хищничества, зафиксированные документами, дают неоспоримые доказательства правильности высказанного промышленниками мнения относительно урона, наносимого японцами, но подтверждение вреда сетного промысла может быть установлено только многократными, тщательными наблюдениями.

Не боясь впасть в ошибку, следует сказать, что едва ли можно изыскать такие способы промысла, которые дали бы возможность избежать распугивания бобров, так как уже одно присутствие людей отражается на спокойствии осторожного зверя.

Крайне полезно, в виде опыта, параллельно с сетным промыслом, ввести применение для бобров винтовки с глушителем звука выстрела.

Вначале следует разрешить бой бобров такими винтовками в районе северо-западной оконечности, начиная от ближайшего к лагерю пролива Сулковского до Красного Мыса включительно, во время сетного промысла.

Успешный бой с помощью глушителей приходящих в большом количестве на острова сивучей в значительной степени облегчил бы заготовку мясных запасов, как для пищи, так и для корма песцам. Всех винтовок необходимо 12 штук — шесть на острове Медный и столько же на острове Беринга.

Промысел за последние годы

Сведения о пушнине, добытой в 1920 году на Командорских островах

Наименование пушнины	С о. Беринга	С о. Медного	ВСЕГО
Шкур холостяков	818	—	818
» секачей	75	—	75
» серых котиков	4	—	4
Лоскутов гол. песцов	1	—	1
Шкур гол. песцов	614	250	864
» бел. песцов	6	—	6
Лоскутов гол. песцов	2	2	4
Шкур морских бобров	—	17	17

Промысел в 1921 году

Наименование пушнины	С о. Беринга	С о. Медного	ВСЕГО
Шкур холостяков	2	29	31
» маток	—	1	1
» холост. дохл.	3	—	3
» секачей	66, из них розд. 50 пром.	—	16
» бобров	—	10	10
» гол. песцов	700	102	802
» гол. песцов, поднятых дохл.	6	1	7
Лоскутов гол. песцов	2	—	2
Шкур бел. песцов	—	—	—

Промысел в 1922 году			
Наименование пушнины	С о. Беринга	С о. Медного	ВСЕГО
Шкур холостяков	76	—	76
» секачей	34 (все розданы)	—	—
» маток	1	—	1
» сер. котиков	2	—	2
» бобров, сданных без сорт.	—	1	1
» бобров 2 сорта	—	1	1
» гол. песца 1 сорта	521	177	698
» гол. песца 2 сорта	41	11	52
» гол. песца 3 сорта	2 (подн. дохлыми)	—	2
Лоскутов гол. песца подн. дохл.	6	—	6
Шкур бел. песца	15	—	15

На острове Беринга специального места для хранения шкур не имеется. Арендаторы островов обыкновенно держали шкуры на чердаках продовольственного склада. После перехода эксплуатации промыслов в казну шкуры развешивались в верхней комнате здания уездного управления. Теперь эта комната, вследствие порчи крыши, не может служить для этой цели, почему в прошлую зиму шкуры песцов пришлось повесить в коридоре здания школы.

На острове Медном меха хранятся в квартире помощника начальника Командорских островов, в двух шкафах.

Такие условия хранения ценной пушнины надо считать неудовлетворительными.

Заключение

Просматривая библиографию, мы видим, что ни о чём так много не писалось, как о злополучных Командорских островах. Книги, доклады, отчёты следовали друг за другом. В виде больших фолиантов и тонких брошюр они печатались, издавались и прятались в шкафах для того, чтобы к этому вопросу прибавить в библиотеке ещё несколько номеров. Исписаны кипы бумаги, а дело нисколько не подвинулось вперёд.

Надо считать, что вопрос о Командорских островах достаточно уже освещён. Теперь следует наметить план работ и проводить его в жизнь из года в год систематически и планомерно.

Прежде всего надо решить кардинальный вопрос — что из себя представляют Командорские острова: местожительство алеутов или естественный питомник пушных зверей, имеющий государственное значение?

Если это просто местожительство 364 алеутов, то немедленно следует убрать оттуда надзор и охрану и предоставить местным жителям избивать бобров, котиков и песцов, оставив навсегда всякие заботы со стороны казны о снабжении их продовольствием и предметами первой необходимости.

Если это естественный питомник ценных пушных зверей, имеющих государственное значение, то и отношение к нему должно быть как к таковому.

Всякое другое решение будет неудачным компромиссом, от которого будут страдать интересы населения и интересы Республики.

Ниже приведены те мероприятия, которые необходимо провести в жизнь, как в видах благосостояния жителей на Командорах, так и ради сохранения пушного зверя.

В самом деле, пушное хозяйство на Командорах не сложно, оно проще обыкновенного скотоводства; нужно только вести это хозяйство с тою осмотрительностью, которая отсутствовала раньше. Надо организовать его так, чтобы не было избыточного боя песцов, котиков и бобров и чтобы всегда в запасе находился достаточный контингент молодых самок.

Далее, единственными способами обогащения лежбищ котиками должны быть:

1. Полное запрещение ловли котиков на вечные времена в открытом море в полосе 250 вёрст во все стороны от островов.
2. Установить следующее положение, в силу которого Дальрыбохота должна раз и навсегда отказаться от управления Командорскими островами в административно-политическом отношении, так как совмещение в лице начальника Командорских островов, назначаемого Дальрыбохотой, всех функций по управлению последними крайне вредно отражается на деле, мешает его прямой работе по заведыванию промыслами, а также и его научным занятиям и, в связи с этим, полагает:

1) ходатайствовать перед кем следует о назначении на Командоры ответствующих лиц для несения работ по административно-политической части;

2) присвоить, в силу вышесказанного, должности сотрудника, заведующего промыслами, наименование: «начальника промыслов на Командорских островах».

3. Выселить в течение ближайших двух лет с Командорских островов на Камчатку всё признанное излишним население, согласовав этот вопрос с Камчатской администрацией, ибо содержание такого числа работников (364 души алеутов обоего пола) не вызывается потребностью самих промыслов и является, следовательно, нерациональным с хозяйственной точки зрения, а установившийся порядок подкармливания не желающих заниматься каким-либо трудом алеутов — противоречит основным принципам Советской власти.

По точному подсчёту для правильного несения караульной службы и производства пушного промысла в масштабе раза в два больше, чем настоящий, необходимо оставить на островах следующее количество промышленников:

	На о. Медном	На о. Беринга
Караул	26 чел.	16 чел.
Промышлен.	14 чел.	19 чел.
	Итого40 чел.	35 чел. ¹

Таким образом, из 60 промышленников, живущих на острове Медном, необходимо выселить 20 или 1/3 и из 70 алеутов на острове Беринга — 35, т. е. половину.

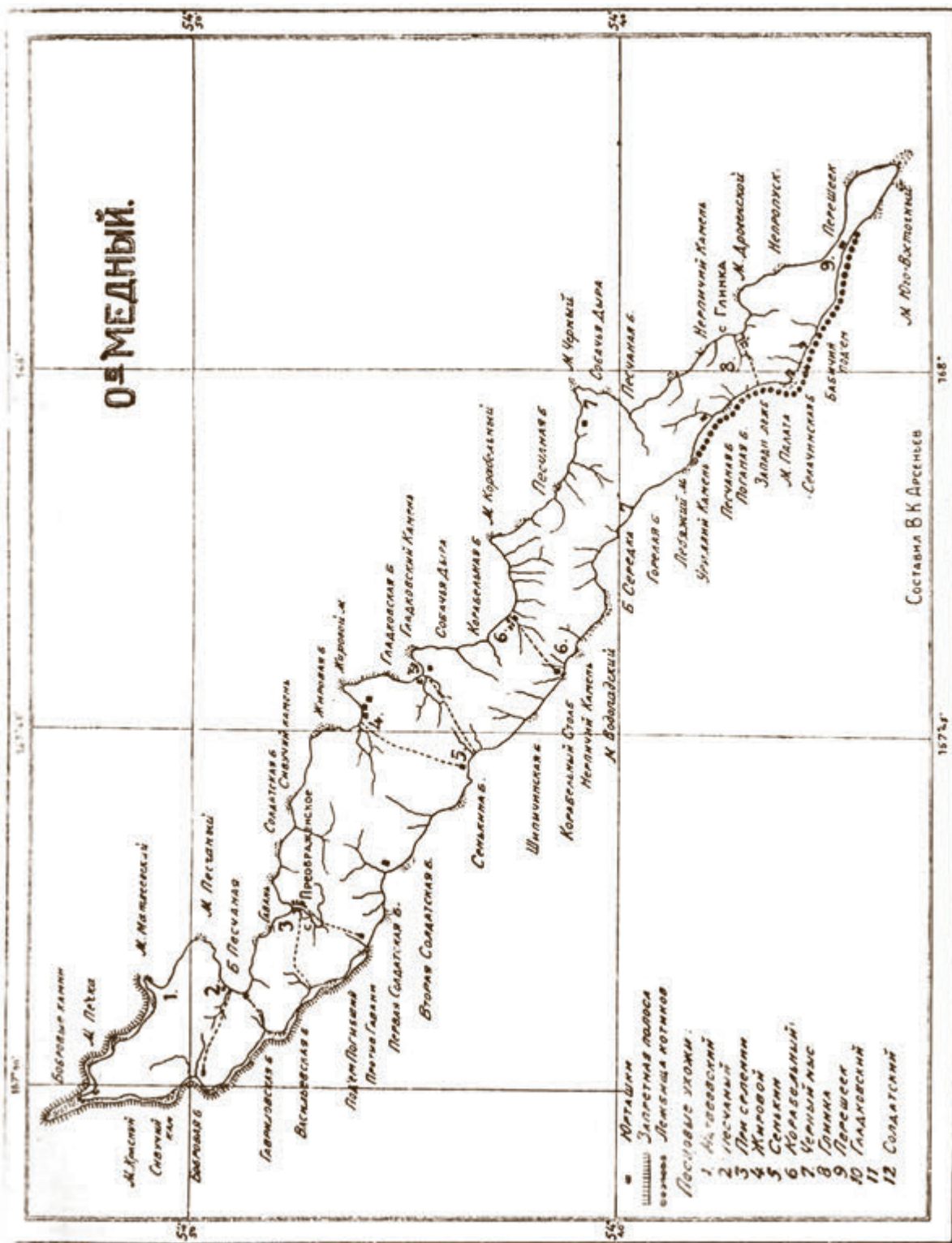
Опыт переселения алеутов к мысу Лопатка оказался неудачным. Чтобы не повторить этих ошибок, надо командорцев сажать на материке небольшими группами среди русского населения с годовым запасом продовольствия и денежной ссудой на обзаведение хозяйством, чтоб они за это время, глядя на соседей, могли усвоить новые формы жизни. Выселяемых необходимо снабдить рыболовными сетями и промысловым снаряжением. Каждый промышленник, выселяемый с Командорских островов, должен получить кроме этого одну упряжку собак с нартами. Для всех выселяемых алеутов надлежит, взамен оставляемых на Командорах домов, выстроить таковые там, где будет избрано место для их заселения.

4. Проживающих на островах алеутов рассматривать не как вольных охотников, а как служащих Дальрыбохоты. Вследствие чего добываемая ими пушнина не является частной собственностью, а принадлежит государству, как упрощенная в его питомнике, на содержание которого тратятся большие денежные средства. А потому выдача алеутам продуктов питания и предметов первой необходимости должна производиться только за фактически произведённую ими работу.

Оставленных на островах алеутов необходимо использовать как для целей промысла, так и в особенности для проложения необходимых дорог,

¹ 75 промышленников с их семьями.

устройства телефонной сети и охраны островов. Должны быть выработаны такие нормы оценки труда алеутов, применительно к существующим ставкам на материке. Наиболее подходящей является годовая оплата труда по категориям работы.

Расценка шкур должна определяться на каждый год в зависимости от количества назначенного к промыслу зверя. При большом количестве его пошкурная плата понижается, при меньшем — повышается.

5. Повести самую решительную борьбу с хищниками японцами и алеутами, приняв все меры, чтобы вся тайно упромышленная и скрываемая ими пушнина была сдана начальнику промыслов Командорских островов.

6. По выселении части алеутов на материк материал от оставшихся после них домов израсходовать на приведение в жилое состояние остальных зданий.

7. Вследствие незнакомства алеутов с плотничным, кузнечным ремёслами и кладкой печей из кирпича, послать на Командорские острова в качестве инструкторов трёх человек рабочих указанных специальностей. Летом означенные люди будут заняты ловлей рыбы для песцов, ремонтом здания и всеми другими текущими работами. Зимой эти рабочие будут исполнять обязанности сторожей при ловушках-кормушках, канцелярии, а на острове Беринга, кроме того, два из них будут заняты по уходу за лошадьми, волами и собаками.

8. Так как на Командорах имеется чрезвычайно много ездовых собак, содержание которых, с одной стороны, обходится крайне дорого и, с другой стороны, не вызывается какой-либо необходимостью, а, напротив, способствует только хищничеству алеутов, принять меры к совершенному уничтожению собак, заменив их другими рабочими животными, или, в крайнем случае, довести их число до минимума.

9. Доставить на Командоры в распоряжение начальника промыслов одно небольшое орудие с огнеприпасами к нему для борьбы с хищниками.

10. Многолетний опыт по наблюдению за охотой на бобров показал, что количество найденных алеутами, якобы, дохлых бобров с каждым годом увеличивается. Промышленники, препровождая шкуры таких животных, не представляют никаких положительных данных, кои служили бы доказательством того обстоятельства, что шкуры эти действительно были сняты с павших животных. Алеутами в данном случае руководит исключительно только денежная заинтересованность, так как стоимость шкуры морского бобра, найденного дохлым, по ни на чём не основанному праву, всецело поступает в распоряжение промышленника.

Подобное расхищение пушных богатств Командорских островов, безусловно, недопустимо. Павшие бобры являются такой же собственностью Республики, как и добытые на охоте, и на общем основании должны поступать в доход казны.

11. Дабы пушнина не теряла ценности, необходимо построить специальную камеру или устроить в одном из казённых зданий надлежащее хранилище для шкур, солидно обезопасив его от вторжения мышей.

12. Настоятельно необходимо на острове Медном поставить маленькую радиостанцию, для связи с островом Беринга.

13. Все посёлки на островах и места пребывания караулов должны быть соединены телефонами, дабы по вызову вся охрана могла сконцентрироваться в одном пункте.

14. Чтобы не таскать шкур с отдалённых лежбищ, делают отгоны котиков на далёкое расстояние, иногда даже через весь остров, отчего много животных запаливается и гибнет. Нужно устроить засольные сараи около самих лежбищ. Там же медновцы могли бы для себя засаливать и котиковое мясо.

15. Надо уничтожить динамитом непропуски в тех местах, где они мешают сообщению по намывной полосе прибоа.

16. Там, где приходится карабкаться по кручам, следует положить деревянные лестницы.

17. Для охраны островов со стороны моря необходимо завести моторные шлюпки такого размера, чтобы сама команда могла их втаскивать на берег в любом месте и в любое время. Кроме того, необходим ещё один большой моторный катер, такого же типа, как и имеющийся ныне, только с ходом в 8—9 миль в час.

18. На катер надо дать одну специальную пушку и снаряды с гарпунами для боя косаток, которые подпускают к себе очень близко. Убитые животные будут прибукироваться к берегу и оставаться на лайде для подкормки песцов.

19. Ныне за недостатком котикового мяса командорцам пора переходить на рыбу. На острове Беринга река Саранная изобилует красной рыбой, которая входит в неё во множестве. На острове Медном следует организовать весьма прибыльный промысел судачков.

20. На острове Беринга доктором Дыбовским была сделана попытка разведения северных оленей. В 1882 году туда доставлено было 4 самца и 11 маток. Попытка эта увенчалась успехом, и олени стали быстро размножаться. К 1910 году там насчитывалось уже около 150 голов животных.

В конце концов благое начинание Дыбовского свелось на нет. Этому было две причины: 1) случайная и 2) хищничество самих алеутов. Первая причина: в южной части острова Беринга есть длинные узкие ущелья. Зимой на верхних краях таких ущелий скопляется много снега. Места эти очень опасны, потому что достаточно бывает порыва ветра или более или менее сильного сотрясения воздуха, чтобы произошёл обвал. Однажды во время снежной бури большое стадо оленей забило в такое ущелье, где и погибло в момент землетрясения. Вторая причина: несмотря на запрет, алеуты всегда потихоньку били оленей. Тогда зверь стал удаляться в южную часть острова, где и пропал от бескормицы.

Следует вторично привести оленей, но на этот раз с оленеводами.

21. Из других мероприятий, направленных в сторону материального улучшения жизни командорских жителей, следует указать на переселение на остров Медный горных баранов с полуострова Камчатки.

22. Из домашних животных и птиц можно и следует разводить коз, свиней и кур.

23. Доставить с севера несколько пар лемингов. Эти грызуны невероятно скоро плодятся и на севере составляют любимую пищу песцов.

24. Для обслуживания Командор нужно иметь специальное судно грузового типа, около тысячи регистровых тонн, с небольшим количеством пассажирских кают. Таким именно был пароход «Котик» (теперь «Ставрополь»). Исполняя поручения Дальрыбохоты, он мог бы содержать себя, перевозя частные грузы и пассажиров.

Неотложность вышеперечисленных мероприятий к упорядочению пушного хозяйства на Командорских островах — очевидна, почему надлежит приступить к нему немедленно. Только при этом условии Командоры могут приобрести значение неприкосновенного капитала, проценты с которого в виде избытка зверей могут быть вывозимы на другие острова и на материк в целях промышленного звероводства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Географический очерк.....	320
Исторические данные.....	321
Современное состояние островов.....	324
Население.....	326
Школа.....	330
Радиостанция.....	331
Снабжение островов продовольствием и предметами первой необходимости.....	332
Промысловый надзор.....	333
Хищничество.....	334
Охрана котиковых и бобровых лежбищ.....	336
Ездовые собаки.....	336
Песцы.....	338
Морские котики.....	343
Морские бобры.....	347
Заключение.....	351

7336
A853

ВЛАДИВОСТОКСКОГО ОТДЕЛА
ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
(ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ АМУРСКОГО КРАЯ)

В. К. АРСЕНЬЕВ

ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД
И ПЕРВОБЫТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

ИЗДАНИЕ ВЛАДИВОСТОКСКОГО ОТДЕЛА ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ВЛАДИВОСТОК
1929

ав. 1305

Проверено
1956 г.

✓ 1В36

В. К. Арсеньев.

A853

Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири.

Ледниковая эпоха Евразии.

По схеме Пенка в четвертичную эпоху Европа четыре раза покрывалась льдом и четыре раза сбрасывала с себя ледниковое покрывало (1—42). Значит, мы можем говорить о ледниковых и межледниковых периодах. По этой же схеме четвертое обледенение было «лебединой песней» дилювия, и современное человечество как бы живет в четвертом межледниковом периоде, который принято называть аллювием.

С некоторой долей опаски, пожалуй, можно сказать, когда последний раз льды оставили Западную Европу и Северную Азию.

Определяется это «подсчетом времени», которое потребовалось для отложения осадков в озерах четырех кантонов в Швейцарии. По определению Гейма, для этого нужно было 16 000 лет, что вполне соответствует времени, истекшему от последнего отступления швейцарских ледников. На основании исследований размывания дождями и реками моренных отложений, период времени с начала отступления ледников также определяется в 15 000 лет. Новый метод исчисления ледниковых периодов, предложенный де-Геером, основан на изучении следов отступающего ледника в тонких

В. К. Арсеньев

**Ледниковый период
и первобытное население
Восточной Сибири**

Издание Владивостокского отдела Государственного русского
географического общества
Владивосток
1929

ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД И ПЕРВОБЫТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Ледниковая эпоха Евразии

По схеме Пенка, в четвертичную эпоху Европа четыре раза покрывалась льдом и четыре раза сбрасывала с себя ледниковое покрывало (1–42). Значит, мы можем говорить о ледниковых и межледниковых периодах. По этой же схеме четвертое обледенение было «лебединой песнью» делювия, и современное человечество как бы живёт в четвертом межледниковом периоде, который принято называть аллювием.

С некоторой долей опаски, пожалуй, можно сказать, когда последний раз льды оставили Западную Европу и Северную Азию.

Определяется это «подсчётом времени», которое потребовалось для отложения осадков в озёрах четырёх кантонов в Швейцарии. По определению Гейма, для этого нужно было 16 000 лет, что вполне соответствует времени, истекшему от последнего отступления швейцарских ледников. На основании исследований размывания дождями и реками моренных отложений период времени с начала отступления ледников также определяется в 15 000 лет. Новый метод исчисления ледниковых периодов, предложенный де Геером, основан на изучении следов отступающего ледника в тонких слоях почвенных отложений. По этим исчислениям установлено, что на широте Берлина ледники отошли 14 000 лет до н. э. или 16 000 лет до нашего времени. По тем же геологическим часам на материке Северной Америки геолог Дингель «определил период времени от начала отступления ледников последней ледниковой эпохи к северу в 78 веков» (2–34). Известно, что в европейской части Союза материковый лёд занимал пять шестых всей площади. Свободными ото льда были Бессарабия, Херсонская губерния, Крым, область Войска Донского, вся Воронежская и прилегающие к Волге части Саратовской, Симбирской и Казанской губерний. По Днепру ледниковый язык спускался до 49° с. ш. (7–26).

«По окраине этого громадного материкового льда в Сибири, вероятно, была развита настоящая тундровая жизнь» (1–64), а южнее были небольшие перелески из ели, лиственницы и берёзы. Хотя, по мнению Тутковского (3–2), возможно, что около ледников климат был и не так суров.

Южнорусская растительность характеризовалась каштаном, белой акацией, миндалём, грецким орехом, тутовым деревом и др. В последнее время были сделаны замечательные находки межледниковых отложений в

Московской губернии и в долине реки Оки, в озёрах, на которые впоследствии снова надвинулись льды. Здесь среди других растений найдены были: *Fagus silvatica* L., *Taxus baccata* L., *Quercus pedunculata* Ehnh., *Trapa natans* L. et cet. (1–77).

Там же были обнаружены кости мамонта и носорога, что позволяет отнести эти отложения к межледниковому периоду. Такие же озёрные отложения найдены в Люблинской, Могилёвской, Калужской и даже в Вятской губерниях.

Факты нахождения вышеперечисленных растений после третичного периода в эпоху делювия с неоспоримой ясностью свидетельствуют о существовании на территории европейской части Союза по крайней мере одного межледникового периода.

Число фаз обледенения в России служит предметом разногласия специалистов. Большинство геологов склоняется к тому, что в межледниковые периоды вся масса льда, покрывавшего Россию, не успевала растаять, и если растаяла полностью, то только один или два раза.

Что же в это время происходило в Сибири? Обермайер говорит: «Сибирь в ледниковый период находилась под сплошным толстым покровом континентального льда толщиной в несколько сот метров, подобно тому, как и в настоящее время она покрыта на северном побережье Ледовитого океана и на Новой Земле. Это огромное скопление льда получило возможность прийти в движение, подобно настоящему глетчерному льду, лишь в весьма немногих пунктах по берегам морей и на немногочисленных горных хребтах. Большею же частью он лежал совершенно неподвижно в виде мёртвой континентальной массы на необъятных равнинах сибирских тундр и потому не мог оставить после себя настоящих глетчерных отложений» (1–38).

Сибирь была покрыта льдами подобно тому, как в настоящее время покрыта ими Гренландия и отчасти северное побережье Сибири у Ледовитого океана. Там, около устьев Яны, Лены, Индигирки и на Новосибирских островах, мы находим остатки ископаемого льда, возникшего в прежние геологические периоды. Мощность его на поверхности земли в настоящее время определяется в 120 метров. Сколько он продолжается ниже горизонта земли — сказать нельзя. Сверху лёд прикрыт толстым слоем торфа, на котором в летнее время прозябает типичная арктическая растительность.

Барон Толь назвал его «каменным льдом». Как самый лёд, так и торфяные на них наносы являются неистощимыми хранилищами трупов четвертичных животных и в особенности мамонтов. Эти массы льда можно считать за образования, которые раньше составляли одно целое с большим, лежавшим, по всей вероятности, в Сибири материковым льдом, который затем отступил. Таким образом, они представляют теперь единственные остатки оледенения целых местностей (4–113).

Часть берега между мысом Св. Нос и рекой Конечной (Оягосский яр), восточный берег Чаунской губы (Хапташинский яр) представляют собою красивую и оригинальную картину. «Они состоят из глины и льда — отложений ледниковых эпох. Особенно интересны обнажения двух слоёв „каменного“ льда, разделённых большим пластом межледниковой глины, со-

державшей остатки ископаемых животных и растений. Высота некоторых разрезов достигает 60 метров. В этих случаях спуск к морю имеет две террасы: верхняя часть верхней террасы и нижняя часть нижней террасы состоят из льда. В некоторых местах берег Оягосского яра состоит только из одного льда и представляет отвесные обрывы, подмываемые волнами океана и разрушаемые им; эти ледяные обрывы в некоторых местах имеют весьма причудливые и оригинальные извилины» (5–420).

«Между Колымой и Чаунской губою берега слагаются из тундровых слоёв, заключающих в себе мощные залежи почвенного льда, прекрасные выходы которого встречены были близ устья Большой реки» (6–89).

Это же подтверждает и известный знаток побережья Ледовитого океана М. Х. Караев. По его словам, около устья Большой Баранихи высокие береговые обрывы отодвинуты внутрь страны километра на четыре. Между ними и морем залегает широкая низменная полоса земли, большей частью тундровая. В означенных обрывах из-под слоёв торфа выступают на дневную поверхность громадные толщи материкового льда.

Восточнее Чаунской губы горные цепи морфологически отвечают альпийскому типу, «рельеф которого мог быть выработан только при участии ледниковой эрозии» (6–93).

По сведениям того же М. Х. Караева, на Чукотском полуострове, когда туземцы копают ямы, то под поверхностным слоем торфа часто натываются на чистый лёд, причём неизвестно, насколько глубоко он уходит в землю.

Суммируя всё вышеизложенное, можно допустить, что в то время, когда в Западной Европе была четыре раза смена ледниковой обстановки, в Европейской России она была один или два раза, а в Сибири всё время длился сплошной ледниковый период без перерыва. Когда Европа в последний раз сбросила с себя ледниковое покрывало, Россия ещё долгое время переживала эпоху делювия. Когда льды исчезли в Европейской России, они долго ещё лежали на обширных равнинах Сибири. Когда же, наконец, Сибирь освободилась от льдов, на территории нынешней Якутской автономной республики и в Чукотско-Анадырском крае ледниковая эпоха была ещё в полном разгаре.

По-видимому, арктическая Америка является тем «ледниковым полюсом», откуда льды распространялись в ледниковые периоды и куда они отступали в межледниковые периоды. По мнению Обермайера (1–540), когда в Европе климат изменился к лучшему, отступление ледников шло в северо-западном направлении. Даже в анциловый период Скандинавия ещё сохраняла на себе узкую полосу глетчерного льда. А в Сибири тоже по направлению к арктической Америке ледники отступали на северо-восток. Следовательно, мы должны теперь найти континентальные льды ещё северо-восточнее Чукотского полуострова. Так оно и есть! Муирский ледник в Аляске, спускающийся к самому морю и отделяющий от себя ледяные горы и громадный глетчерный покров Маласпинского ледника в области горы Св. Ильи (1–24), представляет собою обледенение целых местностей. Затем, в арктической Америке земли Бенкса, Виктории, Девисова и Гренландия переживают ледниковую эпоху и сегодня.

Возможно, что во время таяния льдов от массы воды, частью стекающей к югу, в центральной Азии образовывались обширные водоёмы:

Гоби и Шамо (Такла-Макан), впоследствии осохшие и превратившиеся в пустыни. Этот процесс осыхания продолжался и в историческое время. Он принудил людей покинуть города (Хара-Хото) и уйти в местности с более влажным климатом.

Ископаемые животные

На полуострове Камчатке, в долине реки того же имени, между селениями Шапиным и Машурой, ближе к последнему, в местности Коледец, там, где река в излучине подмывает правый высокий берег, имеются большие террасы, состоящие из мельчайшего серого вулканического песка. Террасы эти высотой до 120 метров. Наверху их вырос мачтовый лиственный лес. Этот песок — тонкий, чистый и чрезвычайно подвижный. Даже в тихую погоду видно, как там и сям по обрывам льются тонкие струйки песка. Достаточно окрика, чтобы число струй и размеры их увеличились. При выстреле из ружья появляются настоящие пескопады. Автор настоящей статьи в 1918 году проходил это место на моторном катере. От сотрясения воздуха, вызванного шумом мотора, когда катер поравнялся с террасой, она вся как бы ожила и весь обрыв в 120 метров высотой скрылся за песчаной завесой.

Так как песок постоянно осыпается, сверху нависли громадные деревнины, скреплённые корнями деревьев, причём некоторые лиственницы стоят ещё вертикально, другие немного наклонились в сторону реки, иные держатся как-то странно в горизонтальном положении, а некоторые повисли комлями кверху и вершинами вниз. Когда осыпавшиеся пески обнажат очень большую площадь корневой системы, деревья от тяжести обрываются и падают в реку одиночными экземплярами, по нескольку штук сразу, а иногда и целыми участками. Падающий лес увлекает за собою громадное количество песка. И можно представить себе, какие грандиозные обвалы здесь происходят! Тогда обнаруживаются торчащие из песка стволы погребённых в нём деревьев и кости ископаемых животных — главным образом мамонтов, первобытных быков и носорогов. Большинство костей попадает в нижних слоях невысоко над водою. То видишь челюсть или ребро носорога, то бивень или берцовую кость мамонта, то рог зубра и т. д.

Подходить к этому месту крайне опасно. Каждую минуту можно ожидать обвала сверху. Как раз у подножия террасы проходит русло реки, по которому вода идёт очень быстро. Очевидно, она уносит песок, потому что здесь река имеет значительную глубину (около 2,5 метра). Ещё опаснее шевелить эти кости. При попытке вынуть их тотчас песок обваливается и, падая в воду большой массой, увлекает за собою и палеонтологические находки. Таким образом, в реке должно было скопиться много костей. Добыть их можно, но для этого нужны какие-то инженерные работы и специальные машины, при помощи которых из воды подымают камни и другие тяжёлые предметы.

Моторный катер, на котором автор совершал путешествие, один раз сел на большой, как казалось, древесный обломок, который при внимательном осмотре оказался черепом мамонта. Здесь же повсеместно на галечниковых отмелях валяется множество коренных зубов мамонтов плохой сохранности. Кости и зубы мамонтов и носорогов были найдены также на

галечниковых отмелях: 1) в 4 километрах выше селения Верхнекамчатского и 2) между селениями Киргаником и Машурой (ближе к Кирганику).

Если допустить, что Камчатка раньше была островом, то соединение её с материком произошло раньше, чем вымерли мамонты, первобытные быки и носороги.

В 1923 году один из промышленников, добывавших ранее мамонтовую кость на Новосибирских островах, сообщил, что на острове Медном он нашёл скелет мамонта (?). По его словам, из земли торчала часть черепа с одним клыком. Если факт нахождения скелета мамонта на Командорских островах подтвердится, то находка эта будет иметь большое значение. Значит, острова эти составляли с Камчаткой одно целое и отделились от неё недавно.

В Сибири мамонт был весьма распространённым животным. Здесь встречаются «целые пласты постплиоценовых отложений, переполненных его остатками. С начала колонизации Сибири русскими поступило в продажу мамонтовых бивней, по крайней мере, от 2 000 животных. Почти треть всего количества слоновой кости, которая обращается ежегодно в мировой торговле, происходит от ископаемых мамонтов, находимых в Сибири» (8–522). В течение XIX столетия 21 раз были получены сведения о нахождении трупов *Elephas primigenius*. Находя скелеты и целые трупы и нигде не встречая живых мамонтов, туземцы решили, что зверь этот живёт под землёй и подыхает тотчас, как только покажется на дневную поверхность. Именно он и есть виновник землетрясений. Каждый раз при обнаружении трупа мамонта русские снаряжают экспедиции и принуждают туземцев вести их к месту находки. Чтобы избежать этой неприятности, чукчи стали скармливать мамонтов собакам.

Пищей мамонту в Сибири служили альпийские травы. При исследовании растительных остатков во рту мёртвого животного были обнаружены: тимьян, лютик, мак и другие цветковые растения.

Барон Толь сообщает, что однажды проводник его в подошве одного из обрывов нашёл целого мускусного быка, который в настоящее время водится только в арктической Америке (4–77).

«Количество костей на берегу Ледовитого океана весьма велико — в иных местах они рассыпаны в изумительном количестве, но всё же целых неломанных костей попадает не так много. Чаще всего находят кости мамонта.

Хапташинский и Оягосский яры, о которых говорилось выше, — не единственные места, где лёд и ледниковые глины выходят на дневную поверхность. Они встречаются довольно часто и в других местах побережья, по справедливости названного Миддендорфом „Мамонтовым берегом”» (5–420).

Вместе с костями мамонта и носорога не особенно редко попадают и кости ископаемого быка. Два черепа без роговых чехлов были найдены на заплеске правого берега реки, ниже урочища Крестов на Камчатке. «Кости носорогов находят не только в бассейне реки Индигирки, но и на Колыме. Отдельно находимые иногда рога носорогов считаются когтями огромной птицы. Группа полуразвалившихся кекуров на одной из вершин горы Егорьевича считается гнездом этой птицы» (9–257). Туземцы Якутской области называют этих воображаемых птиц «мамонтовыми цыплятами».

К востоку от Чаунской губы М. Х. Караев находил кости мамонтов: 1) на склоне горы Эсонин у мыса Кибера, 2) около мыса Северного на сопке, расположенной к юго-западу от эскимосского селения Рыр-Кайпия, 3) на мысу Дежнёва на склоне горы, в трёх километрах от берега моря и 4) недалеко от реки Анадыря, на западном берегу, при входе в залив Св. Креста, а капитан дальнего плавания Менгель, командовавший в 1922 году шхуной «Пенжина» (ныне «Брюханов»), видел целый скелет мамонта на восточном (камчатском) берегу Пенжинской губы, к северу от селения Каменского.

Нанесение на карту мест этих интересных палеонтологических находок даёт полную картину распространения мамонтов в Сибири. Оказывается, что они водились не только в арктической полосе Сибири, но и в более южных широтах (там, где ныне находят их кости) и, по-видимому, спускались до 56° широты.

Среди палеонтологических коллекций Хабаровского краевого музея имеются кости мамонтов и носорогов, вывезенные из Анадырского края. На них весьма явственно видны следы рук человека; видно, что они были в огне, потом их раскальвали для добычи мозга. Некоторые кости выскребались с концов каким-то коротким орудием. Затем человек взял другое орудие подлиннее, потом он кости бросил и их грызло какое-то животное, по зубам похожее на собаку. Предположение, что современный человек имел дело с костями уже вымерших животных, отпадает, потому что вся поверхность костей и следы обработки покрыты однотонной блестящей патиной жёлто-бурого цвета. Всякая более поздняя или новая царапина отличается свежестью и более светлой окраской.

Из этого следует, что на северо-востоке Сибири человек был современником мамонта и носорога и потому разрешение палеоантропологических проблем мы должны искать именно в Сибири, ибо только здесь возможно найти труп первобытного человека, подобно тому, как мы теперь находим трупы мамонтов. Сибирский ледниковый человек, по-видимому, застал и эласмотериума. «В тунгусских преданиях говорится о битвах с чёрным чудовищем огромной величины, которое посредине лба имело такой большой рог, что для перевозки его требовались отдельные сани» (8—526).

В Западной Европе мамонты начинают исчезать в конце третьего межледникового периода, который в истории человеческого прогресса носит название эпохи Солютре. В эту эпоху человек выискивает мамонтов бивни и делает запасы их. Значит, животное это стало очень редким (1—336). Когда мамонты исчезли в Западной Европе, они долго жили на территории нынешней Европейской России, а когда они вымерли в России, то в течение многих веков ещё бродили по тундрам Сибири (1—90, 91). В Северной Америке мамонт был самым распространённым животным послеледникового периода. Кости его встречаются часто в Аляске, в особенности около Берингова пролива. Не подлежит сомнению, что именно через Берингов перешеек они переселились туда из Азии в то время, когда оба материка соединялись довольно широкой полосой земли, южный край которой составляли Командорские и Алеутские острова. Вероятно, перешеек этот был покрыт льдами, и лишь около моря была узкая полоса земли, свободная ото льда, как это мы теперь наблюдаем в Гренландии. Тогда находка костей мамонта на Командорских островах вполне понятна и возможна.

По этому же мосту перешли в Америку лось, зубр, бобр, медведь и человек.

Итак, мы видим (на глобусе это особенно ясно), что отступление льдов на материке Евразии в начале аллювия происходило в направлении к арктической Америке. В этом же направлении шла и эмиграция многих делювиальных животных, в том числе и мамонта. Продвижению его из Европы на северо-запад был скоро положен предел на берегах Атлантического океана, а на северо-восток это продвижение происходило беспрепятственно, включительно до Аляски.

Остатки субтропической флоры и фауны на Дальнем Востоке

Хотя на Дальнем Востоке ещё не выяснено, насколько к югу спускались ледники, но уже имеется несколько опорных пунктов, которые позволяют до некоторой степени нанести на карту следы их распространения. «Князь Крапоткин наблюдал на Олекминском хребте эрратические валуны на высоте 500 метров над уровнем моря и на Витимском плато к юго-востоку от Байкала нашёл большое число мелких озёр и ледниковых шрамов, которые заставляют думать, что места эти некогда находились под ледяным покровом» (1–38).

Дальнейшие на Востоке следы ледников недавно найдены были к северу от низового Амура.

Отсутствие ледниковых следов (долины первичных рек по краям концевых морен, эрратические валуны, курчавые скалы, бараньи лбы и исполиновые котлы) убеждает нас в том, что в Уссурийском крае и в долине Амура в эпоху делювия ледникового покрова не было.

Это подтверждает и целый ряд случаев раздельного существования тождественных или близко родственных видов растений и животных, с одной стороны — в Западной Европе, Южной России и Кавказе, а с другой — в Восточной Азии, минуя Сибирь. Наоборот, палеонтологические исследования в Сибири указывают, что там в плиоценовую эпоху пресноводная фауна была близка к амурской.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что наземная и водная флора и фауна Амурского края, Маньжурии¹ и Японии носит реликтовый характер. Это есть остатки субтропической флоры и фауны, имевшей в верхнетретичную эпоху распространение по всему северному полушарию и затем вымершей в Сибири. Остатки такой флоры и фауны мы находим в Европе, на Кавказе и на Дальнем Востоке².

Какая же была причина исчезновения этой субтропической флоры и фауны на столь большом пространстве, как Сибирь? Исчезновение той и другой мы должны приписать ледниковому периоду. В эту эпоху в умеренных широтах растительное и животное население (Сибири) должно было вымереть или удалиться в более южные широты. Остались они лишь в тех

¹ Современное название — Маньжурия. — Прим. ред.

² В. М. Савич. Липа сравнительно недавно найдена в Кузнецком Алатау. Там она, несомненно, имеет островной характер, что лишний раз подтверждает наличие глетчерного льда в южной части Сибири в эпоху делювия.

местах, которые и в течение ледникового периода сохраняли более умеренный климат¹. Таковы — Кавказ, Манджурия, Корея и Япония (10–251–262).

Во время обледенения Евразии растительность северного полушария не исчезала совсем.

На юге были места, где, несмотря на изменившиеся климатические условия, она продолжала прозябать. Это были очаги флоры — так сказать, кадры межледниковой растительности.

Как только начиналось отступление ледников, она тотчас же оживала, распространялась и, можно сказать, следовала за ними по пятам. За растениями эмигрировали животные, а за животными — человек.

Таким очагом реликтовой флоры и фауны будет в Европе Балканский полуостров. Отсюда каштан распространился по всей Европе. Только здесь он растёт в диком виде². Здесь дольше всего держались львы, которые со времён азильской эпохи совершенно исчезли в Западной и Средней Европе. Геродот сообщает, что во время похода Ксеркса в Македонию львы нападали на его вьючных животных, а Аристотель проводит границу распространения львов в Европе реки Ресс и Ахеол (1–526).

Другой такой же реликтовой областью будет Кавказ, а на востоке Азии горная область Чан-бо-шань с громадным вулканом Бей-шань (Пакту-сан), кратер которого несколько километров в окружности и наполнен водою. Из этого озера «Тамунь» берут начало три великих реки: Ялу, Хуньтун и Айху, орошающих Манджурию.

Азиатское Средиземное море (Японо-Китайское) отделено от океана гирляндой островов, представляющих наиболее высокие горные вершины и плоскогорья материков, погружившихся в минувшие геологические эпохи в морские волны. Это Средиземное море не видело на своих берегах ледниковой эпохи и сохранило до наших дней в наименее изменённом виде роскошное наследие третичной флоры и фауны (11–433). Отсюда Уссурийский край получил значительную часть своих растений. На некоторые из них следует смотреть с известным благоговением. В несколько изменённом виде они сохранились в нашей тайге со времени третичного периода. Этим видам около миллиона лет.

Возьмём хотя бы пальмовидную аралию (*Aralia manshurica* R. et M.). Русские переселенцы называют её «чёртовым деревом». Один вид её заставляет нас мысленно перенестись в мир, давно исчезнувший, за ледниковую эпоху.

А вот белый орех (*Kalopanax bicinifolium* Miq.) — тоже стройное дерево с крупными иглами по стволу и на ветвях и с листвой, как у клёна, но крупного размера, на длинных черешках.

В тайге нередко можно видеть оба эти дерева, опутанные лианами (*Actinidia arguta* Planch., *Actinidia kolomikta* Max.) в руку толщиной.

К числу таких же реликтовых растений относится и знаменитый женьшень (*Panax ginseng* C. A. Mey.), вокруг которого у китайцев сгруппировалось столько красивых легенд.

¹ Он же. Разобшение флор Дальнего Востока и Европы могло произойти очень давно, быть может, ещё в третичном периоде.

² В. М. Савич: «...и кавказское побережье Чёрного моря, где ещё сохранились рощи каштанов».

Ещё более реликтовыми растениями являются *Microbiota decussata*, которое относится к семейству Cupressaceae, и особый вид большой водяной кувшинки (*Euryale ferox* Salisb.), названия которой у русских нет. Громадные плавающие листья её, усаженные колючками с исподней стороны, и большие фиолетовые цветы можно видеть в тихих заводях реки Лефу, впадающей в озеро Ханка, а также около г. Харбина, по ту сторону Сунгари, в озёрах¹.

А фауна? Она тоже реликтовая.

Гроза Уссурийского края — тигр, не есть пришлый гость, акклиматизировавшийся в Приамурье. «Ледниковый пещерный лев в Европе, несомненно, был одною из крупных северных разновидностей обыкновенного льва, аналогичной такой же разновидности тигра, встречающегося в настоящее время в Уссурийском крае» (1–102).

На севере Старого Света большие виды кошек появляются в плиоцене или делювии и отсюда распространяются в Африку и Индию. Тигр до сих пор ещё живёт в Амурском крае (12–590). На Новосибирских островах в конце плейстоцена, кроме мамонтов и носорогов, обитали дикие лошади, благородный олень и тигр, который в настоящее время не встречается севернее 54 параллели. Если даже эти животные появлялись здесь только летом, то всё же необходимо признать, что климат, царивший тогда в этой области, был гораздо мягче современного (8–538)². Из этого следует, что Приамурский край, если не с большим правом, то, во всяком случае, с таким же правом, может быть назван родиной тигра, как и Индокитай. Возможно, что здешний тигр иной, чем южный его собрат. В зверинце Гагенбека в г. Гамбурге он назван *Unzia Tigris*. «Восточносибирский тигр имеет в длину до 3,9 метра, считая в том числе и хвост, при весе тела нередко свыше 20 пудов» (13–6). Он не имеет длинных баков по сторонам головы и рисунок его не такой яркий, как на юге в Индии. В Уссурийском крае пещеры служат любимым местопребыванием тигров, о чём ясно говорят многочисленные следы животных на глине, лёжки их и перегрызенные кости кабанов, оленей и коз.

Затем надо указать на моржа, северного оленя и на шакалоподобную дикую собаку (*Canis alpinus*), столь обычную для III-го межледникового периода в Европе. В южной части Приамурского края она обитает по сие время.

Особенно ярко выраженный реликтовый характер носит энтомофауна, представителем которой в Уссурийском крае является очень крупный жук из породы дровосеков. Известный русский энтомолог А. П. Семёнов-Тян-Шанский дал ему видовое название — «реликтовый» — *Callipagon relictus*. Находка этого жука в своё время наделала много шума. Родственные виды этому жуку встречаются также в Индии и в других местах Южной Азии.

¹ В. М. Савич. *Quercus mongolica* Fisch., сохраняющий листву до самой весны, а равно и заросли *Ledum palustre* L., сохраняющие окраску даже под снежным покровом, указывают на то, что эти растения и ещё некоторые другие раньше были вечнозелёными.

² Я очень благодарен Г. Н. Гассовскому, сообщившему мне, что сайга (*Saiga tatarica*) раньше распространялась далеко на север. Значит, в постплиоценовое время произошло охлаждение климата. Подтверждение этому мы находим в работах Н. Ф. Osborn, Б. М. Житкова, И. Д. Черского и С. И. Огнева.

Каменный век Сибири

Если бы мы вздумали на карту Евразии какой-нибудь цветной краской нанести распространение каменного века, причём наиболее густой тон её положили бы там, где он был давно, и слабый там, где он был недавно, то увидели бы, что тёмные тона легли бы на берега Атлантического океана (Францию и Испанию). По мере же удаления к северо-востоку краска эта будет всё больше и больше бледнеть и на берегах Великого океана она станет почти белой. Другими словами, переносясь в пространстве с запада на восток, мы как бы во времени переносимся назад. Словно «машина времени» Г. Уэллса: сначала разница будет в десятках лет, потом в сотнях и, наконец, в тысячелетиях.

По существу мы только типологически можем относить каменные орудия Восточной Сибири к той или иной эпохе первобытной культуры, а по времени это было совсем недавно. Тут в наличии будут и ледниковые отложения, и соответствующие растительные остатки, и кости делювиальных животных, словом — все необходимые условия залегания и вся та обстановка, которая требуется для палеолита, но время — другое. В данном случае принцип теории относительности Эйнштейна будет весьма кстати.

Палеолит европейской части Союза [Костенковская (14–13, 26) и Мезенская (15–67, 102) стоянки] более поздний, чем западноевропейский, а материал, добытый во время раскопок в Новгородской и Тверской губерниях, несмотря на наличие ручного обитого топора, оказался относящимся к неолиту (16–66, 82).

Сибирский палеолит совсем молодой, а неолитические каменные орудия относятся к XVII, XVIII и даже к концу XIX столетия.

Следовательно, понятие — археологический каменный век переходит в энтологический каменный век, продолжавшийся у малокультурных народов тропических стран и у палеазиатов Восточной Сибири до конца XIX столетия (17–475).

Находки каменных орудий и кухонных остатков на берегах Енисея и озера Байкала (18–113, 132) свидетельствуют о том, что распространение неолитических палеазиатов на запад доходило только до известной черты восточнее Енисея. И эта граница их распространения близко совпадает с бывшей границей древнеазиатского материка.

Низменная тундра к западу от Енисея, возникшая после таяния ледников, населена другими животными и растительными видами европейского происхождения и человеческими племенами (19–9) иного финского корня (20–24). Позже палеазиаты были отодвинуты к востоку сперва тунгусами, которых гнали якуты — народ тюркского происхождения, а этих последних, в свою очередь, теснили буряты, вышедшие из Монголии.

Весь северо-восточный угол Азии и северо-западный Америки являются убежищем остатков различных палеантропологических групп (21–113).

Ныне энтологическую линию, отделяющую Азию от Америки, нужно проводить от нижнего течения Колымы до Гижигинской губы в заливе Шелехова.

Очеловеченный медведь

Большой интерес представляет собою весьма распространённый обычай почитания медведя, олицетворяющего отдалённого сородича-предка.

Почитание его мы находим у многих индейских племён Северной Америки. Перед отправлением на охоту чипевей устраивают волшебную пляску для умилостивления духов медведей. Подобный же обычай существует у сиуксов, минитариев и манданов. В Британской Колумбии нортасы, убив медведя, надевают на него шапку, покрытую тонким пухом, и торжественно приглашают его к начальству.

Г. Скулькрафт видел однажды у берегов Верхнего Озера индейца, просившего прощения у застреленного медведя. Индейцы оджибуэ (оджибвее), убив медведя, строго оберегают мясо и кости животного, чтобы их не тронули собаки, и все остатки предают сожжению (30–40).

Д-р Ре также утверждает, что все североамериканцы относятся с большим почтением к каждому медведю, которого им удаётся убить, извиняясь перед ним и сожалея о неприятной необходимости, которая побудила их к убийству (22–192).

У тлинкитов в системе тотемных родов есть род медведя (24–596). Затем у айнов на острове Сахалине и у гиляков на том же острове и в низовьях Амура убийство вскормленного медведя обставлено очень сложным ритуалом. Гольды, ороки и удэ (he) имеют особый праздник съедания медведя, убитого ими на охоте. Орочи кости медведей, так же как и оджибвее, прячут в дуплах деревьев, а черепа, очищенные от мяса, вешают на сучках так, чтобы их не достали собаки. Особым почётом медведь пользуется у тунгусов.

Далее, медвежьи праздники мы встречаем у западносибирских аборигенов. Белый медведь, как животное самое сильное и всего ближе подходящее к человеку, пользуется у самоедов таким же уважением, каким чёрный собрат его пользуется у остяков (29–190, 192).

Вогулы, обитающие на восточных склонах северного Урала, убив медведя, обращаются к нему с формальными извинениями и убеждают, что вся вина произошла от стрел и железных капканов, выкованных русскими (29–192). У черемисов (Вятской, Уфимской и Пермской губерний) медведя нельзя называть собственным именем. Его величают «он», «сам», «хозяин» или просто «набольший». В финских преданиях старинное значение медведя выступает очень сильно.

У русских славян мы часто встречаем очеловеченного медведя. Его называют «Михаилом Потаповичем Топтыгиным», с ним шутят и подражают его походке. Это любимый мотив сказок, в которых медведя заставляют говорить человеческим языком. У тунгусо-маньчжуров Восточной Сибири женщине строжайше воспрещается варить медвежье мясо и садиться на его шкуру. У русских славян тот же запрет встречаем мы в сказке, где медведь ночью идёт к деревне и в рёве высказывает своё недовольство в следующих выражениях: «Вся деревня спит, одна баба не спит, на моей шкуре сидит, моё мясо варит...»

В Швейцарии на гербе г. Берн и на флагах кантона также изображается медведь. Там имеется «медвежий ров», охотно посещаемый тури-

стами, в котором держат этих животных. Даже само слово «Берн», может быть, произошло от слова «бер», что значит — медведь.

Отголосок почитания медведя встречается даже на берегах Атлантического океана в Пиренейских горах.

Итак, мы видим медведя в качестве тотемного животного на всём северном полушарии. В Западной Европе он сохранился только как отголосок далёкого прошлого, у русских — как пережиток, у черемисов, вогулов и остяков этот пережиток оживает, а у народов Восточной Сибири тотемное значение медведя в полной силе сохранилось до сих пор. Запреты, касающиеся медведя, соблюдаются там со всею религиозною строгостью и поныне. Это имеет большое значение для наших антропогеографических исследований и указывает на то, что на материке Евразии угасание переживаний идёт в направлении от востока к западу.

Первобытное население

В тех местах, где сохранились реликтовые флора и фауна, мы находим и реликтовое население. Так, на Балканском полуострове — арнауты, или албанцы, прямые потомки иллирийцев, отличаются любовью к независимости и первобытную простотю. Они имеют обстановку, утварь и даже одежду, сходные с неолитическими (1—591, 593). Такими же будут баски в Пиренейских горах.

Известный этнограф-лингвист П. П. Шмидт причисляет к палеазиатам древних бохайцев, живших в нынешней Маньчжурии и Приморской области, туземцев, обитавших во времена Конфуция в восточной части Шандунской провинции, и, наконец, древних насельников Кореи (22—49).

На острове Линдай, в Жёлтом море, обитал народ чеухоу. Это были люди невысокого роста, говорившие совсем особым языком. Они брили себе головы и одевались в кожи. Калнин полагает, что это были аборигены Корейского полуострова, остатки которых сохранились кое-где на островах Корейского архипелага. Ими, вероятно, и были построены долмены (Коинтоль), найденные доктором Готте близ Фо-чена в провинции Кионг-шу-до (23—51).

Далее к палеазиатам относятся айны, гиляки, коряки, камчадалы, чукчи, эскимосы.

Итак, остатки палеазиатских народов в настоящее время занимают очень длинную и сравнительно узкую прибрежную полосу от Печилийского залива до устья реки Енисея (22—52).

Насколько флора и фауна являются реликтовыми в Приамурском крае, настолько же реликтовым будет и его туземное население. Мы находим здесь свайные постройки (у айнов, гиляков, ительменов), полууглублённые землянки (у коряков), находим яркие пережитки групповых браков (у гиляков) и территориальных родов (у удэ хе), носку огня в трубчатой кости (у эскимосов), добычу огня трением (у чукчей, коряков, гиляков), каменные и костяные орудия (у коряков, чукчей и айвуанов) и т. д.

При отступании ледников северный олень эмигрировал на север, а за ним следовал и человек.

Западные гиперборейцы Старого Света шире пользовались северным оленем и язык их больше обогащён терминологией оленеводства. Между

тем некоторые народы, живущие у берегов Берингова пролива, не знают его до сих пор, в особенности на Аляске, где он последнее время стал разводиться уже европейцами. Всё указывает на то, в каком направлении шло распространение этого животного (27—192).

Значит, продвигаясь далее по направлению к северо-востоку, мы должны рассчитывать, что в области современного обледенения северного полушария, именно, в арктической Америке, найдём ещё более первобытных людей. Так оно и есть! Эпоха мадлен, бывшая на восточных берегах Атлантического океана 10—15 000 лет тому назад, у эскимосов, обитающих на крайнем северо-востоке Сибири, и, главным образом, у американских инуитов — продолжается и по сие время: они так же, как и люди эпохи мадлен, живут в ледниковую эпоху. Как и все первобытные расы, они низкорослы (для мужчин 1,43—1,55, а для женщин 1,38—1,45 метра) (17—374) и длинноголовы, имеют массивную челюсть с широкими отростками дуги и слабо развитым подбородком. Это охотники за оленями и морским зверем. Даже в начале XX столетия в обиходе у них имелись каменные скребки такого типа, какой встречается у троглодитов четвёртого обледенения (17—476). Рукоятка скребка была сделана из мамонтовой кости. Для производства ретуши по краям каменных наконечников они имели специальное орудие, опять-таки, из мамонтового бивня. До последнего времени у эскимосов бытовала метательная палка для бросания дротиков, совершенно такого типа, какую находят в слоях, относящихся к Вюрмскому обледенению. Огонь они носили в трубчатой кости и добывали его трением. Рисунки совершенно мадленские, причём так же, как и у пещерных обитателей Европы, особенно хорошо изображаются животные. Костяные гарпуны и жировые лампы, каменный резак — точнейшие копии орудий, находимых в пещерах при раскопках слоёв, относящихся к четвёртому обледенению. Наконец, язык эскимосов стоит одиноко в генеалогической классификации языков эйкумены.

Всё это изобличает в них прямых потомков доисторических людей, живущих, как и отдалённые предки их, в ледниковой обстановке.

«Очевидное сходство типа между чукчами и эскимосами (кроме роста — чукчи значительно выше), одинаковость их обычаев и образа жизни, употребление ими орудий и снарядов, сделанных из тех же материалов и с теми же рисунками, подобно древним орудиям, находимым в различных доисторических европейских гротах и относящихся к каменному веку, привели антропологов к заключению, что эти две народности крайнего севера суть представители предшествовавшего человечества, постепенно оттеснённых на окраины материка и вынужденных под давлением народов-завоевателей искать себе убежища на берегах Ледовитого океана» (17—627).

«Предметы из камня, кости или зубов мамонта, добытые во время раскопок Норденшельдом и его спутниками в кухонных отбросах чукчей, представляют до того поразительное сходство с подобными же изделиями, употребляемыми гренландскими эскимосами, что его невозможно приписать одному только действию окружающей обстановки» (25—631).

«Монгольские черты в характере и физическом строении эскимоса настолько заметны, что в антропологическом смысле его совершенно отделяют от индейца. Эскимосы живут на северо-восточном берегу Азии и в

Гренландии появились, по-видимому, лишь в историческое время. В их культурном достоянии многое походит на достояние азиатских и даже европейских гиперборейцев» (24–570).

Того же мнения придерживается и английский географ Маркгам, против которого в 1883 году выступил профессор Ф. Боаз (28–70). Во всяком случае, в настоящее время эскимосы живут по побережью Северного Полярного моря, на Чукотском полуострове, на северных берегах Аляски и далее на восток включительно до Гренландии. Всё это доказывает, что северо-восточная оконечность Азиатского материка сама по себе есть переходная область, продолжением которой служит самая северная часть Америки. Последняя, несомненно, первых своих колонистов получила из Азии и, именно, через Берингов перешеек (19 – карта А. Геддона). Последующие переселения могли происходить в ту и другую сторону.

Кто-то из палеэтнологов о туземцах Северо-Восточной Сибири выразился так: «Современная организация их представляет собою прошлое цивилизованных народов. Воссоздание прошлого обращается в описание настоящего. Это прошлое всё ещё живёт. Ряд умерших поколений как бы выходит из могил. Мы имеем первобытных людей перед собою и можем их наблюдать по желанию».

Список научной литературы, которой пользовался автор

1. Г. Обермайер. Доисторический человек. Издание Брокгауз — Ефрон, 1914.
2. Э. Реклю. Человек и земля. Том I-й, С.-Петербург, 1906.
3. Тутковский. Ископаемые пустыни северного полушария. Землеведение. 1909.
4. Барон Э. Толь. Ископаемые ледники Новосибирских островов по отношению к трупам мамонтов и к ледниковому периоду. Записки Русского географич. общества. Том XXXII, 1897. Вып. 1-й.
5. Е. Ф. Скворцов. Ленско-Колымская экспедиция 1909 г. «Известия русск. географич. общ.». Том I, 1914.
6. И. П. Толмачёв. По Чукотскому побережью Ледовитого океана. 1911.
7. Л. С. Берг. Климат и жизнь. 1922.
8. М. Неймайер. История Земли. Том II. 1900.
9. С. А. Бутурлин. Наблюдения над млекопитающими, сделанные во время Колымской экспедиции 1905 г.
10. Л. С. Берг. Рыбы бассейна р. Амура. «Записки Академии Наук». Том XXIV, 1909.
11. В. П. Семёнов-Тян-Шанский. О могущественном территориальном владении применительно к России. «Известия Русск. географич. общ.». Том II, 1915.
12. В. Гааке. Происхождение животного мира, 1896.
13. Н. А. Байков. Маньчжурский тигр. «Вестник Маньчжурии». №№ 1 и 2-й, 1925.
14. П. П. Ефименко. Костенковская палеолитическая стоянка. «Ежегодник Русского антропологического общества». Том V, 1915.
15. П. П. Ефименко. Каменные орудия палеолитической стоянки в с. Мезине. «Ежегодник Русского антропологического общ.». Том IV, 1913.
16. П. П. Ефименко. Некоторые находки каменных орудий в Тверской и Новгородской губ. и их место в системе европейской палеонтологии. «Русский антропологический журнал», №№ 1 и 2, 1916.
17. И. Ранке. Человек. Том II, 1909.
18. Б. Э. Петри. Неолитические находки на берегу Байкала. Сборник музея антропологии и этнографии Академии наук, 1916.
19. В. Г. Богораз (Тан). Вступительная статья к работе А. Геддон. Переселение народов, 1923.
20. В. Н. Новицкий. Дюнные стоянки в дельте р. Оби. Труды общества естествоиспыт. при Казанском университете. Том XIX, вып. 1-й, 1916.
21. Л. Крживицкий. Антропология. 1896.
22. П. П. Шмидт. Языковедение. Лекции, читанные студентам Влади-

востокского историко-филологического факультета Госуд. Дальневост. университета. Рукопись, 1919.

23. Калнин. Краткий очерк Кореи. Сборник материалов по Азии. Выпуск XXVI, 1887.

24. Ф. Ратцель. Народоведение. Том I-й, 1896.

25. Э. Реклю. Земля и люди. Всеобщая география. Азиатская Россия. Том VI, 1892.

26. G. Montandon. Craniologie Paleosiberienne (Neolithiques, Mongoloïdes, Tchouktchi, Eskimo, Aleoutes, Kamtchadales, Ainou, Ghiliak, Negroides du Nord). L'Anthropologie, Paris. 1926. Tome XXXVI, №№ 3–4, pp. 209–296.

27. Гельмольт. История человечества.

28. В. И. Иохельсон. Этнологические проблемы на северных берегах Тихого океана. «Известия Рус. географ. общества», 1907. Том XLIII.

29. С. Дж. Леббок. Начало цивилизации и первобытное состояние человека, 1889.

30. В. М. Михайловский. Шаманство. Сравнительно-этнографические очерки, 1892 (Reid Religions Belief of the ojibois. Journ. of the Anthropol. Institute, 111, III).

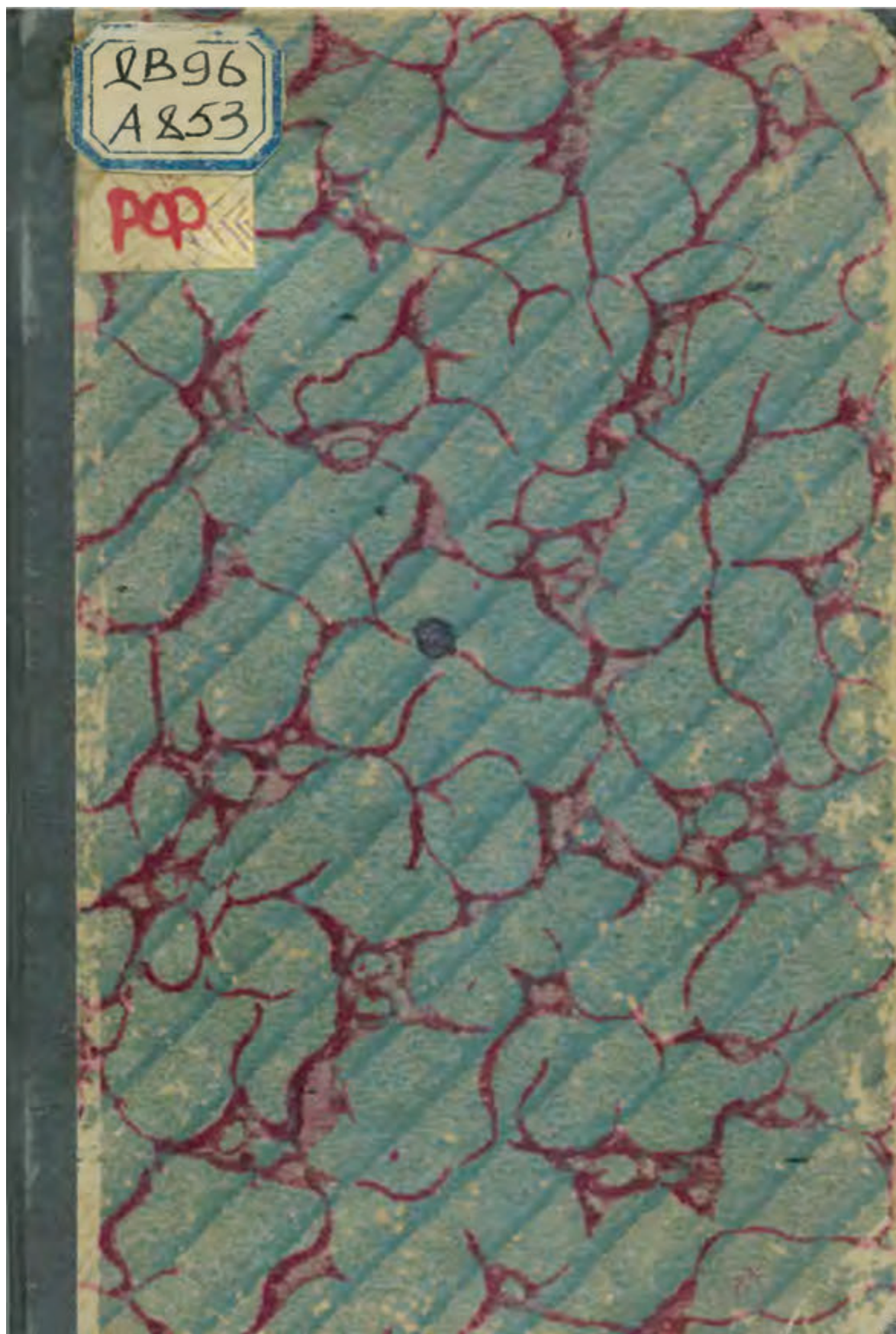
ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири.....	362
Ледниковая эпоха Евразии.....	362
Ископаемые животные.....	365
Остатки субтропической флоры и фауны на Дальнем Востоке	368
Каменный век Сибири	371
Очеловеченный медведь.....	372
Первобытное население	373
Список научной литературы, которой пользовался автор	376

LB96

A 253

POP

848 А.

В. К. АРСЕНЬЕВ

4896

А 853

В Библиотеку Хабаровского
Крайнего Музея им. авиатора

11 VI 1926.

В. Арсеньев

Г. Владивосток

Проверено
1980 г.

ЛЕСНЫЕ ЛЮДИ УДЭХЕЙЦЫ

~~63848~~

2603

✓
✓

ДВ КРАЙНЯЯ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

БИБЛИОТЕКА

ХАБАРОВСКОГО КРАЕВОГО

ГОС. МУЗЕЯ.

✓
ВЛАДИВОСТОК

1926

В. К. Арсеньев

Лесные люди удэгейцы

Владивосток
1926

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Если дикая и девственная страна подвергается колонизации, то влияние её сказывается прежде всего не на флоре и фауне, а на человеке».

Л. Шренк

Автор брошюры «Лесные люди удэheyцы» имел возможность познакомиться с туземцами, которые называют себя удэ(he), в то время, когда страна не подвергалась ещё колонизации. Туземцы эти обитают в лесах по правым притокам Уссури и на побережье Японского моря по ту сторону водораздела. На юге большое влияние имели на них русские и китайцы, но в центральной части горной области Сихотэ-Алиня, куда трудно было проникнуть, удэheyцы ещё долго сохраняли свои обычаи и нравы.

Ныне, под влиянием культур, надвигающихся на них с юга и с запада, началась коренная ломка их общественного строя со стороны моральной и социальной. Инстинктивно чувствуя, что в лице корейцев, китайцев и русских к ним явились сильные конкуренты, туземцы начали оставлять веками насиженные места и отходить подальше в горы.

Если бы кто-нибудь из читателей пожелал теперь увидеть удэheyцев такими, какими они описаны в этой брошюре, ему пришлось бы совершить большое путешествие и забраться в самые истоки Хунгари, Анюя, Хора, Бикина и Копи. Но и там уже сказалось влияние цивилизации. В настоящее время удэheyцы сделали много заимствований у «завоевателей» и многое утратили в своём укладе жизни, которая была так же безыскусственна и проста, как просты они сами.

Настоящая брошюра есть краткое и популярное изложение большого труда «Страна удэ(he)», над которым автор работает более 25 лет и к изданию которого он намерен приступить в ближайшем будущем.

Так как брошюра популярная и имеет в виду широкого читателя, туземные названия, которые встречаются в тексте, изображены русскими буквами (с допуском некоторых искажений), потому что транскрипция звуков, не имеющих в русском алфавите соответствующих знаков, довольно сложна. Например: «Д $\frac{\text{э}}{\text{э}}$ (he)» или «н $\frac{\text{э}}{\text{ы}}$ нгу́ ж $\frac{\text{ж}}{\text{ч}}$ онуні». Эти материалы (фольклор, грамматика и словарь) автор оставляет до специального изложения во втором томе «Страна удэ(he)».

4 апреля 1926 г.

Г. Владивосток.

I Внешний быт удэгейцев

Тазы, удэгейцы. Первоначальная родина. Причины вымирания. Физический тип. Характер. Одежда. Язык. Жилища. Приспособляемость к окружающей среде.

Лесные люди-удэгейцы занимают центральную часть горной области Сихотэ-Алиня. Численность их определяют около 1 700 человек обоего пола.

Раньше они распространялись далеко на юг. Наши зверопромышленники Худяковы и старообрядцы из селения Красный Яр в начале семидесятых годов прошлого столетия видели их около Посьета, куда они спускались ради охоты за дорогими пантами. К западу от Сихотэ-Алиня удэгейцы жили по рекам Даубихе, Улахе и Ното. С течением времени они частью вымерли, частью же, потеснённые китайцами, отошли на север. Оставшиеся подверглись совершенному ассимилированию со стороны пришедшего китайского населения и получили название «тазов».

Китайцы, обитавшие в Уссурийском крае, называли себя «ман-цзы», что значит «полный» или «свободный сын»; русских звали «мао-цзы», т. е. «люди, носящие шапку»; а всех туземцев — «да-цзы», т. е. «аборигены», туземцы. Так, да-цз'ами считались и гольды, и гиляки, и чукчи, и маньчжуры. Отсюда — солон да-цзы (солоны), «мунгуда-цзы» (монголы), «ю-пи да-цзы» (туземцы, одетые в рыбью кожу) и т. д.

Теперь в Уссурийском крае почти невозможно отличить «таза» от китайца ни по языку, ни по религии, ни по одежде. Они совершенно утратили свой первоначальный облик.

Первых «тазов» единичными личностями мы находим по рекам Сучану и Судзухе, но чем дальше подвигаться на север, тем они встречаются чаще и чаще.

Все тазы — природные охотники. Охота — единственная страсть, которой из их природы не могли вытеснить манзы. Поэтому им разрешено было носить оружие. К тому же они имели право и на надел земли. Китайцы пользовались такой двойственностью, при удобном случае называя себя также тазами, лишь бы остаться на месте и не быть изгнанными из Приморья.

Вот почему при наделе туземцев землёю часто бывали случаи, когда бывший удэгейец должен был уступить своё место китайцу только потому, что последний сумел втереться в доверие к чиновнику. Подобные случаи ошибок, к сожалению, были не единичными и в последние годы. С другой стороны, и наши переселенцы не хотят признавать за тазами такое же, если не большее, право на проживание в Уссурийском крае, как и за

русскими колонистами. Переселенцы совершенно не были подготовлены к встрече с туземцами, и потому с первых же дней между теми и другими создались отношения враждебные. Теснимые русскими и китайцами, удэхейцы начали оставлять родные могилы и веками насиженные места и уходить всё дальше и дальше в горы. Особенно в тяжёлом положении очутились южно-уссурийские тазы, которые волею судеб и на несчастье своё сделались оседлыми и потому без клочка земли, годной для хлебопашества, они теперь более существовать уже не могут.

Китайских женщин в крае очень мало. В большинстве случаев манзы берут себе в жёны тазок силою или сманивают их разными подарками. Такой китаец, женившийся на туземной женщине, убеждённо считает себя тазом. Однако, это ему несколько не мешает, как только он накопит денег, уехать на родину и там снова назвать себя китайцем. Тазку с детьми, если она молодая, обыкновенно они передают друг другу, а в худшем случае, если она старая, бросают вместе с детьми на произвол судьбы без всякого сожаления.

Справедливость требует, чтобы такое потомство, оставшееся от смешанного брака китайца с тазкой, было причислено к туземному населению страны и чтобы ему было предоставлено право на надел земли наравне с прочими туземцами. К северу границею распространения этих окитаенных удэхейцев будет долина реки Ното и на побережьи моря — бухта Терней (река Санхобе).

Тазы эти очень бедны, имеют нрав тихий, живут в маленьких фанзочках китайского типа, где-нибудь в стороне около гор и занимаются хлебопашеством. Они ни слова не понимают по-удэхейски, говорят исключительно по-китайски, не умеют ходить на лыжах и плавать по горным речкам и не могут делать лодок.

Дальше к северу по побережью моря от бухты Терней до реки Амагу живут те же тазы, но меньше подвергшиеся влиянию китайцев. Одежда их состоит из смеси китайского костюма с удэхейским. Многие из них знают одиночные удэхейские слова, но говорят по-китайски. Некоторые старики умеют делать лодки, с грехом пополам плавают по рекам и плохо ходят на лыжах. Эти тазы живут в китайских фанзах, занимаются летом хлебопашеством, а зимою — соболеванием. Китайцы называют их «чжагубай», что значит «кровосмешанные».

Ещё дальше от мыса Белкина вплоть до реки Нахтоху и к западу от Сихотэ-Алиня, в бассейне Имана и реки Ваку встречаются уже такие туземцы, которые называют себя «удэ(хе)».

Одеваются они в свои пёстрые костюмы, но говорят по-китайски, и только в том случае, если хотят между собой переговорить по секрету, объясняются на своём родном наречии. Живут они всё же в фанзах, имеют у себя небольшие огороды, хлебопашеством не занимаются и проводят большую часть времени на охоте и рыбной ловле. Это будут первые удэхейцы, которые не держат у себя лошадей и рогатого скота. Способы передвижения у них обычные для туземцев: на собаках с нартами зимой и на лодках в остальное время года. Это будут первые удэхейцы, которые делают себе запасы «юколы» на год.

Ещё выше вплоть до мыса Аку, по верхнему течению Копи, по всему Бикину, Хору, по рекам Мухеню, Аною и по низовьям Хунгари живут на-

стоящие удэхайцы. Мы видим, что эти последние занимают большую часть Уссурийского края и в численном отношении превосходят всех своих сородичей, взятых вместе, живущих от них и к северу, и к югу. Одеваются они в свои национальные костюмы, знают выделку рыбьей кожи. Фанз у них нет, живут в юртах и занимаются исключительно только охотой и рыболовством. Между собой говорят на родном языке и только счёт да некоторые одиночные слова знают по-китайски.

Тазы русских имён не имеют и называют себя китайскими, например, Сун-цай, Чан-Лин, Бао-ин и т. д. Удэхайцы вместо фамилии называют свой род (ею сэни), который отмечает местность, где исстари жили их отцы и деды. Например, Намука — от слова «Наму», что значит море, Копинка — от реки Копи, Куинка — от реки Куи, Ауканка — от бухты Аука и т. д.

Название орочи, орочены, постоянно даваемое удэхайцам, появившееся в литературе со времён Шренка, совершенно неправильно и относится только к туземцам, обитающим в северо-восточной части Уссурийского края по рекам Копи, Хади, Тумнину и по верхнему течению Хунгари. Следует всех тазов и так называемых «уссурийских орочей» объединить под одним именем «удэ(хе)», как сами себя они и называют. Вся суть в том, что одни в большей, а другие в меньшей степени подверглись ассимиляции со стороны культурных соседей, преимущественно китайцев.

Отдалённа и незапамятна та эпоха, когда удэхайцы появились в Уссурийском крае. Хотя они живут на берегу Великого океана, но боятся моря. У них нет морской лодки, нет своего паруса. Всё это указывает, что в места нынешнего своего обитания они пришли сухопутьем. В сказках их чувствуется влияние юга. Это народ континентальный, и первоначальной родиной его, по всей вероятности, была южная Маньчжурия.

В атласе исторических карт Маньчжурии¹ мы находим, что в 1115 году по Р. Х. в бассейне правых притоков Уссури появляются две народности Цзираминь и Удага. В первых мы узнаём гиляков (ци-ли-ми, ги-ле-ми, гилями), впоследствии оттеснённых к устью Амура. Вторые распространяются по всему Уссурийскому краю и сохраняют своё самоназвание «удэ(хе)» по сие время.

В Маньчжурии в это время расширяет границы и укрепляется чжурчжэньское государство Цзинь. В 1284 году орды великого завоевателя Чингиз-Хана докатились до берегов Великого океана и разрушили самобытное существование чжурчжэней. Оставшиеся тунгусские племена понизились в культурном уровне и превратились в охотников и рыболовов.

В XVII столетии владетельный князь одного из аймаков, Нурхацзи, объединяет разрозненные маньчжурские племена и наносит ряд поражений китайским войскам, а сын его Тайцзун окончательно овладевает Пекином и на китайский престол сажает свою династию. С 1607 по 1615 год он предпринимает ряд походов к берегам Великого океана и завоёвывает земли «Воцзи». С этого времени историческая нить прерывается, и страна, по-видимому, пребывала в состоянии того запустения, в котором застали её русские в 1857 году.

В Уссурийском крае в это время обитало четыре народа: китайцы (манцзы) — главным образом в южной части страны, гольды — по Уссури, оро-

¹ Составлен П. В. Шкуркиным и И. Г. Барановым в 1925 году на основании китайских источников и будет опубликован Обществом изучения Маньчжурского края в ближайшем будущем.

*Тазы с реки Такемы. У мужчины костюм китайский,
у женщины – туземный*

чи — по рекам Копи и Тумнину, удэ(хе) (удага) — в бассейне правых притоков Уссури по рекам Аною и Хунгари, впадающим в нижний Амур справа, и в прибрежном районе к северу от залива Ольги до реки Ботчи включительно. Эти последние (удэхе) подверглись влиянию культур, надвинувшихся на них с запада, и только те, что жили в глубине гор и лесов, куда китайцы и русские не успели ещё проникнуть, сохранили в большей чистоте свои обычаи и нравы.

Если этнографические карты 1881 года (академика Шренка) и 1894 года (приложенную к трудам Приамурского русского географического общества) сравним с современным расселением удэхейцев, то увидим, что перемены произошли, глав-

ным образом, на побережье моря, в Южно-Уссурийском крае и по низовьям рек Имана, Бикина и Хора. В Уссурийском крае в миниатюре повторилось то же, что и при передвижении бурят, якутов, тунгусов к северу от Амура. Сначала китайцы потеснили туземцев, потом русские переселенцы потеснили китайцев. Последние отодвинулись в горы и, в свою очередь, снова потеснили удэхейцев. Центральная же часть горной области Сихотэ-Алиня и все северные районы изменений не претерпели.

По рассказам самих удэхейцев, раньше их было так много, что пока лебеди летели от реки Копи до залива Ольги, то от дыма, подымавшегося от множества юрт, из белых становились чёрными. Так говорили они о многочисленности своих поселений.

Какие же были причины их вымирания? Таких причин много. Раньше они жили лучше. Природа снабжала их всем в изобилии, и они совершенно не знали денег. Теперь же потребности к жизни увеличились, а тайга стала давать всё меньше. Расход не стал уравниваться с приходом, а тут ещё появились скупщики пушнины со спиртом и со своими дорогими товарами. Усваивая только внешнюю сторону цивилизации, занесённой к ним русскими и китайцами, удэхейцы не успевали за ними в борьбе за существование и начали всё больше и больше отставать от пришельцев. Чужеземцы занесли к удэхейцам много новых болезней. Особенно сильно свирепствует среди них оспа, от которой удэхейцы вымирают с изумительной быстротой. В течение нескольких суток от целого стойбища не остаётся ни одного человека. Не менее опасна для них также и корь. Она страшна своими осложнениями, от которых они гибнут во множестве. Есть зарегистрированные случаи смерти

от трахомы, когда целая семья охотников, потеряв зрение, не только не могла добыть средств для существования, но не имела возможности выбраться из тайги и погибала от голода. Главными распространителями заразы являются — питьевая вода, грязь в жилище, грязь на теле и то обстоятельство, что здоровые люди находятся под одной кровлей с заразными больными и имеют с ними постоянное и тесное общение.

Физический тип лесного обитателя-удэгейца близок к тунгусскому. Средний рост мужчин — 166 сантиметров, женщин — 145 см. Фигура стройная, сухощавая. Среди них нет ни толстых, ни тонких; все они одинаковы и как бы вылиты из одной формы. Небольшая величина рук и ног бросается в глаза. Череп круглый, лоб несколько скошенный назад. Монгольская складка век развита в детстве, хотя у иных женщин она сохраняется и во взрослом состоянии; нос плоский, с низкой переносицей и, большею частью, выгнутый. Впрочем, на реке Кусуки и севернее до реки Самарги (в особенности на реке Един) можно было найти и горбоносых. Растительность на лице редкая. Волосы длинные, чёрные и прямые. Очень часто среди южно-уссурийских тазов можно встретить тёмно-русых, а детей — блондинов. Цвет глаз — карий. Кожа — грязно-смуглая, со слабым оттенком желтизны. Особенно поражает сильно развитая скуластость у женщин, так что лицо в действительности шире черепа и имеет форму пятиугольника. Этой скуластости нет у мужчин, она не выражена и у детей и, по-видимому, развивается только по женской линии с возрастом.

Осторожные, молчаливые и скрытные удэгейцы обладают удивительной выдержкой характера. Они говорят тихо, лаконически и никогда не спорят. Выражение лица бесстрастное, словно на него надета маска. Ни один мускул не дрогнет и не выдаст его душевного настроения.

И молодые и старые держат себя всегда с достоинством. Удэгейцы вместе с тем экспансивны и впечатлительны. Переход от мысли к делу очень быстрый. Иногда же, наоборот, задуманное дело откладывается в долгий ящик, если оно является необходимостью или должно быть выполнено по принуждению.

Одежда мужчин состоит из халата (тэга), узких штанов (хэйги), наколенников (амуги), наруканников (адакты), головного покрывала (помпу) и маленькой шапочки (богдо). Халат — мань-

*Удэгейская женщина с реки Кусуна.
Костюм туземный, обувь китайская*

чжурского покроя, застёгивается с правой стороны почти под мышкой и подпоясывается узким ремённым поясом так, чтобы вокруг талии был небольшой напуск. Штаны и наколенники тоже привязываются к ремню. Нарукавники надеваются для того, чтобы в рукава не залезала мошка и не задувал ветер. Головное покрывало — всегда белого цвета — имеет вид капюшона такого размера, чтобы оно закрывало плечи и сзади опускалось углом до середины спины. Шапочка обычно делается из козьих лапок и оторочена узкой полоской меха выдры. Наверху в стоячем положении на ней прикреплён беличий или собольий хвостик. Летняя обувь — кожаные унты, а зимой унты того же покроя, но сшитые из рыбьей кожи.

Весь костюм удэхайца, от головного убора до обуви, богато и красочно разукрашен орнаментами, вышитыми цветными нитками. Раньше одежда их шилась из выделанных звериных шкур и рыбьей кожи. В настоящее время они стали покупать различные материи у русских и китайцев, а красивые вышивки свои заменять полосками дешёвого ситца.

Зимой одежда удэхайцев большею частью шьётся из ровдуги. Костюм из рыбьей кожи непромокаем и является плохим проводником холода, почему, одетый поверх другой одежды, является незаменимым для охотника и рыболова.

Особенной пестротой костюма отличается одежда женщин. Помимо того, что вся она сшита из отдельных цветных полос и сплошь разукрашена узорными вышивками, она вся увешана мелкими раковинами (кяхта), бубенчиками и медными побрякушками (абду) так, что при всяком движении издаёт мелодичный шелестящий шум.

Обыкновенно женщины носят две-три рубашки, одну поверх другой, короткие панталоны, наколенники, унты, а на голове — платок или полотенце, в носу — серебряные украшения (тематыни), в ушах — серьги в виде больших колец с цветными бусами (уайга) по одной или по несколько пар, вследствие чего мочка уха несколько оттянута. Ушные серьги раньше

Удэхайцы с реки Анюя. В середине группы — автор

носили также и мужчины, но теперь обычай этот почти вышел из употребления. Зато они большие любители колец и браслетов.

Выше было сказано, что по окраинам территории, занятой удэгейцами, они смешались с соседними народами и сделали у них много заимствований. Они были слабы физически и слабы духом. На юге на них имели влияние манзы, на севере — орочи, на западе — русские и гольды. Получился ряд наслоений, под которым уже трудно видеть прежнего удэгейца. Этим объясняется такое обилие в их языке наречий.

На каждой реке они имеют свой особый говор. Прибрежные «намука» говорят языком, отличным от своих сородичей на Бикине, удэгейцы с реки Имана едва могут объясниться с людьми на реках Анюе и Хунгари и т. д.

Язык удэгейцев богат гласными звуками, иногда с удвоениями и утробениями одной и той же буквы. Например, «ая» — хорошо, «ьи» — это, «уо» — гора, «ули» — вода, «инаи» — собака, «уа» — туман, «Яаи» — название реки, «ейни-ая» — очень хорошо, «кяаса» — орёл, «эymo» — моллюск, «куан» — баклан, «васаа-адианан» — погоды немного и т. д. Вследствие обилия гласных звуков речь их полна интонации, которая иногда принимает певучие оттенки, например: «анаа-анана», т. е. давно-давно...

У них нет никакой письменности, нет даже знаков, которые изображали бы цифры, но есть свои условные таёжные знаки. Например, воткнутая заструганная палочка есть обращение внимания прохожего, что это дело рук человека. Если же рядом с нею воткнут надломленный и согнутый прутик, то он указывает направление, куда пошёл человек, оставивший эти сигналы. Положенный на ветку дерева мох или пучок сухой травы означает, что охотники здесь не задерживались и прошли мимо. Положенная на землю стрела говорит, что немного дальше через дорогу насторожен самострел и потому следует быть осмотрительным.

Теперь попытаемся сделать краткое описание жилища лесных людей. Когда вы подходите к юрте, вам прежде всего бросается в глаза множество жердей, стеллажей и палок, на которые вешается рыба. Тут же на берегу сушатся развешанные на кольях сети и лежат опрокинутые вверх дном

лодки. Завидев незнакомого человека, десятка два собак подымают неистовый лай. Недалеко от жилой юрты высятся свайная постройка. Это амбар (цзали), куда складывается сухая рыба, мясо, а также всё, что есть ценного.

В настоящее время многие удэгейцы обзавелись фанзами китайского типа, но жить в этих домах им приходится мало, потому что летом они ловят рыбу и

Тазовская фанзочка и рядом типичный удэгейский амбарчик на сваях. Река Иман

всё время проводят в берестяных балаганах (каунва), а осенью уходят на охоту и соболевание, из которого возвращаются только в марте месяце.

Юрты удэхайцев сделаны из древесного корья и представляют из себя двускатную крышу, непосредственно поставленную на землю. Чтобы корьё не коробилось от сухости и чтобы его не сорвало ветром, его снаружи прижимают лесом; щели не заделываются вовсе — их просто засыпают снегом. Входы в юрту иногда бывают с обеих сторон и завешиваются полотнищами палатки или кусками бересты, растянутыми на палках. Вверху в крыше оставляется отверстие для выхода дыма.

Как только вы войдёте в дверь, вы непременно должны согнуться и пролезть или вправо, или влево, иначе вы прямо попадёте в огонь. Костёр расположен посередине жилища. Стоять в юрте нельзя, надо или лежать, или сидеть. По обе стороны вдоль огня положены берестяные подстилки, устланные звериными шкурами. В головах — коробочки, сундучки и свёртки с различным имуществом. Тут же, где-нибудь за корьё, заткнуты шаманский бубен, ружьё, сошки, копьё, самострелы и прочие охотничьи принадлежности.

Женщины и дети помещаются около дверей, в одной стороне юрты, мужчины — с другой стороны. Если в юрте живут несколько семей, то каждая чета имеет свой угол. В той стороне, где помещаются женщины, на грубо-связанных полках сложена вся кухонная утварь, сделанная из дерева или бересты, и один или два котла, купленные у китайцев. Над огнём на деревянном крючке висит чайник.

Это жилище со всем его скарбом столь несложно, что удэеец, когда убьёт какого-нибудь крупного зверя, вроде лося, предпочитает не зверя тащить к дому, а вместе с семьёй перекочевать к тому месту, где лежит убитое им животное. Вот чем объясняются частые находки в тайге покинутых юрт. Жилище строится из материала, находящегося под рукою. Высокою температурою юрты похвастаться удэхайцы не могут. Люди согреваются только лучистою теплотою костра. И в этой температуре живут и женщины, и дети. Почти всё время они сидят на корточках у костра и греют свои руки. На ночь, во избежание пожара, огонь гасится. Сквозь открытое дымовое

отверстие в крыше видны звёзды на небе, и тогда температура в жилище сравнивается с наружною.

Привыкая с детства к холоду, удэхайцы приобретают закал и потому легко переносят стужу. Нередкость видеть зимой, как маленькие дети, в лёгкой одежке, с непокрытой головой, таскают из амбара мороженую

Удэхайская юрта в виде двускатной крыши, сделанной из елового корья

рыбу. Так работают они целый день, несмотря ни на ветер, ни на сильную стужу, только время от времени бегают в юрту, чтобы погреть у огня свои озябшие ручонки. Однажды зимой, в 1907 году, на реке Кусуне я с тремя своими спутниками ловил подо льдом рыбу. Погода стояла холодная и ветреная. На реке была сложена солома для факелов. Покончив с ловлей, мы все забрались в балаган, оставленный японцами, и стали греться у огня. Не пришёл только удэхеец Логада. Обеспокоенные его отсутствием, мы пошли его разыскивать. Велико было наше изумление, когда мы нашли его спящим на соломе под открытым небом. Волосы его заиндевели и кожаную куртку кое-где занесло снегом. Я разбудил Логада, он сел, стал очищать от инея смёрзшиеся ресницы и спросил, что случилось. Он не озяб, это видно было по тому, что он не шевелил плечами. Я уговорил его идти в балаган. Напившись чаю, Логада стал шутить, и когда кто-то из моих спутников спросил его, почему ему не холодно, он шутливо отвечал: «Я грел спину на месяце».

II Общественный строй

Разделение труда между мужчиной и женщиной. Рождение ребёнка. Воспитание детей. Выезд на охоту за соболем. Брак. Родовые отношения. Кровавая месть. Суд.

Общественный строй удэгейцев весьма оригинален. У них власть отсутствует. Никому в голову не приходит мысль главенствовать над другим. И вместе с тем развито почитание старших. Так, молодой человек предпримет что-либо только в случае, если получит одобрение стариков. Но это до тех пор, пока сам старик не почувствует свою дряхлость. Тогда все права в семье переходят к старшему сыну. Глубокие старики, как и старые женщины, становятся хранителями традиций старых обычаев и обрядов.

Во всяком деле руководители являются сами. Идут ли удэгейцы на охоту, во главе становится наиболее опытный; он распоряжается, все подчиняются его указаниям и все знают, что это его дело. Едут ли они по морю в лодке, голос остаётся за человеком, которого все знают, как хорошего морехода. Русские учредили среди них административных старшин. Удэгейцы исполнили это требование добросовестно. Они назначили старшин, с глубоким убеждением, что это нужно не для них, а для русских, а сами остались жить по старым своим законам и обычаям.

На стойбище каждая семья живёт своей жизнью; тут уже строй патриархальный. В семье распоряжается старший. Всё это выходит просто, само собой. Ни разу я не слыхал, чтобы младший вступал в пререкания со старшим, и ни разу не было случая, чтобы старший не выслушивал младшего, и не единичны примеры, когда решения большого собрания изменялись по реплике десятилетнего подростка.

Удэгейцу незнакомо чувство эгоизма. Дайте ему какого-нибудь лакомства, он ни за что не будет его есть один, он попробует и поделится со всеми его окружающими. Убьёт ли он на охоте оленя, поймает ли рыбу, привезёт ли муку, — он не отдаст всё это только своей семье, но поделится и со всеми соседями.

Внимание к чужим интересам, к чужой нужде в нём так же развито, как и забота о своей семье. Если у удэхайца не хватило продовольствия, он просто идёт к соседу, зная, что ему никогда не будет отказа. Не раз я видел, как жёны, у которых мужья уехали на охоту и запоздали с лишним на месяц, ежедневно брали продовольствие у соседа. Сколько раз случалось, что удэхайцы присылали мне лосиного мяса ровно столько же, сколько оставили себе и сколько рассылали своим ближайшим сородичам. Вот почему семья умершего никогда не остаётся без средств к жизни. Если нет близких родственников, её будет содержать весь род, если она другого рода, её будут содержать чужеродцы, и притом не будет делаться никакого различия между нею и своими жёнами, между её детьми и своими. Смерть человека вне его вины. Не поддерживать чужую семью — великий грех. Опасность одному человеку есть опасность всему роду, всему народу.

Нельзя также обойти молчанием гостеприимства. Этот обычай требует оказывать внимание всякому путнику. Прежде всего гостю предлагается чай, юкола и сушёное мясо; ему не надо заботиться о собаках — их накормят, как следует. Вечером, после ужина, женщины высушат его одежду, осмотрят обувь и, где нужно, сделают починку, или дадут новые унты, а самая младшая из женщин набьёт их свежую травой и приготовит одежду.

Забота о соседях, хотя бы они были и инородцы, сказывается во всех мелочах. Например, если о соседях, живущих на той же реке, они долго не имеют известий, то посылают к ним кого-нибудь из своей семьи справиться, здоровы ли те, не случилось ли чего-нибудь и не нуждаются ли они в какой-либо помощи.

Раздел земли они так же не понимают, как раздел воды и воздуха, которыми пользуются наравне и люди, и звери, и птицы. Кто где хочет, тот там и селится. За последние двадцать пять — тридцать лет часть орочей перекочевала на Хунгари, и никто из удэхайцев, живущих на этой реке, не протестовал против этого. Обратное явление — несколько семей удэхайцев перешли на Копи, и копейские орочи отнеслись к этому так, как будто эти удэхайцы живут здесь исстари. Так как удэхеец всегда найдёт у своего собрата всё, в чём он нуждается, равно и сам он отдаст соседу то, что нужно последнему, краж среди них нет. Им и в голову не приходит мысль, что они могут что-то украсть. Вор, по их понятиям, — урод, сумасшедший. Зачем красть, когда сородич и так даст просимое, если только у него оно имеется. Поэтому их жилища и амбары никогда не запираются. Замков ни у кого нет. Только входная дверь в балаган припирается колом или палкою, чтобы ветер её не открыл и чтобы туда случайно не зашла собака.

Наивная честность их прямо-таки трогательна. Однажды на реке Кусуне один удэхеец обратился ко мне с жалобой на старообрядцев. Дело было в том, что приехавшие в Уссурийский край на реку Тахобэ староверы отобрали у него соболиные ловушки и воспретили ему заниматься охотой в местах своих поселений. Я уговорил старообрядцев, чтобы они уплатили ему за ловушки. В разговоре старообрядцы сами рассказывали мне, что этот же самый удэхеец, проходя однажды по тропке, где были его ловушки, которые уже отошли к русским, случайно увидел, что одна из них упала и задавила соболя. Он поднял ловушку, вынул соболя, завернул его в бере-

сту и повесил на дерево, пока не придёт хозяин, а ловушку наладил опять, чтобы она не пустовала. Даже и тут оказалось внимание к чужому интересу, внимание к интересу обидчика...

В настоящее время честность удэгейцев начала падать. Они стали немного лукавить. Так, например, они теперь не скажут, сколько поймали соболей, и стараются худшие из шкурок сбыть за долги скупщикам пушнины, а две или три лучших припрятать и потом продать их где-нибудь на стороне. Они привыкли, что их обманывают на каждом шагу, и потому такой невинный обман с своей стороны не считают за грех.

Надо поражаться, насколько удэгейцы приспособлены к борьбе с природою. Охота на хищных зверей — обычное их занятие, снежные бури, частые наводнения, постоянный риск жизнью — всё это развило в них находчивость и инициативу. Этот дикарь в трудную минуту не потеряет рассудка и с честью сумеет выйти из затруднительного положения. В тайге европейцу за ним не угоняться. Не раз мне приходилось видеть, как, ругая сына, когда тот сделал что-нибудь неладное, старик в сердцах говорил ему: «Омуты лоца», т. е. — «всё равно, как русский».

В основу питания удэгейцев ложится рыба. Юкола (или — катали намихта) для них то же самое, что для земледельцев хлеб. Без юколы они терпят такую же нужду, как и русский пахарь в неурожайные годы. Юколой удэгейец кормится сам, кормит свою семью и всех своих собак. Даже при самой лучшей и обильной пище они скучают по юколе и всегда предпочитают её рису, до которого, кстати сказать, они тоже большие охотники. Удэгейцы едят сырую рыбу не только зимою, но и летом. Самое большое лакомство — головные хрящи кеты или горбуши. Они очень часто употребляют в пищу и сырое мясо. Как-то раз мы убили лося. Удэгейцы тотчас бросились к животному, вырезали у него ноздри и тут же съели их сырыми. Затем они стали есть сырую печень, потом разбили топором кости ног и стали высасывать из них костный жир.

Самым замечательным блюдом является «сяйни». Две женщины жуют: одна рыбу, другая — сырые ягоды, и обе сплёвывают жвачку в одну чашку. Затем эта смесь размешивается, к ней добавляется немного нерпичьего жира и преподносится гостю, как знак особого к нему внимания. Гость освобождается от жевания: ему остаётся только глотать.

По подсчёту самих удэгейцев, им в год на семью, состоящую из мужа, жены, двух детей и старухи-матери, кроме юколы и мяса, нужно разных товаров и дополнительного продовольствия на 350 рублей. Эти деньги они должны добывать охотой и, главным образом, соболеванием.

Труд между мужчиной и женщиною строго разграничен. На мужчинах лежит охота, рыболовство и соболевание (так сказать, добывающая промышленность). На женщине — вся домашняя работа, работа около юрты и шитьё одежды (обрабатывающая промышленность). Дело мужчины — поймать рыбу, дело женщины — выпотрошить её и приготовить юколу. Как бы много ни было работы у женщины, помогать ей мужчины, если они дома, не станут. Они лежат, равнодушно поглядывают на женщин и курят свои трубки. Поэтому и кажется, будто женщина работает больше, чем мужчина. Зато, когда последний пошёл следить соболя, он гоняет его по следу подряд двое, трое суток, голодает и выбивается из сил.

Было бы ошибочно думать, что удэгейская женщина, будучи привязана к дому, лишена инициативы и не приспособлена к борьбе с природою. В этом отношении она нисколько не уступает своему мужу. Один раз я был свидетелем такой сцены. Мужчина возвратился с охоты и сообщил жене, что убил изюбря и что зверя надо перенести к дому, а сам ушёл снова на охоту. Когда женщина отправилась в горы, я пошёл с нею. Скоро по следам она нашла убитого оленя и принялась за работу. Я любовался, с какой ловкостью она освеживала зверя. Видно было, что эта работа для неё была не впервые. В несколько минут она вырубил сошки, быстро, без проволочек наладила их для носки на спине и в три приёма перенесла всё мясо к своей юрте. Сколько раз случалось видеть, как одна девушка, без всякой посторонней помощи, на быстрине реки перевозила на лодке моих спутников и только просила их, чтобы они не мешали ей работать и сидели спокойно.

Это разделение труда между мужчиной и женщиной сказывается и в положении её в семье. Она дома держится особняком, ест отдельно от мужчин и не участвует в празднествах медведя. Вот почему женщина более угрюма, более молчалива, чем мужчина. Она ведёт обособленный и замкнутый образ жизни.

Женщина в период родов считается нечистой. Ей в то время нет места в общей юрте. За несколько дней до родов, шагах в полтораста от жилого помещения, муж делает жене маленькую юрточку, похожую на собачью конуру. Там, несмотря ни на какой мороз, помещается роженица. Муж жену не навещает, только одна какая-нибудь старая женщина подаёт роженице через дверь дрова и пищу, но сама к ней тоже не входит. Как только родится ребёнок, ему перевязывают пуповину и, если это случилось летом, его моют холодной ключевой водой, если роды произошли зимою, ребёнка кладут в снег, потом растирают и заворачивают мальчика в медвежий мех, девочку — в мех рыси, белки или молодой кабарги; затем ребёнка передают матери. После этого женщина переползает в другую такую же маленькую юрточку, построенную рядом. В этой, второй, юрточке мать с ребёнком проводит ещё десять суток, и только после такого карантина она является в общее жилище. Мать тотчас обмывает ребёнка и сажает в зыбку, наполненную мягкими стружками гнилого тальника, растёртыми в порошок. Они часто заменяются новыми, сухими. Когда ребёнок немного подрастёт, его сажает в другую люльку, сделанную из двух лубковых половинок под углом в 120 градусов. Под люльку подвешиваются, вместо побрякушек, бубенчики, пустые гильзы и кости рыси. Поверх ребёнка кладётся узорчатое одеяльце, украшенное бисером и цветными пуговицами, а сверх одеяльца крест-накрест и сквозь боковые отверстия зыбки протягиваются тонкие ремешки; в этом и заключается всё пеленание ребёнка. Если ребёнок плачет, мать ставит люльку на поперечное ребро и, качая её, монотонно, под шум побрякушек, припевает: «Ба-а-ба, ба-а-ба!»

Приспособляемость к борьбе с природою развивается с малого возраста. Едва мальчик начинает вставать на ноги, как к его поясу привязывается два ножа. Не беда, если он обрежется, зато он приучится владеть ими в совершенстве. С десяти лет он уже помогает отцу на охоте и рыбной ловле.

В 1907 году на реке Самарге я был свидетелем, как три мальчика 7, 9 и 10 лет лучили ночью рыбу на такой быстрине реки, где я не рискнул бы ехать и днём.

Вот ещё одна особенность — мальчику в трудную минуту редко приходят на помощь. Ему предоставляют самому выходить из затруднительного положения. Однажды я наблюдал на реке Кусуне, как один мальчуган, заметив, что мышь постоянно ходит по одному и тому же месту, решил её поймать и стал настораживать самострел. Но это ему не удавалось. Ребёнок начал нервничать и готов был заплакать. Я хотел ему помочь, но отец остановил меня. «Пусть сам думает», — сказал он. Мальчик действительно додумался, приспособился, и мышь была поймана. То же самое и девочки. С малых лет они помогают матери, таскают дрова, носят воду, чистят рыбу, выделывают кожу и приучаются владеть иглой.

Все удэгейцы: и мужчины, и женщины, и взрослые, и малые курят табак. Все дети имеют трубки. Кормление грудью весьма продолжительно и затягивается иногда до 3-х и 4-х лет. Иногда случается видеть мальчика, которого мать только что отогнала от груди. Он чувствует себя обиженным, из глаз его текут слёзы, он садится к огню, достаёт свою трубку, набивает её табаком и, всхлиывая, раскуривает её угольком.

Удэгейцы — удивительные мастера плавать по рекам на своих долблёных челноках. Кому случалось видеть горные реки, тот может себе представить, насколько опасно по ним плавание. Быстрота течения доходит до 10—18 вёрст в час. В области порогов от шума пенящейся воды нельзя говорить, надо кричать друг другу на ухо. И вот по таким-то местам плавают удэгейцы на своих челноках. Управляют лодкой два человека: один стоит на носу, другой на корме сзади. Тут нужны отвага, ловкость, глазомер и физическая сила. Малейший промах, малейшая оплошность — и всё погибло.

Каждый раз, глядя на удэгейцев, невольно удивляешься их бесстрашию и привычке рисковать жизнью. Тем более это удивительно, что среди них нет ни одного человека, который умел бы плавать. Вот почему они никогда не купаются, они боятся. Удэгейца никогда нельзя уговорить идти в реку, если её надо перейти вброд, и она более или менее глубока. А между тем на быстрине реки в лодке, когда и хороший, опытный пловец почувствовал бы страх, они вовсе не замечают опасности и работают шестами с таким видом, как будто под ногами у них твёрдая почва.

Все удэгейцы замечательные мастера бить острогою рыбу. Если она проходит далеко от лодки и достать её нельзя, они бросают в неё острогою и почти всегда без промаха. Так же они бьют и плавающих птиц, когда они, прячась от людей, ныряют в воду и стараются пройти мимо лодки незамеченными.

Лесные люди — страстные охотники и отличные следопыты. Если удэгейец нашёл след соболя, китаец платит ему за шкурку зверька вперёд, как будто этот соболь уже у него в кармане. Если пойманный соболь окажется высокого качества, китаец ему доплачивает, сколько следует. В пути от зоркого глаза удэгейца ничто не скроется. Он знает, какой зверь и когда прошёл, молодой или старый. Оставленный бивак он осматривает с особым вниманием и точно определяет, кто ночевал, сколько людей, какой национальности, чем они занимаются и куда направились.

В тайге кругозор всегда ограничен. Таинственная лесная тишина, полная опасности, окружает охотника и заставляет его быть всегда настороже. Он не столько боится диких зверей, сколько человека. Поэтому удэхеец идёт так, чтобы не оставить после себя следов. Он никогда не выйдет на открытую поляну, а обойдёт её стороною по опушке леса. Когда удэхеец плывёт по реке на оморочке (омо — один, ороч — человек), то держится глухих проток или скрывается у берегов под кустами. На повороте, когда нужно переехать на другую сторону, удэхеец придерживает лодку и осматривает впередилежащее плесо, нет ли кого-либо на реке, и только убедившись, что она пустынна, он быстро переплывает её и опять скрывается под кустами. Завидев издали чужую лодку, он остановится и прежде всего старается определить, с кем имеет дело. Если это не сородичи, он притаится в зарослях ближайшей протоки или, выйдя на берег, ложится в траву и наблюдает за проплывающей мимо лодкой.

Лесные обитатели Уссурийского края — самые искусные охотники в мире. Они знают повадки всех зверей, знают, где и когда их можно найти, и в этом отношении на всём Дальнем Востоке не имеют себе равных.

Одним из самых интересных их промыслов будет охота на лося в ночное время.

В начале июля в тайге появляется такое количество мошкар, что все звери покидают низменные места и взбираются на гольцы, где ночной ветер даёт им прохладу. Только один лось остаётся внизу и держится около реки. Время от времени он залезает в воду, затем выходит на берег и пасётся, пока шерсть его мокрая. Но вот он начинает обсыхать. Укусы крылатых кровопийц в пахах ног становятся всё чувствительнее. Лось жмётся, лягается и продолжает кормиться, но и его терпению есть предел. Тогда он срывается с места и с шумом бросается в реку. Он весь погружается в воду, оставляя на поверхности только ноздри, глаза и уши, как раз места, наиболее уязвимые. Он фыркает, мотает головой и своими большими ушами хлопает по воде, обдавая голову целым потоком брызг.

Зная эту повадку зверя, два удэхейца садятся в небольшую лодочку и плывут по течению реки. У переднего в руках ружьё, у заднего — весло. Для удачной охоты нужна тёмная тихая ночь, надо, чтобы ветер тянул вверх по реке, навстречу лодке, иначе лось далеко почует приближение человека и убежит. При этом следует соблюдать величайшую тишину и так работать веслом, чтобы не было слышно всплесков. Разговаривать нельзя. Удэхейцы объясняются условными знаками: лёгкий толчок в правый борт лодки означает остановку, такой же толчок в левый борт — можно двигаться вперёд, два толчка — увидел зверя и т. д.

В тихом ночном воздухе слышно, как лось купается. Лёгкий челнок, увлекаемый течением и управляемый искусной рукой охотника, без всякого шума всё ближе и ближе подплывает к животному. На гладкой поверхности воды, в которой отражаются звёзды, чуть-чуть виден силуэт громадного зверя. Ещё мгновение, и лодка с ним поравнялась. Слышно, как лось дышит, как капает вода с его морды, слышно, как он глотает водяной лютик — лакомая пища, которую он добывает около берега. В это мгновение красноватая короткая молния прорезала ночную мглу. Раскатистое эхо подхватило звук выстрела. Раненый зверь метнулся в ту сторону, куда

он стоял головой. Охотник, сидящий в корме, одним ударом весла быстро вывел лодку на середину реки и задержал её против течения. Лось шарахнулся в сторону. Слышно, как в кустах он барахтается со стонами. Через несколько минут шум стихает совсем. Тогда удэгейцы подходят к берегу, вытаскивают на отмель лодку, чтобы её не унесло течением, и разводят огонь, а затем отправляются к месту, где лежит убитое ими животное.

Все удэгейцы отличные бегуны на лыжах. Нынешняя молодёжь уже не проходит таких расстояний, как старики в прежнее время. Весной, когда снег занастится, ходоки пробегают по 100 километров в день. Искусство ходить на лыжах у них развито до виртуозности. Например, спускаясь по склону горы к реке, которая ещё не замёрзла, и опираясь на правило, ловкачи около самой воды описывают окружность и опять поворачиваются лицом в гору.

Всё лето удэгейцы заняты рыболовством. Надо поймать рыбы столько, чтобы обеспечить семью на весь год, надо заготовить юколу и для собак. Недолов рыбы расстраивает все планы и вынуждает кредитоваться у скупщиков пушнины, преимущественно у китайцев.

Но вот кончается рыбная ловля, и удэхеец начинает собираться на соболевание. Он плетёт сетку, готовит лыжи, куёт стрелы; женщины шьют обувь и починяют одежду. Накануне отъезда все молятся и просят бога Эндури даровать удачную охоту. Всю ночь напролёт они шаманят. Звуки бубна, резкий лязг металлических трубок, украшающих пояс шамана, и дикие завывания, похожие на стон и плач, слышны во всех юртах... Наконец, настанет желанный день... Этот день самый знаменательный в году, это большой праздник. Мужчины надевают новую одежду; они все веселы, все ликуют, все радуются... Запряжённые собаки выказывают крайнее нетерпение. Женщины выходят провожать своих мужей и братьев. Охотники садятся в нарты, и вмиг вся свора, спущенная с привязи, с лаем мчится по льду реки. Женщины машут руками, посылая приветствия мужьям и братьям. Через мгновение нарты исчезают за поворотом.

Прибыв на место, все удэгейцы тотчас вынимают из нарт деревянные изображения духов, ставят их поблизости, кормят их кашей и салом и просят помощи на охоте. Затем каша разбрасывается по тайге: это жертва богу Онку, охраняющему леса и горы. После этого каждый из них, налив в маленькую чашечку спирту, мочит в нём указательный палец и по капле бросает во все четыре стороны, немного пьёт сам, остальное же выливает в огонь. При этом они снова обращаются к богу с просьбой дать им удачный улов и счастливую охоту. Затем удэгейцы надевают своё рабочее платье и приступают к работе.

Редко удэгейцы соболюют в компании, редко даже два человека — в большинстве случаев они охотятся в одиночку. У каждого свой район, своё место, доставшееся ему в наследство от отца и деда. Здесь, в горах, в маленькой юрточке проводит он долгие зимние месяцы. Вся окружающая природа полна чудес — создания его собственной фантазии и воображения. Всюду он видит козни злых духов, мешающих ему спать спокойно. Вот почему каждый удэхеец всегда имеет при себе изображение духа-покровителя, который может оградить его от бед и несчастий. Он мажет ему губы кровью соболя и просит защитить его от происков чёрта.

Застанет удэхайца ночь в дороге, он остановится, осмотрится и где-нибудь тут же расположится под деревом. Как зверь в тайге! Где застала его ночь, тут он и заснул, а наутро пошёл опять дальше. Помню, один раз мы нашли место, над которым остановились в недоумении. Человек здесь спал или зверь? Во время наводнения вода подмыла берег и образовала пустоту под яром, сверху нависла дерновина; ни следов огня, ни травы, ни подстилки не было видно, а между тем всё говорило за то, что тут кто-то спал. Подошедший проводник рассеял наше недоумение: ремешок, струганая палочка и кусочек выделанной кожи свидетельствовали о том, что здесь ночевал охотник.

Во время охоты на соболя, когда зверёк настигнут и загнан в дупло дерева, приходится иногда ночевать без огня. Стоит только представить себе одинокого охотника, ночующего в лесу в морозную ночь без костра, чтобы понять, с каким трудом и с какими физическими лишениями добывается соболиный мех — этот предмет городской роскоши, ценимый высоко, но далеко не оплачивающий труды зверолова!

У удэхайцев сохранились яркие пережитки группового брака, заключающегося в том, что мужчины одного рода берут себе женщин только из рода матери и ни в коем случае не из рода отца.

Групповой брак удэхайцев в настоящее время сменился простым обменом детьми между разными родами или приобретением жены, с уплатой калыма, из другого рода. Все опасения заключаются лишь в том, чтобы не взять жену своему сыну из своего рода. Причинами этой замены строго группового брака браком со смешением родов были дробление родовых групп и эпидемические болезни, унёсшие в могилу не только многих женщин, но и уничтожившие целые роды, не оставив от них ни одного человека. При таком положении дел удэхайцам пришлось искать себе жён не только на стороне у других родов, но и брать их у тунгусов и у гольдов.

Едва родится мальчик, как родители начинают подыскивать ему жену. Отец часто совершает для этого длинные путешествия. Родители жениха сперва наводят справки о родителях невесты: какого они рода, откуда, как живут, хорошо или худо. Делается это больше ради обычая, потому что ныне удэхайцев так немного, что все они наперечёт знают материальное положение каждого сородича. Спрашивают также, далеко ли живёт род зятя и какой предлагается выкуп (т о р и). Если условия подходящие, то вопрос разрешается тотчас же. Согласия детей не спрашивают — судьбу их решают родители. В виде задатка свёкор или сам жених даёт тестю один или два серебряных рубля и железный котёл. Выкуп уплачивается, согласно уговора, или тотчас сразу, или частями впоследствии. Обыкновенно калым состоит из двух или трёх котлов, нескольких расшитых рубашек и одного или двух копьев.

«Т о р и» — котёл и копьё — является отголоском того далёкого прошлого, когда удэхайцы доставали эти вещи через десятые руки с большим трудом и ценили очень дорого. Привозили их айны или гиляки окружным путём через Сахалин из Японии или китайцы из Маньчжурии. Обычай этот сохранился и по сие время, имеет место и в празднестве медведя, и при уплате штрафа, и на похоронах при снаряжении покойника в загробный мир.

Малолетняя невеста остаётся жить у родителей до 12-летнего возраста, а потом уже переходит в дом мужа или же сразу перевозится свёкром в свою семью. Это тоже зависит от уговора. И в этом и в другом случае девочка живёт и играет вместе со своим маленьким мужем. Родители за их половой жизнью не следят, и супружеская жизнь начинается у них естественно сама собой, как только они физически разовьются и поймут значение брака.

Если у удэгейца есть сын и дочь, то он подыскивает в другом роде такую же семью, где есть мальчик и девочка. Родители обмениваются дочерьми, и вопрос, к обоюдному удовольствию их, разрешается без всякого выкупа.

Общий строй рода а г н а т н ы й. Переход сына в дом деверя считается унижительным и вызывает насмешки со стороны других удэгейцев. При заключении брака особых церемоний нет. Брат выносит сестру из юрты на плечах и передаёт её жениху. Новый зять увозит невесту, и тем всё дело кончается. В браке нет ничего необычного, и потому брак разрешается просто, естественно.

Отголоски группового брака сохранились ещё в следующем: «Мужчины с женщинами одного с ними рода не могут заигрывать и шутить». Поэтому, по отношениям между мужчинами и женщинами, можно судить, к каким принадлежат они родам. Если отношения эти сдержанные, если мужчины и женщины между собою мало говорят, это значит, что они одного отцовского рода, и чем суше эти отношения, тем родство ближе. Брат с сестрой почти не разговаривают между собою. Если отношения развязны: мужчина заигрывает, а женщина ему отвечает — это значит, она из того рода, откуда его мать или жена его брата, а потому все женщины этого рода не запретны.

У удэгейцев нет целомудрия ни до брака, ни после брака. Случаи общности жён, как пережитки, ещё бывают. Лет двадцать пять тому назад можно было найти у двух братьев одну жену. Официально она была женою одного брата, а на самом деле, с её согласия, жил с нею и второй брат, равно каждый из братьев мог пользоваться ласками жён и других своих братьев. Но эти отношения строго распределялись по соответствующим поколениям. Например, свёкор не мог рассчитывать на внимание своей невестки. Зато на эту женщину, в отсутствии мужа, имели права все мужчины этого рода, но опять-таки в соответствующем поколении и с её согласия. Однако, это не даёт права заключить, что удэгейцы безнравственны. Наоборот, они высоконравственны: у них совершенно нет проституции. Венерические болезни среди них появились лишь в последнее время и занесены русскими и китайцами.

При таком общественном строе, при такой заботе о человеке, вообще, и при таком внимании к чужим интересам, у удэгейцев ничто нас так не поражает своим диссонансом, как обычай кровавой мести. В настоящее время этот страшный обычай едва ли сохранился даже у туземцев, живущих в самых истоках рек, куда ещё русские не успели проникнуть.

Случилось несчастье: охотник убил другого, может быть, нечаянно. Ужасная весть сразу облетает все окрестности. Особенная опасность грозит той семье, к которой принадлежит виновник убийства. За смерть насильственную нельзя не мстить, ибо душа убитого никогда не попадает в царство теней и потому будет вечно странствовать по земле, вопиать о мщении и, наконец, озлобленная, перейдёт к чёрту. Вот почему месть — святое дело.

О бегстве никто и не думает. Тут может быть один только выход — вооружённое столкновение. Страшный закон тайги «к р о в ь за к р о в ь» встаёт во всём своём мрачном величии. Мстители с холодным оружием в руках (огнестрельное брать нельзя) идут к юртам виновных. Последние со всех ближайших рек собираются в одно место. Женщины, старики и дети неприкосновенны. Детьми и стариками считаются все неспособные ловить соболей и, вообще, заниматься охотой. Тогда женщины несут караульную службу. С палками в руках они обходят окрестности и обшаривают кусты. Мстители стараются проникнуть незамеченными, а женщины несут сторожевую службу. Беда, если они проглядели. Тогда атакующие врываются, и вопрос разрешается оружием. Со стороны виновных должен пасть один самый молодой, самый сильный и здоровый мужчина. Если же потери были с той и с другой стороны, то у виновных должно быть одним убитым больше. Если же атакующие понесли большие потери, — конфликт углубляется¹.

Обычай не позволяет пить воду из реки, где живут обороняющиеся, рубить дрова, ловить рыбу, заниматься охотой. Поэтому атакующие несут с собою и воду, и продовольствие. Можно атаковать враждебный род, но нельзя устраивать осаду. Это ограничивает время на месть и заставляет враждующие стороны идти на примирение.

Для разбора конфликта с той и с другой стороны выбирается по одному лицу, принадлежащему непременно к нейтральному роду. Это судебные защитники («м а н г а» — буквы Н и Г произносятся с явственным носовым звуком).

Каждый тяжущийся род старается выбрать такого защитника, который силой своей логики и силою красноречия мог бы защитить их интересы. Собравшись в условное место, два тяжущиеся рода садятся так, чтобы не видеть и не слышать друг друга.

В руках у каждого из них — жезлы (т ы д ю), на нижних концах которых деревянные копыя, а на верхних — изображения человеческих голов. В таком жезле таится божественная сила, помогающая оратору уговорить враждующие стороны. От этих защитников зависит решение судьбы виновных. Беда, если они будут несговорчивы и не пойдут на уступки. Виновный в убийстве, во избежание нового кровопролития, совсем не присутствует на суде.

Тяжущиеся не могут говорить между собою. Свои требования и свои оправдания они передают через своих избранников.

Разбор дела начинает самый уважаемый и почётный старик всей области (Ч ж а н г е). Он идёт сначала к стороне, к которой принадлежит виновный, и в кратких словах говорит о происшествии, а затем приглашает их защитника идти вместе с ним к обиженным. Перейдя к этим последним, Чжанге предлагает им выслушать его и выслать со своей стороны оратора. Первый начинает излагать обстоятельства, уменьшающие вину преступника. По уходе его защитник обиженной стороны идёт к виновной стороне и старается убедить их в ошибочности взглядов. Так переходят эти ораторы

¹ В 1908 году на побережье моря один раз кровавая месть была остановлена только благодаря энергичному вмешательству братьев Степановых. Чтобы спасти удэгейца Ян-гуя от смерти, автор настоящей статьи, пользующийся некоторой популярностью среди туземцев, должен был взять его с собою. Впоследствии Ян-гуй поселился в другом месте.

от одной стороны к другой и защищают интересы своих клиентов. Один старается выговорить штраф побольше, другой уменьшить его.

Во время процесса, в случае неуступок одной из сторон, ораторы-защитники грозят прервать переговоры. Всё же обычай требует, чтобы такое пререкание было возможно длительнее и чтобы ораторы несколько раз делали вид, будто хотят ломать жезлы, что должно повлечь за собою снова открытие военных действий.

Наконец, обе стороны приходят к обоюдному соглашению. Виновный в убийстве, а если он не в состоянии, то вся его семья или весь род должны заплатить семье потерпевшего примерно: 8 котлов, 6 копий, 30 расшитых одежд и 30 соболей. После этого со стороны виновных для того, чтобы всё же кровь была пролита, убивается несколько собак, и инцидент считается исчерпанным. Так у них теперь разбираются и все дела, все тяжбы, нарушающие их патриархально-коммунистический строй, например, случаи похищения женщин, захват чужого места охоты и т. п.

Штрафы (б а й т а) имеют более широкое применение в жизни удэгейцев, чем можно это думать. Всякие мелкие нарушения принципа родового строя, патриархальности семьи, единства крови или культа предков разрешаются самими удэгейцами без всякого суда, и ни одной из сторон не приходит в голову оспаривать эти обычаи, освящённые предками и веками. Например, штраф платится за опрокинутый берестовый ковш с водой в юрте хозяина, за забытое оружие, за взятый по рассеянности чужой кисет, за то, что гость нечаянно упадёт в чужом доме, а также, если удэхеец, проходя мимо, видит открытую дверь в юрте и не зайдёт в неё. За всё платится штраф не более одного котла или одной расшитой рубашки. За похищенную девушку — 10 рубашек и 1 котёл, помимо калыма (т о р и) по уговору, причём девушка остаётся женой похитителя, если нет нарушения принципа единства крови. За похищение замужней женщины или насилие платится: 10 рубашек, 3 копыя и 2 котла; женщина возвращается к мужу, а виновного бьют палками.

III Миросозерцание

Сказание о происхождении удэгейцев. Тотемные животные. Месть медведю. Хозяин морей. Небесные светила. Шаманство. Севоны. Душа — тень. Загробный мир. Похороны.

Все удэгейцы — анимисты. По их воззрениям, в природе нет ничего неорганического — всё органическое, всё живое и всё человекоподобное. Сама по себе земля есть колоссальное живое существо (М у ц е л я н и). Голова земли находится на северо-востоке, а ноги — на юго-западе. С этой точки зрения им понятны землетрясения. Вот почему удэгейцы никогда не задаются мыслью искать на земле начало жизни... Земля — сама жизнь, и потому всё на ней должно быть живое и всё человекоподобное.

По воззрениям удэгейцев, утёсы и отдельные скалы — тоже люди, жившие раньше, но окаменевшие. Глядя на быстро бегущую воду в реке, он видит в ней живую силу: то тихую, то бурную, то бешеную, то покойно-несущую на своих волнах хрупкую лодку, то разрывающую скалы и ломающую вековые деревья.

Когда удэхейцы плывут на лодке или идут по тайге, они всё время рассказывают друг другу, с кем что случилось, кто что видел, и по прихоти своего суеверия населяют тайгу разными чудесными существами.

Они кругом видят жизнь. Смерти нет. Она возможна только от козней злых духов... Вот почему охотник, найдя в тайге мёртвого соболя, не тронет его и поспешно уйдёт на другое место.

Лодку можно долбить из живого дерева, при этом и рубят его с особыми заклинаниями. Дерево, принесённое водою, — мёртво. Великая опасность грозит человеку, который позарится на плавник и сделает из него себе лодку.

Глядя на следы соболя, лисицы или выдры, удэхеец видит, как каждое животное, спасаясь от преследования охотника, хитрит, путает свои следы и старается обмануть человека. Глядя, как бурундук в ясный день выносит на солнышко орехи, грибы и корешки, сушит их и снова уносит в норку, он задумывается и видит в каждом животном разум и волю, и потому оно несколько не ниже человека. Оно человекоподобное, только наружная оболочка его дрягая.

Высшее божество — «Эндури». Он один бессмертен, он никогда не снисходит к людям...

Кроме него, есть ещё и второстепенные боги, но они все смертны и живут три поколения. Например, бог лесов и гор «О н к у», живущий в самых глухих лесах. Он начальник всех зверей и птиц, он же посылает людям соболей на охоте... Это человек средних лет, угрюмый, с копьём и со стрелами в руках. Людям он никогда не делает зла.

Фигурное дерево — местообитание чёрта «Окзо». Река Кусун

Богом моря является седой старик «Г и н и х и». Он хозяин рыб и морских животных (Сюгзаа-Адзани). Он посылает косатку нагонять рыб в реки и т. д.

После этих трёх добрых богов следует целый сонм злых духов, которые мешают людям жить спокойно. Горный дух — «К а к з а м у». Удэхейцы представляют его себе худотелым великаном, на тонких кривых ногах и с головой редькообразной, обращённой тонким концом кверху. Какзаму обитает в самых истоках рек среди скал и осыпей. Он хватает людей, превращает их в камни (Кадани) и заставляет окарауливать сопки.

Нам понятен тот страх и волнение, которые охватывают удэхейца, когда он случайно попадает в скалистое ущелье. В руках у него факел из бересты. Он зажигает его при малейшем намёке на опасность и торопливо, с криками проходит страшное место, оглядываясь на утёсы, имеющие человекоподобную форму.

Чёрт «Б о к о» — это горбатый карлик, на одной ноге и с одной рукой. Он живёт в болоте. Благодаря его козням, люди часто блуждают в лесу и не могут найти дороги.

Самый ужасный злой дух — «О к з о». В виде страшной птицы с железными крыльями, с железным клювом и с железными зубами, он с быстротой молнии летает по всему свету. У него нет пристанища. И вот Окзо является шаману и велит ему сделать фигурное дерево «Т х у н» (буквы Х и Н с носовым звуком произносятся чуть слышно). Окзо точно указывает, где и какое дерево надо поставить и какие должны быть на нём изображения птиц, людей и животных. Шаман должен исполнить требование Окзо, иначе чёрт найдёт пристанище в его доме, и тогда шаман погиб безвозвратно. Вот почему все удэгейцы боятся места, где стоят такие Т х у н, никогда не ходят туда ночью и даже днём стараются обойти их стороной.

Гром — «А г д ы». Это дух, изрыгающий пламя изо рта и имеющий вид змеи с лапами и с крыльями. Если Окзо долго находится в одной местности, Эндури посылает Агды, и гром гонит чёрта. Окзо в страхе убегает. Вот почему на футлярах шаманского бубна всегда изображён гром в виде дракона, изрыгающего изо рта пламя.

Сидит ли удэхеец у огня, он смотрит, как двигаются языки пламени, колеблющиеся и замирающие, то короткие, то длинные. Он видит, как из углей образуются фантастические гроты и скалы, как всё это быстро меняется и принимает другую форму и рушится. Он задумывается и приходит к убеждению, что огонь есть тоже жизнь. В каждом роде — свой огонь. Поэтому огонь нельзя резать ножом, ворошить палкой, рубить топором, заливать водою. Можно только поправлять щипцами и, вообще, с ним следует обращаться осторожно. Уносить огонь из юрты нельзя. Это разрешается только мужчине-сородичу. У стариков хранится родовое огниво, которое передаётся в наследие из поколения в поколение. В этом огниве скрыта чудесная сила огня.

Среди зверей есть запретные (тотемные) животные. Впереди стоит медведь и тигр. Это очень отдалённые сородичи.

Чрезвычайно интересно сказание о происхождении удэгейцев.

Некогда жил на земле один человек, «Е г д а», со своею сестрою. Других людей не было. Однажды сестра говорит брату: «Ступай, поищи себе жену». Брат пошёл. Шёл он долго и вдруг увидел юрту. Войдя в неё, он увидел голую женщину, очень похожую на его сестру. «Ты моя сестра?» — спросил Егда. «Нет», — отвечала она. Егда пошёл назад. Придя домой, он рассказал сестре всё, что с ним случилось. Сестра ответила, что виденная им женщина чужая и в этом нет ничего удивительного, потому что все женщины похожи друг на друга. Брат снова пошёл. Сестра сказала, что и она пойдёт в другую сторону искать себе мужа. Но кружную тропею обогнала брата, прибежала в ту же юрту, разделась и села опять на прежнее место голая. Брат пришёл, женился на этой девушке и стал с нею жить. От этого брака родились у них мальчик и девочка. Однажды, в отсутствии отца, мальчик играл на улице и ранил стрелою птицу «Куа». Она отлетела в сторону, села на ветку дерева и сказала: «Зачем ты меня ранил?» Мальчик отвечал: «Потому что я человек, а ты — птица». Тогда Куа сказала: «Напрасно ты думаешь, что ты человек. Ты родился от брата и сестры и потому ты такое же животное, как и все прочие». Мальчик вернулся домой и стал рассказывать об этом своей матери. Последняя испугалась и велела сыну ничего не говорить отцу, иначе он их обоих бросит в реку... Когда вернулся отец, мальчик начал было говорить о случившемся, но мать закричала на

него: «Что ты болтаешь? Отец пришёл усталый, а ты говоришь глупости!» Мальчик замолчал. Ночью, когда все легли спать, отец стал расспрашивать сына, что с ним случилось... Мальчик рассказал всё... Тогда Егда понял, что сестра его обманула. Наутро он на лыжах пошёл в лес, нашёл крутой овраг, раскатал дорогу и на самой лыжнице насторожил стрелу. Вернувшись домой, он сказал сестре: «Я убил сохатого, ступай по моему следу, спустись в овраг и принеси мясо...» Сестра надела лыжи, пошла, скатилась в овраг и убила сама себя стрелой. Тогда Егда взял сына и дочь и понёс их в лес. Скоро в лесу он нашёл дорогу, по которой всегда ходил медведь, и бросил здесь девочку. Дальше он нашёл дорогу, где ходила тигрица, и бросил там мальчика, а сам пошёл к реке и бросился в воду. Девочку подобрал медведь и стал с ней жить, как с женою, а мальчика подобрала тигрица и стала жить с ним, как с мужем. От первого брака произошли все удэхейцы. Второй брак был бездетным. Вот почему удэхейцы считают медведя своим родоначальником, вот почему оба эти животные и стали тотемными. Сказание говорит дальше, что мальчик вырос и стал заниматься охотой. Однажды на охоте он увидел медведя и смертельно ранил его стрелой. Умирая, медведь сказал ему, что он был мужем его сестры, и сделал следующее завещание: чтобы на будущее время никогда не давать сестре есть мясо медведя, убитого братом, чтобы женщина никогда не спала на шкуре его и берегла его *ost penis*, передавая потомству по женской линии. Всё это до сего времени строго соблюдается удэхейцами.

Теперь перейдём к празднику съедения головы медведя.

Если медведь был убит далеко, то непременно надо взять его голову. Бросить голову — великий грех. Охотник, убивший медведя, собирает всех окрестных удэхейцев в свою юрту. Иные приезжают издалека.

Дня за два до праздника женщины готовят во множестве разные яства. Надо покормить всех гостей до отвала. Сваренную голову медведя завёртывают в его же шкуру, шерстью наружу, и перевязывают тонкой верёвкой. На этом празднике не должно быть спирта — это грех... Когда гости все в сборе, охотник, убивший медведя, передаёт голову зверя любимому зятю. Последний, приняв её, ставит перед собою на нары. Обычай требует, чтобы принявший голову некоторое время отказывался от сделанной ему чести. Его долго уговаривают. Наконец, уступив просьбам гостей, он подымает голову и прижимает к своей груди, затем ставит её на прежнее место и разрезает ножом верёвки. Развернув шкуру, он отделяет возможно больший ломоть мяса от щеки с наружной стороны головы, делит его на столько равных частей, сколько гостей присутствует на празднике. После этого он берёт длинную заострённую палочку, надевает на неё мясо по одному кусочку и подаёт его по очереди каждому гостю, непременно обходя хозяина.

У кусунских удэхейцев самый старший в роде подаёт кусочек мяса на острие ножа, и первый кусок подаётся самому охотнику. При этом старик говорит свои пожелания счастливой охоты и на будущее время.

После этого медвежью голову едят все, кто хочет, кроме охотника и женщин. Великий грех уронить на пол мясо. Если хоть капля сала упадёт на дерево, то место это выскабливается ножами и выжигается огнём. Когда череп будет совершенно очищен, хозяин опускается на одно колено. Против него, тоже на одно колено, становится тот, кто свеживал голову и раздавал

гостям на палочке мясо. Этот последний, взяв в руки теперь уже голый череп медведя, с рычанием, изображающим рёв зверя, быстро передаёт его в руки хозяина. Хозяин, приняв череп, прижимает его к своей груди, выносит на улицу и укрепляет его на шесте так, чтобы не достали собаки.

Женщинам воспрещается присутствовать на празднике. Они уходят к соседям и возвращаются домой только тогда, когда голова будет вынесена из юрты.

Раз медведь олицетворяет сородича, то к нему, следовательно, применимы и все обычаи людей. Например, кости его хоронят, для чего делается особый гроб в виде сруба. Впоследствии удэгейцы стали медвежьи кости складывать в дупла деревьев и топить в реке. В тайге черепа медведей закладывают в развилки деревьев, повыше от земли, предварительно обвязав их мелкими хвойными ветками. Ветки эти имеют двойное назначение: они изображают кожу с шерстью на голове зверя и замаскировывают череп от глаз хищных птиц.

Медведю, покусившемуся на жизнь охотника, полагается мстить так же, как и человеку. Если медведь растерзает охотника, то удэгейцы не успокоятся до тех пор, пока не убьют виновного зверя. Только тогда душа усопшего попадает в царство теней. Догнав животное, охотники выкалывают ему глаза и обрубают когти, мясо его бросают на съедение воронам и собакам. Шкура бросается в лесу также. Люди вырезают у него сердце, поджаривают его на огне, разрезают на части и разбрасывают по сторонам. Это знак высшего пренебрежения и ненависти. Череп пробивается и вешается на дерево, поставленное для чёрта Окзо.

Третьим, «т о т е м н ы м» животным будет «К о с а т к а Т е м у» (Ogса gladiator). Тему боятся все морские обитатели. Перед ней все трепещут, от неё нет спасения, и ластоногие (сивучи и нерпы) бегут и натываются на охотника. Вот почему удэгейцы, как только завидят косатку, молятся ей, просят не трогать их и бросают в воду спички, листочек табаку или кусочек сахара в виде жертвы. Они ужасно боятся пустых лодок, выброшенных волнением на берег. Это одежда, оболочка Тему. Он сбросил её с себя и пошёл бродить по лесу. Величайшей опасности подвергается человек, если вздумает присвоить себе такую лодку.

У удэгейцев много предрассудков и разных примет. Эти предрассудки пугают их, заставляют всего остерегаться, всего бояться. Например, нельзя носить унты из бычьей кожи — обидится сохатый. Белку можно жарить только вверх головою, а рыбу — обратно, вниз головою. Нельзя играть костями кита, выброшенными на берег, — море будет сердиться. Нож, которым пришлось освежевать сивуча, нельзя носить при себе во время охоты на медведя. Нос соболя, при снятии шкурки, надо оставлять у животного; то же самое относится и к нерпе. Ранения и язвы нельзя показывать женщинам и т. д.

Ночное небо со множеством светил заставило лесных людей распределить все звёзды на созвездия и создать свой зодиак: Млечный путь — «Б у а-г и д ы н и». Это следы лыж старого Канда и молодого Е г д а. Раньше небо было низко; Канда и Егда отправились, шли много лет; вдруг небо стало медленно подниматься и ушло ввысь, а охотники так и не вернулись на землю. Удэгейцы знают о том, что полярная звезда —

Шаманский идол

«Бу а-Н а м м и н и» — неподвижна и находится на севере. Большая медведица — «Ц з а л и б а н г я н и» — состоит из семи звёзд: четыре образуют амбар (цзали), медведь идёт к нему красть рыбу, а люди его преследуют. Кассиопея — «О г б э», т. е. сохатый. Весы — «К у н и», т. е. лебедь. Плеяды — «Н а д а-о д е г а», т. е. семь девиц и т. д.

Высшее божество никогда не снисходит к людям. Удэхейцу приходится иметь дело только с низшими богами. Если у него идёт жизнь благополучно, значит, ему помогают родовые боги. Но иногда в его жизнь вторгаются злые духи и нарушают спокойствие. Вот почему, при всяком несчастье, при всякой неудаче удэхеец забывает о существовании своего доброго бога и прежде всего старается изгнать чёрта. Иногда это удаётся ему сделать самостоятельно, но если чёрт силен и изгнать его он сам не может, то прибегает к помощи шамана («С а м а»). Вот почему во всякой почти семье есть бубен, вот почему в каждой почти семье есть кто-нибудь, кто хоть

немного умеет камланить¹. Но это далеко не шаманы. Шаманов очень мало; они все наперечёт. «Он мало-мало шаман», — говорит удэхеец. «Он большой, крепкий шаман (Сагды-самани)», — говорит он про настоящего шамана.

Шаманство не есть религия, это особая форма психоза, которая должна исчезнуть вместе с той почвой религиозного мирозерцания, на которой она зародилась. С нашей точки зрения, все шаманы неврастеники и дар свой получают наследственно.

На реке Амуре и вообще в сфере влияния русских и китайцев, шаманство стало быстро подвергаться разложению, и уже недалеко то время, «когда этнографы, лишившись живых видимых источников, должны будут, подобно историкам и археологам, пользоваться вещественными остатками для воссоздания быта, уже несуществующего»². В глубине гор и лесов, в стороне от больших водных путей и грунтовых дорог, шаманство ещё сохранилось. На Амуре шаманы пляшут для забавы по заказу, смеются сами и над ними смеются. Это ловкие люди, часто ленивые и не верящие тому, что сами прорицают во время камлания. В истоках рек, у самого подножья Сихотэ-Алиня, где удэхейцы сохранились в большей чистоте, там мы видим совсем иное отношение к шаманству.

Шаманство — это страдание, которое будет сопровождать человека всю жизнь. Настоящий шаман глубоко убеждён, что духи являются ему во сне и указывают, что надо сделать, чтобы помочь людям, как изгнать

¹ Камланить — от слова «кам», что значит на языке тюрко-татар — шаман.

² Михайловский, В. М. Шаманство. Сравнительно этнографические очерки. Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. — 1892. — Том XII. — С. 4.

чёрта, как найти пропажу, дать добычливую охоту или исцелить тот или иной недуг.

Если молодой человек, ещё не достигший полного физического развития, становится молчаливым, начинает задумываться, тосковать, худеть и плакать по ночам, его жалеют, ибо знают, что он будет шаманом.

В 1907 году в прибрежном районе на реке Кусуне я имел возможность видеть, как один юноша сделался шаманом. Когда родители поняли, каким тяжким и неизлечимым недугом он заболел, они послали за шаманом на реку Уленгоу. Если этого не сделать, человек будет худеть до тех пор, пока не умрёт. Прибывший шаман в тот же вечер стал камланить и вызвал другого шамана с реки Нахтоху. По прибытии последнего они вдвоём вызвали третьего шамана с реки Такемы. Вот все три шамана в сборе. Ночь они провели в бодрствовании, а перед рассветом после камлания по очереди погрузились в сон. Их никто не будил до тех пор, пока они сами не проснулись. Когда встал последний шаман, они стали рассказывать друг другу свои сны. Один видел кости кита, другой — красную скалу, третий — сухостойный лес, много раковин, холодный источник, голую сопку и т. д. Сопоставляя виденное во сне, они старались угадать, где в ближайшем районе всё это находится. В совещании принимали участие все старики и охотники, хорошо знающие окрестности. Наконец, такое место было найдено. Это устье реки Суданэрл около мыса Арка. На следующий день шаманы отправились туда, захватив с собою и больного. Там ежедневно на рассвете, до восхода солнца, и вечером, после заката его, они силой заставляли юношу камланить. Один шаман держал его за плечи, второй втискивал ему в руку колотушку и третий заставлял бить в бубен. С юношей каждый раз происходили сильные припадки, он в корчах кричал, метался и впадал в глубокие обмороки. Наконец, после одного из таких насильственных камланий, он погрузился в долгий и глубокий сон. Он спал и (по его словам) видел во сне духа, который сказал ему: «Ты будешь служить мне, а я стану помогать тебе». Когда юноша проснулся, он попросил бубен, сам стал бить в него колотушкой и запел шаманскую песню. Болезнь его прошла, и с этого момента он сделался шаманом.

Севон — это дух; севохи — изображение духа. Название их бурханами, идолами совершенно неправильно.

«Севохи», изображающий медведя
в сидячем положении

Обычно чёрт принимает вид какого-нибудь живого существа и в таком виде входит в человека и мучает его. Например: судороги, удушье по ночам, истерика, нервные припадки и т. д. Из всех болезней самая страшная — падучая с судорогами. Это лисица — «Ч и г а л и». Видеть её нельзя. Она — севохи злого духа. Проникнув в тело человека, Чигали тянет жилы. Не всякий шаман может изгнать эту лисицу. Это делается в полночь, при затушенном костре. После камлания фуданку-чигали при криках выносятся наружу, разрывается на мелкие части и рассеивается по ветру.

В случае, если удэхеец имел несколько раз подряд неудачу на охоте, он идёт к шаману и рассказывает ему о происшествиях. Во время камлания, когда шаман находится в состоянии автогипноза, он видит, как перед ним проходят разные духи в образе зверей, людей и птиц. Он погружается в сон и, очнувшись, комбинирует виденное в одном образе. Вот почему каждый раз необходимо точно расспросить как самого шамана, так и больного, для чего сделан тот или иной севохи или фуданку и какое значение имеют те или другие его особенности. Например: севохи, имеющий вид человека, с медвежьей головой, с железными зубами и с крыльями. Крылья у него для того, чтобы севохи мог летать и догнать чёрта, железные зубы затем, чтобы он мог вступить в борьбу. Охотничьи принадлежности привязаны к его поясу, так как севохи в поисках за чёртом придётся совершать длинное путешествие по тайге и ночевать биваками и т. д.

Кроме того, у удэхейцев есть ещё «мяонки». Это тоже нечто вроде севохи, но малого размера. Делаются они против разных болезней, но не ставятся в юрте, а пришиваются к одежде с внутренней стороны. «М я о н к и» делаются по указанию шамана и представляют из себя изображения людей, зверей, птиц, змей, рыб, насекомых, а чаще всего это какие-нибудь отвлечённые предметы: пуля с кусочком красной тряпочки, три шпильки, нашитые на лоскуток кожи, пружина от ружейного замка, зашитая в беличий мех и т. д.

Жилище шамана обставляется особыми севонами. На самом видном месте стоит огромный севохи — «М а н г н и» (буквы Н и Г произносятся вместе с носовым звуком), именно тот, которому служит шаман и который помогает шаману в камлании. У него на груди сделаны изображения металлических зеркал. В них отражаются злые духи, приближающиеся к дому шамана. «М а н г н и» пустотелый, что означает голод. Он должен пожрать чёрта. Сердце сделано в виде птицы. Оно должно трепетать так, как бьётся привязанная за ноги птица. Сбоку — изображение жабы. Без этого знака севохи будет безжизненным куском дерева. На ногах вырезаны ящерицы (Э х е л я) — символы быстрого движения. Ноги должны двигаться так же быстро, как бегают ящерицы в тёплый солнечный день. Руки обернуты змеями, чтобы они не были ломкими; на руках — шесть пальцев, чтобы он крепче держал в руке копьё и т. д. Рядом с Мангни стоят два его помощника об одной ноге. На голове у них прикреплены огромные пещни вроде мечей. Они без рук, чтобы всю силу удара могли сосредоточить в голову.

Множество изображений медведей, тигров, людей разбросано там и сям по земле. Черепа медведей, медвежьих лапы повешены на деревья и т. д. Перед юртой стоят выкорчеванные пни, воткнутые в землю стволами и вверх корнями (накасэ). На этих пнях вырезаны грубые подобию человеческих лиц,

самые корни изображают волосы. Тут же, где-нибудь поблизости, стоят две или три лиственницы без сучьев и с кольцевыми вырезами по коре. Иногда на лиственницах укреплены деревянные птицы «К у а». На дороге, ведущей к юрте, поставлены кольца с изображением человеческих голов (Ц з а й г д а); они тоже ограждают жилище шамана от посягательств чёрта.

Необходимой принадлежностью шаманского костюма является короткая юбка из нерпичьей кожи, отороченная по подолу цветной полосой, на которой опять-таки нашиты люди, звери и птицы.

Чёрта надо запугать сильным шумом, для чего шаман надевает тяжёлый пояс, увешанный сзади множеством железных трубок, подымающих во время пляски неистовый лязг.

Его надо запугать страшным видом, для чего служит маска, отороченная мехом медведя. Чёрта может прогнать только гром. Этот гром шаман изображает с помощью бубна (у н к т у). Бубен представляет из себя обруч, обтянутый с одной стороны кожей, а с другой имеются верёвочные крестовины в виде змей, обращённых в разные стороны головами. Шаман держит бубен в одной руке за крестовины, а в другой — колотушку в виде тоненького загнутого валька, обтянутую мехом выдры, с изображением быстроногих ящериц. В бубне таится великая сила — гром. Когда она оставляет бубен, кожа с треском лопается. Это великое несчастье. Шаману угрожает смертельная опасность. Тогда чёрт имеет свободный доступ в его жилище. Для предохранения бубна от порчи его держат в берестяном футляре, на котором изображены змея с крыльями (Агды), медведь (Мафа), тигр (Амба), бездна (Сункта) и властитель морей (Тэму).

Удэгейцы полагают, что у каждого человека есть две тени: одна световая, другая — астральная. Последняя имеет вид человека, которому она принадлежит. Если тень его оставит, он теряет рассудок и становится сумасшедшим. Тень удаляется в загробный мир. Не всякий шаман может вернуть её обратно. Это чрезвычайно трудное дело и под силу только очень сильному шаману.

В 1909 году, зимой, когда я шёл по реке Анюю около притока её Тормасунь, мне удалось присутствовать при одном таком камлании. Дело было так. Один молодой удэгейец шёл при луне по льду реки и вдруг увидал, что от него отделился такой же человек, как он сам, и бросился в сторону. Больной страшно испугался, еле добрался до своей юрты, лёг на пол и стал заговариваться.

Тотчас родные послали за шаманом, который, к счастью, оказался живущим недалеко. Всю ночь и весь следующий день больной метался в бреду. Вид у него был дикий, испуганный и растерянный. На третий день, когда на западе угасли последние отблески вечерней зари, пришёл шаман, и начались приготовления к камланию. Женщины взяли листья багульника, зажгли их так, чтобы они не горели, а тлели, и поставили к ногам шамана. По всей юрте распространился едкий ароматичный дым смолистого растения. Затем два удэгейца взяли в руки тлеющие листья багульника и стали ими обтирать одежду шамана, начиная от головы и кончая подошвами его обуви. Пока делались эти приготовления, одна старуха нагревала кожу бубна над огнём и слабыми ударами колотушки пробовала, достаточно ли она натянута.

Огонь в юрте был притушен, в очаге оставались одни только тлевшие уголья. Наконец, очищения были кончены. Шаман надел юбку, нагрудник, на голову нацепил длинные ленты из стружек и подвязал позвонки к поясу. Он сел у огня по-турецки и, прислонив лицо к коже бубна, начал петь свою песню. Пение его было похоже на плач и чрезвычайно напоминало мне голосование (причитывание), которое в детстве приходилось мне слышать в деревне у русских женщин на могилах их родственников. Наконец, началось и самое камлание. Шаман встал, начал сильно бить в бубен, он как будто пел и плакал в то же время. Он сильно потрясал позвонками и плясал вокруг угасавшего костра. Пение его становилось громче, удар в бубен сильнее и пляска неистовее. От музыки его становилось жутко. Он говорил неясные и не всем понятные слова. Шаман летел в загробный мир. Севон, которому он служил, помогал ему в этом трудном путешествии. На дороге встречалось ему много препятствий. Он блуждал в горах, попадал в болота, шёл по лесу во время тумана, то переплывал реки, то встречал тигра и т. д. Глаза шамана были закрыты, лицо покрывалось потом и имело измождённый вид. Но вот он достиг царства теней. Пение его стало тихим, печальным. Теперь шаман стоял на коленях. На минуту он замолчал. Присутствующие сообщили, что сейчас шаман приступит к отыскиванию тени. Перед ним много теней; это души умерших, и все они похожи друг на друга, только травматические повреждения, которые когда-либо человек получил в бытность его на земле, сохраняются и по ту сторону смерти. Шаман должен среди них отыскать пропавшую. Вдруг он заговорил: «Больной десять лет тому назад порезал ногу, у него шрам на правой ступне». Родственники не подтвердили. «У него на правом плече родимое пятно»... «Неверно», — отвечала мать... «На левой ноге раньше мизинец был отморожен»... «Да, это было», — сказал отец. «На охоте медведь помял его, следы когтей остались у него около бедра, с левой стороны». «Тоже было». «Ребёнком он ушиб колено» и т. д. По этим признакам шаман нашёл душу. Тогда он поднялся и стал подходить к больному с пляской. Сумасшедший пришёл в большое волнение: он бился, стонал, царапал себе грудь, но не вставал с земли. Шаман вытянул над огнём свой бубен, и вдруг я увидел на нём какое-то небольшое чёрное животное, похожее на мышь. Зверёк быстро бегал по кругу и, несмотря на то, что шаман наклонял бубен, маленькое животное царапалось по коже и взбиралось к обручу, не падая на землю. Тогда шаман направился к душевнобольному и быстро сбросил чёрное животное на раскрытую грудь бесноватого. Женщины быстро запахнули халат. После этого шаман взял прутик, привязал к нему обрывок бересты, намазанной сажей, и стал читать свои заклинания, несколько раз проводя этой берестой по лежащему на земле больному от головы до ног и обратно. Обряд был кончен — тень найдена и возвращена человеку.

Теперь шаману предстояло спуститься на землю. Иногда спуск бывает медленный, тихий, спокойный, иногда на пути встречаются опять препятствия. Иногда же спуск бывает быстрым и похожим на падение. В данном случае шаман метался, кружился, затем прыгнул в самую середину огня и ногами разметал уголья в разные стороны. Шаман упал на землю и тотчас же заснул. Больной спал тоже. На другое утро он выздоровел совершенно.

Вне всякого сомнения, что целый ряд нервных заболеваний шаманы могут излечивать с помощью гипноза. Допустим, шаман знал больного и, вероятно, уже не один раз излечивал его от недуга. Болезнь протекала каждый раз в одном и том же порядке, и он вперёд знал, чем всё это кончится. Но чёрный зверёк, которого я видел? Вероятно, и я находился под влиянием общего гипноза.

По представлениям удэгейца, всё живое на земле имеет душу. Со смертью душа оставляет тело, но не уходит далеко, а витает некоторое время около юрты, ожидая, когда шаман отведет её в загробный мир. Это чрезвычайно трудное дело. Только настоящий шаман может выполнить эту миссию. Шаман на пути также встречает невероятные трудности, нередко возвращается обратно и на другой день вновь начинает странствования. Если шаман не доставит душу на тот свет, то она будет скитаться по земле и перейдёт во власть чёрта, сама сделается чёртом и будет вечно мстить своему роду. Загробный мир (Б у н и) находится очень далеко, в той стране, где солнце во время заката скрывается за горизонтом. Там душа в течение одного поколения живёт такую же жизнью, как и на земле, люди так же ловят рыбу, так же охотятся, женятся и снова умирают. После второй смерти душа становится меньше и уносится ещё дальше на запад, где снова живёт одно поколение, опять умирает и опять летит на запад, к заходящему солнцу, становится всё меньше и меньше, пока и совсем не исчезнет. Вот почему на могилу покойного кладутся все его вещи. Все они должны быть поломаны, изорваны и вообще испорчены. Вещи эти будут нужны покойному и на том свете, как и на этом.

Удэгейцы особенно тщательно рассматривают мелких насекомых, например, тлю. Она мала, ничтожна и, следовательно, находится накануне полного исчезновения. Где-то есть другой мир, где тля была огромным животным. Ныне земля для неё — последняя стадия жизни.

Как только человек начинает умирать, его предоставляют самому себе. Все люди уходят из юрты и не возвращаются до тех пор, пока умирающий не испустит последнего вздоха. Тогда покойника начинают одевать: мужчин одевают в нечётное число пар одежд, женщин — в чётное. После смерти умершего тотчас же выносят из дому. Над усопшим спешно ставится маленькая юрта, которая со всех сторон окружается стружками (к о т е п л я н и), прикреплёнными к жердям и палкам. Эти стружки изображают пламя и сохраняют душу от посягательств злого духа. Со смерти покойника в доме его родственников бессменно должны быть посторонние люди, которые непременно должны говорить, в противном случае в юрте умершего найдёт себе пристанище чёрт О к з о.

Отца хоронить должен непременно старший сын, в отсутствие его — младший, наконец, кто-либо из родичей и только в отсутствие этих последних — чужеродцы. Хоронят безотлагательно и тотчас же, как всё будет готово. Покойника кладут в гроб, сделанный в виде лодки, потому что душе придётся переплывать моря и реки, а голова обкладывается мхом, высушенным на огне. В ноги кладут разбитый котёл, а в изголовье и по сторонам — спички, ложку, разбитую чашку, трубку и маленькую котомку для загробного путешествия. Покойника обвёртывают материей, если есть таковая, и кладут в гроб, который сверху забивается досками, обвёртывается берестой, обвязывается ремнями и

ставится на два пня, на аршин от поверхности земли. Над гробом делается крыша из досок или корья, чтобы дождевая вода не могла туда проникнуть. Под крышу кладутся нарты, лыжи, копьё, стрелы, оморочка, сетка, острога, вёсла и т. д. Ружьё посылать нельзя, потому что с этим оружием душа не попадает в царство теней.

Гроб ставится так, чтобы покойник головою лежал на запад, а ногами к востоку, лицом к восходящему солнцу. Впереди гробницы нередко выставляются севохи, опять-таки как результат снов шамана или снов ближайших родственников и в особенности в том случае, если во сне явился сам покойник.

Во всё время от момента смерти до окончания похорон, что занимает около трёх суток, необходимо время от времени камланить и отгонять чёрта от души усопшего.

Если появится оспа или какая-нибудь другая заразная болезнь, тогда удэгейцы торопятся хоронить покойников и всех без исключения закапывают в землю.

Детей всегда хоронят на воздухе, но гробы не ставят под крышу, а укрепляют в развилках между двумя деревьями. Если гроб ребёнка закопать в землю, женщина более не будет иметь детей.

Как только обряд погребения совершён, все люди, кто прикасался к покойнику, совершают омовение головы и рук и бросают в огонь всю свою одежду, равно бросаются также и все те предметы, которые употреблялись при работе: топоры, пила, нарты и лодка, если на ней перевозили гроб за реку.

На могилы своих родственников удэгейцы никогда не ходят, вблизи их они не охотятся, не стреляют, не рубят деревьев, не мнут траву и не собирают ягод.

Вся семья усопшего, а равно и все родственники носят траур. Женщины распускают свои косы и нашивают на одежду белые полоски. Мужчины вместо двух кос носят одну и тоже вплетают в неё белую тесёмку.

В юрте на том месте, где жил усопший, вешается его совершенно ненадёванная одежда и около неё ставятся новые унты, набитые травой. В течение семи дней каждый раз при еде на то место, где жил раньше покой-

Гробница, поставленная над покойником, похороненным на поверхности земли

ник, ставится чашка с пищею. Когда поедят все люди, чашка выносится и содержимое в ней разбрасывается по тайге. Затем начинают привыкать, что человека этого нет в доме, и об умершем мало-помалу забывается. Место усопшего в юрте занимает кто-либо из семьи, и всё по-прежнему входит в колею обычной жизни.

**Список иностранных слов (с объяснениями),
встречающихся в тексте**

Ассимилирование — уподобление себе, превращение в себя.

Абориген — туземец.

Экспансивный — стремительно проявляющий свои чувства.

Эгоизм — себялюбие.

Инициатива — почин, сообразительность, проявляемые самостоятельно.

Агнатный — кровный родственник по отцовской линии.

Диссонанс — неблагозвучное сочетание звуков.

Конфликт — столкновение, спор.

Нейтральный — безразличный, посторонний, незаинтересованный.

Логика — правильное мышление.

Патриархальность — порядок, основанный на старинных обычаях.

Анимизм — мирозерцание, по которому всё человекоподобное и всё живое.

Психоз — ненормальное душевное состояние.

Неврастеник — человек с расстроенными нервами.

Этнография — наука, занимающаяся изучением народов.

Археология — наука, занимающаяся изучением исчезнувших народов по остаткам.

Автогипноз — самовнушение.

Комбинировать — обобщать.

Астральная тень — невидимая, воображаемая тень.

Травматические повреждения — раны, ушибы, переломы, вывихи.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие.....	382
Внешний быт удэгейцев.....	383
Общественный строй.....	391
Миросозерцание	401
Список иностранных слов (с объяснениями), встречающихся в тексте.....	413

В48

753

В. К. АРСЕНЬЕВ

ТИХООКЕАНСКИЙ МОРЖ

В. Гроссер.

639.2(57.3)

А-85

8164.

НОЕ ДЕЛО
ВСК-ВЛАДИВОСТОК

- ✓
ДВ. 484
+ 639.2
A 853

✓ В. К. АРСЕНЬЕВ ✓

639.2(57.3)
7150 А-85

ТИХООКЕАНСКИЙ МОРЖ

С 4 рисунками в тексте и схематической
картой Чукотского полуострова

ХАБАРОВСК—ВЛАДИВОСТОК
1927

ДВ
государственная
научная библиотека

В. К. Арсеньев

Тихоокеанский морж

С 4 рисунками в тексте и схематической
картой Чукотского полуострова

Хабаровск — Владивосток
1927

Описание животного

Тихоокеанский морж (*Frichachus rosmarus* T. Obesus) представляет из себя животное, относящееся к классу *Mammalia*, к отряду *Pinnipedia* и к семейству *Frichichidae*. Англичане называют его морской лошастью (*seahorse*), норвежцы «*rosmar*» (отсюда получилось его видовое название), лопари — «морск», в котором мы узнаём русское слово «морж», оленные чукчи — «рырык», сидячие чукчи — «тырыкэн», береговые коряки — «тэт-ка» и эскимосы — «айоын».

По-видимому, имеется два вида (вернее, подвида) моржей: полярно-атлантический и полярно-тихоокеанский. Первый вид обитает у берегов Гренландии и по всему пространству Северно-Полярного моря до Таймырского полуострова, второй — в границах от мыса Барроу (в Америке) до мыса Челюскина на западе; вероятно, и весь архипелаг Северной Америки в Ледовитом океане заселён именно этим видом моржа.

Полярно-тихоокеанский морж является самым крупным представителем ластиногих. Он достигает в длину 4,25 метра, в обхват 2,5 метра и весит от 80 до 130 пудов. У моржей, как и у всех ластиногих, самки значительно мельче самцов. Громадное, постепенно суживающееся кзади тело моржа покрыто толстой кожей, образующей множество складок, к которым около шеи и плеч присоединяются ещё мозоли и рубцы от ран, полученных зверем во время драки с другими самцами из-за обладания матками.

У молодых животных кожа покрыта короткой шерстью бурого цвета, которая с возрастом редет и желтеет, а под старость выпадает совсем. Тихоокеанский морж отличается от своего атлантического собрата прежде всего своими размерами и затем формой черепа. Его широкая морда спереди как бы притуплена и покрыта белесоватыми и твёрдыми, как рог, усами длиной в 5–6 сантиметров и украшена могучими бивнями, которые придают животному грозный вид. У тихоокеанского моржа бивни длиннее, толще и сильнее наклонены друг к другу, чем у атлантического. У самок они короче и тоньше, чем у самцов. Голова моржа, округлая сзади, совершенно лишённая ушных раковин, сидит на толстой шее, которая конусообразно расширяется книзу и незаметно переходит в туловище.

Конечности почти совсем скрыты в туше, и наружу выходят только лапы с голыми подошвами, причём пальцы имеют недоразвитые когти. Такого рода конечности всё же позволяют моржу передвигаться по поверхности земли, взбираться на камни и даже делать небольшие прыжки. Задние конечности вытянуты горизонтально и несколько раздвинуты в сторону. Собственно, они, главным образом, и играют роль двигателя в воде. Тело моржа оканчивается коротким хвостом, который представляет

из себя небольшой лоскут кожи. Из чувств у него слабее всего зрение, лучше слух и хорошо развито обоняние. Приближение врага морж чувствует по ветру на большом расстоянии.

Пища моржа

Пищу моржа составляют, главным образом, моллюски *Saxicava arctica* *Muattrincata* *Buccinum* Sp.¹ и *Saxicava rugosa*², причём раковины он раздробляет зубами и выбрасывает изо рта. Своими бивнями морж разрыхляет ил и песок и отыскивает себе пищу. Обычно в желудке убитого зверя находят от 1,5 до 2 пудов моллюсков, составляющих большое лакомство чукчей и эскимосов. Убив моржа, они торопятся вскрыть брюшную полость животного и поедают содержимое его с особенной жадностью.

Иногда среди моржей попадаются хищники, которых эскимосы и чукчи боятся и считают причиной всех бед и несчастий — причиной голодовок. По их словам, такой морж становится хищником в том случае, если он рано потеряет свою мать. Другие животные гонят его от себя, и тогда он начинает питаться чем попало: рыбой, трупами утонувших людей, животных, потом он начинает нападать на нерп, лахтаков, молодых моржей, самок и поедает их, разрывая клыками. Обыкновенно это большой зверь, злой, держится всегда особняком. Чукчи называют его «келюч». Он имеет большие, обычно поломанные клыки жёлтого цвета, и кожа его покрыта множеством рубцов и царапин. У хищных моржей строение зубов несколько иное, и мясо его с прослойками жира. О присутствии такого моржа туземцы узнают по той торопливости, с какою все морские звери оставляют лежбища,

Стадо моржей

¹ По Н. А. Смирнову.

² Гапанович, И. И. Рыбные и пушные богатства Д. В. — 1923. — С. 318.

хотя бы они только что привалили к берегу. Чаще всего хищные моржи появляются около Чаунской губы.

Размножение

Несмотря на то что за моржами энергично охотятся и американцы, и туземцы, о жизни их и в особенности о размножении известно очень немного. А. И. Караев видел самок моржей с несколькими молодыми животными разного возраста. Из этого он делает заключение, что спариваются они не ежегодно, а с некоторыми промежутками, но всегда в июне месяце. В это время между самцами из-за гаремов происходят жестокие бои, причём разъярённые животные наносят друг другу глубокие раны.

Эмбриональный период длится 12 месяцев. Обыкновенно самка на шестом году жизни, где-нибудь на льду или на берегу, куда трудно проникнуть человеку, приносит одного детёныша, которого и кормит в течение двух лет. Он долго не покидает своей матери и всюду следует за ней.

Нрав зверя

Из всех ластиногих моржи наименее водные животные. Они всегда держатся около берегов и, если нет плавающих льдов, не уходят далеко в открытое море.

В тёплые дни можно видеть моржей целыми стадами на льдинах, где они, погружаясь в дремотное состояние, нежатся под лучами весеннего солнца и всегда лежат на краю льда, чтобы, в случае опасности, можно было сразу спуститься на воду.

Отдыхающее стадо моржей выставляет часового, который бодрствует и, пользуясь хорошим обонянием, всё время поворачивает голову то в одну, то в другую сторону. При малейшем намёке на опасность он рёвом и толчками будит остальных животных, и тогда всё стадо с шумом бросается в воду.

Бивни моржей не только боевое их оружие — они оказывают им значительную помощь, когда животные взбираются на лёд или проделывают в нём дыхательные отверстия. Когда моржи засыпают, бивни являются некоторой помехой и принуждают животных класть голову набок.

На берегу моржи производят впечатление беспомощных животных.

Чукотский полуостров. Стадо моржей в море

Целыми часами они лежат в неподвижных позах среди своих слизистых испражнений, лежат до тех пор, пока не подойдёт прилив и сама вода не снимет их с лежбища. В воде морж преображается и проявляет большую любознательность ко всему его окружающему. Увидев лодку, он подплывает к ней, подымает голову и старается рассмотреть пассажиров. Быстродвигающееся большое тело,

громадная голова с клыками и грозный рёв способны напугать и неробкого человека. И действительно, моржи становятся опасными, когда они сообща защищают детёнышей или раненого товарища. Тогда они яростно бросаются на лодки и стараются опрокинуть их своими клыками.

Как и все ластоногие, моржи — животные общественные и собираются иногда стадами в тысячу голов и более. Хотя по внешнему виду они производят впечатление неуклюжих животных, но тем не менее довольно успешно взбираются на высокие скалы, иногда высотой до 50 метров, передвигаясь по земле с помощью лап и цепляясь за выступы камней бивнями.

На берегу к моржу можно подойти с подветренной стороны вплотную и даже можно, правда, с некоторой опаской, тронуть его за голову, но отнюдь не за клыки. Охотник, позволивший себе подобную фамильярность, может попасть в опасное положение. Несмотря на свою неповоротливость, морж в таких случаях сразу бросается на обидчика.

Места обитания

Раньше моржи были чрезвычайно многочисленны и большими стадами спускались на юг как в Атлантическом, так и в Тихом океане.

Есть, кроме того, сомнительные указания на пребывание моржей в исторические времена в Охотском море. Так, в описании якутского воеводы Ивана Акинфова в 1652 году говорится о тунгусах, живших близ Охоты-реки и о моржовом промысле по островам и заливам Охотского моря¹. Затем, в лексиконе приаянских тунгусов имеется слово «кумачан», что значит «морж», и даже определённо говорится о промысле на это животное².

Вероятно, здесь дело идёт не о морже, а совсем о другом животном, именно — о сивуче. Вероятно, и казаки, и приаянские тунгусы смешали обоих животных и сивуча назвали моржом. Это тем более возможно, что по внешнему виду сивуч напоминает несколько моржа, он значительно крупнее нерпы, имеет буро-жёлтую окраску и ревьёт, как морж; отсутствуют только клыки. Кроме того, пребывание моржей в Охотском море должно было бы подтвердиться находками где-нибудь костей этого животного. Между тем, до сих пор костей моржа нигде найдено не было³.

Первые сведения о моржовых лежбищах на крайнем северо-востоке относятся к половине XVII столетия⁴. В недавние исторические времена, именно в половине XIX столетия, моржи ещё обитали около восточных берегов Камчатского полуострова. Здесь даже имеется бухта «Моржовая».

¹ Пекарский, Э. Д. и Цветков, В. Приаянские тунгусы. — 1911. — С. 335–337.

² Дополнение к историческим актам. Т. III. Изд. Археографической комиссии. — 1848. — С. 348–349.

³ В 1926 году на западном берегу Камчатки в песках найден сильно почерневший моржовый бивень.

⁴ Отписка якутскому воеводе Ивану Акинфому в 1655 году служилого человека Юрия Селивёрстова о прибытии его на Анадырь, о моржовом промысле и проч. См. Дополнение к историческим актам. Т. IV. Издание Археографической комиссии. — 1851. — С. 9–13.

Также Наказ якутскому воеводе Ивану Большому Голенищеву-Кутузову о сборе моржовой кости по берегам Восточного океана, по реке Лене и проч. Дополнение к историч. актам. Издание Археографической комиссии. — 1848. — Т. IV. — С. 99–100.

В 1854 году у мыса Кроноцкого моржей лично видел Карл фон Дитмар¹, но после него никто из позднейших исследователей о моржах уже не говорит. По-видимому, лежбища эти угасли вскоре после отъезда Дитмара из Камчатки.

Совсем недавно к Карагинскому острову тоже приваливало ежегодно много моржей. Коряки специально ездили туда на охоту. В конце XIX столетия моржовые лежбища — Карагинское и Верхотурское — стали известны иностранцам. Ресин говорит, что к этим островам ежегодно приходило три американских шхуны. Тогда число моржей на островах быстро стало сокращаться, и коряки добывали уже не более 10–15 зверей за лето². Уже совсем недавно последние остатки моржей были перебиты американскими хищниками.

По мнению Суворова, теперь моржи уже не спускаются южнее мыса Гека (64° с. ш.) в начале Анадырской губы, но, по новейшим сведениям, они изредка доходят даже до Шлюпочной гавани, где в 1920 году был убит один зверь.

В Аляске моржами ранее изобиловал Бристольский залив. Моржи спускались на юг до Прибыловых островов, но и в Америке южная граница распространения их за последние 25 лет передвинулась с 55° широты к мысу Румянцева (62° с. широты). Замечательно, что к полуострову Аляске приходят теперь только самцы, молодые и старые, самок же между ними не бывает вовсе³. Из всего изложенного с неоспоримой очевидностью явствует, что область распространения тихоокеанского моржа быстро отодвигается из Великого океана в Ледовитый через Берингов пролив.

В частях Ледовитого океана, прилегающих к Атлантическому, моржи издавна стали подвергаться столь энергичному преследованию, что в короткий срок были совершенно уничтожены все лежбища, вплоть до острова Шпицбергена. С течением времени моржи сделались весьма осторожны и стали забираться в самые отдалённые местности. Со стороны Атлантического океана преследование моржей норвежцами шло не только в направлении к северу, но и к востоку, вдоль берегов Сибири. Таким образом, область обитания этих ценных животных сокращается в Ледовитом океане от запада к востоку и в Тихом — с юга на север. Но у северных берегов Сибири морж распространён весьма неравномерно. От устья Енисея до Чаунской губы он встречается очень редко, а восточнее мыса Шелагского имеются значительные их лежбища⁴.

Обычно, как только весной льды отходят от северных берегов Сибири, тотчас же появляются моржи и, обратно, осенью, в октябре месяце, как только начинается массовое скопление льдов около берега, моржи спускаются через Берингов пролив к югу. Приливные течения придвигают льды к берегу и на них приносят моржей. Обратное движение моржей к северу начинается с марта месяца, сначала опять-таки на льдах, а потом и вплаву по воде.

¹ Дитмар, К. Путешествие по Камчатке в 1853–1855 годах.

² Ресин, А. А. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана. — 1888. — С. 12, 42 и 43.

³ Семёнов-Тян-Шанский, П. П. Живописная Россия. Т. XII. — 1895. — С. 82.

⁴ Житков, Б. М. Морские звери и морские промыслы. — 1924. — С. 45.

Около побережья Чукотско-Анадырского края имеется несколько постоянных и временных лежбищ, которые с юга на север — в Беринговом море и с востока на запад — в Ледовитом океане — располагаются в следующем порядке:

Название лежбища	Местонахождение	Современное состояние его
У м. Гека	Анадырский залив	Постоянное
Мечкинское	У входа в залив Св. Креста на косе с восточной стороны	То же (с апреля по декабрь)
Малый Ретикан	На кошке, того же названия, к западу от м. Беринга	Постоянное
У м. Чаплина	К сев.-западу от него рядом	Угасшее
Аракамчечен (Клынын)	На о-ве того же имени к востоку от м. Оленьего	То же с 1914 г.
Нечикинское	На косе против лагуны Хайгуын и восточнее мыса Неегчан	Посещается одиночными экземплярами
Инчау	Около мыса Инцова	Временное
Утанское	У сел. того же имени около мыса Инцова	Временное — моржи бывают часто, но не всегда
Икичуринское	К юго-востоку от м. Сердце-Камень	То же
Сердце-Камень	Около мыса того же имени	То же
Тяпкинское	К северо-востоку от того же мыса	То же
Итлитынское	На острове того же имени, северо-восточнее лежбища Тяпкинского	То же
Пилькайское	Около Колючинской губы, близ места зимовки «Веги» в 1878 г.	То же
Колючинское	На острове того же имени перед входом в губу	Постоянное
Ванкареминское	Восточнее и рядом с устьем р. Ванкоремы	Моржи бывают часто
Иппагское	К юго-востоку от р. Амгуемы	То же
Рыр-Кайпия	У мыса того же имени, что по-чукотски значит «моржовый мыс»	Очень большое лежбище — угасшее
Шелагское	С южной стороны мыса того же имени при входе в Чаунскую губу	Не каждый год

Враги

У моржа имеются враги и в море, и на суше. В море — косатка (*Orca gladiator*), которую туземцы называют «хозяином морей». Косатки — это тигры в морских водах. При появлении их (они всегда ходят стаями) все животные, в том числе и моржи, выбрасываются на берег. Сухопутными

врагами моржа являются белый медведь и человек. Насколько морж хорошо видит в воде, настолько плохо на суше, на льду и вообще на воздухе. Этим пользуется медведь. Он нападает, главным образом, на молодых животных.

Убой морского зверя в водах, омывающих Чукотский полуостров, производится с байдар и вельботов, приобретённых у американцев, и со шхун, от 30 до 100 тонн, с командой от 15–20 человек.

Промысловые суда

Байдары бывают различной величины. Наибольшие длиною в 14 метров с грузоподъёмностью до 250 пудов. Туземцы в них совершают большие переходы вдоль нашего побережья и ходят на Аляску. Байдара — самый совершенный тип судна для плавания по рекам и в море. Она прочна, легка, устойчива на воде, увёртлива и достаточно грузоподъёмна. Остов чукотской байдарки состоит из тонких древесин, связанных ремнями и китовым усом. В ней нет ни одного железного гвоздя. С боков и сверху остов обтягивается моржовой кожей, которую нарочно для этого разрезают по толщине надвое, однако, не дорезают до края, вследствие чего получается кожа сравнительно тонкая, но прочная, эластичная и большая. На севере, когда приходится плавать среди льдов, такая кожаная обшивка является совершенно незаменимой. Деревянный или даже металлический корпус вельбота всегда подвержен риску быть пробитым при соприкосновении со льдом. У байдары кожа поддаётся давлению и как бы пружинит при ударах о льдины. Кроме того, вследствие своей лёгкости, она легко перевозится на собаках с места на место, переносится на руках, легко разбирается и собирается вновь, во время охоты на морского зверя она легко управляется как под вёслами, так и на парусах¹.

Орудия промысла и охота

Для убоя моржа употребляется гарпун или нарезное ружьё. Гарпун состоит из двух частей: железного наконечника и древка длиною в 2 метра. Наконечник вставлен в костяную оправу и имеет два жальца, прижатых к нему с той и другой стороны. На пятке наконечника сделано небольшое отверстие, которым он привязывается к длинному ремню, и древко тоже оканчивается костяной оправой с отверстием в середине, в которое и вставляется наконечник с остриём.

При нанесении удара острый железный наконечник глубоко входит в тело животного. Раненый зверь бросается вперёд и тем выдёргивает наконечник из древка. В этот момент охотник немного натягивает ремень к себе, отчего жальца наконечника отходят от острия и становятся поперёк раны, вследствие чего выдернуть его назад уже трудно. Чтобы не потерять из виду моржа, к ремню привязывается пузырь, наполненный воздухом. Этот пузырь указывает охотнику местонахождение зверя. Вельботу (байдаре) приходится действовать и парусами и вёслами, чтобы загнать зверя и не дать

¹ Караев, А. И. Статистическо-экономическое описание Чукотско-Анадырского края : Рукопись. — 1924. — С. 35.

Бой облежавшихся моржей на льдине

ему набрать воздуха. Для этого нужно иметь сноровку, надо хорошо знать все повадки зверя и заранее намечать место, где он покажется из воды. Если ремень прикреплен к лодке и раненый морж тащит её за собою, охотники стараются замучить моржа настолько, чтобы подойти к нему вплотную для нанесения окончательного удара. В то же время надо внимательно следить за ремнём. Если натянутый ремень вдруг ослабнет, надо скоро отгребать назад и приготовляться к обороне. Это значит — зверь решил атаковать лодку. Когда животное всплывает на поверхность воды, чтобы набрать воздуха в лёгкие, в него всаживают второй гарпун, потом третий, четвёртый и т. д. Когда морж окончательно обессилеет, ему наносят последний смертельный удар и затем буксируют к берегу.

Такая охота на моржа небезопасна. Около раненого зверя собираются другие моржи. Они окружают байдару, в особенности, если ранен детёныш. Разъярённая самка, а за нею и самцы, оглушая воздух рёвом, нападают на охотников и стараются опрокинуть лодку своими клыками.

В конце XIX и в начале XX столетия американцы, за отсутствием конкурентов, были единственными поставщиками огнестрельного оружия в Восточной Сибири. Русские ружья (берданки) имели здесь весьма малое распространение. Для охоты на суше туземцы отдавали предпочтение винчестеру калибра 30×30, а для охоты на морского зверя 44×70. Стрельба из ружей имеет место при убое зверя на льду или на воде в том случае, если он загарпунен и не может быть потерян.

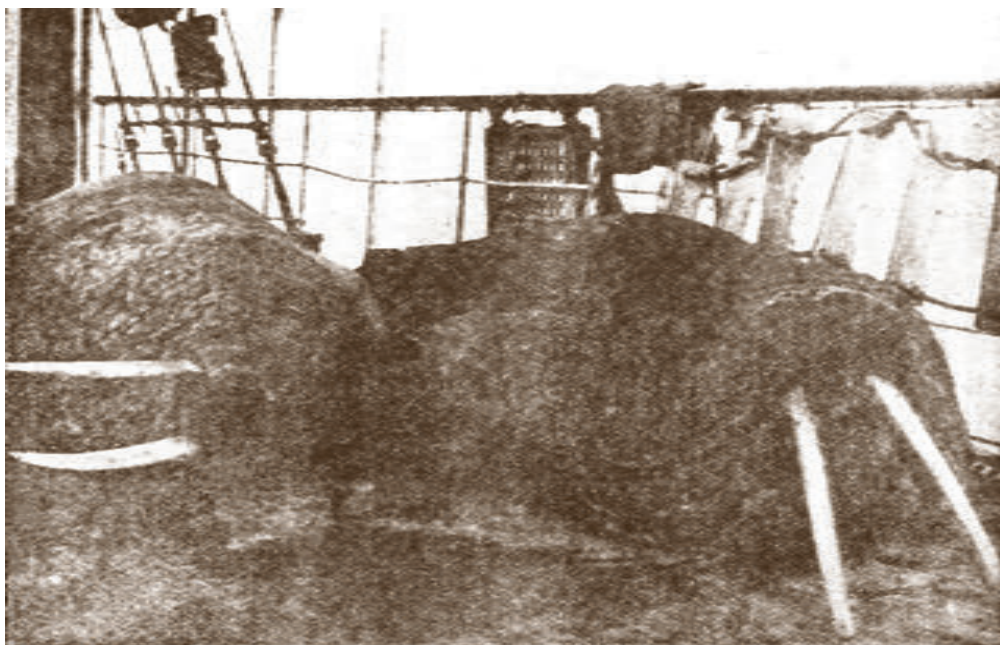
В марте месяце светлой ночью эскимосы постоянно следят за движением моржей. Как только сигнальщики дадут знать, что недалеко показалась льдина, на которой залегло много животных, охотники спускают на воду байдары и отправляются за зверем. Моржей в это время найти нетрудно, потому что они своим рёвом на 2–3 мили в окружности выдают себя. Хотя моржи и плохо видят вне воды и своим рёвом заглушают шум ветра и волнения, к ним не подходят вплотную. Если моржи только что взобрались на льдины, им дают в течение суток или двух облежаться, потому что обсохший зверь погружается в дремотное состояние, глаза его

заплывают слизью, он теряет пугливость и неохотно идёт в воду. Когда настанет время убоя, к ним тихонько подходят с подветренной стороны, имея наготове гарпуны, ремни, свёрнутые в кольца, ружья и воздушные пузыри. Убою подвергаются, прежде всего, те животные, которые лежат на краю льда, чтобы тушами убитых зверей отрезать путь к воде остальным моржам.

По словам И. И. Семёнова, в бухте Св. Креста убой спящих животных производится следующим образом: животные набирают в себя воздух, отчего является впечатление, будто у них есть воздушные мешки под горлом, и в таком виде спят на воде. Чукчи подплывают к ним на байдарках и бьют гарпунами. Как только у убитого зверя воздух выйдет из лёгких, он становится тяжелее вытесняемой им воды и тонет. Тогда его уже нетрудно поднять кверху при помощи ремней и прибуксировать к берегу.

Мечегинская кошка отделена от берега широкой протокой, которая чем больше на запад, тем становится меньше. Зная это, чукчи на байдарках стараются загнать моржей в эту протоку и гонят их до тех пор, пока не загонят на мель. Тогда их бьют гарпунами или убивают из ружей.

Хищнический убой моржей на лежбищах представляет из себя отвратительную картину. Их бьют из ружей, гарпунами, топорами и даже дубинами; при этом убиваются все животные поголовно, не разбирая ни пола, ни возраста. Моржи, отрезанные от моря трупам уже павших животных, чувствуя свою беспомощность, поднимают неистовый рёв. С каким-то особым озлоблением люди избивают несчастных ластоногих. Некоторые охотники приходят в невменяемое состояние и продолжают наносить удары уже мёртвым животным до тех пор, пока их кто-нибудь не остановит криком или не вырвет из рук оружия. Так в большинстве случаев поступают

Убитые моржи на палубе судна

американцы, когда в погоне за наживой они нападают на моржей, привыкших к тому, что туземцы их на лежбищах не беспокоят.

В Беринговом море на моржей охотятся в течение четырёх летних месяцев. Самым лучшим месяцем для промысла считается июнь, хорошими — июль и август, плохим — сентябрь. В это время как раз происходит передвижение моржей с севера на юг и обратно.

Жители поста Ново-Мариинского, расположенного на кошке в Анадырском лимане, выезжают на охоту за морским зверем в мае месяце и возвращаются назад, когда лиман совершенно освободится ото льда¹.

Иногда случается, что Колючинская губа замерзает так быстро, что моржи не успевают уйти в море. Застигнутые врасплох, они направляются сухопутьем в бухту Провидения. Тогда чукчи-охотники устремляются в горы и бьют моржей на перевале, в 12 километрах от моря.

Разделка зверя

В промысловом отношении по количеству добываемых животных на первом месте стоит побережье Ледовитого океана от мыса Дежнёва до Чаунской губы, затем побережье Берингова пролива и последнее место занимает Анадырский залив.

Как только зверь убит и поднят со дна, ему прокалывают один из передних лаптов, связывают ремнём задние конечности, затем пришвартовывают его к байдаре и в таком положении доставляют на берег. Там его вытаскивают на намывную полосу прибоя, кладут на спину и делают ножом надрезы вокруг головы и вокруг лаптов. Если кожа предназначена для байдари, то для снятия её делается надрез по брюху от горла до заднего прохода, а если имеют в виду использовать её для каких-либо других целей, то двумя продольными разрезами делят на две части, из которых каждая снимается отдельно. После этого с туши срезается всё сало и отрезают голову, а затем моржа потрошат и разрубают на части.

Кожа

Сырая кожа моржа весит от 12 до 15 пудов. У старых самцов она вся в мозолях и рубцах. Свежеснятую шкуру чукчи кладут в яму для прокисания и затем разрезают её, как выше было сказано, вдоль по толщине, не дорезая её до противоположного края, а затем растягивают её ремнями на кольях или рёбрах кита и сушат на сквозном ветру.

Такая кожа становится сравнительно тонкой (2,5—4 миллиметра) и весит только 2—2,5 пуда. Иногда её в сыром виде просто вешают в яранге² недели на две, отчего шерсть из неё выпадает. Высушенная таким образом кожа весит от 4 до 6 пудов и идёт на подошвы обуви.

Американцы при разделке зверя снимают кожу вместе с жиром, потом подвешивают её и срезают сало пластами для вытопки в цистернах. Если этого сделать сразу нельзя, то шкуры, вместе с салом, засаливаются. Лет тридцать тому назад на Чукотском полуострове одна шкура моржа

¹ Гондатти, Н. Л. Оседлое население р. Анадыри. Записки Приам. отд. Рус. геогр. общ. — 1897. — Т. III, вып. I. — С. 144—145.

² Яранга — юрта.

оценивалась от 5 до 7 рублей, ныне цена на неё значительно поднялась и зависит от места убоя, от количества добытого зверя, от времени года и т. д., но никак не дешевле 20 рублей. Иногда цена на неё поднимается до 50 рублей. В Аляске американцы разрезают шкуру моржа на 50 пластин и продают по 2—2,50 доллара за штуку.

Жир

Один морж средней величины даёт 12—16 пудов жира, который опять-таки оценивается различно, смотря по месту убоя и количеству добытых животных. Американцы выменивают жир на товары из расчёта 4 доллара за 100 кило. Сало моржа гораздо грубее нерпичьего и при вытапливании оставляет большое количество клетчатки (до 15 %). Моржовый жир на месте ценится от 1 до 6 рублей пуд.

По мнению всех исследователей, моржовый жир отвратителен на вкус, но чукчи и эскимосы пожирают его с аппетитом. Особым лакомством считается жир, подвергшийся уже некоторому разложению. Для получения столь ценного для туземцев продукта с убитого зверя жир снимается пластинами и кладётся в моржовые пузыри, которые плотно затягиваются и затем помещаются в земляных ямах на глубине одной сажени. В этих ямах жир киснет и сам собой перетапливается, вследствие развивающегося в нём тепла. Американцы вытапливают моржовую ворвань с помощью пара в закрытом котле, подвергая его продолжительному кипячению, после чего переливают его в особые цистерны.

Мясо моржей

Один морж даёт около 50 пудов мяса, которое расценивается на месте от 1 до 4 рублей за пуд. Мясо грубое, волокнистое, тёмного цвета, обильно насыщено кровью и имеет большой удельный вес. Мясо убитого зверя чукчами и эскимосами заготавливается впрок следующим образом: его режут тонкими ломтями и сушат на солнце или в свежем виде режут на куски и кладут в ямы, которые сверху засыпают землёю. При коротком вегетационном периоде, при невысокой летней температуре и при наличии вечной мерзлоты под дерновым покровом бактерии не могут быстро развиваться, и потому процесс разложения происходит очень медленно. Русские такое мясо называют «кислым» от слова «прокиснуть», т. е. протухнуть. Кислое мясо имеет ослизлый вид, волокна его расплзаются и при этом оно отвратительно пахнет. Чукчи и эскимосы кислым мясом кормят не только своих собак, но и сами едят его очень охотно. У чукчей есть ещё одно блюдо, считающееся большим лакомством. Для приготовления его берётся большой кусок мяса, который жильными нитками зашивается в моржовую или нерпичью шкуру. Затем этот кусок кладётся в воду мелкой лагуны на солнцепёке. Время от времени его вынимают из воды и щупают руками. Если мясо стало мягким — оно готово. Тогда чукча берёт нож и одним ударом делает в коже небольшое отверстие. Когда газы выйдут из мешка, он сжимает его обеими руками, отчего из отверстия выдавливается гниlostное моржовое мясо, которое тут же подхватывается ртом.

Кости, кишки и мочевого пузыря

Скелет моржа весит в среднем около 6 пудов. Чукчи и эскимосы на берегу Ледовитого океана, там, где нет плавника, жгут их вместо дров, поливая жиром. Иногда делают полозья нарт из рёбер кита и моржовых клыков.

Ничто от моржа не пропадает, туземцы утилизируют его полностью. В дело идут кишки животного и даже его мочевого пузыря. Все прочие внутренности, не исключая желудка, съедаются. Мочевой пузырь надувается и сушится на воздухе. В нём обычно хранят топлёный нерпичий жир. Ценится он от 1,5 до 3 рублей. Кишки тоже надуваются и просушиваются. Комплект их продаётся от 5 до 10 рублей. Когда они просохнут, их разрезают вдоль, и из полученных таким образом полос жильными нитками шьются дождевики, которые в ненастную погоду надеваются поверх куклянки. Охотники надевают дождевики также при охоте за китами, когда на байдарках выходят в море.

Клыки

Обычно моржовые клыки имеют размеры около 60 сантиметров при весе в 2 килограмма, но попадаются бивни и крупнее. Предельный размер их 90 сантиметров (у самок не более 50 сантиметров) при весе от 3 до 4 килограммов.

Из нижеприведённой таблицы можно видеть, какова расценка на моржовую кость в Аляске и на Чукотском полуострове в прежние годы и теперь:

Годы	Вес	На Чукотском полуострове	В Аляске
1874	1 фунт	40 коп. ³	90 коп.
1888	1 фунт	1 р. 50 коп. ⁴	2 р.
1923	1 фунт	1 р.	2 р.

Бивни, кроме убитых животных местными туземцами, добываются также и из осушенных лагун, расположенных вдоль морского берега. Так как в них не находят других моржовых костей, кроме бивней, то остаётся предположить, что чукчи в прежнее время, быть может, в силу религиозных воззрений, во множестве бросали моржовые клыки в воду.

В продажу идут также и коренные зубы моржа. Из них туземцы выделывают различные мелкие статуэтки. Такие зубы ценятся от 1 до 1,5 доллара комплект.

Стоимость всего зверя

Любопытно теперь подвести итог и выяснить, сколько стоит весь морж на месте. Мы уже говорили, что цены на сырые продукты зависят от количества убитых животных, от места и времени убоя. Поэтому в приводимой нами таблице указана минимальная и максимальная расценка продуктов, добытых от одного зверя:

³ Гондатти, Н. Л. Сведения о поселениях по Анадырю. Записки Приам. отд. Русск. географ. об-ва. — 1897. — Т. III, вып. 1. — С. 147.

⁴ Ресин, А. А. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана. — 1888. — С. 65.

Наименование	Минимальная цена	Максимальная цена
Кожа	20 руб.	60 руб.
Мясо	50 »	200 »
Жир	14 »	84 »
Кости	3 »	6 »
Клыки	2 »	4 »
Кишки	5 »	10 »
Мочевой пузырь	2 »	3 »
Зубы	1 »	1 »
Итого	97 »	368 »

В северной Европе стоимость моржа оценивается от 75 до 100 рублей, в Аляске — от 240 до 250 рублей.

Значение моржей для туземного населения

Для северных инородцев Чукотского полуострова из всех морских животных наиболее ценным в промысловом отношении является морж. В жизни береговых чукчей и эскимосов он играет такую же крупную роль, как олень у коряков. Его мясо и жир идут в пищу, кроме того, жир применяется в качестве горючего материала для отопления и освещения жилищ, из кож делаются байдары, оленья и собачья упряжь, клыки сбываются на рынок и частью расходуются на мелкие изделия. Вот почему чукчи и эскимосы смотрят на моржей почти как на своих домашних животных, а на американских хищников как на врагов.

Обитателям Чукотского полуострова охота на морского зверя как средство наживы неизвестна. Они бьют моржей только для удовлетворения своих насущных потребностей. Достояна удивления осторожность, с которой туземцы ведут этот промысел. Когда животные выходят на берег, всякая стрельба из ружей прекращается, собак привязывают, причём это исполняется не по чьему-либо приказанию, а потому, что смысл такого «табу» ясен для всех. Если же приходится для добычи мяса выезжать на промысел, то это делается с соблюдением величайшей тишины, причём животных бьют только гарпунами и исключительно на воде, как можно дальше от лежбища. В целях сохранения моржа чукчи по своей инициативе пробовали устраивать моржовые заповедники, но на этих заповедных лежбищах зверь каждый раз поголовно истреблялся американскими хищниками¹.

Осенью, когда моржи уходят, их бьют из ружей. Бывают случаи, когда можно на льду добыть много зверей, но одна байдара не в состоянии поднять более трёх моржей, а потому приходится довольствоваться и этой добычей, часто оставляя в виду сотни животных.

Размеры туземного промысла

Туземцев — охотников на морского зверя в Анадырском уезде и на Чукотском полуострове около 4 500 человек. Количество моржей, добывав-

¹ Приамурские ведомости. — 1896. — № 2512; Солярский, В. В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. — 1916. — С. 124.

шееся ими в прежние годы, исчисляется до 5 000 голов, не считая хищнически упромышленных американцами. По Караеву, число упромышленных моржей несколько лет тому назад равнялось 3 000 штук. Чукчи и эскимосы ежегодно продавали американцам моржовых кож и клыков на 11 000 долларов. Ныне, по официальным сведениям Камчатского губревкома, добывается не более 1 500 моржей, а по сведениям бывшего начальника Чукотского уезда, в 1922 году было убито:

Название селения	Число юрт	Убито моржей
У мыса Беринга	28	61
В бухте Провидения	15	80
У мыса Чаплина	69	501
В селении Лорин	8	30
В селении Яндагай	31	120
У мыса Дежнёва	15	100
В селении Уэллен	48	16
Итого	214 юрт	908 моржей

Охота на морского зверя у берегов Чукотского полуострова сопряжена с опасностью для жизни, в особенности зимою, когда приходится уходить по льду далеко от земли. Зимою Берингов пролив почти сплошь бывает покрыт плавающими льдами, а с подветренной стороны где-нибудь за мысом, далеко выдающимся в море, лёд смерзается на большом расстоянии и стоит неподвижно. Эскимосы, удаляясь от берега, всё время следят за ветром и, в случае перемены его, спешат назад, чтобы не быть унесёнными в море. Для того чтобы узнать, качается лёд или нет, они, под защитой кухлянки, устанавливают во льду тонкую, как игла, кость, остриём кверху. На это остриё кладут обрезок пера без бородки и внимательно наблюдают за его дрожанием. Если дрожание пёрышка перешло в качание, значит, лёд оторвался от берега.

А. И. Караев рассказывает следующий случай, имевший место зимой в 1910 году. Пять эскимосов из селения у мыса Чаплина отправились по льду на охоту за морским зверем и ушли слишком далеко в море. Когда они заметили, что ветер резко переменялся и начал дуть с противоположной стороны, они побежали назад, но не успели добраться до материка и были унесены в море. На другой день под влиянием зыби лёд начало ломать. Трещина разделила людей на две группы: в одной было три, в другой два человека. Первых трёх эскимосов носило по морю три недели. За это время они съели все ремни и нерпичьи пузыри. На пятнадцатые сутки двое застрелили третьего, отморожившего себе ноги. Наконец на 22-й день их прибило к острову Св. Лаврентия, откуда они уже только весной вернулись в своё селение на вельботе. За это время жёны их, считая мужей своих погибшими, успели выйти замуж вторично. О других двух охотниках, унесённых на льдине, ничего неизвестно. Несомненно, они погибли от голода и холода.

Другой раз, в 1919 году, также на льдине, были унесены в море два чукча — отец и сын — из селения Инурме. Четырнадцать суток они про-

падали. Родные считали их погибшими и справляли поминки; на шестнадцатый день в селении Шегетун, находящемся в 40 милях от Инурме к западу, жители заметили на льду двух людей, из которых один нёс другого. Это оказались чукчи, унесённые из Инурме. Сын был совершенно здоров. Он нёс на себе старика отца, отморожившего пальцы рук и ног. Оказалось, что старик отдал рукавицы и тёплые чулки кормильцу-сыну, пожертвовав своими руками и ногами, чтобы спасти его.

Хищничество американцев

Хищничество иностранцев у русских берегов имеет свою историю. Первоначально деятельность их была направлена на китобойный промысел, но за последние сорок лет центр тяжести охоты они перенесли на моржей. Ежегодно из портов Аляски выходило несколько десятков шхун, которые избивали зверя как в океане, так и на лежбищах у наших берегов, причём у убитых животных брали только клыки и не всегда сало, а туши бросали на месте убоа.

В 1885 году берега Чукотского полуострова посетило 35 хищнических шхун, которые вывезли 120 000 фунтов клыка. Если считать средний вес пары клыков равным 10 фунтам, то для добычи такого количества бивней надо было убить 12 000 животных¹. По другим сведениям, приблизительно, в эти же годы (1870–1880) на американский рынок было доставлено 36 060 вёдер моржовой ворвани. В следующее десятилетие (с 1890 по 1900) в Сан-Франциско было привезено из Аляски и Чукотского полуострова ещё 67 176 фунтов моржовых клыков².

В 1913 году Гидрографическая экспедиция Ледовитого океана в июле месяце встретила норвежский пароход «Кит» с полным грузом моржовых шкур и клыков. По словам капитана, в течение одного месяца он добыл 402 моржа, из которых вытопил около 20 тонн жира. Считая аляскинскую оценку моржа в 250 рублей, пароход «Кит» имел ценного груза, по крайней мере, на 100 000 рублей.

10 000 фунтов моржовых бивней равняются 850 пудам; считая в среднем, по местным ценам, по 26 рублей пуд, американская добыча кости составляет $580 \times 26 = 22\ 100$ рублей. Эти кости в Сиатле были проданы за 102 000 рублей. Таким образом, даже при условии, если бивни американцами были не упромышлены, а скуплены у местного населения, всё же в руках перекупщиков осталось 80 000 рублей. Последние сведения о хищничестве иностранцев мы имеем из отчёта бывшего начальника уезда Д. А. Хренова за 1922 год, где он говорит, что каждая промысловая шхуна добывала у русских берегов от 500 до 600 животных.

Так как хищники пускали в ход огнестрельное оружие где попало, то более 70 % подранков уходило в море и тут же тонуло. Добывалось не более 30 % раненых зверей, которые оставались на льдинах. Напуганные моржи с опаской стали подходить к берегам. С тех пор лежбища стали угасать, и там, где раньше приваливали тысячи животных, теперь встречаются лишь одиночные экземпляры.

¹ Ресин, А. А. Очерк инородцев русского побережья Великого океана. — 1888. — С. 62, 67, 68; также смотри: Приамурские ведомости. — 1886. — № 2512.

² Кирилов, Н. В. Аляска и её отношение к Чукотскому полуострову. — 1912. — С. 14—21—39 и 49.

С тех пор у береговых чукчей и эскимосов, вследствие недохода зверя, начались хронические голодовки. Уже теперь можно сказать, что живой капитал севера — моржи — невелик. Даже в Америке, где раньше они водились во множестве, ныне добывается не более 20—30 голов за сезон. Правда, тут играют роль и запретительные меры, каковые проводятся в жизнь с неуклонной планомерностью.

Главные причины хищничества американцев у русских берегов следующие:

1) Географическая близость Аляски, значительно опередившей в культурном отношении Чукотский полуостров.

2) Полная заброшенность края, которым старое правительство не интересовалось даже с точки извлечения из него доходов.

3) Тёмные стороны американской культуры, внёсшей в страну не развитие, а расхищение её естественных богатств.

4) Малокультурность и бедность туземного населения Чукотско-Анадырского края.

Приглядываясь ближе к обитателям Чукотского полуострова, мы видим полную зависимость туземцев от окружающего их животного мира и, главным образом, от моржей. Вот почему на охрану этих ценных морских животных должно быть обращено особое внимание и как можно скорее, — этого требуют общегосударственные интересы колонизации края. После тяжёлых потрясений, вызванных гражданской войной и революцией, чтобы поднять расстроенное народное хозяйство, в целях развития производительных сил страны, совершенно недопустимо оставление промыслов морских животных на Чукотском полуострове в том виде, как это было до сего времени.

Ближайшими мерами к развитию и упорядочению промыслов среди туземного населения на крайнем севере Д. Востока должны быть:

1) Полная реорганизация складов, если они ещё уцелели, и устройство новых, где туземное население могло бы сбывать продукты своих промыслов и покупать всё необходимое.

2) Установление для них кредитов на возможно лёгких условиях.

3) Облегчение сбыта и поднятие цен на продукты промыслов.

4) Ознакомление туземцев с более усовершенствованными приёмами промысловой техники.

5) Организация снабжения промышленников орудиями промысла.

6) Снабжение туземцев всем необходимым для жизни, дабы освободить их от иностранной зависимости.

7) Поощрение и развитие кустарных промыслов среди туземного населения.

8) Воспрещение кому бы то ни было охоты на моржей с коммерческой целью. Охота на этого ластоногого должна остаться только привилегией туземного населения.

9) Составление и издание промысловых карт с нанесением на них всех больших и малых лежбищ ластоногих.

10) Организация научно-промысловых исследований.

11) Устройство заповедников на моржей с действительной их охраной.

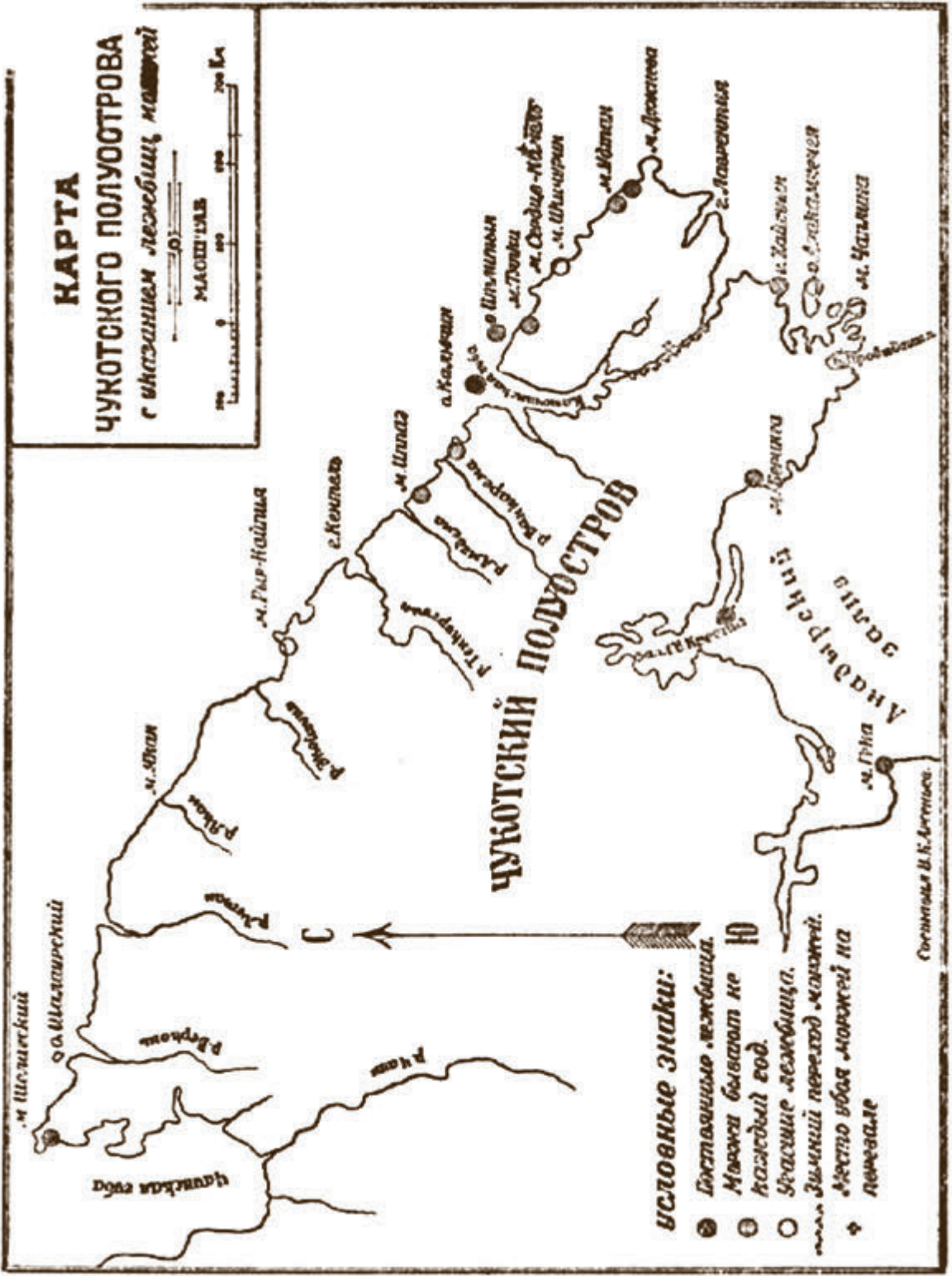
12) Систематическая и планомерная борьба с иностранными хищниками.

13) Действительная охрана побережья специальными судами.

14) Заключение с Норвегией, Канадой и Сев. Американскими Штатами соглашения о признании моржа, как морского котика, покровительствуемым животным. Это тем более удобно, что в 1918 году американское правительство, будучи обеспокоено такими размерами хищничества в северных водах, уже выступило в печати о необходимости повсеместной международной охраны моржей.

15) Деятельность Дальземуправления, в частности и Дальгосрыбтреста, должна быть направлена к развитию промыслов на таких животных, как косатка, и к сокращению охоты на моржей.

Если теперь, в ближайшее десятилетие, эти мероприятия не будут осуществлены, то перспективы для Чукотского полуострова рисуются весьма мрачными красками. Тогда последние лежбища моржей угаснут совсем, туземное население разбежится, и берега Северно-Полярного моря превратятся в пустыню.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Описание животного.....	418
Пища моржа	419
Размножение	420
Нрав зверя.....	420
Места обитания	421
Враги	423
Промысловые суда.....	424
Орудия промысла и охота.....	424
Разделка зверя	427
Кожа	427
Жир.....	428
Мясо моржей.....	428
Кости, кишки и мочевого пузыря	429
Клыки	429
Стоимость всего зверя.....	429
Значение моржей для туземного населения.....	430
Размеры туземного промысла.....	430
Хищничество американцев.....	432

В. К. АРСЕНЬЕВЪ.

ДВ96-3027

✓ A853

ЭТНОЛОГИЧЕСКІЯ ПРОБЛЕМЫ НА ВОСТОКЪ СИБИРИ.

Сообщеніе, прочитанное¹ въ собраніи Общества Русскихъ Ориенталистовъ въ Харбинѣ 13 іюня 1916-г.

Отдѣльный оттискъ изъ № 38-39 журнала „Вѣстникъ Азіа“.
Кн. 1-2.

Харбинъ.

Типографія Китайской Восточной желѣзной дороги.
1916.

572

В. К. АРСЕНЬЕВЪ.

902.7(с18)

✓

A 853

PP

В Библиотеку Хабаровского
Музея Прислал Осад Р. В. Общ
1914. В Архив
В. Хабаровский

ЭТНОЛОГИЧЕСКІЯ ПРОБЛЕМЫ НА ВОСТОКЪ СИБИРИ.

Сообщеніе, прочитанное въ Со-
браніи Общества Русскихъ Ориента-
листовъ въ Харбинѣ 13 юня 1916 г.

Отдѣльный оттискъ изъ № 38-39 журнала „Вѣстника Азіи“.
Кн. 1-2.

VS 1827

Харбинь.

Типографія Китайской Восточной желѣзной дороги.
1916.

Музею К 9019

3509 ✓

В. К. Арсеньев

Этнологические проблемы на востоке Сибири

Сообщение, прочитанное в Собрании Общества Русских Orientalистов в Харбине 13 июня 1916 г.

Отдельный оттиск из № 38–39 журнала «Вестник Азии»

Харбин
Типография Китайской Восточной железной дороги
1916

Этнологические проблемы на востоке Сибири¹

Историк и этнограф — оба изучают народы. Как разделить их работу? Где кончаются исследования одного и начинаются исследования другого? Историк изучает такие народности, которые оставили после себя многочисленные памятники старины, покрытые письменами. Но есть народы, которые о письменности не имеют никакого понятия.

«Как бы долго ни жили дикари в данной местности, — говорит Шренк, — с уходом их исчезают и всякие следы их пребывания»². Вот изучением-то этих народов и занимается этнограф³. В задачу его входит не только описание современного состояния инородцев, но он должен показать, каковы они были раньше, что у них осталось своего и что есть чужого, позаимствованного от соседей.

Этнограф должен быть психологом, филологом, юристом и непременно лингвистом. Без языка здесь сделать ничего нельзя. Вот почему этнологические исследования относятся к числу наиболее трудных.

На земле нет ни одного народа, который не носил бы на себе следов переселений. Движение народов подобно движению волн по земной поверхности. Иногда передвижения эти происходят на огромных расстояниях. Например, малайцы — на острове Мадагаскаре, полинезийцы — у берегов Южной Америки, монголы — в Европе и американцы — на азиатском берегу.

Как камень, упавший в воду, родит круги, так и Центральная Азия дала народы, разошедшиеся в разные стороны.

На Запад двинулись печенеги, хазары, болгары, татары, финны, вогулы, вотяки, мордва, чуваша, черемисы, пермяки и так далее.

Буряты, обитавшие раньше где-то в Монголии, вторглись в Забайкалье; здесь они наткнулись на первобытное племя якутов и потеснили их. Последние, отступая перед пришлецами, спустились в долину реки Лены и стали распространяться по ней к северу. Тут они, в свою очередь, встретились с многочисленными тунгусскими племенами, которые оказали им упорное сопротивление, но всё же должны были уступить свою родину якутам⁴. Одна часть тунгусов удалилась на запад в бассейн реки Енисея (Верхняя, Средняя и Нижняя Тунгуска), другая была оттеснена на Крайний Север к Ледовитому океану, а некоторые племена потянулись на восток и докатились до берегов Охотского моря. Небольшая часть тунгусов осела в Амурском крае (река Тунгуска, около г. Хабаровска).

¹ Сообщение, прочитанное В. К. Арсеньевым в Обществе русских ориенталистов в Харбине 13 июня 1916 года.

² Шренк, Л. И. Об инородцах Амурского края. — 1883.

³ Впервые эта мысль была высказана Л. Я. Штернбергом.

⁴ См. Шренк, Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. 1. — С. 95.

Наконец, часть монголо-маньчжуров двинулась на северо-восток из Сунгарийского края и распространилась по рекам Уссури и нижнему Амуру.

Остановимся на этом и не будем заглядывать, что было ещё раньше. Из глубокой древности встают тюрки, арийцы, люди с красными волосами и зелёными глазами¹, и первобытное чернокожее племя, остатки которого мы видим теперь на юге Азии. Это прошлое гипотетично, и только то, что ближе к нашей эре, мы можем назвать истиной.

Мы видим всюду одну и ту же картину: в движении своём более сильные народы теснили слабых, и, в конце концов, загнали этих слабых на полуострова и острова. Эти сколки с наковальни человечества сохранились и по сие время. Ни по языку, ни на основании антропологических данных, ни по этнографическим признакам они не подходят ни к одному из своих соседей. Является такое впечатление, точно они с неба свалились. Таковыми будут в Европе баски и шотландцы, в Южной Америке — огнеземельцы, в Африке — бушмены, в Австралии — тасманийцы, родии — на острове Цейлоне и в Приамурском крае — гиляки и айны. К этим последним нам ещё придётся вернуться.

Народы, обитающие на востоке Сибири, делятся на три группы: 1) американидов, 2) палеазиатов и 3) тунгусов. Разобраться в них — представляет из себя задачу современной этнологии.

Лингвисты говорят, что надо базироваться на языке; но мы знаем целый ряд народностей, которые, по выражению Миддендорфа, меняют языки, как перчатки.

Приведём несколько примеров:

1. Ительмены на Камчатке. Врач Тюшов, проживший среди них много лет, пытался составить хоть краткий ительменский словарь и не мог этого сделать: ныне ительмены никакого другого языка не знают, кроме русского.

2. Орочи — удэ(хе)² в Южно-Уссурийском крае, получившие впоследствии название тазов (да-цзы). Шестьдесят лет тому назад говорившие на своём родном языке, теперь они совершенно его забыли и говорят только по-китайски. За последние пятнадцать лет среди молодёжи повсеместно наблюдается уже полная замена китайского языка русским.

3. Маньчжуры, нанёсшие ряд поражений китайским войскам, посадившие свою династию на китайский престол, несмотря на все старания правительства сохранить язык, через какие-нибудь 200—300 лет совершенно его утрачивают.

4. Среди бурят есть русские, в жилах которых нет ни капли монгольской крови, но говорящие по-бурятски и совершенно не знающие русского языка.

5. По словам Миддендорфа, среди русских в Якутской области самым ходовым языком был якутский. Даже в доме губернатора на официальных приёмах русские говорили между собою на якутском языке.

Можно было бы привести ещё много подобных примеров. Мы видим, что язык не всегда определяет происхождение народа. Быть может, окажет

¹ См. Шкуркин, П. В. Ло-ло. Старое и новое об инородцах юго-западного Китая. Вестник Азии. — № 34; Грум-Гржимайло, Г. Е. Белокурая раса в Средней Азии. Записки ИРГО по отд. этнографии. — Т. 34. — Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина.

² Для облегчения набора в дальнейшем изложении мы будем вместо удэ(he) писать просто «удэ(хе)». Ударение — на звуке «э»; слово произносится быстро, причём придыхание «he» произносится едва слышно.

нам большие услуги соматическая антропология. Но тут мы опять наталкиваемся на затруднения. Ни один народ не сохранился в полной своей чистоте. Всюду было вливание посторонней крови, всюду при посредстве рабов, во время войн и переселений шла нивелировка между людьми. Особенно часто практиковалось похищение женщин. Стоит только взглянуть на русских среди бурят и якутов, чтобы видеть, насколько изменился тип европейца. Монгольские народы обладают какой-то особенной агрессивной силой, и что может быть красноречивее метисов в Америке и мулатов в Африке?

Остаются этнографические признаки. Тут на помощь нам выступает консервативность человеческого мозга. Проходят века, а трафареты остаются. Мы многое делаем бессознательно, зачастую даже не зная, откуда пошёл тот или иной обычай.

Например, перенос огня из храма. Он напоминает нам то далёкое прошлое, когда неугасимый огонь горел только в храме. Раз в год огонь гасился в доме и приносился новый, взятый с жертвенника. Поэтому до сих пор крестьяне, когда переходят в новый дом, переносят с собою и огонь. Теперь говорят, что с огнем переносится и домовая. Это уже приспособление к новому времени. А раньше было не так. Огонь трудно было достать, его всячески надо было беречь и носить с собою. Перенос огня являлся простою необходимостью.

По смерти близкого человека женщины надевают траур. Знак печали — говорят теперь. Но этнограф смотрит иначе. Это тоже пережиток далёкого прошлого. У всех народов даже и теперь существует убеждение, что абсолютной смерти нет, что по ту её сторону, хотя и в другой форме, но жизнь продолжается.

Первобытные дикари думали, что загробная их жизнь будет такая же, как и эта. Там так же люди рождаются, женятся, охотятся, воюют и умирают. Вот почему многие дикие народы хоронят покойников в согнутом положении, т. е. в том положении, в каком человек находится в утробе матери перед рождением. Этим они, так сказать, подготавливают его к появлению в загробном мире, как новорождённого. Поэтому в загробный мир вместе с покойником отправляли всё его имущество: оружие, собак, лошадей, рабов и жену; и теперь ещё китайцы на похоронах сжигают деревянную или бумажную куклу, изображающую женщину. Специальные мастерские по изготовлению таких похоронных кукол имеются в каждом китайском городе. После смерти душа покойника ещё некоторое время (обыкновенно год) бродит по земле, и вот те женщины, которые не пожелали идти за мужьями в могилу, стали прикрывать лицо своё, чтобы покойники не узнали их при встрече.

У всех азиатских народов траур изображается белой одеждой, которая впоследствии упростилась до белых лент, вплетаемых в косу. Что это такое? Белый цвет есть цвет эпифитов. Люди заметили, что под землёй в пещерах всё живое и растительное имеет белый цвет. Он — из царства вечной тьмы и является синонимом какой-то непонятной жизни по ту сторону смерти.

В 1899 году археолог Эмиль Ривьер при раскопках пещер Ла-Мут в Дордони наткнулся в магдаленских слоях (заключительная ступень палеолитического периода) на камни с искусственными впадинами. Эти каменные чаши в то доисторическое время служили обитателям пещер в

качестве ламп. Такие же точно каменные лампы и посейчас ещё кое-где применяются в Дордони¹.

Гуруны и некоторые другие обитающие в северо-западной Америке племена индейцев (тлинкиты, или колоши, гайдахи, чимчиены, квакиутли, чинуки, нутки, или вакашаны)² имеют оригинальный праздник — убиение вскормленного медведя. В Сибири этот праздник точнейшим образом повторяется у коряков, тунгусов, гиляков, орочей Императорской гавани и остяков. Затем у великороссов мы опять встречаем медведя. В сказках он очеловечен, его называют Михайлом Потаповичем, ему посвящают песни, подражают его походке, им наряжаются. Далее в Западной Европе мы видим изображение медведя на старинных швейцарских знамёнах и, наконец, находим его у басков на Пиренейском полуострове. Несомненно, и это отголоски того прошлого, когда и у них медведь играл такую же видную роль, как и у сибирских инородцев.

Масленица — праздник возрождения весны. Блин изображает солнце.

Верёвочное узловатое письмо «квипу» можно проследить в древней Мексике, в Перу — у инков, в Меланезии — у малайцев, у древних насельников юго-западного Китая и на острове Мадагаскаре.

Тотемное животное медведь нас перестанет удивлять, если мы вспомним, что такие же тотемы есть и у других народов. Например, волк — у англичан, лев — у персов, дракон — у китайцев, орёл — у римлян. Тотемами могут быть и неодушевлённые предметы, например, полумесяц — у турок, восходящее солнце — у японцев.

Особенно же развит тотемизм у американских индейцев.

Что такое наши гербы? Это тоже тотемы; даже в фамилиях можно проследить тотемизм: Волков, Орлов, Куропаткин, Баранов, Зайцев, Скворцов и т. д.

Женщины всегда консервативнее мужчин. Они дольше помнят сказки и свой родной язык. Женщины стараются сохранить причёски, а мужчины — оружие и рыболовные снасти. Этнографу рекомендуется побольше обращать внимание на старых женщин. К несчастью, они всегда угрюмее и скрытнее мужчин. Женщина готова что угодно переменить, но ни за что не желает расстаться с детской зыбкой.

Устойчивыми этнографическими признаками являются жилища и в особенности амбары. Замечено, что инородцы, которые уже переменяли свой образ жизни и стали оседлыми, ещё долгое время рядом с современными постройками ставят свои первобытные юрты.

Другие поступают иначе, например, алеуты. Они живут в деревянных домах, но строят их по типу полууглублённых землянок с длинными ходами сообщений.

До крайности консервативны обычаи похорон, сказки, куклы и детские игрушки. Этнограф, обративший на них мало внимания, делает непростительную ошибку.

У первобытных народов, не знающих письменности, всё же потребность в передаче своих мыслей существовала. Они начали рисовать. Сначала это были схематично грубые изображения людей и животных; потом рисунки

¹ См. Обермайер, Г. Доисторический человек. — 1913. — С. 232.

² См. Ратцель, Ф. Народоведение. — С. 514, 615 и 689.

.стали стилизоваться и вылились в форму орнаментов. Эти последние тоже дают ключ при определении диких народов. Вот почему рекомендуется обращать особенное внимание на орнаменты, добытые из старых могил.

Язык и этнографические признаки надо считать самыми важными указателями происхождения народа. На них, следовательно, этнограф, главным образом, и должен опираться. Когда и то и другое совпадает, вопрос разрешается весьма просто. Но если они расходятся — это уже является в этнографии загадкой, трудно разрешимой, но зато интересной. В этом отношении наш северо-восток даёт неисчерпаемый материал для исследований. Тут на каждом шагу открываются проблемы.

В Северной Америке мамонт был самым распространённым животным четвёртого межледникового периода. Он встречается особенно в северных областях этой страны, и прежде всего в окрестностях Берингова пролива. Не подлежит сомнению, что именно через Берингов перешеек он переселился туда из Азии. Также из Азии по этому мосту перешёл в Америку лось, северный олень, зубр, медведь, лошадь (вымершая впоследствии), бобр и другие животные. Интересно отметить, что в то время, когда в Европе окончился последний ледниковый период и вымерли все делювиальные животные, мамонты ещё долго бродили в Сибири и ещё позже сошли со сцены в Америке¹.

Среди палеонтологических коллекций в музее в г. Хабаровске имеются кости мамонта, вывезенные с Чукотского полуострова. На них весьма явственно видны следы рук человека. Видно, что он обжигал их на огне, разбивал каменными топорами, скоблил и при помощи скребков добывал мозг. Потом он кости эти бросил, и их грызло какое-то животное, по зубам похожее на собаку. Из этого следует, что в то время, когда Америка соединялась с Азией, человек уже обитал около Берингова перешейка.

На северных берегах Чукотского полуострова видны следы каких-то углублённых землянок такого типа, которого нет ни у одного из сибирских инородцев. Позднейшие исследователи установили их позднейшую тождественность с землянками американских эскимосов. Оказалось, что люди эти раньше жили на северном азиатском берегу, а затем, вследствие каких-то неизвестных нам причин, перекочевали в Америку. На Азиатском материке около Берингова пролива осталась только ничтожная часть их, называющая себя вутээнц'ами (72 человека), айвуан'ами (995 человек), пээк'ами и нууканц'ами (553 человека). Всего, следовательно, 1 620 человек².

За последнее пятилетие наблюдается обратный переход эскимосов из Америки в Азию. Возможно, что такие перекочевывания туда и сюда они делают периодически из мест, бедных морским зверем, в места, где ластоногие и китообразные снова наплодились.

Но оставим на время север и вернёмся в Приамурский край.

Первые сведения о Приамурском крае мы встречаем у японцев, у китайских историков и в китайской географии династии Цзинь. Сведения эти крайне смутные и часто противоречащие друг другу. Китайские историки

¹ См. Обермайер, Г. Доисторический человек. 1913. — С. 112.

² Все приводимые здесь цифровые данные собраны в 1915 году В. В. Солярским на основании присланной им анкеты.

плохо были осведомлены о том, что происходило в Уссурийском крае в древнейшие времена. У китайских географов понятия об этой стране отвлечённые, смутные. Они не имели точных сведений ни о местах, занимаемых разными соседними народами, ни об их обычаях и сообщают рядом с действительными фактами много мифологических. Нередко они соединяли под одним именем несколько племён; так, например, «фякэ» назывались все народы на низовьях Амура. Самая транскрипция географических названий и личных имён, имевших для китайца совершенно чуждые звуки, сделана историками неправильно, частью в искажении, применяясь к иероглифам, частью они приводили названия, данные китайцами, ничего не имеющие общего с произношением самого племени. Путаница в именах увеличилась ещё обычаем называть племена по имени господствующего рода. При частых междоусобицах один род поработал другой, а потому один и тот же народ в разные эпохи носит разные названия. Также часто изменялись и географические названия. Вследствие таких осложнений, при чтении китайских источников, весьма трудно, иногда невозможно, приурочить какое-либо событие к племени или месту¹.

При изучении древней истории Маньчжурии следует иметь в виду, что названия Хэй-хэ и Хэй-шуй (Чёрная река и Чёрная вода) относятся не к верхнему Амуру, как ошибочно считали позднейшие китайские историки (и полагаясь на них, стали считать и европейские учёные), но к верхней Сунгари. И теперь ещё китайцы считают Сунгари главной рекою, а верхний Амур — её притоком².

Название «Сунгари» — позднейшее (что значит «молочный, млечный путь»), чисто народное, но не географическое, и появилось уже после объединения Маньчжурии при Циньской династии. Амур и прилегающие к нему земли привлекли внимание Пекина только благодаря появлению на нём русских, что вызвало командировки на Амур особых чиновников для изучения его. Результатом этого получилось образование по высочайшему повелению Хэйлуцзянской провинции из земель, по которым доселе бродили лишь никому не подчинявшиеся охотничьи племена. Это случилось лишь в 22 году эры Кан-си (1684 год).

Приурочивая все упоминаемые в истории события, которые произошли на Хэй-хэ, не к верхнему Амуру, а к верхней Сунгари, мы увидим, что вся история Маньчжурии складывается в стройный порядок и сразу пропадают все встречающиеся на каждом шагу противоречия и несогласования³.

Все народы, играющие такую большую роль в истории Маньчжурии, вышли с верховьев Сунгари и хребта Чан-бо-шаня.

Мне кажется, что все попытки добиться истинного самоназвания диких народов совершенно бесполезны. Бесполезны потому, что таких самоназваний у них нет вовсе. Самоназвания свойственны только культурным народам, а дикари никак себя не называют. То, что мы считаем названием, — на самом деле оказывается словами нарицательными, в большинстве случаев означающими «люди», «настоящие люди», «люди этих мест» и т. д.

¹ См. Буссе, Ф. Ф. Остатки древностей в долинах рек Лефу, Даубихе и Улахе. Зап. Общ. изучен. Амурского края.

² См. Мэн-гу Ю-му-цзи. Зап. Импер. Русск. географ. общ. — 1895. — С. 161.

³ Сведения эти получены от П. В. Шкуркина, специально работавшего по истории Маньчжурии.

Например, ороч на вопрос — кто ты, говорит: би-на-а-ни (би — я, на — земля, а — соединительная гласная, ни — человек), что в переводе означает: «Я человек этой земли», т. е. «здешний». Гиляки себя называют «ниб(а)х», что значит просто «человек». Что такое название «бирары»? По-видимому, слово это русского происхождения. Такое название дано было инородцам, которые жили на реке Бире. Но самое слово-то «Бира» есть нарицательное и означает просто «река». Следовательно, «бирары» в переводе будет «речные». Но тогда все народы на земле будут бирарами, потому что все живут по рекам, около воды.

Вспомним древних русских славян, которые называли себя полянами, древлянами; при этом мы знаем, что первые жили среди равнин, а вторые — в лесу. Наконец, современный русский крестьянин на вопрос: кто ты? — никогда не назовёт себя русским, а ответит: «я крестьянин», или «я тутошний».

Такие нарицательные самоназвания нам ещё придётся разбирать при перечислении народов, населяющих Примурский край и Маньчжурию.

Точно такие же нарицательные самоназвания мы находим и в Африке, и в Америке, и в Австралии.

На Зондских островах вы найдёте два названия: утанг и оранг-утанг. Утанг — это просто человек туземец, а оранг-утанг — лесной человек (обезьяна). Ныне почти все амурские инородцы стали приспособляться к русской терминологии и называть себя навязанными им именами, и теперь немало стоит труда добиться от них истины.

Высказав эти основные положения, бросим беглый взгляд на народы, населяющие Амурский край.

Самыми верхними народами на Амуре будут орочены и манегры. Первые получили своё название от маньчжурского слова «оронго», что значит дикий козёл, похожий на серну. Отсюда — ороньчо, что значит оленевод. Этимология второго слова неизвестна. Те и другие — оленные тунгусы, обитавшие раньше в Якутской области. От толчка, данного им якутами, они двинулись на юг к Становому хребту и там долгое время оставались неподвижными. После Нерчинского трактата, когда русские оставили Амур, орочены распространились на запад в Даурию, на восток до Албазина и на юг по хребту Хингана почти до города Хайлара. Хинганские орочены сделались конными охотниками. В Амурской области их осталось только 923 человека (492 мужчины и 431 женщина).

Манегры на Амур вышли тоже после русских, но раньше орочен. В центре земель, занятых ими, протекала река Зея (левый приток Амура). Северная граница немного не доходила до Станового хребта, а восточной был водораздел между Зеей и Буреей. Со времени заселения Амура русскими большая часть их перекочевала в Северную Маньчжурию. Отличные конные охотники, хорошие стрелки, эти инородцы в Амурской области исчисляются в 160 человек.

К области манегорцев близ города Айгуня примыкает уголок земли, заселённый даурами. «Дауры» есть искажённое слово «дахуры», происшедшее от даху, т. е. шуба. Она короче, чем «сичжягянь» (длиннополая шуба), и длиннее, чем полукафтан — курумэ (отсюда — курма). Её одевают мехом наружу и иногда делают с оторочкой из соболей. «Дахуры» — значит «люди, одетые в доху». В своё время это был один из самых культурных

народов Восточной Сибири. Жили они в Забайкалье, отчего и страна их называлась Дауря¹.

Потеснённые бурятами, они передвинулись к востоку и распространились в западной половине Амурской области; но впоследствии, отчасти под давлением казаков, а может быть, и по настоянию пекинского правительства, желавшего обезлюдить Амур и там затруднить плавание по реке русским, — перекочевали в Маньчжурию и расселились по правую сторону верхнего течения Нонни около Хингана. В русских владениях дауры встречаются только как отдельные личности.

Рядом с даурами живут солоны (солон бутха — по Палладию). Название это получилось от трёх слов: бутха — охотник, соло — тонкие корешки (мочки) женьшеня, и «ни» — частица родительного падежа. Следовательно, слова «бутха солони» можно перевести: «охотники, ведущие своё начало» от «корня-человека» (женьшеня), или «отпрыски женьшеня»². Ныне солоны обитают в верховьях реки Нонни с левой стороны. Откуда они сюда пришли, неизвестно. Известно только то, что в северо-западной Маньчжурии они появились гораздо раньше, чем орошены в Хинганском хребте. В своё время это был весьма храбрый, воинственный и подвижной народ³. Многие из них состоят на службе у китайского правительства в качестве солдат и чиновников. Вследствие этого они разбрелись по всей Маньчжурии. Одну солонскую семью я нашёл в 1907 году даже на берегу пролива Невельского (река Нахтоху) по ту сторону Сихотэ-Алиня.

В области бассейна реки Буреи, за исключением истоков, живут весьма малочисленные оленные тунгусы бирары — близкие родственники манегров⁴. О самоназвании их уже говорилось выше. По Шренку, они тоже пришли с севера⁵. Слабые числом, слабые духом и слабые физически, они смешались с соседними тунгусами и растворились в них. В недавнее время часть бираров перешла на китайскую сторону за Амур и из оленеводов превратилась в конных охотников. Статистика их неизвестна.

В бассейне реки Тунгуски (по рекам Урми и Кур) живут кили. Об этих людях нет никаких данных.

В этнографическом отношении вся территория к северу от нижнего Амура, в бассейне реки Амгуни до берегов Охотского моря, представляет из себя в полном смысле слова такую область, к которой более чем применимо выражение *terra incognita*. О народах, здесь обитающих, решительно нет никаких сведений; мы не только не имеем статистики их, но даже не знаем границ занимаемых ими территорий и не знаем их самоназва-

¹ В своём сообщении автор ничего не говорит о собственно-маньчжурах, вероятно, считая их совершенно растворившимися среди китайцев. *Ред.*

² Шренк думает, что название «солон» произошло от слова «соло», означающего «верх», «верховье», и «нэй» — люди, следовательно, означает людей, живущих по верховьям реки, в отличие от слова «хэчжэ-ней» — низ, т. е. людей, живущих по низовьям реки. Но, во-первых, этих значений слов — «соло» и «хэчжэ», нет в очень полном словаре маньчжурского языка Захарова, во-вторых, ещё выше солон по реке живут орошены, и, следовательно, название «солон» им приличествовало бы ещё более; и, в-третьих, при правильности Шренковского толкования, солонов называли бы этим именем племени, живущие ниже их по реке, у самих же солонов было другое, собственное название. В действительности же этого нет: солонками называют они себя сами.

³ Дорожные заметки арх. Палладия на пути от Пекина в Благовещенск через Маньчжурию в 1870 г. Зап. Имп. Русск. геогр. общ. — 1871. — Т. IV. — С. 443.

⁴ См. Шренк, Л. И. Об инородцах Амурского края. — 1883. — С. 183.

⁵ См. Грум-Гржимайло, Г. Е. Описание Амурской области. — С. 386.

ния. Весьма возможно, что «киль» есть искажённое китайцами слово «гир», окончание, даваемое тунгусами народностям, обитающим по левую сторону Амура: самагир, манегир, чакчагир, чемакогир, улагир, боягир, лялегир, гурагир, муктегир, ньясекагир и т. д. Русские в искажениях пошли дальше, и, быть может, таким образом из «киль» получилось киляк, а потом — гиляк¹.

По обоим берегам реки Уссури и по реке Амуру от устья реки Сунгари до реки Горюна обитают гольды (происхождение этого слова ещё не выяснено), занимающиеся летом рыболовством, а зимою и соболеванием. Язык уссурийских гольдов довольно значительно разнится от языка гольдов, живущих по Амуру ниже Гионского хребта. Из всех языков гольдский стоит ближе всех к маньчжурскому².

Если предположить, что река Уссури является родиной гольдов, то как тогда допустить, что стойбища их оказались расположенными в непосредственной близости древних земляных городищ, о которых инородцы эти решительно ничего не знают? Очевидно, что здесь кто-то жил раньше, и гольды спустились в долину Уссури только тогда, когда замерла прежняя жизнь, и места древних поселений заросли лесами. Вероятно, земли эти, а равно и средняя часть нижнего Амура заселены были земледельческим народом, который казаки называли дючерами и которые во второй половине XVII века были выселены китайцами в глубь Маньчжурии с целью обезлюдить Амур и этим лишить казаков продовольствия. После этого события откуда-то с юго-запада появляется монголо-маньчжурское племя гольдов, которое быстро распространяется по рекам Уссури и Амуру. Ныне гольды являются одним из наиболее жизненных амурских инородцев, численность которых равняется 4 422 человекам (2 335 мужчин и 2 087 женщин).

Ниже по Амуру и рядом с гольдами до села Богородского живут ольчи. Собственно говоря, слово «ольча» есть искажённое русскими название одного из родов «ульча» (или, ещё вернее, — «уильта»), принадлежащего к одной какой-то народности, к которой причисляются и орочи и ороки, как это мы увидим ниже. В сказках у них фигурируют звери, глубокие снега и северный олень. Из этого следует, что раньше они были охотниками, пришедшими с севера. Ныне — это рыболовы. Вот почему у них появились рассказы о непроходимых лесах и недосыгаемых горных вершинах. На этом тунгусском народце много чуждых наслоений — они, так сказать, огилячены. Статистика ольчей дала цифру 1 599 человек (843 мужчины и 756 женщин).

С тех пор, как в Императорской гавани зазвучали топоры дровосеков и на Тумнине начались розыски золота, орочи навсегда оставили «Хади» (Императорскую гавань) и ушли, кто на Копи, кто к мысу Аку (Успения), а некоторые перешли через Сихотэ-Алинь и распространились по рекам Хунгари и Хоюлю, впадающей в озеро Кизи. Эти последние женились на ольчанках, и теперь их потомство само затрудняется сказать, к кому они ближе стоят, к орочам или к ольчам. В 1909 году их было только девять семейств.

Между Амгунью и Амуром узкой полосой от озера Эврон до озера Удыль протянулись самагирцы.

¹ См. Шренк, Л. И. Об инородцах Амурского края. — 1883. — С. 160.

² См. Захаров И. О материалах для изучения гольдского языка. Зап. Имп. Русск. географ. общ. 1876.

В Баргузинском крае и на северной Ангаре живут какие-то самагирские тунгусы¹. Это очень подкупает исследователя сделать предположение, не есть ли это один народ, разобщённый бурятами или якутами, причём одна часть его удалась на запад, а другая — через Становой хребет к востоку? Эта последняя осела по реке Горюну (озеро Эворон), текущей к Амуру.

О самагирцах мы также ничего не можем сказать, как и о киях. Перепись 1897 года решительно не заслуживает внимания. Вероятно, численность этого народа не превышает 400 человек².

По Амгуни расселились неизвестные негидальцы. Вот всё, что мы о них знаем. Статистика 1897 года неверная, поэтому я приводить её не буду³.

Судя по сходству языков и по многим этнографическим признакам, самагирцы, негидальцы, ольчи, сахалинские ороки и орочи Императорской гавани — суть народы, весьма близко стоящие друг к другу и появившиеся на сцене Приамурского края одновременно. Эти тунгусы пришли откуда-то из Якутской области, быть может, во время знаменитого переселения якутов из Забайкалья. Когда самагирцы были на Горюне, а негидальцы — на Амгуни, остальные ещё по инерции двигались. Потом на Амуре (главным образом, около озера Кизи с выходом к морю в залив Де-Кастри и бухту Таба) остались ольчи. К юго-востоку от них распределились орочи, а к востоку (на острове Сахалине) ороки — 129 человек (74 мужчины и 55 женщин). Вот почему многие исследователи в прилегающем прибрежно-морском районе часто путали орочей с ольчами⁴.

Среди самагирцев, негидальцев, бираров и килей много живёт тунгусов. Эти «дворяне тайги», как их называли первые русские путешественники за прямою характера, честность, энергию и смелость, исчисляются в Амурской и в Приморской областях в 7 294 человека (3 907 мужчин и 3 387 женщин).

Впоследствии небольшая часть якутов перешла через Яблоновый хребет и распространилась по Амурской и Приморской областям в качестве торговцев и скупщиков пушнины. Их немного — 615 человек (364 мужчины и 251 женщина).

Перечисляя аборигенов страны от запада к востоку, мы дошли, наконец, до устья Амура и здесь встречаем одну из самых интереснейших народностей Приамурского края — гилияков. Ни по языку, ни по этнографическим данным, ни по этнографическим признакам они не подходят ни к тунгусской семье, ни к монголо-маньчжурской. Они совершенно стоят особняком от своих соседей. Шренк называет их палеазиатами, т. е. древнейшими обитателями Азии. Раньше они жили на острове Сахалине, но затем были вытеснены оттуда айнами и ушли на материк к устью реки Амура, а затем часть их снова переправилась на остров. Г. Штернберг полагает, что это американоиды. По последним сведениям, их 4 156 человек (2 323 мужчины и 1 831 женщина), в том числе 1 921 человек на острове Сахалине.

Первобытная юрта коряков имеет два отверстия: нижнее для женщин и детей, и верхнее — для мужчин и для выхода дыма. У гилияков на медвежьем

¹ См. Радде, Г. Озеро Байкал. Вестн. Импер. Русск. географ. общ. — 1851. — Ч. XXI. — Отд. 1, с. 145. См.: Миддендорф. Путеш. и пр. Ч. II. — С. 745.

² У г. Солярского значится 389 человек (193 мужчины и 196 женщин).

³ У г. Солярского значится 353 человека (200 мужчин и 153 женщины).

⁴ Глен и Шмидт также признают родство орочей и ольчей. Население залива Де-Кастри было ольчское, но туда приезжали и орочи.

празднике шкура медведя с головой вносится в юрту не через дверь, а через специально проделанное отверстие в крыше дома. Теперь это упростилось, и шкура подаётся через окно. Затем устройство зыбки у гиляков совершенно сходное с таковой же у коряков. Устройство нарт у тех и у других вполне тождественное. Можно подумать, что гиляки копировали нарты с коряков. Даже увязка ремешками стоек у полозьев нарт — одинакова. Все амурские инородцы хоронят своих покойников на поверхности земли, а гиляки их сжигают, при этом огонь добывается при помощи трения точно таким же образом, как и у коряков. Всё это вместе взятое, с великой долей опаски, позволяет допустить о некотором родстве между гиляками и коряками.

Несмотря на то, что гиляки живут около воды, они боятся моря. У них нет своего паруса. По словам Зибольдта, они не умели делать лодок и за помощью в этом случае обращались к гольдам¹. Из этого можно заключить, что к устью Амура они пришли не морем, а сухопутьем.

Кто такие айны? Айны — первобытное племя, населявшее ранее острова Ниппон и Иессо и называющее себя айно, что значит «человек»². Откуда они взялись? Это покрыто мраком неизвестности. Шренк называет их палеазиатами. Большая волосатость делает их похожими на арийцев. Однако, если снять с них усы и бороды, то явственно выступают типичные монгольские черты. Выселенные с материка в доисторическое время, они стали распространяться по островам Японского архипелага и на острове Ниппон встретили древнее население, по своим этнографическим признакам близко стоявшее к малайцам.

Самыми последними переселенцами на японские острова были какие-то тунгусы. Они прошли через Корею и Цусимский пролив, покорили «земляных пауков» и, как победители, образовали правящий класс самураев. Эти последние и физически отличаются как от айнов, так и от первобытных мелкорослых туземцев. Тогда айны отошли сначала на север Ниппона, потом на Мацмай, Сахалин и Курильские острова.

В Охотском крае мы встречаем ламутов. Название это получилось от тунгусского слова «ламу», что значит море. Ламуты — это приморские тунгусы, враждебно относящиеся к русским и поэтому наиболее сохранившие свою самобытность. Зимние их меховые костюмы и летние из ровдуги густо украшены бусами, бисером и стеклярусом. Женщины нашивают по подолу металлические цепочки, бубенчики и колокольчики. Они бродят по Становому хребту, в Гижигинской округе и по западному берегу Камчатки и исчисляются в 866 человек (450 мужчин и 416 женщин).

Ительмены обитают на Камчатке. Этот полуостров по своему географическому положению был всегда приманкой для «служилых» русских людей, которые «шли проведать новые земли, собрать ценной рухляди и подвести тамошних народцев под высокую царскую руку». Неисчислимые бедствия терпели ительмены от таких завоевателей. Особенно жестокими были походы казацкой вольницы, которая за свой страх и риск шла обкладывать ясаком инородцев и повсюду оставляла после себя кровавые следы.

Несчастья продолжали преследовать несчастных ительменов даже и тогда, когда на Камчатке стал водворяться относительный порядок. В 1779 году батальон майора Сомова по Высочайшему повелению получил

¹ Tō-tats ki ko. Siebold. Nippon. — VII. — P. 169–195.

² См. Шренк, Л. И. Об инородцах Амурского края. — 1883. — С. 128.

приказание отправиться на Камчатку. Он шёл туда четыре года. После невероятных трудов и лишений 3-я его рота дошла до Удского острога и там осталась; 4-я рота дошла до Охотска, где впоследствии и была переформирована в морскую команду; а первые две роты, шефская и гренадёрская, дошли до Петропавловска и занесли туда с собою цингу и гнилую горячку. Обе эти роты со всем своим составом погибли. Никто не спасся!¹ С ужасающей быстротою болезни эти распространились среди туземцев, и в короткий срок вымерло почти три четверти всего населения полуострова.

Впоследствии оставшееся ительменское население смешалось с русскими, и получились те самые камчадалы, с которыми мы теперь имеем дело. Они исчисляются в 3 514 человек (1 801 мужчина и 1 713 женщин).

Теперь мы обратимся к Чукотскому полуострову. Здесь мы встречаемся с тремя этническими группами: палеазиатами, эскимосами и индейцами². Из них самыми многочисленными будут чукчи (11 067 человек обоего пола). Они выше среднего роста и больше всех приближаются к американским индейцам (стр. 73).

Это воинственное племя оказало упорное сопротивление завоевательному движению русских. Вспомним, как трагически кончился поход Павлуцкого в Чукотскую землю. Иностранцы эти и по сие время считают себя свободными. Они говорят, что не были завоёваны русскими и живут с ними только в согласии.

Чукчи подразделяются на сидячих (береговых) и бродячих. Первые уже успели обамериканизиться, а вторые остались такими, какими были и раньше. У них пятеричная система счисления.

Если бы мы вздумали нанести цветной краской на карту распространение каменного века, причём густой тон наложить там, где каменный век был давно, и слабый — где он был недавно, то наиболее тёмные пятна легли бы на Францию; по мере того, как мы стали бы подвигаться на восток, краска эта будет всё слабее, и на северо-востоке Сибири она сольётся с белой. Является такое впечатление, что по мере удаления от Европы к востоку мы как будто бы во времени переносимся назад. Лет пятнадцать или двадцать тому назад на Чукотском полуострове в полном смысле слова был ещё каменный век. Переходными ступенями от него будут комбинации из камня и кости, потом из кости и железа, и, наконец, железо вытесняет и то и другое.

Чукчи настолько ещё первобытны, что у них нет общественной организации, есть только зачатки родов (стр. 90).

Непосредственными соседями чукчей будут коряки³. Они и физически несколько отличаются от чукчей (в особенности ростом, который в массе ниже среднего). У них также нет общественной организации — социальной единицей служит семья (стр. 90).

Чукчи и коряки сделали много позаимствований, с одной стороны, у индейцев Америки, с другой стороны, у эскимосов, и с третьей — у соседей-азиатов. Например, оленеводство к ним перешло от чуванцев⁴ и юка-

¹ Знамена этого батальона в настоящее время хранятся в Гродековском музее в Хабаровске (ныне Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова. — *Прим. ред.*).

² См. Иохельсон, В. И. Этнологические проблемы на северных берегах Тихого океана. Известия Императ. Русск. географ. общ. — 1907. — Т. XIII. — С. 67. Далее следуют ссылки на ту же работу г. Иохельсона. Поэтому в тексте в скобках будут указываться цифры страниц этой работы.

³ Кроме того, есть там ещё какие-то кэрэки — 71 человек (39 мужчин и 32 женщины).

⁴ 436 человек (223 мужчины и 213 женщин).

гиров¹, а может быть, и прямо от тунгусов². Всего коряков насчитывают 5 520 человек (2 886 мужчин и 2 634 женщины).

Алеуты обитают на полуострове Аляске и на островах Алеутских и Командорских. Об их американском происхождении не может быть и речи. Особенно заслуживают внимания их костюмы из птичьих шкурок (как и у чукчей) и головной убор с козырьком, напоминающим нос утки. В русских владениях (на островах Беринга и Медном) живёт их 473 человека (242 мужчины и 231 женщина). Ныне большая часть алеутов — креолы, владеющие английским и русским языками.

Работы американского профессора Боаза и наших русских учёных Клеменца и Иохельсона установили несомненную связь народов северо-восточной Азии и северо-западной Америки. Например, первобытная полууглублённая юрта в общих чертах одинакова как в Азии, так и в Америке (стр. 77). Лодки чукчей, коряков и алеутов — кожаные, как у эскимосов; а лодки юкагиров и камчадалов — деревянные, как у индейцев. Орудия охоты: гарпуны и метательные доски — как у эскимосов, техника плетения корзин и ковриков — как у индейцев.

Женщины чукчей и коряков носят детей на спине, поддерживая ребёнка ремнём, протянутым через лоб, т. е. совершенно так же, как и у американских дикарей, а мужчины носят тяжести по-эскимосски, т. е. тоже на спине, но при помощи грудной дощечки (стр. 79–80). Резьба по кости у чукчей, коряков и аляскинских эскимосов одинаковы и заслуживают особенного внимания (стр. 85).

В сказаниях там и там ворон творит мир; он же научил людей добывать огонь при помощи трения одного куска дерева о другой (способ сверления). Вращательное сверло делается из твёрдой породы, деревяшка, где получается огонь, — из мягкой. Эта последняя изображает собою фигуру человека. В ней мы усматриваем родового бога огня (культ предков). Охотничьи обычаи тоже одинаковы: убитый зверь принадлежит не тому, кто его убил, а тому, кто его увидел первый. Так, был случай, когда маленькая девочка, едва умеющая говорить, очутилась владелицей целого медведя.

В заключение остаётся сказать несколько слов об «орочах».

Этим словом обыкновенно называют инородцев, обитающих, как выше было сказано, в районе Императорской гавани и по рекам Хоюлю, Хунгари, Копи и Тумнину, а также и всех тех, которые живут от них к югу и по побережью моря и в бассейне правых притоков Уссури и нижнего Амура. Это ошибка: здесь мы имеем дело с двумя народами: с орочами³ и с удэ(хе)⁴. Подтверждение этого мы находим в физическом типе тех и других, в языках их и в различии этнографических признаков.

Посмотрим, какие имеются к тому данные.

¹ 136 человек (65 мужчин и 213 женщин).

² В том же духе высказывается и г-н Иохельсон (см. стр. 76).

³ Это будет их истинное самоназвание. Так они впервые себя назвали Лаперузу.

⁴ У г-на Брайловского инородцы эти называются «тазы» или «удихэ». И то и другое — неправильно. Народа «тазы» нет вовсе. Это неправильное название «да-цзы», даваемое китайцами всем инородцам, которых нельзя причислить ни к ним, китайцам, ни к русским, ни к японцам, ни к корейцам. Поэтому тазы будут все маньчжуры, почему-либо не попавшие в восьмизначную регистрацию, солонь, дахуры, гольды, гиляки, орочи, а также и дети женщин этих племён от китайцев и корейцев и т. д. Что же касается до удихэ, то такого созвучия «уди» вовсе нет в маньчжурском наречии — это противоречит звуко сочетанию языка.

Физический тип

Орочи	Удэ(хе)
Рост средний, часто даже выше среднего. Лицо скуластое, нос всегда вогнутый. Широкие в костях. Более или менее развитая растительность на лице. Иногда встречаются люди с большой густой бородой. Волосы чёрного цвета с наклоном к волнистости. Окраска волос с возрастом не меняется. Глаза тёмные. В 1909 году было 498 человек: мужчин, женщин и детей.	Рост средний и ниже среднего. Худотелые и на вид слабосильные. Лицо овальное, немного скуластое. На берегу моря встречаются горбоносые (реки Един и Самарги). Растительность на лице развита слабо, часто встречаются люди совсем безусые. Бороды ни у кого нет. Волосы чёрные, прямые, иногда с каштановым оттенком. Среди детей встречаются светло-русые, но затем с возрастом цвет волос темнеет. Глаза тёмные, карие и смешанные (т. е. серые с тёмными пятнышками) ⁵ . По исчислениям 1908–1909 годов их было 1 823 человека (1 060 мужчин и 763 женщины).

Людей, называющих себя удэ(хе), орочи Императорской гавани не считают «своими». Они говорят: «Это другой народ», относятся к ним с насмешками, пренебрежительно, и называют их «кяка», «кякари», «кекари».

Когда в 1908 году я впервые встретился с орочами на реке Хуту (приток Тумнина), то мой проводник не мог с ними объясниться как следует. Тогда я объяснил это тем, что мой переводчик плохо знал орочский язык. Но когда на другой год мне с двумя удэ(хе) опять пришлось встретиться с орочами на реке Копи и повторилась та же история, я понял, что языки их действительно разнятся между собою. Мои удэ(хе) с копинскими орочами объяснялись настолько с трудом, что порой приходилось прибегать к услугам переводчика. Впоследствии, когда я ближе познакомился с обоими языками, то я увидел, что в лексиконе тех и других есть много слов одинаковых, сходных и совершенно различных. Например:

Слова одинаковые

Русские	Маньчжурские	Орочские	Удэ(хе)
Огонь	тува	то	то
Человек	нялма	ни	ни
Земля	на	на	на
Солнце	шунь	сю	сю
Заяц	гулмахунь	тукса	тукса
Дерево	моо	мо	мо
Свинья (дикая)	докита	накта	накта

Слова сходные

Русские	Маньчжурские	Орочские	Удэ(хе)
Собака	иньдахунь	инаки	инэй
Юрта	монго боо	кала	кауньва ⁶
Дорога	чжугунь	фохто	хокто

⁵ Таковыми же их описывал и Веньюков в 1857 году, и Максимович в 1860 году.

⁶ Не имея возможности изготовить специальные буквы для изображения звуков инородческих языков, условимся буквой «ъ» после «н» обозначать носовой звук «н», а буквой «х» в скобках (х) обозначать придыхание. Ударение почти везде — на последней гласной. *Ред.*

<i>Русские</i>	<i>Маньчжурские</i>	<i>Орочские</i>	<i>Удэ(хе)</i>
Тень	силмэнь	фаня	ханяла́
Змея	мэйхэ	кулига	кулигасэ
Снег	ниманги	има(х)а́	имаса́
Слова различные			
<i>Русские</i>	<i>Маньчжурские</i>	<i>Орочские</i>	<i>Удэ(хе)</i>
Звезда	усихэ	уйкта	хосекта
Вода	мукэ	му ¹	ули ⁷
Род, племя, семейство	хала́	хала́	сеи
Нет	аку	маймаке	анчи
Лось	кандахань	бую́	огбе́
Тигр	тасха	амба́	куты
Слова, которых вовсе нет у орочей или у удэ(хе)			
<i>Русские</i>	<i>Маньчжурские</i>	<i>Орочские</i>	<i>Удэ(хе)</i>
Фетиш	—	—	амняху
Изображение духа, помогающего шаману	—	—	севохи
Тотемное дерево	—	—	т(х)ун
Шаманская маска	—	—	хамбаба́
Шаманские погремушки	хончонь	цзообэ	—
Морская лодка	чжахудай	аккена́	—
Шнур для косы	—	—	саса́

Осенью 1909 года я с орочами шёл по реке Хоюлю и на озере Кизи встретился с ольчами. Орочи с ними объяснялись без всяких затруднений. Они сказали мне, что ольчей они легче понимают, чем кекарей (удэ[хе]).

Теперь обратимся к этнографическим признакам.

Причёска

Орочи	Удэ(хе)
Волосы заплетаются в одну косу. Пробора на голове нет.	Носят две косы, которые сложены в несколько рядов и туго обмотаны красным шнуром. Длинные концы этих шнуров украшаются цветными кисточками и светлыми пуговицами. Вдоль по голове, от лба через затылок до самой шеи идёт ясно выраженный пробор. Косы покоятся по сторонам головы и достигают ключиц. Чтобы они не мешали при работе и не лезли в лицо, сзади, ниже затылка, соединены особой перемычкой, всегда украшенной бисером, блестящими пуговицами и мелкими раковинами.

Покрой костюма тех и других одинаков. Он состоит из двух или трёх халатов, одеваемых один поверх другого, коротких штанов, наколенников, унтов, нарукавников, головного покрывала и маленькой шапочки, отороченной мехом соболя или хорька. Но и тут есть такие различия, которые бросаются в глаза с первого раза.

¹ Му + ули; сравни корейское «мури» — вода. В дальневосточных языках «р» и «л» часто не дифференцируются; например, китайцы оба звука передают как звуки «л», а японцы — как «р». *Ред.*

Костюм

Орочи	Удэ(хе)
По борту рубашки протянута одна-две, редко три узких цветных полоски в виде украшения. То же самое и на головном покрывале.	Весь костюм, начиная от головного убора и кончая обувью на ногах, расшит широкими цветными полосами и густо (иногда даже сплошь) покрыт орнаментами, очень искусно вышитыми гладью. Особенно украшается головное покрывало, круглый широкий воротник и борт рубашки.
Шапочка круглая, гладкая, без украшений.	Сверху на шапочке в стоячем положении прикреплен соболиный или беличий хвостик и три коротких толстых красных шнура, украшенных на концах пёстрыми кисточками и блестящими пуговицами.
Отдают предпочтение тёмным цветам, преимущественно чёрному, тёмно-синему, тёмно-серому.	Любят яркие цвета: светло-синий, белый, голубой, буро-жёлтый.
Орнаменты — крупных размеров, преимущественно спиральные линии — весьма похожи на орнаменты ольчей и негидальцев. Наблюдается скудость рисунков, однообразие, заученные трафареты.	Орнаменты мелкие. Кроме спиральных линий, можно видеть и другие мотивы, например, стилизованную медвежью голову, рыб, птиц, олени рога и т. д. Заметна тенденция создать новые рисунки путём комбинации старых.
Раньше носили берестяную шляпу по типу гиялцкой, гольдской и ольчской.	Не было вовсе.

Украшения

Орочи	Удэ(хе)
Ручные браслеты редко носят на руках, чаще всего держат их в ящиках, как знак достоинства и богатства.	Браслеты всегда носят на руках (даже на охоте), иногда по два и по три сразу.
Серебряные и золотые кольца на пальцах носят, но в ограниченном числе.	Носят множество колец на всех пальцах (не исключая и больших) обеих рук. Иногда можно видеть по два и три кольца на одном пальце.
Женская нарядная рубашка только по нижнему подолу в один ряд обшита медными побрякушками.	Женский костюм в несколько рядов (иногда сплошь весь) обшивается медными побрякушками, колокольчиками, бубенчиками, обрывками металлических цепочек, блестящими пуговицами, мелкими раковинами и т. д.
Женщины носят большие серебряные маньчжурские серьги с подвесками из халцедона.	Женщины носят такие же серьги меньших размеров, но с множеством добавлений в виде колец из нефрита, цветных стёкол, серебряных монет и медных китайских чохов.

Детская зыбка у тех и других делается из двух лубковых половинок, поставленных по отношению одна к другой под углом в 120 градусов. Ребёнок находится в полусидячем положении. Сверху его прикрывают расшитым одеяльцем и привязывают ремешками, протянутыми крест-накрест через края зыбки. В этом и заключается вся сущность пеленания. Сзади к стене зыбки привешиваются нанизанные на нитку копытца кабарги и мелкие рысьи кости. Если нужно усыпить ребёнка, мать ставит зыбку на двугранный угол и, качая её, монотонным голосом припевает: «Ба-а! ба-а! ба-а!»

Таковы общие черты устройства детской зыбки у орочей и удэ(хе), но, вместе с тем, наблюдаются и различия:

Орочи	Удэ(хе)
Верхняя половина зыбки (т. е. к голове) — расширяющаяся, а нижняя — суженная. Для пояснения сказанного можно назвать верхнюю половину зыбки «трапецией», а нижнюю — «треугольником».	Верхняя половина зыбки суживается так же, как и нижняя. Таким образом, обе половины зыбки представляют собою два треугольника, соединённые основаниями.
Привески за спиной зыбки играют роль побрякушек; их ритмический шум усыпляет ребёнка.	Там, где привески прикрепляются к зыбке (по сторонам), вырезаны человеческие уши. Привески имеют цель — изобразить ту повязку на голове ниже затылка, о которой говорилось выше при сравнении причёсок.

К числу устойчивых этнографических признаков относятся также лодки, лыжи, нарты, собачьи упряжи и вообще способы передвижения.

Морские лодки

Орочи	Удэ(хе)
Морские лодки делаются по типу гиялцких на Амуре. Орочи успели привыкнуть к морю.	Нет вовсе. Боятся моря.
Вместо паруса пользуются полотнищем палатки, которое укрепляют на двух крест-накрест поставленных шестах. Иногда делают такой четырёхугольный парус из рыбьей кожи.	Совершенно не знакомы с употреблением паруса.

Речная лодка, «улимагда», как у орочей, так и у удэ(хе), имеет совершенно одинаковое устройство. Это низкий долблённый челнок с плоским дном и плоским носом, похожим на слегка загнутую кверху лопату и составляющий как бы продолжение дна лодки. Преимущество такой лодки перед килевой заключается в том, что она не разрезает воду, а, так сказать, взбирается на неё и благодаря этому может переходить через всякие мели. Охотничьи лодки (нисаа угда омо орочи, т. е. маленькая лодка на одного ороча: отсюда и название «оморочка») немного различаются между собою.

Оморочки

Орочи	Удэ(хе)
<p>Больше размерами (приспособлены к плаванию по морю). Имеют по борту закраины, чтобы её не захлестнула волна. Вёсла двух родов: 1) двойные, т. е. на одном древке имеются два черпака, и 2) два маленьких ручных черпака каждый в отдельности.</p>	<p>Меньше размерами (без закраин по бортам) и приспособлены только для плавания по рекам. Имеется весло первого рода, т. е. древко с двумя черпаками.</p>

Лыжи

Орочи	Удэ(хе)
<p>Короче роста человека, но зато довольно широкие и по типу очень напоминающие гиляцкие, гольдские и ольчские.</p>	<p>Длиннее роста человека, узкие, сильно выгнутые. Таких лыж не имеют уссурийские гольды, живущие приблизительно в одинаковых условиях с удэ(хе).</p>

Раньше орочи были оленеводами (родственные им ороки на Сахалине такими остались и по сие время). Впоследствии они потеряли своих оленей (массовый падёж) и вследствие этого перешли к собакам.

Орочи	Удэ(хе)
<p>Содержат много собак.</p>	<p>Содержат собак мало.</p>
<p>В нарту впрягается не меньше трёх пар.</p>	<p>В нарту впрягается сам человек и в помощь себе берёт три, редко четыре, собаки.</p>
<p>Есть передовая собака, которая ведёт всю свору и которой управляют голосом.</p>	<p>Передовой собаки вовсе нет.</p>
<p>Кроме обычной упряжи с карабинами, есть ещё так называемая парадная, сделанная тщательно и украшенная кисточками.</p>	<p>Парадной упряжи нет вовсе. Вообще, вся упряжка примитивная. Карабины в последнее время позаимствованы у гольдов.</p>

Нарты

Орочи	Удэ(хе)
<p>Ездовые нарты имеют загнутые полозья только спереди. Сверху в задней части устроен кузовок. Он оплетён верёвками или ремешками. Нарты эти удивительно похожи (можно даже сказать — тождественны) на коряцкие, гиляцкие и ольчские. Даже форма стоек и увязка их к полозьям почти одинаковы.</p>	<p>Нет вовсе.</p>
<p>Способ езды на нартах такой же, как и у коряков, гиляков, ольчей, т. е. верхом с одетыми на ноги лыжами.</p>	<p>Не ездят вовсе, а если и садятся на нарты, то сбоку, подняв обе ноги на воздух.</p>

Орочи	Удэ(хе)
Охотничьи нарты — без верхнего кузова и с загнутыми полозьями с обеих сторон. К передней стойке привязана длинная жердь, при помощи которой человек, идущий впереди, направляет её на занастившуюся дорогу; а тащат нарту собаки.	Единственный тип нарт, способ передвижения и управления смотри в отделе, где говорится о собаках.

Разница в жилищах у орочей и у удэ(хе) настолько резкая, что это замечали люди, которые никогда не занимались этнографией.

Летники из корья

Орочи	Удэ(хе)
Большие по размерам, так что в них можно свободно ходить. Кроме двускатной крыши, есть ещё и боковые стенки в рост человека. Посредине над огнём из жердей делаются стойки со стеллажами для сушки рыбы.	Настолько маленькие, что взрослый человек внутри них может ходить только согнувшись или переползая на коленях. Они представляют из себя двускатную крышу, непосредственно поставленную на землю. Чтобы корьё не коробилось, его снаружи прижимают лесом.

Зимние жилища

Орочи	Удэ(хе)
Делают бревенчатые домики по образцу гиляцких. С появлением русских позаимствовали у них способ отапливания железными печками.	Та же юрта, что и летник, но ещё меньше размерами, делается из накатника и сверху прикрывается землёй и сухой травой.

Стойбища

Орочи	Удэ(хе)
Стойбища большие и находятся истари на одних и тех же местах, но состав населения время от времени меняется в такой же мере, как и у оседлых народов. Вследствие этого постройки делаются прочно, аккуратно. Заметна склонность жить обществами.	Бродячие инородцы. Предпочитают жить в одиночку и всё время перекочёвывают с места на место в погоне за зверем и рыбой. Сплошь и рядом не убитый зверь переносится к дому, а обратно — вся семья перекочёвывает к тому месту, где находится добыча, и живёт там до тех пор, пока всё мясо не будет съедено. Вследствие этого все постройки делаются небрежно, кое-как. Вот почему в тайге встречается много пустых юрт.

Ещё больше различий мы найдём в обычаях по отношению к медведю. Видно, что у орочей они имеют большее значение, чем у удэ(хе).

Культ медведя

Орочи	Удэ(хе)
Существует праздник убиения вскормленного медведя, обставленный приблизительно таким же ритуалом, как у ольчей и гиляков на Амуре.	Совсем нет.
Съедание головы медведя входит в этот праздник.	Особый праздник съедания головы медведя, убитого на охоте, обставленный своеобразным ритуалом.

Зато в шаманстве удэ(хе) стоят впереди орочей. Чувствуется, что у последних оно заимствовано от соседей.

Шаманство

Орочи	Удэ(хе)
Слабое камлание и без пляски. Шаманов мало, — они не имеют большой силы.	Камлание сильное и часто сопровождается пляской. Шаманов много. Среди них есть очень сильные, способные пить кипящий жир и плясать в огне.
Шаманские посохи — весьма редкое явление. Обыкновенно они изображают ногу лося, немного согнутую в колене.	Шаманские посохи встречаются очень часто. Они покрыты резьбой и имеют на одном конце деревянное копьё, а на другом — ясновидящую человеческую голову, к которой привязываются крылья орла, филина или баклана.
Шаманская юбка шьётся из нерпичьей кожи (как у ольчей и гиляков) и не имеет украшений.	Шаманская юбка шьётся из синей материи, оторачивается цветными полосами, мехом хорька и притом всегда украшается изображениями тех животных, в образе которых являются духи шаману.
Нет вовсе.	Шаманская маска (хамбаба) вырезается из дерева и покрывается спиральными рисунками, как татуировка. Вокруг оторочена мехом медведя.
Нет вовсе.	Деревянные изображения духа (севохи) делаются по указанию шаманов для того, чтобы изгнать чёрта из дома больного. Они делаются из дерева, кости и железа и имеют вид людей, с звериной или птичьей головой, иногда одноногие с крыльями и т. д. Севохи, которые ставятся около жилища, бывают выше роста человека.
Нет вовсе.	Фуданку — изображение чёрта, которого надо изгнать из дому больного. Делается из соломы. В полночь выносятся наружу, разрываются на части и развеиваются по ветру.

Орочи	Удэ(хе)
Нет вовсе.	Шаманский женский передник, сшитый из выделанной лосиной кожи и надеваемый при камлании. По сторонам оторочен цветными полосками. Впереди на высоте пояса привешены огниво, трубчатая кость рыси и ещё два-три амулета.
Ручные погремушки из рыбьей кожи с камнями внутри, употребляются шаманками при камлании. Весьма схожи с такими же погремушками у гольдов и ольчей на Амуре.	Нет вовсе.
Нет вовсе.	Фигурные столбы «Т(х)ун» — место пристанища чёрта, украшенные обыкновенно разными изображениями людей, змей, птиц и животных.
Нет вовсе.	Маленькие «севохи», которые носят у пояса, называются амняху.
Нет вовсе.	Амулеты («мяонки»), например, кусочки свинца в красной тряпице, медный гвоздик, пришитый к коже, кость, завернутая в бересту, сердце рыбы в древесных стружках и т. д.

Шаманские маски, шаманский женский передник, изображения духов, помогающих шаману в борьбе с чёртом (севохи), фигурные столбы и амулеты — всё это донельзя напоминает американцев. Все американские этнографы, посещавшие музей в г. Хабаровске, были поражены сходством этих предметов с такими же у американских индейцев.

Кто такие удэ(хе)? Судя по языку — это тунгусы; физический тип их — смешанный, а по этнографическим признакам (предметы религиозного культа) — это американоиды. Судя по тому, что у них нет мореходной лодки, нет своего паруса, — они, вероятно, пришли в Уссурийский край сухопутьем. И так как у них в сказках нет ни северного оленя, ни больших снегов и никогда не упоминается о полярных сияниях, следует полагать, что они пришли или с запада, или с юга.

Кто такие удэ(хе)?

Перед нами одна из загадок этнографии.

В. Арсеньев

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

Къ Физикогеографической картѣ Уссурийскаго края.

- Пашаи.
- Мунгусы
- Дали
- Орочи
- Удэ (и)
- Уссурийскіе Волосы
- Амурскіе Волосы
- Мѣстности состоящие исключительно изъ русскихъ, китайцевъ и корейцевъ.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Обращение к читателям.....	4
Быт и характер народностей Дальневосточного края	17
В кратере вулкана.....	73
Вымирание инородцев Амурского края.....	95
Дорогой хищник. Охота на соболя в Уссурийском крае	109
За соболями. Скупщики пушнины на Дальнем Востоке	129
Искатели женьшеня в Уссурийском крае	147
Китайцы в Уссурийском крае.....	161
Командорские острова в 1923 году.....	317
Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири	359
Лесные люди удэгейцы	379
Тихоокеанский морж.....	415
Этнологические проблемы на востоке Сибири.....	437

Редакция постаралась максимально сохранить
особенности первоисточников:
расположение текстов, фотографий,
орфографию, пунктуацию автора

Редактор-составитель *Т. Ю. Якуба*
Координаторы работы с текстами *А. В. Воропаева, О. Н. Волкотрубова*
Поиск и подбор текстов для сканирования *М. Л. Балашова, Н. В. Радишаускайте*
Оцифровка текстов *Н. Ю. Разуваева*
Компьютерный набор текста *Н. А. Бабенко, О. Н. Горошилова, Е. С. Домнина,*
Е. Г. Дорошенко, Ю. В. Коваленко, О. Д. Косарькова, Е. С. Косогова,
И. В. Портянко, Т. О. Стельмакова, А. М. Фролова
Корректоры *З. М. Бугрова, Г. И. Казачук*
Консультанты *Т. В. Кирпиченко, А. В. Николашина*
Верстка *О. Н. Чурбанова*

Подписано к печати 22.08.2022
Гарнитура Literaturnaуа. Печать офсетная.

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 40,6.
Заказ 442. Тираж 800 экз.
Отпечатано АО «Хабаровская краевая типография».
680038, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

